СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),

О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер
В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Е. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:

Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

Статьи

РЕШЕНИЯ XXIV СЪЕЗДА КПСС И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В жизни, в истории народов Земли бывают события, которые, несмотря на расстояния и государственные рубежи, социальное противоборство и несхожесть образа мыслей, касаются всех. Всех, потому что так огромно воздействие события на мировое развитие. Конечно, разных людей касается оно по-разному: одни радуются, другие негодуют. И различие тут определяется всецело различием классовых интересов, философских взглядов и политических убеждений.

Именно такого рода событием, которое исключает безучастность людей, является XXIV съезд КПСС. Съезд обратил на себя самое пристальное внимание и наших искренних друзей, и наших откровенных противников. Друзья связывают с курсом съезда свои лучшие надежды, противники всячески пытаются хоть сколько-нибудь ослабить растущее воздействие политики КПСС на мировое развитие.

XXIV съезд КПСС заслушал и обсудил Отчетный доклад Центрального Комитета партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК товарищ Л. И. Брежнев, целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета, а также одобрил предложения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе. Съезд утвердил Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., о которых доложил Председатель Совета Министров СССР товарищ А. Н. Косыгин. Принято постановление о частичных изменениях в Уставе КПСС. Съезд выступил с Обращением «Свободу и мир народам Индокитая!» и Заявлением «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке!» Съезд единодушно избрал центральные органы партии.

Советский народ встретил исторические решения XXIV сезда КПСС всеобщим горячим одобрением. Съезд подвел итоги громадной работы партии и народа за последние годы, выработал политическую линию и научно обоснованную программу на предстоящий период. Он убедительно показал всемирно-историческое значение коммунистического строительства в СССР, того вклада, который вносят партия Ленина, весь советский народ в мировой революционный процесс.

Участие в работе съезда 102 делегаций коммунистических и рабочих, национально-демократических и левых социалистических партий из 91 страны придали ему характер международного форума активных борцов за мир, демократию, национальную независимость, социализм и коммунизм.

По глубине анализа, богатству идей и масштабности выдвинутых задач, по своему вкладу в творческое развитие марксизма-ленинизма XXIV съезд займет достойное место в истории КПСС, международного рабочего и коммунистического движения.

Как показано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, годы, минувшие со времени XXIII съезда, были годами напряженного труда нашего народа. Претворяя в жизнь планы, намеченные партией, советские люди сделали новый крупный шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии социалистических общественных отношений, повышении благосостояния трудящихся, воспитании нового человека. Еще более возросла ведущая роль рабочего класса, упрочились морально-поли-

тическое единство рабочих, крестьян и интеллигенции, братская дружба народов СССР. Укрепилась мощь и боеспособность Советских Вооруженных Сил. Истекший период был ознаменован дальнейшим ростом и укреплением нашей ленинской партии, упрочением ее связей с народом, возрастанием ее руководящей роли во всей жизни советского общества.

XXIV съезд КПСС дал глубокий марксистско-ленинский анализ международного положения СССР. Съезд отметил, что Центральный Комитет КПСС уделял большое внимание международным вопросам. Благодаря этому стали еще более надежными международные позиции нашей страны, возросла роль мировой системы социализма. Продолжал крепнуть и углубляться великий союз трех основных революционных сил современности — социализма, международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов.

Высоко оценив внешнеполитическую деятельность Центрального Комитета КПСС, съезд рассмотрел актуальные проблемы внешней политики партии и Советского государства и единодушно поддержал выдвинутые в Отчетном докладе Центрального Комитета основные направления борьбы против агрессивной политики империализма, за мир, безопасность народов и социальный прогресс. Эти направления — обеспечение вместе с другими социалистическими странами благоприятных международных условий для построения социализма и коммунизма, дальнейшее сплочение и развитие мировой социалистической системы, неуклонное проведение политики единства и интернациональной солидарности с рабочим движением в странах капитала, сплочение коммунистических рядов на марксистско-ленинской основе, поддержка национально-освободительной борьбы народов, расширение и укрепление связей с революционно-демократическими партиями развивающихся стран.

XXIV съезд КПСС подчеркнул, что, сознавая свой интернациональный долг, наша партия будет и впредь проводить такую линию в международных делах, которая способствует дальнейшей активизации всемирной антиимпериалистической борьбы, укреплению боевого единства всех ее участников и их авангарда — международного коммунистического движения.

Советский Союз вместе с другими братскими социалистическими странами противопоставляет агрессивной политике империализма политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности, последовательно отстаивает ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, дает решительный отпор действиям агрессивных империалистических сил. Верный своему интернациональному долгу, принципам миролюбивой ленинской внешней политики, наш народ оказывает братскую помощь героическому вьетнамскому народу. решительно требует прекращения агрессии американского империализма против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Вместе с другими братскими социалистическими странами Советский Союз предпринимает все необходимое, чтобы осудить и остановить агрессию израильской военщины и ее империалистических вдохновителей против арабских народов.

В урегулировании международных отношений важное значение имеет решение европейских проблем. Советский Союз вместе с другими социалистическими странами выступает за улучшение обстановки в Европе, за созыв общеевропейского совещания, за быстрейшее вступление в силу советско-западногерманского и польско-западногерманского договоров. Одно из важных направлений внешнеполитической деятельности нашей партии и Советского государства — борьба за прекращение гонки вооружений, как ядерных, так и обычных, за разоружение, вплоть до всеобщего и полного.

Внешнеполитический курс нашей партии находит глубокое понимание и горячее одобрение прогрессивного человечества на всех континентах планеты.

Коммунистическое строительство — большой и сложный общественно-исторический процесс. Он охватывает все сферы общественной жизни, но

главное в нем — создание материально-технической базы коммунизма. Директивы XXIII съезда КПСС по важнейшим социально-экономическим показателям выполнены. В результате созданы хорошие предпосылки для нового подъема экономики и культуры, для решения сложных задач новой пятилетки. О том, сколь велики достижения советского народа, исходя из которых партия строит планы на будущее, говорят следующие факты: за четыре дня в стране выпускается столько промышленной продукции, сколько царская Россия давала за год; в течение одного 1970 г. было получено промышленной продукции примерно в два раза больше, чем за все довоенные пятилетки, вместе взятые; только в восьмой пятилетке объем промышленного производства в СССР возрос в полтора раза, а национальный доход на 41 процент.

«Девятая пятилетка должна стать важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, строительстве его материально-технической базы, укреплении экономической и оборонной мощи страны,— подчеркнул в докладе товарищ Л. И. Брежнев.— Главная задача пятилетки состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда».

Рост благосостояния народа — высшая цель политики партии, и этот курс будет определять нашу деятельность не только в предстоящие пять лет, но и общую ориентацию хозяйственного развития страны на длительную перспективу.

XXIV съезд КПСС определил, что тяжелая индустрия и впредь остается фундаментом экономического могущества страны и дальнейшего роста благосостояния народа. Достигнутый уровень развития нашей экономики позволяет в новой пятилетке предусмотреть некоторое опережение темпов роста промышленности, производящей предметы потребления.

Подъем всей социалистической экономики, повышение жизненного уровня советских людей во многом зависят от успешного развития сельского хозяйства. Партия видит решающее условие выполнения этой задачи во всемерном укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, последовательном осуществлении курса на его интенсификацию путем химизации, комплексной механизации земледелия и животноводства, широкой мелиорации земель. За пятилетие предстоит увеличить национальный доход на 37—40 процентов. Выпуск промышленной продукции возрастет на 42—46, среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции на 20—22%, почти на треть повысятся реальные доходы в расчете на душу населения. Наряду с дальнейшим увеличением оплаты труда заметно вырастут общественные фонды потребления — на новые мероприятия по этим линиям выделяется 22 миллиарда рублей против 10 миллиардов за предыдущие пять лет. Широкое строительство позволит улучшить жилищные условия примерно 60 миллионам человек. Важное значение придается более полному обеспечению населения продовольственными и промышленными товарами, а также услугами, совершенствованию торговли, народного образования и здравоохранения.

Новые рубежи экономического развития, намеченные на девятую пятилетку, должны быть достигнуты главным образом за счет роста производительности труда и улучшения качества продукции, повышения эффективности общественного производства, более полного использования всех резервов. Партия наметила широкую программу лучшего использования производственных фондов и капитальных вложений, совершенствования структуры производства, планирования и управления экономикой.

Только труд, добросовестная и инициативная работа каждого являются главным условием успешного выполнения планов, намеченных партией,

только труд является источником богатства для всех. Труд создал человека десятки тысячелетий назад; труд делает человека человеком и поныне, воспитывая личность, формируя его характер и мировоззрение. Социализм и коммунизм — это торжество свободного творческого труда.

В области социальной политики партия будет осуществлять линию на дальнейшее укрепление единства советского общества, сближение классовых и социальных групп всех наций и народностей, неуклонное развитие социалистической демократии, все более активное привлечение масс к решению общественных и государственных дел, повышение коммунистической сознательности трудящихся.

Партия и впредь будет формировать у всех трудящихся научное марксистско-ленинское мировоззрение, воспитывать их в духе коммунистического отношения к труду, в духе советского патриотизма, гордости за свою социалистическую родину, в духе интернационализма, непримиримости к проявлениям национализма, шовинизма и национальной ограниченности, в духе уважения ко всем национальностям и народностям. На это должны быть направлены все средства идейного воздействия: пропаганда, агитация, печать, радио, телевидение, литература, искусство, общественные науки.

Успех коммунистического строительства, создание материально-технической базы коммунизма и на этой основе преобразование на коммунистических началах всей системы общественных отношений, формирование нового человека в огромной степени зависит от уровня развития науки и техники.

XXIV съезд КПСС уделил большое внимание дальнейшему развитию науки, определил главные направления развития естественных и общественных наук. Съезд с особой силой подчеркнул, что в современных условиях огромное значение приобретают разработка и практическое осуществление наиболее эффективных связей науки и практики, производства, органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Перед общественными науками стоят важнейшие задачи — проведение комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства.

Ускорение прогресса науки и техники является важнейшим фактором повышения эффективности общественного производства, его интенсификации, повышения производительности труда.

Для ускорения темпов научно-технического прогресса необходимо прежде всего повысить эффективность науки, интенсифицировать процесс научного творчества с тем, чтобы поток оригинальных научных идей во все большей степени питал производство, общественную жизнь.

Эффективность научного творчества зависит прежде всего от обоснованного прогнозирования и планирования, от состояния экспериментальной базы, материального обеспечения и финансирования, качества кадров и распределения их по отраслям знаний, от системы стимулирования научных работников, от обстановки в науке в целом и в каждом научном коллективе и т. д. Важно создать такие условия, чтобы можно было максимально использовать знания и опыт каждого научного работника, чтобы каждый ученый располагал возможностью для творчества, для разработки новых идей и их реализации.

Самым важным и сложным является планирование науки, выбор тематики, определение наиболее перспективных направлений научных исследований.

Коллектив Института археологии АН СССР, как и весь советский народ, завершил истекшую пятилетку новыми успехами в развитии археологической науки. Созданный в 1919 г. декретом Совнаркома за подписью

В. И. Ленина, Институт археологии АН СССР в 1969 г. отметил свое 50-летие.

Успехи института в развитии науки, в подготовке высококвалифицированных научных кадров высоко оценены партией и правительством, наградивших коллектив института орденом Трудового Красного Знамени. Ряд работ института удостоен Ленинской и Государственной премии. Но наряду с успехами у нас имеются и определенные недостатки и нерешенные проблемы.

Мы, археологи, как и все советские люди, хорошо понимаем, что успешное выполнение планов коммунистического строительства, намеченных XXIV съездом КПСС, зависит от вдохновенного труда всех трудящихся, в том числе и от работников науки.

Решения XXIV съезда КПСС ставят перед советской археологической наукой новые задачи, открывают новые перспективы.

Директивами XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. намечается широкая программа осушения и обводнения земель, строительства новых промышленных предприятий, транспортных магистралей, гидроэлектростанций, тепловых и атомных электростанций, каналов, водохранилищ и крупных оросительных систем, имеющих народнохозяйственное значение.

В зонах новостроек расположено большое количество археологических памятников, которые в процессе строительных работ могут быть подвергнуты разрушению или полному уничтожению.

В. И. Ленин не раз говорил об огромной ценности культурного наследия, о его значении для построения коммунистического общества. Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно уделяют большое внимание охране памятников истории и культуры, сохранению и изучению культурного наследия прошлых эпох. В постановлении Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948 г. и в Положении об охране памятников культуры, утвержденном Советом Министров СССР 14 октября 1948 г., указывается, что памятники культуры, истории и археологии являются всенародным достоянием. Совет Министров СССР обязывает все организации и учреждения, получившие разрешение на снос или застройку памятников, выделять средства на их исследование.

Наша задача — организовать более эффективную и планомерную работу по учету и исследованию всех памятников, которые могут быть подвергнуты разрушению или уничтожению в процессе строительства.

Для этой цели при Институте археологии АН СССР создана Комиссия по организации и координации археологических исследований на новостройках СССР. Аналогичные комиссии, по-видимому, необходимо создать во всех союзных республиках. Необходимо составить пятилетний план археологических работ на новостройках, согласовав его с научным планом института. Работая по такому объединенному плану, мы сможем спасти от разрушения многие сотни ценных для науки памятников и успешно решать важные научные проблемы.

В науке ныне происходят процессы, которые необходимо учитывать при организации исследований. С одной стороны, углубляется дифференциация наук, связанная с изучением новых явлений и процессов. С другой стороны, происходит интенсивный процесс интеграции наук, взаимного проникновения различных отраслей знания, сближения, казалось бы, далеких научных направлений. Системный, комплексный подход к изучению явлений — характерная черта современной науки.

Важное значение имеет тесная связь общественных и естественных наук. Такое содружество наук способствует решению ряда важных научных проблем. Археологи уже много лет работают в тесном контакте с физиками, географами, биологами и представителями других наук. Их участие в нашей работе уже дало положительные результаты. Поэтому нам необходимо продолжать объединять наши научные усилия с пред-

ставителями естественных наук, привлекать к нашей работе крупных специалистов-естественников. В то же время и археологам необходимо осваивать методы естественных наук, шире применять их в археологических исследованиях.

Одной из важнейших наших задач является борьба с буржуазной идеологией. Это непримиримая классовая борьба, в ней не может быть компромиссов. Мы живем в условиях острой неутихающей идеологической борьбы двух миров — социализма и капитализма — на международной арене. Империалистическая пропаганда использует в борьбе против мира социализма самые изощренные приемы. Интересы коммунистического строительства заставляют нас усиливать идеологическую работу, делать ее более активной, боевой, целеустремленной, наступательной.

Необходимо разоблачать буржуазную идеологию, ее реакционный характер, давать своевременный, решительный отпор идеологическим нападкам наших противников. Ошибочным и реакционным теориям буржуазных ученых мы должны противопоставить объективное марксистское толкование исторических процессов, утверждать марксистско-ленинскую историческую концепцию. Необходимо хорошо знать зарубежную научную литературу, учитывать все ее минусы и плюсы, вести серьезное соревнование с мировой археологической наукой.

Сейчас мы еще не можем сказать, что у нас есть хорошо разработанная целостная концепция первых этапов развития человеческого общества. Поэтому следует обратить особое внимание на исторические обобщения в археологических исследованиях. Большую роль в этом может сыграть Свод археологических источников. Эта форма источниковедческого обобщения очень важна как основа для широких исторических выводов. В нашем источниковедении преобладает микроисточниковедение и мы не всегда поднимаемся до широких обобщений. Чрезвычайно важны здесь хорошо обоснованные датировки археологических памятников и культур всех эпох на широкой территории. Разработка таких датировок — одна из важнейших задач археологического источниковедения. Необходимы большие синхронистические таблицы. В какой-то мере эта задача может быть решена в подготавливаемом к печати пятитомнике «Археология СССР», который должен быть итогом археологической науки на 70-е годы XX в.

В археологической науке есть две опасные тенденции. Первая — опережение исследования «теорией» (скорее, предвзятая идея). Но априорный метод исследования, конечно, не лучший в нашей науке. Вторая тенденция — накопление фактов, анализ материала без обобщений, постоянный эмпиризм без творческого конца. И, если дело доходит до какого-то исторического вопроса, некоторые археологи высказывают опасение, что выводы могут быть скороспелыми, преждевременными. Однако на определенном этапе исследования необходимо ставить перед собой задачи исторического обобщения. Любое обобщение — временно. С дальнейшим накоплением новых фактов, безусловно, появятся другие, более совершенные обобщения и выводы.

Одним из путей исторического синтеза может явиться подготовка археолого-социологического атласа. Он должен состоять из археологических карт (около 20 карт), охватывающих крупные регионы (Восточную Европу, Сибирь, Среднюю Азию и т. д.) от палеолита до начала нашей эры. Сейчас многие археологические культуры уже разработаны довольно тщательно. Поэтому пора приступить к составлению карт синхронных культур разных эпох, на которых культуры давать не в виде ареалов, а по памятникам. Такие карты одновременно могут служить и известным статистическим материалом. Необходимо также составить указатель археологических экспедиций за 1957—1972 гг., карты экспедиций и исследованных археологических памятников. Эти карты будут представлять значительный интерес. С их помощью можно выявить неисследованные

районы и решить ряд важных исторических вопросов, не в рамках одной культуры, а во всем многообразии исторического процесса. Карта — документ, для ее составления требуются факты, тщательная обработка археологического материала. Это будет объективным отражением археологических источников и послужит основанием для исторического осмысления разных эпох.

Важно также изучать переходные этапы от одной формации к другой. Задача трудная, но необходимая. Надо дать динамику развития, уловить темп исторического процесса.

Одной из наиболее сложных, но чрезвычайно важных проблем является проблема этногенеза. Самостоятельно решить эту проблему ни археологи, ни лингвисты не смогут. Надо координировать наши усилия и серьезно браться за решение этой проблемы, иначе наши исторические обобщения повиснут в воздухе, не будут доведены до логического конца.

Следует больше уделять внимания изучению идеологии первобытного общества и ее пережитков. Это нужная и интересная тема. В ней заложена очень важная воспитательная сторона — история религии, история мировоззрения, истоки искусства.

Мы мало занимаемся историей обмена и торговли, особенно в первобытную эпоху. Дать картину зарождения и развития обмена в недрах первобытного общества — задача важная и нужная. Необходим общий очерк от первых следов обмена до торговых путей средневековья. Не менее важно искать в археологическом материале следы отражения мировых событий на территории нашей страны.

Изучение смены индоевропейского населения в южнорусских степях тюрками — важная тема, решить которую могут только археологи. К таким темам относится и славянская колонизация VI — X вв. н. э. Необходимо также вновь вернуться к изучению истории татарского нашествия. Очень важна проблема происхождения городов, ее нужно ставить и решать как общую историческую проблему. Требует к себе внимания и тема по истории археологической науки. Нужна история археологической мысли, история открытий и ошибок, анализ всего, что было сделано в археологической науке. Это необходимо, чтобы избежать ошибок, увидеть пройденный путь, вспомнить забытые методы и открытия.

Необходимо продолжать нашу работу по археологии сопредельных стран. Большое значение в этом имеет дальнейшее развитие наших научных связей с социалистическими странами и совместные исследования важнейших проблем древнейшей истории.

Перед советскими археологами стоит большая и ответственная задача — написание археологии мира. Эту задачу мы можем и должны выполнить. Нам необходима археология мира, написанная с позиций марксистско-ленинского учения о закономерностях развития человеческого общества.

Все достижения археологической науки должны быть достоянием народа. Научно-популярную археологическую литературу любят и читают, интерес к ней очень большой. Надо дать нашему народу все то интересное, что знаем мы, археологи. Поэтому в наших планах надо больше уделять внимания написанию научно-популярных работ, очерков о древней истории нашей Родины, о древних периодах развития человеческого общества, о новейших открытиях археологов.

Разработка некоторых из вышеперечисленных проблем и больших тем — проблема этногенеза, археология мира и др. должна быть рассчитана на более длительный срок, чем предстоящее пятилетие. Поэтому необходимо уточнить научно-исследовательский план института на 1971—1975 гг. и наметить перспективный план на ближайшие годы.

Для успешного выполнения поставленных задач, дальнейшего развития археологической науки, повышения эффективности научных исследований необходимо обратить особое внимание на концентрацию научных

сил и средств для решения важнейших проблем науки, создания фундаментальных научных исследований. Отсюда возникает необходимость создания комплексных научных коллективов, в которых на время решения проблемы объединялись бы самые компетентные в ней специалисты. Большое значение в этом имеет и координация научных исследований Института археологии АН СССР (как головного археологического учреждения страны) с соответствующими институтами союзных республик, привлечение к решению важнейших проблем науки всех археологов страны.

Дальнейшее успешное развитие археологической науки зависит, прежде всего, от вдохновенного творческого труда всего коллектива советских археологов.

Вместе со всем советским народом сотрудники Института археологии АН СССР, воодушевленные историческими решениями XXIV съезда КПСС, будут и впредь вносить свой вклад в развитие советской науки, отдадут все свои знания и энергию борьбе за победу коммунизма.

С. Н. БИБИКОВ

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ВЕЛИЧИНА ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ КРЫМА

Относительная полнота изученности палеолита Крыма, особенно в культурно-историческом и релятивно-хронологическом аспектах, нашла свое отражение в многочисленных теоретических и конкретно-исторических публикациях. Однако остается еще немало актуальных проблем, требующих специальных исследований на основе методов, выработанных в современных условиях технического прогресса, и новых направлений в гуманитарных науках. К числу последних принадлежат и палеоэкономические изыскания.

В результате широких полевых исследований, проведенных почти за полувековое изучение крымских палеолитических поселений, удается более или менее подробно осветить различные стороны истории палеолитического человека, обитавшего в Крыму, его занятия, образ жизни, идеологию. Раскопки палеолитических местонахождений определили некоторые существенные особенности палеолитических памятников, их культурно-стратиграфическую структуру, планировку, размещение хозяйственных и бытовых комплексов. Естественноисторическое изучение палеолитических памятников позволило реконструировать физико-географическую обстановку, окружавшую древнего человека на разных этапах его развития.

Сочетание результатов геологических, палеозоологических, геоморфологических, палеогеографических и палеоботанических исследований и составило естественноисторический фон, органически слитый с социально-экономической историей палеолитического человека в Крыму. Сейчас, таким образом, созданы предпосылки, ведущие к новой ступени изучения палеолита Крыма, связанной с исследованиями палеоэкономического характера. Речь идет о проблемах взаимозависимости человека и природы в активном ее проявлении, об изучении региональной палеодемографии, установлении соответствий между численностью населения и пищевыми ресурсами в условиях присваивающего хозяйства, размещении источников питания, исчислении величины охотничьих площадей и потребностей человека в биологическом продукте в конкретно-исторических регионах. Такие задачи направлены на изучение жизненно важных проблем истории первобытного общества. Решение их значительно расширяет круг археологических исследований, придает им экономическую направленность, а следовательно, укрепляет материалистические основы археологической методологии.

Многолетним комплексным изучением палеолитических убежищ Крыма установлено, что на протяжении плейстоцена природная среда подверглась довольно существенным изменениям в связи с периодическим оледенением восточноевропейской равнины. Рельеф же и положение речных долин не претерпели в позднем антропогене сколько-нибудь существенных изменений.

Уровень стояния грунтовых вод, видимо, остался неизменным. Об этом говорит расположение палеолитических поселений вблизи от древних водоемов, примерно на тех же уровнях залегания по отношению к руслам рек, что и в эпоху палеолита. На определенную устойчивость подземной гидросети указывает, например, источник у грота Киик-Коба, которым

пользовались киикобинские неандертальцы [1]. Мало изменилась и конфигурация большинства пещерных убежищ. Залегание культурных остатков в них часто соответствует современным внутренним контурам таких убежищ [2]. Сказанное, однако, вовсе не умаляет значения естественноисторических видоизменений, внесенных в природу Крыма в плейстоцене.

При общей осведомленности в вопросах развития культуры человека и природной среды в эпоху палеолита в Крыму остаются неясными конкретные факторы, обеспечивавшие жизнедеятельность палеолитических обществ.

В Крыму можно наметить два основных ареала расселения древнепалеолитического человека. Один, связанный с центральным и восточным Крымом, лежит к востоку от воображаемой продольной осевой линии, рассекающей Крым в направлении Сиваш — Симферополь — Ялта. Это условно называемый восточный ареал. Второй ареал, западный, занимает юго-западный Крым — территорию к западу от осевой линии.

В границах восточного ареала находятся хорошо известные поселения мустьерцев: гроты Чокурчинский, Волчий и Киик-Коба, пещера Аджи-Коба (нижний горизонт). В 1967 г. В. Ф. Петрунь открыл на правобережье р. Большая Карасевка, в районе г. Белогорска, в полукилометре от обрыва куэсты Белая гора (Ак-Кая) значительное скопление мустьерских кремней. Здесь же им была замечена группа карстовых образований — ниш и навесов, которые могли служить убежищами древнему человеку. Поселение, названное В. Ф. Петрунем Заскальное, расположено на очень удобной местности с ближайшими выходами в степь и горы, с хорошим обзором и близким месторождением кремня [3]. Тут же в 1969—1970 гг. Ю. Г. Колосов произвел успешные раскопки и разведки, подтвердившие предположение В. Ф. Петруня о наличии в окрестностях Белой горы остатков мустьерской культуры, в том числе и скрытых под скальными обвалами [4]. В одном из пунктов был обнаружен великолепный мустьерский многослойный комплекс.

В пределах восточного ареала обнаружены и пункты с малым числом находок кремней мустьерского облика. К таким местонахождениям принадлежат пещеры Кош-Коба и Чагарак-Коба.

В окрестностях таких пещерных поселений, как Киик-Коба и Волчий грот, в большем или меньшем числе встречены мустьерские кремни. Отдельные древнепалеолитические находки сделаны у с. Мазанки на р. Бештерек, на Караби-Яйле у метеостанции (О. Н. Бадер), в районе Судака (Е. Н. Невесский) и восточнее Алушты (А. А. Щепинский). Немного кремня найдено в пещере Красной на Долгоруковской Яйле (Ю. Г. Колосов). Надо отметить и два пункта находок, правда мало выразительных кремней на Керченском полуострове [5].

В западном ареале к числу относительно долговременных поселений могут быть отнесены известные пещерные убежища: Шайтан-Коба, Староселье, Бахчисарайское поселение, Кабази I, навес в балке Холодной. Можно отметить также и определенную сгруппированность вокруг стационарных поселений небольших стоянок или даже отдельных находок кремневых изделий. В окрестностях погребенного навеса Кабази на Альме, после исследований А. А. Формозова, было обнаружено по крайней мере еще два пункта залегания мустьерских культурных остатков (Кабази 2 и

---

[1] С. Н. Бибиков. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. БКИЧП, 21, 1957, стр. 79—86.

2 Там же, стр. 82, 83; В. П. Любин. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба. СА, 1969, 2, стр. 244—246.

[3] В. Ф. Петрунь. О материале каменных орудий Крымского палеолита. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 3—12.

[4] Ю. Г. Колосов. Нові мустьєрські стоянки в Криму і перспективи їх дослідження. ВАН УРСР, II, 1970, стр. 47—50.

[5] Н. Д. Праслов. Палеолитические находки в восточном Крыму. Сб. «Археологические открытия 1966 года», М., 1967.

3). Причем один из них, по-видимому, тоже перекрыт рухнувшим сводом карстового образования [6].

В районе второй гряды, а также в межгорье второй и третьей гряд, в междуречье Альмы и р. Бодрак еще сотрудники Г. А. Бонч-Осмоловского неоднократно находили единичные или небольшими группами мустьерские кремни. Такие находки повторялись здесь и в последние годы С. К. Накельским, Л. Г. Мацкевым, В. Ф. Петрунем и Л. С. Билокрысом. Ю. Г. Колосов извлек несколько мустьерских кремней из навеса Шайтан-коба 2, расположенного напротив основного мустьерского поселения. Древнепалеолитические кремни были найдены и в долине р. Бодрак в районе урочища Бакла, а также у с. Партизанское (б. Мангуш). Здесь же находятся и богатейшие месторождения кремня. Единичные находки мустьерских кремней сделаны за околицей Бахчисарая: в Осиповой балке (Н. П. Кацур, В. Ф. Петрунь), на подъеме к Чуфут-Кале (Э. А. Дубинская, А. А. Формозов), около Успенского монастыря (А. А. Формозов), в районе Тепе-Кермена (В. Ф. Петрунь).

Обследование междуречья Западного Булганака и Альмы дало, кроме обнаружения навеса в балке Холодной, несколько пунктов с находками мустьерских и возможно позднепалеолитических кремней. Сделаны они в нижнем течении р. Альмы, в условиях всхолмленного рельефа с террасообразными уступами, на некоторых участках, быть может, отвечающих 3—4 террасам р. Альмы [7]. Для местного рельефа характерны неглубокие балки, буераки. Мустьерские кремни найдены не только на выдувах и размытых участках, но и в коренных галечниках самой высокой террасы. Находки состоят из типичных мустьерских отщепов, в том числе и треугольных очертаний, снятых с дисковидного нуклеуса, обломков орудий. Среди последних есть экземпляр с крупнофасеточной ступенчатой ретушью. Кремень, судя по цвету и структуре, происходит из мангушского месторождения на р. Бодрак.

Геоморфология междуречья рек Альмы и Черной, включающего бассейны рек Качи и Бельбека в их среднем и нижнем течениях, дает основания для поисков мустьерских местонахождений, тем более вероятных, что в низовьях Качи были уже сделаны сборы мустьерских кремней (с. Эфендикой) [8]. Отдельные находки или скопления мустьерских кремней, иногда сопровождавшиеся остатками четвертичной фауны, сделаны, например, на взгорье правого берега ручья Кубалар-Су, у северо-восточной окраины Байдарской долины в пещере Темной (Карань-Коба) [9], в урочище Чорна Терля на правом берегу р. Чорная в ущелье Боклу-Дере [10]. Мустьерские кремни находились и на плато первой гряды Крымских гор — на Бабуган яйле (А. С. Ковалевский), на Ай-Петринской яйле (Л. Н. Соловьев) [11]. В северо-западном Крыму у берега Сиваша и на о. Китаевском недавно обнаружены два пункта с находками мустьероподобных кремневых комплексов [12].

На первый взгляд, находки 16 мустьерских пунктов в Заскальном у Белой горы нарушают теперь уже повторяющуюся картину, когда вокруг стационарных поселений группируются пункты с малым числом

---

[5] А. А. Формозов. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму. СА, XXIX—XXX, 1959; В. Ф. Петрунь, Л. С. Білокрис. Нові знахідки камъяного віку в Криму. «Археология», XIV, Київ, 1962, стр. 167—183.

[7] Разведки С. Н. Бибикова и Ю. Г. Колосова в 1964 г.

[8] А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, 54, 1954; его же. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958, стр. 77.

[9] «Природа», 1958, 3, стр. 115.

[10] С. А. Трусова. Краткий обзор работ крымской палеолитической экспедиции 1936 г. СА, V, 1940, стр. 301.

[11] Ю. Г. Колосов. До питання про заселення Кримських яйл в камъяну добу. «Археологія XIX», Київ, 1965.

[12] Сообщение А. А. Щепинского на заседании отдела археологии Крыма в январе 1971 г.

находок. Однако уникальность местонахождений у Заскального, поражающая многочисленностью пунктов и собранного на них материала, сосредоточенного на очень ограниченном участке протяженностью всего в 3 км, потребует еще своего объяснения. Пока же можно констатировать на основании многослойности основного поселения и разнородности собранного материала его большой хронологический диапазон, а также, по-видимому, исключительность расположения заскальнинских местонахождений в смысле обеспеченности их охотничьими ресурсами. Выдающееся значение открытий в Заскальном для проблемы времени и путей заселения юга СССР, для уточнения хронологической и культурно-исторической характеристики эпохи мустье трудно переоценить.

В размещении основных мустьерских памятников в Крыму обращает на себя внимание рассредоточенность их по течениям рек, примерно по одному памятнику на бассейн реки. На р. Большая Карасевка располагается Заскальное, на р. Зуе — Киик-Коба, на р. Бештерек — Волчий грот, на Малом Салгире в Симферополе — Чокурчинский грот, на р. Западный Булганак — поселение в гроте Холодная балка, на р. Альме — Кабази, на р. Бодраке — Шайтан-Коба, на р. Чурук-Су (приток р. Качи) — Староселье и Бахчисарайское поселение. Такое размещение мустьерских поселений отражает реальную картину расселения мустьерских семейно-родственных производственных групп в пределах освоенных каждой из них охотничьих территорий. Это наблюдение подкрепляет положение В. П. Любина о вероятности владения древнепалеолитическими общинами определенными территориями, угодьями, на правах общинной (первобытной) собственности [13] (рисунок). При всем том, что известно о хронологическом соотношении между стационарными мустьерскими поселениями и стоянками, расположенными в относительной близости от них, остается все же некоторая шаткость в положительных заключениях о синхронизации их. Только с помощью дальнейшей детализации типологических разработок можно будет с уверенностью устанавливать хронологическую и культурно-историческую взаимозависимость между постоянными и временными охотничьими поселениями и стоянками в мустье Крыма.

Характер расположения оседлых мустьерских поселений пещерного типа аналогичен для западного и восточного ареалов. Они ориентированы по преимуществу на степные участки, приподнятую степь с всхолмлениями или увалами, весьма удобные для охоты с помощью скрадывания. Поселения расположены на границе степи и гор, у выхода рек из горных теснин на пониженные участки рельефа, или под карнизами относительно высоких куэст, перекрытых широкими плоскогорьями с карровыми полями и богатой травянистой и лесной растительностью.

Согласно остеологическим данным из мустьерских местонахождений, в обоих ареалах основными промысловыми животными были осел и сайга — представители сухих степных и полупустынных ландшафтов. Далее следуют лошадь и мамонт. Последний занимал области с древесной и кустарниковой растительностью, примыкающие к предгорью. Для фауны обоих ареалов характерно сочетание лесостепных и степных форм, например благородного оленя, гигантского оленя, зубра и др. Однако количество этих форм по сравнению с животными открытых пространств в общих списках занимает подчиненное место. Фауну восточного ареала отличает наличие большого числа костей мамонта (Чокурча, Волчий грот, Заскальное). По массовости костей и характеру их залегания они очень напоминают скопления костей мамонтов, составляющих развалы долговременных жилищ, исследованных на восточно- и центральноевропейских позднепалеолитических поселениях [14].

[13] В. П. Любин. Нижний палеолит. Каменный век на территории СССР. МИА, 166, 1970, стр. 39—40.

[14] В. П. Любин. Нижний палеолит, стр. 39.

Некоторое различие в фаунистических комплексах восточного и западного ареалов состоит также и в том, что в остеологических материалах восточного ареала наблюдается несколько большая примесь лесных форм. Но для восточного ареала характернее сайга, чем осел, кости которого составляют основной компонент фауны западного ареала. Впрочем, такое впечатление возникает вследствие подавляющей массовости костей дикого осла, по сравнению с сайгой в навесе Староселье. Правда, и для фауны из

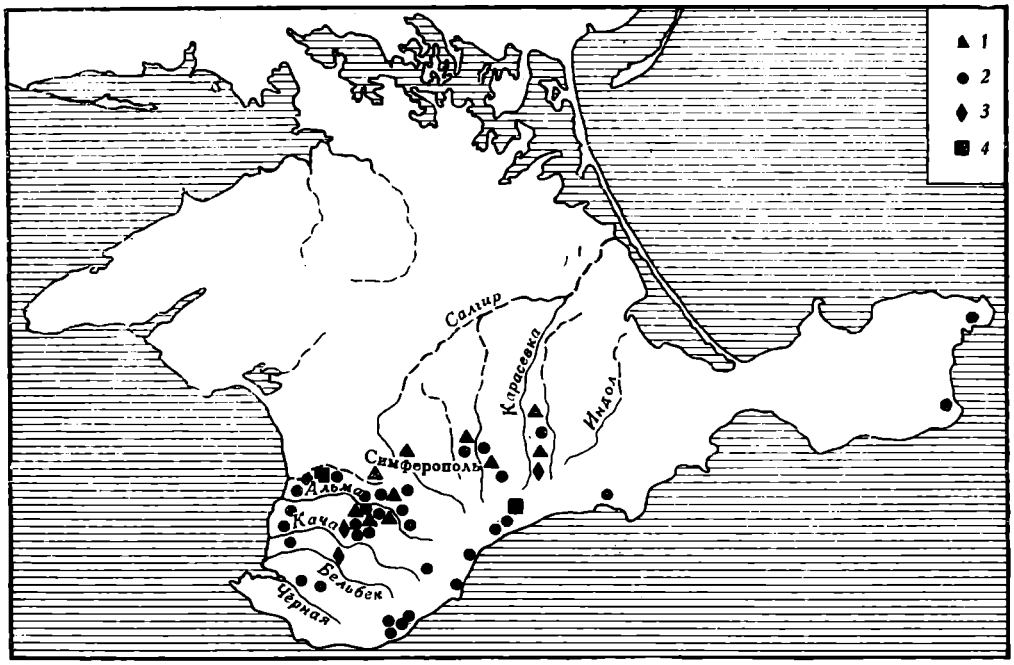


Рис. 1. Схема расположения палеолитических поселений и стоянок в Крыму.

1 — мустьерские поселения, *2* — мустьерские стоянки, *3* — позднепалеолитические поселения, *4* — следы позднепалеолитических стоянок

Шайтан-Коба тоже — отмечается присутствие сайги в значительном количестве 36%). Как уже отмечалось, самой характерной чертой плейстоценовой фауны мустьерских поселений является изобилие остатков осла и сайги, т. е. очень распространенных видов степей и полупустынь. Появление их здесь в массовых количествах находит свое объяснение в природной цикличности.

На юго-западе и в восточной части Крыма, за исключением быть может Керченского полуострова, дольше, чем в северных районах продолжался вегетационный период. На возвышенных участках степи и плато предгорий, на развеянных участках склонов легче найти подножный корм, чем в северных и восточных холодных степях, к тому же имевших, в отличие от предгорий, и малое число пресных водоемов. В юго-западном Крыму и в восточных районах предгорий в осенне-зимний сезон скапливались огромные стада широко мигрирующих животных (осел, сайга, лошадь). Заходил сюда и мамонт. В этих своеобразных природных убежищах для дичи и велась на нее очень добычливая охота.

Массовые находки костей животных в Староселье, в Шайтан-Коба (при очень небольшой жилой площади основного грота), в Чокурчинском гроте, а также в верхнем слое Киик-Коба, дают представление о масштабах охоты в мустьерское время. Даже по фактическим подсчетам особей, ставших охотничьим трофеем обитателей навеса Староселье, ими было забито больше 400 диких ослов. На самом же деле старосельцами было истреблено, как полагают, около 1200 особей. Произведя примерный расчет всего мясного баланса восстановленного по всем видам промысловых животных, кости

которых найдены в Староселье, а также принимая за среднее число жителей на поселении до 20 человек, можно, опираясь на данные этнографии, дающие среднюю норму потребления чистого мяса до 500—600 *г* на человека, установить таким путем и примерную периодичность заселенности навеса в 80—90 осенне-зимних сезонов.

Итак, несмотря на то, что расположение мустьерских стационарных поселений обычно связывается с зоной второй гряды Крымских гор, с периферийными склонами, обращенными к речным долинам, занятия мустьерцев, их образ жизни и бытовой уклад связаны были в большей мере со степью и полупустыней нежели с горными массивами Крыма. Сказанное, конечно, совсем, не означает экономическую оторванность мустьерцев от горных районов.

Мысль о заселенности пещер только в осенне-зимнее время не нова и высказывалась уже советскими и зарубежными исследователями. Однако использование этого заключения для экономических интерпретаций пока еще не практиковалось. В весенне-летнее время надобность в пещерных убежищах отпадала или значительно сокращалась. Коллективы охотников, разделившись на более мелкие производственные ячейки, организованные быть может по признаку прямого родства, переходили на более подвижный образ жизни. Мельчайшие стерильные прослойки в культурных отложениях пещер, переслаивание их капролитами пещерной гиены, маркируют горизонты, периодически не заселенные (Чокурча, Шайтан-Коба). Десятки же пунктов с находками мустьерских кремней, главным образом на открытых местах, указывают на временные стоянки охотников и собирателей. Они фиксируют передвижения мустьерцев из долин в горы, где, вероятно, велась интенсивная охота на лесного зверя.

Природные условия, сложившиеся в Крыму в мустьерское время, создали широкие возможности для собирательства. Заходили мустьерцы и на южное побережье Крыма, дающее продукты растительного собирательства и возможности сбора продуктов выбрасываемых морем. Учитывая местоположение и концентрацию мустьерских поселений и стоянок, общий уровень развития производительных сил и ряд других факторов, можно, в границах известных приближений, исчислить площадь наиболее активной охотничьей деятельности по ареалам.

В западном ареале наиболее удобная для охоты скрадыванием и загоном площадь составляла примерно 1500—1600 *км*^{2}. Она располагается между р. Черной на юге и р. Западный Булганак на севере. Западная граница этой территории упирается в морское побережье, восточная во вторую гряду Крымских гор, и на северо-востоке — в р. Салгир. Эта площадь включает нижнее и среднее течение рек Черной, Бельбека, Качи, Альмы, Западного Булганака и левобережья среднего Салгира.

К северу от этого района располагается менее пригодный для добычливой охоты участок, без сколько-нибудь значительных пресных водоемов, не считая на востоке излучины Салгира. Величина этого участка около 2000 *км*^{2}. Простирается он примерно от Западного Булганака до широты Евпатория — Октябрьское. Еще севернее расположена открытая, в прошлом ковыльная степь, почти лишенная пресной воды, кроме небольшой речки Чатырлык, впадающей в восточную часть Каркинитского залива. Таким образом, площадь охотничьих угодий западного ареала в целом составляла примерно 3500 *км*^{2}.

Восточный ареал занимал несколько бóльшую площадь. На юге его граница подходила к отрогам первой гряды гор, на севере, северо-западе и западе — к р. Салгир. На востоке граница, вероятно, доходила до Керченского перешейка. Район этот тоже богат пресной водой. Здесь протекают, кроме главной водной артерии Салгира, речки Бештирек, Зуя, Бурульча, Большая и Малая Карасевки, Восточный Булганак, Индол и др. Восточный ареал тоже, вероятно, включал район наиболее интенсивной охоты. Он занимал преимущественно средние и верхние течения протекающих здесь

рек, впадающих справа в Салгир. Район менее интенсивной охоты лежал севернее излучины р. Салгир и охватывал низовья этой реки, примыкающие к Сивашу. Величина охотничьих угодий восточного ареала была немногим больше 4500 *км*^{2}.

Таким образом, общая площадь активно используемых охотничьих угодий в палеолите Крыма едва ли была больше 8000 *км*^{2}. Данными расчетами вовсе не ограничиваются возможности эпизодического освоения (но не заселения) крымского высокогорья, Южного побережья, северного Приазовья, а возможно и Керченского полуострова. Эти районы, по-видимому, посещались только в весенне-летнее время.

Итак, мустьерские памятники Крыма отмечают различные сезонные формы производственной деятельности человека — осенне-зимнюю охоту преимущественно на копытных степных животных и весенне-летнюю охоту на степных и лесных животных. Причем последняя сопровождалась активным собирательством. Мустьерские охотники в летнее время выходили и к морскому побережью. Сказанное не следует понимать в абсолютном значении, а скорее как проявление определенных, сезонных тенденций в образе жизни мустьерского человека, связанных с экологической причинностью.

Как уже говорилось, расчеты возможных величин и размещения основных охотничьих угодий в известной мере условны. Пока же можно принять за основу приведенный выше расчет площади, занятой под активной охотой, обеспечивающей потребность мустьерских коллективов в биологическом продукте и естественное воспроизводство дичи на единицу площади. Величина основных охотничьих угодий в мустьерское время, как было сказано, составляла примерно 8000 *км*^{2}. Это грубо говоря, несколько больше 1/3 общей территории Крыма, где степь занимает 21 000 *км*^{2}, горы около 3000 *км*^{2} и полоса южного побережья около 2000 *км*^{2}.

Имея данные о количестве стационарных охотничьих поселений мустьерского времени в Крыму, можно попытаться определить количество населения, обитавшего здесь в древнем палеолите. Конечно, приведенные ниже расчеты тоже не могут иметь абсолютного значения, но они бесспорно приближают к реальному пониманию исторической действительности. Для общих расчетов должны быть привлечены памятники только стационарного типа, т. е. осенне-зимние поселения в пещерных убежищах. Именно здесь собирались на зимовки все кровные родственники, члены охотничьей общины, организовывались совместные облавные охоты на мигрирующую дичь и хищников, осуществлялись брачные союзы и совершались различные обрядовые действия.

Компактность расположения культурных остатков в пещерах, четкие границы жилых площадок, доступность подсчетов очагов по плоскостному и вертикальному залеганию, равно как и получение статистических данных по другим археологическим остаткам, делает стационарные поселения в карстовых образованиях наиболее надежным источником для получения объективных демографических характеристик и палеоэкономических расчетов. В западном ареале крымских мустьерских памятников известно сейчас по крайней мере пять поселений стационарного типа (Кабази, навес в Холодной балке, Шайтан-Коба, Староселье, Бахчисарайское поселение). Принимая во внимание их величину, конфигурацию жилых площадок, размеры и число очагов, а также распространенность культурных остатков и литологическое залегание их, представляется возможным произвести расчет на среднюю численность охотничьего коллектива, проживающего в пещерном убежище.

Общие расчеты, включающие и этнографические свидетельства, почерпнутые у охотничьих племен, показывают, что каждый охотничий коллектив мустьерцев, спаянный семейно-родственными узами с экзогамными правопорядками, мог состоять из 3—4 малых семей, по 4—5

человек в каждой семье. Учитывая очень большой процент смертности в детском и более зрелых возрастах в древних обществах [15], мустьерская семья редко включала родичей третьего поколения.

Если в западном ареале в мустьерское время действительно существовало пять стационарных поселений, максимально с четырьмя семьями в каждом поселке, или 20 обитателями в нем, то во всем ареале проживало примерно 100 человек. Тот же расчет, сделанный для восточного ареала, включающего тоже пять стационарных осенне-зимних поселений: Чекурча, Волчий грот, Заскальное, Киик-Коба (верхний горизонт), Аджи-Коба, дает тоже число обитателей около 100 человек. Таким образом, прямые расчеты для обоих ареалов показывают численность мустьерского населения Крыма минимум в 200—220 человек. Этот показатель и может служить отправным для дальнейшего совершенствования расчетов, внесения поправок, уточняющих элементарную методику расчетов[16].

Допустим, однако, что несмотря на относительно полную полевую изученность палеолита Крыма и сравнительную доступность выявления оседлых мустьерских поселений, какая-то часть из них еще не обнаружена и находится под скальными завалами типа тех, в которых находятся поселения у Заскального (Ак-Кая), Кабази или в районе Бахчисарая[17]. И все же слишком преувеличивать количество необнаруженных мустьерских местонахождений не следует.

Многолетними и планомерными разведками на палеолит в карстовых образованиях были охвачены почти все районы Крыма и особенно предгорные и горные. В результате было обследовано немногим менее тысячи карстовых горизонтальных полостей — пещер, гротов и навесов. Причем после того, как был обнаружен Чокурчинский грот, обращенный на север, шурфовке подвергались все подходящие по габаритам полости. Кроме того, был повторно обследован ряд пещер, имеющих теневую экспозицию. Результаты этой огромной работы показали, что среди карстовых образований только в 10 размещались относительно долговременные поселения. Это составляет всего лишь около 1/100 доли процента к общему числу обследованных полостей. Сплошное обследование карстовых образований принесло и другое важное наблюдение, а именно возможность точной локализации постоянных мустьерских поселений на сравнительно ограниченной площади в зоне второй гряды гор и межгорья второй и первой гряд.

Если все же пренебречь приведенными данными и умозрительно повысить, скажем, вдвое число постоянных поселений мустьерского времени, доведя их до 20, то и в этом случае общая демографическая картина и зоны заселения человеком Крыма мало изменяется. Однако такое произвольное и фактически не обоснованное повышение числа постоянных мустьерских поселений сразу же вступает в непримиримое противоречие с полнотой обследованных территорий, где находятся стационарные мустьерские поселения. Это, во-первых. А во-вторых, чтобы сохранить практически установленное соотношение между заселенными и незаселенными пещерами, выраженное в пропорции 1 : 100, нужно разыскать и обследовать дополнительно многие сотни пещер, которых в действительности не существует. Следовательно, и дальнейший поиск новых стационарных мустьерских поселений не кажется очень перспективным.

---

[15] В. П. Алексеев. Популяционная структура человечества и историческая антропология. СА, 1970, 3, стр. 16, 22, 23.

[16] В. Ф. Исаенко полагает, что на территории Белоруссии даже в мезолите проживало всего лишь несколько сот человек. И только в позднем неолите количество населения возросло до 3—5 тыс. человек и удваивалось затем каждые 200 лет. Этот рост населения явился следствием внедрения производящих форм хозяйства. (В. Ф. Исаенко. О переходе древних обитателей к производящему хозяйству. Тезисы докладов по археологии Белоруссии. Минск, 1969, стр. 31).

[17] Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. БКИЧП, 9, 1947, стр. 23—28.

Другое дело — поиски временных стоянок и отдельных местонахождений мустьерских кремней. Специальный розыск таких пунктов, естественно, очень затруднен, прежде всего вследствие малой концентрации на них находок. Обнаружение стоянок и отдельных мустьерских кремней обычно является делом случая. Однако, в отличие от стационарных поселений, количество их будет нарастать, фиксируя следы передвижения мустьерских охотников и собирателей. Такие малые местонахождения не могут привлекаться для расчетов палеоэкономического порядка и служить для определения плотности населения[18].

Оставаясь на исходных исчислениях количества населения в Крыму в мустьерское время в 200 человек, в обоих ареалах, и делая подушный расчет на единицу площади в зонах активной охотничьей деятельности на основных и дополнительных площадях, получаем: 1 чел. на 40 *км*^{2}, а вместе с горным и прибрежным районами, этот показатель возрастает до 65 *км*^{2} на 1 чел. Выведенный показатель даже в своем максимальном подсчете все же меньше принятого некоторыми исследователями в работах, посвященных позднему палеолиту (Брейвууд, Батцер, Будыко).

Несколько иные явления наблюдаются в природе и общественной жизни в позднепалеолитическое время, о чем свидетельствуют и памятники этого времени. Прежде всего, число позднепалеолитических поселений в Крыму сокращается более чем втрое. Сейчас известно три стационарных позднепалеолитических поселения в скалистых убежищах. И это при всех равных условиях с мустье в смысле длительности поисков, величины обследованных территорий, знания точной локализации позднепалеолитических памятников. Такое уменьшение количества памятников позднего палеолита в сравнении с мустьерскими тем более удивительно, что в пределах южной половины Европейской части СССР, а также Центральной и Западной Европы наблюдается обратное явление. На многие сотни позднепалеолитических памятников приходятся десятки среднепалеолитических. Трудно пока утверждать, что преобладание мустьерских памятников в Крыму над позднепалеолитическими является отражением каких-то общих исторических закономерностей. Но нельзя не заметить нечто подобное для палеолита Кавказа и Закавказья, а также палеолита некоторых южных областей Старого Света. Это наблюдение должно послужить еще одним доводом в пользу отнесения Крыма к палеолитической ойкумене Южного пояса. Однако сейчас мы не будем развивать и объяснять это важнейшее положение, а возвратимся к нашей основной теме.

В границах Западного ареала в Крыму находятся два позднепалеолитических памятника — Сюрень I на р. Бельбек и Качинский навес, на р. Кача. Оба памятника представляют собой очень просторные навесы (особенно Сюрень I) и располагаются вблизи выхода рек из суженных долин, на пониженные участки рельефа, связанные с третьей грядой гор разложистыми долинами рек и приподнятой приморской степью. Словом, позднепалеолитические поселения повторяют экспозицию мустьерских стационарных поселений.

---

[18] В связи с этим теряет свою остроту критическое замечание А. А. Формозова, сделанное им в адрес Г. А. Бонч-Осмоловского. В давние годы Г. А. Бонч-Осмоловский попутно заметил, что Франция была гуще заселена в палеолите, чем Крым. Сказано это было под впечатлением посещений французских местонахождений в Ле-Зейзи, т. е. в округе, очень насыщенном палеолитическими, к тому же и разновременными, памятниками. А. А. Формозов, опираясь на открытие им погребенного навеса в Кабази и придавая этому особое значение для дальнейшего приумножения пещерных палеолитических местонахождений, противопоставил Г. А. Бонч-Осмоловскому свою точку зрения о высокой заселенности Крыма в палеолите. Спор этот лишен был должных обоснований ввиду отсутствия сравнительных критериев, условий для возможных сопоставлений величин обследованных площадей, числа находящихся на единицу площади памятников и т. д. (А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье..., стр. 13).

Навес Сюрень I подробно исследован Г. А. Бонч-Осмоловским, и ему принадлежит надежное истолкование стратиграфически сложного залегания культурных остатков. Качинский навес, как и Сюреньский, первоначально изучался первооткрывателем крымского палеолита К. С. Мережковским. Сведений о залегании культурных остатков в Качинском навесе не сохранилось. Четвертичные отложения в нем были полностью разрушены при прокладке еще в дореволюционные годы шоссейной дороги через навес. Сохранилась только довольно большая коллекция, содержащая перемешанные из разных слоев кремни. Относительная массовость материала позволяет предположить, что в Качинском навесе было поселение значительных размеров.

В восточном Крыму, в границах восточного ареала, известно пока одно позднепалеолитическое поселение — в пещере Аджи-Коба (верхний слой), предварительно исследованное Г. А. Бонч-Осмоловским и С. А. Трусовой. Оно находится на западном склоне Караби Яйлы под карнизом Яйлинского нагорья. Верхний слой этого местонахождения поврежден обвалами и водными затеками. Находки, происходящие из него, не многочисленны. Тем не менее весь комплекс сделанных здесь находок вместе с орудиями труда, отходами обработки кремня, остатками фауны говорит в пользу того, что здесь было поселение стационарного типа.

Итак, в Крыму установлено пока три позднепалеолитических поселения. Что же касается временных стоянок и отдельных находок, то они почти не встречаются. Невыразительные находки кремней, сделанные на Караби Яйле и в междуречье западного Булганака и Альмы, пожалуй, исчерпывают сведения о выходах позднепалеолитических людей за пределы постоянных мест обитания. Кроме того, есть одно указание на посещение позднепалеолитическими охотниками морского побережья.

Столь резкая диспропорция в количественном соотношении между мустьерскими и позднепалеолитическими поселениями, почти полное отсутствие временных стоянок и другие своеобразные черты культуры позднего палеолита находят свое объяснение в новых природных условиях, внесших серьезные изменения в хозяйственную деятельность и бытовой уклад позднепалеолитического человека в Крыму.

Общее понижение снеговой линии в горных областях Европы, вероятно, отразилось и на Крымских горах и предгорьях. Горы оказались менее доступными, изменился частично растительный покров и обеднел состав фауны. В этот период сократились площади и продуктивность охотничьих угодий. Климатический режим приледниковья должен был очень резко ограничить возможность собирательства. Видимо, этим и можно объяснить почти полное отсутствие в горных районах Крыма следов пребывания там позднепалеолитического человека. Вероятно, сократились и удаленные от жилья охотничьи площади в северных участках степи. Охотники были больше привязаны к местам стационарных поселений, чаще возвращались к постоянному очагу. Сокращение охотничьих площадей, продуктивности охоты и собирательства, начавшееся еще в начале вюрма, приводило к необходимости поисков новых пищевых ресурсов. Надо думать, что именно это и привело, в конце концов, к открытию важнейшего хозяйственного направления — охоты на рыбу. Такое заключение, видимо, должно получить в дальнейшем и более широкий смысл и географическое распространение.

В позднем палеолите Крыма впервые появляются хорошо документированные факты использования в пищу различных речных и туводных рыб. Человек выходит на побережье моря, собирая здесь добычу в полосе прибоя. Кости тюленя из верхнего слоя Аджи-Коба служат лучшим подтверждением сказанному. Жизнь человека в новых условиях сурового приледниковья коренным образом изменила экономику и бытовой уклад. Это отразилось и на интенсификации развития техники производства кремневых и костяных орудий, участвующих в охотничьем промысле, и

переработке продуктов охоты. Дифференциация кремневых орудий, их многофункциональность, как известно, в позднем палеолите достигают своего апогея.

Исторически сложившиеся обстоятельства, ведущие к установлению экономического равновесия между возможностями природного окружения и потребностями человека, приобретали сложные формы неосознанных взаимоотношений. Очень возможно, что в крымских условиях возникла необходимость сокращения населения и интеграции охотничьих коллективов, особенно при совместной охоте на степную дичь в новых условиях.

Впрочем, и численность каждого позднепалеолитического коллектива тоже имела свои ограничения, подчиненные возможностям добычи средств существования, при низком уровне развития производительных сил и большей оседлости охотничьих общин. Таким образом, можно предположить, что в позднем палеолите в Крыму произошло некоторое сокращение охотничьих площадей. Но это не отрицает вероятность увеличения угодий в расчете на человека. При этом каждый охотничий участок должен был быть заселенным таким количеством промысловых животных с определенной плотностью популяций, который обеспечивал бы для человека биологический минимум потребления продукта и удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей. Нужно иметь при этом в виду и то, что чисто присваивающее хозяйство, часто оспаривающее права на дичь у хищных животных, тоже способствовало истощению природных ресурсов.

Расчеты, сделанные для позднепалеолитических равнинных поселений (Мезин и др.), обоснованные археологическими, палеоэкономическими и этнографическими данными, показывают, что численность каждого стационарного поселения редко превышала 50 человек[19]. Это, правда, на тех поселениях, где безраздельно господствовала охота на мамонта, самая добычливая и обеспечивающая постоянный и высокий прожиточный минимум. В крымских условиях охота велась преимущественно на степную дичь, менее продуктивную и нелегко добываемую. Поэтому численность общин позднепалеолитических охотников, объединенных в семейно-родственные производственные коллективы, была выше, чем в эпоху мустье, но ниже, чем в позднепалеолитических общинах охотников, например на Русской равнине. Применяя те же расчеты, что и для мустьерских поселений Крыма, можно приблизительно определить численность позднепалеолитического поселения в 30—35 человек. Следовательно, причисляя даже убежище Аджи-Коба к стационарным поселениям, можно предположить, что в позднепалеолитическое время в Крыму обитало 90—100 человек, стало быть почти вполовину меньше, чем в мустьерское время. Этот показатель больше приближается к расчетным соотношениям 1 : 100, т. е. один человек на 100 $км^2$, принятым уже упомянутыми исследователями для позднего палеолита. Приведенные данные могут быть уточнены внесением ряда поправок, вытекающих из конкретного изучения каждого из поселений. Однако они вряд ли коренным образом изменят предложенные расчеты и сделанные заключения.

Труднее всего внести хронологические поправки в соотношения между культурными слоями поселений. В таких случаях делались некоторые исключения из общего построения, например для нижнего слоя Кпик-Коба, содержащего так называемую тейякскую индустрию, или для неповторимого нижнего слоя Сюрени I. Проблема синхронизации мустьерских комплексов Крыма сама по себе сложна, но она еще больше усложняется в связи с дробными выделениями культурно-исторических или этнографических общностей. С другой стороны, это и упрощает хронологизацию, открывая пути для возможной синхронизации памятников с различными техническими традициями в обработке кремня.

[19] С. Н. Бибиков. Некоторые вопросы палеоэкономического моделирования палеолита. СА, 4, 1969.

Некоторая обобщенность сопоставлений комплексов в этой работе в плане крупномасштабных интерпретаций, в границах мустье — поздний палеолит, имеет определенное оправдание в том, что памятники мустье в Крыму также не однослойны, как и памятники позднего палеолита.

Крым давно известен как своего рода опытная территория для поисков закономерностей развития исторического процесса в палеолите. Можно надеяться, что приведенные в настоящей статье материалы и заключения не будут иметь узко локального значения, а войдут в русло познания единства путей развития древнейших человеческих сообществ при сохранении частных исторических своеобразий в каждом из них.

S. N. Bibikov

LA DENSITÉ DE LA POPULATION ET L'IMPORTANCE DES TERRITOIRES DE LA CHASSE EN CRIMÉE À L'ÉPOQUE DU PALÉOLITHIQUE

Résumé

Pendant de longues années des recherches consacrées au Paléolithique en Crimée on y a découvert dix sites et plus de trente stations. Le Paléolithique tardif est représenté de trois sites et des restes de deux ou trois stations. Dans les formations de karst la répartition des monuments paléolithiques et la localisation des sites se révèlent assez nettement. On a exploré environ mille cavernes, grottes et abris karstiques dont seulement dix renferment les vestiges de la culture de l'Homme du Paléolithique. L'analyse du matériel archéologique, les calculs paléoéconomiques et démographiques montrent qu'au Moustérien les territoires principaux de la chasse et les aires où l'on s'occupait du ramassage intensif des produits de la terre s'étendaient sur presque toute la moitié méridionale de la Crimée. A l'époque moustérienne la Crimée n'était peuplée que de 200—250 habitants. Au Paléolithique tardif, sous l'influence d'un climat regoureux du Würm périglaciaire, les possiblités de chasse et de ramassage diminuent sensiblement. La manque des produits d'alimentation d'origine aminale ou végétative pousse á la découverte d'une nouvelle branche de production dans les cadres de l'économie d'appropriation, notamment, de celle de la chasse des poissons.

Dans le Paléolithique tardif en Crimée on en comptait que 100—150 habitants. Une intégration générale de la population est observée.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

МОГИЛЬНИК ЧЕРЕМУШНЫЙ ЛОГ И ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Разработка проблем, связанных с историко-культурной характеристикой окуневской культуры, развивавшейся наряду с афанасьевской культурой в эпоху южно-сибирского палеометалла, может способствовать выявлению своеобразия путей развития раннеметаллических культур восточной окраины евразийской степи, вызванного сочетанием скотоводческого и охотничье-рыболовческого укладов хозяйства, традиционных и привнесенных культурных особенностей.

Основным источником информации при изучении окуневской культуры, сложившейся на рубеже энеолита — раннего бронзового века, являются небольшие общинные кладбища, известные в ряде пунктов по Среднему Енисею. Отдельные свидетельства распространения этой культуры в виде одиночных погребений, случайных находок, писаниц и петроглифов происходят из Тувы и северо-западных областей Монголии [1]. К числу немногочисленных окуневских памятников с Правобережья Енисея относится могильник Черемушный Лог, расположенный недалеко от устья р. Сыды, близ дер. Байкалово[2]. Могильник расположен на краю надпойменной террасы, возвышающейся над скальным обрывом к берегу, имеющему здесь протяженность не более 300 *м*. На близлежащих прибрежных скалах обнаружены петроглифические изображения [3], наиболее ранние из которых относятся к окуневской культуре и, возможно, синхронны могильнику. Могильник прослеживался по заметным на поверхности почвы углам плит гробниц — каменных ящиков, а также северо-западному углу и части восточной стенки прямоугольной ограды, составленной из врытых на ребро песчаниковых плит. Размеры ограды 25×10 *м*, ориентировка — С—Ю, земляная насыпь отсутствует. В ограде заключено 12 могил. Рис. 1, *I*.

Могила 1 представляет собой прямоугольный каменный ящик из врытых на ребро плит, сохранились его северная и западная стенки; размеры ящика 160×170×20 *см*, ориентировка ВЮВ — ЗСЗ. На дне остатки настила из плит. В восточной части ящика найдены кости подростка 14—16 лет [4]. Инвентарь отсутствует.

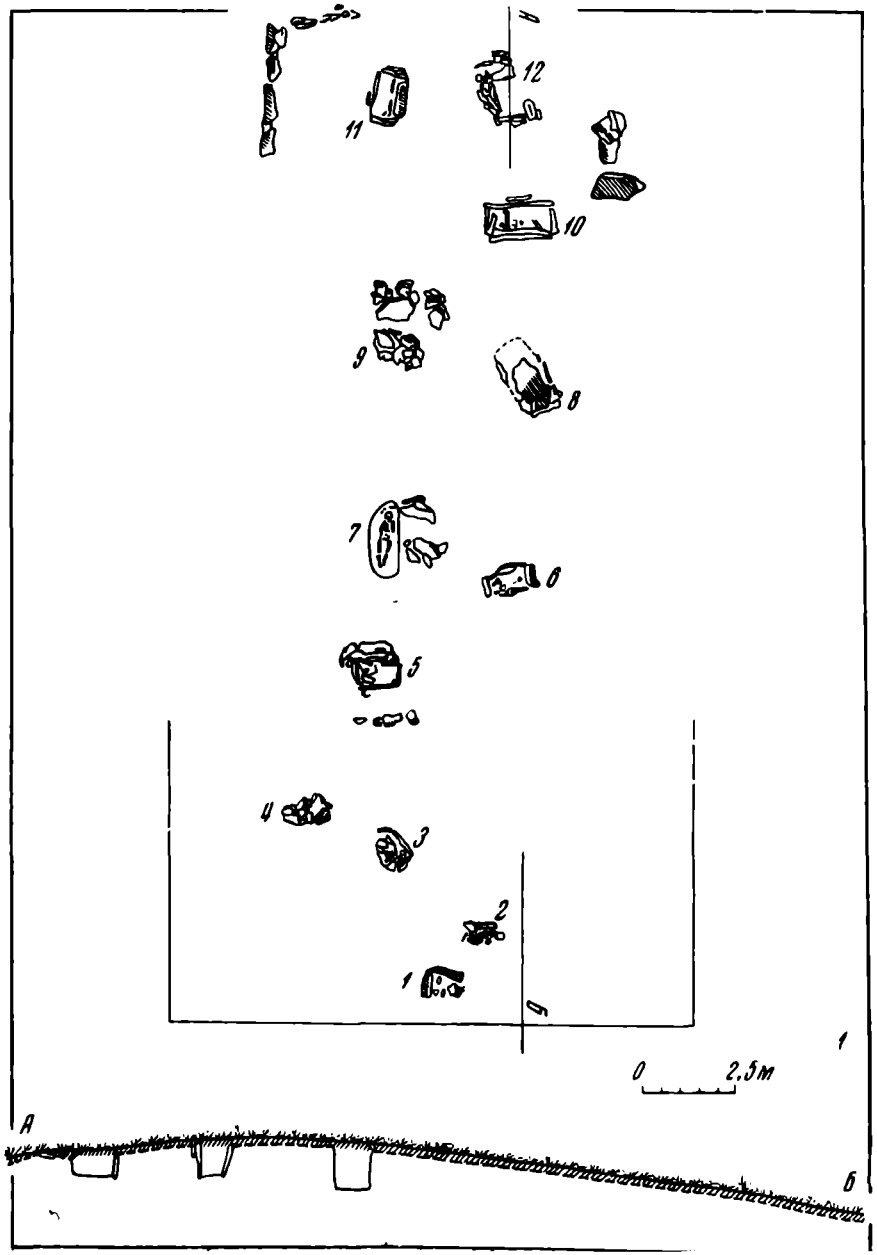
Могила 2 — здесь сохранилась северная стенка от каменного ящика из плит, поставленных на ребро. Примерные размеры ящика 110×60×5 *см*, ориентировка ВЮВ — ЗСЗ. На дне непотревожженный скелет ребенка 10—12 лет, погребенного головою на В — ЮВ; на спине, с согнуты-

[1] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947; М. Н. Грязнов. Работы Красноярской археологической экспедиции. КСИА, АН СССР, 100, 1965; А. А. Формозов. Наскальные изображения в Центральной Туве. АО-66. М., 1967; История Сибири. т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968, стр. 165—170; M. Griaznov. Ancient Siberia. 1969. В статье не рассматривается проблема окуневского искусства, являющаяся самостоятельной темой.

[2] Могильник обнаружен в 1961 г. Л. П. Хлобыстиным, сотрудником Красноярской археологической экспедиции. Раскопки Правобережного отряда (начальник экспедиции М. П. Грязнов, начальник отряда Я. А. Шер).

[3] Я. А. Шер, Л. П. Хлобыстин. Раскопки на Среднем Енисее. АО-65. М., 1966.

[4] Все антропологические определения проведены З. Б. Альтманом.



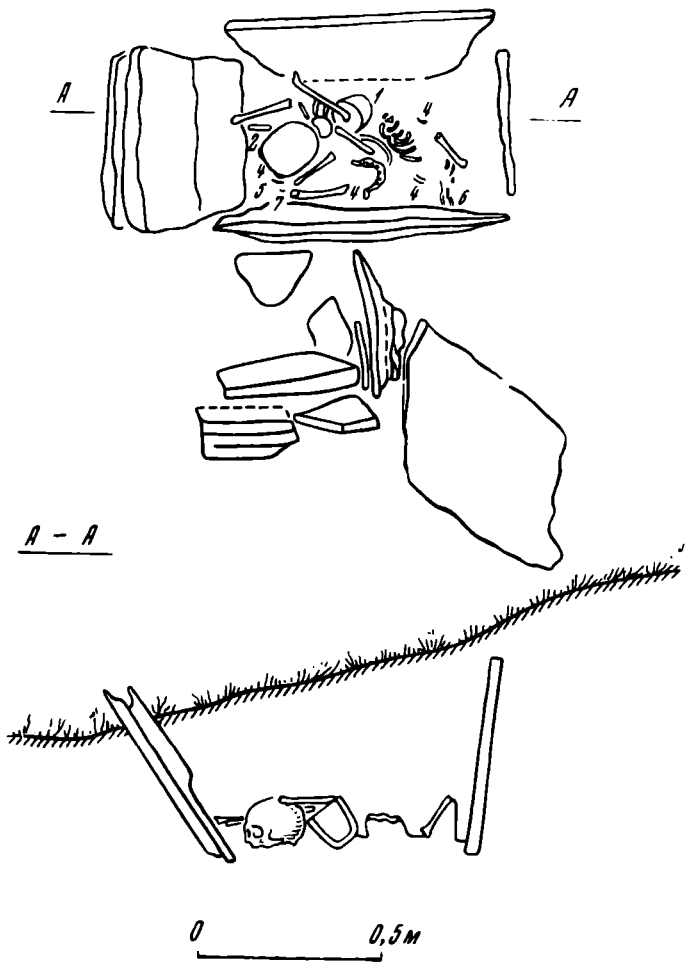


Рис. 1

1 — общий план могильника Черемушный Лог, *2* — план и разрез погребения «под горой»

ми в коленях ногами, впоследствии упавшими набок. Инвентарь отсутствует.

Могила 3 представляет собой прямоугольный каменный ящик из четырех врытых на ребро плит. Размеры ящика 90×70×60 *см*, ориентировка СЗ — ЮВ. Сохранились остатки покрытия из мелких плиток. Найдены разрозненные кости ребенка 6—8 лет и обломки керамики.

Могила 4 — прямоугольный каменный ящик из четырех врытых на ребро плит. Размеры ящика 50×45×35 *см*., ориентировка СВ — ЮЗ. Сохранились остатки покрытия из мелких плиток. Найдены неопределимые кости человека и животных и обломки сосуда, украшенного гребенчатым штампом.

Могила 5 — прямоугольный каменный ящик из массивных, поставленных на ребро плит. Размеры ящика 140×80×70 *см*, ориентировка З — В. За пределами ящика прослеживаются остатки двух параллельных стенок из таких же, вертикально врытых плит, вероятно, составлявших оградку могильного ящика. Сохранились остатки покрытия из мелких плиток. В могиле найдены разрозненные кости и нижние челюсти от скелетов двух взрослых людей. У юго-восточного угла могилы найдена нижняя челюсть от третьего скелета взрослого человека. Инвентарь отсутствует.

Могила 6 — прямоугольный каменный ящик из поставленных на ребро плит; размеры его 150×80×45, ориентировка ВСВ—ЗЮЗ. Покрытие не сохранилось. В могиле в разрозненном состоянии кости и обломки черепа юноши 14 лет. Найдены также кости животных; 20 обломков подъязычных костей оленя, от нескольких особей; 4 кости os penis от четырех взрослых медведей и 2 подвески из зубов медведя [5].

Могила 7 — каменный ящик отсутствует. Судя по форме могилы, обряду погребения, инвентарю и антропологической принадлежности погребенного в ней мужчины, могила относится к неолиту, т. е. сооружена раньше могильника с каменными ящиками [6].

Могила 8 — прямоугольный каменный ящик из плит, поставленных на ребро. Частично сохранившееся покрытие состояло из крупных плит. Размеры ящика 200×100×70 *см*, ориентировка СЗ — ЮВ. В могиле в беспорядке лежат череп и кости мужчины 40 — 45 лет. Найдены также кости животных: 9 пястных и 3 плюсневые кости 6 особей косули (3 взрослых и 3 молодых).

Могила 9 представляет собой разрушенный каменный ящик. Найдены обломки костей и черепа ребенка 7—9 лет.

Могила 10 — прямоугольный каменный ящик из плит, поставленных на ребро. Размеры ящика 170×80×45 *см*, ориентировка З — В. В могиле в беспорядке тазовые кости и кости ног мужчины 40—50 лет. Инвентарь составляют: сосуд, сплошь покрытый ямочным орнаментом, с орнаментированным дном; сосуд на небольшом поддоне с зигзагообразным штампованным узором, костяной наконечник стрелы, бусина из красного камня (рис. 2, *1*, *2*, *5*, *6*).

Могила 11 — прямоугольный каменный ящик из поставленных на ребро плит. Перекрытие не сохранилось. Размеры ящика 130×70×40 *см*, ориентировка ССЗ —ЮЮВ. На дне остатки плиточного настила. В могиле — неопределимые кости взрослого человека. Инвентарь составляют: фрагменты круглодонного сосуда с кольцевым орнаментом, миниатюрная «курильница» (рис. 2, *4*, *3*). На дне могилы, в восточном углу, в порядке, напоминающем Т-образную фигуру, лежали 8 плюсневых и 1 пястная кости от трех взрослых особей волков.

Могила 12 — прямоугольный каменный ящик из поставленных на ребро плит. Сохранилось три его стенки, перекрытие отсутствует. Разме-

---

[5] Определения костей животных принадлежат Н. М. Ермоловой.

[6] Л. П. Хлобыстин, Я. А. Шер. Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее. КСИА, АН СССР, 106, 1966.

ры ящика 120×80×30 *см*, ориентировка С — Ю. В могиле ничего не обнаружено.

Кроме погребений в ограде, исследована еще одна могила, располагавшаяся на конусе выноса по левому склону лога, «под горой», в 50 *м* от берега Енисея. Это одиночный каменный ящик из вертикально поставленных плит, размеры его 110×60×55 *см*, ориентировка З — В. Перекрытие из горизонтально положенных плит. На дне могилы разрозненные кости скелета ребенка и инвентарь: обломки бронзового пластинчатого ножа, сосуд с зигзагообразным узором (рис. 3); костяной игольник, две белые пастовые цилиндрические бусинки, 8 клыков волка (?) 176 резцов песца, правых и левых. К южной стенке основного ящика пристроен снаружи другой каменный ящик размером 60×50×35 *см*. Южная стенка основного ящика у них общая. Дно ящичка-пристройки выложено мелкими плитками. В заполнении найдены только угли. Рис. 1, *2*.

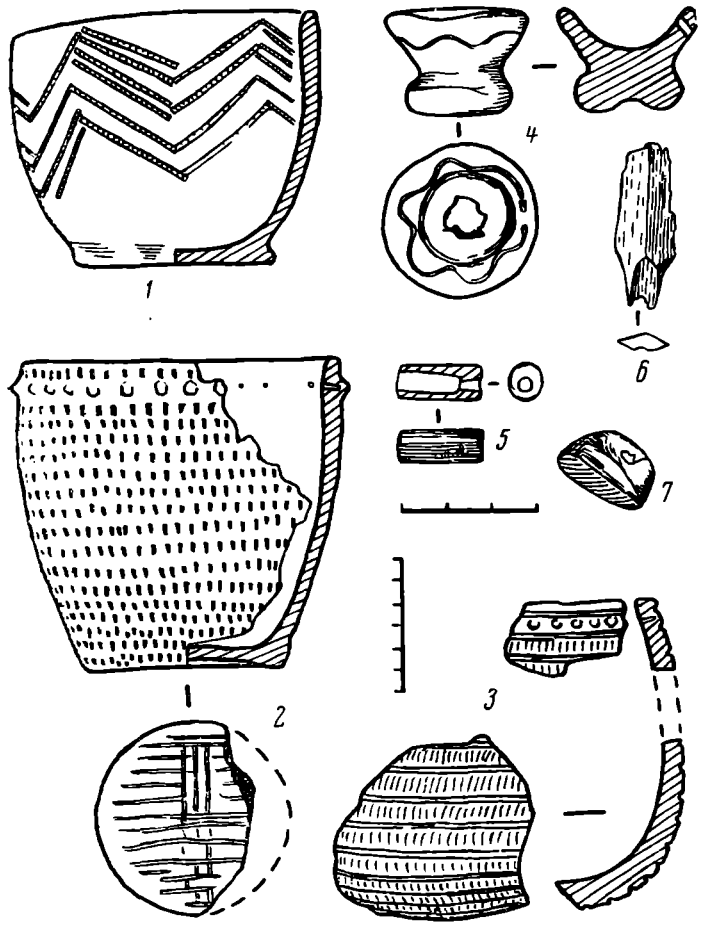


Рис. 2

1, *2* — сосуды из могилы 10; *3* — сосуд из могилы 11; *4* — курильница из могилы 11; *5*, *6* — бусина и стрела из могилы 10; *7* — подвеска из могилы 6 (*1*—*3* — 1/2 н. в., *4*—*7* — н. в.)

Несмотря на типичную для минусинских древностей ограбленность могильника, полученные материалы позволяют уделить внимание разнообразным сторонам жизни коллектива людей, оставившего его. Так, анализ орудий труда и предметов быта, в первую очередь керамики, дает возможность определить не только культурную принадлежность этого древнего кладбища, но и наметить аналогии генетического характера. Значительный остеологический материал позволяет поднять некоторые идеологические вопросы, касающиеся проблемы «остаточного тотемизма» в культурах сибирского бронзового века. Наконец, особенности погребального обряда позволяют сделать ряд палеосоциологических выводов.

Основным показателем, определяющим принадлежность могильника Черемушный Лог к окуневской культуре, является керамика, один из ведущих палеоэтнических признаков, составляющих наряду с типом погребального обряда основу понятия археологической культуры. В Черемушном Логе встречено несколько характерных экземпляров окуневской посуды: они изготовлены путем выбивания, имеют примесь дресвы, банковидную форму, гребенчатый орнамент. Наиболее типичен горшок из могилы 10. Жемчужины под венчиком, сплошная орнаментация стенок, узорчатое дно его составляют особенность многих аналогичных сосудов[7] (рис. 2, *2*). Зигзаго-

[7] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927; рис. 7; табл. VII, *2*; М. Н. Комарова. Ук. соч., рис. 6. *1*, *2*, *5*, *9*.

образный штампованный орнамент на втором сосуде из этой могилы, как и его форма приземистой банки с округлыми стенками, ассоциируются с простейшими андроновскими экземплярами [8] (рис. 2, *1*). Это же относится к нарезному узору на стакановидном сосуде (рис. 3). Сходство элементов окуневской и андроновской керамики известно по материалам ряда могильников: к проандроновским формам можно отнести банки с округлым профилем, тюльпановидные горшки, а в орнаменте ряды зигзага, примитивный ромб, имитацию плетенки и некоторые другие простейшие графические комбинации [9]. Все это позволяет говорить не только о культурно-стадиальной близости, но и о вероятности генетических контактов, вполне реальных в свете своеобразия минусинского варианта андроновской культуры, воспринявшего, по-видимому, некоторые местные черты.

Рис. 3. Сосуд из погребения «под горой»

Своеобразен митровидный сосуд из могилы 11, орнаментированный желобками с насечками, образующими волнистую поверхность стенок (рис. 2, *3*). Его оригинальная форма заставляет обратиться за аналогиями к прибайкальской керамике как позднеолитической, серовской, так и синхронной окуневу, глазковской [10]. Волнистый профиль, типичный для многих афанасьевских сосудов, в окуневской керамике встречается как древний пережиток ребристости стенок [11]. Еще одна форма окуневской посуды с округлым дном представлена колоколовидными сосудами (могильник Новоселово), также сопоставимыми с глазковскими Прибайкалья [12]. Древнейшая традиция отражена также в таких окуневских орнаментах, как шагающая гребенка (сосуд из могильника Верхний Аскыз) [13] и имитация плетенки (сосуды из Черновой VIII) [14], широко представленных в афанасьевской керамике [15]. На это же указывают приемы оформления днищ многих окуневских сосудов, происходящие, по-видимому, от обычая покрывать рисунком, спускающимся со стенок, дно энеолитических сосудов. Кроме несложной плетенки (рис. 2, *2*), радиальных полос, встречается сложный многогранный или звездчатый узор, придающий дну вид солярной розетки [16]. Сход-

[8] С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. VII, *7* и др.; История Сибири..., рис. на стр. 175.

[9] Могильник Сыда — школа (раскопки М. П. Грязнова, 1965 г. Коллекция в Гос. Эрмитаже, ОИПК, № 2374); могильник Черновая VIII (раскопки Г. А. Максименкова 1962—1963 гг. Коллекция там же, № 2377).

[10] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. I, II, МИА, 18, 1950, рис. 8; III, МИА, 43, 1955, рис. 8, 50, 52.

[11] С. А. Теплоухов. Ук. соч., рис. 8; История Сибири..., рис. на стр. 163; Г. А. Максименков. Отчет о работах 1962 г. Курганного отряда на р. Черновой. Архив ИА. Р-1, 2486, рис. 100.

[12] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век..., МИА, 43, рис. 49; М. П. Грязнов. Отчет о работах Красноярской экспедиции в 1962 г. Архив ИА, Р-1, 2484.

[13] А. Н. Липский. Отчет о раскопках 1958—1959 гг. Архив ИА, Р-1, 2119.

[14] Г. А. Максименков. Ук. соч., рис. 100; M. Griaznov. Ук. соч., табл. 19.

[15] Бельтыры, раскопки А. Н. Липского. Афанасьева гора, раскопки С. А. Теплоухова и др.

[16] Г. А. Максименков. Ук. соч., рис. 101; М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, рис. 1, *10*, *2*, *8*, *9* и др.; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, рис. 124, 132, *1*, 138, 141; его же. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой. Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1962, рис. 17, 21, 23; А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 50.

ные орнаменты находим на донцах томской самусьской керамики, а также на балановских, фатьяновских, реже — глазковских сосудах. Ярко выраженная солярность многих из этих узоров, по-видимому, соответствовала культовой символике эпохи ранней бронзы.

Миниатюрный сосуд в виде вазочки на поддоне (рис. 2, *4*) относится к разряду так называемых «курильниц», известных в окуневской и афанасьевской культурах в количестве около двух десятков экземпляров [17]. Первые имеют камерку внутри и обычно покрыты солярными узорами, вторые — ручку и скромный орнамент, подобный рисункам на бытовой посуде: елочку, насечки, несложный штамп. В афанасьевском могильнике Сыда I [18] найдена редкая, вероятно, промежуточная форма, у которой прослеживается переоформление ручки в отсек внутри сосуда. Вполне допустимо предполагать именно афанасьевское происхождение курильниц окуневской культуры, которые, однако, имеют, как и афанасьевские, выразительные параллели в катакомбных экземплярах [19]. Тесная связь обеих разновидностей курильниц подчеркивается их находками в комплексах со смешанным, окуневско-афанасьевским инвентарем: в центральной могиле могильника Тас-хаза, в могиле 3 могильника Камышта — Большое Кольцо. Курильница из Черемушного Лога не имеет камерки, что, вероятно, объясняется ее размером, но имеет отверстие для подвешивания и типичную для курильниц окраску малиновой охрой, а также волнистый узор, придающий ей в плане вид солярного значка. Солярного типа узоры, крестики, круги, окраска охрой и следы нагара подтверждают назначение курильниц как культовых сосудов, связанных с почитанием огня и Солнца. Их появление в енисейских степях явилось, вероятно, следствием распространения нового комплекса верований, связанных с формированием скотоводческого уклада.

Орудия труда и украшения могильника образуют небольшую, но разнообразную серию. Бронзовый пластинчатый нож из погребения «под горой» — обычная находка в окуневских погребениях женщин и девочек, что позволяет преполагать здесь захоронение девочки. Видимо, такие ножи были связаны с областью специфически женских работ — обработкой шкур, охотничьей добычи и т. п. В мужских окуневских погребениях ножи редки, как редки и наконечники стрел [20], поэтому представляет интерес находка в могиле 10 костяного, ромбического в сечении наконечника (рис. 2, *6*).

Белые пастовые и красная каменная бусины (рис. 2, *5*) — нечастая находка в окуневских могилах, для которых более типичен мелкий бисер при детских погребениях (Черновая VIII). Такая редкость может служить косвенным свидетельством применения одиночных бусин в качестве особого амулета типа нганасанской «куойка» [21]. Однако наиболее распространены в окуневской культуре были амулеты из зубов и костей животных, преимущественно диких. Разнообразный и значительный остеологический материал из погребений Черемушного Лога позволяет считать, что могильник был оставлен небольшой общиной, ведшей преимущественно охотничье хозяйство. Подобный уклад хозяйства определялся и расположением в сильно пересеченной, холмистой местности, покрытой смешанным лесом, незначительностью территорий, пригодных для выпаса скота. В этом пла-

---

[17] С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. V, *1*; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. табл. III, *24*, *26*; V, *3*; VI, *14*; История Сибири..., рис. на стр. 163; А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия). КСИИМК, 54, 1954, рис. 37, *2*; его же. Ук. соч., курильницы имеются в афанасьевском могильнике Карасук III, раскопки М. П. Грязнова 1961—1963 гг. (Хранятся в коллекции ОИПК Гос. Эрмитажа, №№ 2368, 2370).

[18] Раскопки М. П. Грязнова, 1965 г. Коллекция ОИПК Гос. Эрмитажа, № 2373-6.

[19] Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», СА, 1, 1957, 5. А. Н. Липский. Ук. соч., а также Отчет Р-1, 1476 о раскопках Тас-хазы.

[20] Кремневые наконечники стрел известны из 4 и 5 могил Тас-хазы и по определению А. Н. Липского подобны глазковским.

[21] А. А. Попов. Тавгийцы. М., 1933.

не прежде всего обращает на себя внимание могила 6, принадлежавшая четырнадцатилетнему подростку, едва переступившему порог юношеского возраста. Можно, однако, предполагать, исходя из местоположения погребения в северной части ограды, содержавшей погребения взрослых, а также этнографических параллелей из быта сибирских аборигенов [22], что этот по существу еще мальчик был, вероятно, принят в возрастную категорию молодых, неженатых мужчин. Это прежде всего давало ему право охоты — отныне из соревнования-забавы она становилась для него необходимостью, почетным долгом мужчины, связанным с обязанностью внесения доли продукта в большую семью. Предметами его охоты были олень и медведь, причем не исключено, что некоторые из костей были костями от первых убитых им животных, и поэтому какая-то их часть, например подвески из зубов медведя (рис. 2, 7), могли рассматриваться как охотничьи амулеты, аналогичные более поздним онгонам [23]. Несомненно, особое значение придавалось косточкам os penis, окрашенным охрой, связанным скорее всего с культом плодородия.

Могила 8, принадлежавшая 40-летнему мужчине, зрелому охотнику, также содержала кости диких животных — это были кости косули от 3 молодых и 3 старых особей (9 пястных и 3 плюсневые). Бросается в глаза, очевидно, не случайное присутствие числа три и кратных трем в количестве костей и в количестве животных, от которых они взяты, равное число старых и молодых особей, определенный подбор костей. Такая закономерность, по-видимому, скрывала определенную магическую подоплеку, которая могла быть связана как с погребальным ритуалом, так и обстоятельствами жизни погребенного. В последнем случае косточки косули могли играть роль амулетов—пособников охотничьей удачи, соответствовать специфике охотничьих наклонностей умершего, рассматривавшего, возможно, это животное в качестве своего зверя-покровителя. Отметим и второй случай находки костей косули в мужских погребениях — одна из могил Сыды-школы сопровождалась тремя альчиками косули.

Могила 11, которая, судя по инвентарю, также принадлежала взрослому мужчине, содержала 9 костей от 3 взрослых особей волков. Обратим внимание, что подбор костей проведен по принципу, отмеченному для погребения мужчины в могиле 8. Возможно, что абстрактные понятия людей окуневской культуры достигли того уровня, при котором становилось допустимым существование представления об особом значении некоторых чисел. Примечательно далее расположение волчьих костей в виде Т-образной фигуры в восточном углу могильного ящика. Эта выкладка может рассматриваться как составная часть предмета типа шаманской колотушки, материалом для которых служили кости медвежьей лапы или лосиный рог [24], в нашем случае это могла быть лапа волка. Не исключено, однако, что волчьи кости были гадательными костями, либо имели значение оберега. Расположение их к восточной части могилы также, возможно, не случайно и имеет отношение к представлениям, связанным с солярным культом. Вполне вероятно, что погребенный был причастен к отправлению каких-то обрядов и действий, связанных как с почитанием огня и Солнца, что подтверждается находкой курильницы именно в этой могиле, так и с почитанием тотемного образа Волка, который, подобно Медведю и Оленю, был, по всей видимости, одним из наиболее древних, исконных образов зверей-предков окуневской тотемной мифологии [25].

---

[22] Г. М. Василевич. Эвенки. Л., 1969, стр. 174 и др.

[23] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936.

[24] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век..., МИА, 43, стр. 347, рис. 171; Г. М. Василевич. Ук. соч., стр. 260 и др.

[25] А. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; С. В. Студзицкая. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. Сб. «Экспедиции ГИМ». М., 1969, стр. 60, сн. 58; M. Griaznov. Ук. соч., табл. 21.

Наконец, наибольшее количество костных остатков — 176 зубов песца из погребения девочки «под горой» имеют аналогию в столь же массовой находке в одиночном же женском захоронении близ Батеней (Карасук II), сопровождавшемся зубами почти от трех сотен соболей[26]. В обоих случаях это были, вероятно, не амулеты, а украшения, однако 8 клыкам-подвескам из погребения «под горой» можно приписать роль амулетов.

Существенно отметить определенные закономерности, имевшиеся в подборе вида животного, кости которого сопровождали мужские и женские окуневские захоронения. Так, клыки кабарги, зубы сурка, песца, соболя, бобра, являлись, по-видимому, специфически женским украшением, выступавшим и в роли амулета. Они найдены в женских погребениях могильников Окунев улус, Абаканском у церкви, Тас-хаза, а также одиночных захоронениях Карасук II, Усчуль[27], Черемушный Лог. Отметим, что все эти животные, исходя из их размеров и повадок, могли отлавливаться самими женщинами. Зубы, реже кости, медведя, бараньи альчики являлись наиболее распространенными амулетами при погребениях мужчин и мальчиков[28]. Птичьи клювы, зубы лисы и волка составляли скорее всего особый инвентарь в погребениях лиц, имевших отношение к культовой обрядовости, первобытных колдунов, действия которых имели в себе некоторые видовые и идеологические элементы позднейшего шаманства[29]. Таким образом, с определенными половозрастными группами людей окуневской культуры были, вероятно, связаны представления о конкретных тотемах-покровителях, в чем проявилась глубокая неолитическая традиция, прослеживаемая по материалам сибирских могильников («Циклодром» в Иркутске, погребение на р. Кае, В. Сибирь и др.).

Помимо половозрастных отличий находки украшений-амулетов из костей животных дают возможность проследить конкретные палеоэтнографические особенности той или иной локальной группы окуневских общин. Так, резцы сурка составляли характерное женское украшение небольшой общины, оставившей могильник Тас-хаза (бассейн р. Абакан). Интересно отметить находки их как при окуневских погребениях, так и при погребениях со смешанным, окуневско-афанасьевским инвентарем (например, при богатом женском захоронении, лежавшем в основании могилы 1). Женщины общины, оставившей могильник Окунев улус (район Минусинска), предпочитали носить клыки кабарги. Любопытно, что женщины и девочки обширной общины, оставившей могильник Черновая VIII (район Батеней), не имели обычая носить амулеты из зубов животных, что контрастирует с медвежьими клыками и бараньими астрагалами мужских погребений. Это является косвенным доказательством значительного по сравнению с иными окуневскими поселками уровня развития скотоводства. Возможно, что охота на медведя, судя по находке исключительно медвежьих зубов в мужских погребениях, проводилась людьми этой общины уже в ритуальных целях и была связана со сложением комплекса представлений, широко распространившихся позднее среди сибирских аборигенов[30].

Вопросы внутренней структуры общины, оставившей могильник Чере-

---

[26] Там же. табл. 18.

[27] А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 году. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 26.

[28] Сравним аналогичную ситуацию, наблюдаемую по андроновским погребениям Тасты-бутака. В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Таты-бутак. МИА, 120, 1962.

[29] А. П. Окладников. Ук. соч., МИА, 43, стр. 344—352; С. В. Студзицкая. К вопросу о появлении шаманства у племен Среднего Енисея по археологическим данным. Ежегодник ГИМ, 1963—1964 гг. М., 1966, стр. 55, 60 и др.

[30] А. Ф. Анисимов. Религия эвенков. М., 1958, стр. 123; сл.: Г. М. Василевич. Ук. соч., стр. 216—218 и др.: А. Ф. Анисимов. Культ медведя у эвенков в проблеме эволюции тотемистических верований. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма». М., 1950; Е. А. Алексеенко. Культ медведя у кетов. СЭ, 1960, 4.

мушный Лог, могут быть рассмотрены на материалах погребального обряда. Характерная четырехугольная ограда из врытых на ребро плит девонского песчаника аналогична оградкам прочих окуневских памятников и составляет особенность окуневской культуры. Очертания ограды должны были, по-видимому, находиться в соответствии как с ритуальными представлениями, связанными с погребальным культом, так и с очертаниями жилых построек, свойственных данной культуре. Вполне вероятно, что каждая окуневская оградка включала в себя обособленный семейно-хозяйственный коллектив, занимавший одну из построек поселка, оставившего могильник. Относительно крупные могильники типа Черновой VIII, Сыды-школы, содержащие от четырех до десяти оград, а также ряд одиночных погребений, могли являться общинными кладбищами. Малые, типа Окунева улуса (три ограды), Абаканской церкви, Тас-хазы, Черемушного Лога — были усыпальницами одной большой семьи. Каждая такая семья, разнясь по количеству и составу членов, могла придерживаться того или иного расположения погребаемых внутри оградки: могилы группируются либо в одном из углов, или концентрируются вокруг центрального, значительного погребения, а также располагаются в один или два (как в Черемушном Логе) условно параллельных ряда по длинной оси оградки. В Черемушном Логе примерно посередине ограды находится могила трех взрослых людей, чье особое положение подчеркнуто дополнительной, индивидуальной оградкой; к северу от нее идут погребения взрослых, к югу — детей.

Окуневские могильники имеют известные закономерности в составе погребенных в каждой ограде людей. Специфической особенностью могильника Черемушный Лог является отсутствие самостоятельных женских захоронений, что позволяет предполагать возможность существования специального женского могильника и является, несомненно, архаичным признаком. Количество могил — каменных ящиков в окуневских могильниках колеблется в пределах десятка и редко превышает двадцать на ограду. От трети до половины всех погребенных приходится на долю детей. Одиночные погребения мужчин единичны и обычно принадлежат юношам, или молодым, вероятно, неженатым мужчинам. Одиночные погребения женщин также немногочисленны, обычно сопровождаются ребенком, но не обязательно грудного возраста, что позволяет предполагать возможность подхоранивания. Парных разнополых погребений бывает от одного до трех и пяти (очень редко) на одну ограду, причем женщину сопровождает ребенок, иногда два, разного возраста. Тотальная ограбленность могил затрудняет решение вопроса о последовательности захоронения в парных погребениях. Малое число одиночных женских погребений позволяет предполагать в них могилы жен, умерших ранее своих мужей, если допустить существование обычая, не допускавшего подхоранивание мужа к жене. Возможно и другое предположение: это могли быть погребения женщин данного рода, но выданных замуж в другой род; хорониться они могли на своем родовом кладбище. Однако присутствие ребенка в таких захоронениях при явной патриархальности и, следовательно, патрилокальности родовой общины снижает вероятность такой версии. Третье предположение, что это были погребения «вторых жен» (по аналогии с андроновским Тасты-бутаком), также не может быть полностью отброшено, однако и оно снижается присутствием рассматриваемых ниже «тройных погребений». Остановимся на предположении, что парные разнополые окуневские погребения содержат захоронение мужа и подхороненной к нему, умершей позднее жены. Возможно, что сама конструкция могилы-каменного ящика отвечала возможности подхоронений. Не следует, конечно, исключать и «классического» решения проблемы парных разнополых погребений, т. е. допускать для некоторых случаев вероятность одновременного, как принято писать, «насильственного» захоронения женщины при мужчине, тем более, что, судя по антропологическим мате-

риалам [31] популяционной особенностью окуневских племен являлось значительное преобладание численности женщин над мужчинами. Не следует также упускать психологические моменты, особенность мышления человека бронзовой эпохи, рассматривавшего скорее всего одновременность погребения как желательное обстоятельство, дающее возможность продолжения совместной жизни. Это с наглядной выразительностью подчеркнуто в позе некоторых погребенных, руки которых соединены.

Чрезвычайный интерес представляет еще один вид окуневских захоронений, не привлекавший до сих пор внимание исследователей — это погребение мужчины в сопровождении двух женщин. В любом окуневском могильнике можно обнаружить такое тройное погребение [32]. Есть тройное погребение и в Черемушном Логе — это могила 5, центральная в могильнике. Подобные тройные погребения составляют специфическую особенность окуневской культуры, развивавшейся в финальную пору сибирского палеометалла. Вопрос о социальном положении людей, погребенных в тройных погребениях, является частью широкой культурно-исторической проблемы парных разнополых погребений эпохи позднего неолита и бронзового века на территории нашей страны. Однако если последним посвящена обширная специальная литература [33], то тройные погребения впервые становятся предметом изучения. Отметим прежде всего, что подавляющее большинство окуневских могильных оград имеют обычно только по одному тройному погребению. Тройные погребения являются либо центральными в ограде, либо в ряде случаев располагаются в самостоятельных оградках. Если в парных окуневских погребениях можно видеть захоронения рядовых общинников, то в тройных погребениях можно предполагать захоронения глав патриархальных семей, возглавлявших большие семьи, погребавшиеся каждая за своей оградой. Отсутствие в некоторых оградах большого могильника Черновая VIII тройных погребений может быть объяснено присутствием тут же обособленных могильных оградок с таким погребением. Интересны данные о возрасте погребенных в тройных захоронениях: некоторые погребения могильника Черновая VIII указывают на весьма значительный, особенно для бронзовой эпохи, возраст мужчин из тройных погребений. Имеются также случаи, когда возраст одной из женщин соответствует возрасту мужчины, а вторая женщина значительно моложе. Иногда одна из женщин имеет при себе ребенка.

Яркий пример погребения мужчины — главы семейного объединения, в сопровождении двух женщин имеется в центральной могиле Тас-хазы, имеющей окуневско-афанасьевские черты в конструкции и инвентаре [34]. Мужчина и первая из женщин, в сопровождении ребенка, положены рядом, вторая женщина — в сильно скорченной позе (вероятно, она была связана) в ногах у первой. Мужчину сопровождают топор и курильница. Это знаки его власти и культовых обязанностей. Хозяйственные предметы сопровождают женщину с ребенком, вероятно, жену, подчеркивая ее положение хозяйки. Вторая женщина имеет пест-колотушку и банковидный сосуд. Однако, по-видимому, перед нами своеобразное «семейство» — всех троих погребенных объединяют мраморные шары-подвесы у головы, признак богатых захоронений. Таким образом, если смерть одной из женщин

---

[31] Антропологические определения по окуневским могильникам проводились С. А. Теплоуховым, М. П. Грязновым, В. П. Алексеевым, З. Б. Альтманом.

[32] Черемушный Лог, мог. 5; Сыда-школа, ограда 3, мог. 5. Окунев улус, мог. 5, Тас-хаза, мог. 4; Черновая VIII, ограда 2 мог. 3, ограда 5 мог. 3 ограда 6 (одиночная оградка), ограда 8, мог. 6, 7 (трое в каменном ящике и скелет от человеческой жертвы или «сопровождающего» в грунтовой яме-пристройке), 21 (погребение «колдуна»), ограда 10, мог. 6, ограда 13, мог. 1, ограда 14, мог. 1.

[33] История вопроса полно представлена: В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., а также М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3. М., 1961, стр. 56—61.

[34] А. Н. Липский. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ, Новосибирск, 1961.

в таких погребениях могла быть ее почетным правом, своего рода моральной обязанностью, то смерть второй — обязанностью зависимого, подчиненного лица, причем не исключено, что такие женщины в ряде случаев могли быть иноплеменницами. Характерно также, что ребенок в тройных погребениях сопровождает обычно только первую из женщин, как правило, старшую по возрасту.

Если в окуневской культуре тройные погребения известны в большом числе и имеют определенные закономерности в своем расположении, то в прочих сибирских культурах они встречаются спародически: можно назвать тройное «соседское» погребение у с. Подострожного (глазковская культура Прибайкалья), тройное погребение у д. Перевозной (поздний неолит, окрестности Красноярска) [35]. Из более далеких аналогий любопытно тройное погребение Оленеостровского могильника [36].

Некоторые черты социальной дифференциации общества, которые можно наметить, руководствуясь составом тройных погребений, подтверждаются также другими видами окуневских захоронений. Так, в окуневском могильнике Черновая VIII имеются погребения, совершенные в простых грунтовых подовальных ямах. Это никак не согласуется с крайне устойчивой нормой окуневского погребального обряда, к тому же некоторые из погребенных положены на боку, головою на юго-запад в позе, опять-таки не характерной для основной массы окуневских погребений [37]. Такие погребения безынвентарны или имеют скудный набор вещей, помещаются обычно у края могильной ограды. Близкие по обстоятельствам погребения могилы имеются в тазабагъябском могильнике Кокча III, андроновском могильнике Тасты-бутак [38]. В подобных захоронениях можно видеть могилы неполноправных членов общины, возможно, и не являвшихся общинниками в полном смысле этого слова. На данном этапе развития раннескотоводческих обществ это должны были быть в основном иноплеменники, либо члены враждебных соседних родов, хоронившихся по упрощенному обряду или обряду своего племени. Особенно выразительно погребение молодого мужчины, положенного в грунтовую могилу, вероятно, в связанном состоянии (ограда 4). Сходные наблюдения могут быть приведены также по материалам оригинальных ярусных погребений, известных в афанасьевской и андроновской культурах, а также в могильнике Тас-хаза (мог. 1) [39], относящемся ко времени развития окуневской культуры, но со смешанным, окуневско-афанасьевским обрядом и инвентарем.

Большой интерес в связи с проблемой становления раннескотоводческих обществ евразийской степной полосы представляет вопрос о происхождении окуневской культуры, тесно связанный с изучением минусинского неолита, а также первой скотоводческой южносибирской культуры — афанасьевской. Можно полагать, что путь к его успешному разрешению лежит в дифференцированном рассмотрении памятников, расположенных в различных ландшафтных зонах Хакасско-Минусинской котловины. Так, находки окуневских писаниц, исполненных охрой, в таежной и предтаежной местности (Джой, Амыл, Кундуссук) [40], а также в зоне современной степи (Туба) [41] требуют разрешения вопроса о времени их нанесения. Решение его пока остается спорным. Крайняя схематизация и применение охры отличают их от обычных окуневских петроглифов. Они стоят особняком и могут быть отнесены либо к начальной, либо поздней поре развития окуневской культуры. Эти писаницы могут быть связаны с родо-пле-

[35] А. П. Окладников. Ук. соч., МИА, 43, стр. 205, 233.
[36] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956, стр. 302.
[37] Черновая VIII, ограда 1, мог. 1, ограда 4, мог. 4, ограда 11, мог. 7 и др.
[38] М. А. Итина. Ук. соч., стр. 53; В. С. Сорокин. Ук. соч.
[39] Тесь, кург. 19, Афанасьева гора, мог. V, Тас-хаза, мог. 1, Подкунинский улус, кург. 1, Тасты-бутак, погр. 44. В китойской культуре Прибайкалья также известны ярусные погребения (мог. Циклодром).
[40] Н. В. Леонтьев. Кундусукские росписи. СА, 1969, 4, рис. 1, 2.
[41] Работы Красноярской археологической экспедиции летом 1969 г.

менными объединениями, ведшими свое происхождение от неолитических таежных племен охотников, позднее продвинувшихся в степную зону и перешедших к разведению скота, либо, наоборот, могут принадлежать потесненным волной андроновских пришельцев окуневским племенам. Возможно и синхронное существование таежных племен и связанных с ними своим истоком степных, чем объясняются некоторые сходные элементы в изображениях писаниц и степных стел. В этой же связи должны учитываться пережиточные неолитические признаки в окуневской культуре: амулеты из зубов и костей диких животных, в изобилии присутствующие в некоторых могильных комплексах типа Черемушного Лога и Усчуль. Существовали и другие общины с более оседлым образом жизни, обусловленным рыболовством и скотоводством, типа Черновой VIII, своды V.

В условиях Хакасско-Минусинской котловины вполне реально предположить возможность одновременного существования размещенных по соседним долинам, по притокам Енисея различных этно-культурных объединений, вступавших в разнообразные контакты. Относительная непродолжительность таких периодов, в силу разных причин, не могла иметь широкого отражения в археологических материалах. Тем более ценными представляются свидетельства непосредственных преемственных контактов между населением окуневской и афанасьевской культур, отраженные в материалах могильников бассейна р. Абакан [42]. Так, в афанасьевском могильнике у улуса Верхний Аскыз, между двух типично афанасьевских колец с погребениями женщин, располагалось аналогичное кольцо, где в грунтовой яме, на подстилке из лиственной коры был погребен окуневского типа мужчина [43] с банковидным сосудом и шаром-подвесом. В могильнике Камышта — Большое кольцо, имевшем внешние признаки афанасьевского могильника, погр. 3, совершенное в грунтовой яме, перекрыто плитами поверх древесины. Здесь парное разнополое захоронение со смешанным инвентарем: крупным афанасьевским реповидным сосудом, костями овцы и курильницей окуневского типа с камеркой внутри. Заметим, что кости животных в виде положения пищи для умершего совершенно отсутствуют в окуневских могильниках. В афанасьевском могильнике Бельтыры погр. 6 женщины и девочки с окуневским инвентарем также имело типичное для афанасьевской культуры поверхностное кольцо из плит, а грунтовая могила была укреплена плитами по торцовым сторонам. Наконец, известный могильник Тас-хаза является, по-видимому, памятником, относящимся к периоду непосредственного соприкосновения носителей обеих культур. Его типично окуневская четырехугольная ограда содержала грунтовые могилы, перекрытые плитами, а в центре могильника находилось тройное погребение в сложном сооружении из бревен, земли и плитняка. Все одиночные погребения принадлежали женщинам. В одних был чисто окуневский инвентарь, в других — реповидная афанасьевская керамика сочеталась с окуневскими бусами из стеатита (мог. 1, ярус 3, мог. 2, ярус 3) [44] и окуневскими костяными колечками, что наблюдалось и в парных погребениях мужчины и женщины (мог. 2, ярус 4). Рассмотренное выше центральное погребение этого могильника также имеет смешанный инвентарь: окуневский и афанасьевский сосуды, шары-подвесы, пест-колотушку, кости коровы и барана.

Приведенные примеры показывают, что окуневскую культуру нельзя рассматривать как изолированный археологический комплекс [45], необходимо изучение ее во всем многообразии генетических и культурных контак-

---

[42] Раскопки А. Н. Липского 1954, 1957—1959 гг. Отчеты в Архиве ИА: Р-1, 2119, 1476, Ф-1, 1362; его же. Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ.

[43] В. П. Алексеев. Современное состояние краниологических исследований в расоведении. ВА, 3, 1968.

[44] Используется нумерация автора раскопок.

[45] История Сибири, I, гл. 4, Л., 1967. Текст Г. А. Максименкова.

тов. В этом плане перспективным может оказаться рассмотрение доандроновских комплексов на широкой территории, включая не только Хакасско-Минусинскую котловину, но и районы Казахстана, где известна необычайно близкая к окуневской керамика и сходные формы погребений [46].

M. D. Khlobystina

LA NÉCROPOLE DE TCHÉREMOUCHNY LOG ET L'ANCIEN AGE DU MÉTAL SUR L'IÉNISSEI MOYEN

Résumé

Dans la culture d'Okounévo remontant à l'ancien Age du bronze de la Sibéria méridionale (la première moitié du IIe millénaire avant notre ére) sur la rive droite de l'Iénissei existaient des communautés aux traditions néolithiques archaïques. A ces petites collectivités de chasseurs étaient typiques les amulettes faites de dents et d'os des bêtes sauvages. Elles étaient portées par des hommes et des femmes. Dans de grandes communautés (à Syda et à Tchernovaïa) où l'on pratiquait l'élevage de gros bétail les femmes avaient des parures artificielles. Quant aux hommes, ils ne portaient que les amulettes faites exclusivement des ongles d'ours, ce qui était lié probablement à la chasse rituelle fréquente chez les aborigènes de la Sibérie. On a réussi à constater que les sépultures dites triples (un homme et deux femmes) sont propres à tous les cimetières d'Okunévo. Elles sont disposées, chacune, dans le centre de l'enclos et entourées de tombeaux ordinaires. Ces «triples» sépultures sont, paraît-il, celles du chef d'une grande famille patriarcale, de sa femme et de sa concubine esclave ou bien de sa femme «mineure». Il est intéressant de noter que, dans la nécropole de Tchernovaïa, le prophète divin de la communauté est aussi enterré en compagnie de deux femmes. On signale l'apparition du procés de la séparation économique d'une petite famille car, pour la première fois dans la Sibérie méridionale, sont découvertes des sépultures renfermant, chacune, un couple composé d'êtres de sexes différents. Ces enterrements sont secondaires c'est-à-dire faits dans l'enclos où il y avait déjà des tombes. Les sites réunissaient plusieurs grandes familles dont chacune avaient sa propre enceinte de tombes.

[45] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88. 1960, стр. 32, 34 (улус Канай, могила 9), табл. XIX, *2*, *4*; XX, *6*.

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ ГОРИЗОНТЕ КУЛЬТУР ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

Проблеме происхождения культур шнуровой керамики в археологической литературе по-прежнему уделяется большое внимание. В последние годы в среде зарубежных археологов (У. Фишер [1], К. Струве [2], Л. Килиан [3], М. Бухвальдек [4], Т. Сулимирский [5], Я. Махник [6] и др.) широкую популярность приобрела теория так называемого общеевропейского горизонта. По мнению сторонников этой теории, образованию многочисленных культур шнуровой керамики предшествовало распространение единого культурного пласта, оставленного небольшой группой подвижных, скотоводческих племен, в короткое время распространившихся по значительной территории от Финляндии до Швейцарии и от Рейна до Волги. В результате ассимиляции носителями «общеевропейского горизонта» местных племен или их смешения якобы и возникли различные культуры шнуровой керамики. Признание роли местных племен в сложении «шнуровиков» выгодно отличает эту теорию от прежних, выводящих все шнуровые культуры из одного центра. Однако в старом и новом подходах к проблеме много общего, и различия между ними не носят принципиального характера. Согласно теории «общеевропейского горизонта», по-прежнему предполагается существование единого центра, откуда вышли носители этого горизонта. Тем самым предполагается наличие во всех группах шнуровой керамики единого культурного и этнического компонента, определившего их общий характер. И хотя в последнее время начали появляться работы, в которых высказывается скептическое отношение к теории «общеевропейского горизонта» [7], состоятельность этой теории в целом или в какой-то части может быть правильно оценена лишь в результате конкретного анализа отдельных культур шнуровой керамики с целью выделения в них памятников, комплексов и элементов, соответствующих «общеевропейскому горизонту». Это и составляет задачу настоящей статьи в применении к культурам шнуровой керамики на Украине и Белоруссии.

Еще недавно на территории Украины и Белоруссии была известна лишь среднеднепровская культура. В настоящее время здесь четко различаются следующие культуры шнуровой керамики: I — городокско-здолбицкая и стрижовская, II — прикарпатская, III — среднеднепровская, IV — верхнеднепровская (рис. 1). Кроме того, есть основания предполагать, что в дальнейшем будет выделено еще несколько культур.

---

[1] U. Fischer. Mitteldeutschland und die Schnurkeramik. Jahresschrift fur mitteldeutsche Vorgeschichte. 41/42, Halle, 1952.

[2] K. W. Struwe. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein und ihre Kontinentalen Beziehungen. Neumunster, 1955, стр. 98—119.

[3] L. Kilian. Haffkustenkultur und Ursprung der Balten. Bonn, 1955.

[4] M. Buchvaldek. Starší šňůrova keramika v Čechách. AR, IX, 3, Praha, 1957. стр. 364—383.

[5] T. Sulimirski. Thuringiaen Amphforae. PPS, стр. 21, London, 1955.

[6] J. Machnik. Studia nad kultura ceramiki sznurowej w Malopolsce. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 103—109.

[7] E. Neustrupný. Hrob z tusimic a některé problémy kultur se šňůrovou keramikau. PA, LVI, 2, Praha, 1965, стр. 392—452.

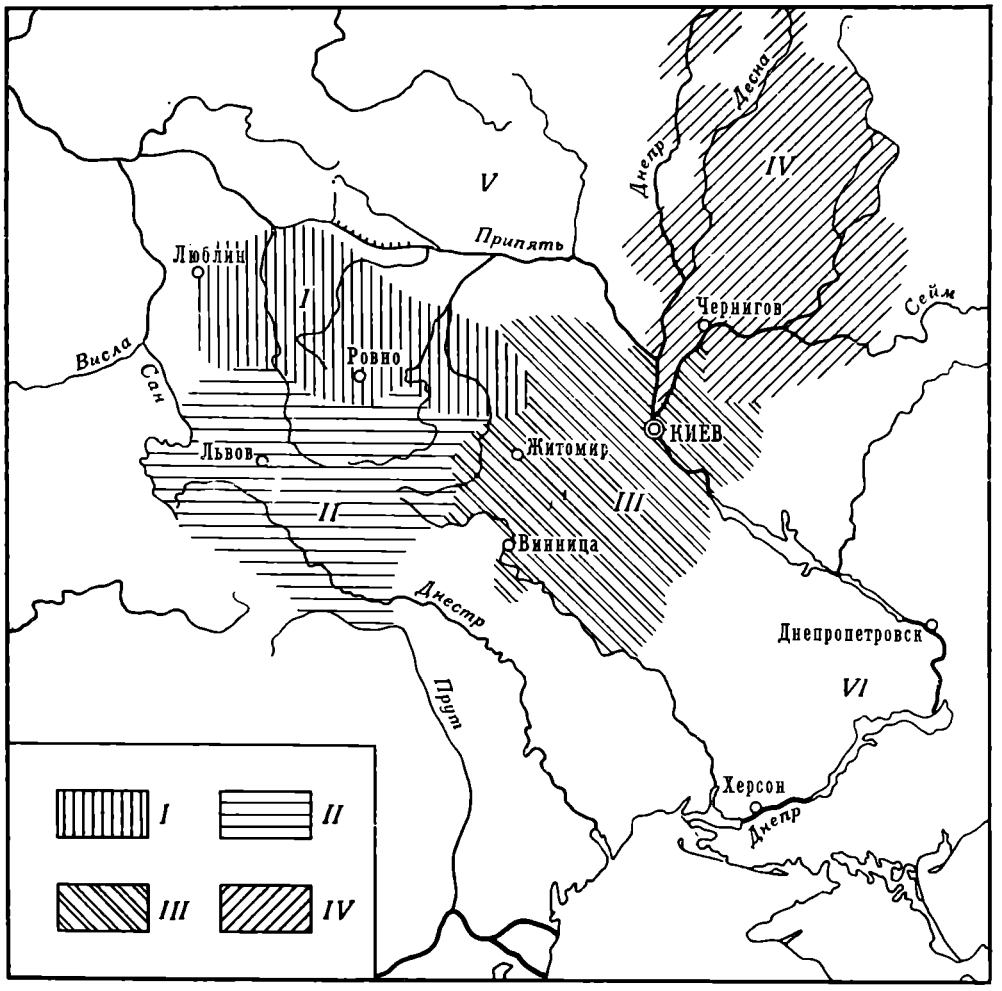


Рис. 1. Карта распространения культур шнуровой керамики на Украине.

I — городокско-здолбицкая и стрижовская культуры, II — прикарпатская культура, III — среднеднепровская культура, IV — верхнеднепровская культура

Городокско-здолбицкая и стрижовская культуры выделены лишь в последние годы объединенными силами польских и советских археологов, в первую очередь. Е. Глосика [8] и И. К. Свешникова [9]. По мнению этих исследователей, названные культуры генетически связаны между собой и составляют как бы две хронологические фазы — городокско-здолбицкую (раннюю) и стрижовскую (позднюю). Из приведенного рисунка видно, насколько своеобразна керамика, составляющая наиболее характерную часть инвентаря городокско-здолбицкой и стрижовской культур (рис. 2, *1*—27). Типичны не только формы, но и технология, особенно характерны расчесы, которыми сплошь покрыта поверхность большинства сосудов стрижовской культуры. Не менее характерна пышная орнаментация керамики отисками тонкого шнура или тесьмы. Одной из отличительных черт городокско-здолбицкой и стрижовской культур является большое количество кремневых орудий: серпов, долот, наконечников копий и т. д.

Прикарпатская культура наиболее полно охарактеризована Т. Сулимарским [10]. Она занимает Прикарпатье и западную часть Подолии, включая горный Днестр и районы Юго-Восточной Польши. И. К. Свешников

[8] I. Glosik. Kultura stryżowska. Materialy Starożytne, XI, Wrocław — Warszawa — Krakow. 1968. стр. 7—115.

[9] I. Swieszn ikow. Ze studiów nad kultura ceramiki aznurowej na Wolyniu, Podkarpaciu i Podolu. Odbirka ze sprawozdań z posiedźeń komisji oddzialu PAN w Krakowie, styczen-czerwiec 1966.

[10] T. Sulimirski. Cordee Ware and Globular Amphorac — North-East of the Carpathians. London, 1968.

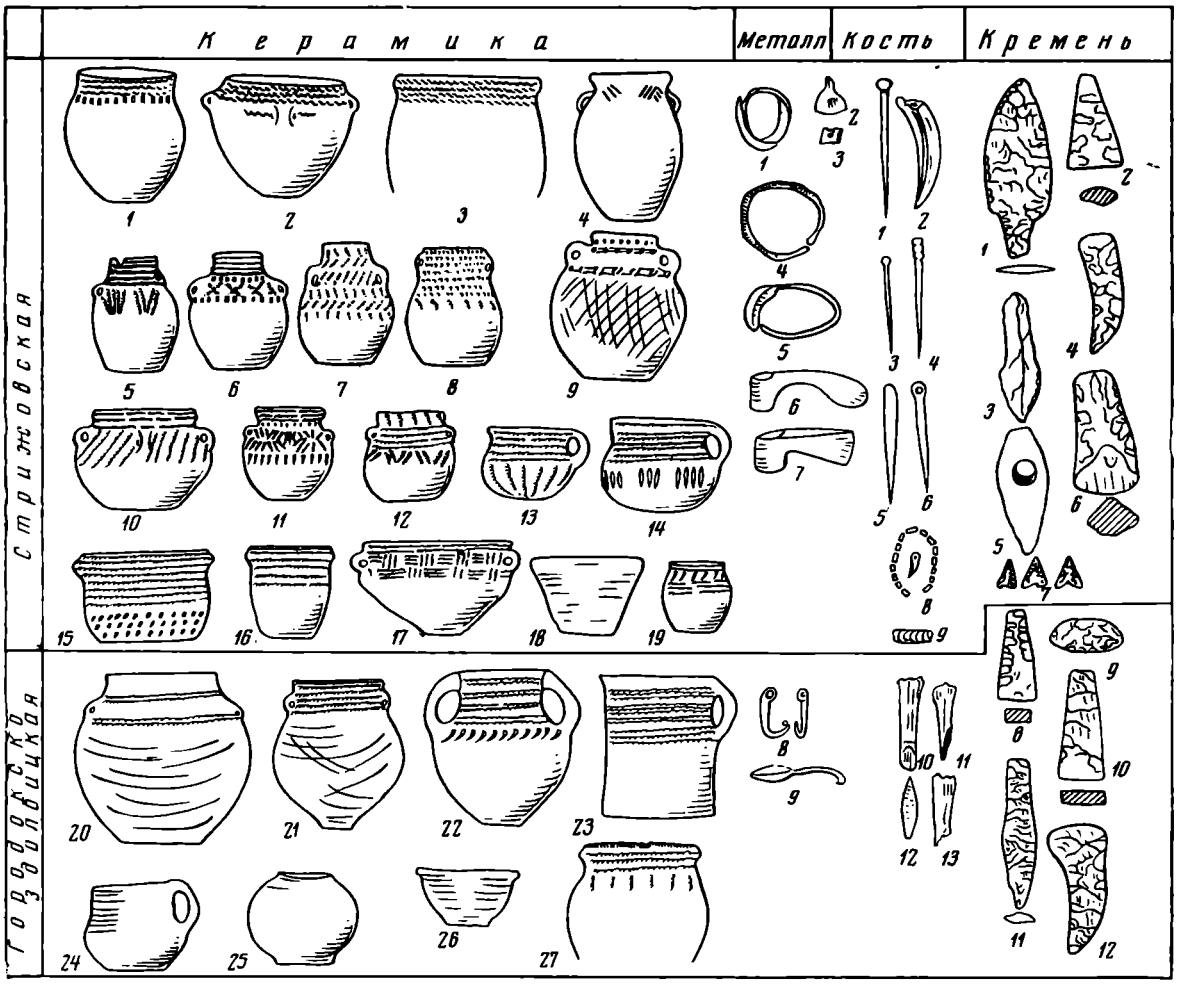


Рис. 2. Городокско-здолбицкая и стрижовская культуры (керамика, изделия из металла, кости, кремня и камня)

выделяет в ней три группы: верхнеднепровскую, подольскую и почапскую [11]. Керамику, каменные и даже металлические изделия прикарпатской культуры отличает большее по сравнению с другими культурами разнообразие, свидетельствующее о широких культурных связях, в частности с племенами Центральной Европы и Закарпатья (рис. 3).

До последнего времени средне- и верхнеднепровская, или днепро-деснинская (по Т. С. Пассек), группы шнуровой керамики объединялись и воспринимались как одна культура. Однако различия между ними настолько велики и значительны, что разделение их на две самостоятельные культуры представляется совершенно необходимым. Прямо или косвенно об этом уже давно писали многие исследователи (Т. С. Пассек [12], К. М. Поликарпович [13], А. Н. Лявданский [14], Т. Сулимирский [15]). О необходимости выделения верхнеднепровской группы памятников в особую культуру говорил в 1957—1958 гг. и И. И. Артеменко, впоследствии изменивший свое мнение. Отсутствие единых критериев для выделения археологических культур не позволяет в настоящее время решить этот вопрос окончательно. Однако наличие таких важных для археологической культуры факторов, как обособленность территории, четкие хронологические границы, от-

[11] I. Swiedznikow. Ук. соч., стр. 18.

[12] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 35, 46.

[13] К. М. Поликарпович. Досьледы культур каменнога і бронзавага пэрыодау. Працы, I, стр. 263—273; II, стр. 505, III — стр. 227.

[14] А. Н. Лауданскі. Археолегічныя досьледы у Смаленскай губэрні за 1918—1923, стр. 37.

[15] I. Sulimirski. Ук. соч., стр. 5.

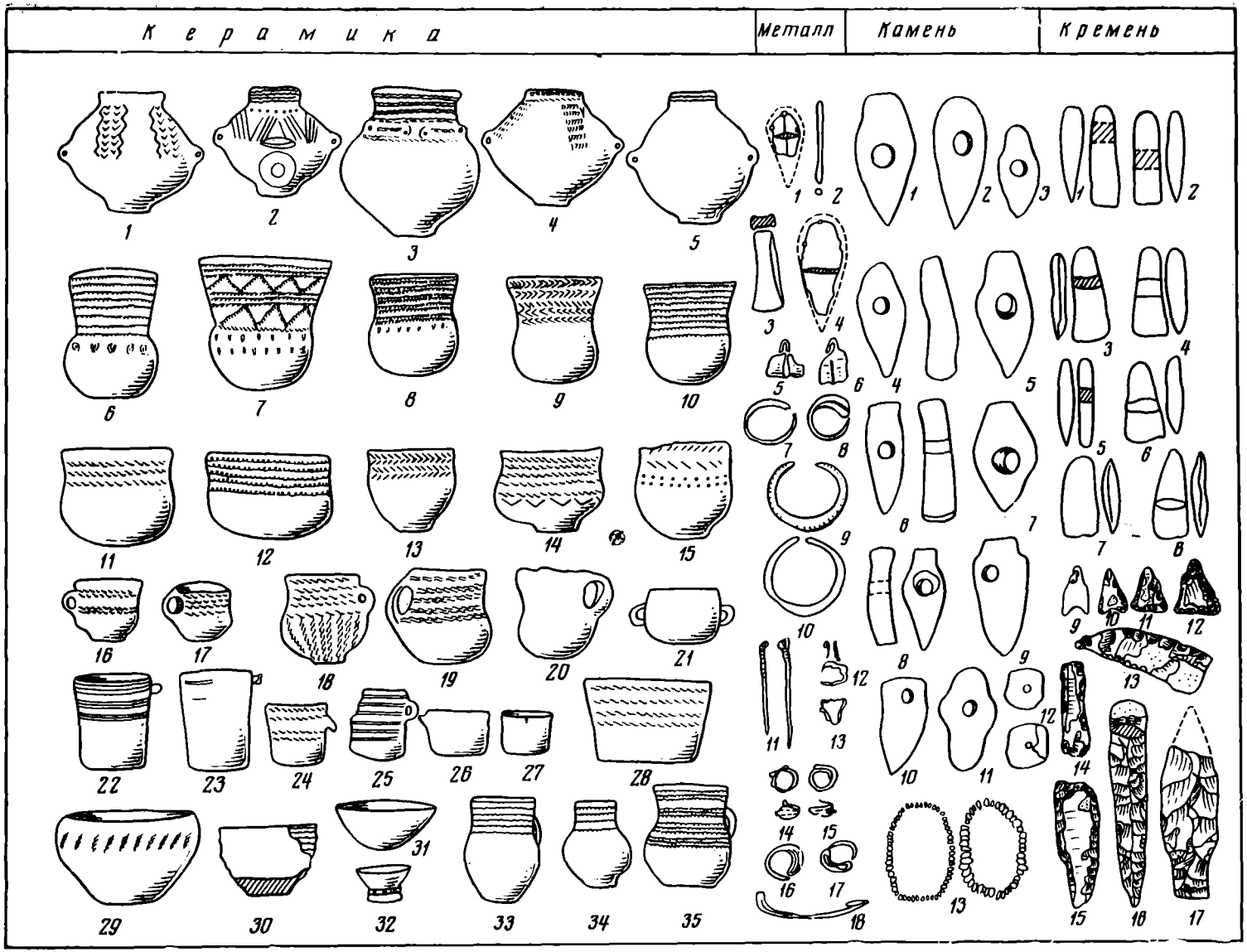


Рис. 3. Прикарпатская культура (керамика, изделия из металла, янтаря и кремня)

личие погребального обряда, своеобразие керамики и орудий труда, дает основание высказать предположение о том, что верхнеднепровскую группу памятников правильнее рассматривать в качестве самостоятельной культуры. К этому можно добавить, что различия между средне- и верхнеднепровской группами памятников не меньше, а вероятно, даже больше, чем между другими культурами шнуровой керамики, например прикарпатской и среднеднепровской или стрижовской и городокско-здолбицкой.

Среднеднепровская культура в основном занимает бассейн среднего течения Днепра и его притоки от Припяти на севере до Псла на юге. На западе памятники среднеднепровской культуры доходят до Винницы, Житомира, Овруча и смыкаются с памятниками городокско-здолбицкой, стрижовской и прикарпатской культур. Восточная граница не совсем ясна. Своеобразие керамики среднеднепровской культуры выражено очень ярко и в формах, и в орнаментации (рис. 4). Так, например, сосуды блоковидной формы, чрезвычайно характерные для среднеднепровской культуры, абсолютно неизвестны в других культурах шнуровой керамики. С другой стороны, в орнаментации, для которой свойственны мелкоузорчатость и пышность, особенно проявившиеся в так называемом паркетном узоре, собственно шнуровой орнамент встречается сравнительно редко. Наконец, довольно резкое отличие керамики поселений от погребального керамического комплекса также составляет одну из своеобразных черт среднеднепровской культуры [16].

Памятники верхнеднепровской группы, или верхнеднепровской культуры, изучены и описаны в основном И. И. Артеменко [17]. Территория распространения этой культуры еще не совсем ясна. В настоящее время можно говорить лишь о том, что наибольшая концентрация памятников известна между Смоленском на севере и Черниговом на юге, между реками Березиной на западе и Десной на востоке. Керамика верхнеднепровской культуры своеобразна и существенно отличается от керамики других шнуровых культур, в том числе и среднеднепровской (рис. 5).

Недостаточная степень исследованности не позволяет пока выделять другие культуры на Украине, существование которых, однако, намечается довольно отчетливо. Так, по-видимому, особая археологическая культура шнуровой керамики локализовалась в бассейне Припяти на севере Украины и в южных районах Белоруссии. Памятники, обнаруженные здесь в последние годы, безусловно принадлежат к ареалу шнуровых культур и в то же время обладают значительным своеобразием по сравнению как со среднеднепровской, так и с городокско-здолбицкой и стрижовской культурами [18].

Еще одну особую культурную группу шнуровой керамики, по-видимому, составляют памятники, расположенные в южной части среднего и в бассейне Нижнего Днепра, между Черкассами и Херсоном. Памятники представлены здесь долговременными поселениями типа Перуна и погребениями в курганах с чертами катакомбной культуры в обряде и инвентаре (Адамовка, Новогригорьевка и др. [19]). Не исключено также существование обособленной культурной группы или даже культуры шнуровой керамики в лесостепной части Левобережного Поднепровья, к югу от р. Сейм,

---

[16] С. С. Березанська. Деякі питання історії Середнього Подніпровья в епоху ранньої бронзи. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 57—91.

[17] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл., БССР. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 31—87; его же. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. МИА, 148, 1967.

[18] В. М. Исаенко, М. М. Чернявский. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии. «Белорусские древности», Минск, 1967. стр. 155—181.

[19] О. Г. Шапошнікова. Про памъятки часу катакомбної культури к степовому Придніпровьі. «Археология», XXI, Київ, 1968, стр. 79—92.

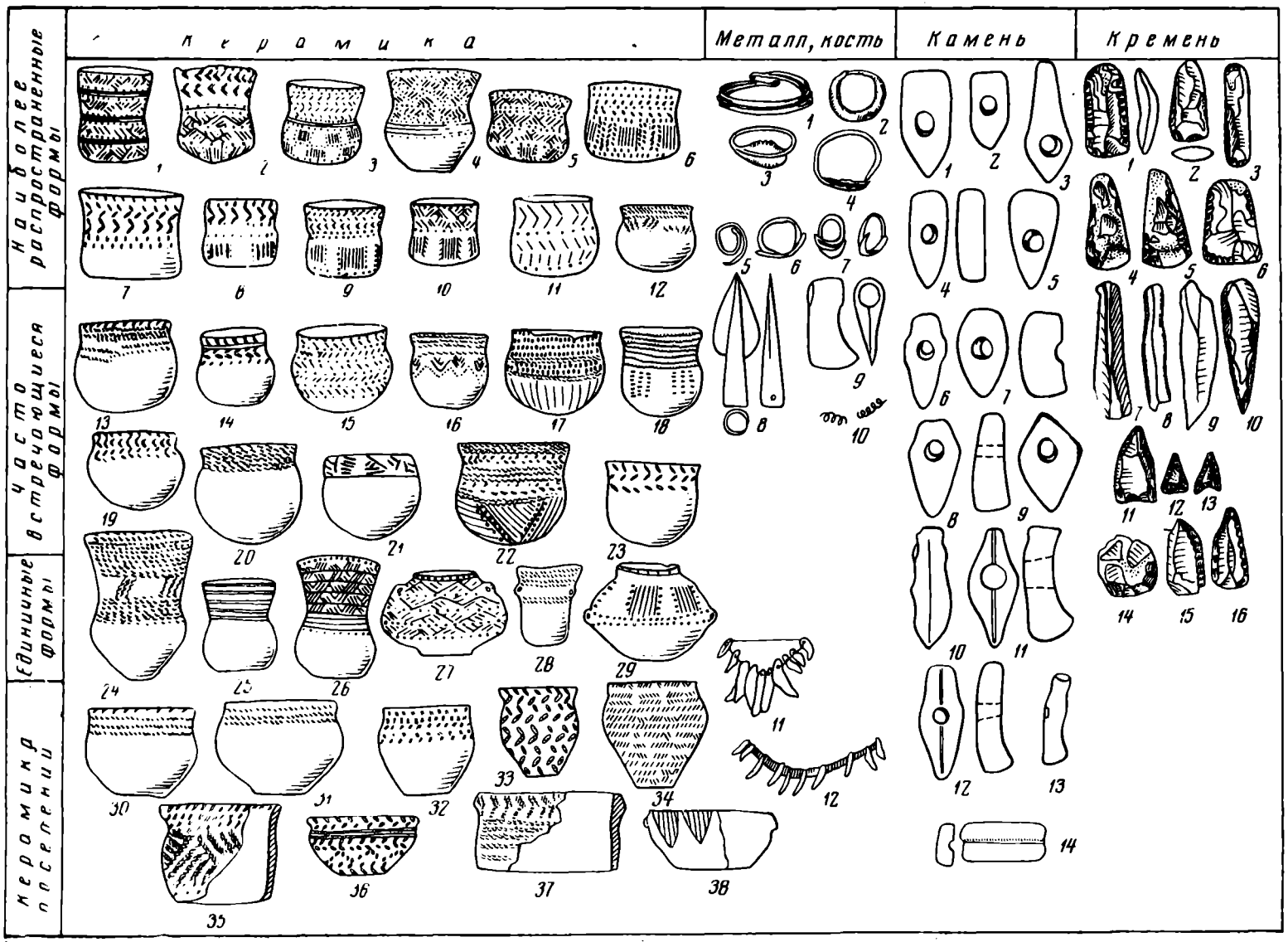


Рис. 4. Среднеднепровская культура (керамика, изделия из металла, кости, камня и кремня)

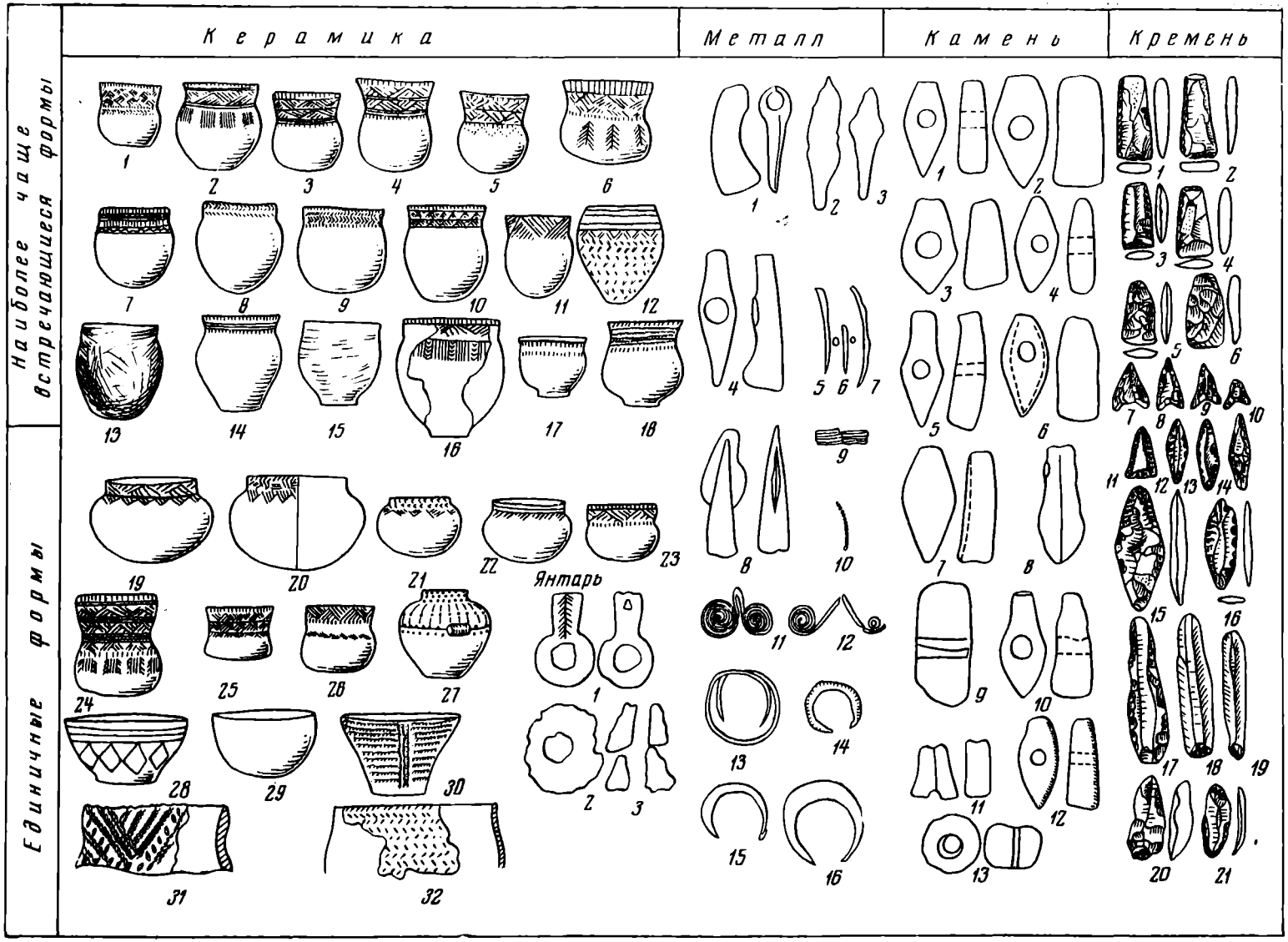


Рис. 5. Верхнеднепровская культура (керамика, изделия из янтаря, металла, камня и кремня)

где известны памятники так называемого харьковско-воронежского варианта катакомбной культуры.

В целом карта распространения культур и памятников шнуровой керамики показывает, что почти вся лесостепная Украина и значительная часть Южной Белоруссии в определенный период времени были заселены носителями культур шнуровой керамики. И хотя количество их пока не совсем ясно, несомненно, что это была не одна, а несколько культур. Данное обстоятельство требует установления между ними хронологического

Стратиграфические данные о культурах шнуровой керамики на Украине и соседних территориях

Название культуры	Название пунктов							
	Ставок [1]	Заваловка [2]	Яцковица [3]	Каневщина [4]	Ходосовичи [5]	Грудек Надбужный [6]	Рацибобовице [7]	Владимир-Волынский [8]
Тшинецкая (в том числе сосницкий тип)	×				×			
Среднеднепровская		×	×	×				
Прикарпатская								
Верхнеднепровская					×			
Городокско-здолбицкая и стрижовская	×					×	×	×
Ямная			×	×				
Софиевская, позднее триполье		×						
Шаровидных амфор							×	+
Воронкозидных кубков						×		

[1] Ю. Н. Захарук. Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. КСИА, 12, 1962, стр. 51, 52.

[2] В. А. Круц. Новий могильник Софіївського типу біля с. Завалівка на Дніпрі. «Археологія», XXI, стр. 127.

[3] A. Bydlowski. Mogily w Jaskowicy. «Swiatowit», VI, Warszawa, 1905; кург. 29, 30, 41, 43, 44, 56.

[4] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб. 1908; с. Кагарлык (кург. 235—237), с. Забара (кург. 321, 322, 413, 414), с. Зеленки (кург. 220, 296, 310, 319) и многие другие.

[5] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл., БССР. Памятники каменного и бронзового веков Евразии М., 1964, стр. 86.

[6] I. Glosik. Kultura Strzyzowska. Materialy Starozytne, XI Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1938, стр. 23.

[7] Z. Slusarski. Raciborowicw, pow. Hrubieszów. «Z otchlani wieków», RXXV 1959, стр. 208.

[8] I. Glosik. Ук. соч., стр. 23.

соотношения. Датировка шнуровых культур на рассматриваемой территории разработана еще слабо. Исследователи обычно ссылаются друг на друга и датируют здолбицко-городокские памятники при помощи среднеднепровской культуры, среднеднепровскую культуру при помощи стрижевской и наоборот. Очевидно, пока нет твердых оснований для хронологии каждой из культур, наиболее объективными являются данные стратиграфии. Приведенная таблица стратиграфических данных позволяет говорить о том, что шнуровые культуры на Украине позже таких культур, как ямная, позднетрипольская, шаровидных амфор и воронковидных сосудов. Хронология всех перечисленных культур разработана сравнительно хорошо, все они имеют даты по C^{14}. Согласно этим датировкам, верхняя граница существования культур, предшествующих шнуровым, определяется последней четвертью III и рубежом II тысячелетия до н. э. [20].

[20] Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы Европейской части СССР. 1968, стр. 168, 169; В. Г. Збенович. Про кинджали Уатівського типу. «Археология», XX, стр. 46; F. Wislanski. Kultura amfor kulistuch в Polue polnocnozachodniej. Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 129—131; Н. А. Пелешишин. Древнее население Западной Волыни в III тысячелетии до н. э. (культура воронковидных сосудов). Автореф. канд. дис., Киев, 1967, стр. 15.

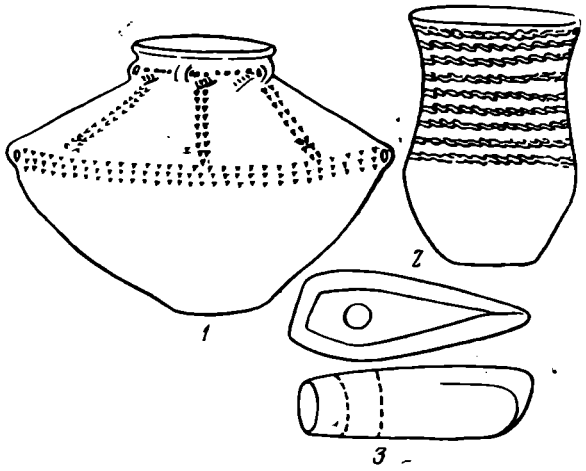


Рис. 6. Основные компоненты общеевропейского горизонта шнуровых культур

С другой стороны, стратиграфические данные показывают, что шнуровые культуры на Украине и Белоруссии древнее тшинецко-комаровской культуры, в том числе и ее сосницкого варианта. Нижняя дата тшинецкой культуры в Польше и тшинецко-комаровской на Украине определяется XV в. до н. э.[21] Таким образом, время бытования культур шнуровой керамики на Украине и Белоруссии падает на рубеж III и II тысячелетий до н. э. и на первую половину II тысячелетия до н. э. Немногочисленные, но в какой-то степени датирующие металлические предметы, пастовые бусы и янтарные украшения, встреченные среди инвентаря культур шнуровой керамики, хотя и не уточняют эту дату, но и не противоречат ей[22]. Наличие в культурах шнуровой керамики Украины и Белоруссии серии близких, почти аналогичных предметов свидетельствует о том, что культуры шнуровой керамики на Украине возникли в одно и то же время, развивались параллельно и одновременно прекратили существование, уступив место памятникам тшинецко-комаровского круга.

В качестве обязательных признаков так называемого общеевропейского горизонта, вслед за впервые его выделившим П. Глобом, принято считать: а) амфоры тюрингского типа, б) кубки с высокой цилиндрической шейкой и в) каменные боевые топоры (рис. 6). Ни в одной из выделенных на Украине и Белоруссии культур не известно ни одного памятника с комплексом всех трех перечисленных выше компонентов «общеевропейского горизонта». Однако порознь, по одному или даже по два вместе, классические образцы «общеевропейского горизонта» встречены, правда, также в чрезвычайно небольшом количестве и не во всех культурах. В прикарпатской культуре, граничащей с западноевропейскими культурами шнуровой керамики, черты «общеевропейского горизонта» проявляются наиболее ярко. Хотя здесь также неизвестны памятники с тремя компонентами, однако примерно 20 погребений содержат по два из них: амфору и кубок, либо кубок и топор, либо топор и амфору[23]. При этом следует отметить, что обряд этих погребений ничем не отличается от остальных, а инвентарь никогда не ограничивается только предметами, характерными для «общеевропейского горизонта», и содержит, кроме того, самые различные вещи: мисочки (Колоколин I, Брусино[24]), чаши (Красов I[25]), банки с валиком под венчиком (Сивки I, Новоселки-Меские[26]), наконечники стрел (Колоколин I, Крылос VI[27]), наконечники копий, или кинжалы (Новоселки Лесские[28]). Все эти предметы никакого отношения к общеевропейскому горизонту не имеют.

[21] A. Gardawski. Chronologia kultury trzizcineckiej. AP, X, 2. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 533—536; И. К. Свешников. К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур, МИА, 130, М., 1965, стр. 91; С. С. Березанская. Тшинецко-комаровская культура на Северной Украине. СА, 1967, 2, стр. 136.

[22] И. И. Артеменко. Племена верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 23—40, 56; I. Głosik. Ук. соч., стр. 22.

[23] T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 12—24.

[24] Там же, табл. 6, *20*, табл. 3, *3*.

[25] Там же, 9, *3*.

[26] Там же, табл. 6, *6*, *8*.

[27] Там же, табл. 9, *25*; 11, *4*.

[28] Там же, стр. 144 (№ 73).

В остальных культурах вовсе не обнаружено комплексов, состоящих хотя бы из двух компонентов, и «общеевропейский горизонт» представлен здесь отдельными и к тому же крайне немногочисленными предметами. Так, в прикарпатской культуре, по подсчетам Т. Сулимирского, тюрингские амфоры обнаружены в 29 погребениях [29]. При этом большинство из них происходит из юго-западных районов Прикарпатья, тогда как в северо-западных районах они почти отсутствуют. Здесь распространены амфоры уже иного типа (миховские), значительно отличающиеся от тюрингских. Существен тот факт, что наиболее близкие аналогии для них составляют сосуды из местных комплексов позднего Триполья (Выхватинский могильник, Усатовский могильник, Терновка и др.) [30].

В среднеднепровской культуре найдено всего три амфоры. Одна из них, обнаруженная случайно в с. Грищенцы Каневского района, близка к прикарпатским (рис. 4, *29*). Две другие, сходные между собой, найдены в комплексах (погребение Яновка и поселение Исковщина) (рис. 4, *27*). И по своеобразной грушевидной форме, и по орнаментации эти амфоры резко отличаются от тюрингских и ни в одной из культур западной шнуровой керамики аналогий не имеет. Об их местном производстве свидетельствуют одинаковая с другими сосудами техника изготовления и типичная только для среднеднепровской культуры мелкоузорчатая зональная орнаментация.

В памятниках верхнеднепровской культуры амфор вообще нет. Исключением является экземпляр, найденный вне комплекса у с. Речица на Десне, т. е. на пограничье со среднеднепровской культурой (рис. 5, *27*). На территории городокско-здолбицкой и стрижовской культур амфор, типичных для общеевропейского горизонта, также нет. Вместе с тем в керамическом комплексе этой культуры значительное место занимают сосуды, которые хотя и называются амфорами, но никак не могут сравниваться с тюрингскими. Это крупные толстостенные сосуды с широким плоским дном, бочковидным туловом и узким горлом. Поверхность стрижовских амфор, как и всей остальной керамики, покрыта грубыми расчесами [31]. Очень типична пышная орнаментация оттиском тонкого шнура или тесьмы (рис. 2, *5—9*). Особо следует подчеркнуть, что амфоры городокско-здолбицкой и стрижовской культур находят себе близкие аналогии в сосудах более ранней местной культуры шаровидных амфор [32].

Представляет интерес тот факт, что в незначительном количестве амфоры, характерные для «общеевропейского горизонта», встречены на Украине за пределами распространения собственно шнуровых культур. Так, одна целая амфора и несколько фрагментов, принадлежащих, по-видимому, таким же сосудам, были обнаружены на Михайловском поселении, относящемся к ямной культуре [33]. Авторы отмечают, что амфора настолько своеобразна по форме, орнаментации и технологии, что, несмотря на ее «тюрингский» облик, она едва ли может быть расценена как импорт, а скорее является местным подражанием [34]. Еще несколько амфор, близких к «Михайловской», обнаружено в Херсонской области [35].

Кубки классического образца, характеризующие «общеевропейский горизонт», на Украине встречены в еще меньшем количестве, чем амфоры. Даже для прикарпатской культуры они абсолютно нетипичны. С большей или меньшей натяжкой в этой культуре к ним могут быть отнесены

---

[29] T. T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 12—14.

[30] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, рис. 41, *3*, *4*, рис. 43, 5; ее же. 10, фиг. 97, 99, *2*; В. Г. Збенович. Кераміка усатівського типу. «Археологія», XXI, рис. 2, *1—3*.

[31] I. Glosik. Ук. соч., стр. 40.

[32] I. Wiślański. Ук. соч., стр. 28.

[33] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 93, рис. 30.

[34] Там же, стр. 94.

[35] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья. УССР. Киев, 1951, стр. 20, табл. 11, 15, III, 9.

буквально единичные экземпляры из погребений в Кульчицы V, Остапы V, Колоколин I, Крылос VI, Новоселки Пшемысльские (рис. 3, *6—10*). Остальные, весьма многочисленные в прикарпатской культуре кубки, имеют разнообразную форму, ни одна из которых не может быть отнесена к типу, характеризующему «общеевропейский горизонт».

Несколько кубков, более или менее характерных для «общеевропейского горизонта», обнаружено в среднеднепровской культуре. Наиболее типичный из них найден в Яцковицком могильнике при разрушенном погребении, в кургане 48 (рис. 4, *24*). Близкие аналогии этому сосуду составляют кубки из Остап и Кульчиц (прикарпатская культура). Два близких по форме кубка найдены в кургане 1 у с. Стретовка (рис. 4, *25*, *26*). Однако мелкоузорчатая зональная орнаментация этих кубков уже типично среднеднепровская и указывает на их местное изготовление. В среднеднепровской культуре имеется целая серия сосудов, которые также называют кубками, однако и по форме, и по орнаментации они уже не имеют ничего общего с классическими образцами «общеевропейского горизонта». Они характерны исключительно для среднеднепровской культуры и ни в каких других культурах шнуровой культуры не известны. Здесь следует назвать группу сосудов биконической или блоковидной формы с перехватом в средней части, орнаментированных сплошь по всему тулову и даже днищу специфическим «паркетным узором» (рис. 4, *6—10*), а также сосудики с полусферическим туловом и короткой прямой шейкой (рис. 4, *14*, *16*, *18*, *23*).

Ни в городокско-здолбицкой, ни в стрижовской, ни в верхнеднепровской культурах кубков «общеевропейского горизонта» не обнаружено. Кубки, известные в городокско-здолбицкой и стрижовской культурах, вообще очень немногочисленны и невыразительны [36]. Это небольшие сосудики конической или горшковидной формы, с характерным для всей керамики утолщенным венчиком и мелкой шнуровой орнаментацией (рис. 2, *15*, *16*, *18*). Некоторые из таких кубков снабжены ушками. Такие кубки, как и амфоры, имеют аналогии в местных культурах предшествующего времени.

Третьим компонентом «общеевропейского горизонта» считаются боевые топоры. При этом некоторые исследователи высказывают предположение о существовании особого «общеевропейского горизонта», связанного с распространением погребений, единственным инвентарем которых являются боевые топоры типа «А» по классификации Ф. Глоба [37]. Прежде всего следует отметить, что в прикарпатской и среднеднепровской культурах боевые топоры встречаются значительно чаще, чем в городокско-здолбицкой, стрижовской и верхнеднепровской, где преобладают кремневые топоры-тесла. Кроме того, ни в одной из выделенных на Украине и Белоруссии культур не известны погребения только с боевыми топорами. Обычно топоры встречены совместно с другим инвентарем, не составляющим к тому же в хронологическом плане единого пласта. По мнению Т. Сулимирского, топоры появляются в Прикарпатье на первом (раннем) этапе культуры шнуровой керамики, но получают наибольшее распространение на втором [38].

В целом следует отметить, что на Украине и Белоруссии топоров типа «А» и даже близких к ним топоров ладьевидной формы с отвислым лезвием и выделенным округлым обухом встречено мало. Значительно большее распространение получили здесь топоры сравнительно простой овальной или прямоугольной в сечении формы с прямым клиновидным лезвием. При этом существенно, что в каждой из культур имеются топоры, характерные лишь для нее и неизвестные в других культурах. В городокско-здолбицкой и стрижовской культурах проушные топоры почти полностью отсутствуют и преобладают кремневые долотовидные топоры-тесла [39]. О местном произ-

---

[36] I. Glosik. Ук. соч., стр. 48.

[37] I. Salewicz. Uwagi na temat neolitu Polskiego «Liber Iosepho Kostrzewski octogenario», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, стр. 103, 104.

[38] T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 20.

[39] I. Glosik. Ук. соч., стр. 54.

водстве обоих типов топоров кроме своеобразия их формы убедительно свидетельствует и тот факт, что они изготовлены из местного сырья, различного не только по качеству, но и по цвету. Так, топоры городокско-здолбицкой и стрижовской культур изготовлены из волынского черного или дымчатого кремня, добытого в районах Кременца, Ровно, Дубно, Здолбунова [40]. Топоры прикарпатской культуры сделаны из верхнебужского и подольского кремня черно-серого цвета; в частности, топоры северо-западных поднестровских районов изготовлены почти исключительно из раховского кремня [41]. Верхнеднепровские топоры в большинстве случаев темно-серого цвета, изготовлены из кремня, выходы которого имеются на верхнем Днепре, Соже, Ипути и ряде других рек Южной Белоруссии [42].

Выделяя «общеевропейский горизонт», авторы обычно кроме трех рассмотренных выше обязательных элементов указывают «сопутствующие». Они разнообразны, однако чаще других называются: курганы, ровики вокруг погребальной ямы, простейшие украшения из янтаря, ожерелья из клыков животных, шнуровой орнамент и др. В большей или меньшей степени все упомянутые черты присущи памятникам Украины и Белоруссии. Однако и время, и территория распространения, и культурная принадлежность у них не совпадают. Более того, нет никаких оснований связывать их только с культурами шнуровой керамики. Так, шнуровая орнаментация на Украине получила распространение задолго до сложения собственно шнуровых культур. Она появляется здесь еще в эпоху меди в степной части Украины, где связывается со средне-стоговской культурой, датируемой на основании импортов трипольской культуры IV — началом III тысячелетия до н. э.[43] Примерно в это же время или чуть позже на Украине появляются и первые курганы. Во всяком случае, уже на раннем этапе ямной культуры они получают широкое распространение. Таким образом, между появлением первых курганов и сложением европейских культур шнуровой керамики хронологический разрыв более чем в 500 лет. Обычай окружать погребальные ямы рвом в эпоху ранней бронзы распространен довольно широко, причем в самых различных культурах (усатовской, ямной, катакомбной и др.). Среди шнуровых культур Украины он больше всего распространен (или лучше всего прослежен) в верхнеднепровской культуре, где, по данным И. И. Артеменко, характеризует не ранний, как следовало бы ожидать, а поздний этап развития культуры [44]. Таким образом, и время бытования, и район распространения этого обычая также выходят за хронологические территориальные границы раннего этапа шнуровых культур, наиболее соответствующие «общеевропейскому горизонту». То же следует сказать относительно таких украшений, как ожерелья из клыков животных и янтарных подвесок. Первые вначале, по-видимому, появились в Причерноморских степях, в среде племен ямной культуры, где обнаружены в очень большом количестве, а затем уже распространились в культурах шнуровой керамики. Источником янтарных украшений была совершенно иная территория, по-видимому Прибалтика, чем и объясняется тот факт, что в культурах, расположенных в северных районах ареала шнуровиков (верхнеднепровской, городокско-здолбицкой и стрижовской), янтарных украшений значительно больше, чем в южных.

В целом рассмотрение шнуровых культур Украины и Белоруссии под углом зрения выделения в них «общеевропейского горизонта», как в его

---

[40] Там же, стр. 54.
[41] T. Sulimirski. Ук. соч., стр. 17, 18.
[42] И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 40.
[43] Д. Я. Телегин. Основные черты и хронология среднестоговской культуры эпохи меди. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков. М., 1966. стр. 87.
[44] И. И. Артеменко. Ук. соч., табл. 6.

трех основных компонентах, так и в«сопутствующих» приводит к следующим выводам.

На Украине и Белоруссии отсутствуют археологические памятники с характерным комплексом черт «общеевропейского горизонта». Разрозненные элементы в виде амфор, кубков и топоров имеются, но они встречены буквально в единичных экземплярах и в общем не составляют и десятой доли процента всего инвентаря шнуровых культур. При этом не вызывает сомнения, что предметы, относящиеся к «общеевропейскому горизонту», не составляют на рассмотренной территории обособленного пласта и не связаны с каким-либо определенным типом памятников. Большинство из них обнаружено в комплексе самых разнообразных вещей, не имеющих никакого отношения к «общеевропейскому горизонту». Следует также подчеркнуть, что преобладающее число предметов, характерных для «общеевропейского горизонта», обнаружено в прикарпатской шнуровой культуре, непосредственно граничащей с западноевропейскими культурами шнуровой керамики, для которых тюрингские амфоры, кубки с шаровидным туловом и ладьевидные топоры являются наиболее типичными элементами. Представляется вполне естественным, что в процессе культурного обмена эти предметы проникли на соседнюю территорию. При этом степень культурного влияния по-разному ощущается вблизи и в отдалении от источника. Этим, в частности, объясняется то, что в наиболее удаленной верхнеднепровской культуре предметов «общеевропейского горизонта» почти не встречено. Все это дает основание говорить, о том, что на Украине не было такого археологического явления, как «общеевропейский горизонт» шнуровых культур. Следовательно, отсутствуют какие бы то ни было основания, позволяющие говорить о нашествии на Украину каких-то племен в период, предшествующий сложению здесь культур шнуровой керамики, принявших в этом сложении якобы активное участие.

Существовал ли «общеевропейский горизонт» где-нибудь в другом месте, на основании только восточноевропейских материалов, безусловно, решать нельзя. Однако в данной связи интересны некоторые замечания, высказанные рядом археологов по поводу «общеевропейского горизонта» в Польше, Чехословакии и других местах. Так, многие авторы пишут о крайне незначительном проценте памятников или даже предметов, относящихся к «общеевропейскому горизонту». По подсчетам М. Бухвальдека, памятники «общеевропейского горизонта» в Чехословакии составляют всего 2% всех памятников шнуровой керамики[45], в Дании 3—4%[46], в Польше, по подсчетам Я. Махника, они также очень малочисленны[47]. Далее, ряд авторов отмечает, что практически, кроме Средней Германии, не известно территории, где бы все три компонента «общеевропейского горизонта» были встречены совместно, да и там эти случаи очень немногочисленны[48]. При этом И. Салевич пишет, что в злотской культуре не только нет погребений, содержащих все элементы, характеризующие «общеевропейский горизонт», но наблюдается даже стратиграфия отдельных его элементов, позволяющая говорить об их разновременности[49]. Чрезвычайно важно наблюдение Е. Неуступного над тем, что в различных районах «общеевропейский горизонт» далеко не идентичен и, кроме того, всегда содержит «примесь», характерную только для данного района[50]. Все эти замечания, находящие подтверждение в наблюдениях над украинским и белорусским материалом, заставляют с сомнением относиться к факту существования «общеевропейского горизонта» вообще.

---

[45] M. Buchvaldek. Starší šňůrova keramika v Čechách. AR, IX, 3, Praha, 1957.
[46] Там же.
[47] I. Machnik. Ук. соч., стр. 109.
[48] I. Salewicz. Ук. соч., стр. 99.
[49] Там же, стр. 103.
[50] E. Neustrupny. Ук. соч., стр. 451.

S. S. Bérézanskaïa

«A PROPOS DE L'HORIZON COMMUN EUROPÉEN DES CULTURES DE LA CÉRAMIQUE CORDÉE EN UKRAINE ET EN BIÉLORUSSIE»

Résumé

L'analyse des cultures de la céramique cordée connues actuellement en Ukraine et en Biélorussie qui a été effectuée en vue d'y révéler «l'horizon commun européen» donne lieu à tirer les conclusions suivantes:
premiérement, les documents archéologiques comportant l'ensemble d'indices propres à l'horizon commun européen font totalement défaut en Ukraine et en Biélorussie; deuxièment, quant aux éléments isolés dudit horizon, tels qu'amphores de type thuringien, coupes et haches de combat on n'en trouve sur les territoires précités que les spécimens uniques qui font moins de 0,1% du mobilier appartenant aux cultures de céramique cordée.

Cela donne lieu à douter qu'il existe en Ukraine et en Biélorussie un phénoméne archéologique dit «l'horizon commun européen».

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ, Д. Б. ШЕЛОВ

ФИБУЛЫ ФРАКИИ VII—V ВВ. ДО Н. Э.

(К вопросу об экономическом развитии Фракии накануне возникновения царства одрисов)

Очень важным периодом в развитии экономики и культуры одной из больших этнических групп населения Балканского полуострова — древних фракийцев, были VII—V вв. до н. э. именно в это время происходят социальные и экономические процессы, которые привели к консолидации фракийских племен и подготовили возникновение в середине V в. до н. э. первого государственного образования фракийцев — Одрисского царства. Скудость литературных источников о фракийцах этого периода не позволяет подробно проследить эти процессы. Но привлечение обильных археологических и нумизматических материалов дает все же возможность осветить многие стороны экономического и социального развития Фракии в этот ответственный период ее истории.

Предлагаемая статья посвящена одному из частных вопросов указанной проблемы.

Постепенное возрастание внутренних связей между различными фракийскими племенами и разными районами Фракии и создание единого общефракийского рынка прослеживаются на основании анализа распространения металлических фибул фракийского производства VII—V вв. до н. э. Для решения поставленного вопроса могут и должны быть привлечены и другие элементы материальной культуры фракийцев этого времени. Фибулы же могут быть взяты в качестве показательного материала, во-первых, потому, что они представлены многими локальными хронологическими типами и благодаря этому можно получить ясное представление об их распространении; во-вторых, они достаточно широко применялись всеми слоями населения и могут считаться характерными для культуры фракийцев; в-третьих, фибулы сравнительно хорошо датируются; в четвертых, они всегда привлекали к себе внимание исследователей и благодаря этому большинство их находок опубликовано и может быть использовано в нашем обзоре.

Но прежде чем говорить о производстве и распространении фракийских металлических фибул, следует коротко охарактеризовать основные металлургические районы древней Фракии, с деятельностью которых было связано изготовление различных металлических предметов, в том числе и фибул (рис. 1).

Металлургия и металлообработка были ведущими отраслями ремесленного производства у древних фракийцев. Обилие рудных месторождений в разных районах Фракии и богатство страны лесом создавали благоприятные условия для раннего развития добычи металлов. Правда, античная литературная традиция сохранила очень мало сведений о горнодобывающей промышленности у фракийцев. Грекам были хорошо известны только золотые и серебряные рудники в Эгейской Фракии — Скаптесиле, Пангей, Датос. Эти рудники часто упоминаются у античных писателей разного времени[1]. О добыче полезных ископаемых в глубинных областях Фракии

[1] Herod., VI, 47; VII, 112; Ps.-Eurip., Rhesos, 972; Thuc., I, 100; IV, 105; Xenoph., Hell., V. 2; Liv., XLV, 29; Diod., XXXI, 8, 5; Strabo, VII, 7, 4; fr. 33, 34; App., Civ, 443 и др. (См. P. Perdrizet, Skaptésylé. «Klio», X, 1910).

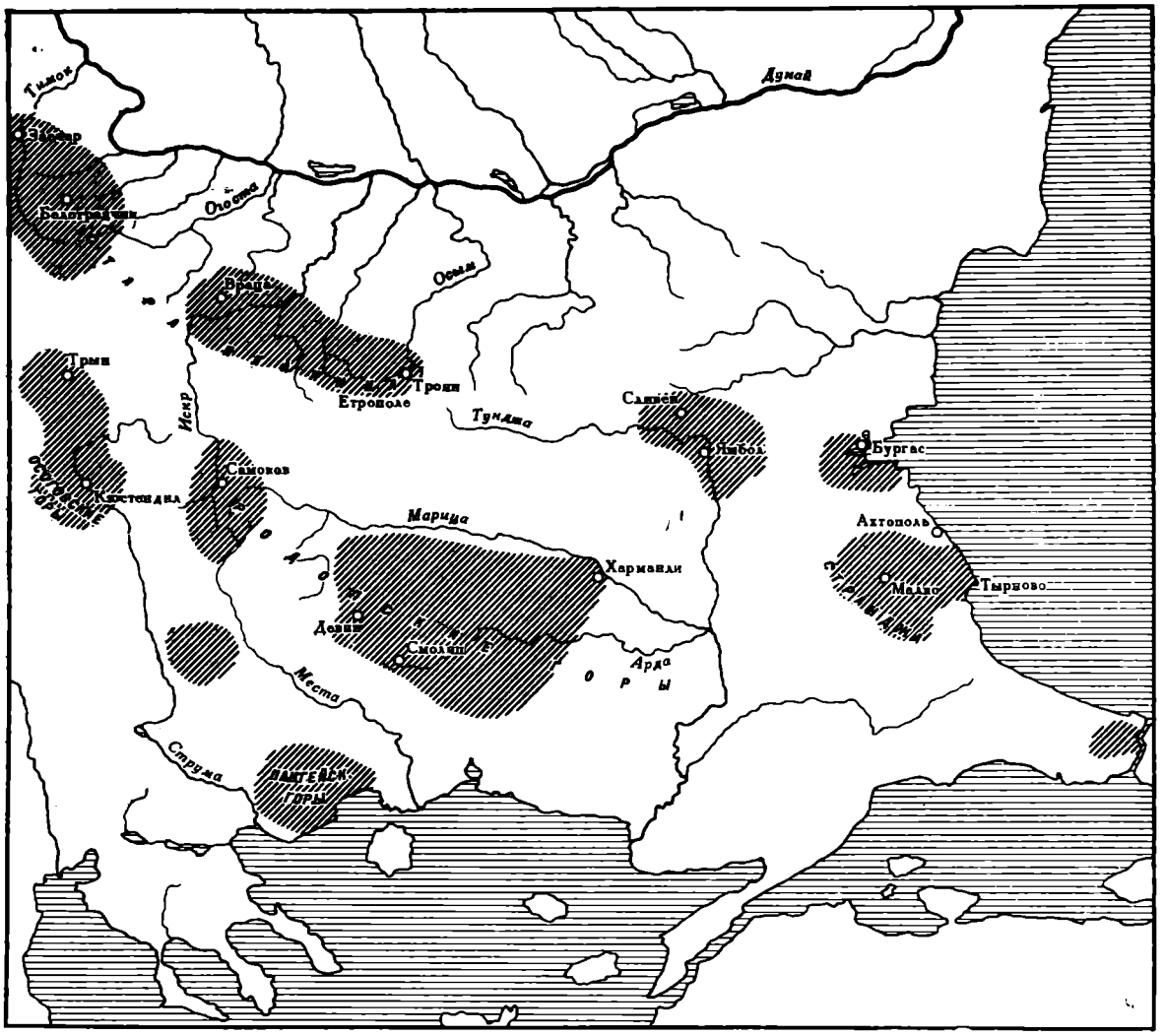


Рис. 1. Районы горнодобывающего и металлургического производств во Фракии

античные авторы ничего не сообщают, но косвенным свидетельством добычи металла в Родопских горах служит прочно установившаяся в античном мире репутация племени бессов как хороших шахтеров. Вегеций называет бессов лучшими строителями штолен и подкопов при осадных работах, само минное дело получило в позднем Риме название cuniculi nuore Bessorum. О добывании бессами золота упоминается в оде ноланского епископа Паулина [2]. Впрочем, в последнем случае под бессами могли пониматься фракийцы вообще.

Гораздо больше, чем литературная традиция, дают для характеристики древнего фракийского горнодобывающего производства археологические памятники. Во многих районах Фракии, главным образом в горных, встречаются остатки древних шахт, плавильных печей, скопления шлаков и другие следы добычи металла. К сожалению, в огромном большинстве случаев эти памятники не могут быть датированы и чаще всего приписываются деятельности римлян или позднейших средневековых саксонских рудокопов. Существует старая традиция даже введение горнодобывающего производства во Фракии приписывать римлянам [3]. Хотя это представление противоречит богатым археологическим данным, свидетельствующим об очень интенсивной металлообработке, существовавшей во Фракии еще в

[2] Paulini Nolani Carm., XVII.

[3] «Нет никакого сомнения, что первыми пионерами в этом отношении в наших краях были римляне». Г. Бончев. Старото рударство в България и Македония. СПБАН, XIX, 1920, стр. 2.

эпоху бронзы, оно дожило до наших дней [4]. Изучение древних рудников и остатков металлургического производства во Фракии является насущной задачей, но и сейчас уже можно твердо говорить о том, что многие рудные месторождения эксплуатировались в доримское время, в частности, в интересующую нас раннежелезную эпоху.

Одним из важнейших горнодобывающих и металлургических районов были, видимо, центральные Родопы, где в бассейне Чепеларской реки, в районах Девина и Смоляна открыты остатки печей для плавки железной руды, железные и медные шлаки, ямы и шахты для добывания галенита и пирита [5]. В этом краю найдены и орудия рудокопов и оборудование древних шахт[6]. Мы увидим далее, что именно из этого района происходит множество бронзовых и железных изделий VII—V вв. до н. э., которым можно уверенно приписать местное происхождение [7]. Разработки медных и железных руд проводились и южнее и восточнее в районе Харманлия и в бассейне Арды, где добывались главным образом гематит, галенит и халкопирит [8]. Важно отметить, что фракийцы, обитавшие в Родонах, умели не только добывать железо из песков или поверхностных месторождений, но и закладывать довольно глубокие шахты с разветвленной системой штолен и штреков [9]. Вероятно, с разработками руд и выделкой металлических изделий связано возникновение многих фракийских поселений и крепостей, открытых археологическими разведками в этих районах [10]. Именно здесь и обитали бессы — признанные специалисты горнодобывающего дела в древности [11].

Большим рудным районом являются и западные Родопы. Здесь в области Самокова (само название этого города говорит об обработке металла), в Рильских горах, на южных склонах Витоши встречаются богатые железом магнетитовые пески и гематиты [12]. В средневековье это был важнейший район выплавки железа, но древние разработки здесь пока не открыты. Однако это объясняется может быть поверхностным залеганием железистых руд, и в связи с этим отсутствием шахт. То же можно сказать и о выплавке железа в Пиринском крае [13].

С гораздо большей уверенностью мы можем говорить о древней разработке руд на крайнем западе Фракии — в Осоговских горах и в районе Трына. Здесь открыты шахты и многочисленные свалки шлака [14]. Особое значение здесь имели сребоносные свинцовые тетраэдриты и галениты, из которых добывалось серебро. Этот район стал одним из центров производства серебряных изделий уже в V в. до н. э. Находки в шахтах подтверждают глубокую древность разработок, восходящую к раннежелезной эпохе [15]. О значении добычи серебра в этом районе в античное время говорят

---

[4] Б. Радославов. Минното дело в развитието на човешката култура. София, 1948, стр. 21.

[5] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 32; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството и металлургията в България. София, 1953, стр. 18, 125, 139—141, рис. 88 и 89.

[6] К. Жуглев. Антични археологически находки от Асеновградско. «Археология», 1965, 4, стр. 38.

[7] Ср. В. Миков. Разкопки из Родопите. ГПНБ, 1940—1941, стр. 28.

[8] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 33.

[9] K. Jiriček. Archäologische Fragmente aus Bulgarien. Archäologisch-Epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn. Jharg. X, 1886, стр. 83.

[10] П. Детев. Преглед на праисторическите проучвания в северните склонове на Родопите. «Родопски сборник», 2, 1969, стр. 269—273.

[11] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 83; В. Добруски. Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царье. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», XIV, 1897, стр. 560.

[12] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 81; Г. Бончев. Старото рударство, стр. 26—31; O. Davies. Roman Mines in Europe. Oxford, 1935, стр. 230.

[13] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 34.

[14] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 77—79; Г. Бончев. Старото рударство, стр. 16—20; O. Davies. Roman Mines, стр. 228—229; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 124.

[15] Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 19.

монеты Ульпии Пауталии, римского города, находившегося на месте современного Кюстендила. На этих монетах начала III в. имеются персонифицированные изображения золота и серебра с соответствующими надписями ΧΡΥΣΟΣ и ΑΡΓΥΡΟΣ [16]. В районе Босилеграда эксплуатировались не только серебряно-свинцовые, но и железные руды — магнетит. По-видимому, в этом районе помещался какой-то пункт, который Прокопий называет Феррарией [17].

В северо-западном углу Фракии металлургическим районом была область Заечара-Белоградчика, представлявшая восточное продолжение металлоносной сербской Крайны. Здесь разрабатывались пириты и халькопириты, а также, вероятно, и свинцово-серебряные руды [18]. Открыты остатки шахт и плавильных печей [19]. Где-то в этом районе находилось упоминаемое Прокопием укрепление Аргентарес [20].

Другим источником металлического сырья был большой район, тянувшийся от Враца к юго-востоку до Етрополе и далее до Трояна. В этих местах добывались железо, медь и серебро. Обширные свалки медных и железных шлаков в различных местах этого района свидетельствуют об интенсивности древних разработок [21]. И этот район, как увидим ниже, стал значительным центром производства металлических изделий.

К востоку от Троянского перевала древние разработки металлических руд в горах Стара-Планина пока не известны. Для восточной Фракии мы можем с уверенностью говорить только о добыче металла в Странджа-Планина и в окрестностях Бургаса. В последнем районе добывалась преимущественно медь из халькопирита, сфалерита, азурита или малахита. С этими разработками связана, вероятно, и организация выпуска здесь стрелкообразных бронзовых денежных знаков в V—IV вв. до н. э.[22]. Значительно более широкая разработка не только медных, но и железных руд велась южнее, в Странджа-Планина, особенно в районе Малко Тырнова и Ахтополя. Там сохранились не только скопления шлаков и остатки древних рудников, но и развалины плавильных печей (в Делиево, Селистара и др.)[23]. Эксплуатация медных и железных руд могла производиться и в бассейне Тунджи, в Сакар-Планина, в районах Ямбола и Сливена [24].

Дионисий в описании Боспора Фракийского говорит о меди на реке Халкея [25], идентифицирующейся с Румели-Кавак. В этом районе есть азуриты и малахиты, которые могли разрабатываться открытым способом [26]. О других месторождениях неблагородных металлов в Эгейской Фракии античные источники ничего не сообщают, хотя добыча железной руды могла производиться, например, в горах Симболон в Пангейской области [27]. Слабая археологическая изученность этой части Фракии не позволяет делать каких-либо заключений о разработке здесь медных и железных руд.

О добыче же в Эгейской Фракии серебра и особенно золота сохранилось много сведений. Значительным районом добычи этих металлов был бассейн реки Галликон (Эхейдорос) и примыкавших к нему гор Дизирон (Круша-

[16] См., напр., Н. Мушмов. Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София, 1912, стр. 238, 241.

[17] Procop., De aedif., IV, 4; K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 81.

[18] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 23—24; П. Атанасова и П. Кичашки. Гробни находки от с. Градец, Видинско. «Археология», 1965, 3, стр. 55.

[19] K. Jiriček. Archäologische Fragmente., стр. 84.

[20] Procop. De aedificiis.

[21] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 21—22, 25; O. Davies. Roman Mines, стр. 224; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 124.

[22] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 38—39; O. Davies. Prehistoric Copper Mines near Burgas. «Man». XXXVI, 1936, June, стр. 92—93 (N 119); Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 18.

[23] Г. Аянов. Странджа, София, 1938, стр. 125—130; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 18, 141.

[24] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 40—41.

[25] Dionys. Anapl. Bosph. Thrac., 48.

[26] O. Davies. Roman Mines. стр. 238.

[27] S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, стр. 58.

эпоху бронзы, оно дожило до наших дней[4]. Изучение древних рудников и остатков металлургического производства во Фракии является насущной задачей, но и сейчас уже можно твердо говорить о том, что многие рудные месторождения эксплуатировались в доримское время, в частности, в интересующую нас раннежелезную эпоху.

Одним из важнейших горнодобывающих и металлургических районов были, видимо, центральные Родопы, где в бассейне Чепеларской реки, в районах Девина и Смоляна открыты остатки печей для плавки железной руды, железные и медные шлаки, ямы и шахты для добывания галенита и пирита[5]. В этом краю найдены и орудия рудокопов и оборудование древних шахт[6]. Мы увидим далее, что именно из этого района происходит множество бронзовых и железных изделий VII—V вв. до н. э., которым можно уверенно приписать местное происхождение[7]. Разработки медных и железных руд проводились и южнее и восточнее в районе Харманлия и в бассейне Арды, где добывались главным образом гематит, галенит и халкопирит[8]. Важно отметить, что фракийцы, обитавшие в Родонах, умели не только добывать железо из песков или поверхностных месторождений, но и закладывать довольно глубокие шахты с разветвленной системой штолен и штреков[9]. Вероятно, с разработками руд и выделкой металлических изделий связано возникновение многих фракийских поселений и крепостей, открытых археологическими разведками в этих районах[10]. Именно здесь и обитали бессы — признанные специалисты горнодобывающего дела в древности[11].

Большим рудным районом являются и западные Родопы. Здесь в области Самокова (само название этого города говорит об обработке металла), в Рильских горах, на южных склонах Витоши встречаются богатые железом магнетитовые пески и гематиты[12]. В средневековье это был важнейший район выплавки железа, но древние разработки здесь пока не открыты. Однако это объясняется может быть поверхностным залеганием железистых руд, и в связи с этим отсутствием шахт. То же можно сказать и о выплавке железа в Пиринском крае[13].

С гораздо большей уверенностью мы можем говорить о древней разработке руд на крайнем западе Фракии — в Осоговских горах и в районе Трына. Здесь открыты шахты и многочисленные свалки шлака[14]. Особое значение здесь имели сереброносные свинцовые тетраэдриты и галениты, из которых добывалось серебро. Этот район стал одним из центров производства серебряных изделий уже в V в. до н. э. Находки в шахтах подтверждают глубокую древность разработок, восходящую к раннежелезной эпохе[15]. О значении добычи серебра в этом районе в античное время говорят

---

[4] Б. Радославов. Минното дело в развитието на човешката култура. София, 1948, стр. 21.

[5] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 32; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството и металлургията в България. София, 1953, стр. 18, 125, 139—141, рис. 88 и 89.

[6] К. Жуглев. Антични археологически находки от Асеновградско. «Археология», 1965, 4, стр. 38.

[7] Ср. В. Миков. Разкопки из Родопите. ГПНБ, 1940—1941, стр. 28.

[8] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 33.

[9] K. Jiriček. Archäologische Fragmente aus Bulgarien. Archäologisch-Epigraphische Mitteilungen aus Oesterreich-Ungarn. Jharg. X, 1886, стр. 83.

[10] П. Детев. Преглед на праисторическите проучвания в северните склонове на Родопите. «Родопски сборник», 2, 1969, стр. 269—273.

[11] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 83; В. Добруски. Исторически поглед върху нумизматиката на тракийските царье. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», XIV, 1897, стр. 560.

[12] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 81; Г. Бончев. Старото рударство, стр. 26—31; O. Davies. Roman Mines in Europe. Oxford, 1935, стр. 230.

[13] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 34.

[14] K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 77—79; Г. Бончев. Старото рударство, стр. 16—20; O. Davies. Roman Mines, стр. 228—229; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 124.

[15] Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 19.

монеты Ульпии Пауталии, римского города, находившегося на месте современного Кюстендила. На этих монетах начала III в. имеются персонифицированные изображения золота и серебра с соответствующими надписями ΧΡΥΣΟΣ и ΑΡΓΥΡΟΣ [16]. В районе Босилеграда эксплуатировались не только серебряно-свинцовые, но и железные руды — магнетит. По-видимому, в этом районе помещался какой-то пункт, который Прокопий называет Феррарией [17].

В северо-западном углу Фракии металлургическим районом была область Заечара-Белоградчика, представлявшая восточное продолжение металлоносной сербской Крайны. Здесь разрабатывались пириты и халькопириты, а также, вероятно, и свинцово-серебряные руды [18]. Открыты остатки шахт и плавильных печей [19]. Где-то в этом районе находилось упоминаемое Прокопием укрепление Аргентарес [20].

Другим источником металлического сырья был большой район, тянувшийся от Враца к юго-востоку до Етрополе и далее до Трояна. В этих местах добывались железо, медь и серебро. Обширные свалки медных и железных шлаков в различных местах этого района свидетельствуют об интенсивности древних разработок [21]. И этот район, как увидим ниже, стал значительным центром производства металлических изделий.

К востоку от Троянского перевала древние разработки металлических руд в горах Стара-Планина пока не известны. Для восточной Фракии мы можем с уверенностью говорить только о добыче металла в Странджа-Планина и в окрестностях Бургаса. В последнем районе добывалась преимущественно медь из халькопирита, сфалерита, азурита или малахита. С этими разработками связана, вероятно, и организация выпуска здесь стрелкообразных бронзовых денежных знаков в V—IV вв. до н. э.[22]. Значительно более широкая разработка не только медных, но и железных руд велась южнее, в Странджа-Планина, особенно в районе Малко Тырнова и Ахтополя. Там сохранились не только скопления шлаков и остатки древних рудников, но и развалины плавильных печей (в Делиево, Селистара и др.)[23]. Эксплуатация медных и железных руд могла производиться и в бассейне Тунджи, в Сакар-Планина, в районах Ямбола и Сливена [24].

Дионисий в описании Боспора Фракийского говорит о меди на реке Халкея [25], идентифицирующейся с Румели-Кавак. В этом районе есть азуриты и малахиты, которые могли разрабатываться открытым способом [26]. О других месторождениях неблагородных металлов в Эгейской Фракии античные источники ничего не сообщают, хотя добыча железной руды могла производиться, например, в горах Симболон в Пангейской области [27]. Слабая археологическая изученность этой части Фракии не позволяет делать каких-либо заключений о разработке здесь медных и железных руд.

О добыче же в Эгейской Фракии серебра и особенно золота сохранилось много сведений. Значительным районом добычи этих металлов был бассейн реки Галликон (Эхейдорос) и примыкавших к нему гор Дизирон (Круша-

[16] См., напр., Н. Мушмов. Античните монети на Балканския полуостров и монетите на българските царе. София, 1912, стр. 238, 241.

[17] Procop., De aedif., IV, 4; K. Jiriček. Archäologische Fragmente, стр. 81.

[18] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 23—24; П. Атанасова и П. Кичашки. Гробни находки от с. Градец, Видинско. «Археология», 1965, 3, стр. 55.

[19] K. Jiriček. Archäologische Fragmente., стр. 84.

[20] Procop. De aedificiis.

[21] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 21—22, 25; O. Davies. Roman Mines, стр. 224; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 124.

[22] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 38—39; O. Davies. Prehistoric Copper Mines near Burgas. «Man». XXXVI, 1936, June, стр. 92—93 (N 119); Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 18.

[23] Г. Аянов. Странджа, София, 1938, стр. 125—130; Г. З. Коняров. Принос към историята на рударството, стр. 18, 141.

[24] Г. Бончев. Старото рударство, стр. 40—41.

[25] Dionys. Anapl. Bosph. Thrac., 48.

[26] O. Davies. Roman Mines, стр. 238.

[27] S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria. Oxford, 1926, стр. 58.

Планина) около озера Прасиас, откуда Александр I Македонский уже в середине V в. до н. э. получал, по свидетельству Геродота [28], ежедневно по таланту серебра [29].

Но важнейшим районом добычи драгоценных металлов были Пангейские горы между устьями Стримона и Неста. Здесь существовали два больших золотоносных района, известных в античной литературе под именем Скаптесиле и Крениды-Датос (Асила). За обладание этими рудниками вели упорную борьбу афиняне, фасосцы, фракийские племена и македонские цари. Перипетии этой борьбы подробно исследованы П. Пердризе [30]. О значении драгоценных металлов Пангея в политической борьбе в Северной Эгеиде хорошо сказал Стенли Кэссон: «Царства основываются на его золоте и серебре, армии уничтожаются, города возводятся, подвергаются разграблению, восстанавливаются и вновь разоряются, и один искатель приключений за другим ступает на эти золотые берега; и каждый из них умирает, царствует или исчезает в зависимости от того, как поворачивается перед ним колесо фортуны [31].

Можно думать, судя по ранней серебряной чеканке южнофракийских племен [32] и по некоторым упоминаниям античных авторов, что первоначально в Пангейских горах добывалось главным образом серебро и лишь позднее было открыто золото [33]. Оба эти металла содержались здесь главным образом в пиритах. Но, вероятно, большее значение, чем разработка пиритов, имело добывание «аллювиального» золота из золотоносных песков и россыпей [34]. Можно полагать, что все те методы добычи «аллювиального» и рудного золота, которые описывает Плиний [35], применялись и в более раннюю эпоху в месторождениях Фракии, в частности в Пангейской области.

Добывали золото и во внутренней Фракии. Аристотель передает рассказы о находках самородного золота в Пеонии, в том числе слитков весом в несколько мин [36]. Возможно, здесь идет речь о среднем течении Струмы, где добыча золота подтверждается упомянутыми уже монетами Ульпии Пауталии. Плиний упоминает о добыче золота и по Марице [37]. Практически золотой песок промывался во Фракии везде, где он выносился реками с гор в результате разрушения гранитов или кварцевых жил. Реки в Родопах, Рильских горах, Стара Планина, Средня-гора несли достаточное количество золотого песка, который промывали и добывали на Огосте, на Месте, на притоках Струмы и др. [38]

Рассмотренные районы разработки железных и медных руд и драгоценных металлов имели очень большое значение в экономической жизни страны. Они стали центрами, откуда металлические изделия, а иногда и металл в сыром виде распространялись по всей Фракии [39]. В этом мы убедимся, рассматривая распространение фракийских бронзовых, железных и серебряных фибул. Но металлообработка могла производиться и в тех районах, где руда не добывалась и куда металл должен был доставляться в слитках. Так, раскопки Севтополя и его курганного некрополя дают

[28] Herod., V, 17.

[29] S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria, стр. 61—63; O. Davies. Roman Mines, стр. 232—233.

[30] P. Perdrizet. Scaptèsylè, стр. 1 сл.

[31] S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria, стр. 59.

[32] Т. Д. Златковская. Ранние монеты южнофракийских племен. НЭ, VII, 1968, стр. 3 сл.

[33] O. Davies. Roman Mines, стр. 226.

[34] P. Perdrizet. Scaptèsylè, стр. 26; S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria стр. 75—77.

[35] Plin., NH, XXXIII, 21.

[36] Aristot., De mirab. auscult., 45.

[37] Plin., NH, XXXIII, 66.

[38] Г. Бончев. Старото ударство, стр. 44—45.

[39] В. Миков. Халщатски находки от Държаница, Видинско и Рибново, Неврокопско, ИБАИ, XII, 1939; стр. 347; его же. Разкопки из Родопите. ГПНБ, 1940—1941, стр. 19.

свидетельства изготовления в городе металлических украшений и других предметов[40]. При раскопках кургана № 1 в Копринке найдены бронзолитейные формы[41]. Между тем древняя добыча медных руд в районе Казанлыка не засвидетельствована. Литейные формочки найдены и в других местах, например в крепости Голям Острец к юго-западу от Севлиево[42].

Показательны исследования Цв. Дремсизовой железных изделий из могильника у с. Янкова и из других мест Шуменского района. Она пришла к выводу, что эти железные предметы имеют местное происхождение и изготовлены все в одной железоделательной мастерской или в близко расположенных мастерских, связанных между собой и влиявших друг на друга в отношении техники, моделей и пр.[43]. Это было возможно лишь в том случае, если эти мастерские находились где-то в том же районе, т. е. в значительном отдалении от железодобывающих центров. Эти и подобные им примеры свидетельствуют, что не только готовые изделия из металла, но и металл как сырье являлся во Фракии объектом торговли и перевозился на большие расстояния из мест его добычи и выплавки к металлообрабатывающим мастерским.

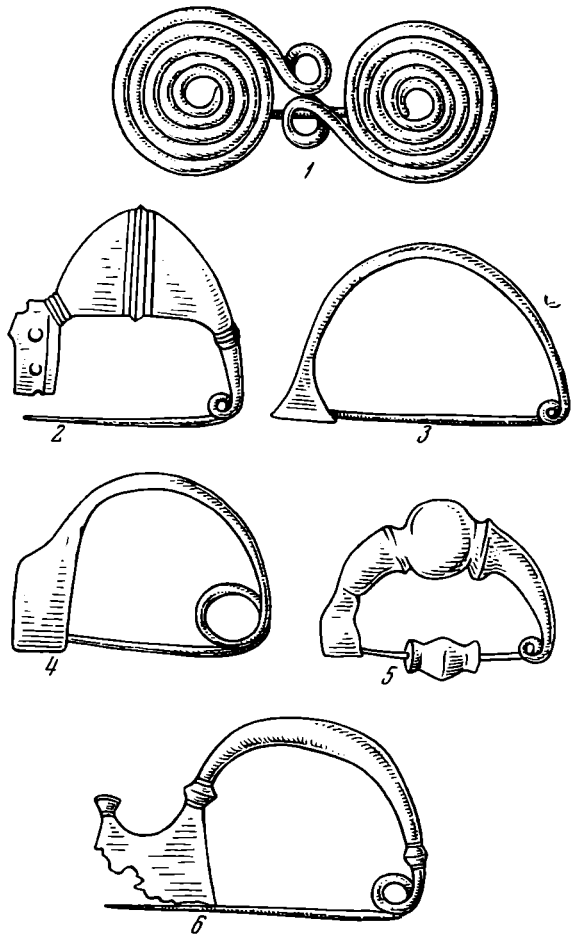


Рис. 2. Очковая и однопружинные фибулы из Фракии

1 — очковая; *2* — ладьевидная; *3* — с треугольным приемником; *4* — с прямоугольным приемником; *5* — узелковая; *6* — «фессалийского» типа

Самыми древними из фибул раннего железного века на фракийской территории были так называемые очковые фибулы (рис. 2, *1*). Широко распространенные в первой половине I тысячелетия до н. э. по всему району гальштатской культуры, особенно в западной части Балканского полуострова, эти фибулы встречаются и на территории Западной Фракии. Иллирийское происхождение этой формы фибул ни у кого не вызывает сомнения[44]. Но можно предполагать, что бронзовые очковые фибулы, найденные во Фракии, здесь же и выделывались. Об этом говорит самый район их распространения (рис. 3). Они встречаются почти исключительно в центральных Родопах, в древнем центре бронзолитейного производства между современными городами Асеновградом и Смоляном. Таковы находки пяти фибул у сел Лыкавица, Павелско и Добролык в районе к юго-западу от Асеновграда, вообще очень богатом находками различных бронзовых

---

[40] Д. П. Димитров. Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района. СА, 1957, 1, стр. 214.

[41] К. Жуглев. Разкопки и проучивания могили № 1 — Копринка, 2, ГСУФИФ, XLIX, 2, 1955, стр. 98—100, табл. XV, *1*, *2*.

[42] А. Милчев. Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско. ГСУФИФ, L, I, 1957, табл. XXI, *2*.

[43] Цв. Дремсизова. Надгробни могили при село Янково. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 81.

[44] См. А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули в Българските земи. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев, София, 1958, стр. 417—418, и указанную там литературу.

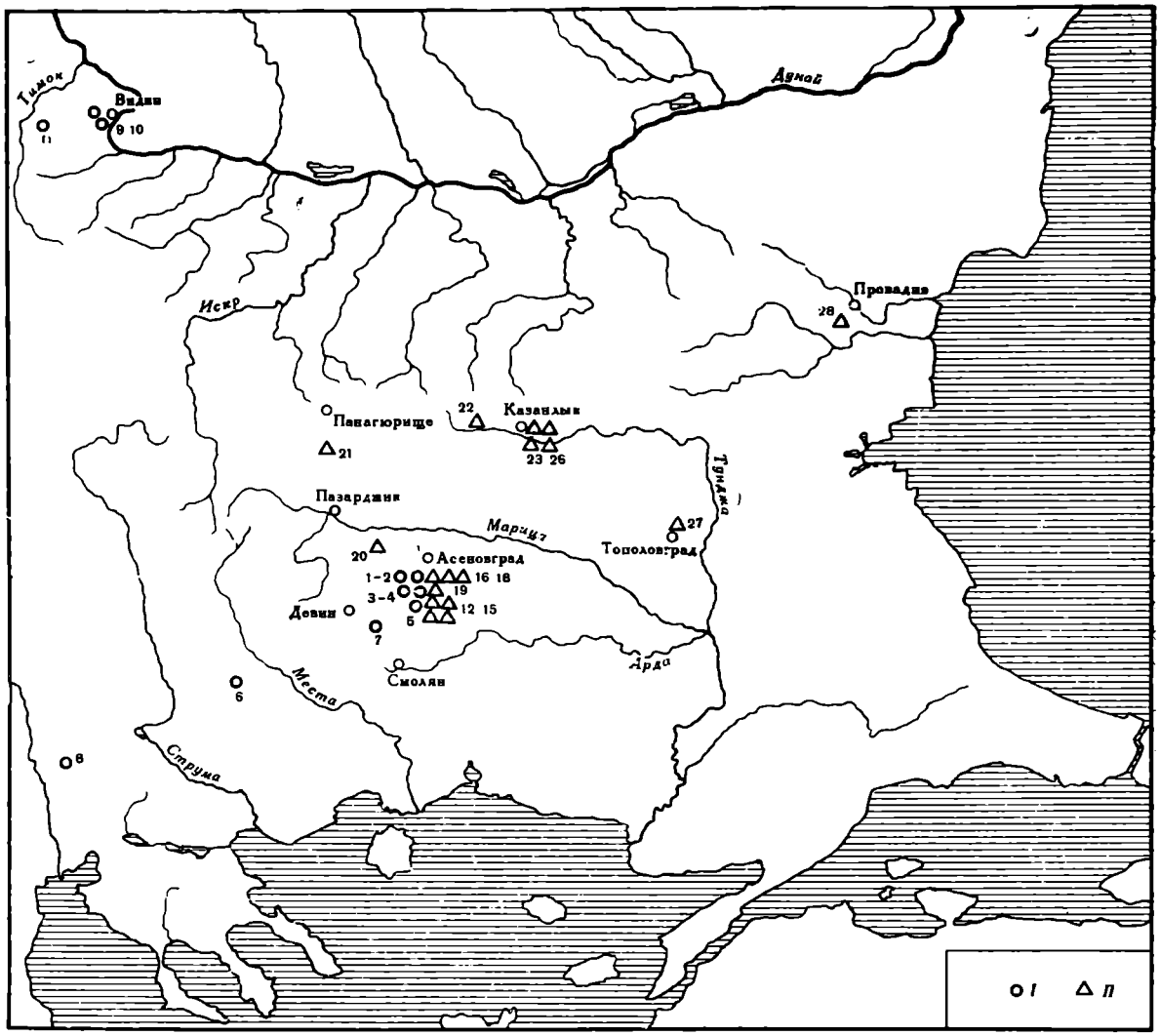


Рис. 3. Распространение очковых и ладьевидных фибул во Фракии

I — очковые: 1—2 — Лыкавица; 3—4 — Добролык; 5 — Павелско; 6 — Рыбново; 7 — Широка лыка; 8 — Чаушица; 9—10 — Видин; 11 — Дыржаница.
II — ладьевидные: 12—15 — Павелско; 16—18 — Лыкавица; 19 — Добролык; 20 — Дебыршица; 21 — Кепели; 22 — Долно Сахране; 23—26 — Казанлык; 27 — Доганово; 28 — Арковна

фибул[45]. По одной очковой фибуле найдено у с. Рыбново, бывшего Неврокопского округа[46] и у поселка Гела близ с. Широка лыка между Девином и Смоляном[47]. Следует упомянуть еще о находках таких фибул в местности Чаушица, южнее Дойранского озера[48]. Хотя эта территория позднейшей Македонии, в раннюю эпоху, к которой относятся очковые фибулы, она была заселена фракийскими племенами и должна рассматриваться как часть Западной Фракии[49]. Датируются фракийские очковые фибулы VIII—VII вв. до н. э.[50].

---

[45] Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули в археологическия музей при народната библиотека в Пловдив. ИБАИ, I, 1924, стр. 32, рис. 16; В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 27, рис. 2, в; К. Жуглев. Антични археологически находки от Асеновградско, стр. 39; П. Детев. Праисторически накити в Пловдиския народен археологически музей. ГНАМП, V, 1963, стр. 51, рис. 6.

[46] В. Миков. Халщатски находки, стр. 344, рис. 151.

[47] Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 31—32, рис. 15.

[48] S. Casson. Excavations in Macedonia. BSA, XXIV, 1919—1920, табл. 1; его же. Macedonia, Thracia and Illyria, стр. 147, рис. 51, 581.

[49] См. Т. Д. Златковская. Границы и этнические проблемы Фракии в VII—V вв. до н. э. Сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 139.

[50] А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 423; ср. В. Миков. Халщатски находки, стр. 347; К. Жуглев. Антични археологически находки, стр. 39.

Легко заметить, что находки наиболее ранних фибул расположены кучно в районе добывания руд в центральных Родопах и почти не выходят за его пределы. Исключение составляют две находки в районе г. Видина в придунайской западной Болгарии, но по ряду соображений их следует считать более поздними (VII—V вв. до н. э.) иллирийскими изделиями. Они таким образом, не нарушают картину распространения очковых фибул, указывающую на замкнутый характер их производства в это раннее время.

Перейдем к рассмотрению второй категории фибул — дуговидных однопружинных, распространенных на Балканах в раннежелезную эпоху. Имеется несколько их разновидностей: первая из них — ладьевидные фибулы (рис. 2, *2*). Формы их генетически восходят к греческим островным образцам. Распространение этих фибул в северной части Балканского полуострова можно связывать с влиянием на этот район греческой архаической культуры [51]. Но концентрация находок этих фибул в том же рудном районе Центральных Родопских гор, где встречаются и очковые фибулы, позволяет и в этом случае видеть во фракийских экземплярах продукцию местных мастерских. К тому же давно были отмечены и некоторые частные отличия фракийских ладьевидных фибул от греческих и италийских их прототипов [52].

Три ладьевидных фибулы найдены в том же кургане № 6 у с. Павелско в долине Чепеларской реки, в котором была обнаружена и одна из очковых фибул [53]. Еще одна ладьевидная фибула была найдена там же ранее [54] и четыре фибулы происходят из того же района из окрестностей сел Лыкавица и Добролык [55].

В отличие от очковых фибул, одновременные им или несколько более поздние (VII—VI вв. до н. э.) ладьевидные фибулы, получили, кроме того, некоторое распространение в Восточной Фракии к северу от Родопских гор, в бассейнах Марицы и Тунджи. Они проникали сюда из места их изготовления по удобным речным путям. Упомянем находки таких фибул у с. Дебырщица Пазаржикского района [56], у с. Кепели в окрестностях Панагюрище [57], в одном из курганов у с. Долно Сахране, к западу от Казанлыка [58]. В музее г. Казанлыка хранится не менее четырех ладьевидных фибул, найденных в курганах в окрестностях города [59]. И. Венедиков говорит даже о шести ладьевидных фибулах в Казанлыкском музее [60].

Самой восточной достоверной находкой ладьевидных фибул из Южной Фракии является фибула из Доганово в районе Тополовграда [61]. Существует упоминание об одной находке ладьевидной фибулы в Северной Фракии, в Арковна (Раджеб-махле) Провадийского района [62]. К сожалению,

---

[51] I. Venedikov. Paros und Chalkis in der Frühgeschichte Thrakiens. «Klio», XXXIX, 1961, стр. 38, 42—43.

[52] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули от разни находища в България. СПБАН, VI, 1913, стр. 149.

[53] В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 26—27, рис. 2, *c. d. f.*

[54] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 149, рис. 7.

[55] Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 34, рис. 17; Р. Попов, Култура и живот на предисторическия човек в България, II. София, 1930, рис. 17; В. Миков. Приноси към предисторическата епоха у нас. ИБАИ, XII, 2, 1939, стр. 392, рис. 173, *d.*

[56] Д. Цончев. Новооткрити старини от Пловдивско. ИБАИ, XV, 1946, стр. 219, рис. 116.

[57] Р. Попов. Новооткрити предисторически старини. ИБАИ, VII, 1933, стр. 357, рис. 108.

[58] Л. Гетов. Могилно погребение от халщатската епоха при с. Долно Сахране, Старозагорско. «Археология», 1963, 1, стр. 52, рис. 3; его же. Могилни погребения при с. Долно Сахране, Старозагорско. ИБАИ, XXVIII, 1965, стр. 208, рис. 7.

[59] Г. Табакова. Халщатски фибули от Казанлък и околностит ему. «Археология», 1959, 3—4, стр. 87, рис. 70, *1—4.*

[60] I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 38.

[61] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 149, рис. 8.

[62] В. Миков. Предисторически селища и находки в България, София, 1933, стр. 128.

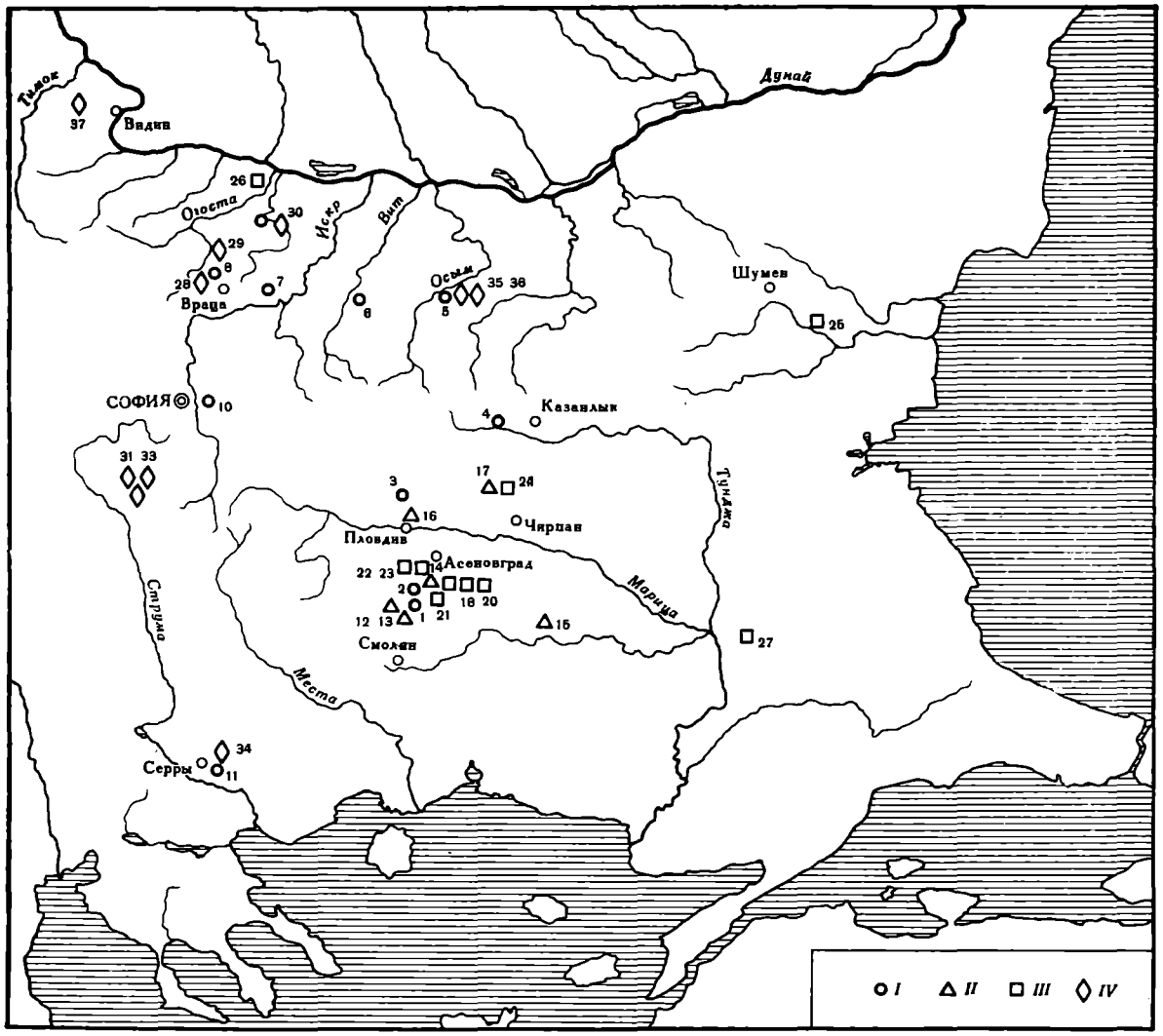


Рис. 4. Распространение однопружинных фибул во Фракии

I — С треугольным приемником: 1 — Проглед; 2 — Павелско; 3 — Дуванлий; 4 — Долно Сахране; 5 — Девитаки; 6 — Торос; 7 — Долна Кремена; 8 — Бели извор; 9 — Алтимир; 10 — Байлово; 11 — Серры.

II — С прямоугольным приемником: 12—13 — Проглед; 14 — Лыкавица; 15 — Широко поле; 16 — Вырбен; 17 — Бедняково.

III — Узелковые: 18—20 — Лыкавица; 21 — Павелско; 22—23 — Добролык; 24 — Бедняково; 25 — Янково; 26 — Хырлец; 27 — Кешан.

IV — «Фессалийского» типа: 28 — Бели извор; 29 — Криводол; 30 — Алтимир; 31—33 — Червен брег; 34 — Серры; 35—36 — Девитаки; 37 — Градец

уверенности в действительном существовании этой находки у нас нет. Сам же В. Миков, упомянувший ее, в более поздней работе об этой фибуле не говорит, а, напротив, указывает, что ладьевидные фибулы встречаются только в южной части страны [63]. Не упоминают этой находки и позднейшие исследователи — И. Венедиков, А. Милчев и другие.

Дуговидные однопружинные фибулы других типов гораздо меньше отличаются друг от друга, чем от ладьевидных; иногда встречаются экземпляры, являющиеся как бы переходными между отдельными типами этой группы. Поэтому некоторые исследователи рассматривают всю эту группу фибул вместе [64]. Сравнительно детально разобрал эти фибулы И. Венедиков [65], классификацией которого мы и пользуемся в нашей работе.

Кроме ладьевидных к этой группе относятся следующие четыре типа застежек, различающиеся формой иглодержателя или украшением дужки: 1. Дуговидные с треугольным приемником (тип А по Венедикову) (рис.

[63] В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 27.
[64] А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 427—430.
[65] I. Venedikov. Paros und Chalkis стр. 32—38.

2, *3*). 2. Дуговидные с удлиненно-прямоугольным приемником (тип E) (рис. 2, *4*). 3. «Узелковые» с декоративными утолщениями на дужке (тип F) (рис. 2, *5*). 4. Дуговидные с широким приемником (тип D, «фессалийский») (рис. 2, *6*). Датировка всех фибул определяется (хотя и не очень точно) VII—VI вв. до н. э. [66].

За исключением фибул четвертого (фессалийского) типа, все дуговидные однопружинные фибулы распространены в том же небольшом районе центральных Родоп между Асеновградом и Смоляном, где концентрировались, как мы видели, находки очковых фибул и находился важнейший очаг древней металлургии (рис. 4). В этом районе, в бассейне Чепеларской реки у сел Проглед, Павелско, Лыковица и Добролык найдено более трети всех дуговидных однопружинных фибул [67]. Видимо, здесь производилась выработка и этих фибул, хотя исходные формы их, как и ладьевидных, имели южное происхождение — греческое островное или материковое [68]. Из Родоп фибулы всех трех типов попадали к племенам Верхне-фракийской низменности: мы находим их в погребениях в районе Пловдива (Дуванлий, Вырбен), Казанлыка (Долно Сахране), Чирпана (Бедняково) [69]. Фибулы с треугольным приемником встречаются и в северо-западной Фракии в бассейнах Осыма, Вита, Искра и Огосты (пещера Девитаки, Торос, Долна Кремена, Бели извор, Алтимир) [70]. Изредка к северу от Балканских гор попадаются и узелковые фибулы, причем как в западной (Хырлец в низовьях Огосты) [71], так и в восточной части придунайской Фракии (Янково Шуменского района) [72].

Вряд ли можно сомневаться в местном производстве фибул фессалийского типа, главными районами распространения которых являются область Врацы и бассейн реки Струмы (Бели извор, Криводол, Алтимир, Червен брег в области Кюстендила, Серры) [73]. Самым восточным пунктом их проникновения является пещера Девитаки на Осыме [74], самым запад-

---

[66] С одной стороны, такие фибулы встречены в одних погребальных комплексах с очковыми и ладьевидными, например, в кургане № 6 у с. Павелско (В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 26—27, рис. 2, *в*, *с*, *d*, *е*, *f*), с другой стороны, наиболее поздние экземпляры однопружинных дуговидных фибул выделываются уже из железа и попадаются в комплексах не ранее конца VI в. до н. э., например, железные фибулы из кургана № 3 у с. Долно Сахране или из Байловского некрополя под Софией (Л. Гетов. Могилни погребения при с. Долно Сахране, стр. 218, рис. 23; Р. Попов. Некрополът при с. Байлово, Софийско. ИБАИ, I, 1924, стр. 78, 81, рис. 63А.

[67] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 143—144, рис. 1; Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 35—36, рис. 18, б, 19, 20; В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 22, 26—27, рис. 1, *в*, *f*, 2, *е*, *м*; его же. Приноси към предисторическата епоха, стр. 392, рис. 173, *в*, *с*; К. Жуглев. Антични археологически находки, стр. 39; П. Детев. Праисторически накити, стр. 52—53, рис. 7, 8. Ср. находку дуговидной фибулы у с. Широко поле в Восточных Родопах: В. Миков. Происходът на куполните гробници в Тракия. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 29, рис. 7.

[68] I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 42 сл.

[69] И. Велков. Могилни гробниц находки от Дуванлий, ИБАИ, VI, 1932, стр. 27, рис. 23; П. Детев. Отделни находки от Южна България. ИБАИ, XVII, 1950, стр. 333, рис. 268, *г*, *е*; Л. Гетов. Могилни погребения при с. Долно Сахране, стр. 218, рис. 23.

[70] В. Миков, Н. Джамбазов. Деветашката пещера. София, 1960, стр. 149—150, рис. 108, *с*; И. Велков. Стари селища и градища по долината на р. Вит. София, 1927, стр. 40, рис. 30; В. Миков. Предисторически селища и находки, стр. 120, рис. 78, *1*; Б. Николов. Тракийски паметници във Врачанско. ИБАИ, XXVIII, 1965, стр. 166, 172, 196, рис. 2, *ж*, 13, *в*.

[71] Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 173, 196.

[72] Ц. Дремсизова. Надгробни могили при с. Янково, ИБАИ, XIX, 1955, стр. 76, рис. 21, *1*.

[73] Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 166, 171, 196, рис. 2, *д*, 12, *в*, 13, *а*; Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 146—148, рис. 4—6; его же. Материалы за проучване на халщатската и латенската култура в България и Македония. ГНМ, 1921, стр. 155, рис. 137.

[74] В. Миков, Н. Джамбазов. Деветашката пещера, стр. 148, рис. 108, *а*, *в*; 109.

ным в пределах Фракии — Градец у Видина [75], но фибулы этого типа были распространены и западнее — в Иллирии и Македонии.

Таким образом, рассматривая распространение однопружинных фибул VII—VI вв. до н. э., мы можем отметить постепенное возрастание общефракийских экономических связей. Эти связи проявлялись в возникновении общефракийских обмена и торговли, о чем можно судить на основании проникновения фибул этого времени в области, далеко расположенные от центров их изготовления. Так, из центральных Родоп эти фибулы проникали в бассейн рек Марицы и Тунджи, в северо-западную Фракию к племенам Дунайского бассейна, жившим по рекам Осым, Вит, Искр и Огоста, реже — в северо-восточную Фракию (современный Шуменский р-н). Фибулы фессалийского типа изготовлялись и еще в одном центре производства, расположенном на севере в районе г. Враца, что свидетельствует о включении и северных областей в активную производственную деятельность. Это обстоятельство особенно четко выявляется при рассмотрении следующей большой группы фибул, представляющей двупружинные дуговидные фибулы. Как и однопружинные, они представлены несколькими типами: 1. Фибулы с дугой, украшенной несколькими утолщениями (двупружинные узелковые — тип Н по И. Венедикову) (рис. 5, *1*). 2. Фибулы с гладкой дугой и треугольным приемником (тип В) (рис. 5, *2*). 3. Фибулы с гладкой дугой и прямоугольным или трапециевидным фигурно вырезанным приемником (тип С) (рис. 5, *3*).

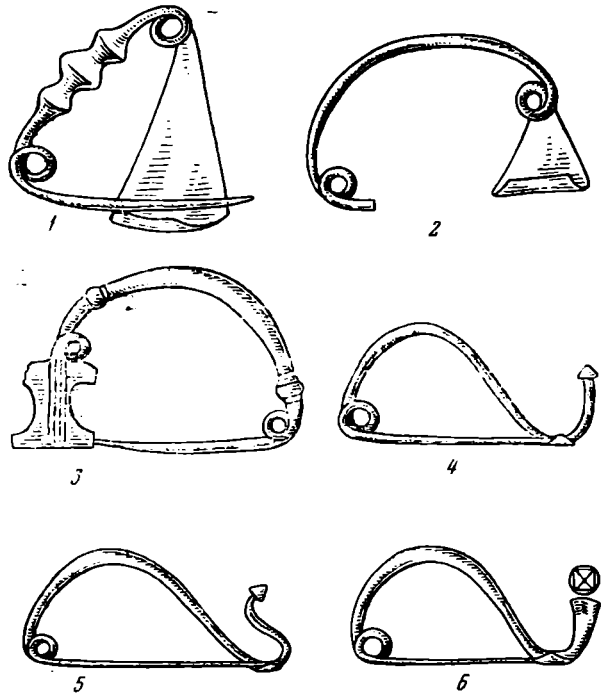


Рис. 5. Двупружинные фибулы и фибулы фракийского типа

1 — узелковая; 2 — с треугольным приемником; 3 — с фигурно вырезанным приемником; 4 — «фракийского» I типа; 5 — «фракийского» II типа; 6 — «фракийского» III типа

Принято считать, что двупружинные фибулы являются дальнейшим развитием однопружинных дуговидных фибул [76]. И. Венедиков не без основания видит в появлении второй спиральной пружины результат влияния варваров на первоначальный греческий тип фибулы [77]. Но если можно говорить о преемственности этих двух больших групп дуговидных фибул, то лишь о преемственности типологической, но не хронологической, ибо двупружинные фибулы практически сосуществуют с однопружинными. Датируются двупружинные фибулы весьма приблизительно, обычно VII—VI вв. до н. э. [78], хотя В. Миков настойчиво помещал их в VI—V вв. до н. э. [79]. По-видимому, в V в. до н. э. они не заходят, поскольку нет ни од-

---

[75] Й. Атанасова и П. Кичашки. Гробни находки от с. Градец, стр. 53, рис. 1.

[76] А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 430; I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 39.

[77] Там же, стр. 40.

[78] Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 33; А. Милчев. Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско, стр. 476; его же. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 438; Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 196; Г. Табакова. Халщатски фибули, стр. 88.

[79] В. Миков. Халщатски находки, стр. 343; его же. Приноси към предисторическата епоха, стр. 393; его же. Разкопки из Родопите, стр. 27.

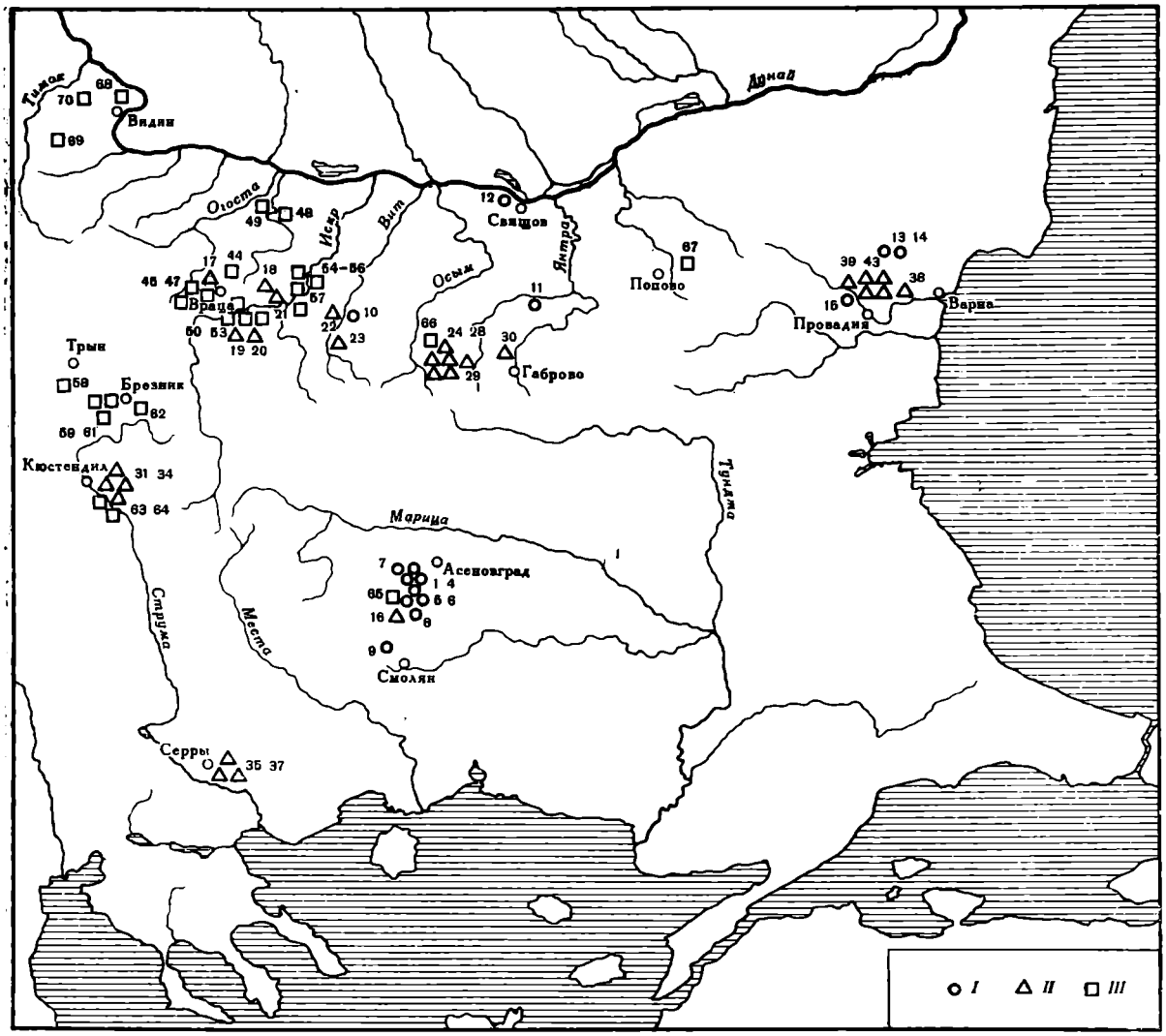


Рис. 6. Распространение двупружинных фибул во Фракии

I — Узелковые: 1—4 — Лыкавица; 5—6 — Проглед; 7 — Богданцы; 8 — Павелско; 9 — Широка лыка; 10 — Торос; 11 — Ресен; 12 — Нове; 13—14 Суворово; 15 — Градец.
II — С треугольным приемником: 16 — Павелско; 17 — Бели извор; 18 — Камено поле; 19—20 — Влашко село; 21 — Долна Кремена; 22 — Малка Брестница; 23 — Гложене; 24—28 — Дебнево; 29 — Столыт; 30 — Меджени; 31—34 — Кадин мост; 35—37 — Чаушица; 38 — Равна; 39 — 43 — Добрина.
II — С фигурно вырезанным приемником: 44 — Руска Бяла; 45—47 — Бели извор; 48 — Алтимир; 49 — Софрониево; 50—53 — Влашко село; 54 — 56 — Кунино; 57 — Карлуково; 58 — Зелениград; 59—61 — Брезник; 62 — Пищане; 63—64 — Кадин мост; 65 — Проглед; 66 — Дебнево; 67 — Дриново; 68 — Видин; 69 — Дыржаница; 70 — Градец

ного случая находки такой фибулы в заведомом комплексе V в. до н. э. Не встречаются они вместе и с фибулами так называемого фракийского типа, уже широко распространенными в V в. до н. э. С другой стороны, известны совместные находки двупружинных фибул с однопружинными и даже с очковыми [80]. Можно думать, что общая датировка их VII—VI вв. до н. э. соответствует действительности.

Двупружинные узелковые фибулы несомененно выделывались во Фракии. Форма их дальше всего отстоит от исходных греческих форм [81]. Их фракийское происхождение подозревал уже Р. Попов [82]. Большинство их (9 из 15 находок во Фракии) происходит все из того же района Центральных Родоп (рис. 6), из окрестностей сел Проглед, Павелско, Лыкови-

[80] Р. Попов. Гробни находки от халщатската епоха, стр. 106—107; Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 32, 37; В. Миков. Халщатски находки, стр. 341: И. Атанасова и П. Кичашки. Гробни находки, стр. 53; Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 196.
[81] I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 38.
[82] Р. Попов. Култура и живот. 2, стр. 34.

ца, Широка Лыка, Богданци [83]. Не может быть сомнения в том, что это изделия тех же производственных мастерских, которые выпускали и описанные уже однопружинные фибулы. Рассматриваемые двупружинные фибулы выделывались как из бронзы, так и из железа. Встречаются фибулы этого типа изредка и в Северной Фракии: в Торосе на р. Вит, в Ресене на Росице, на городище Нове в окрестностях Свищова, в Суворово и Градец Варненского района [84]. Однако вряд ли эти северные фибулы привезены из Родоп: они значительно отличаются деталями формы и, вероятно, происходят из какого-то иного, северного производственного центра.

Два других типа двупружинных дуговидных фибул имеют совсем иные ареалы. В Родопах они почти не встречаются, только по одной фибуле найдено в селах Павелско и Проглед. Самым тесным образом эти фибулы связаны с северной и северо-западной Фракией. Двупружинные фибулы с треугольным приемником особенно часто встречаются в районе Враца и восточнее, в северных предгорных районах Балканских гор (Бели извор, Камено поле, Царевец-Влашко село, Долна Кремена, Малка Брестница, Гложене, Дебнево, Столът) [85]. Совершенно несомненно, что фибулы эти и выделывались где-то в этих районах, несмотря на то, что очень близкие по форме фибулы были распространены и в Иллирии и в Македонии. Местное происхождение фибул в северо-западной Фракии подтверждается не только их обилием в этой области, но и анализом бронзы фибул из Дебнево, идентичной металлу всех остальных украшений из этого пункта [86], и обнаружением в Меджени в Габровском районе фибулы с незаконченным треугольным приемником [87].

Из центра их производства в районе Враца фибулы этого типа проникали по верхнему течению Искра в долину Струмы, где они найдены у села Кадин мост Кюстендилского района. Встречаются они и еще южнее: в Чаушище, у Серр и на границе с Халкидикой [88], но нельзя быть уверенным в северо-фракийском происхождении этих южных находок.

К востоку от долины Струмы двупружинные и с треугольным приемником фибулы совершенно не проникают, единственным исключением является упомянутая фибула из Павелско. Имея в виду этот факт, И. Венедиков присваивает этим фибулам название западно-фракийских [89]. Такому названию противоречат, однако, новейшие находки рассматриваемых фибул в северо-восточной Фракии, в некрополях у Равны и особенно у Добрины около Провадии, где их найдено пять экземпляров [90]. Видимо, в се-

---

[83] Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 36—37, рис. 15, 21, 22; В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 21—23, рис. 1, *c*, *g*, 2, *h*; его же. Приноси към предисторическата епоха, стр. 390—391, рис. 173, *a*; П. Детев. Праисторически накити, стр. 53, рис. 9.

[84] И. Велков. Стари селища и градища, стр. 41, рис. 31, *e*; Р. Попов. Единични находки от бронзовата и халщатската епоха. ИБАД, III. 1913, стр. 297, рис. 222; С. Стефанов. Предримски паметници от Novae. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 50, рис. 2, *a*; И. Венедиков. Находки от ранножелязната епоха в България. ИБАД, XIV, 1963, стр. 21, рис. 7; I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 39.

[85] Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 166, 170, 196, рис. 2, *в*, 10, *a*; Р. Попов. Предисторически изследования в Вратчанската поле. ИВАИ, II, 1924, стр. 126, рис. 58, *б*, *г*; стр. 110, рис. 44; В. Миков. Могилни некрополи от Ловчанско и Тетевенско. ИБАИ, VI, 1932, стр. 166, рис. 147; А. Милчев. Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско, стр. 495—496, табл. XI, XII, *3*; стр. 476, рис. 14; его же. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 432, табл. IX, X.

[86] А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 439.

[87] В. Миков. Принос към предисторическата епоха, стр. 391, рис. 170, *a*.

[88] S. Casson. Macedonia, Thrace and Illyria, стр. 147, рис. 52; Р. Попов. Материали за проучване на халщатската и латенската култура, стр. 154, табл. 5, рис. 135; Ch. Blinkenberg. Les fibules grecques et orientales. Kopenhagen, 1926, стр. 80, табл. 3, *4*.

[89] I. Venedikov. Paros und Chalkis, стр. 34.

[90] М. Мирчев. Раннотракийският некропол при Равна, Варненско. «Археология», 1960, 1, стр. 31, рис. 31; его же. Раннотракийският могилен некропол при с. Равна, ИБАИ, XXV, 1962, стр. 124, табл. XVII, *4*; его же. Тракийският могилен некропол при с. Добрина. ИМВ, I (XVI), 1965, стр. 40—42, табл. XIII, *46*; XIV, *50*.

верных районах Фракии эти фибулы находили спрос не только на западе, но и на востоке.

Близкий ареал имеет и последняя разновидность двупружинных фибул — фибулы с прямоугольным пластинчатым приемником, вырезанным с двух сторон. Большинство находок их сосредотачивается в том же Врачанском районе, в междуречье Искра и Огосты (Руска Бяла, Бели извор, Алтимир, Софрониево, Царевец-Влашко село, Кунино, Карлуково,— всего 14 экземпляров) [91]. Они также проникают на юг в районы Трына (Зелениград), Брезника (Брезник, Пищане) [92] и Кюстендила (Кадин мост) [93]. И так же к востоку от Струмы известна только одна находка фибулы у с. Проглед в центральных Родопах [94].

В северной части Фракии эти фибулы в отличие от фибул предыдущего типа с треугольным приемником почти не распространяются к востоку. Можно указать только две находки рассматриваемых фибул к востоку от реки Вит: в с. Дебнево [95] и в с. Дриново, около Попова [96]. Зато они встречаются на крайнем северо-западе Фракии и в излучине Дуная и Тимока (Видин, Дыржаница, Градец) [97]. Фибулы этого типа широко распространены и в Иллирии, где несомненно производились, в частности встречаются они в большом числе в памятниках Боснии (Гласинац, Долно долина и др.). Поэтому трудно определить, принадлежат ли экземпляры, найденные в северо-западной Фракии, к местным изделиям или были завезены в этот район с запада. Вероятно, большинство фибул, найденных в районе Враца, имеет местное происхождение, но утверждать это с уверенностью до проведения детальных типологических и технологических анализов невозможно.

Приведенные данные о местах производства и ареале двупружинных фибул позволяют сделать некоторые выводы. Этот вид фибул, очевидно, одновременен однопружинным, т. е. относится к тому же периоду — VII и VI вв. до н. э. Одним из центров их производства по-прежнему остаются центральные Родопы, где производились узелковые двупружинные фибулы. Отсюда узелковые фибулы попадали далеко на север Фракии, достигая бассейна Дуная (от р. Вит и далее к востоку до припонтийского района вблизи современной Варны). В это же время на северо-западе Фракии в междуречьи рек Искр и Огоста в районе г. Враца четко выделяется и другой центр производства двупружинных фибул с треугольным и прямоугольным приемником. Продукция этого центра также широко распространялась по всей Фракии от верхнего и нижнего Стримона и, может быть, р. Тимока на западе до р. Руссенский Лом на востоке; от р. Дуная на севере до Родоп и нижнего Стримона на юге.

К концу VI в. до н. э. фибулы всех рассмотренных типов выходят из употребления и им на смену приходят дуговидные фибулы, получившие в болгарской научной литературе наименования фракийских. Эти фибулы распространены в очень большом количестве по всей Фракии и почти со-

[91] Р. Попов. Гробни находки от халщатската епоха, стр. 109, табл. III, *3*; Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 166, 167, 171, 196, рис. 2, *а, б, г*; 6, *а*, 13, *б*; Р. Попов. Предисторически изследвания в Вратчанското поле, стр. 119, рис. 53, *а*, 58, *а, в, ж*; И. Велков. Vicus Trullensium. Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 561, рис. 7, Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 153, рис. 11.

[92] Р. Попов. Единични находки от бронзовата и халщатската епохи, стр. 297, рис. 223; И. Венедиков. Находки от ранножелязната епоха, стр. 20—21, рис. 6; В. Миков. Предисторически селища и находки, стр. 127, рис. 85.

[93] И. Венедиков. Находки от ранножелязната епоха, стр. 16, рис. 1, *а, б*.

[94] В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 21, рис. 1, *а*.

[95] А. Милчев. Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско, стр. 497, табл. XII, 3, *б*.

[96] В. Миков. Приноси към предисторическата епоха, стр. 293, рис. 170, *в*.

[97] Р. Попов. Гробни находки от халщатската епоха, стр. 107, табл. 1, *3*; В. Миков. Халщатски находки, стр. 341, рис. 150, *2*; Й. Атанасова и П. Кичашка. Гробни находки от с. Градец, стр. 53, рис. 1.

всем не встречаются за ее пределами. Еще в 1913 г. Рафаил Попов высказал предположение о том, что одна из разновидностей этих фибул является местным фракийским вариантом застежек V—IV вв. до н. э.[98]. Позднее он уже уверенно относил все фибулы рассматриваемой группы к изделиям местной фракийской культуры [99]. Это определение было принято и другими болгарскими исследователями [100]. Подробно исследовал все эти фибулы и доказал их фракийское происхождение в специальной работе В. Миков [101]. Он совершенно справедливо отверг попытки Р. Вульпе разделить эти фибулы на мезийский и гетский тип и приписать их северным фракийцам [102]. Миков же предпринял попытку типологической классификации фракийских фибул, разделив все известные ему 28 экземпляров на 4 типологические группы [103]. С его классификацией можно в основном согласиться, с той лишь оговоркой, что его тип II, представленный всего одной фибулой, должен быть объединен с типом III. Тогда вся классификация примет такой вид: 1. Фибулы с вертикально поднимающимся отростком приемника, заканчивающимся шишечкой (тип I В. Микова) (рис. 5, *4*). 2. Фибулы со змеевидно изгибающимся отростком приемника, заканчивающимся шишечкой (тип II—III В. Микова) (рис. 5, *5*). 3. Фибулы с вертикально поднимающимся отростком приемника, утолщающимся кверху (тип IV В. Микова) (рис. 5, *6*).

В. Миков считал, что все эти четыре типа происходят друг от друга: второй от первого, третий от второго и четвертый от третьего [104]. В этом он безусловно ошибался. Распределение фракийских фибул по трем типам имеет, как увидим дальше, не столько хронологический, сколько топографический характер. Археологические исследования, проведенные после появления работы В. Микова, дали очень много новых находок фибул (в настоящее время их известно более сотни). Эти находки безусловно подтверждают основной вывод В. Микова о фракийском происхождении всей группы [105].

Принято считать, что фибулы фракийского типа произошли от более ранних однопружинных дуговидных фибул [106], на смену которым они приходят, как мы видели, на рубеже VI и V вв. до н. э. Общие хронологические рамки бытования фракийских фибул (V и IV вв. до н. э.) [107], теперь, после находок в Севтополе, могут быть несколько расширены до первых десятилетий III в. до н. э. [108]. Позднейшие экземпляры фракийских фибул, особенно первого типа, например найденные в Севтополе или железная фибула из с. Проглед, выделаны очень небрежно и имеют большой поднимающийся вверх и несколько изогнутый отросток приемника [109]. Ранние фибулы сделаны гораздо более тщательно и аккуратно.

---

[98] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 160—162.

[99] Р. Попов. Некрополът при с. Байлово, стр. 82; его же. Предисторически изследвания в Вратчанското поле, стр. 132—133; его же. Култура и живот, ч. 2, стр. 44.

[100] И. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий, стр. 40.

[101] В. Миков. Тракийски тип фибули. ИБАИ, VI, 1932, стр. 171—181; ср. его же. Предисторически селища и находки, стр. 113.

[102] R. Vulpe. L'âge du fer dans les regions thrace Paris, 1930, стр. 59 сл.

[103] В. Миков. Тракийски тип фибули, стр. 172.

[104] Там же, стр. 172.

[105] Там же, стр. 180; ср. М. Чичикова. Печати с изображения на накити върху питоси от Севтополис. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев, стр. 484.

[106] Р. Попов. Култура и живот, 2, стр. 45; А. Милчев. Към вопроса за най-древните фибули, стр. 441—442; В. Миков и Н. Джамбазов. Деветашката пещера, стр. 149.

[107] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 162; Б. Дякович. Халщатски и латенски фибули, стр. 38; В. Миков. Тракийски тип фибули, стр. 180 и др.

[108] М. Чичикова. Печати с изображения на накити, стр. 484; Н. Джамбазов. Гробни находки от с. Крушуна, Ловешко. «Археология», 1962, 1, стр. 58.

[109] Д. П. Димитров. Севтополь — фракийский город, стр. 214, рис. 17; П. Детев. Праисторически накити, стр. 54, рис. 11, *1*.

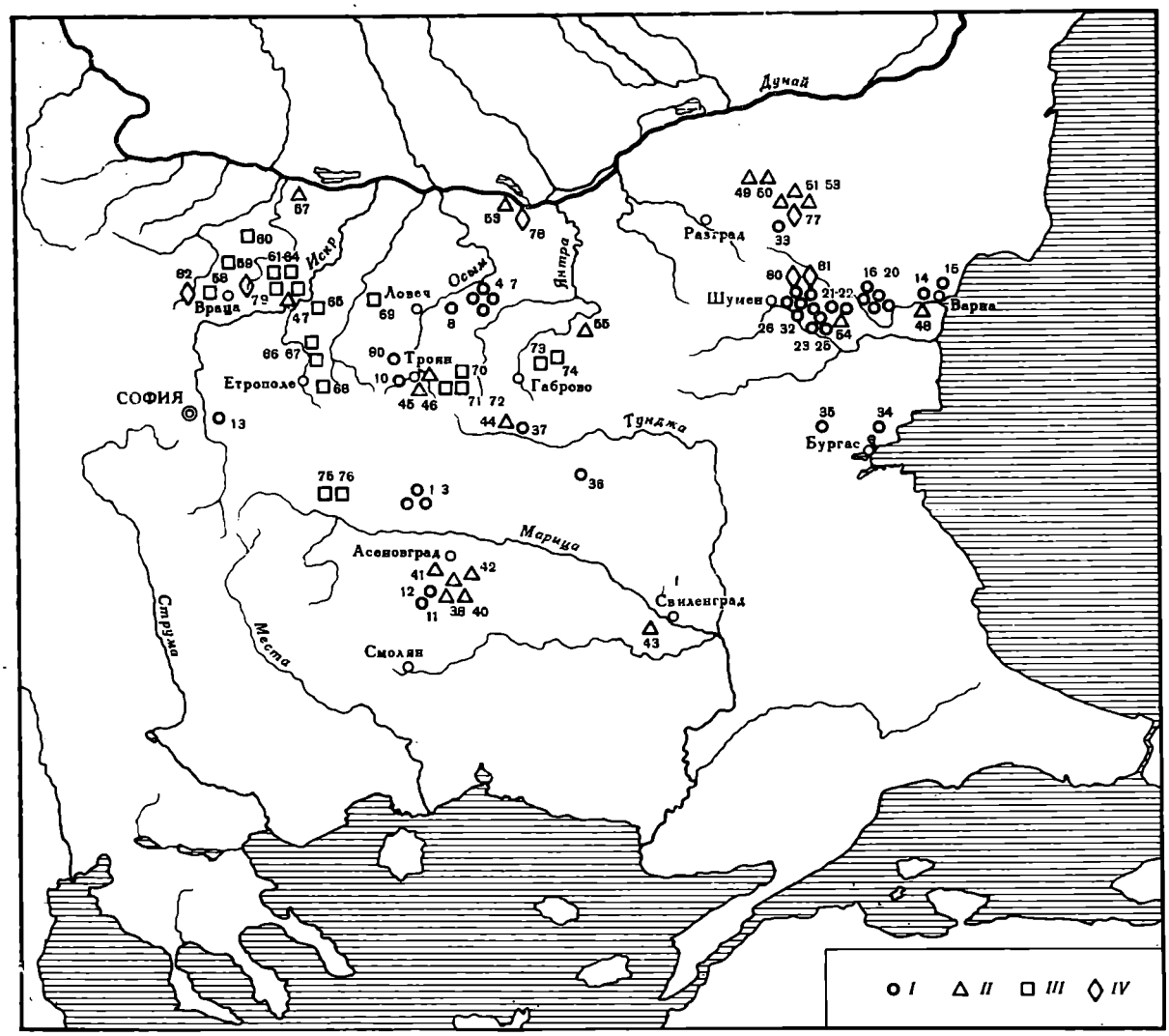


Рис. 7. Распространение фибул «фракийского» типа

I тип: 1—3 — Мушовица; 4—7 — Крушуна; 8 — Кырпачево; 9 — Княжа; 10 — Троян; 11 — Проглед; 12 — Павелско; 13 — Байлово; 14 — Варна; 15 — Баново; 16—20 — Добрина; 21—22 — Друмево; 23—25 — Янково; 26—32 — Ивански; 33 — Голяма вода; 34 — Каменар; 35 — Лужите; 36 — Стара Загора; 37 — Бузовград.

II тип: 38—40 — Павелско; 41 — Бачково; 42 — Червен; 43 — Мезек; 44 — Севтополь; 45—46 — Троян; 47 — Влашко село; 48 — Варна; 49—50 — Браничево; 51—53 — Свищари; 54 — Друмево; 55 — Долна Росица; 56 — Нове; 57 — Букьовцы.

III тип: 58 — Руска Бяла; 59 — Ляличе; 60 — Лесура; 61—64 — Влашко село; 65 — Карлуково; 66—67 — Джурово; 68 — Лыга; 69 — Бежаново; 70 — Столът; 71—72 — Голям Острец; 73 — Крывеник; 74 — Вырбаново; 75—76 — Виноградец.

IV — Тип неизвестен: 77 — Свищари; 78 — Нове; 79 — Могиланска могила; 80 — Кюлевча; 81 — Мадара; 82 — Бели извор

Наиболее распространены фибулы первого типа, нам известно более 40 их экземпляров [110] (рис. 7). Они выделывались обычно из бронзы, но известно и несколько железных, относящихся, очевидно, к числу позднейших [111]. Особняком стоят три золотые фибулы этого типа, найденные в кургане Мушовица и принадлежащие к наиболее ранним экземплярам, датируемым концом VI или самим началом V в. до н. э. [112].

Встречаются находки фибул первого типа в восточной Фракии, западная граница их распространения проходит по бассейнам рек Осым (Кру-

[110] Мы пользуемся только опубликованными материалами, действительное число фибул, конечно, значительно больше. В частности, очень много фибул найдено было при раскопках Севтополя, но в упомянутой статье Д. П. Димитрова опубликовано лишь несколько.

[111] Байлово — Р. Попов. Некрополът при с. Байлово, стр. 81, рис. 54; Проглед — В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 22, рис. 1, *h*; Крушуна — Н. Джамбазов. Гробни находки от с. Крушуна, стр. 56—57, рис. 2, *ε*.

[112] И. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий, стр. 40, табл. X, *2—4*; Б. Филов. Надгробни могили при Дуванлий. София, 1934, рис. 107.

шина и Кырпачево-Надежда Ловечского района, Кнежа, Троян [113]), Стряма (Мушовица) и Чепеларска (Проглед, Павелско) [114]. Единственная находка, известная западнее этой линии — уже упомянутая поздняя железная фибула, найденная в могиле № 1 Байловского некрополя под Софией. Основные находки сосредоточены в северо-восточной Фракии в Варненском, Шуменском и Разградском районах (Варна, Баново, Добрина, Друмево, Янково, Ивански-Злокучене) [115]. Можно предполагать местное производство фибул в этой области из привозного сырья, доставлявшегося из ближайших месторождений у современного Бургаса или к югу от этого города.

Иную картину дает территориальное распределение фибул второго (по В. Микову II — III) типа. Хотя общее число их вдвое меньше числа фибул первого типа, распространены они по всей Фракии, как восточной, так и западной. На юге мы находим их в старом металлургическом центре в Родопах, в окрестностях Асеновграда (Павелско, Бачково, Червен) [116] и восточнее у Свиленграда (Мезек) [117]. Весьма вероятно, что и производились эти фибулы, или по крайней мере часть их, здесь же в Родопах. Но фибулы второго типа распространялись и далеко на север: они встречаются в предгорных районах хребта Стара Планина (Севтополь, Троян, Царевец-Влашко село) [118], в северо-восточной Фракии (Варна, Браничево, Друмево, Долна Росица, Свещари-Мумджилар) [119] и на южном берегу Дуная (Нове, Букьовци) [120]. К этому же типу принадлежат и три фибулы, найденные уже за пределами собственно Фракии, на территории современной Румынии, в Пойане и Тинозуле [121]. Впрочем, фракийское происхождение румынских экземпляров не доказано, поскольку на территории Дакии могло существовать собственное производство таких фибул по южным образцам, попадавшим за Дунай торговыми или иными путями [122].

Фибулы второго типа выделывались, как правило, из бронзы, но известны и железные из Свещари (Мумджилар) в северо-восточной Фракии. Интересны несомненно поздние фибулы с усложненным завершением отростка приемника, найденные в некрополе у с. Браничево в том же районе [123].

---

[113] Н. Джамбазов. Гробни находки от с. Крушуна, стр. 56—57, рис. 2; В. Миков. Могилни некрополи от Ловчанско и Тетевенско. ИБАИ, VI, 1932, стр. 139, рис. 1; Н. Петков. Могилни некрополи в Софийско и Троянско. ИБАИ, XIII, 1941, стр. 314, рис. 339; Б. Филов. Два могилни гроба в Балкана, ИБАД, I, 1910, стр. 155—156, рис. 1, *а*.

[114] В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 23, 27, рис. 1, *h*.

[115] Г. Тончева. Тракийското влияние в Одесос. ИВАД, X, 1956, стр. 57, рис. II, *3*; А. Маргос. Тракийски погребения при с. Баново, Варненско. «Археология», 1961, 3, стр. 54, рис. 1, *а*; М. Мирчев. Тракийският могилен некропол при с. Добрина, стр. 50, 53, табл. XIV, 48; Цв. Дремзисова-Нелчинова. Могилен некропол при с. Друмево, Коларовградско, «Археология», 1965, 4, стр. 64, рис. 6, *2*, *3*; е е ж е. Надгробни могили при с. Янково. ИБАИ, XIX, 1955, стр. 71, 75; В. Миков. Материали от железната епоха. ИБАИ, XXI, 1957, стр. 296, рис. 4.

[116] В. Миков. Разкопки из Родопите, стр. 25, рис. 2, *i*, *k*, *l*; е г о ж е. Предисторически селища и находки, стр. 132, 144, рис. 103, *5*, *6*.

[117] Б. Филов. Куполните гробница при Мезек. ИБАИ, XI, 1937, рис. 74, *1*.

[118] Д. П. Димитров. Севтополь-фракийский город, рис. 17; К. Жуглев. Разкопки и проучвания, II, стр. 110, рис. 91; Б. Филов. Два могилни гроба в Балкана, стр. 156, рис. 1, *б*, *в*; Р. Попов. Предисторически изследвания в Вратчанското поле, рис. 60, *а*.

[119] Г. Тончева. Тракийското влияние в Одессе, стр. 51, рис. II, *4*; Ц. Дремсизова. Надгробна могила прис. Браничево. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 454, рис. 14; е е ж е. Могилният некропол при с. Браничево. ИБАИ, XXV, 1962, стр. 176, рис. 18, *5*; Д. Овчаров. Могилни погребения при с. Долна Росица, Търговишко. «Археология», 1961, 4, стр. 63; рис. 9; Геза Фехер. Могилни находки от Мумджилар. ИБАИ, VIII, 1935, рис. 97, *1*, *2*, *4*.

[120] С. Стефанов. Предримски паметници от Novae, ИБАИ, XIX, 1955, стр. 50, рис. 2, *б*; В. Миков. Материали от железната епоха, стр. 299, рис. 8, *а*.

[121] R. et. E. Vulpe. Les fouilles de Tinosul. «Dacia», I, 1924, стр. 231; R. Vulpe. L'age du fer..., стр. 59.

[122] В. Миков. Тракийски тип фибули, стр. 180—181.

[123] Ц. Дремсизова. Могилният некропол при с. Браничево, стр. 176—177, рис. 5.

Третий тип фракийских фибул представляет локальный вариант, распространенный в северо-западной Фракии, в том же районе, где ранее производились и использовались однопружинные фибулы «фессалийского» типа и некоторые виды двупружинных фибул. Большинство фракийских фибул третьего типа найдено в некрополях областей Враца, Етрополе, Трояна и близлежащих районов (Руска Бяла, Лиляче, Лесура, Царевец-Влашко село, Карлуково, Джурово, Лыга, Бежаново, Столът, Голям Острец) [124]. Самыми восточными находками являются фибулы из Крывеника Габровского района и из Вырбаново (Царева Левада) в бассейне верхней Янтры. К югу от гор Стара Планина эти фибулы проникают в незначительном количестве. Можно указать лишь на находку двух таких фибул в Виноградце (Кара-Мусал) в междуречье Тополницы и верховьев Марицы [125]. Эти фибулы были известны и в Севтополе, как можно судить по применению их в качестве штемпелей для клеймения глиняных пифосов, вырабатываемых в этом городе [126].

Заслуживает внимания тот факт, что только в этой группе фибул кроме бронзовых, встречаются еще и серебряные (фибулы из Лесуры, Лыга и Вырбаново). Это, несомненно, связано с разработкой серебряно-свинцовых руд в западной части хребта Стара-Планина [127] и лишний раз свидетельствует о местном происхождении фибул этого типа.

Заканчивая обзор фибул, употреблявшихся во Фракии в VII—IV вв. до н. э., следует упомянуть еще одну, очень своеобразную группу застежек тина «Букьовци». Название происходит от находки пяти таких фибул в составе клада у с. Букьовци в низовье реки Скыт у Оряхова [128]. Фибулы этого типа всегда сделаны из серебра и очень богато декорированы. Уже Р. Попов, опубликовавший клад из Букьовци, а затем еще несколько таких фибул из других районов [129] предположил, что они выделывались местными мастерами по греческим образцам [130], хотя серебряные фибулы этой формы распространены не только во Фракии, но и в Иллирии (тип «Щрбци»). Р. Попов считал, что в обеих странах такие фибулы выделывались параллельно под влиянием греческих образцов. А. Димитрова [131] подробно рассмотрела все 19 экземпляров фибул типа Букьовци, относящихся к Фракии. Она пришла к тому же выводу о местном производстве таких фибул, но разделила их на три группы, отличающиеся друг от друга деталями выделки.

---

[124] К. и Х. Шкорпил. Могили. Пловдив, 1898, стр. 108; И. Венедиков. Светилещето при Лиляче. ИБАИ, XVIII, 1952, стр. 206, рис. 191, *1*; Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 160—162, рис. 19 и 20; его же. Предистически материали за проучване на халщатската и латенската култура, стр. 163; рис. 152; В. Миков. Приноси към предисторическата епоха, стр. 393, рис. 174; его же. Материали от железната епоха, стр. 297, 299, рис. 6; А. Милчев. Археологическо проучване в Севлиевско и Троянско, стр. 486, 509—510, табл. IX, *2*; рис. 43, *а, б*.

[125] А. Милчев, Н. Ковачев. Необнародвани паметници от Севлиевско. «Археология», 1967, 2, стр. 42—43; рис. 3; Б. Филов. Два могилни гроба в Балкана, стр. 157—158, рис. 5.

[126] В. Миков. Предистически селища и находки, стр. 139, рис. 103, *7, 8*; М. Чичикова. Печати с изображения на накити, стр. 476—477, рис. 1—2.

[127] В. Миков. Предистически селища и находки, стр. 113; его же. Приноси към предисторическата епоха, стр. 393.

[128] Р. Попов. Сребърно съкровище от с. Букьовцы. ГНМ, 1922—1925, София, 1926, стр. 1—7, рис. 2—6.

[129] Р. Попов. Новооткрити предистически материали в България. ГНМ, VI, 1936, стр. 34—36, рис. 12 и 13.

[130] Р. Попов. Сребърно съкровище от с. Букьовци, стр. 17—18; его же. Новооткрити предистически материали, стр. 37; его же. Култура и живот, 2, стр. 49.

[131] А. Димитрова. Сребърно съкровище от с. Владиня, Ловешко. ИБАИ, XXIX, 1966, стр. 115—127; A. Dimitrova. Die Fibeln vom Typ «Bukjovci» und ihre Verbreitung in Bulgarien. Actes du Premier congres international des etudes Balkaniques et sud — est europeennes. II, Sofia, 1969, стр. 307—317.

В первую группу входят 5 фибул из Букьовиц, 2 — из клада у с. Владиня Ловечского района [132], 2 — из Островул Маре в Румынии [133] и одна фибула неизвестного происхождения из Болгарии [134]. Ко второй группе относятся две фибулы из Гырбино Кюстендилского района [135], 2 — из Пеньковцы между Кюстендилом и Трыном [136] и 2 фибулы неизвестного происхождения [137] из Кюстендилского музея. Наконец, третью группу составляют 4 фибулы из Сталийской махалы на реке Лом [138] вместе с несколькими фибулами из Воеводины и Словении. Если фибулы последней группы могли изготовляться где-нибудь в восточной Иллирии, то фибулы первой группы скорее всего являются продукцией каких-то мастерских в северо-западной Фракии, а застежки второй группы по предположению А. Димитровой вышли из какого-то производственного центра в верхнем течении Струмы.

Р. Попов датировал фибулы типа Букьовци очень широко V—III вв. до н. в. [139]. А. Димитрова, опираясь на датировки подобных иллирийских фибул, датирует их V и первой половиной IV вв. до н. э. [140]. Таким образом, эти фибулы были распространены в западных областях Фракии одновременно с фибулами фракийского типа.

Материалы о центрах производства и распространении наиболее поздних фибул фракийского типа (конец VI — IV вв. до н. э.) определенно указывают на экономические связи, охватившие всю Фракию. Продолжает проявлять значительную активность производственный центр на юге, в Родопах. Его продукция распространяется до бассейна Дуная, как в северо-западной, так и в северо-восточной Фракии. Появляется новый производственный район в северо-восточной Фракии, в междуречье р. Камчия и Провадийской реки (Варненский район), производящий фибулы, вероятно, на привозном сырье. Продукция его распространяется на север и юг страны, но не заходит на крайний северо-запад. Здесь, в междуречье Искра и Огосты по-прежнему интенсивно функционируют металлические мастерские, поставляющие свою продукцию также и для всей западной (до Янтры и даже до Кюстендила) части страны.

Очень важно то обстоятельство, что с конца VI в. до н. э. вся Фракия производит единый вид этой продукции, хотя центры производства находятся в различных, часто отдаленных областях страны. Симптоматично и то, что это чисто фракийская местная форма, не заимствованная от иноземных образцов, что отмечалось для более ранних фибул.

Рассмотрение фибул, употреблявшихся во Фракии в VII — IV вв. до н. э., позволяет сделать некоторые выводы, достаточно важные прежде всего для определения общего уровня производства во Фракии в раннежелезную эпоху.

На протяжении всего этого времени во Фракии производились фибулы разного типа, либо по ввозимым извне образцам, либо собственных оригинальных моделей. Производство это было организовано на базе использования местных металлических руд в разных областях страны, в том числе в центральных Родопах, в Вратчанско-Етрополъско-Троянском районе, в областях Кюстендила-Трына и, возможно, в районе Провадии. Первоначально изготовлялись фибулы из бронзы, а потом и из железа, серебра и золота. Фибулы, производимые в разных областях Фракии, имели доволь-

[132] А. Димитрова. Сребьерно съкровище от с. Владиня, стр. 115—116, рис. 2.
[133] D. Berciu. Archeologia praistorica a Olteniei. Bucuresti, 1939, стр. 179, рис. 223, *1, 4*.
[134] Р. Попов. Халщатски и латенски фибули, стр. 153, рис. 12.
[135] Р. Попов. Новооткрити предисторически материали, стр. 34, рис. 12.
[136] Там же, стр. 36, рис. 13.
[137] А. Димитрова. Сребърно съкровище от с. Владиня, рис. 1 и 3.
[138] Б. Николов. Тракийски паметници, стр. 179, рис. 19, *а*.
[139] Р. Попов. Сребърно съкровище от с. Букьовци, стр. 19, его же. Новооткрити предисторически материали, стр. 37; его же. Култура и живот, 2, стр. 52.
[140] А. Димитрова. Сребърно съкровище от с. Владиня, стр. 127; A. Dimitrova. Die Fibeln vom Typ «Bukjovci», стр. 314—316.

но большое распространение за пределами производящего района, иногда по всей территории страны, что говорит о высокой товарности производства и широко развитой торговле металлическими украшениями у фракийцев.

Эти наблюдения также дают возможность наметить те этапы и пути в развитии экономики Фракии VII — V вв. до н. э., которые постепенно привели к созданию экономического и политического единства всей страны. В VIII — VII вв. до н. э. производство фибул было основано на местном сырье и обслуживало нужды одного племени или союза племен. С VII — VI вв. до н. э., т. е. со времени, непосредственно предшествующего возникновению общефракийского Одрисского царства, можно отметить нарастание общефракийских экономических связей. Они проявляются, в частности, в проникновении металлических изделий в области, далекие от центров их производства, что указывает на возникновение торговли или обмена между различными фракийскими племенами. Так, из района Центральных Родоп, населенных главным образом племенами бессов, фибулы проникали в междуречье Марицы и Тунджи, где жили племена одрисов, артакиев, койлалетов и тех же бессов. Очень насыщены изделиями южных родопских центров были и в области Дунайского бассейна от р. Огосты на западе до восточных областей Фракии, т. е. области расселения трибаллов, мезов, гетов, кробидзов, теридзов и других северо-фракийских племен.

Другой крупный производственный центр металлических изделий, функционировавший на северо-западе Фракции, в междуречье Огосты и Искры, расположенный в области расселения трибаллов, снабжал изделиями племена, жившие к югу от него на верхнем и нижнем Стримоне (сердов, дентелетов, одомантов и др.), а также и к востоку, до р. Русенский Лом, т. е. мезов, уздиценов и другие северные и северо-восточные племена.

Весьма существенно отметить, что распространение разобранной нами металлической продукции было одним из симптомов создания общефракийского экономического единства, послужившего основой возникающей политической организации — древнейшего фракийского государства. Весьма существенно, что ареал рассмотренных фибул четко укладывается в границы, составлявшие, судя по литературным свидетельствам, пределы Одрисского царства [141].

Появление в самом конце VI или в V вв. до н. э. единого общефракийского типа фибул («фракийский тип») нельзя не связать с усилением процесса экономической и политической консолидации фракийских племен, который начался, как отмечено, уже в более раннее время. Проявлением этого было создание общефракийских типов материальной культуры, некоторой унификации металлической продукции, изготовляемой по всей стране. Использование привозного сырья из соседних или отдаленных мест было еще одной стороной этого же процесса.

Фибулы фракийского производства могут служить как бы эталоном при определении других металлических украшений и утвари фракийского происхождения. Сравнение форм, технических приемов изготовления, состава металла, системы украшений и т. п. позволяет прийти к заключению о местном фракийском происхождении многих других бронзовых, серебряных и железных изделий раннефракийской эпохи: браслетов, гривен, булавок, золотых нагрудников, некоторых типов металлических сосудов, а также вооружения, конского снаряжения и других металлических предметов, встречаемых главным образом во фракийских погребениях. Рассмотрение всех этих изделий под тем же углом зрения создания общефракийского экономического единства очень интересно и перспективно, но оно должно явиться предметом особого исследования.

---

[141] Отсутствие находок фибул на юге, в Эгейской Фракии и в районе между Тунджей и Черным морем, вероятно, объясняется отсутствием здесь сколько-нибудь значительных археологических изысканий по фракийской культуре.

T. D. Zlatkovskaya, D. B. Chélov

LES FIBULES DE LA THRACE DES VII—V^es SIÈCLES AVANT NOTRE ÈRE (A PROPOS DE L'ÉVOLUTION ÉCONOMIQUE DE LA THRACE À LA VEILLE DE LA CRÉATION DU ROYAUME DES ODRYSES)

Résumé

L'étude des centres de la production de divers types de fibules de l'ancienne Thrace et des régions de leur diffusion permet de révéler certains indices propres à l'apparition de l'unité économique de la Thrace. De toutes les fibules étudiées, les plus anciennes remontant aux VIII—VIIes siécles avant notre ére ne sont communes que pour la région de leur production située dans le Rhodope central. Les fibules à un ressort d'origine plus récente (les VII—VIes siécles avant notre ère) que l'on fabriquait dans la même région se rencontrent aussi au-delà de ses limites, notamment dans les bassins des fleuves de Marica et de Tundža au nord-ouest et, plus rarement, au nord-est de la Thrace. Le domaine de la répartition des fibules à deux ressorts rattachées également aux VII—VIes siécles avant notre ère est plus large; du Rhodope central ces fibules avaient pénétré dans la partie nord-est de la Thrace (à partir du fleuve de Vit jusqua' à la région attenant au Pont, près de la Varna actuelle). A partir de la région de la ville moderne de Vraca elles se diffusérent presque dans toute la Thrace. Les trouvailles des fibules du type dit thracien datées des V—IVes siècles avant notre ére donnent lieu à révéler, de façon encore plus nette, la naissance des relations entre toutes les régions de la Thrace. L'usage des fibules du type précité exécutées en Thrace du nord-est était fréquent au nord et au sud du pays. Dans les ateliers de l'extrême nord-ouest on faisait des fibules du type thracien pour toute le moitié occidentale de la Thrace. L'apparition des rapports économiques reliant toutes les régions de la Thrace est à considérer en tant qu'une dés prémisses essentielles de la fondation du premier Etat thracien des Odryses.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ДАТА МИНГЕЧАУРСКИХ УДИЛ

Проблема хронологии археологических памятников, как справедливо писал А. А. Иессен, имеет первостепенное значение для понимания внутренних закономерностей исторического процесса. Живо интересуясь этим вопросом, он уделял ему много внимания в трудах, посвященных культурам энеолита, эпохи бронзы и раннего железа на Кавказе и на юге Европейской части СССР. Труды эти пользуются заслуженным авторитетом в отечественной и зарубежной науке.

В частности, несколько лет тому назад А. А. Иессеном[1] была поставлена важная в историческом отношении задача, направленная на пересмотр существующих слишком ранних датировок памятников позднего бронзового века в Азербайджане, углубленное решение которой, по-видимому, потребует еще много исследовательских усилий. Поводом к такой постановке вопроса послужила находка ценного комплекса вещей в Малом кургане в Мильской степи, раскопанном им в 1959—1960 гг. Здесь при скелете человека, лежавшем в скорченном положении, оказалось большое количество сопровождающих вещей: много черных и серых лощеных сосудов, глиняная маслобойка, бронзовый наконечник стрелы, сердоликовые бусы, костяной и пастовый бисер, обломки трех железных ножей, втульчатого наконечника копья и втульчатого плоского наконечника стрелы и череп коня с бронзовым уздечным набором, состоявшим из удил с псалиями, колокольчика, фрагментированной застежки, круглых блях и плоского наносника.

А. А. Иессен датировал Малый курган второй половиной VII в. до н. э. Основанием для такой даты послужил ему бронзовый наконечник стрелы с удлиненной втулкой и тремя лопастями (рис. 1, *3*), характерный для архаических скифских колчанных наборов VII — отчасти VI в. до н. э., в том числе из Келермесских и из Мельгуновского курганов. Сопоставляя Малый курган с Келермесскими и Ульскими курганами, А. А. Иессен признает, что он несколько старше их и может потому служить опорным памятником, датируемым 650—600 гг. до н. э.[2].

Для археологии Азербайджана, как представляется, особенно важными являются бронзовые удила и псалии из Малого кургана, хорошие аналогии которым нашлись в материалах из курганов Мингечаура. Удила эти (рис. 1, *1*) очень характерны, они сплетены из бронзовых стержней и имеют большие внешние кольца. Псалии (1, *2*) — стержневидные с тремя овальными отверстиями в одной плоскости и шишечками на концах. Близкие к ним по типу псалии, кроме мингечаурских, А. А. Иессеном указаны в составе вещей из могил некрополя в Сиалке (Иран) и из раскопок поселений чустской культуры в Фергане[3]. Какое большое значение придавал А. А. Иессен названным вещам из Малого кургана, видно из следующего его заключения: «аналогии, встреченные в курганах Мингечаура, не могут повлиять на датировку нашего кургана, а скорее привести к некоторому

[1] А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, 1965, стр. 22.

[2] Там же, стр. 29, 30.

[3] Там же, стр. 27, рис. 10.

пересмотру датировок Мингечаурских курганов, отнесенных авторами их публикации к XI—IX вв. до н. э.[4].

Подмеченная А. А. Иессеном связь хорошо датированного Малого кургана с памятниками Мингечаура впервые позволила подойти с твердыми научными обоснованиями к установлению их абсолютного возраста. Для проверки мнения А. А. Иессена и уточнения датировки курганов Минге-

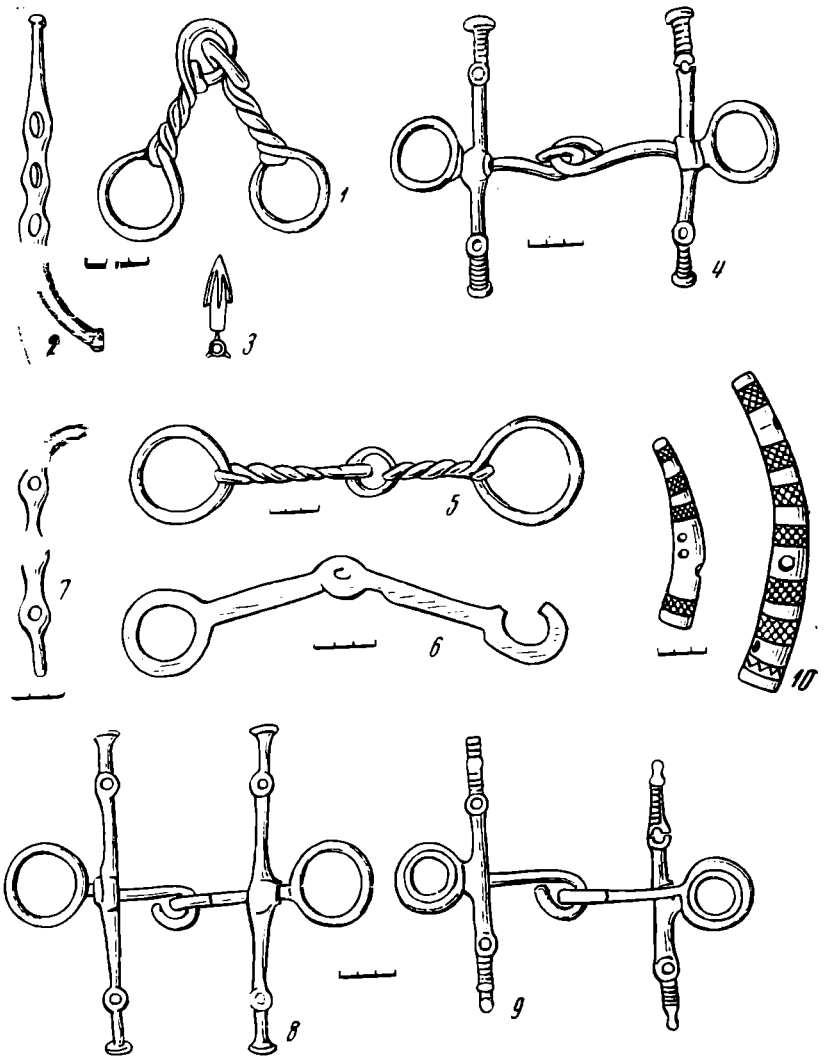


Рис. 1

1 — удила, *2* — псалий, *3* — наконечник стрелы из Малого кургана в Мильской степи (по А. А. Иессену); *4* — удила из кургана № I в Мингечауре, *5*, *6* — удила, *7* — псалий, *8*, *9* — удила с псалиями из кургана № II в Мингечауре, *10* — псалии из грунтового погр. 77 в Мингечауре (по Г. М. Асланову, Р. М. Ваидову и Г. И. Ионе); *1—9* — бронза, *10* — кость

чаура особое значение могут иметь найденные в них бронзовые удила и псалии, обзору которых и посвящена настоящая статья.

В Мингечауре, помимо других памятников, были раскопаны пять курганов и обширный могильник с захоронениями бронзового и железного веков. Материалы этих раскопок были изданы, к сожалению, выборочно, только в той части, которая была отнесена авторами публикации к бронзовому веку. Непосредственно связанные с ними могилы начала эпохи железа до сих пор известны нам лишь по самым предварительным сообщениям. Последнее обстоятельство сильно затрудняет понимание памятников Мингечаура, но об этом подробнее будет сказано ниже.

---

[4] Там же, стр. 30.

В данном случае нас в первую очередь интересуют курганы с открытыми в них обширнейшими погребальными камерами. В них были одиночные (преимущественно грабленные) захоронения в скорченном положении, сопровождавшиеся большим количеством вещей и обильными жертвоприношениями в виде туш мелкого и крупного скота, лошадей, свиней и собак. Всего в них было обнаружено 30 скелетов лошадей, при 17 из них оказались остатки уздечек с бронзовыми удилами: в кург. I при восьми конских скелетах было двое удил, в кург. II при восьми скелетах — шесть удил, в кург. III при четырех скелетах — двое удил, в кург. IV при восьми конях — пять удил и в кург. V — скелеты двух коней с удилами[5]. Этот редкий по количеству набор бронзовых удил весьма интересен и по своему составу.

Основную серию среди них составляют литые удила с большими кольцами на концах, имеющие напускные псалии в виде стержня с тремя круглыми отверстиями, размещенными разреженно в двух плоскостях, и шишечками или гвоздевидными шляпками на концах (рис. 1, *4, 8, 9*). Такого рода удила, различающиеся между собой только в деталях оформления, нашлись во всех курганах[6].

Однако в кург. II наряду с двумя экземплярами удил такого вида найдены еще удила двух иных типов. Трое из них, сплетенные из бронзовых прутьев, имеют большие кольца на концах (рис. 1, *5*). Псалий при таких удилах не оказалось. Найден один экземпляр удил еще одного типа. Они литые с кольцами средних размеров на концах и отдельными псалиями, имеющими вид стержня с тремя круглыми отверстиями в утолщениях и выступающими концами, из которых один приострен и изогнут (рис. 1, *6, 7*).

Остановимся прежде всего на плетеных удилах. Они в пределах СССР пока известны лишь по находкам на Кавказе[7]. Позднейшие из них, судя по удилам из Малого кургана в Мильской степи (рис. 1, *1*), относятся ко времени едва ли раньше конца VII в. до н. э. Употреблялись они, очевидно, и в VIII в. до н. э., подтверждение чему можно видеть в наличии плетеных удил в составе клада бронз колхидской культуры, поступившего из сел. Сурмуши в Западной Грузии. Последние отличаются от описанных выше тем, что плетение их проще, а внешние кольца меньше[8].

Бронзовые литые однокольчатые удила, близкие по типу к удилам такого рода из кург. II, были распространены в течение переходного времени от бронзы к железу в Западной Европе, в Средней Азии и Сибири. Обычны они и в находках на Кавказе. А. А. Иессен предполагал, что на Северном Кавказе такие удила применялись в основном в первой половине VII в. до н. э.[9]. Однако, как это выясняется по материалам из протомеотского могильника у с. Николаевского в Прикубанье, они имели здесь распространение и раньше, в VIII в. до н. э.[10]. В Закавказье, судя по находке однокольчатых удил в Малом кургане в Мильской степи, они продержались вплоть до конца VII в. до н. э. Хронологический период, в течение которого применялись такие удила на Кавказе, очевидно достаточно широк, а потому находка их в курганах Мингечаура едва ли может быть пока использована для уточнения возраста этих курганов.

---

[5] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур, Баку, 1959, стр. 90 сл., табл. XXXIX.

[6] Там же, табл. XXXIX, 6.

[7] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, XVIII, 1953, стр. 94.

[8] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии, СА, XVIII, стр. 286, рис. 2.

[9] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках, стр. 70—72, 99; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 127; М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. Алма-Ата, 1968, стр. 30, 31.

[10] Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II, Майкоп, 1961, стр. 118.

Несравнимо больший интерес в этом отношении имеют сопровождающие их псалии (рис. 1, 7). Помимо находки подобных псалий в Малом Кургане в Мильской степи, нам известна еще небольшая их серия из погребальных памятников южной части Восточной Европы, которые во всех случаях хорошо датируются временем скифской архаики.

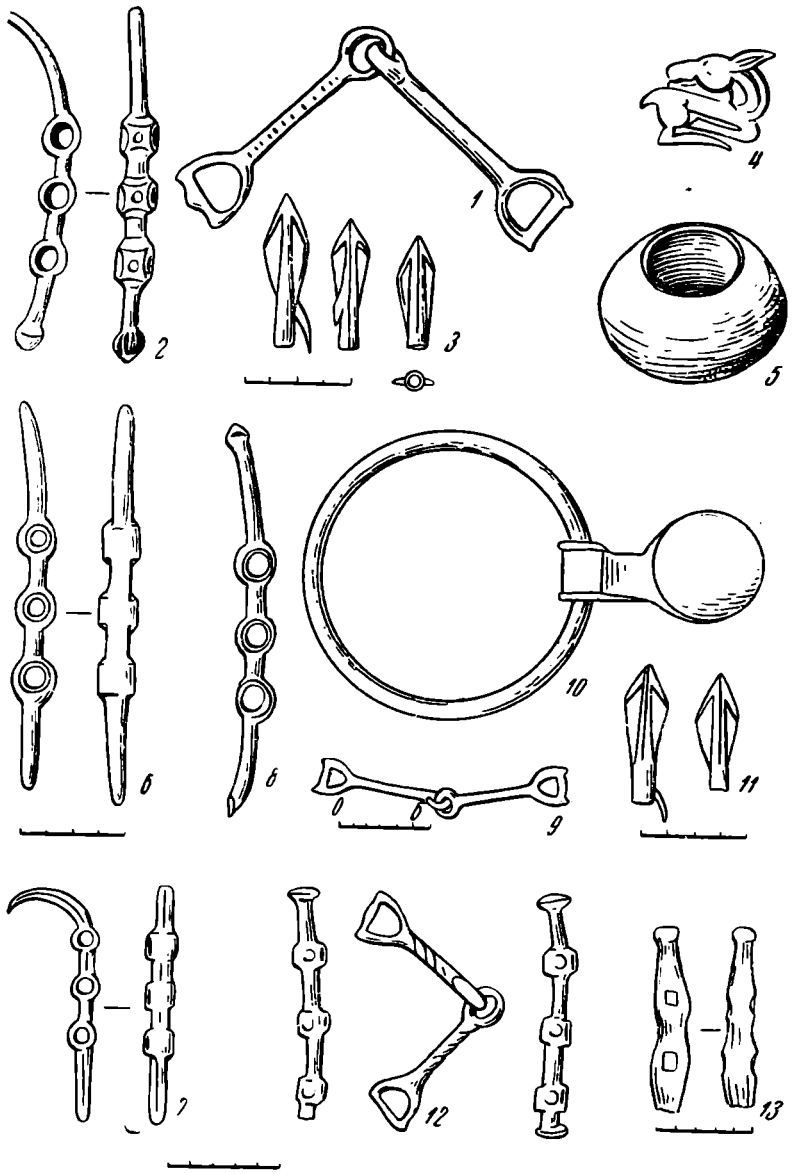


Рис. 2.

1 — удила, *2* — псалий, *3* — наконечники стрел, *4* — зооморфная бляшка, *5* — булава из кургана № 524 у с. Жаботина Черкасской области (по А. А. Бобринскому и А. А. Иессену); *6* — псалий из кургана № 183 на р. Тенетинке в Черкасской области (по А. А. Бобринскому); *8* — псалий, *9* — удила, *10* — уздечное кольцо, *11* — наконечники стрел из кургана у х. Алексеевского Ставропольского края (по А. А. Иессену); *7* — псалий из старой Толучаевой бывш. Воронежской губ.; *12* — удила и псалий из кургана Малая Цимбалка в Запорожской области; *13* — псалий из Субботовского городища в Черкасской обл. *1—3, 6—12* — бронза, *4* — золото, *5* — камень, *13* — кость

В Среднем Поднепровье нам известны три хороших комплекса, в составе которых оказались аналогичные псалии. Особенно выразительным является богатый набор вещей, происходящий из известного кург. № 524 у с. Жаботина Каменского района Черкасской области[11]. Удила здесь бронзовые — обычные стремечковидные, а псалии — трехдырчатые, с отверстиями, оформленными в виде трубочек, с ребристой шишечкой на одном конце и другим заостренным и изогнутым концом (рис. 2, *1, 2*). В могиле, кроме

[11] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 г., ИАК, 60, СПб, 1916, стр. 1—3.

удил и псалиев, найдены остатки бронзового чешуйчатого панциря, железный меч в обломках, набор бронзовых наконечников стрел, две золотых зооморфных бляшки, каменная булава (рис. 2, *3—5*) и пр. По комплексу вещей, среди которых особенно типичны двухлопастные наконечники стрел с ромбовидной головкой [12], курган № 524 принято твердо датировать второй половиной VII в. до н. э.

В разграбленном, по-видимому, кург. № 375 у с. Емчихи в бывшем Каневском уезде Н. Е. Бранденбург нашел бронзовую булаву, уздечную бляшку от перекрещивающихся ремней самого раннего скифского типа и бронзовый псалий, до деталей одинаковый с псалиями из кург. № 524 у с. Жаботина [13].

Из кург. № 183 на р. Тенетинке, к югу от Смелы, раскопанного А. А. Бобринским [14], происходят бронзовые удила со стремечковидными петлями и псалии, имеющие вид стержня с тремя отверстиями в утолщениях и утончающимися концами, из которых один слегка изогнут (рис. 2, *6*). Захоронение это, как можно судить по найденному при нем кубку, очень раннее для скифской культуры и не может быть отнесено ко времени позже второй половины VII в. до н. э.

Пара аналогичных псалиев была найдена в Старой Толучаевой бывшего Богодуховского уезда Воронежской губернии. Это псалии с тремя трубчатыми отверстиями и одним сильно изогнутым приостренным концом (рис. 2, *7*). Вместе с псалиями был найден трехперый наконечник стрелы, близкий, как пишет А. А. Иессен, по своему типу соответствующим формам из Келермеса. В то же время по псалию он относил эту находку к несколько более раннему времени [15].

Для Предкавказья чрезвычайно интересным является комплекс вещей, происходящих из захоронения у хут. Алексеевского в Ставропольском крае (рис. 2, *8—11*) [16]. Здесь при бронзовых стремечковидных удилах оказались псалии с тремя отверстиями, имеющими вид трубочек, шишечкой на изогнутом конце и копытцем на другом. А. А. Иессен, датировав находку из хут. Алексеевского второй половиной VII и рубежом VII—VI вв. до н. э., придавал ей особое значение как опорной для предкелермесского времени на Северном Кавказе. Такой возраст данного комплекса незыблемо обоснован им наличием, с одной стороны, 12 бронзовых двулопастных наконечников стрел жаботинского типа, с ромбовидными головками, а с другой,— двух больших бронзовых колец с подвижными муфтами от конской сбруи, являющихся характерными еще для предскифских памятников типа Новочеркасского клада 1939 г.

Все описанные псалии принадлежат к одному варианту трехдырчатых стержневидных псалий, имеющих три сближенных между собой отверстия в утолщениях, один прямой и другой изогнутый конец. Для большинства из них характерно разнообразие только в оформлении, значение которого при датировке еще не улавливается. Представляется существенным, что такого рода псалии бытовали достаточно короткий срок времени, что придает им особо важное датирующее значение. Комплексы, в которые они входят, во всех известных нам случаях одинаково оказываются раннескифскими и относятся ко второй половине VII в., а может быть, отчасти и к

---

[12] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, стр. 18, табл. VI *Г*.

[13] Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА. I, 1936, стр. 94, рис. 8.

[14] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. II, Спб, 1894, стр. 75, табл. IV, *7, 11*.

[15] А. А. Иессен. Некоторые памятники..., стр. 119; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 89, рис. 3, *7*.

[16] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 117, 118, рис. 7; Т. М. Минаева. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском музее. Материалы по изучению Ставропольского края. 8, Ставрополь, 1956, стр. 531, рис. 2.

началу VI в. до н. э. Соответственно в этом можно видеть наиболее серьезные данные, которыми определяется дата бронзовых псалиев рассматриваемого типа из кург. II в Мингечауре, т. е. второй половиной VII — началом VI в. до н. э.

Заканчивая сравнительный анализ данного типа псалиев, нужно остановиться еще на вопросе об аналогиях псалиев из Малого кургана в Мильской степи в материалах могильника Сиалка В и чустской культуры, отмеченных, как упоминалось выше, А. А. Иессеном. Подобное же наблюдение

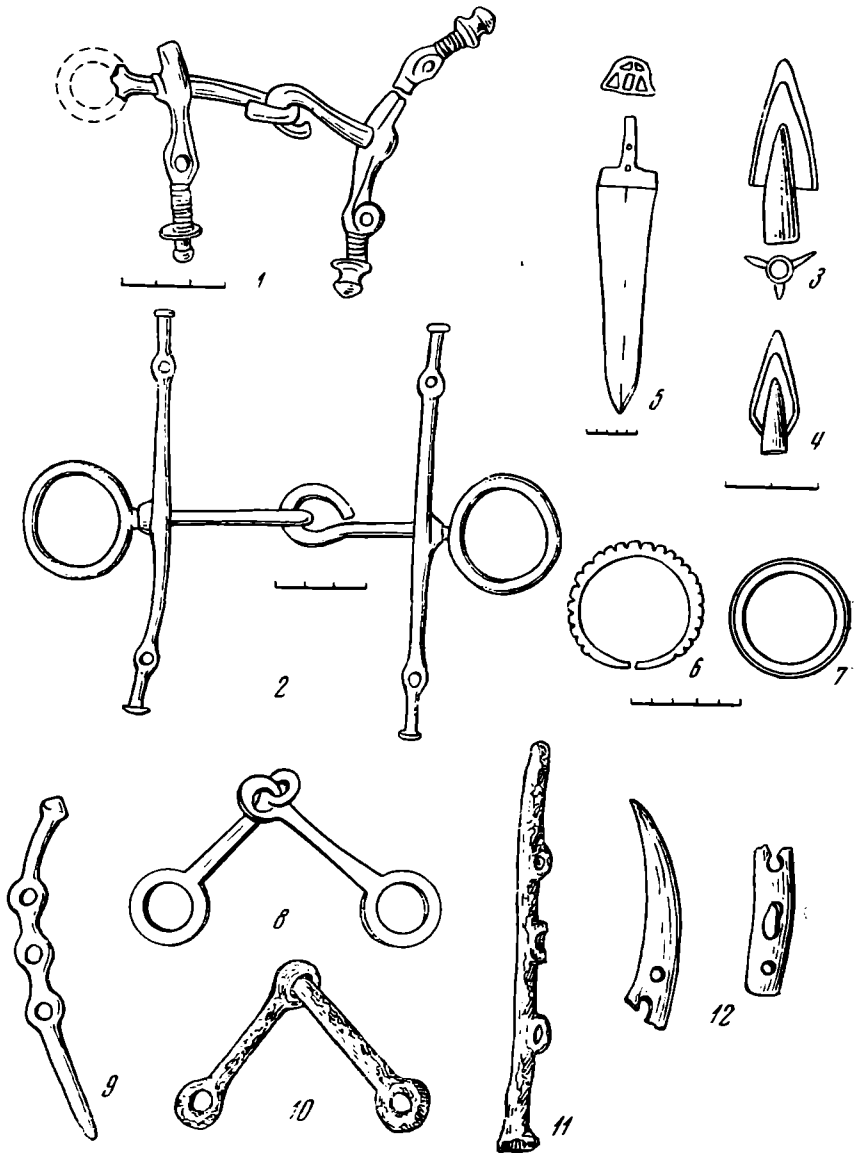


Рис. 3

1 — удила из погр. II могильника городища Эрибуни в Армении (по А. А. Мартиросяну); *2* — удила из кургана № 1 у с. Арчедзор в Азербайджане (по К. Х. Кушнаревой); вещи из погребения № 48 у с. Кедабека в Азербайджане; *3, 4* — наконечники стрел; *5* — кинжал, *6, 7* — браслеты (по А. А. Ивановскому); *9, 11, 12* — псалии, *8, 10* — удила вещи из погребения № 15 некрополя В в Сиалке в Иране (по Р. Гиршамну); *1—9* — бронза, *10, 11* — железо, *12* — кость

в отношении чустской культуры и Сиалка В сделано было и мною в результате сравнения псалиев жаботинского типа с псалиями из этих памятников и предложена приблизительная датировка их VIII—VII вв. до н. э.[17].

Вопрос о пересмотре хронологии всего некрополя Сиалк В является специальным и далеко выходит за рамки настоящей статьи. Коснусь здесь

[17] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 80.

лишь оценки хронологического места наиболее богатой по составу вещей мог. № 15 этого некрополя, среди которых оказались бронзовые удила с псалиями жаботинского типа [18]. Псалии эти обычные — с тремя отверстиями в одной плоскости и концами, из которых один приостренный, а другой — изогнутый с шишечкой (рис. 3, *8*, *9*). Позднее время могилы № 15 очевидно не только по наличию таких псалий, но особенно по железным удилам с железными же трехпетельчатыми псалиями (рис. 3, *10*, *11*), которые широко известны для ранней (VI в. до н. э.) скифской культуры на территории Украины и ее ранних проявлений в Закавказье [19]. Пора скифской архаики, начало которой восходит к середине VII в. до н. э., для мог. № 15 может быть подтверждена и другими происходящими из нее принадлежностями уздечных наборов, среди которых интересны обломки роговых псалий с тремя отверстиями, расположенными в одном направлении (рис. 3, *12*). Инвентарь мог. № 15 типичен для перехода от бронзового к железному веку, чем решительно опровергается широко распространенное в науке мнение об очень раннем времени (от VIII в. до н. э. и старше) периода широкого распространения железа в Иране.

Начиная с 1965 г. необходимость пересмотра устаревшей хронологии некрополя В в Сиалке наметилась и в среде западноевропейских археологов. Так, Р. М. Боймер выделяет в нем две хронологические группы погребений: старшую, Сиалк B_1 (погр. 31, 53, 61, 62, 123), соответствующую 820/810—750/740 гг. и младшую Сиалк B_2 (погр. 1, 3, 7в, 15, 21, 38, 52, 66, 74, 78 и 94), датированную 770/760—690/680 гг. до н. э. [20]. Если относительная хронология погребений, предложенная Р. М. Боймером, может быть принята, то их абсолютный возраст остается у него все же завышенным, что является особенно очевидным для младшей группы захоронений, для которых руководящими служат погр. 15 и 22. Последняя группа, очевидно, никак не древнее второй половины VII в. до н. э.

Ю. А. Заднепровский датировал чустскую культуру X—IX вв. до н. э. применительно к дате Р. Гиршманом могильника В в Сиалке [21]. Датировка эта является одинаково завышенной как для Сиалка В, так и для чустской культуры, абсолютный возраст которой ныне становится яснее. Для нас, как и ранее, определяющее значение остается за находкой на Дальверзинском поселении матрицы для отливки бронзового стержневидного псалия с тремя отверстиями в утолщениях и одним изогнутым заостренным концом (рис. 4, *9*). Дальневерзинский псалий аналогичен не только псалиям Сиалка и Мингечаура, что кстати охотно признается Ю. А. Заднепровским, но, конечно, также и всем соответствующим архаическим скифским (рис. 2, *2*, *6—8*), что и является определяющим при установлении абсолютной хронологии чустской культуры.

В. И. Спришевский при раскопках поселения в Чусте нашел значительное количество обломков роговых псалиев, из которых одни имеют три отверстия в одной плоскости (рис. 4, *2—5*), тогда как у других отверстия расположены в двух плоскостях (рис. 4, *6*, *7*) [22]. Известно, что псалии с отверстиями, расположенными в различных направлениях, в археологии

---

[18] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, II, Paris, 1939, табл. LVI, 835, 841.

[19] В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев. 1968, стр. 106, табл. IV, XII, XIV и др.; Б. Б. Пиотровский. Скифы и древний Восток. СА, XIX, 1954, стр. 143, рис. 2; М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми. 1962, стр. 54—57, табл. XX, LIV.

[20] R. M. Boehmer. Zur datierung der Nekropole B von Tepe Sialk. Arch. Anz. 1965, Berlin, 1965/1966, 4, стр. 802—822.

[21] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 64 сл.

[22] В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, 1958, стр. 92, рис. 27, *3*. Зарисовка вещей, изображенных на рис. 4, *1—7*, сделана мною в Ташкентском музее и публикуется здесь по любезному разрешению В. И. Спришевского, которому, пользуясь случаем, выражаю благодарность.

Средней и Восточной Европы считаются ранними, относящимися к позднему бронзовому веку [23].

Однако в Средней Азии и в Казахстане такого рода псалии держатся дольше и сосуществуют с псалиями с отверстиями в одной плоскости даже в раннее сакское время, в VII—VI вв. до н. э., что хорошо выяснено ныне по материалам тасмолинской культуры в Центральном Казахстане и гробниц Тагискена и Уйгарака в низовьях Сырдарьи [24]. Признак этот, важный,

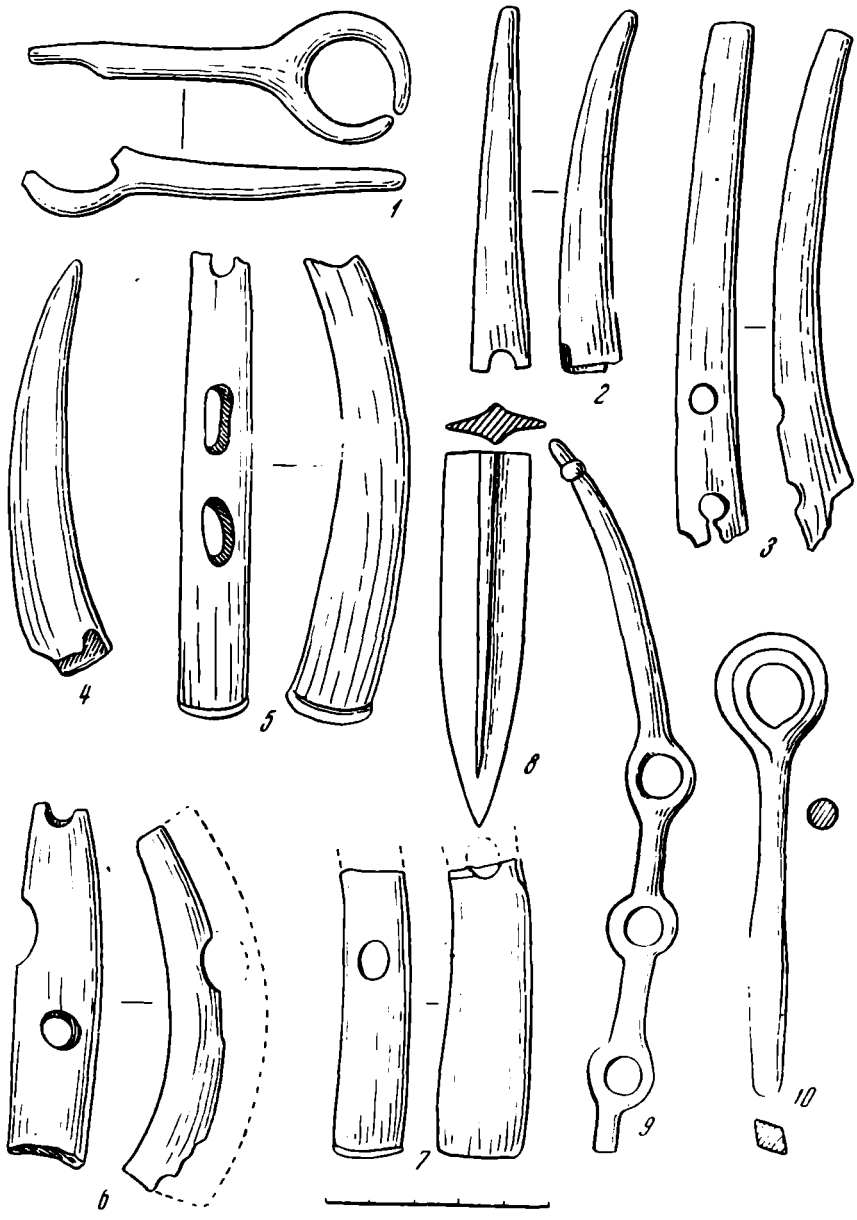


Рис. 4.

1 — часть удил, *2—7* — обломки псалий с поселения близ г. Чуста в Фергане (из раскопок В. И. Спришевокого); *8* — часть кинжала (по литейной форме), *9* — псалий (по литейной форме); *10* — звено от удил с поселения у с. Дальверзин в Фергане (по Ю. А. Заднепровскому); *1*, *10* — бронза, *2—7* — кость, *8*, *9* — камень

но не безукоризненный и для запада, явно не имеет узкодатирующего значения на востоке.

Наконец, для чустской культуры были характерны бронзовые удила с однокольчатыми концами: одно звено таких удил известно нам из раскопок в Чусте (рис. 4, *1*). С поселения в Дальверзине происходит подоб-

[23] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 65.

[24] М. К. Кадырбаев. Ук. соч., стр. 30, 31, рис. 2, *2*, *6*, *7*; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, 2, стр. 161, рис. 8.

ное же звено от удил, оставшееся незаконченным при его отковке в древности (рис. 4, *10*).

В общем мне представляется, что чустскую культуру следует датировать VIII—VII в. до н. э., как это предлагалось мною и раньше. При этом если VII в. до н. э. для нее можно уже признать вполне обоснованным рядом различных находок уздечных принадлежностей, то более раннее время еще нуждается в подтверждении дополнительными археологическими материалами.

Бронзовые удила с напускными псалиями из курганов Мингечаура (рис. 1, *4*, *8*, *9*), как это общепризнано, являются типичными для позднего бронзового века Центрального Закавказья. Помимо других находок, удила такого рода, например, хорошо представлены в комплексах, происходящих из курганов Арчадзора (рис. 3, *2*), которые по ряду признаков (состав и типология вещей, отсутствие изделий из железа) относятся к несколько более раннему времени, чем курганы Мингечаура [25]. А. А. Мартиросян устанавливает, что в памятниках старше курганов Арчадзора подобные удила не встречаются [26].

Б. А. Куфтин датировал такие удила вместе с другими вариантами бронзовых удил ассирийско-урартийского круга, снабженных напускными псалиями, IX и отчасти VIII вв. до н. э. [27]. По-видимому, основываясь на находках урартийской культуры, ныне дату арчадзорских и мингечаурских удил можно установить точнее. Их ранняя дата, как мне кажется, определеннее всего засвидетельствована находкой аналогичных, но лишь несколько иначе оформленных бронзовых удил с напускными псалиями во втором погребении могильника VIII в. до н. э. г. Эрибуни (рис. 3 *1*), исследованного А. А. Мартиросяном [28]. По сообщению этого же автора аналогичные удила с напускными псалиями нашлись и при раскопках урартийского города Тейшебаини в 1957 г., относящегося к VII — началу VI в. до н. э. [29]. Если эти наблюдения верны, то, следовательно, удила мингечауро-арчадзорского типа соответствуют времени урартийского преобладания в Закавказье, VIII—VII вв. до н. э.

Подтверждение этому выводу можно найти и в материалах группы Новочеркасского клада 1939 г., которую я связываю с киммерийцами, обитавшими на юге Восточной Европы в VIII — первой половине VII в. до н. э. [30]. Для нее, помимо наиболее характерных двукольчатых удил с трехпетельчатыми псалиями, известны также псалии, имеющие вид стержня с тремя отверстиями в одной плоскости и гвоздевидные шляпки на концах (рис. 2, *12*). Такие псалии (один из вариантов III типа по А. А. Иессену), изредка встречающиеся в составе предскифских уздечных наборов в памятниках юга Европейской части СССР, были более всего типичны для культур типа фракийского гальштата в Дунайском бассейне [31]. По схеме они близки к напускным псалиям закавказского типа, только проще их, грубее и имеют иное расположение отверстий. В комплексах времени более раннего, чем VIII в. до н. э., таких псалиев нет, так, что если между ними и закавказскими псалиями существует связь, то в этом случае мы также убеждаемся (пусть пока косвенно), что закавказские удила с напускными псалиями не могут быть старше конца IX или начала VIII в. до н. э. Кстати,

---

[25] К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, стр. 136 сл., рис. 2.

[26] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 145.

[27] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 59—60, 78.

[28] А. А. Мартиросян. Ук. соч., стр., 245, рис. 93, *3*.

[29] Там же.

[30] А. И. Тереножкин. Киммерийцы. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964.

[31] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 53, рис. 3, *4* и стр. 75, 85, рис. 23.

характерно, что костяные псалии на нашем юге, подражающие подобным металлическим, также оказываются не старше VIII в. до н. э. (рис. 2, *13*) [32].

При захоронениях в грунтовом могильнике Мингечаура, значительная часть которых одновременна Мингечаурским курганам, бронзовых удил с псалиями не найдено. Только в мог. № 77 оказался набор костяных принадлежностей от двух уздечек с мягкими не сохранившимися удилами [33]. Псалии с тремя отверстиями в разных плоскостях (рис. 1, *10*) имеют роговидную форму, что придает им архаический вид. Как по форме, так и по орнаменту заштрихованными поясками они похожи на костяные псалии времени раннего гальштата в Венгрии и позднего бронзового века в степях нашего юга [34]. Однако, по-видимому, от таких сопоставлений нужно отказаться. Не только в Средней Азии и в Казахстане, как это отмечено выше, но и в Закавказье псалии со старой схемой расположения отверстий в двух плоскостях задержались значительно дольше, чем в Северном Причерноморье и на Западе, как это можно (помимо других данных) заключить по материалам из курганов Мингечаура (рис. 1, *4—9*), где оказались псалии с тремя отверстиями в одной плоскости и псалии с отверстиями в различных направлениях. Скорее всего уздечные наборы из мог. № 77 в Мингечаури следует относить ко времени не старше VII в. до н. э.

Авторы публикации памятников Мингечаура, отнеся основную часть их к эпохе поздней бронзы и предложив датировку концом XI — первой половиной IX в. до н. э., проявили ничем не оправданное стремление представить их в наиболее архаическом виде. Особенно это сказалось в умалчивании ими значения находок в могилах вещей из железа, что было отмечено в свое время рецензентами книги «Древний Мингечаур» [35]. В своей характеристике хозяйства и ремесел авторы вообще не упомянули о фактах находок железного инвентаря в могилах. Почти полным умалчиванием обойдены эти находки и в разделе, в котором идет речь о датировке памятников [36]. Имеющиеся же упоминания находок железных вещей носят весьма странный характер: кажется, что авторы публикации проявили в них всемерное стремление как-то умалить или завуалировать истинное научное значение находок железных вещей в могилах. Эффект такой своеобразной маскировки усиливается тем, что среди многочисленных иллюстраций в книге не помещено ни одного изображения железных предметов, происходящих из могил, отнесенных авторами к бронзовому веку. Вот что они пишут, например: «Но особенно важно то, что в некоторых комплексах предметов поздней группы, правда еще в редких случаях, встречаются железные украшения, главным образом кольца и перстни, что позволяет отнести эти комплексы ко времени первого появления железа (погр. № 159, 1946 г., № 17 и 151, 1947 г.) [37]. При проверке приведенных сведений, на основании которых делается этот важный в историческом отношении вывод, выясняется, что сведения эти просто сочинены авторами публикации и, являясь плодом их фантазии, не подтверждаются никакими фактическими данными. Прежде всего устанавливается, что никаких железных перстней и колец не было найдено не только в названных погребениях, но и вообще ни в одном из числа опубликованных в книге погребений Мингечаура. В могилах были железные предметы, но другие и в

---

[32] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 99, 100, рис. 67, *5*.

[33] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Ук. соч., стр. 58, рис. 38—41; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье, стр. 153, прим. 53; А. Н. Мелентьев. Две узды из Мингечаура. СА, 1968, 1, стр. 226—229.

[34] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 64.

[35] И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский. Рец.: Г. М. Асланов и др. СА. 1962, 3, стр. 319.

[36] Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Ук. соч. стр. 116 сл.

[37] Там же, стр. 119.

ином количестве. Так, в погр. № 159 кроме глиняных сосудов оказались следующие вещи: четыре бронзовых наконечника стрел закавказского типа (так называемые «площики»), обсидиановый наконечник стрелы, глиняные пряслица, костяная пронизка, пастовые и сердоликовые бусы, а также «три железных бусины, узколистный железный наконечник копья с втульчатым насадом» [38]. В погр. № 17 (кв. ЕК-V) помимо нескольких глиняных сосудов найдены: бронзовые браслеты, пастовый бисер, сердоликовые бусы, бронзовый пояс, «узколезвийный железный меч с клиновидным острием и бронзовой рукояткой..., клинок железного кинжала, листовидной формы в бронзовых ножнах..., открытых с одной стороны; клинообразный железный узколезвийный нож; другой железный нож...» [39]. При погр. № 151, помимо глиняных сосудов, найдены: бронзовые колечки, серьги, колокольчики, игла, костяное кольцо, два бронзовых закавказских наконечника стрел, небольшой бронзовый кинжал и железный кинжал в бронзовых ножнах [40].

Необъективно охарактеризованы в книге и материалы из гробниц в курганах, относительно которых сообщается, что в некоторых из них встречаются «отдельные железные предметы» [41]. Фактические данные позволяют внести существенные поправки. За исключением бронзовых наконечников стрел закавказского типа, которые в данном случае не представляют особого интереса, в курганах оказались следующие орудия и предметы вооружения: в кург. I — бронзовое тесло, два железных наконечника копий и железный нож [42]; в кург. II — железный кинжал, железный нож и бронзовый наконечник копья [43]; в кург. III — бронзовый кинжал [44], в кург. IV — бронзовый наконечник копья и бронзовый же нож [45]; в кург. V — железный наконечник копья [46].

Из приведенного перечня вещей очевидно, что упомянутые грунтовые погребения и курганы относятся отнюдь не ко времени первого появления железа. В комплексах из кург. I—V и погр. № 151 железные и бронзовые орудия находятся в равных количествах, тогда как в погр. № 157 и 17 бронзовых орудий не оказалось, причем погр. № 17 выделилось особым обилием предметов вооружения из железа. Судя по таким данным, памятники эти соответствуют времени широкого распространения железа, а не поздней бронзы, в чем нас так настойчиво, но без должных к тому оснований пытаются убедить авторы публикации.

Отступление от научных методов анализа археологических источников, допущенное авторами публикации, повлекло за собой и другие серьезные ошибки. Так, обнаружив, что железные вещи, найденные в курганах, ничем не отличаются от железных изделий, происходящих из погребений в грунтовых могилах скифского времени в Мингечауре, они заключили, что эти вещи в гробницах были оставлены грабителями, что находками этих вещей, датированных ими VII—IV вв. до н. э., определяется именно время разграбления курганов [47]. Домыслы эти наивны и не нуждаются в опровержениях. Однако сами сведения о находках железных вещей представляют для нашей темы безусловный интерес. Так, железные наконечники копий и железный нож из кург. I описаны как типично скифские [48]. Относительно железных вещей, найденных в кург. II, сообщается следующее: «Упомянутые кинжал и серповидный нож абсолютно тождественны с такими же

[38] Там же, стр. 51, 52, 165.
[39] Там же, стр. 53, 166—167.
[40] Там же, стр. 72, 174.
[41] Там же, стр. 120.
[42] Там же, стр. 92.
[43] Там же, стр. 96.
[44] Там же, стр. 105.
[45] Там же, стр. 109.
[46] Там же, стр. 115.
[47] Там же, стр. 96.
[48] Там же, стр. 177.

предметами, находящимися в инвентаре мингечаурских грунтовых погребений с вытянутыми костяками, которые датируются бронзовыми наконечниками стрел скифского типа VII—IV в. до н. э. Кинжал из кург. II по форме очень близок к акинакам с когтеобразным навершием позднескифского времени (V—IV вв. до н. э.), а нож к железным скальпелям так называемого скифского типа [49]».

Этими, лишь неправильно интерпретированными, находками железных вещей скифского типа, прочно входящими в состав больших погребальных комплексов заупокойных даров, курганы Мингечаура оказываются весьма основательно увязанными с местными грунтовыми могилами скифского периода. По состоянию публикации материалов последних мы лишены возможности сопоставить с ними вещи из курганов. Как можно судить по частично изданным бронзовым наконечникам стрел, среди грунтовых могил имеются очень ранние, по-видимому, не позже второй половины VII в. до н. э. [50]. Эти наконечники стрел имеют аналоги в Малом кургане в Мильской степи и в известной кедабекской мог. № 48, раскопанной в дореволюционное время А. А. Ивановским. В последней было восемь втульчатых бронзовых трехлопастных наконечников стрел двух типов (рис. 3, *3*, *4*) и наряду с ними бронзовый кинжал с черешковой ручкой и обособленным ажурным навершием, бронзовые браслеты и бляшки [51] (рис. 3, *5—7*), аналогии которым могут быть без труда указаны в материалах из Мингечаура. По накопечникам стрел А. А. Иессен отнес мог. № 48 в Кедабеке ко второй половине VII в. до н. э., против чего возразить трудно. Стрелы эти ранние, хотя они обычны и в колчанных наборах VI в. до н. э. из скифских могил юга Европейской части СССР. Таким образом, наша дата курганов Мингечаура второй половиной VII в. до н. э., к которой можно прийти на основании находки в них бронзовых удил с кольцевидными петлями и трехдырчатых стержневидных псалий с изогнутым концом, получает серьезное подтверждение в датировках многочисленных железных предметов скифского типа из этих же курганов.

Все изложенное позволяет нам упомянуть еще о двух предметах, обстоятельства находки которых могут быть объяснены лишь при условии, что памятники ходжалы-кедабекского типа определенным образом смыкаются во времени с памятниками начала скифского периода. Так, среди вещей из кург. № 1 близ с. Арчадзора имеется круглая бронзовая пряжка с рамочным выступом [52], типичная для конских сбруйных наборов майэмирского этапа на Алтае и раннего сакского времени в Казахстане, относящихся к VII—VI вв. до н. э. [53], а также савроматов в Поволжье и Южном Приуралье [54]. Другим предметом является так называемая бронзовая булава, происходящая из савроматского кургана рубежа VI—V вв. до н. э. группы Пятимары I (кург. № 8) в Оренбургской области [55]. По форме этот предмет представляет собой длинный слегка расширяющийся книзу цилиндр, где имеется поясок из продольных рядов мелких выпуклин, он одинаково чужд культурам скифов, савроматов и саков. Предмет этот более всего похож на литые бронзовые подтоки копий, которые часто встречаются в могилах конца бронзового и начала железного века в Закавказье. Последние чаще всего имеют подобную же цилиндрическую или

[49] Там же, стр. 96.

[50] Там же, стр. 117; Г. И. Ионе. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа. МКА, III, Баку, 1953, стр. 84, табл. 1.

[51] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, М., 1911, стр. 120, табл. II, *3*, *7*; табл. III, *3*; табл. VIII, *12—17*, *35*, *36*.

[52] К. Х. Кушнарева. Ук. соч., стр. 138, рис. 2, *14*.

[53] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 11, рис. 4, *8*, *9*; М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. Сб. «Древняя культура Центрального Казахстана», Алма-Ата, 1966, стр. 317, рис. 8 и др.; С. П. Толстов, М. Л. Итина. Ук. соч., стр. 160, рис. 7, *6*.

[54] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 321, рис. 28, *3*, *17* и др.

[55] Там же, стр. 50, 319, рис. 26, *1а*.

булавовидную форму и украшены рельефными поясками, рядами выпуклин и изображениями животных. «Навершие булавы» из Пятимар особенно сходно с подтоками из кург. № 1 у с. Баллукая в Нагорном Карабахе [56]. Правильность такого сопоставления подтверждена К. Ф. Смирновым.

Находка бронзового закавказского подтока в Пятимарах позволяет предположить, что кочевническая бронзовая пряжка с рамочным выступом от конской сбруи из Арчадзора попала в Закавказье не от среднеазиатских саков, а именно с юга России. Кург. № 8 в Пятимарах хорошо датирован рубежом VI—V вв. до н. э. и, очевидно, население Закавказья, оставившее памятники типа Арчадзора — Мингечаура, не утрачивало культурных связей с племенами степной полосы Восточной Европы в течение едва ли не всего VI в. до н. э.

Курганы Арчадзора, как это справедливо устанавливается К. Х. Кушнаревой, старше Мингечаурских, но, по-видимому, не намного. Случай находки наиболее древней бронзовой пряжки с рамочным выступом засвидетельствован в отечественной археологии прекрасным комплексом вещей клада, обнаруженного в 1951 г. на северо-западном склоне горы Бештау около Пятигорска. Датировка этого клада VIII — началом VII в. до н. э., предложенная А. А. Иессеном, не вызывает сомнений [57]. Судя по такой хорошей аналогии, мы можем уверенно датировать и курганы Арчадзора тем же самым временем, очевиднее всего VIII в. до н. э.

Как видно из всего изложенного, трудности в определении возраста интересующего нас круга закавказских памятников объясняются не отсутствием нужных источников, а преимущественно тем, что они в преобладающей части остаются плохо опубликованными. Особенно отрицательно сказывается недостаток научных публикаций полных комплексов находок, происходящих из могил и кладов. К глубокому сожалению, это — старая беда закавказской археологии. Так, еще 60 лет назад В. А. Городцов писал, что датировка закавказских памятников конца эпохи бронзы «затрудняется лишь отсутствием научных описаний большинства материала со стороны добывших его исследователей» [58]. Кстати сказать, он тогда же вполне уверенно отнес основную часть этих памятников к раннему железному веку и датировал их VII—VI вв. до н. э. Такая реалистическая хронология В. А. Городцова была поддержана в начале 40-х годов лишь Е. И. Крупновым [59]. Мысль о необходимости омолаживания возраста памятников Закавказья сквозит в трудах многих исследователей — Б. А. Куфтина, К. Х. Кушнаревой, М. Н. Погребовой [60], однако в пользу этого решительнее всех высказался А. А. Иессен.

Малый курган в Мильской степи, курганы и могилы Мингечаура, погр. № 48 в Кедабеке и другие близкие к ним памятники позволяют отчетливее понять переходное время от бронзового к железному веку в Центральном Закавказье. Вместе с тем, по-видимому, будет полностью развеян археологический миф об особой глубокой древности начала железного века на данной территории, которое принято здесь относить к первым столетиям I тысячелетия до н. э. или к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Даже то немногое, что удалось рассмотреть в настоящей статье, убеждает в том, что разграничительная линия между веком бронзы и веком железа проходит здесь значительно позже, приблизительно через VII в. до н. э., а господство железа в производстве наступает только в VI в. до н. э.

Выделение и правильное освещение памятников переходного периода от бронзы к железу в Закавказье имеет особое значение и для археологии

[56] К. Х. Кушнарева. Ук. соч., стр. 144, рис. 8, 7; стр. 146, рис. 10, 7.

[57] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, стр. 124, 125, рис. 14.

[58] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 336.

[59] Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, XI, М., 1940, стр. 15, 16.

[60] М. Н. Погребова. Восточно-закавказские кинжалы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Тр. ГИМ, 40, М., 1966.

Европейской части СССР, поскольку в них постоянно встречаются вещи древнейших скифских типов. Оно позволит шире выявить наиболее ранние археологические скифские материалы, относящиеся еще ко времени великих переднеазиатских походов скифов, изучение которых обещает дать много нового при решении ряда важных вопросов истории, культуры и этнического состава скифского мира.

A. I. Térénojkine

«LES MORS DE BRIDE PROVENANT DE MINGHÉTCHAOUR»

Résumé

Les kurganes de Minghétchaour (en Transcaucasie Centrale) fouillés aux 40-es-début des 50-es années remontent, selon l'auteur qui en fit la publication, à l'âge de bronze tardif. Ils sont datés des XI—IX-es siécles avant notre ère. Cependant les documents archéologiques trouvés dans le Maly kourgan (à la steppe Milskaya en Azerbaïdjan) donnérent lieu à A. A. Yessène de tirer la conclusion que l'âge des monuments précités est exagéré.

Le point de vue de A. A. Yessène est confirmé par toute une série de sources. Par exemple, on mit en évidence que parmi les mors et les tiges verticales en bronze les retenant découverts dans les kourganes de Minghétchaour se trouvaient les spécimens qui avaient des analogies sûres dans les ensembles d'objets provenant des sépultures associées à l'époque archaïque scythe et situées au sud de la partie europeenne de l'URSS. Outre les objets en bronze, les kourganes de Minghétchaour contenaient un grand nombre d'armes de fer. Les auteurs de la publication eurent le tort de ne pas prendre en considération ces derniéres en définissant les caractéristiques des trouvailles. Les recherches effectuées permettent de tirer une conclusion générale que les kourganes et plusieurs sépultures s'y associant qui faisaient partie d'une nécropole de Minghetchaour (où les tombeaux n'avaient pas de tumuli) remontent au début de l'âge de fer et la masse de ces monuments datent de la seconde moitié du VIIe siècle avant notre ére.

En même temps l'auteur de l'article renonce a la chronologie de plusieurs grands monuments antérieurement acceptée: il serait plus précis de rattacher les kourganes d'Artchadzor (l'Azerbaïdjan) au VIIIe siécle avant notre ère et une partie de nécropole B de Sialk (l'Iran) et la culture du Tchou (la région de Fergana) au VIIe siécle avant notre ère.

L'étude minutieuse des mors de bride provenant des kourganes de Minghétchaour perment de tirer une conclusion historique importante: l'époque d'une large diffusion du fer en Transcaucasie Centrale arrive beaucoup plus tard que plusieurs savants le croyaient jusqu'à présent. En tout cas elle n'est pas antérieure au début du VIIe siècle avant notre ére.

Н. П. СОРОКИНА

О СТЕКЛЯННЫХ СОСУДАХ С КАПЛЯМИ СИНЕГО СТЕКЛА ИЗ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В литературе о причерноморских памятниках IV—V вв. стали все чаще встречаться упоминания о стеклянных сосудах, и в частности о сосудах с каплями синего стекла. Этот факт вполне закономерен. В позднеантичную и раннесредневековую эпохи значительно сокращается количество эпиграфических, нумизматических памятников и письменных источников. Поэтому для изучения истории IV—V вв. большее значение приобретают другие памятники материальной культуры. Среди них важное место занимает стеклянная посуда, и прежде всего наиболее характерные для этого периода стаканы, кубки с орнаментами из синего стекла. Однако эти сосуды из Причерноморья еще специально не изучались. В данной работе ставится задача выделения типов сосудов, уточнения хронологии, определения их ареала, выяснения соотношения с близкими сосудами с территории Римской империи [1].

Нам известно свыше 70 целых сосудов из Причерноморья, не считая северопричерноморских экземпляров, хранящихся в зарубежных музеях [2]. В единую группу эти сосуды объединяются не только по их орнаментации каплями синего стекла, но также по цвету стекла самих сосудов. Чаще всего он оливковатый, оливково-зеленоватый. Однако сосуды, орнаментированные подобным образом, различны по форме. Поэтому мы выделяем три основных типа сосудов: I — стаканы с округлыми стенками (рис. 1, *1—7*) [3]; II — стаканы в виде высокого усеченного конуса (рис. 1, *8*); III — остродонные конусовидные кубки (рис. 1, *9*).

Тип I представлен наибольшим количеством сосудов: свыше 50 только целых экземпляров. Для этих стаканов общими являются несколько признаков: высота 6—7 *см* при диаметре 6—9 *см* и 7—7,8 *см* при диаметре 6,4—7,8 *см*. Исключение составляют только сосуды (вариант 1Е), отличающиеся бóльшими размерами (высота 8—10 *см*, диаметр 9—11,5 *см*). Стекло сосудов обычно оливкового цвета с бóльшим или меньшим желтоватым или зеленоватым оттенком, иногда стекло бесцветное. Стеклянная масса, из которой изготовлены стаканы, бывает насыщена мелкими пузырьками. Поверхность сосудов, как правило, мало иризирована, она гладкая и блестящая. Но иногда встречаются и сосуды с иризацией в виде легко отслаивающейся пленки темного цвета. Края стаканов отогнуты и необработаны; донья немного вогнутые, редко плоские. Капли синего стекла расположены в средней части тулова. Над ними почти всегда проходит полоса из нескольких очень тонких, скорее процарапанных, чем гравированных линий. Однако, несмотря на общие черты, стаканы первого типа неодинаковы. Они имеют отличия в деталях формы, пропорциях, схеме

[1] Приношу благодарность всем, оказавшим мне помощь в работе, и особенно Т. М. Минаевой, В. Н. Корпусовой, А. К. Коровиной, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, ныне покойным С. Ф. Стржелецкому и М. М. Трапшу.

[2] D. Harden. Karanis. Ann Arbor, 1936, стр. 103, сн. 3, стр. 141; D. Macpherson. Antiquites of Kerch. London, 1857, стр. IV; B. Filarska. Szkla starozitne. Warszawa, 1952, стр. 103, табл. XV; J. Boehlau. Sammlung. A. Vogell. Kassel, 1908, табл. XI, 1—2.

[3] Для некоторых иллюстраций использован фотоархив ЛО ИИМК.

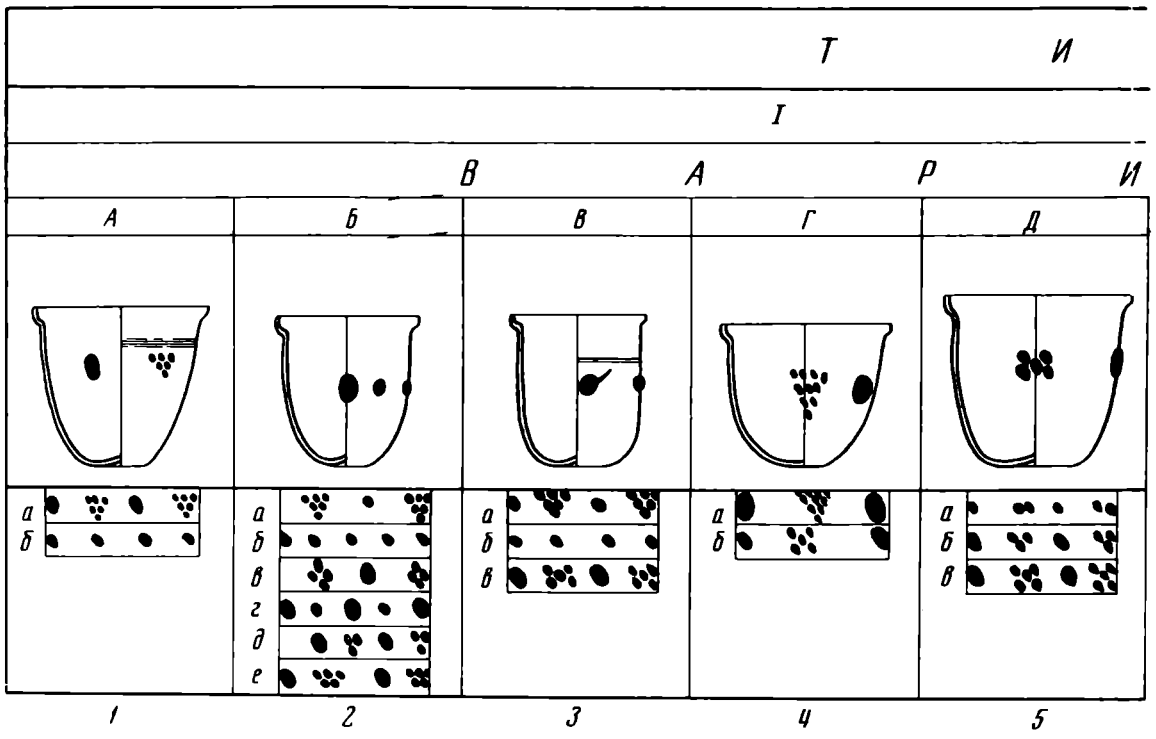


Рис. 1. Типы стеклянных сосудов

декорации, на что обычно обращалось мало внимания. Эти различия позволяют нам разделить первый тип на семь вариантов.

Тип I, вариант А (далее вариант IА). Стаканы имеют расширяющуюся кверху колоколовидную форму (рис. 1, *1*; 2, *1*). Известно четыре их экземпляра, происходящие из Пантикапейского некрополя[4]. Три стакана орнаментированы, один без узоров. Орнамент двух вариантов. Простейший — из капель синего стекла, расположенных одна около другой вокруг тулова сосуда (рис. 1, *1*б). Более сложный состоит из треугольников, составленных из шести капель разделенных одной крупной каплей (рис. 1, *1*а).

Аналогии стаканам IА имеются только среди сосудов Римской империи. Их немного. Один беспаспортный стакан хранится в Метрополитен-музее[5]. Второй, относящийся к III в., происходит из Аквилеи[6]. Он аналогичен одному из пантикапейских стаканов (рис. 2, *1*). Стаканы, близкие варианту IА, найдены в Паннонских могильниках Чаквар[7] и Сагвари[8]. Отдельные чакварские стаканы второй половины IV — начала V в., хотя по форме и перекликаются с боспорскими вариантами IА, но не имеют орнаментов. Сагварские же стаканы (могилы 24, 87) середины IV в. еще ближе пантикапейским по форме, а один из них — даже и по орнаменту. Но у сагварских стаканов более толстые стенки, глубокие врезанные линии под краем. Края их не отогнуты, как это обычно для причерноморских стаканов, а прямые и обработанные сверху.

Вариант IБ. Стаканы мало расширяются кверху. Их тулово хотя и округло, но четко сужается ко дну (рис. 1, *2*). На стаканах IБ встречается до шести разновидностей орнамента (рис. 1, *2*а — е). Из 23 известных стаканов 14 с каплями синего стекла, остальные без орнамента, но с грави-

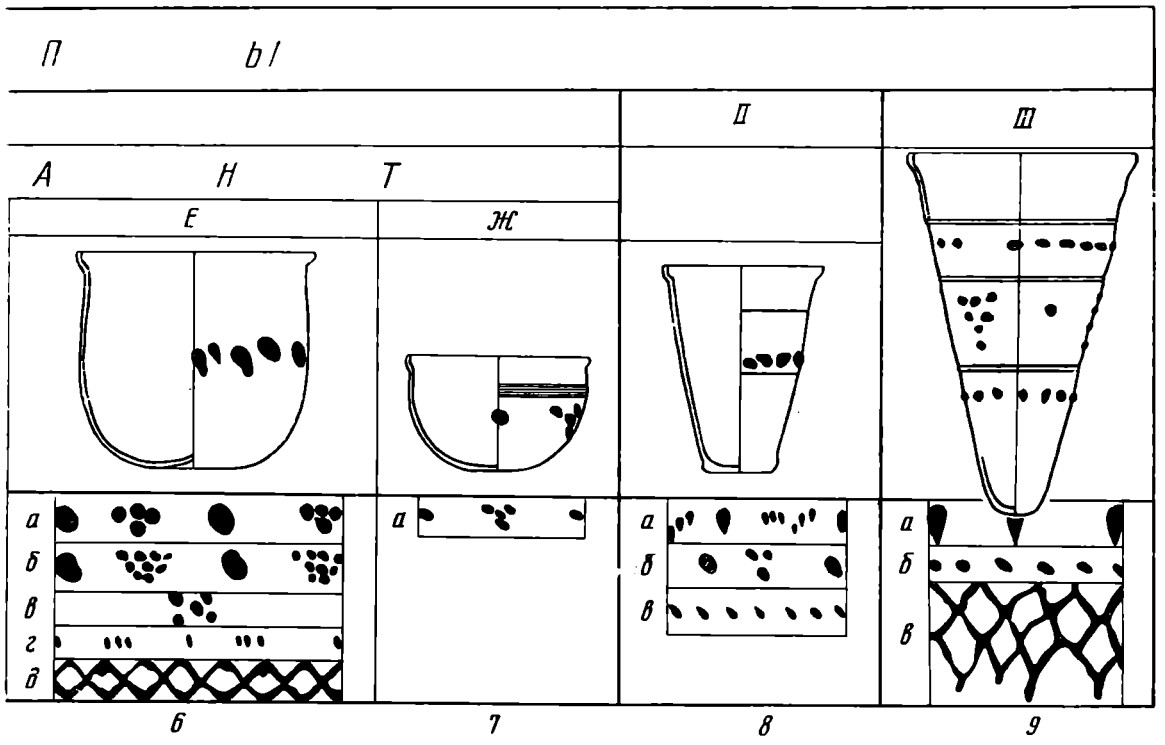
[4] Могила 27, 1859 г.;(ОАК за 1859 г., стр. XI), ГИМ 78657; могила 100 (ИАК, 25, 1907, стр. 24), ГЭ; склеп 154. Далее могила 100, 1904 (В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., ИАК, 25, СПб., 1907), ГЭ; далее склеп 154, 1094; D. Machperson. Ук. соч., табл. IV.

[5] G. Eisen. Glass. N. Y., 1927, табл. 96.

[6] G. Brusin. Aguileia, стр. 227, фиг. 80, *8*.

[7] L. Barkoćzi, A. Salmon. Glasfunde von ende des IV und Anfang. des V Ihs. in Ungarn. AE., 95, 1968, стр. 30, рис. 1, *1*.

[8] A. Sz. Burger. The Late Roman Cemetery at Ságvár. AAH, 1966, XVIII, 1—4, табл. 107, *187*; табл. CIII, *2*, *5*; табл. 95, 24.



с каплями синего стекла из Причерноморья

рованными полосками. Стаканы IБ получили более широкое распространение, чем стаканы предыдущего варианта. Они засвидетельствованы в Пантикапее [9], Фанагории [10], Хараксе [11], Херсонесе [12], Цебельде [13]. Несколько стаканов IБ не имеют точного паспорта [14]. Стаканов, аналогичных северопричерноморским IБ, больше всего в Паннонии и соседних с нею областях. Они датируются второй половиной IV — началом V в. [15]. Известны такие стаканы и в Галлии [16], но в значительно меньшем числе.

Вариант IВ. Стаканы почти цилиндрической формы (рис. 1, *3*). Стаканов этого варианта 14; только семь из них с орнаментом. Орнамент трех вариантов (рис. 1, *3*а—в) с преобладанием простейшего.

---

[9] Склепы: 154, 1904 г.; 179 (В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 54 сл.), ГИМ; (рис. 2, *2*; 5, *1*); 181 (его же. Отчет ИАК об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г., ИАК, 9; СПб., 1904, стр. 107). Далее: склеп 181. 1902. ГИМ (рис. 2, 7; 6, *1*); могила 29 (В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КС ИИМК, 1951, стр. 212). Далее: могила 29, 1949, ГМИИ (рис. 2, *3*; 5, *3*); могила 261 (73) (В. В. Шкорпил. Ук. соч., СПб., ИАК, 9, 1904, стр. 119). Далее: могила 261. 1902, собр. ГИМ (рис. 2, *5*).

[10] Могила 50 (В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941, стр. 44 сл). Далее: могила 50. Фанагория (рис. 6, *2*).

[11] Могилы 15, 33 (В. Д. Блаватский. Харакс, МИА, 19, 1935, стр. 172, 269, рис. 14, *5*, *6*). Далее: могила 15, 33. Харакс (рис. 2, *4*; 4, *1*).

[12] ГХМ. 9210 (2). Не опубликован.

[13] Могилы 31. 1961 г.; 30. 1962; б/№ 1965. Раскопки М. М. Трапша, Г. К. Шамба (М. М. Трапш. Раскопки некрополя «Альацарахва» в с. Цебельда. Абхаз. АССР. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 120; его же. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. АИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, 1963, стр. 258 сл.); Г. К. Шамба. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1966, табл. 1, *14*, стр. 6; его же. Стеклянная посуда позднеантичной эпохи из раскопок в районе Цебельды 1962 г. Тезисы докладов и сообщений научной сессии АГМ Сухуми, 1965, стр. 31 сл.; его же. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, стр. 33 сл., табл. XIX, *3*; табл. XXII, *13*; табл. XII, *2*; Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, табл. XLVII, *11*. Все сосуды из мог. Цебельды хранятся в АГМ и АИЯЛИ.

[14] J. Boehlau. Ук. соч., табл. XI, *1—3*; B. Filarska. Ук. соч., стр. 103, № 73, табл. XV, *5*; ГИМ, 78444; ОГАМ. А56332, А. 56339.

[15] M. Abramic. Poetovio. Wien, 1925, стр. 124, рис. 80; L. Barkoćzi, A. Salmon. Ук. соч., стр. 39 сл.; рис. 7, *1*, *2*, *5*; 4, *2*; 6, *2*.

[16] Morin-Jean. La verrerie en Gaule. Paris, 1913, рис. 299.

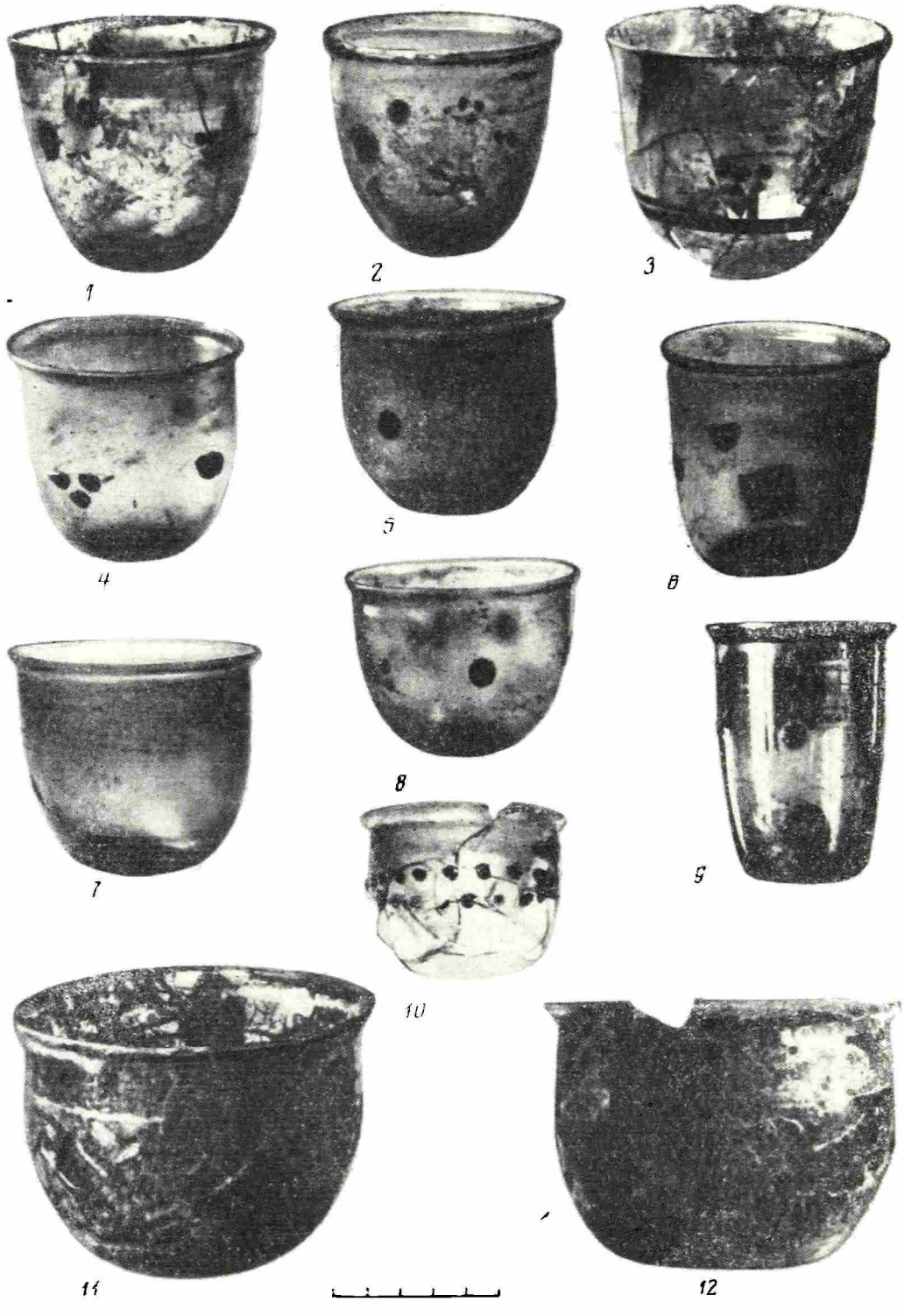


Рис. 2. Стеклянные сосуды IV — начала V в. из Причерноморья

1 — могила 27 (Пантикапей); *2* — склеп 179.1904 (Пантикапей); *3* — могила 29.1949 (Пантикапей); *4* — могила 33 (Харакс); *5* — могила 261.1902 (Пантикапей); *6—7* — склеп 181.1902 (Пантикапей); *8* — могила 5 (Гиляч); *9, 11* — склеп 154.1904 (Пантикапей); *10* — Цебельда; *12* — могила у с. Марфовки

Стаканы IB в основном локализуются на Боспоре. Из 14 сосудов восемь прочно связаны с Пантикапеем или его окрестностями [17]. Пять не имеют точно документированных паспортов [18]. Один найден в Самтавро [19]. С территории Римской империи стаканов варианта IB неизвестно [20].

Вариант IГ. Стаканы IГ (рис. 1, *4*), представленные двумя экземплярами, напоминают стаканы IA, но отличаются пропорциями. Они более приземисты за счет иного соотношения высоты сосуда и диаметра устья. Оба стакана имеют разный орнамент (рис. 1, *4*аб). Найдены они в могильнике Гиляч [21] (рис. 2, *8*). Прямых аналогий этим стаканам пока неизвестно и среди сосудов с территории Римской империи [22].

Вариант IД. Стаканы с большим диаметром дна (рис. 1, *5*), до 4—4,5 *см*. Поэтому пропорции стаканов IД довольно тяжеловесны. Три стакана IД с каплями синего стекла, но скомпонованными по-разному (рис. 1, *5*ав). Один стакан гладкий. Все четыре стакана найдены в могильнике «Совхоз 10» [23] вблизи Херсонеса. Аналогии им нам не известны.

Вариант IE. Форма сосудов близка полушарной (рис. 1, *6*). Размеры их более значительны, чем у сосудов других вариантов. Высота колеблется в пределах 8,5—10 *см*, верхний диаметр 9—11,5 *см*; диаметр дна 4—5 *см*. Сохранилось 7 целых экземпляров [24]. Известны они и в обломках [25]. Все эти сосуды, найденные на Боспоре, юго-западном Крыму и в районе Цебельды, орнаментированы по-разному (рис. 1, *6* а — д), но схемы орнаментов не оригинальны. Они встречаются также на стаканах других вариантов. Исключение представляет только орнамент на сосуде из пантикапейского склепа 154. 1904 (рис. 1, *6*б; 2, *11*). На нем две нити синего стекла, перевиваясь, образуют ленту из ромбов, опоясывающую сосуд. Подобный орнамент нам известен только на сосуде из Каирского музея [26].

---

[17] Склеп 154. 1904 г. (рис. 29); 181. 1902 (рис. 2, *6*; 6, *1*); погребение 25. 1967 (В. Н. Корпусова. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское. Археологические исследования на Украине в 1967 г., II, Киев, 1968, стр. 16—18). Далее: погребение 25. 1967. Заморское (рис. 5, *4*); Собр. ГИМ, инв. 571, 64, 17338; собр. КИМ, инв. Б, 3446; собр. СИМ, инв. 1. 1101. 8/175.

[18] ГИМ. 78444; ОГАМ, А. 56338; А. 56446; А. 56049; А. 56049. Два первые стакана считаются просто северопричерноморскими, три последних куплены Одесским музеем как ольвийские. Заметим, что одесские торговцы древностями часто перекупленные в Керчи вещи выдавали за ольвийские, поэтому точность паспортов этих экземпляров сомнительна.

[19] Н. Н. Угрелидзе. Ук. соч., стр. 26 сл., 151, рис. 4, табл. I (погребение 142). Стакан известен лишь по рисунку, за точность трудно поручиться.

[20] Стакан, опубликованный Морен-Жаном, близок разбираемому типу (Morin-Jean, Ук. соч., стр. 10). Он, видимо, куплен, поскольку входит в коллекцию автора. Не исключена возможность, что данный стакан происходит из Керчи. Например, известно, что путем покупок составлена Луврская коллекция стекла из Причерноморья. В этой коллекции тоже есть стаканы с орнаментом из капель синего стекла. (D. Harden. Ук. соч., стр. 141).

[21] Погребения 4, 5. Раскопки Т. М. Минаевой 1965 г. Далее: погребение 4, 5, 1965, Гиляч.

[22] По форме наиболее близки гилячским стаканам сосуды из музея Куртиуса. Но последние не орнаментированы. (M. Vanderhoeven. Verres Romains tardifs et Merovingiens du Musee Curtius. Liege, табл. 1—2).

[23] Раскопки С. Ф. Стржелецкого 1966 г., склеп 6; могилы 277, 278, 284; ГХМ.

[24] Пантикапей. Склеп 154. 1904. ГЭ (рис. 2, *11*); погребение у с. Марфовка (И. П. Засецкая. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. Археологический сборник. Л., 1968, стр. 46, рис. 11, 2 (рис. 4, *7*); погребение у с. Синявка (И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса, СА, 1962, 3, стр. 234) (рис. 4, *8*); Могильники Цебельды. Раскопки М. М. Трапша, Г. К. Шамба (М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 120; Г. К. Шамба. Ук. соч., стр. 31 (рис. 2, *10*); Могильник «Совхоз 10». Раскопки С. Ф. Стржелецкого, 1966 г., ГХМ, инв. 83/36713.

[25] Городища Пантикапей, Танаис (Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. МИА, 103, 1961, стр. 225 сл., рис. 10, *3*, *4*; ее же. Стеклянные сосуды из Танаиса, МИА, 127, 1965, стр. 205 сл., рис. 4, 5); Фанагория. Раскопки М. М. Кобылиной 1964 г., Собр. ГМИИ.

[26] M. C. C. Edgar. Cataloque général des antiquités egyptiennes. Caire. 1905, табл. III, 32487.

Аналогии сосудам IE имеются среди стаканов конца IV — начала V в. из паннонских могильников [27] и Сирии [28]. Сирийские сосуды близки северопричерноморским как по пропорциям, так и по размеру, паннонские же — только по пропорциям.

Вариант IЖ. Форму сосуда IЖ следует назвать скорее фиалой, чем стаканом (рис. 1, *7*). В Причерноморье он известен нам в единственном экземпляре, найденном в могильнике Журовка [29]. Наиболее близкую аналогию ему представляет сосуд из Кариниса [30]. По форме он также близок фиалам группы «Nuppengläser» из Кёльна [31] и фиалам III в. с гравированными орнаментами [32], некоторые из которых считаются изделиями того же центра [33].

Тип II. Стаканы этого типа имеют довольно стабильную форму усеченного конуса (рис. 1, *8*). Их донья слегка вогнуты или плоские. Оформление краев, цвет и качество стекла такие же, как у стаканов типа I. Преобладают стаканы высотой 10—10,7 *см* и диаметром 6—7 *см*. В орнаментации можно выделить три варианта (рис. 1, *8* а—в). Нами учтено всего 18 целых сосудов II типа и некоторое количество их обломков. Восемь из них обнаружено в Пантикапее [34], один — в Фанагории [35]. Фрагменты их засвидетельствованы в Гермонассе [36]. В могильниках Цебельды [37] найдено 6 стаканов, один происходит из Харакса [38], два считаются просто причерноморскими [39].

За пределами бассейна Черного моря стаканы этого типа редки. Один стакан конца IV — начала V в., аналогичный причерноморским, обнаружен в Равенне [40]; второй, датируемый VI в., якобы рейнского происхождения, описан Ф. Кемпфером [41]. В Средиземноморье известны подобные стаканы из Кариниса и в собрании Каирского музея, но они не вполне аналогичны причерноморским [42].

Тип III представлен сосудами конической формы со скругленным дном (рис. 1, *9*; рис. 3, *1*, *4*, *5*). Эти сосуды менее типичны для Северного Причерноморья и особенно тех мест, где концентрируются находки стаканов типа I и II. В Пантикапее их найдено всего 4 экземпляра, причем они отличаются друг от друга. Так, в склепе 154. 1904 г. найдены два ко-

---

[27] L. Barkóczi, A. Salmon. Ук. соч., рис. 2, *1—3*; 3, *3*.

[28] J. Philippe. Initiation à l'Historie du Verre, Liege, 1964, стр. 58, рис. 69.

[29] Э. А. Сымановић. Стеклянные кубки из Журовки. КСИА, АН СССР, 102, 1964, рис. 1, погребение 14.

[30] D. Harden. Ук. соч., табл. XV, 331.

[31] A. Kisa. Die antike Gläser der Frau M. vom Rath. Bonn, 1899, XIV, *104*, *107*; G. Eisen. Ук. соч., рис. 163, *f*.

[32] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса..., рис. 6, 7.

[33] F. Fremersdorf. Figurlich geschlieffene Gläser. Ein Kölner Werkstatt des Z. Jahrhunderts. Römische Forschungen. 19, Berlin, 1951, табл. 4, *1*; 18. *2—4*.

[34] Склеп 145 (ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 32). ГЭ Далее: склеп 145. 1904, (рис. 4, *3*); склеп 146 (В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., стр. 36). ГЭ. Далее: склеп 146, 1904; катакомба А (ИАК,30, СПб., 1909, стр. 5). ГИМ. Далее: катакомба А. 1905 (рис. 3, *2*); могила на усадьбе Сердюковой (ОАК за 1890 г., 1893, стр. 28). ГИМ. Далее: могила 1890 г. (рис. 5, *2*); собр. ОГАМ, А. 56333; А. 56437; А. 56438. Собр. СИМ. 1099.

[35] 164; могила 42. Фанагория. Раскопки А. К. Коровиной. 1964 г., собр. ГМИИ. Далее: могила 42, Фанагория, 1964 г.

[36] Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло..., рис. 4, 12.

[37] Г. К. Шамба. Население..., стр. 9, табл. I, *13*; его же. Стеклянная посуда позднеантичной эпохи..., стр. 32 (рис. 4, *5*); его же. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, табл. IX, *1*; табл. XIX, *2*; табл. XXII, *10*, *12*; Раскопки М. М. Гунба, могила 21 (6) (рис. 5, *5*).

[38] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 272, рис. 14, 6 (рис. 4, *1*).

[39] ГИМ, 78444; ОГАМ, 56334.

[40] G. B. Montanari. Vetri antichi del Museo Nazionale di Ravenna. Ravenna, 1967, стр. 28, рис. 28.

[41] F. Kämpfer. Viertausend Jahre Glas. Dresden, 1966, стр. 272, рис. 46.

[42] D. Harden. Ук. соч., стр. 155 сл., табл. XVI, *457*, *460*, *465*; табл. V, *457*, *460*; M. C. C. Edgar. Ук. соч., табл. III, *32478*, стр. 18.

Рис. 3. Стеклянные сосуды IV—начала V в. из Причерноморья

1, 4 — склеп 154.1904 г. (Пантикапей); *2* — склеп 10.А.1905 (Пантикапей); *3* — могила 21(6) (Цебельда); *5* — могила 6.1962 г. (Гиляч); *6* — Пантикапей (по Эйзену)

нических кубка, из которых один гладкий (рис. 3, *4*) [43], другой орнаментирован разноцветными точками, что не находит аналогий (рис. 3, *1*) [44]. Конический кубок с каплями синего стекла был найден в катакомбе I против Татарской слободки в 1857 г. [45]. О коническом сосуде из Керчи,

[43] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках ИАК, 25, стр. 41—44; этот кубок находит аналогии сосудам с о. Кипра (L. Cesnola. Cesnola Collection of Cypriote Antiquities. N. Y., 1903, III, табл. CVII, *1*) и из Карациса (D. Harden. Ук. соч., стр. 159, раздел А II).

[44] Художественное стекло. Л., 1967, № 24.

[45] Архив ЛО ИИМК. Дело АК. 1852/2. Лист 36А.

украшенном нитью синего секла, образующей зигзагообразный орнамент, сообщает Д. Харден [46].

Можно полагать, основываясь на соотношении раскопанных могил и найденных сосудов, что на территории Абхазии конические кубки были более распространены, чем на Боспоре. В могильниках Цебельды их найдено не менее 4 экземпляров [47]. Они более однородны, чем пантикапейские. Орнамент на них представляет полосу, составленную из ряда капель синего стекла. На отдельных сосудах орнамент более сложный, в виде трехчленного фриза (рис. 1, *9*) [48]. Один сосуд типа III был найден в могильнике Гиляч [49] (рис. 3, *5*).

Сосуды III типа довольно часто встречаются в могильниках черняховской культуры [50]. Однако орнаментированных синим стеклом среди них немного. Из этой группы сосудов выделяется один — из Журовки [51] с орнаментом в виде сетки из нитей синего стекла. Точной аналогии такому орнаменту на стаканах из Причерноморья нет [52]. Довольно редко он наблюдается и на Западе, в качестве примера можно привести ритон из могильника в Италии [53].

Сосуды III типа были наиболее популярны в Египте и отчасти в Сирии [54]. Они получили распространение и в Западной Европе, где их изготовление стимулировалось восточными образцами [55]. Для сосудов восточного происхождения, как и для сосудов из прибрежных черноморских городов, характерен орнамент из капель синего стекла.

К сожалению, до сего времени нет специального исследования, посвященного датировке стеклянных сосудов с орнаментами из синего стекла. Однако в литературе встречаются суждения по этому вопросу. Суммируя их, можно сказать следующее: появление этой группы сосудов относят к III в. или второй половине III в. [56] Время их наибольшего распространения определяют IV или IV—V вв. [57]. Как исключение, их датируют VI

---

[46] Сосуд хранится в Лувре (D. Harden. Ук. соч., стр. 157. Там же упоминается два конических сосуда с каплями синего стекла из Крыма).

[47] Г. К. Шамба. Ук. соч., стр. 37. Конические кубки выделены им в тип V, табл. XIX, *1*.

[48] Г. К. Шамба. Там же, табл. XXII, *9*; его же. О некоторых путях развития Абхазской археологии. «Свет», 1968, 3, стр. 74 (на абхаз. яз.); Ю. Н. Воронов. Ук. соч., табл. XLVII, *19*.

[49] Могила № 2. Раскопки Т. М. Минаевой 1962 г.

[50] Г. Б. Федоров. Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, стр. 152 сл., табл. 249, *3*; Э. А. Рикман. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 48; Э. А. Сымановичч. Стеклянная посуда середины I тысячелетия н. э. с Нижнего Днепра. КСИИМК, 69, 1957, стр. 22 сл.

[51] Э. А. Сымановичч. Стеклянные кубки из Журовки. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 9.

[52] Близкий орнамент имеется на сосуде из Цебельдинского могильника. См. Ю. Н. Воронов. Ук. соч., табл. XLVII, *16*.

[53] N. Åberg. Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923, рис. 275, стр. 132—135. Могила 119. Кастель Тросино.

[54] D. Harden. Ук. соч., стр. 157; R. W. Smith. New Finds of Ancient Glass in North Africa. «Ars Orientalis», II, 1957, стр. 100 сл.

[55] D. Harden. Ук. соч., стр. 157 сл.

[56] G. Eisen. Ук. соч., стр. 387; G. Brusin. Ук. соч., стр. 228; B. Filarska. Ук. соч., стр. 103; R. Degen. Zu einem frühchristichen Grab aus Aventicum. Helvetia Antiqua. Zürich, 1966, стр. 262 сл.; Morin-Jean. Ук. соч., стр. 218 сл.

[57] D. Harden. Ук. соч., стр. 103; C. Ising. Roman Glass from Dated Finds. Djacarta, 1957, стр. 113 сл., стр. 131, форма 96; R. W. Smith. Ук. соч., стр. 100; G. B. Montanari. Ук. соч., стр. 28; A. Sz. Burger. Ук. соч., стр. 136 сл.; L. Barkóczi, A. Salmon. Ук. соч., стр. 26 сл.; R. Pirling. Das Römisch-frankische Gräberfeld von Krefeld-Gellep. Berlin, 1966, 1, 2; M. Vanderhoeven. De Romeince Glasverzamling. Tongern, 1962, № 152—157; W. B. Honey. Glass. London, 1956, табл. 11*c*; J. Philippe. Ук. соч., стр. 58, № 69; В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные печи. ИГАИМК, 80, 1934, стр. 32 сл.; стр. 85 сл.; А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г. Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в 1959 г. Тбилиси, 1960, стр. 37.

и даже началом VII в.[58] Для определения хронологии сосудов из Причерноморья большое значение имеет тот факт, что большинство из них найдено в погребениях. В нашем распоряжении имеется свыше 30 комплексов могильного инвентаря, в которые входят интересующие нас сосуды[59]. Эти комплексы мы подразделяем на две группы.

В первую, относящуюся к первой половине IV в., до гуннского вторжения на Боспор (370 г.), мы включаем следующие погребения: могилы 100, 1909, 150(42). 1905, 261(73). 1902, могила 1890 г.; склепы[60] 145, 146, 154, 165, 1904 г.; 181. 1902[61] (Пантикапей); могила 8(19) (Кыз-Аул); могилы 15, 33 (Харакс). Из них важными являются комплексы из Харакса. Могильник хорошо датируется концом III в. и преимущественно первой половиной IV в.[62], фиксируя таким образом время появления сосудов с каплями синего стекла в Причерноморье (тип IБ, II). В инвентаре погребений первой группы очень сильны традиции культуры античного периода. Это прослеживается в керамике, в стеклянной посуде, имевшейся при погребениях, предметах туалета, украшениях. Так, краснолаковая миска из могилы 8(19), Кыз-Аул (рис. 4, *2*) находит аналогии в керамике III в. из Илурата[63]. Обломки кастрюль, аналогичных двуручной кастрюле из

---

[58] F. Kämpfer. Ук. соч., стр. 272, рис. 46; D. Tudor. Sucidava. Bucaresti; 1966, рис. 10. Единственный стакан из Азербайджана найден А. Нуриевым в 1965 г. в могильнике Шерьях Шемахинского района с монетами Хосроя I (531—579), Хосроя II (590—628).

[59] Значение для датировки каждого из этих комплексов далеко не равноценно. Особенно это касается склепов, которые использовались как усыпальницы длительное время (до столетия и дольше). Кроме того, они часто бывали ограбленными. В одиночных могилах иногда имелся сопутствующий материал, который если мог быть датирован, то только стеклянными сосудами.

[60] О датировке пантикапейских склепов нет единого мнения. Особенно разноречива датировка склепа 154. 1904. Последнее время склеп стали относить к третьей четверти IV — первым десятилетиям V в. (А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ Д1—30. М., 1966, стр. 88; И. П. Засецкая. Ук. соч., стр. 54). Основанием для этого служит двупластинчатая фибула II подгруппы и индикация с монеты Валентиниана I (364—375 гг.), найденные в одном из захоронений. Однако оно стояло на полу склепа поверх ранее совершенного захоронения. Такое положение этого погребения позволяет считать его последним в склепе. Поэтому фибула и индикация служат определением конечного времени использования склепа. Следовательно, все остальные 10 погребений должны быть захороненными до третьей четверти IV в. в течение значительного отрезка времени. Склеп 145. 1904 разграблен. Единственно хорошо сохранившиеся памятники из тайника этого склепа свидетельствуют только о том, что одно из захоронений могло быть и позднее конца IV в.

[61] Склеп 181. 1902 г. разграблен. И. Вернер (I. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 123; IV, 20 в, табл. 54, *8—11*) относит его ко времени Аттилы. Полагаем, что в склепе были разновременные захоронения и поэтому его нельзя датировать одним временем. К несколько более ранним памятникам мы относим светильники (рис. 6, *1*), лепной сосуд (рис. 6, *1*) и стеклянные сосуды (рис. 6, *1*). Зеркало (рис. 6, *1*) и фибулы (рис. 6, *1*) могут быть датированы по И. Вернеру.

[62] К аргументации датировки, данной его исследователем (В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 274), можно добавить следующие доводы. Помимо стаканов с каплями синего стекла там были найдены стаканы с рельефным орнаментом из сот и стакан на кольцевом поддоне. Первый обнаружен в могиле 29 (собр. ГМИИ). Осколки такого же стакана найдены на городище Пантикапея (Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 231, рис. 11, *5*). Следовательно, эти сосуды употреблялись в первой половине третьей четверти IV в. Временем около середины IV в. датирует эти стаканы ряд исследователей (F. Fremersdorf. Römisches geformetes Glas in Köln. Köln, 1961, табл. 113—115; C. Isings. Ук. соч., форма 107, стр. 113; O. Doppelfeld. Römisches und frankisches Glas in Köln. Köln, 1966, № 52). Второй стакан (ГИМ, 82019) стоял в могиле 10. Она датируется тремя монетами: две Рескупорида VII (314 или 317 г. и 327 г.), одна Константина I (337 г.). Аналогичные стаканы открыты в могильниках: Инкерманском (подбойная могила 6/37) (Е. В. Веймарн. Археологічні роботі в районі Інкермана. АН УССР, XIII, 1963, Київ,стр. 17—19, рис. 5, *2*) и «Совхоз 10» (могила 56/11. 1962) тоже с монетами Константина I.

[63] Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, 1958, стр. 308 сл., рис. 17, *2*, *6*.

склепа 179. 1904 г. (рис. 5, *1*), характерны для слоев III—IV вв. (Пантикапей) [64]. Сероглиняные кувшины (рис. 5, *1*) из склепа 179.1904 и могилы 1890 г. (рис. 5, *2*) датируются III—IV вв. [65] Миниатюрные кувшинчики из склепа 179. 1904 и могилы 29. 1949 (рис. 5, *1*, *3*) относятся к IV в. [66] Сосудики из склепа 181. 1902, могилы 25. 1967 (Заморское) (рис. 6, *1*; 5, *4*) находят широкие аналогии с сосудами III в. [67] По форме эти сосуды близки некоторым стеклянным сосудам из склепа 179. 1904 и 8(19) Кыз-Аул (рис. 4, *2*). На глиняном сосуде из могилы 25. 1967 (Заморское) лощением даже имитировано вертикальное рифление, как на стеклянных сосудах. Стеклянные сосуды из склепа 179.1904 и могилы 8(19) Кыз-Аул (рис. 5, *1*; *4*, *2*) близки между собой. Кыз-Аульский сосуд аналогичен по форме сосудам из пантикапейских погребений [68], найденным вместе с терракотами и светильником, дающими возможность отнести эти стеклянные сосуды ко времени не позднее рубежа III—IV вв. Прием украшения тулова сосуда винтообразным рифлением, как на сосуде из склепа 179 (рис. 5, *1*), засвидетельствован уже с середины IV в. [69] Орнамент из накладной стеклянной нити как на сосудах из склепа 179 (рис. 5, *1*) сочетается с каплями синего стекла на одном пантикапейском кувшине, форма которого типична для IV в. (рис. 3, *6*) [70].

К предметам туалета, характерным для античной культуры, относятся пиксиды. Бронзовая пиксида стояла при костяке 2 в склепе 179. 1904 (рис. 5, *1*), костяная — в склепе 165. 1904 (рис. 4, *4*). При этом же захоронении в деревянной коробке лежал деревянный гребень с прорезной греческой надписью ΘΕΙ и разбитое зеркало (рис. 4, *4*), что характерно для сарматского погребального обряда. Увенчание покойного золотым венком связано с обрядами античного общества [71]. Венки с оттисками монет боспорских и римских правителей открыты в склепах 145, 154, 165. 1904 г.

Фибулы из погребений первой группы представлены экземплярами, которые датируются IV в. Это подвязная фибула с овально расширенной спинкой и узкой ножкой из склепа 165. 1904 (рис. 4, *4*) [72], прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой из склепа 179. 1904, костяк 2 (рис. 5, *1*) могилы 33. Харакс (рис. 5, *1*) [73], двупластинчатые фибулы IББ из склепов 145. 165. 1904 (рис. 4, *3*, *4*) [74].

О временной близости всех этих комплексов говорят также нередко встречающиеся в них близкие предметы. Например, однотипные сероглиняные кувшины происходят из склепа 179. 1904 и могилы 1890 (рис. 5, *1*, *2*); светильники с изображением мужского бюста на щитке (рис. 5, *1*) — из склепов 179. 1904 и 154. 1904; зеркала — из склепа 165.1904 (рис. 4, *4*) и 145. 1904; миниатюрные кувшинчики — из склепа 179. 1904 и могилы 29. 1949 (рис. 5, *1*, *3*). Однотипные фибулы открыты в склепе 179. 1904

---

[64] И. Б. Зеест. Пантикапейская керамика сарматского времени. МИА, 56, 1957, стр. 142 сл.

[65] И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея. МИА, 33, 1954, стр. 109

[65] И.Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея. МИА, 33, 1954, стр. 109 сл., табл. III, *39*, *40*; рис. 7, *3*; M. Parduz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. ААН, 11, 1959, стр. 359 сл., рис. 8, *1—2*.

[66] П. Аурелиан. О хронологии могильника в Пьятра Фрекэцэй. «Dacia», VI, 1962, стр. 222, рис. 8; Ch. Simonett. Tessiner Gräbenfelder. Basel, 1941, стр. 27, 205, рис. 180.

[67] И. Т. Кругликова. Ук. соч., табл. II, *29*, *42*, *44*.

[68] Могила 517 (329). Собр. ГИМ (ИАК, 9, 1904, стр. 17); склеп на Предельной Нагорной улице. Собр. ГИМ (ИАК, 30, 1909, стр. 97).

[69] E. Bíró. Das spätromische Gräberfeld in Kĭspáras. AE, 1959, 86, 2, стр. 173 сл., табл. I, IV, *5*.

[70] C. Isings. Ук. соч., стр. 151 сл., форма 120d.

[71] Iospe, I, № 40.

[72] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 57, табл. 10, *10*.

[73] Там же, стр. 66.

[74] Там же, стр. 83, рис. 5, *12*; табл. 13, *10*.

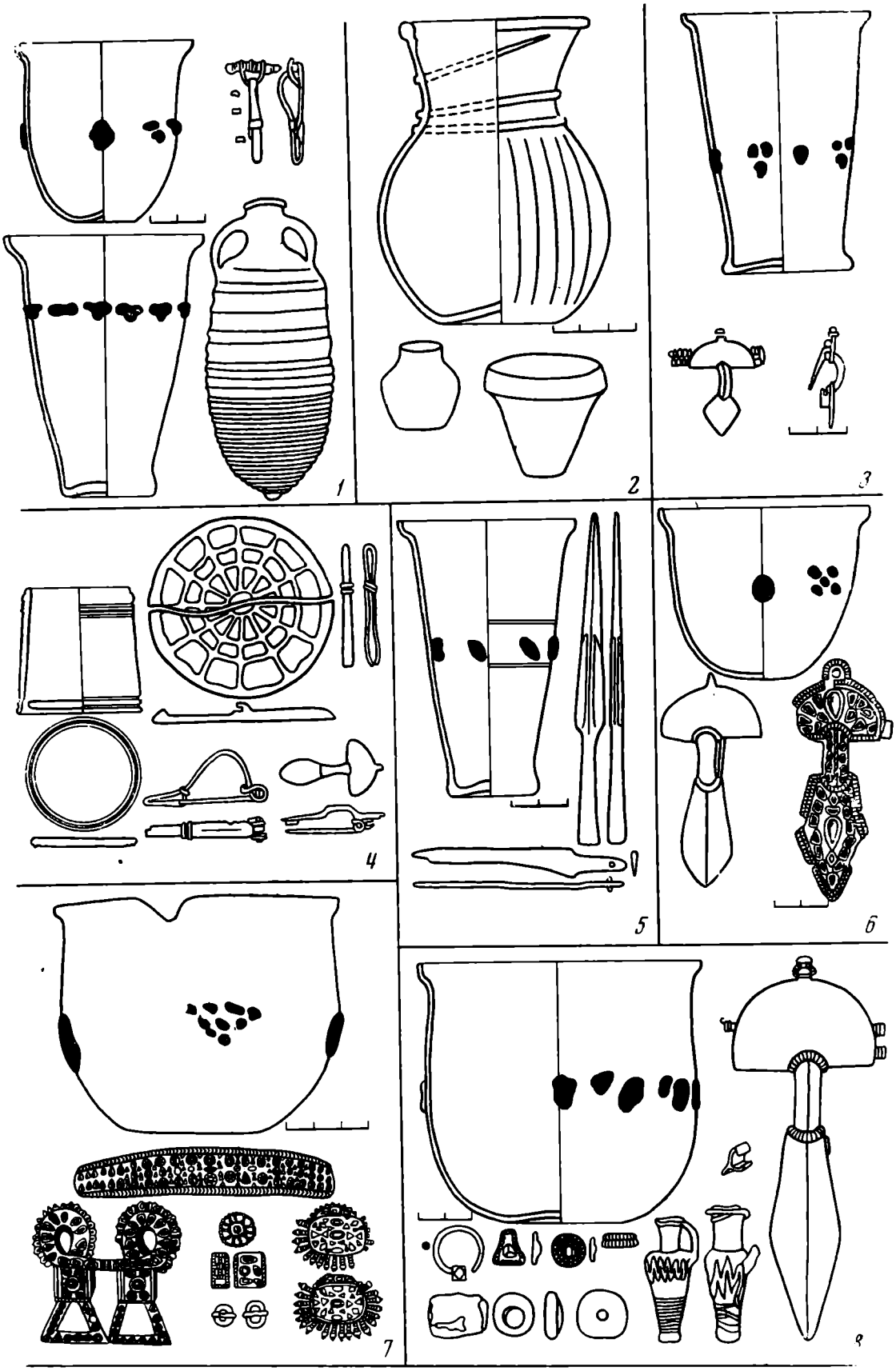


Рис. 4. Инвентарь погребений IV — начала V в. Причерноморья, Северного Кавказа

1 — могила 33 (Харакс); *2* — могила 8(19) (Кыз-Аул), тип стакана неизвестен; *3* — склеп 145.1904 (Пантикапей), *4* — склеп 165.1904 г. Костяк 4 (Пантикапей), тип IБ, В или II; *5* — могила 24.1962 г. (Цебельда); *6* — могила 5.1965 г. (Гиляч); *7* — могила у с. Марфовка; *8* — могила у с. Сенявка

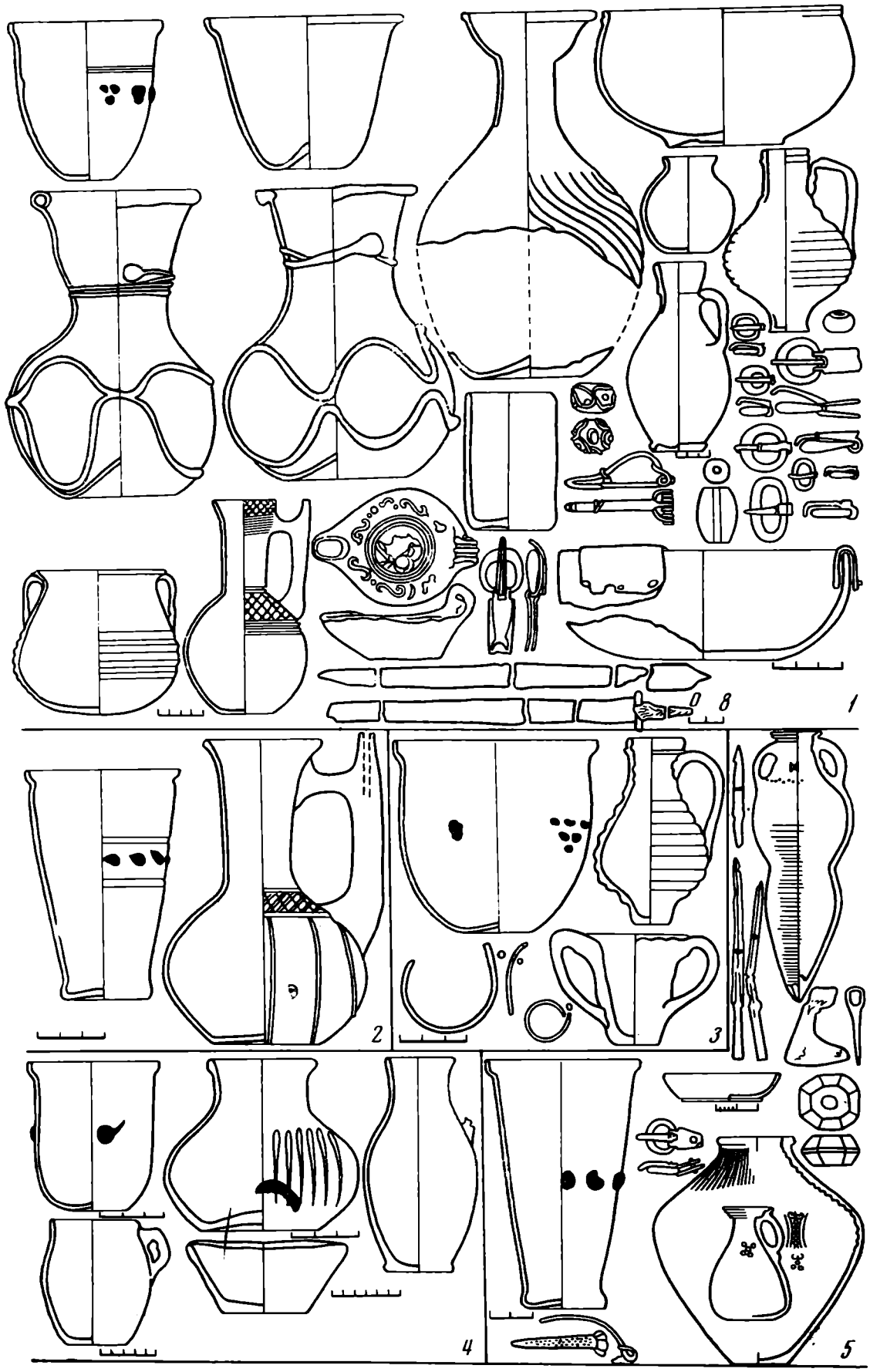


Рис. 5. Инвентарь погребений IV — начала V в. Боспора и Восточного Причерноморья

1 — склеп 179.1904 г. (Пантикапей); *2* — могила 1890 г. (Пантикапей); *3* — могила 29.1949 г. (Пантикапей); *4* — могила 25.1957 г. (Заморское); *5* — могила 21(6) (Цебельда)

и в могиле 33. Харакс (рис. 5, *1*; 4, *1*), в склепах 145. 1904 и 165. 1904 (рис. 4, *3, 4*).

Ко второй группе (третья четверть IV — первые десятилетия V в.) следует отнести могилы 29. 1949 г., 340 (217). 1904 г., 45. 1909, склепы 2/VI.1904 (Пантикапей); могилы 25. 1967 (Заморское); у с. Марфовка; Синявка; склеп 50, могила 42. 1964 г. (Фанагория); могилы 2. 1962; 4. 5. 1965 (Гиляч); 277, 278, 284, могила без номера, склеп 6. 1966 («Совхоз 10»); погребения 21(6), 24 и др. Цебельдинских могильников. В инвентаре этой группы погребений хотя и встречаются предметы, аналогичные первой группе [75], но определяющими становятся памятники более позднего времени: это двупластинчатые фибулы I и главным образом II подгруппы. Фибулы I подгруппы, датирующиеся в основном IV в., единичны: это погребение 5. 1965. Гиляч [76] (рис. 4, *6*). Фибулы II подгруппы имелись в погребениях: с. Синявка [77] (рис. 4, *8*), склеп 50. Фанагория [78] (рис. 6, *2*), могила 45. 1909 (Пантикапей) [79]. Фибулы II подгруппы датируются А. К. Амброзом V—VII вв. [80]. но другие исследователи относят их появление ко второй половине IV в. Поэтому все вышеперечисленные фибулы, исходя из совместного инвентаря, вряд ли можно относить ко времени позднее рубежа IV—V — первой половины V в. Например, в погребении 5. 1965 (Гиляч) обнаружены фибулы I и II подгруппы (рис. 4, *6*). Началом V в. датируют И. С. Каменецкий и В. В. Кропоткин фибулу из погребения у с. Синявки.

Тип краснолаковой керамики из погребений второй группы (рис. 5, *5*; 6, *2, 3*) складывается к середине IV в. и бытует до начала V в. [81] Лепные кружки из погребений 25. 1967 (Заморское), склепа 6, 1966 («Совхоз 10») (рис. 5, *4*; *6, 3*) довольно типичны для второй половины IV — начала V в. Они датируются совместными находками в ряде могил «Совхоза 10» краснолаковой керамикой вышеназванных форм. Амфора из погребений 21 (6). (Цебельда) (рис. 5, *5*) не противоречит той же хронологии [82]. Ювелирные изделия (рис. 4, *7*), найденные у с. Марфовки вместе с сосудами типа IE, датируются И. П. Засецкой концом IV — началом V в. [83] К тому времени относится могила 340 (217) [84], в которой имелась индикация с оттиском монеты Феодосия (379—395 гг.), найденная со стеклянным сосудом.

Анализ стеклянных сосудов из обеих групп погребений приводит к таким наблюдениям: стаканы типов I. II становятся ведущими формами IV — начала V в. Отметим при этом, что в более раннее время форма стаканов была более разнообразной. Самым распространенным типом стаканов в течение всего IV в. были стаканы варианта IБ. Поэтому каждый из них должен быть датирован индивидуально. Укажем только, что экземпляры конца IV в. иногда отличаются от более ранних грубостью работы. Стаканы IB относятся к середине — третьей четверти IV в.; стаканы ID — к концу IV — началу V в., сосуды IE — ко второй половине IV — началу

---

[75] Например, в могиле 29. 1949 г. открыт кувшинчик (рис. 5, *3*), аналогичный сосудику из склепа 179. 1904. Однако эту могилу нельзя датировать ранее 370 г., поскольку она была открыта в могильнике, возникшем уже на развалинах Пантикапея.

[76] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 82. рис. 4, *7*; табл. 13, *12*.

[77] И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Ук. соч., стр. 235 сл.; рис. 1, 2; А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 86.

[78] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI. 1941. стр. 46, рис. 2.

[79] ИАК. 47, 1913, стр. 15.

[80] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 86 сл.

[81] С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. АИКСП, М., 1948. стр. 34, сн. 13; О. Д. Лордкипанидзе. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. ВООН АН ГрузССР, 1962, 1, стр. 254.

[82] Г. К. Шамба. Керамические изделия позднеантичной эпохи из некрополя Ахаччархва. Тр. СГПИ, XVIII—XIX, Сухуми, 1966, стр. 108 сл.

[83] И. А. Засецкая. Ук. соч., стр. 38 сл., 44 сл., 47 сл.

[84] ИАК, 17. 1905, стр. 69.

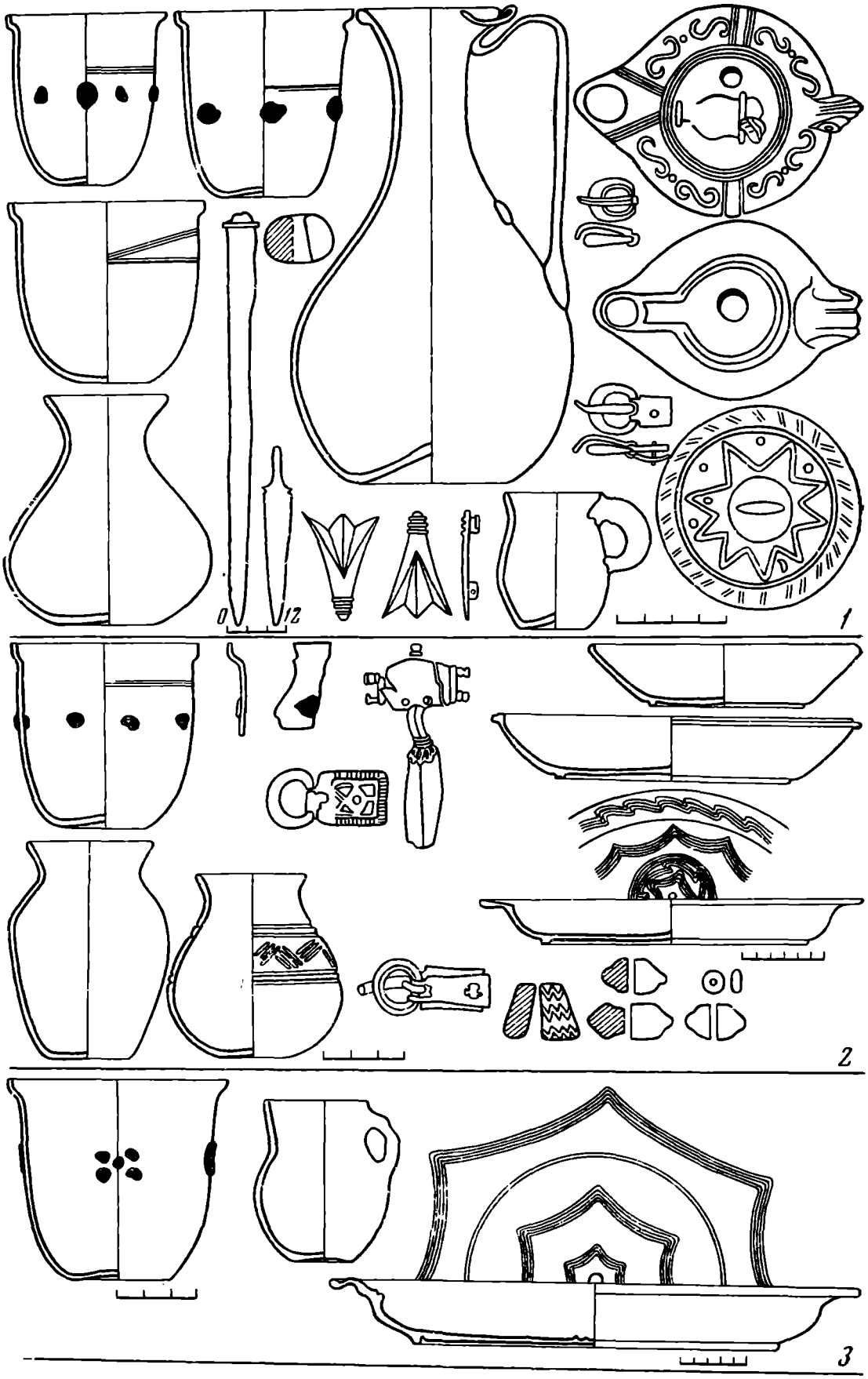


Рис. 6. Инвентарь погребений IV — начала V в. Боспора и Юго-Западного Крыма
1 — склеп 181.1904 (Пантикапей); *2* — могила 50 (Фанагория); *3* — склеп 6 («Совхоз 10»)

V в. Дата стаканов IA и Ж неясна. Но исходя из аналогий с сосудами, найденными на территории Римской империи, и отсутствием стаканов IA в причерноморских погребениях середины IV — начала V в. они могут быть отнесены к первой половине IV в. Судя по форме стаканов IЖ, близкой к фиалам III в., их следует датировать не позднее середины IV в.

Стаканы типа II известны уже в первой половине IV в. (Харакс), и они существуют до начала V в. Более ранние экземпляры характерны для Северного Причерноморья. Позднее район их находок перемещается в Восточное Причерноморье. Стаканы этого типа из всего позднеантичного мира получили наибольшее распространение в Причерноморье.

Сосуды типа III засвидетельствованы с середины IV в. В Причерноморье они редки. Считается, что эти кубки на Востоке (откуда они могли поступать в Причерноморье) служили светильниками. Для античных же центров Северного Причерноморья, вероятно, были более традиционными обычные светильники из глины. Восточное Причерноморье было теснее связано с восточно-римским миром [85], и поэтому там кубки находили большее применение.

Изучение этих сосудов приводит к заключению, что в эпоху IV — первой половине V в., несмотря на сложную политическую обстановку, которую переживали припонтийские области начиная со второй половины III в., Причерноморье все же не оказалось изолированным от основных центров античного мира. До причерноморского населения доходили достижения многих областей культуры, ремесла, и в том числе стеклоделия этой эпохи. Так, все рассмотренные стеклянные сосуды из Причерноморья входят в «модную» в Римской империи позднеантичного периода группу стеклянных сосудов, известную в археологической литературе как «Nuppengläser» (ее древнее название Patoria gemmata), имитировавших сосуды из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями. Искусство изготовления стеклянных сосудов, подражавших сосудам из драгоценных металлов, возникло на Востоке, а затем было подхвачено ремесленниками западноримских областей [86]. Сосудов группы «Nuppengläser» много в Египте, Сирии, Дура-Европос, Северной Африке. После открытий последних лет стекольных мастерских в одном из районов восточноримских провинций производство там сосудов с каплями синего стекла стало неоспоримым фактом [87]. Для сосудов восточноримского происхождения характерны орнаменты, образованные небольшими каплями стекла синего цвета. Форма сосудов с такими орнаментами мало разнообразна: это стаканы, конические кубки.

Стеклоделы Галлии, Рейнской области развили на базе восточных образцов стиль «Nuppengläser» по-своему. Для западноримских сосудов этой группы присуща бо́льшая пестрота накладного орнамента (голубой, желтый, коричневый цвета), состоящего не только из мелких и крупных капель цветного стекла, но и нитей. Кроме того, этот орнамент применялся не только на сосудах в форме стаканов, но и на кубках, чашах, канфарах, кувшинах.

Стеклянные сосуды с каплями синего стекла из Причерноморья примыкают к восточной группе «Nuppengläser». Они завоевали большую популярность в IV в. в Причерноморье и особенно на Боспоре, видимо, в связи с модой на предметы так называемого инкрустационного стиля в среде боспорской знати позднеантичной эпохи. Поэтому не случайно наибольшее количество стеклянных сосудов с каплями синего стекла найдено на Боспоре, и прежде всего в Пантикапее. На втором месте по числу

---

[85] В. А. Левкинадзе. «Понтийский лимес». ВДИ, 1969, 2, стр. 75 сл.

[86] D. Harden. Ук. соч., стр. 36.

[87] P. Perrot. The Excavations of Two Glass Factory Sites in Western Israel. International Congress on Glass, comptes Rendus, II, Bruxelles, 1965, стр. 1—4; «Archaeology», 1964, 17, 4, стр. 283.

находок таких сосудов стоит Восточное Причерноморье. Гораздо меньше их в юго-западном Крыму. Ольвии, могильниках черняховской культуры. и только отдельные сосуды открыты на Северном Кавказе, в Азербайджане и Грузии.

Целые сосуды найдены в могильниках, а их обломки встречаются на городищах. Это доказывает, что сосуды с каплями синего стекла использовались не только при погребениях, но в быту. Однако они, видимо, были доступны главным образом зажиточным слоям населения, поскольку стеклянные сосуды с каплями синего стекла были найдены в наиболее богатых погребениях. В первой половине — третьей четверти IV в. их находки связаны с крупными городами, позднее они распространились и по периферии.

Спрос на стеклянные стаканы в Причерноморье мог удовлетворяться за счет торговли со средиземноморскими центрами. Существует мнение [88], что конические кубки, хотя и известны в Сирии, но чаще они встречаются в Египте, а стаканы, близкие причерноморским стаканам I типа, более характерны для Сирии. Сообразно с этим наблюдением, пока очень предположительно, причерноморские сосуды можно подразделить на импорт из Египта (сосуды III типа) и Сирии (сосуды I типа). Обе восточноримские провинции широко вывозили свои изделия. Так, стаканы I А, Б встречаются не только в разных центрах Причерноморья, но и в римских провинциях и особенно в Паннонии. Паннонские стаканы, близкие типу IБ, считаются восточной продукцией. Поэтому можно предполагать, что в Причерноморье и в Паннонию они поступали из мастерских одного района восточноримских провинций. Но в Северном Причерноморье стаканы IБ засвидетельствованы уже в первой половине IV в., а в Паннонии они становятся характерными только с позднего IV в. Поэтому не исключена возможность, что общность причерноморских и паннонских стаканов IБ можно объяснить результатом непосредственных связей между этими областями, которые прослеживаются помимо стекла и по другим материалам [89]. Венгерские же археологи ставят в связь появление стеклянных сосудов с каплями синего стекла в Паннонии и в районах, лежащих к востоку от нее, с приходом туда союза гото-гунно-аланских племен [90]. К импорту также относятся стаканы IГ и конический сосуд из могильника Гиляч. Однако эти сосуды вряд ли отражают регулярные торговые связи обитателей Северного Кавказа с восточными провинциями. Вероятно, они попали туда случайно и не через Боспор, а через приморские центры Восточного Причерноморья.

Надо думать, что в IV в. население Причерноморья обеспечивалось стеклянной посудой не только за счет торговли. Нельзя забывать, что эпоха, в которую получили распространение стеклянные сосуды с каплями синего стекла, была тревожной, насыщенной военными событиями, которые мало способствовали нормальным торговым отношениям. Но нарушение регулярных экономических связей со Средиземноморьем могло стимулировать развитие стеклоделия в Причерноморье. Местные стеклоделы, учитывая спрос на свою продукцию, снабжали ею внутренний рынок. К таким изделиям мы относим стаканы IВ с Боспора и IД, сосуд IЕ из окрестностей Херсонеса. Стаканы IВ изготовлялись на Боспоре (Пантикапей или Фанагория) в середине — третьей четверти IV в. Из этого можно сделать вывод, что стеклоделие на Боспоре, засвидетельствованное для III в. [91], не прекращалось и в IV в. Стаканы IД тоже оригинальны по форме. Они, как и сосуд IЕ, изготовлялись в конце IV — начале V в.,

---

[88] R. W. Smith. Ук. соч., стр. 101 сл.
[89] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 86 сл.
[90] L. Barkoczi, A. Salmon. Ук. соч., стр. 39.
[91] Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева. Стеклоделие Танаиса. СА, 1966, 3, стр. 176 сл.; Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 217 сл.

где-то в районе Херсонеса[92]. Какая-то часть стеклянных сосудов могла попадать в Причерноморье как военные трофеи, захваченные во время походов причерноморских племен в Малую Азию или при военных столкновениях в IV в. на территории восточноевропейских римских провинций (например, стакан и кубок из Журовки).

N. P. Sorokina

A PROPOS DES RÉCIPIENTS EN VERRE AUX GOUTTES DE VERRE BLEU PROVENANT DES RÉGIONS DE LA MER NOIRE

Résumé

On connait plus de 70 récipients intacts de verre, provenant des régions de la Mer Noire. Ils ont été trouvés surtout dans la région du Bosphore, dans les régions orientales de la Mer Noire (district de Soukhoumi), en partie en Chersonèse, dans ses environs et á Olbia.

Les récipients qui font l'objet d'études sont répartis en 3 types: 1) verres de dimensions réduites aux parois arrondies; 2) verres hauts tronconiques; 3) coupes en forme de cône, au fond pointu. Les verres du premier type se distinguent par les formes, les proportions, les schémas d'ornementation. Toutes ces différences permettent de subdiviser les verres de ce type en 7 variantes.

L'analyse du mobilier funéraire qui comportait, entre autres des récipients en verre à gouttes de verre bleu, permet de conclure que ces derniers étaient répandus dans les régions de la Mer Noire à partir du début du IV siècle jusqu'au milieu du V siècle. Ces récipients provenant des régions de la Mer Noire faisaient partie d'un grand groupe de récipients de verre que leur étaient proches par la forme et l'ornementation et étaient répandus à l'époque antique tardive, d'abord dans les provinces orientales de l'Empire Romain, ensuite dans celles occidentales.

Une partie des récipients de verre à gouttes de verre bleu trouvés dans les régions de la Mer Noire sont importés, les autres sont de production autochtone.

---

[92] Среди материалов из недавно открытых стеклоделательных мастерских в Херсонесе (Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе. СА, 1965, 3, стр. 237 сл.) нет данных говорить о производстве изучаемых стаканов в этом центре.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЧТО ТАКОЕ «ПАСТЫРСКАЯ КУЛЬТУРА»?

В течение 50-х и 60-х годов XX в области Верхнего и Среднего Поднепровья были обнаружены и исследованы многочисленные неизвестные ранее древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э.— преимущественно места поселений, а также могильники с трупосожжениями. Данные, полученные в результате их изучения, коренным образом изменили наши представления о картине исторического процесса в области, ставшей вскоре основным плацдармом формирования древнерусской народности и ее государственности.

В Среднем Поднепровье, где в III—IV вв. были распространены черняховские поселения, эти древности относятся лишь к третьей четверти I тысячелетия н. э. Они полностью или частично заполняют интервал между памятниками черняховской и древнерусской культур. При этом с первыми они не имеют, по сути дела, ничего общего, тогда как древнерусская культура по всем основным признакам связывается с культурой третьей четверти I тысячелетия н. э.— своим непосредственным генетическим предшественником. Лучше всего среднеднепровские древности третьей четверти I тысячелетия н. э. известны сейчас по публикациям раскопок, произведенных в низовьях Тясмина Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым. Оба исследователя не сомневались, что имеют дело с памятниками славянской раннесредневековой культуры [1]. Такие же древности, нередко называемые пеньковскими по имени с. Пеньковка в низовьях Тясмина, также интерпретированные, найдены в Надпорожье, в поречье Роси и во многих других местах днепровского Правобережья и Левобережья, в смежном с Поднепровьем поречье Южного Буга и поречье Днестра.

В средней части Среднего Поднепровья, около Киева и вблизи устьев Ирпеня и Тетерева, т. е. в местностях, лежащих к северу от черняховских рубежей, хронология интересующих нас древностей оказалась иной. Они относятся здесь не только к третьей четверти I тысячелетия н. э., но и к предшествующим столетиям. Украинскими археологами эти более ранние древности названы «киевским типом» [2]. Их изучение показало, что наиболее архаичные памятники «киевского типа» убедительно увязываются с предшествующими им древностями зарубинецкой культуры — ее поздним этапом, датируемым двумя первыми веками нашей эры на основании позднелатенских и «глазчатых» фибул, а также других находок.

Такая же, в основных чертах, картина выявилась и в более северных областях. В пределах Гомельского и Могилевского Поднепровья заруби-

[1] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на Тясмине. МИА, 108, 1963; Могильники уличів у долині р. Тясмину. Слав'яно-руські старожитності. Київ, 1969; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, 108.

[2] В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, 4, 1955; В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. Сб. «Археологические исследования на Украине», I. Киев, 1967.

нецкая культура типа Чаплинских городища и могильника сменяется культурой, представленной поселением и могильником Обидня (Абидня), которые датируются подвязными фибулами и предметами римского импорта II—IV вв. Дальнейшее развитие культуры характеризуют материалы Новобыховского, Нижнетощицкого могильников и Таймановского могильника и поселения[3]. Указать верхнюю хронологическую границу зарубинецкой культуры для этой части Поднепровья представляется весьма затруднительным, так как зарубинецкие традиции в характере поселений и жилиц, в погребальной обрядности, в формах керамики и др. отчетливо ощущались здесь не только во второй четверти, но и в середине I тысячелетия н. э.

В 1968 г. мною была опубликована таблица археологических памятников, отражающая преемственность развития культуры во второй и третьей четвертях I тысячелетия н. э. в поречье Десны[4]. Теперь, спустя три сезона полевых исследований на берегах Десны (1968—1970), стало очевидным, что выводы, сделанные на основании этой таблицы, являются совершенно правильными. Новые материалы позволяют более обстоятельно и детально обрисовать преемственное развитие культуры деснинского населения, начиная от зарубинецкого и позднезарубинецкого (почепского) ее этапов, к культуре второй четверти I тысячелетия н. э. (датируемой подвязными фибулами), в которой обильно представлены зарубинецкие реминисценции, и далее — к культуре третьей четверти I тысячелетия н. э.

Таким образом, совокупность новых данных, полученных в различных областях Среднего и Верхнего Поднепровья, свидетельствует о том, что огромный массив зарубинецкого населения отнюдь не исчез с исторической сцены в начале нашей эры, а продолжал свою жизнь в Поднепровье в местностях, лежащих к северу от черняховского ареала. После крушения черняховской оседлости это многочисленное население, составившее окраинные, наиболее восточные раннеславянские группировки, значительно расширило свою территорию в южном направлении. Движение к югу наблюдалось в это время также и в среде более западных славянских группировок, занимавших область Волыни («культура Корчак») и Поднестровье (рис. 1).

Насколько мне известно, среди археологов, специально изучающих интересующие нас днепровские древности в полевых условиях, сформулированный выше вывод не вызывает каких-либо серьезных сомнений и «разночтений». Более того, необходимо отметить, что археологи, работающие в различных названных выше областях Поднепровья, пришли к такому выводу независимо друг от друга. Но так как полевые исследования продолжаются, и большая часть добытых ими материалов пока что остается неопубликованной, некоторые археологи, не участвующие в этих работах, продолжают высказывать всякого рода догадки о древностях Поднепровья. Они исходят преимущественно из обветшалых представлений, некогда традиционных в славистике, но ничем археологически и по историческим данным не аргументированных, согласно которым славяне появились в Поднепровье откуда-то с запада лишь в третьей четверти I тысячелетия н. э. Они двигались здесь якобы навстречу кочевникам — гунно-болгарским племенам и аварам, тогда как западные славяне, по

---

[3] Результаты раскопок указанных памятников остаются пока неопубликованными. Они известны по докладам на археологических конференциях и по кратким информациям в печати: Л. Д. Побаль, А. Г. Митрофанаў. Праблема рассялення славян на тэрыторыі Беларусі. Весці Акад. навук БССР, 2, 1966, сер. грамад. навук; Л. Д. Побаль. Пошукі прабацькаўшчыны славян. «Младосць», 1969, 2; его же. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 103—109.

[4] П. Н. Третьяков. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1969, 4.

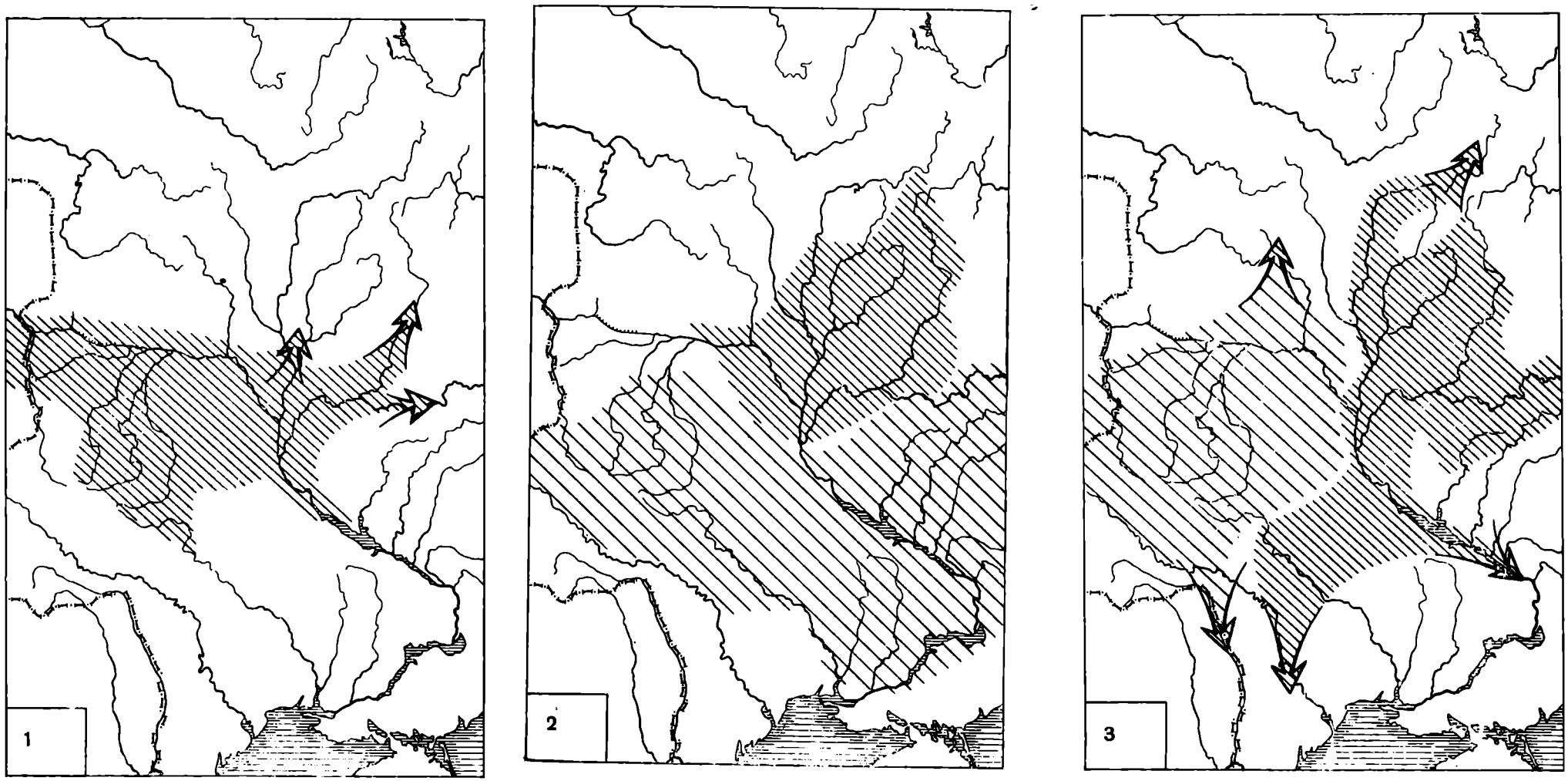


Рис. 1. Область распространения зарубинецких и раннеславянских древностей в Поднепровье

1 — в конце I тысячелетия до н. э. и первых веках н. э.; *2* — во второй четверти I тысячелетия н. э. (южнее обрисован ареал черняховских древностей); *3* — в третьей четверти I тысячелетия н. э. (западнее намечена область славянских древностей «культуры Корчак»)

мнению немецких, польских и чехословацких археологов, расселялись в это время в противоположном направлении!

Мысли о распространении славян в третьей четверти I тысячелетия н. э. с запада на восток придерживался покойный И. И. Ляпушкин, из нее же исходил в своей последней работе В. В. Седов. Нужно отметить, однако, что оба исследователя не сомневались, что древности третьей четверти I тысячелетия н. э., выявленные в Среднем Поднепровье Д. Т. Березовцом и другими лицами, принадлежали славянскому населению [5]. Этого взгляда не разделяет М. И. Артамонов. Среднеднепровские древности VI—VII вв.— поселения, клады и др.— он выделяет в особую культуру, названную им по имени известного Пастырского городища пастырской, и считает, что она принадлежала не славянам, а тюркоязычным племенам — болгарам-кутригурам. При этом предполагается, что славяне появились на Днепре лишь в последующее время. Статья М. И. Артамонова, где высказаны эти соображения, в известной мере близкие мысли Н. Феттиха о «мартыновской культуре», опубликована в болгарском журнале «Археология» [6]. Полагаю, что среди советских археологов М. И. Артамонов найдет мало последователей, но зарубежный читатель, плохо знакомый со среднеднепровскими древностями, может быть введен в заблуждение. Это обстоятельство заставляет меня ответить на вопрос: имеется ли в действительности и что представляет собой «пастырская культура»?

Итак, северные области Среднего Поднепровья и южная часть бассейна Верхнего Днепра, начиная с рубежа нашей эры, принадлежала обширной группе восточнославянских племен. В начале третьей четверти I тысячелетия н. э. вместе со своими более западными сородичами эти племена значительно расширили свою территорию в южном и юго-западном направлениях, что соответствует сообщениям древних авторов о движении славян-антов.

В пределах обширной области их расселения на севере и юге культура днепровских славян была более или менее одинаковой. Ее основными чертами, представленными в археологических материалах, являлись следующие: 1 — расположение поселений преимущественно на невысоких местах, нередко — на всхолмлениях в пределах речных пойм, недалеко от воды; 2 — квадратные в плане жилища-полуземлянки, размером 12—15 м² и колоколовидные хозяйственные ямы; 3 — в составе керамического материала наряду с выпуклобокими и широкогорлыми сосудами — посуда биконических и цилиндроконических форм, а также глиняные «сковороды». Огромные сосуды-зерновики вместе с другими данными (орудия труда), свидетельствующие о том, что земледелие занимало важнейшее место в экономике; 4 — в качестве основной формы предметов убора и украшения — бронзовые и железные фибулы; 5 — обряд погребения —

---

[5] И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 38—40 и др.; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970. В. В. Седов высказывает предположение, что среднеднепровская славянская группировка является ответвлением северо-западного славянства (стр. 65—67). Об этом свидетельствует якобы некоторое сходство среднеднепровской биконической керамики VI—VII (может быть V—VII) вв. с посудой славянских поселений междуречья нижнего течения Одера и Эльбы. Однако известно, что эти западнославянские поселения заведомо моложе днепровских! Жилища на этих поселениях совсем иные, чем в Поднепровье — не землянки. В то же время в Верхнем Поднепровье и северной части Среднего Поднепровья имеются прототипы не только биконических сосудов и жилищ-землянок, но и всех других элементов культуры среднеднепровских славянских поселений.

[6] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура. «Археология», 1969, 3, София, стр. 1—9. См. также тезисы доклада: М. И. Артамонов. Восточные славяне и кочевники причерноморских степей. I Międzynarodowy kongres archeologii Słowiańskiej, II, Warszawa, 1969, стр. 355—358. Он же. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. Доклады Географического общ. СССР. Вып. 15, 1970.

сожжение с последующим захоронением остатков пережженных костей на «погребальном поле».

Конечно, в течение I тысячелетия н. э. эти признаки не оставались неизменными. Так, жилища-полуземлянки в Верхнем Поднепровье вплоть до середины I тысячелетия н. э. продолжали сохранять облик, характерный в этих областях для позднезарубинецкой культуры. Они не имели печей, а отапливались открытыми очагами, расположенными на полу в центральной части жилища. Часто жилища имели центральный столб, что также являлось старой традицией, унаследованной от древних зарубинецких жилищ больших размеров. Но в третьей четверти I тысячелетия н. э. господствующим типом жилища мало-помалу повсюду становится полуземлянка без центрального столба с печью в углу.

Во второй четверти I тысячелетия н. э. глиняная посуда во многом сохраняла зарубинецкий облик. Она лепилась от руки и разделялась на грубую кухонную и столовую — лощеную или сглаженную. Горшки (в том числе — зерновики), как и в зарубинецкое время, имели разные формы. Часто встречался биконический профиль с четким или закругленным ребром. Эта форма сосуда сохранялась вплоть до VI—VII вв., когда наибольший диаметр сосуда стал перемещаться ближе к его верхней части. Посуда приобретала форму, распространенную в более западных областях и обычную для славянского средневековья. Вплоть до середины I тысячелетия н. э. в быту сохранились цилиндроконические миски позднезарубинецкой (почепской) формы. Нередко они приобретали иные пропорции, превращаясь в высокие цилиндроконические горшки. Но в третьей четверти I тысячелетия н. э. цилиндроконические формы посуды встречались лишь как исключения. Они уже почти неизвестны на поселениях Среднего Поднепровья, куда славяне продвинулись после середины I тысячелетия н. э. Изменялись во времени формы фибул и других предметов убора и украшения.

Северным соседом днепровской славянской группировки являлись восточные балты. Этническим процессам, протекавшим на балто-славянском пограничье, основным содержанием которых была ассимиляция балтов славянами, посвящен ряд работ автора этой статьи [7].

Южным соседом славян, продвинувшихся вниз по Днепру после середины I тысячелетия н. э., стали кочевники — давно обитавшие здесь сармато-аланские племена и появившиеся позднее гунно-болгарские племена. В их среде распространялась культура, основы которой в Северном Причерноморье были заложены, очевидно, сарматами, связанными с причерноморскими городами и черняховским миром. Древности этой «межплеменной» культуры, относящиеся к более позднему времени — концу I тысячелетия н. э., известны в археологии под наименованием салтово-маяцких.

Естественно, что в области славяно-кочевнического пограничья памятники славянской днепровской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э., в какой-то мере перемешивались с элементами культуры, распространенными в более южных областях. Вот эту-то область контактов двух различных культур М. И. Артамонов и принял за особую «пастырскую культуру», принадлежавшую якобы болгарам-кутригурам, поглотившим сармато-аланский субстрат. К «этническим признакам» этой культуры он отнес не только то, что в действительности связывалось с кочевническим Югом, но и то, что было присуще днепровским славянам — характер их поселений с квадратными землянками, расположенных на невысоких местах недалеко от воды, лепную посуду биконических форм и все те среднеднепровские предметы убора и украшения, составляющие

---

[7] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 230—237, 273—285; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 52—71 и др. работы.

нередко клады, которые А. А. Спицын в 20-х годах называл «древностями антов», а Б. А. Рыбаков позднее переименовал в «древности русов».

Славянские среднеднепровские поселения, располагавшиеся преимущественно на невысоких местах, М. И. Артамонов рассматривает без каких-либо оснований в качестве становищ кочевого и полукочевого населения. Но такие же точно поселения с такими же землянками, начиная с позднезарубинецкого времени, господствовали не только в приднепровской лесостепи, но и повсюду в лесном Поднепровье вплоть до Могилевщины и Брянщины на севере. Становища кочевников, изученные в последнее время С. А. Плетневой, имели совсем иной облик, и жилищем у кочевников являлись круглые в плане юрты, а не квадратные полуземлянки. Остатки юрты на днепровском поселении в низовьях Тясмина встречены, быть может, лишь в одном случае — в Стецовке. Но, возможно, что это была и не юрта, а языческое святилище, подобное святилищам верхнеднепровских балтов.

Здесь, при интерпретации поселений, М. И. Артамонов повторил ошибку, до недавнего времени очень распространенную среди археологов. Предполагалось, что поселениями древних славян обязательно должны быть городища. Это ошибочное предположение на несколько десятков лет затормозило изучение первобытной и раннесредневековой славянской культуры.

Не смутило М. И. Артамонова и то, что для лепной кухонной керамики «пастырской культуры» были особенно характерны биконические формы, а на гончарном круге в этой «культуре» выделывались совсем другие — низкие округлобокие горшки. Их лепные прототипы известны на востоке — в Нижнем и Среднем Поволжье, где никаких биконических форм не найдено.

Археологи знают немало случаев, когда в полосе контактов двух этнических групп со временем создается особая гибридная культура. Контакты славянской и кочевнической культур в Поднепровье протекали в пределах достаточно широкой полосы, но их продолжительность к VII в. была незначительной. Поэтому во всех частях этой полосы в подавляющем большинстве случаев славянские древности без труда отделяются от кочевнических. Здесь не было смешанной, тем более — гибридной культуры, а имелись лишь местности, в пределах которых славянское и неславянское население жило близко друг к другу, иногда чересполосно, но всегда сохраняя свою специфику. При этом в славянскую среду попадали лишь отдельные предметы, изготавливаемые ремесленниками, обслуживающими в это время кочевнический мир.

Одной из местностей, входившей в полосу контактов, было Надпорожье. А. Т. Смиленко указывает здесь более десяти пунктов с остатками славянской культуры пеньковского типа, большинство которых было обнаружено А. В. Бодянским. На поселениях имелись обычные полуземлянки; здесь были могильники с трупосожжениями. Керамика, нередко биконическая, изготовлялась от руки. Найдено немало бронзовых предметов убора и украшения, относящихся к типам «древностей антов».

В этой же местности, но преимущественно южнее славянских поселений, имеются памятники культуры другого типа. Это остатки поселков гончаров в балке Канцерка близ с. Федоровки и около с. Любимовки. Гончары изготовляли на гончарном круге посуду с узорами из пролощенных линий, распространенную в третьей четверти I тысячелетия н. э. среди сармато-аланского и болгарского кочевого населения[8]. Отдельные такие сосуды попадали, что и естественно, в славянскую среду. Кем являлись ремесленники и гончары по племенной принадлежности — неизвестно. Но о том, что они были не славянами, свидетельствуют их боль-

[8] А. Т. Смиленко. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне Середньовіччя. «Археологія», XXII. Київ, 1969, стр. 162—170.

шие жилища, совсем непохожие на славянские. Здесь же в Надпорожье у с. Вознесенки находилось известное погребальное сооружение, часто рассматриваемое археологами в качестве могилы знатного и богатого славянского вождя, но, по-видимому, так же как и Глодосское погребение или Ново-Покровский и другие аналогичные могильники, принадлежавшее каким-то кочевникам, можно думать,— тюркам.

Поселком ремесленников — гончаров, ювелиров и кузнецов — являлось Пастырокое поселение, расположенное на Правобережье в бассейне Тясмина на берегах р. Сухой Ташлык. Пастырские гончары выделывали на гончарном круге выпуклобокие горшки, украшенные пролощенными линиями, относящиеся к посуде, распространенной в более южных кочевнических областях. Но многие обитатели поселения, живущие в квадратных землянках с печью в углу, нередко пользовались также и посудой ручной лепки, обычной, как и квадратные землянки, для всех окрестных славянских сельских поселений. При раскопках этих поселений (Пеньковка, Стецовка, поселения на Южном Буге) посуда, сделанная на гончарном круге, составляет лишь ничтожный процент керамического материала. А в более северных местностях Правобережья она вовсе не встречается. То, что Пастырское городище находится в окружении славянских поселений и что на нем открыты остатки жилищ славянского типа, позволяет связывать его прежде всего со славянской средой. Но продукция пастырских ремесленников была рассчитана, очевидно, и на кочевническую периферию.

Контакты славян с югом и юго-востоком по материалам керамики обнаруживаются и в северной части среднеднепровского Левобережья. Здесь имеются древности так называемой волынцевской культуры, поселения, расположенные на невысоких местах с характерными квадратными землянками и бескурганные могильники с трупосожжениями. Среди волынцевской керамики, вылепленной от руки, встречаются сосуды, сделанные на гончарном круге, с узорами из пролощенных линий, напоминающие посуду, изготовляющуюся пастырскими гончарами. Но в целом, волынцевские поселения нельзя исключить из славянской раннесредневековой культуры, и в этом никто не сомневался. Д. Т. Березовец полагал, что славянские волынцевские поселения старше городищ роменской культуры [9]. С ним не соглашался И. И. Ляпушкин, по мнению которого нет оснований выделять волынцевские поселения в особую группу, по времени отличавшуюся от роменской [10]. Трудно сказать, кто прав в этом споре — имеется очень мало материалов для его решения. Но, по-видимому, прав все же Д. Т. Березовец. Сделанная на гончарном круге волынцевская керамика должна быть датирована VIII—IX вв., тогда как роменские городища относятся в основном к IX—X вв. На них также встречается в небольшом числе кружальная керамика южного происхождения, но не такая, как на волынцевских поселениях, а салтово-маяцкая IX—X вв. Находки такой керамики особенно обильны на городищах Верхнего Подонья — Боршевском и др. [11].

В последнее время в лесостепном днепровском левобережье начали обнаруживаться славянские древности, близкие пеньковским, более ранние, чем волынцевские — VI—VII в. [12]. Они определили нижнюю хронологическую границу волынцевских поселений.

Таким образом, судя по керамике, контакты среднеднепровских славян с югом несомненно имели место. Но при этом они отнюдь не меняли лица

[9] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. «Археологія», VIII, 1953.

[10] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959.

[11] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 41—44.

[12] В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в днепровской левобережной лесостепи. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968.

славянской культуры, не создавали какой-то особой третьей культуры. Они были результатом рыночных связей, при этом не столько непосредственно с кочевниками, сколько с обитателями тех ремесленных поселков, которые обслуживали кочевников и этническое лицо которых сейчас еще невозможно определить. Между кочевниками и славянами существовали, несомненно, и другие, так сказать,— политические связи; славянское население являлось при этом страдающей стороной. Эти «связи» делали славян данниками кочевников, несли с собой разорение, а нередко и гибель.

Но как могло получиться, что грубая лепная посуда среднеднепровских поселений, нередко имевшая, как указывалось, биконический профиль,

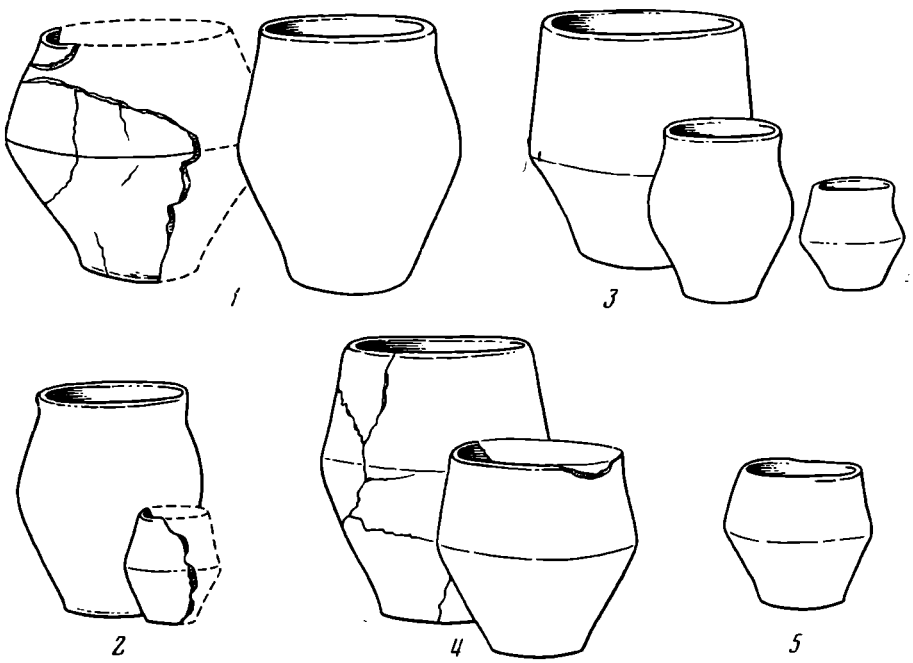


Рис. 2. Керамика биконических форм из поселений и могильников Верхнего Поднепровья и поречья р. Десны

1 — селище Колодезный бугор около с. Смяч Новгород-Северского р-на Черниговской обл. (II—III вв. н. э.); *2* — селище Лавриков лес у с. Дехтеревка того *1* — селище Колодезный бугор около с. Смяч Новгород-Северского р-на Чернеже р-на (середина I тысячелетия н. э.); *3* — селище у д. Тайманово Быховского р-на Могилевской обл. (середина и третья четверть I тысячелетия н. э.); *4* — Новобыховский могильник того же р-на (середина и третья четверть I тысячелетия н. э.); *5* — Кветунский могильник

нигде не известная в более восточных областях, где бесспорно некогда были болгары, также оказалась у М. И. Артамонова среди «этнических особенностей» болгар-кутригуров? В этом досадном недоразумении отчасти виновата И. П. Русанова, опубликовавшая недавно небольшую статью о днепровской керамике второй и третьей четверти I тысячелетия н. э., ошибочными выводами которой воспользовался М. И. Артамонов.

В этой статье сравниваются формы керамики из Верхнего и Среднего Поднепровья на основании опубликованных материалов, как указано выше,— крайне неполных, и делается вывод, что для первой области были характерны цилиндроконические сосуды, а для второй — биконические. Цилиндроконическую форму И. П. Русанова отдает в этой статье верхнеднепровским балтам. О биконических сосудах она говорит весьма туманно, как о принадлежащих, возможно, «славянской культуре южного ареала» [13], но отнюдь, конечно, не кочевникам-болгарам. И. П. Русанова

[13] И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968.

по керамике ошибочно обрисовала в Среднем Поднепровье особый культурный ареал, а М. И. Артамонов некритически интерпретировал его, как кутригурский, хотя, повторяю, никаких оснований для этого не имеется.

Как уже указывалось выше, биконические сосуды были характерны не только для Среднего Поднепровья VI—VII вв., но и для Верхнего Поднепровья, где они встречались начиная с первых веков нашей эры. Они известны в Новобыховском могильнике, в Тайманове, в Посудичах и Смольяни, в Кветунском могильнике. В материалах, полученных раскопками последних лет на Десне в районе Новгород-Северского и Сосницы, биконические сосуды (в том числе огромные зерновики) повсюду обычны, как для второй, так и третьей четверти I тысячелетия н. э. (рис. 2). Что касается цилиндроконических сосудов, то в массе, как указано выше, они относятся лишь ко второй четверти и середине I тысячелетия н. э. и поэтому за несколькими исключениями их нет в Среднем Поднепровье.

Находки биконических сосудов далеко на юго-западе от Среднего Поднепровья — в Побужье и Нижнем Поднестровье — это отнюдь не следы болгар, продвинувшихся сюда из Поднепровья, как предполагает М. И. Артамонов, а следы расселения славян-антов, которое предшествовало появлению на Дунае болгар Аспаруха. В юго-западных местностях, как и на Среднем Днепре, биконическая керамика встречается в нижних слоях поселений с квадратными полуземлянками, по всем основным признакам принадлежавших к славянской раннесредневековой культуре.

Происходящие из Среднего Поднепровья предметы убора и украшения из бронзы и серебра третьей четверти I тысячелетия н. э., составляющие нередко богатые клады, давно привлекают к себе внимание археологов. Им посвящена значительная литература — отечественная и зарубежная. Но до недавнего времени не было известно — обитателям каких поселений принадлежали эти эффектные предметы, с какой культурой они связываются. То, что множество их было найдено на Пастырском городище, ничего не разъясняло, так как само городище до раскопок 50-х гг. составляло загадку. Многие исследователи приписывали эти предметы кочевническому населению. Большинство украинских археологов, а также А. А. Спицын, Б. А. Рыбаков и др. связывали эти предметы со славянской культурой. Против принадлежности их кочевникам решительно выступала в 1955 г. Г. Ф. Корзухина, много лет специально занимавшаяся этим археологическим материалом, хотя вопрос о племенной принадлежности его оседлых «владельцев» она не считала до конца ясным [14]. Сейчас М. И. Артамонов связал все эти предметы и клады с «пастырской культурой» болгар-кутригуров!

По своему происхождению среднеднепровские предметы убора и украшения третьей четверти I тысячелетия н. э. представляют, как известно, очень сложный и разнообразный набор. Истоки одних предметов отыскиваются в Южной Прибалтике, других — в городах Причерноморья, третьих — в кочевнической среде — сармато-аланской и тюркской, четвертые имеют, возможно, местное происхождение. Предметы отдельных типов были распространены в VI—VII вв. у аланов на Северном Кавказе, у крымских готов, даже у финно-угров в Поволжье и Южном Приуралье. Широкое распространение, особенно в кочевнической среде, имели металлические бляшки поясных наборов, являющиеся принадлежностью мужского костюма. Отдельные находки украшений (обычно фибул) делались в Среднем Поднепровье в погребениях с трупоположениями — явно неславянских. Эти случаи перечислены в разбираемой здесь статье М. И. Артамонова [15].

---

[14] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 68.

[15] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност. стр. 5.

Вместе с тем в настоящее время стало очевидным, что большинство находок этих предметов, в частности кладов, связывается в Среднем Поднепровье с местностями, где были обнаружены остатки поселений с квадратными полуземлянками и лепной керамикой, рассматриваемые здесь как славянские пеньковского типа. Более того, интересующие нас предметы убора и украшения неоднократно были находимы при раскопках на этих поселениях. Такие находки, не вызывающие никаких сомнений, делались в поречье Тясмина и на берегах Южного Буга [16]. Имеются сведения, что Новый Суджанский клад (1948 г.), состоящий из нескольких пальчатых фибул, двуспиральных («очковидных») височных подвесок, круглых и трапециевидных подвесок и др., был найден на территории селища с лепной славянской керамикой [17].

Исследователи уже не раз обращали внимание на то, что в материалах среднеднепровских кладов прослеживается более или менее устойчивый комплекс предметов, свидетельствующий об определенном уборе костюма и при этом костюма отнюдь не кочевнического, тем более не тюркского. Древности кочевников третьей четверти I тысячелетия н. э. в южных областях Восточной Европы достаточно хорошо известны. Отдельные предметы убора и украшения интересующих нас типов в их составе обычны. Но нигде в кочевнической среде, сармато-аланской и тюркской, не было ничего похожего на среднеднепровский набор украшений. Он отнюдь не соответствовал кочевническому костюму. Если принять точку зрения М. И. Артамонова, придется признать, что в Среднем Поднепровье жили такие тюрки-болгары (пусть поглотившие аланский субстрат), которые в среде кочевнического населения нашего юга в полном смысле слова были белой вороной.

Главными слагаемыми среднеднепровского набора украшений являлись, как известно, фибулы — «пальчатые» и пастырских типов (зооморфные и антропоморфные), браслеты — полые и проволочные с утолщенными концами, шейные гривны и ожерелья из бус и медальонов, трапециевидные подвески, бляшки поясного набора, наконец — височные кольца и подвески («очковидные») со спиралями. Фибул в составе убора было две. Перед нами среднеевропейский убор, распространившийся в латенское время и появившийся в Поднепровье вместе с зарубинецким населением. В частности, недавно выяснилось, что двуспиральные («очковидные») подвески, точно такие же, как происходящие из кладов VI—VII вв., но более миниатюрные, были распространены в Верхнем и Среднем Поднепровье в позднезарубинецкое время [18]. С зарубинецкого периода были широко распространены здесь и трапециевидные подвески. Парные фибулы — характерная черта зарубинецкого костюма — одна из латенских реминисценций в зарубинецкой культуре.

Вместе с тем в археологической литературе не раз указывалось, что среднеднепровский набор украшений VI—VII вв. так или иначе перекликается с древнерусским. Правда, фибул в древнерусское время не носили — «эпоха фибул» уже миновала. Но другие украшения в той или иной мере сохранялись. На это обращал внимание А. А. Спицын, говоря о «древностях антов» [19]. По мнению Б. А. Рыбакова, спиральные височные украшения VI—VII вв. имели своим прямым потомком спиральные височные подвески северянского типа [20].

---

[16] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на Тясмине, стр. 154, 164; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, стр. 321, 335.

[17] Ю. А. Липкинг. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 49.

[18] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 139; А. П. Савчук. Поселения зарубинецкой культуры на р. Трубеж. МИА, 160, 1969, стр. 84.

[19] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского, Л., 1928.

[20] Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 68.

Выше речь шла о том, что среднеднепровские поселения пеньковского типа представляют собой южную группу славянских поселений VI—VII вв., распространенных на обширном пространстве Среднего и Верхнего Поднепровья. Указывалось, что на всем этом пространстве характер поселений, жилищ, керамики и пр. был в основных чертах одинаков. Так почему же в таком случае интересующий нас набор украшений связывается лишь с лесостепным Поднепровьем? Быть может, он свидетельствует все же об этническом своеобразии жившего здесь населения? Это, однако, не так; разъясняя эти вопросы, следует иметь в виду следующие факты.

Во первых, если основной ассортимент украшений, как указано, являлся для Поднепровья традиционным, то формы ряда вещей, в частности фибул, были, естественно, продуктом своего времени, отражали растущие экономические и культурные связи раннего средневековья. Ясно при этом, что связи эти являлись особенно интенсивными у южных, двигающихся к югу группировок днепровских славян. Именно в их среде прежде всего и сложился комплекс «древностей антов», включавший в себя много форм вещей, распространенных в южных областях, в частности и у кочевников (наборные пояса). Но в той или иной мере эти вещи были распространены и среди более северных группировок днепровских славян. Так, предметы убора и украшения, полученные В. А. Падиным в результате раскопок могильника с трупосожжением около с. Усох на Верхней Десне, т. е. далеко на севере, несомненно примыкают к «древностям антов» [21]. В Верхнем Поднепровье есть немало и отдельных находок таких вещей. Но в славянской среде Верхнего Поднепровья неизбежно распространялись также и предметы убора балтийских типов; южных вещей там было, очевидно, меньше, чем в Среднем Поднепровье.

Во вторых, множество находок предметов убора и украшения VI—VII вв. в лесостепном Поднепровье объясняется не столько их особенным обилием в быту местного населения, сколько специфическими условиями его жизни. На Пастырском городище такие предметы имелись во множестве лишь потому, что это ремесленное поселение погибло в результате военного разгрома и связанного с ним пожара. Многочисленные клады также являются следствием той беспокойной обстановки, которая была присуща славяно-кочевническому пограничью. М. И. Артамонов полагает, что среднеднепровские болгары-кутригуры были разгромлены хазарами, после чего они и отошли на Дунай. Было это в 70-х годах VII в.

Однако к VII в. возможно отнести лишь часть среднеднепровских кладов. Их преобладающее число, судя по ряду данных, было зарыто позднее — в начале VIII в., когда никаких кутригуров в Поднепровье уже не могло быть. В это же время было разгромлено и Пастырское поселение. Более того, имеются клады и более поздние — VIII и начала IX в., по своему составу сохраняющие характер «древностей антов». Поэтому есть все основания присоединиться к мнению Г. Ф. Корзухиной, высказанному в 1955 г. Она убедительно связывала тогда основную часть среднеднепровских кладов с активностью Хазарского каганата «в отношении славянских племен» [22].

Но если биконическая керамика поднепровских славян, сделанная в домашних условиях, землянки, погребальная обрядность были их характерными этнографическими особенностями, то предметы убора и украшения, являвшиеся продукцией ремесленников, в качестве этнографического признака выступают лишь в комплексе, в уборе костюма. Лишь некоторые из них возможно рассматривать как специфические для днепровских славян.

---

[21] В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска. СА, 1960, 3.

[22] Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 79.

Итак, никакой «пастырской культуры», принадлежавшей народу со своими этнографическими признаками»[23], в действительности не существовало. В эту «культуру» М. И. Артамоновым были включены древности южных окраин земли днепровских славян, в быту которых, что и естественно, имелись элементы южного происхождения — кружальная керамика, некоторые предметы убора. Но они отнюдь не изменяли лица культуры днепровских славян, в основных чертах одинаковой в VI—VII вв. на всем протяжении от Могилевщины и Брянщины на севере и до поречья Тясмина и Надпорожья на юге.

В эту «культуру» вошли также единичные неславянские ремесленные поселения и несколько неславянских погребений с трупоположениями. Те и другие располагались южнее и юго-восточнее местностей со славянскими поселениями и по ряду признаков без труда отличаются от славянских древностей. Автор не касался здесь вопроса о днестровской и волынской («культура Корчак») раннеславянских группировках. По-видимому их основой так же были зарубинецкие племена. Но история культуры протекала у них несколько иными путями, чем в Поднепровье.

P. N. Trétiakov

QU'EST-CE QUEC'EST QUE LA CULTURE DITE PASTYRIENNE?

Résumé

Dans son article l'auteur se prononce contre l'avis du Professeur M. I. Artamonov qui a réuni, dans les cadres d'une culture nommée par lui «une culture pastyrienne», de diverses antiquités remontant au Haut. Moyen Age et provenant des régions du cours moyen du Dniéper, entre autres celles d'un site de type de Penkovka. Le Professeur M. I. Artamonov attribue la culture pastyrienne aux Bulgares Cutrigures.

Selon l'auteur, les sites du type de Penkovka sont slaves. Ils font partie d'une grande quantité d'antiquités mises au jour non seulement dans le cours moyen du Dniéper mais aussi dans la zone méridionale du cours supérieur du Dniéper. A la premiére moitié du Ier millénaire de notre ère ces antiquités n'étaient répandues qu'au nord des limites de diffusion de la culture de Tcherniakhovo, c'est-à dire dans la partie beréale de la région de Kiev et dans les régions de Gomel, Moghilev, Tchernigov et Briansk. A partir de la seconde moitié du Ier millénaire de notre ère les Slaves orientaux abandonnèrent ces régions, se répandirent dans la direction méridionale ayant occupé les steppes boisées situées au cours moyen du Dniéper et s'avancèrent dans les régions attenant au Bug Méridional et au cours inférieur du Dniester. C'est à cette population qu'appartiennent des objets de parures et de décorations dont, parfois, étaient composés de riches trésors. Dans les 20-mes années A. A. Spitsyne les a appelés «les antiquités des Antes».

[23] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 7.

Л. А. ГОЛУБЕВА

НАЗНАЧЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ИГЛ С КОЛЬЦАМИ

На северо-западе территории СССР в погребениях и на поселениях конца I и первых веков II тысячелетия н. э. встречаются своеобразные железные острия, в головки которых продеты бронзовые или железные кольца. В изданиях эти предметы фигурируют как «гвоздеобразный предмет», «игла», «острие с кольцом», «пробой с кольцом» или «булавка с кольцеобразной подвижной головкой». Их считали инструментом для витья веревок, одежной булавкой, кольцевидной фибулой, орудием письма или же предметом неизвестного назначения.

Аналогичные железные иглы с подвижными кольцами известны на Готланде, в Бирке, Польше [1] и ГДР [2]. Сводку и классификацию польских находок (21 экземпляр), датирующихся XI—XIV вв., дал Я. Жак. К первой группе он отнес железные иглы с круглыми головками, в которых проделано цилиндрическое отверстие. Ко второй — иглы, головки которых сделаны из расплющенного конца железного стержня. Для получения ушка уплощенный конец стержня пробивался или загибался в трубочку. Классификация Я. Жака с некоторыми дополнениями может быть принята и для игл, найденных на территории СССР. Автору известно здесь около 160 экземпляров железных игл с кольцами, происходящих из 76 пунктов.

Иглы первой группы можно разделить на 11 типов.

1. Гладкие неорнаментированные иглы с круглыми массивными головками. Переход от головки к острию иногда подчеркнут небольшим рельефным пояском или углубленной линией. Острие (длиной 13—16 *см*) круглое в сечении, утолщенное в верху до 0,8 *см*, нередко покрыто полудой. Кольца бронзовые или железные, диаметром около 2 *см* (рис. 1, *8*). Наиболее ранние иглы найдены в оставленных скандинавами курганах с трупосожжениями конца IX — начала XI в. в юго-восточном Приладожье и на Смоленщине (табл. 1, № 36, 76) [3].

Курган № 3 с трупосожжением у дер. Кушлянщины датируется X в. и, вероятно, может быть отнесен к славянским (табл. 1, № 93). Другие находки происходят из мужских трупоположений курганов юго-восточного Приладожья, Белозерья, западных районов Новгородчины, Калининского и Ярославского Поволжья (табл. 1, № 31, 32, 35, 37—40, 43, 47, 49, 50). Все эти погребения датируются временем не позднее XI в. К этому же времени относятся находки из дружинного кургана под Гочевым, трех курганов у с. Слободы, в бассейне верхнего течения Западной Двины, (табл. 1, № 75, 86), а также из кург. № 3 (70) у дер. Черкасовой под Оршей. Иглы того же типа найдены на поселениях Николо-Рожок на оз. Селигер, Золоторучье под Угличем, в нижнем горизонте культурного слоя Новогрудка. Пять находок этого же типа происходят из эстонских ка-

[1] J. Zak. O nachodzeniv «szpil» pierscieniowatych na ziemiach polskich. «Slavia antiqua», VII, 1960, Warszawa — Posnan.

[2] Die slawen in Deutschland. Berlin, 1970, рис. 113, *d*. 1 экз. Найден в Санкове, окр. Деммин (Поморье).

[3] Из находок при трупоположениях в таблицу вошли иглы, положение которых при скелетах описано исследователями.

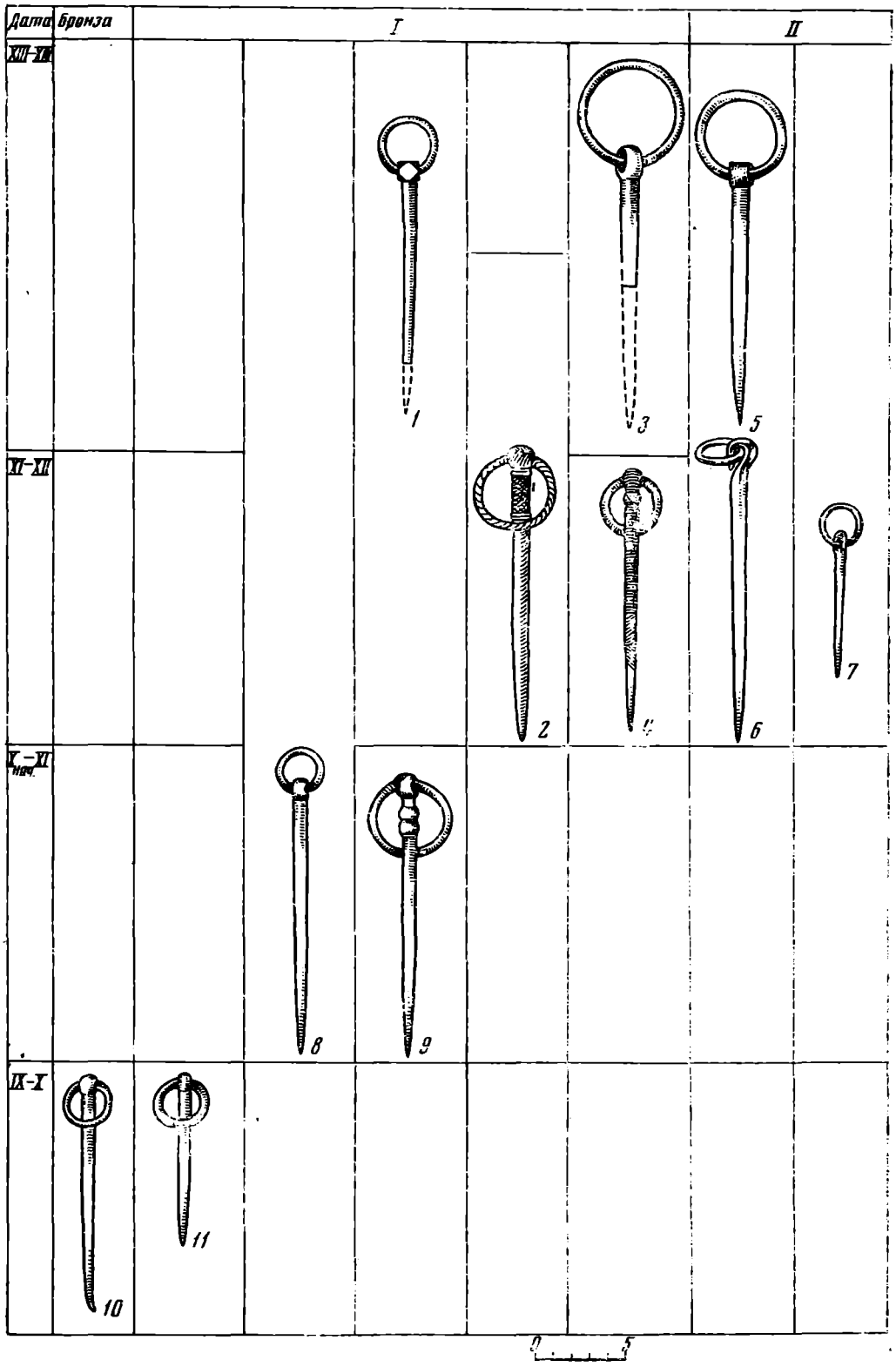


Рис. 1. Хронология железных игл с кольцами I и II групп

1 — Новгород; *2* — Сухолжино; *3* — Друцк; *4* — Вщиж; *5* — Биостанция; *6* — Харлапова; *7* — Друцк; *8* — Подъяндебское; *9* — Селище близ Кимр; *10* — Новоселки; *11* — Усть-Рыбежна

менных могильников с трупосожжениями XI—XII вв.[4] и два — с городища Даугмале в Латвии[5]. Самая поздняя дата для игл этого типа — XII—XIII вв. Сюда относится игла из мужского погребения № 3 Руткинского могильника в Марийской АССР. Ряд игл найден на поселениях и

[4] Сообщено Ю. Я. Селирандом, за что выражаю ему благодарность.
[5] Сообщено В. А. Уртаном, которому выражаю мою благодарность.

№ на карте	Место находки	Исследователь	Погребальный обряд					Положение острия с кольцом при погребенном. Наличие футляра. Сопутствующие вещи	Дата	Этническая принадлежность
			Трупоположение							
			сожжение	в насыпи	на материке	в могиле	ориентировка			
36	Усть-Рыбежна, к. 19	Бранденбург Н. Е.	×				?	?? Меч типа E, копье, боевой топор	Конец IX—X в.	Скандинавская
76	Новоселки, к. 4	Шмидт Е. А.	×				?	?? Меч типа S, железная трубочка	Первая пол. XI в.	»
93	Кушлянщина, к. 3	Лявданский А. Н.	×					Нож, два поясных кольца, шиферное пряслице	X в.	Славянская
39	Подъяндебское	Европеус Д. П.			?		?	? Огниво с рукоятью в виде борющихся медведей, дирхем, X в.	Конец X — начало XI в.	Финская
38	Субочиничи	»			?			? Топор, копье, нож	X—XI в.	»
35	Балдино, к. 21	Бранденбург Н. Е.			×		Ю	Справа у таза. Нож, наконечник стрелы, украшения пояса, две монеты XI в.	XI в.	»
37	Между Карлухой и Каменкой, к. 6	Равдоникас В. И.				×	З	Справа у таза. Нож	?	?
40	Степаново, к. 8, п. 2	Никитин А. В.		×			З	Справа у таза. Остатки железного футляра; топор, нож, лировидная пряжка, 4 поясных кольца	Конец X — XI в.	Финская
43	Сухолжино, к. 1	Тухтина Н. В.				×	В	Справа, под тазом	Начало XI в.	»
47	Дуденева, к. 9	Спицын А. А.			×		З	Слева у таза. Подвешено к поясному кольцу. Лировидная пряжка	XI в.	»
50	Устье, к. 1, п. 2	Гендуне Ю. Г.		×			З	У левой руки. Височные кольца пров. завяз., бусы позолоченные	XI в.	Славянская?
50	Устье, к. 3, п. 1	»		×			З	У левой руки. Височные кольца проволочные разомкнутые, брактеат дирхема 914—943 гг. Бусы сердоликовые 14-гранные, мозаичные, бубенчики, нож, 2 лепных горшка	XI в.	»

Продолжение

№ на карте	Место находки	Исследователь	Погребальный обряд					Положение острия с кольцом при погребенном. Наличие футляра. Сопутствующие вещи	Дата	Этническая принадлежность
			Трупоположение							
			сожжение	в насыпи	на материке	в могиле	ориентировка			
49	Загорье, к. 24	Гендуне Ю. Г.		×			З	У левой ноги. Пряжка лировидная, височные кольца проволочные. Подражение дирхему X в.	XI в.	Славянская
31	Залохтовье, к. 11	Трофимов К. Д.			×		В	Слева у таза. Остатки деревянного футляра. Топор, горшок	XI в.	Балтийская
	» , к. 40	»			×		В	Слева у таза. Топор, горшок	XI в.	»
32	Паниковичи, к. 13	Тищенко А. В.				×	?	Слева у таза. Остатки кожаного футляра. Огниво калачевидное. Цепочка из железных костылько в	XI в.	?
75	Слобода, к. 46	Абрамов И. С.			×		С	На тазу. Топор, две пряжки, перстень, 7 бубенчиков, горшок	XI в.	Скандинавская?
84	Гочево, к. 3	Самоквасов Д. Я.			×		ЮЗ	Слева у колена. Боевой топор, перстень пластинчатый усатый, нож, горшок	XI в.	Славянская?
80	Черкасова, к. 3 (70)	Лявданский А. Н.			×		З	Слева у пояса. Нож, поясные кольца и пряжка	XI в.	»
63	Апоничищи, к. I, п. 5	Милюков П. Н.			×		З	Под сводом из дубовой коры. Слева у плеча; в деревянном футляре с бронзовым наконечником. Нож, кольцо железное	XII в.	»
63	Апоничищи, к. II, п. 2	»			×		З	У правой ноги. Два поясных кольца и часть ремня, нож	XII в.	»
63	Апоничищи, к. I	Дмитриевская Е. Н.			×		З	У правого колена. Нож, 2 поясных кольца, горшок	XII—XIII вв.	»

Продолжение

№ на карте	Место находки	Исследователь	Погребальный обряд					Положение острия с кольцом при погребенном. Наличие футляра. Сопутствующие вещи	Дата	Этническая принадлежность
			Трупоположение							
			сожжение	в насыпи	на материке	в могиле	ориентировка			
60	Семухино, к. 2	Дубынин А. Ф.			×		С	Ниже левого локтя. Поясное кольцо, нож, пряжка железная	XII? в.	Финская?
57	Лев. берег Волги, напротив г. Кинешмы, у дачи Зайковка	Ерофеева Е. Н.				×	СЗ	Справа у таза. Топор, нож, огниво овальное	XII в.	Финская
55	Татаринова, к. 6, гр. 1	Бекаревич Н. М.			×		СЗ	Справа у таза. Топор, браслет, кольцо	XII? в.	»
56	Древнева, к. 1	Бекаревич Н. М.			×		З	У левого локтя. Браслет, подвеска-баранчик, бипирамидальные сердоликовые бусы; проволочные височные кольца	XII в.	Финская?
56	» , к. 6	Нефедов Ф. Д.			×		З	Справа у таза. Нож	?	?
58	Коробова, к. 6	»				×	СЗ	Справа у таза. Огниво, перстни, проволочные височные кольца, пряжки, игольник (?)	XII в.	Финская?
59	Могилища, к. 7	»				×	В	Справа у таза. Нож, топор. Под заливкой	XII в.	»
46	Гостомля	Гатцук С. А.				×	З	Слева у таза. Височные кольца проволочные завязанные, бусы бронзовые, перстень	XII в.	»
65	Беседы, к. 15	Арциховский А. В.			×		З	У левого бедра. Поясное кольцо, нож, пряжка лировидная, горшок	XII в.	Славянская
65	» , к. 20	»			×		З	Под правым бедром. Кольца поясные, нож	XII—XIII вв.	»

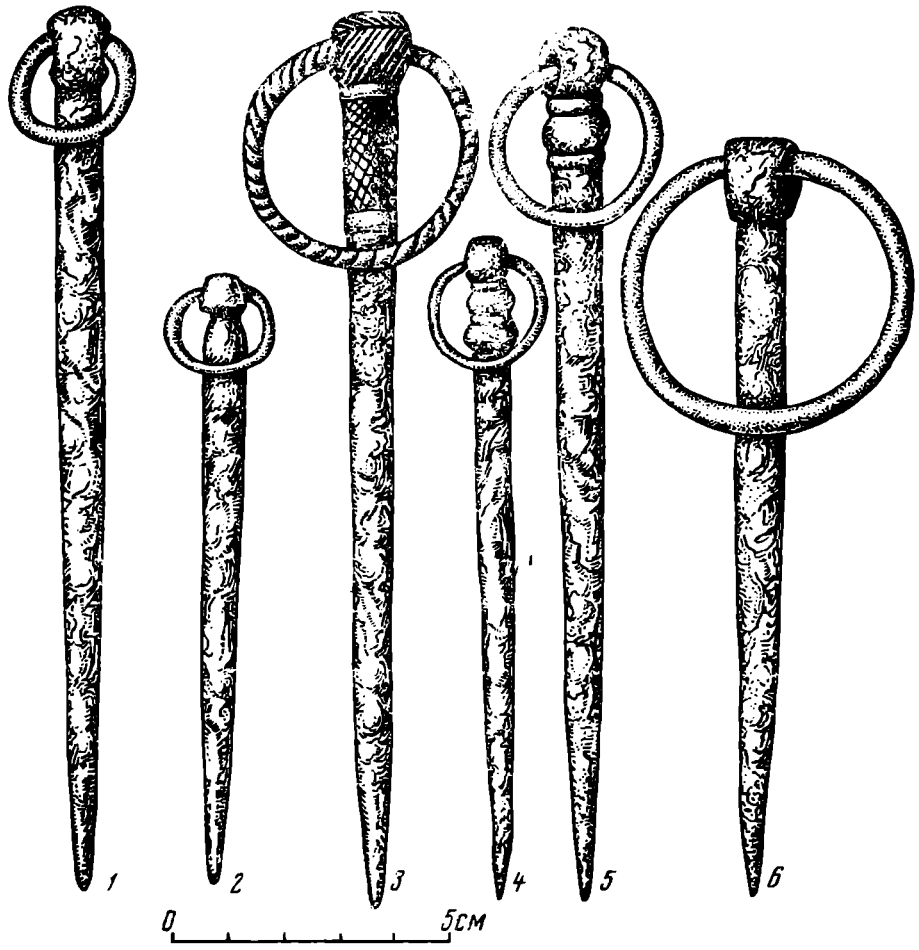


Рис. 2. Железные иглы с кольцами I и II групп

1 — Рождествено; *2* — Билярск; *3* — Сухолжино; *4* — Новгород; *5* — Соонтагана; *6* — Биостанция; *1—5* — иглы I группы; *6* — II группы

городище в Билярске, на городищах Бородинском, Ковшаровском и Осовик на Смоленщине; в Браславе и Друцке. Известно 30 экз. этих игл.

2. Стержень иглы вверху имеет «яблоко» и два рельефных пояска. Острие позолочено (рис. 2, *5*). Известен 1 экземпляр (Соонтагана).

3. Стержень иглы вверху имеет два «яблока», отделенные рельефными поясками. Известно 3 экземпляра. Первый, датирующийся концом X — началом XI в., найден на селище близ Кимр (рис. 3, *1*), второй — в слое XI—XIII вв. Волковыска, третий — в Новгороде XIII в. (рис. 2, *4*). Аналогичный тип железной иглы известен по случайной находке на Готланде.

4. Круглая головка иглы имеет конусовидный, закругленный вверху выступ (1 экз., Степаново, табл. 1, № 40).

5. Головка иглы снабжена четырьмя валикообразными выступами, а верхняя часть стержня украшена пятью сдвоенными рельефными поясками. 1 экземпляр. Найден на поселении у дер. Крестцы и Городок на р. Кать в слое XII—XIII вв.

6. Головка иглы массивная, прямоугольная. Стержень вверху имеет «яблоко». Три таких иглы найдены в культурных слоях XII в. в Смоленске и Старой Рязани (рис. 3, *2*).

7. Головка иглы прямоугольная, с выступом по центру, орнаментирована ямочными вдавливаниями. Стержень вверху имеет «яблоко» (1 экз., Пирово селище, XII—XIII вв.).

8. Массивная головка иглы огранена (1 экз., Новгород, XIII в.; рис. 1, *1*).

9. Головка иглы имеет форму усеченного конуса. Известен 1 экземпляр из Билярска (рис. 2, *2*).

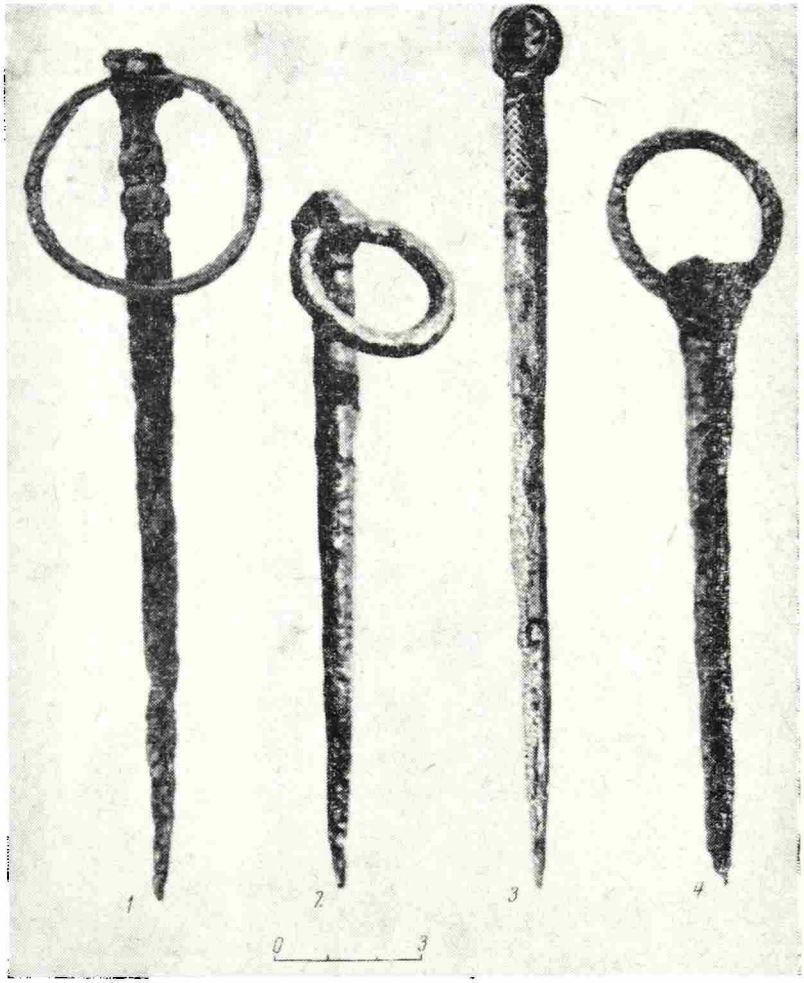


Рис. 3. Железные иглы с кольцами I группы

1 — селище близ Кимр; *2* — Старая Рязань; *3* — Белоозеро; *4* — Браслав

10. Иглы по форме близки к иглам 1 типа; инкрустированы бронзой. Тонкая бронзовая проволока набита по спирали вокруг острия, бронзой украшены также головка иглы и кольцо. Известно всего 9 таких игл. Наиболее ранние найдены в мужских погребениях XI в.: погр. № 70 Барсова Городка на Оби [6], в Калитино и Билярске. Последнее хорошо датируется по боевому топору типа IV (по А. Н. Кирпичникову). Пять игл найдено при раскопках в Новогрудке, Вщиже, Друцке, Смоленске, Пировом городище; их дата — XII в. (1 экз. известен из собрания Леопардова).

11. Иглы по форме повторяют иглы 1 типа; инкрустированы серебром. Тонкой серебряной проволокой украшались головки игл и верхняя часть острия (в елочку и косую клетку). Орнамент подчеркнут рельефными поясками; ниже острия покрыты полудой а в некоторых случаях посеребрены. Кольца бронзовые, диаметром около 4 *см*. Шесть таких игл происходят: из Белоозера (2 экз.) (рис. 3, *3*), Сухолжино (рис. 2, *3*), Новгорода [7] (2 экз.), Лахапере (Эстония), Аллаж (Латвия). Дата их — начало XI—XIII в.

Иглы I группы отличает прекрасное качество металла, благодаря чему они хорошо сохранились. Обращает на себя внимание высокое мастерство отделки, особенно инкрустации серебром по железу. Этот прием

[6] T. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, рис. 141.

[7] В Новгороде в слоях XI—XIV вв. найдено 17 экземпляров железных игл с кольцами, из них 2 инкрустированных. Сообщено Б. А. Колчиным, которому выражаю мою благодарность. Большая часть новгородских находок относится к иглам I группы, но несколько наиболее поздних — ко II группе.

назван Р. Гауссманом образцом «рафинированного» искусства средневековья, применявшегося главным образом в украшении оружия [8]. Так, серебряная набивка по железу наиболее характерна для рукоятей мечей типа H, распространенных на севере Европы в IX—XI вв. [9].

Любопытно, что в могильнике у дер. Харлапова под Дорогобужем (кург. 21, мужское захоронение) найдено подражание железной игле I группы, выполненное из кости (или рога?) [10]. Головка иглы круглая, гладкая. Острие имеет вверху поясок и округлое утолщение: покрыто горизонтальными и спиральными насечками, имитирующими инкрустацию. В головку продето железное кольцо. Игла лежала слева у тазовых костей. По топору, близкому к боевым типа IV, погребение можно отнести к дружинным и датировать XI в.

Иглы II группы — более поздние (конец XI—XIV в.). Их отличает нестандартность размеров, отсутствие орнаментации, в частности инкрустации, упрощенная технология и худшее качество металла. Кольца обычно железные, диаметром от 2 до 5,5 *см*. Такие иглы обнаружены в погребениях смоленских кривичей конца XI—XII в., в погребениях XII—XIII вв. вятичей, в курганах Костромского Поволжья, а также в культурных слоях XII—XIV вв. ряда средневековых поселений: Новогрудка, Асоте, Новгорода, Слободки, Серенска, Болгар, Рождественно, Друцка, Мстиславля, Рославля (рис. 1, *2, 4*). Если ранние экземпляры железных игл I группы были, очевидно, импортом из Скандинавии, то в XI—XII вв. они производились уже местными мастерами. Иглы II группы несомненно местного производства.

Картография находок показывает, что в X—XI вв. районами концентрации железных игл с кольцами являлась Восточная Прибалтика, юго-восточное Приладожье, Белозерье и Верхнее Поволжье (рис. 4). Характерно их распространение по водным путям — Западной Двине, Днепру [11], Шексне, Волге, которыми пользовались скандинавские викинги и торговцы. Самой восточной является находка из Барсова Городка на Оби. Сюда она могла попасть по торговым путям, проходившим через территорию веси.

Почти все железные иглы с кольцами из погребений IX—XI вв. были принадлежностью мужских захоронений, которые можно считать дружинными (норманнскими, финскими, славянскими и балтскими).

В Восточной Прибалтике, Белозерье и Верхнем Поволжье железные иглы с кольцами из дружинной среды рано перешли в быт местного населения. Об этом свидетельствует их появление в женских погребениях (табл. 1, № 49, 50). Они продолжали употребляться и в XII—XIII вв. В Костромских курганах этого времени иглы с кольцами встречаются в мужских и женских крестьянских погребениях (табл. 1, № 55, 56, 58—59).

В курганах смоленских кривичей у дер. Харлапова железные иглы найдены в пяти случаях: четыре иглы в мужских и одна в женском погребениях (кург. 2, 5, 19, 49, 64). Они находились у левого бедра погребенного.

В вятичских курганах Подмосковья железные острия с кольцами найдены не менее восьми раз (шесть в мужских захоронениях и одно в женском). В пяти случаях известно их расположение у правого или левого бедра костяка.

[8] РК, стр. 72.

[9] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. 1. САИ. Е1-36, М., 1966, стр. 27.

[10] Е. А. Шмидт. Курганы X—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области. 2. Смоленск, 1957, рис. XVIII, *1*; XIX, *4*.

[11] В кург. № 4 Шестовицкого могильника в захоронении по обряду сожжения найден предмет, названный железной булавкой. Возможно, это обломанная игла с кольцом. См.: Я. В. Станкевич. Шестовицкие поселения и могильник, по материалам раскопок 1946 г. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 22, рис. 6, *а*.

Рис. 4. Железные иглы с кольцами

1 — р-н Деммина; *2* — р-н Колобжега; *3* — Шецин; *4* — Нова Весь Вроцловска; *5* — Ополе; *6* — Познань; *7, 8* — Повет Сьрода; *9* — Тум; *10* — р-н Гродиска Мазовецкого; *11* — Коньске; *12, 13* — р-н Сандомежа; *14* — Краков; *15* — Гданьск; *16* — Бжесьц Куявски; *17* — Орцимовичи; *18* — Мартыньсала; *19* — Даугмале; *20* — Аллаж; *21* — Кокнесе; *22* — Асоте; *23* — Грейвули; *24* — Браслав; *25* — Друцк; *26* — Паюма; *27* — Соонтагана; *28* — Мади; *29* — Лахопера; *30* — Пайнурме; *31* — Залахтовье; *32* — Паниковичи; *33* — Калитино; *34* — Новгород; *35* — Балдино; *36* — Усть-Рыбежна; *37* — между Карлухой и Каменкой; *38* — Субочиничи; *39* — Подъяндебское; *40* — Степаново; *41* — Белоозеро; *42* — Крестцы; *43* — Сухолжино; *44* — Николо-Рожок; *45* — Сазонова; *46* — Гостомля; *47* — Дуденева; *48* — Савинские Горки; *49* — Загорье; *50* — Устье; *51* — Кимры; *52* — Золоторучье; *53* — Михайловское; *54* — Васильевское; *55* — Татаринова; *56* — Древнева; *57* — напротив Кинешмы; *58* — Коробова; *59* — Могилища; *60* — Семухино; *61* — Пирово городище; *62* — Старая Рязань; *63* — Апоничищи; *64* — Криушинское; *65* — Беседы; *66* — Попова Гора; *67* — Волково; *68* — Биостанция; *69* — Битягово; *70* — Рутка; *71* — Рождественно; *72* — Болгары; *73* — Билярск; *74* — Кузнечиха; *75* — Слобода; *76* — Новоселки; *77* — Харманово; *78* — Бородинское городище; *79* — Мстиславль; *80* — Черкасова; *81* — Серенск; *82* — Слободка; *83* — Вщиж; *84* — Гочево; *85* — Изяславль; *86* — Новогрудок; *87* — Смоленск; *88* — Осовик; *89* — р-н Браслава; *90* — Готланд; *91* — Бирка; *92* — Ковшаровское городище; *93* — Кушлянщина; *94* — Волковыск; *95* — Рославль

По изданиям почти неизвестны находки железных игл с кольцами с Киевщины. Небольшое собрание имеется в Киевском Историческом музее. По словам М. К. Каргера, несколько железных игл с кольцами найдено им при раскопках городища Изяславль XIII в.

Каково же происхождение и назначение железных игл с кольцами? Ближайшими аналогиями им являются ringnadel — кольцевидные фибулы (булавки?) с длинными иглами, широко распространенные в Швеции в эпоху викингов. По торговым путям они были занесены в Норвегию,

Финляндию, Восточную Прибалтику. На территории древней Руси ареалы ringnadel и железных игл с кольцами для X—XI вв. в основном совпадают.

Типологию ringnadel предложил Я. Петерсен [12]. К железным иглам с кольцами наиболее близок тип 237 его классификации. Т. Арне и Н. Арбман не проводили различия между ringnadel и железными иглами с кольцами. В. С. Дедюхина также включила последние в сводку кольцевидных фибул с длинными иглами скандинавского типа [13]. Однако А. М. Тальгрен и Х. Салонен не отождествляли железные иглы с кольцами с кольцевидными фибулами и отмечали, что назначение их остается непонятным [14].

Кольцевидные фибулы с длинными иглами являлись принадлежностью скандинавского мужского костюма. Ими закалывали плащ, обычно на правом плече. Иглы фибул (бронзовые, серебряные, редко железные), скрывавшиеся в складках ткани, часто уплощены и, как правило, не орнаментированы. Дуга же фибулы, служившая украшением, сплошь и рядом представляла собой шедевр ювелирного искусства. Она отливалась из бронзы или серебра и покрывалась позолотой. Иногда дуга делалась разомкнутой и орнамент симметрично располагался на ее расширенных и разведенных концах. В отличие от ringnadel, у железных игл украшены не кольца, а острия. Кольца же обычно простые и всегда замкнутые. По-видимому, это объясняется различием в функциональном назначении этих предметов.

Я. Жак предполагает, что железные иглы Польши ведут происхождение от бронзовых игл с кольцами, широко известных в Скандинавии и Северной Европе IX—X вв. Они найдны на Готланде, Хэдебю, Одензе, в Бергене и других местах Норвегии, в Бирке. В Польше бронзовые иглы (2 экз.) появляются раньше железных. Они датируются IX—XI вв. Как бронзовые, так и наиболее ранние экземпляры железных игл Польши Я. Жак считает импортом из Сквандинавии. На территории СССР бронзовые иглы с кольцами также, по-видимому, предшествуют железным. Это подтверждает находка бронзовой иглы с кольцом в мужском погребении у пос. Новоселки под Смоленском [15]. Курган — четырехугольный, скандинавского типа, с трупосожжением. Дата — IX в. Вторая бронзовая игла (без кольца) найдена А. Н. Лявданским на селище близ Гнездова [16]. облюмок бронзовой иглы обнаружен и на Белоозере в горизонте X в. Бронзовая игла известна также по сборам И. П. Авенариуса в Дрогичине [17].

По сведениям Я. Жака, в десяти случаях железные иглы найдены в мужских погребениях, слева и справа от тазовых костей.

Судя по обширному материалу, собранному на территории СССР, в 45 случаях железные иглы с кольцами также занимали определенное место в погребении: у таза, слева или справа [18].

---

[12] I. Petersen. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

[13] В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 203—206.

[14] A. M. Tallgren. Collection Saoussailov au musee National de Finnlande a Helsingfors. Helsingfors, 1918, стр. 37; его же. Fornaker fran Olonets på Historiska Musseet i Helsingfors. Helsingfors, 1916, стр. 23; его же. Zur Archäologie Eestis. II. Dorpat, 1925; H. Salonen. Gräberfunde aus dem Ladogagebiete. ESA, IV, 1929, стр. 253.

[15] А. Н. Лявданскі. Археологічныя доследы у вадазборах р. Сажа, Дняпра і Каспли у Смоленской губэрніі. Працы, II, Менск, 1930, табл. IX, *6*.

[16] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского гос. университета. III, 3, Смоленск, 1926, рис. 4, 8.

[17] И. П. Авенариус. Дрогичин надбужский и его древности. Древности Северо-Западного края. I, 1, СПб., 1890, рис. 6.

[18] В Бирке. по наблюдениям проф. Линдквиста, не различавшего железные иглы с кольцами от кольцевидных фибул, часть последних также была найдена у таза, правого бедра, колена и даже у ног погребенных. Проф. Линдквист объяснял это необычное положение фибул необходимостью застегивать плащ у пояса (A. Geijer. Die Textilfunde aus den Graben. Birka, III, стр. 143).

Рис. 5. Изображение железных игл в сцене пира на ковре королевы Матильды (Нормандия, XI в.)

Иногда в замкнутое кольцо железных игл были продеты дополнительные колечки, соединенные с поясным ремнем. Это свидетельствует о том, что иглы привешивались к поясу. Об этом сообщает и А. М. Тальгрен [19]. Кроме того, есть ряд указаний, что иглы подвешивались к поясу в футлярах — деревянных, кожаных, железных [20]. Находки футляров позволяют решительно отвергнуть отождествление железных игл с фибулами или булавками. Они не могли служить частью костюма, а имели другое назначение, столь же утилитарное, как нож или огниво, рядом с которыми их носили на поясе.

Я. Жак предположил, что эти предметы употреблялись в качестве своеобразных вилок, с чем нельзя не согласиться. Такие «вилки» были особенно удобны в условиях походной или охотничьей жизни, поэтому они и сопутствовали первоначально только мужским захоронениям. В домашних условиях иглы-вилки могли употребляться без колец для подвешивания. В этой связи любопытна сцена пиршества на знаменитом ковре королевы Матильды (XI в.). «Министр» оделяет пирующих тушками птиц и кусками мяса, насаженными на длинные тонкие иглы (рис. 5).

ПРИЛОЖЕНИЕ К РИС. 4.

1 — Die Slawen in Deutschland... рис. 113, *d*; *2—17* — Jan Zak. Ук. соч.; *18, 19* — сообщено В. А. Уртаном; *20* — RK, рис. 28, *6*; *21* — сообщено В. А. Уртаном; *22* — Э. Д. Шнорре. Асотское городище. Рига, 1961, рис. XIII, *22, 34*; *23* — сообщено В. А. Уртаном; *24* — Л. В. Алексеев. Раскопки древнего Браслава. КСИА АН СССР, 81, 1960, рис. 46, *24*; *25* — раскопки Л. В. Алексеева в 1958, 1959, 1961, 1962 гг.; *26* — Институт истории АН ЭстССР, № 593: 1; *27* — RK, рис. 28, *5*; *28* — Институт истории АН ЭстССР, № 2590: 704; 2245; *29* — A. M. Tallgren. Zur archäologie Eestis..., рис. 167; *30* — Гос. Истор. музей ЭстССР, № 117: 13; *31* — К. Д. Трофимов. Раскопки курганов при дер. Залахтовье — Кувшиново, С.-Петербургской губ. Гдовского уезда. М., 1909, стр. 2, 8; *32* — А. В. Тищенко. Раскопки близ Паниковичей Псковского уезда. ИАК, 53, СПб., 1914, рис. 3, стр. 26; *33* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20, 1896, рис. XVII, *24*; *34* — Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959 стр. 106, рис. 94; *35* — Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, 18, 1895 стр. 163; *36* — С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2029, стр. 157 (альбом, рис. 26, *3*); *37* — В. И. Равдоникас. Памятники возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. ИГАИМК, 94, 1934, стр. 21; *38* — H. Salonen. Gräberfunde aus dem Ladogagebiete, стр. 233; *39* — A. Tallgren. Fornseker från lonets på Historiske Museet i Helsingfors..., рис. 7; *40* — А. В. Никитин. Археологический отчет о раскопках 1967 г. в Вологодской обл. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3530, стр. 28 (альбом, рис. 31, *34*); *41* — Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера (1959—1960 гг.). КСИА АН СССР, 96, 1963, рис. 19; раскопки Белоозера в 1965 г., № 46; *42* — А. В. Никитин. Археологический отчет о раскопках 1965 г. у дер. Крестцы и дер. Плоское. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3143 (альбом, рис. 10, *1*); *43* — Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. Тр. ГИМ, 40, М., 1966 стр. 133, рис. 3, *2*; *44* — А. В. Успенская. Городища XI—XIII вв. на юге Новгородской земли. Сб. «Экспедиции Гос. Исторического музея». М., 1969, рис. 3, *4*; *45* — Тверской музей и его приобретения в 1893 г. Тверь, 1894, № 7117; *46* — С. А. Гатцук. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. ИАК, 6, СПб., 1904, стр. 40; *47* — А. А. Спицын. Раскопки близ дер. Дуденевой Тверского уезда. ИАК, 6, стр. 9; *48* — Тверской музей и его приобретения в 1898—1901 гг. Тверь, 1903, № 9976; *49* — Ю. Г. Гендуне. Отчет о раскопках 1906 г. в Загорье. ЛОИА, ф. 1, № 30/1906, к. 24; *50* — Ю. Г. Гендуне. Отчет в ИАК о раскопках 1907 г. ЛОИА, ф. 1, № 67, к. 1 и 2; Эрмитаж, ОИПК, секция С-3, инв. 673; *51* — М. В. Фехнер. Отчет об археологических работах в 1967 г. в Калининской обл. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3566 (альбом, рис. 16); *52* — М. В. Фехнер. Селища Ярославского Поволжья X—XIII вв. Краевед. зап. Ярослав. краевед. музея. II, Ярославль, 1957, рис. 3, *8*; *53* — Н. Г. Недошивина. Михайловский могильник. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, рис. 16, *1*; *54—56* — Дневник раскопок курганов, произведенных членами комиссии в 1895—1899 гг. под руководством Н. М. Бекаревича. «Костромская старина», 5, Кострома, 1901, стр. 309, 341, 390, 391; *57* — Е. Н. Ерофеева. Отчет о раскопках, производившихся в Кинешемском р-не Ивановской обл. в 1951 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 542; *58* — Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, про-

[19] A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, стр. 132.

[20] В мужском погребении второй половины XI в. в Орцимовичах (Польша) железная игла была заключена в бронзовый футляр.

изведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, III, 1899, стр. 204; *59* — там же, стр. 220; *60* — А. Ф. Дубынин. Отчет о раскопках курганов в Семухино в 1935 г. Архив ЛОИА, № 88/1935; *61* — сообщено М. В. Седовой; *62* — А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955. рис. 140; раскопки А. Монгайта в 1966 г.; *63* — П. И. Милюков. Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 г. Тр. X АС. 1, М., 1899, стр. 24, рис. 8; Е. Н. Дмитриевская. Отчет о раскопках курганов в 1925 г. Архив ЛОИА, № 208/1925; *64* — собр. Рязанского музея; *65* — А. В. Арциховский. Отчет о раскопках в с. Беседах в 1946 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 74; *66* — ГИМ, инв. № 69663, опись 207; *67* — Г. А. Авдусина. Три курганные группы у Звенигорода. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 287; *68* — там же, стр. 289; *69* — А. А. Юшко. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции в 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3707, стр. 32; Р. Л. Розенфельдт. Отчет об археологических раскопках в р-не с. Битягово Подольского р-на Моск. обл. в 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3979, кург. 20; *70* — Г. А. Архипов, В. В. Никитин. Отчет о раскопках на Руткинском археологическом комплексе летом 1969 г. Погр. № 3. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3107, стр. 212, рис. X, *15*; *71—74* — A. Tallgren. Collection Zaousailov au Musee Historique de Finnland, стр. 37, рис. 16—22; *75* — А. С. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, VIII, 1, 1906 (с. Слобода, кург. 46, 60, 69); *76* — Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. 3, Смоленск, 1963, рис. 15, *18*; его же. Отчет о раскопках и разведках, произведенных на территории Смоленской области в 1954 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 940, кург. 4; *77* — Е. А. Шмидт. Курганы X—XIII вв. у дер. Харлапова..., стр. 198; *78* — В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 92, 1960, рис. 60, *8*; *79* — Л. В. Алексеев. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2396а (альбом, рис. 7); *80* — А. Н. Лявданскі. Курганны магільнік коля В. Черкасова Аршанское акругі. Працы, II, к. 3 (70), стр. 62; *81* — Т. Н. Никольская. О некоторых летописных городах земли вятичей. КСИА АН СССР, 129, 1971, рис. 3, *12*; *82* — сообщено Т. Н. Никольской; *83* — раскопки Б. А. Рыбакова в 1949 г.; *84* — Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского у-да Курской губ. М., 1915, стр. 10; его же. Атлас гочевских древностей. М., 1915, рис. X, *4*; *85* — сообщено М. К. Каргером; *86* — Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, 1, рис. 6, *1*; ее же. Отчет о работе Новогрудской экспедиции в 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3187, рис. 50, *51*; ее же. Отчеты о раскопках за 1959 г. Архив ИА АН СССР, № 2068 и за 1962 г. (Архив ИА АН СССР, № 2834, рис. 43, *2*); *87* — Д. А. Авдусин. Отчет о работах Смоленской экспедиции в 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3985 (альбом, рис. 57); *88* — А. Н. Лявданскі. Археалагічны досьледы ў Смоленшчыне. Працы сэкцыі археолегіі, III, Менск, 1932, рис. XII, *9*; *89* — Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, 1, М., 1895, стр. 178; *90* — Oskar Almgren. Die altere Eisenzeit Gottlands. 1, Stockholm, 1914, рис. 24; *91* — H. Arbman. Birka. I. Die Gräber. Uppsala, 1940, табл. 45, *2*, *5*; *92* — А. Н. Лавданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии..., рис. X, *29*, *30*; *93* — там же, кург. 3; *94* — Я. Г. Зверуго. Некоторые итоги раскопок Волковыска. Древности Белоруссии. Минск, 1926, рис. 1, *14*; *95* — сообщено Л. В. Алексеевым.

L. A. Goloubéva

LA DESTINATION DES AIGUILLES DE FER A ANNEAU

Résumé

Les aiguilles de fer à anneau sont communes à la fin des premiers siècles du IIe millénaire de notre ère à Birk, sur l'île de Gotland et en Pologne. Le plus grand nombre de ces trouvailles sont découvertes sur le territoire de l'Union Soviétique (dans 78 points il y a eu près de 150 spécimens). Les plus anciens exemplaires sont trouvés dans les tumuli scandinaves aux cadavres incinérés datant de la fin des IX—X[es] siècles dans la régions de Smolensk et dans celles attenant au lac de Ladoga. Presque toutes les trouvailles des aiguilles de fer à anneau rattachées aux X—XIes siècles proviennent des sépultures d'hommes, lesquelles peuvent être considérées comme celles des combattants normands, finnois, slaves ou baltes faisant partie de droujines. Pour la plupart des cas ces sépultures se localisent le long des voies fluviales que les Vikings scandinaves préféraient aux IX—X[es] siècles, notamment des fleuves de Dvina occidentale, Dniéper, Cheksna et Volga. Plusieurs aiguilles sont ornementées de fils de bronze et d'argent. Dans les sépultures elles étaient disposées près des os anonymes des morts. Ces aiguilles, on les prenait pour des fibules, alênes, outils d'écriture et d'autres. Ya. Zak, archéologue polonais, a supposé que ce ne sont que les fourchettes utilisées au temps de campagne, ce qui est le plus probable. Aux XI—XIIIes siècles, en Pologne et sur le territoire de la Russie, existait leur production locale.

Публикации

В. Ф. ПЕТРУНЬ

ЖЕЛЕЗИСТО-КРЕМНИСТЫЕ ПОРОДЫ КОР ВЫВЕТРИВАНИЯ В ПЕРВОБЫТНОЙ ТЕХНИКЕ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮГА СССР [1]

Своеобразной особенностью материала ряда подъемных археологических коллекций эпохи камня из степного Казахстана является специфическая «разнопородность», уже давно отмечавшаяся как археологами, так и геологами [2]. Причин подобному явлению много. В одних случаях оно объясняется литолого-петрографической неоднородностью и разноокрашенностью исходного сырья даже в незначительных естественных выходах и обнажениях, в других — сознательным использованием различных по своим технологическим свойствам материалов (из которых одни, например, позволяли получать грубые рубящие орудия, тогда как другие шли на изготовление вкладышей), в третьих — целеустремленными, хоть и не всегда удачными поисками заменителей почему-либо ставшего недоступным традиционного сырья, в четвертых — вторичными процессами гипергенного изменения, зачастую маскирующими природную фактуру камня (белая или серая, розовая и красная патины на поверхности изделий и т. п.).

Подобная петрографическая «разнотипность» материала, дополненная пестротой естественной окраски, безразлично, первичной или вторичной по происхождению, на первый взгляд создает почти непреодолимые трудности при попытках идентификационного сопоставления камня конкретных коллекций и «материнских» месторождений соотвествующего сырья. Так, например, для многих орудий подъемных сборов из Центрального Казахстана настолько типичны почти безграничные вариации серых, желтовато-коричневых или розовато-красных окрасок, что это может заставить усомниться в общности происхождения даже заведомо отднотипного сырья.

В подобных условиях попытки хотя бы предварительного выделения среди буроокрашенных кремнистых пород самостоятельных генетических типов не могут считаться преждевременными, а опыт петрографического решения подобной проблемы представляет известный интерес, как это будет показано, не только для памятников Казахстана, но и всей степной зоны юга СССР.

Летом 1962 г. на западной околице поселка Атансорской геолого-разведочной партии (Экбекшильдерский р-н Кокчетавской обл.) с площадки в несколько гектаров автором с помощью студента В. П. Шевченко была собрана коллекция обработанного кремня неолитическо-энеолити-

---

[1] Текст доклада на секции камня юбилейного пленума ИА АН СССР 22 апреля 1969 г.

[2] А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. БКИЧПЕ, 15, 1950, стр. 64 и др.; В. Ф. Петрунь. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1, 1956, стр. 178.

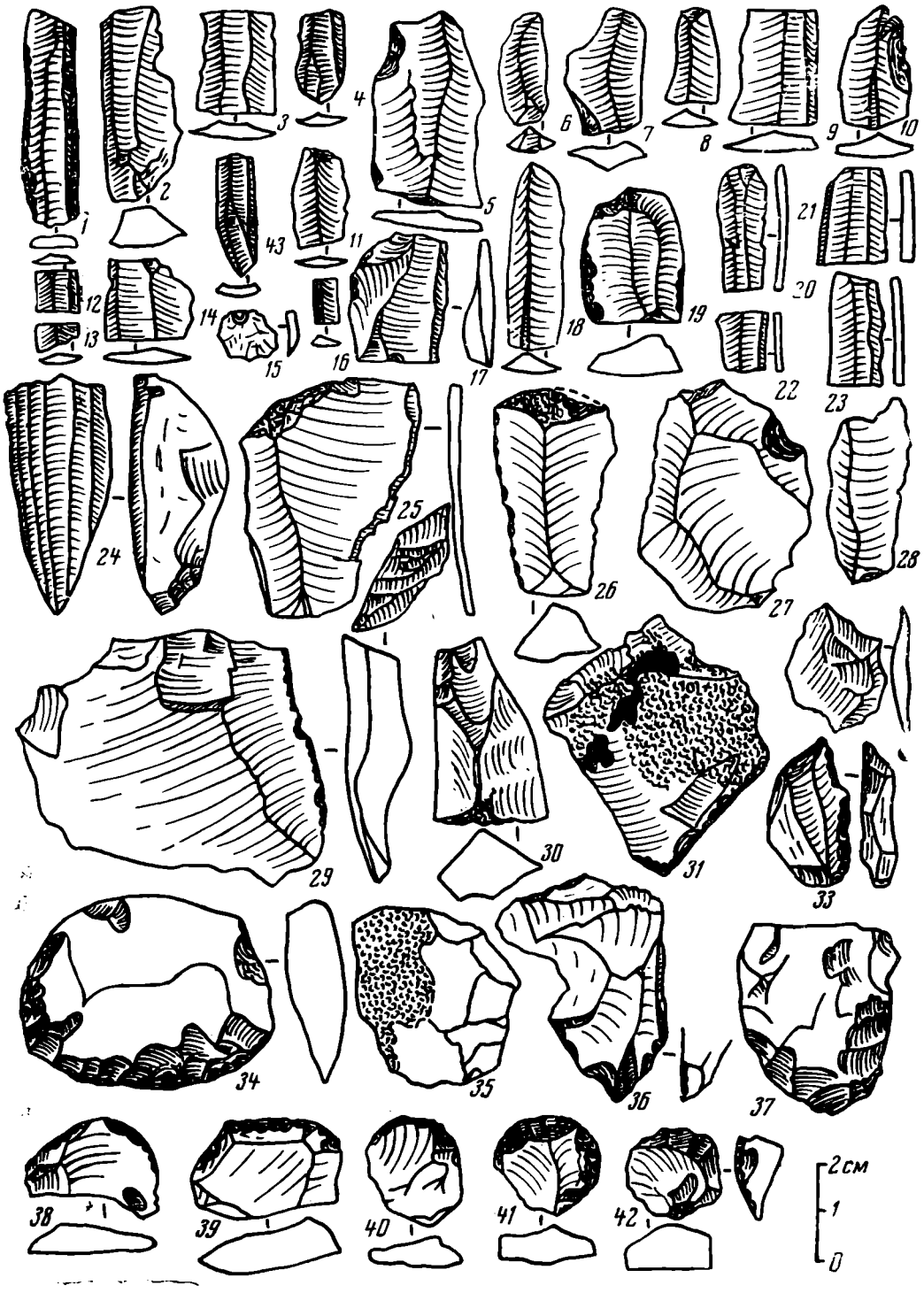


Рис. 1. Каменные орудия и отщепы местонахождений Атансор 1 и 2

ческого облика (рис. 1). Около 150 законченных орудий и обломков, а то и просто кусков расщепленного камня было подобрано с полотна грунтовой дороги, с поверхности маломощного (5—10) *см*) дерново-почвенного покрова или там, где последний был разрушен, непосредственно со скальных выходов разнообразных пород, слагающих волнистую равнину и редкий мелкосопочник на южном борту котловины соленого озера Атансор, по имени которого были названы поселок и железорудное месторождение[3]. Культурный слой на этой стоянке (мы назвали ее Атансор-1) не обнаружен, не было встречено ни керамики, ни металла, ни костных ос-

[3] Сб. «Железорудные месторождения Центрального Казахстана и пути их использования», 1960, стр. 231 сл.

татков. Тем не менее описываемое местонахождение представляет несомненный интерес не только как ранее неизвестный [4] памятник с достаточно выразительным набором орудий [5], но также как объект результативного археолого-петрографического анализа в том понимании, которое вкладывает в этот термин автор [6]. Материалом для изготовления изделий послужили различные породы.

1. Яшмы серые, нередко зеленовато-голубоватые, с тонкослоистой текстурой, почти не просвечивающие в самых тонких сколах, типа так называемых «приборных» яшм (рис. 1, *34*, *41*, *42*), различающиеся, впрочем, под микроскопом по составу — в одних случаях существенно по халцедоновому (рис. 1, *34*, *42*), в других — по кварцевому (роговиковая яшма), всегда, правда, с примесью глинистого вещества (рис. 1, *41*).

2. Олигофировые и афировые эффузивы типа порфиритов и альбитофиров черных, фиолетовых и серых окрасок (рис. 1, *35*).

3. Кремни темно-серые, фиолетово-серые до черных, неяснополосчатые (рис. 1, *37*), с прожилками вторичного мелкозернистого кварца и микрофауной типа замещенных халцедоном раковинок радиолярий и фораминифер или члеников криноидей. Вместе с реликтами стилолитовых швов это позволяет считать подобный материал происходящим из каких-то карбонатных толщ палеозойского (?) возраста.

4. Яшмовидные пестрые (светло-серые, телесные, розовые, однородные или полосчатые, но в свежем изломе преимущественно сургучно-красные) породы с характерным блеском и плоско-раковистым изломом, практически не просвечивающие даже в тонких осколках, обычно применявшиеся для изготовления ножевидных пластин (рис. 1, *1*, *14*, *17*, *4*). Состав преимущественно халцедоновый: для более точной диагностики изучения только в шлифе недостаточно.

5. Халцедонолиты сердоликоподобные, ярко-красные или желтовато-бурые, обладающие хорошей просвечиваемостью и обнаруживающие под микроскопом халцедоновый состав и однородные структуры (с преобладанием неделимых с облачным погасанием по 0,003—0,005 и 0,01—0,03 *мм* в поперечнике) с постоянной примесью тонкодисперсных гидроокислов и окислов железа (рис. 1, *6*, *16*, *43*).

6. Кварцитовидные песчаники, от светло-серых (рис. 1, *15*) до желтых, коричневых, красных (рис. 1, *3*, *12*, *18*, *21*, *24*, *25*), с шероховатым или плоско-раковистым изломом. Цемент соприкосновения или поровый, регенерационный, в одних случаях кварцевый, в других — халцедоновый (рис. 1, *25*) в третьих — опаловый (рис. 1, *24*). Судя по величине показателя преломления, опал содержит до 7% воды.

7. Железисто-кремнистые породы ржаво-коричневые, не просвечивающие даже в тонких сколах, с прожилками несколько иной пигментации,

---

[4] Сб. «Археологическая карта Казахстана (реестр памятников и альбом карт)», 1960, л. 11. Озеро Атансор на этом листе неправильно названо Алтайсором.

[5] Среди орудий преобладают ножевидные пластинки и их сечения (рис. 1, *1—7*, *9*, *16—18*, *20—23*, *43*), в том числе с односторонней притупляющей (микролитический вкладыш, рис. 1, *16*) и двусторонней притупляющей и приостряющей (рис. 1, *1*) ретушью, небольшие «кельтеминароидные» скребки на отщепах (рис. 1, *38—41*) или поперечном сколе с нуклеуса (рис. 1, *42*), нуклеусы (рис. 1, *24*) и нуклевидные обломки, иногда превращенные в орудия типа проверток — проколок (рис. 1, *35*), отщепы с ретушью или без нее (рис. 1, *25*, *27*, *35*, *37*). Типологически коллекция в целом довольно однородная, хотя единичное скребло из зеленовато-серой «приборной» яшмы имеет характерный мустьерский облик (вплоть до ретуши с «заломами»), совершенно не будучи при этом, правда, патинизировано. Кстати, патинизация вообще малотипична для описываемых изделий и отчетливо зависит от минералого-петрографического состава изделий: так, «кружевная» белая патина развивается только по опаловому цементу кварцитовидного песчаника (рис. 1, *24*), но почти неизвестна на других породах.

[6] В. Ф. Петрунь. Значение геолого-археологических признаков становления ионосферы Земли. Материалы к совещанию «Общие закономерности геологических явлений», 1, Л., ВСЕГЕИ, 1965, стр. 26.

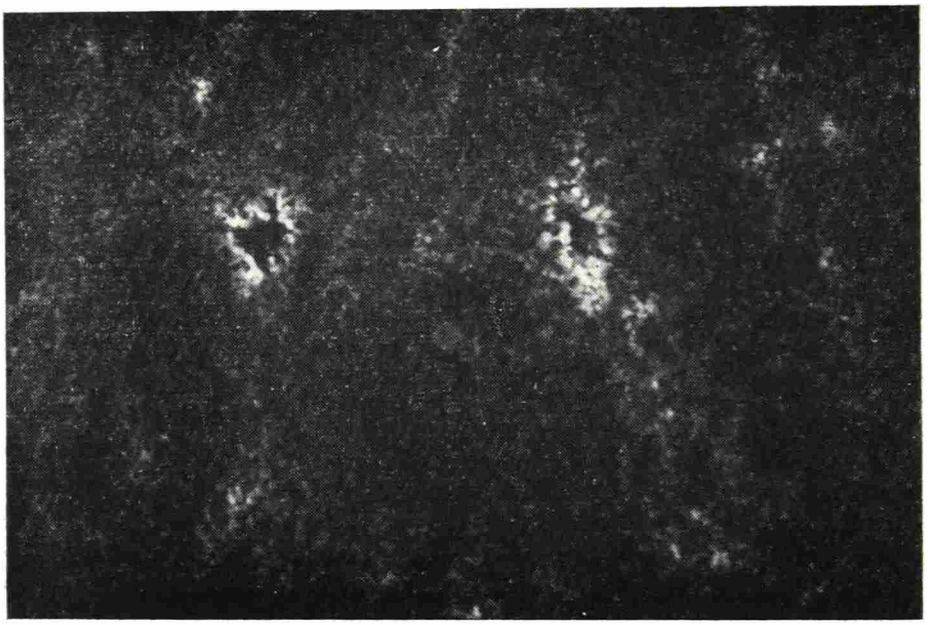


Рис. 2. Мелкозернистый кварц (белое) в окремненной милонитизированной породе. Прозрачный шлиф. Николи скрещены. × 10

иногда с реликтами различимой даже невооруженным глазом микробрекчиевой структуры. Нередко отщепы такой породы, в общем резко отличной по облику от остальных осадочных или вулканогенных пород коллекции, несут остатки специфической кавернозной корки. Слабо пахнущие глиной, отщепы этого материала (рис. 1, *7*, *26*, *27*, *30*, *39*, *38*) часто покрываются наростами лишайников.

Под микроскопом подобная порода выявляет реликтово-брекчиевую и особенно натечно-колломорфную и прожилковую микротекстуры с весьма обычной инкрустацией микротрещин и пор зернистым кварцем (рис. 2). Обломки исходных пород обычно интенсивно лимонитизированы и халцедонизированы, так что их первоначальная природа остается невыясненной (рис. 3). В других случаях пигментирующее лимонисто-глинистое вещество равномерно прокрашивает прозрачный в шлифе инфильтраци-

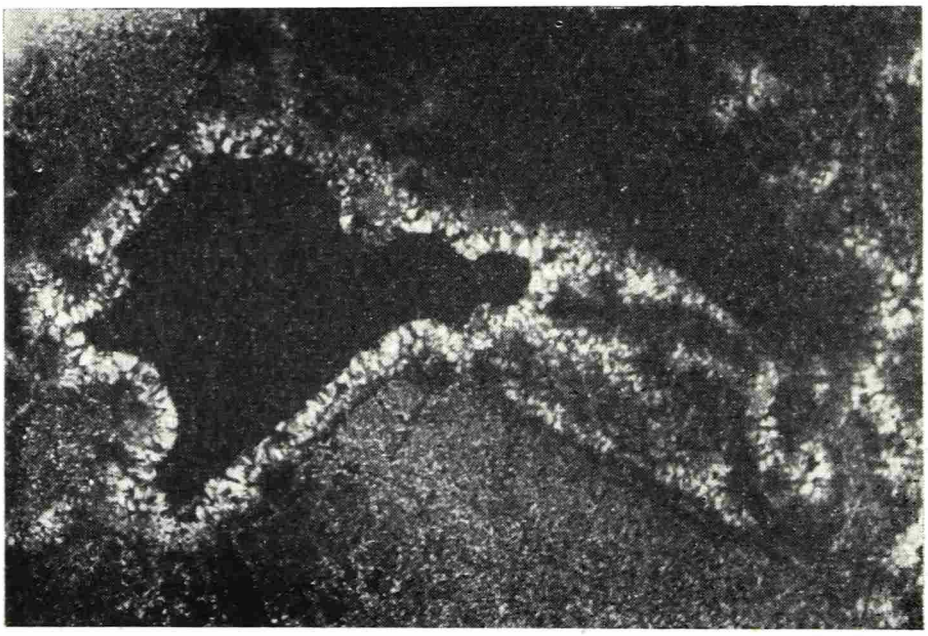


Рис. 3. Инкрустация халцедоном пор в железисто-кремнистой породе. Прозрачный шлиф. Николи скрещены. × 10

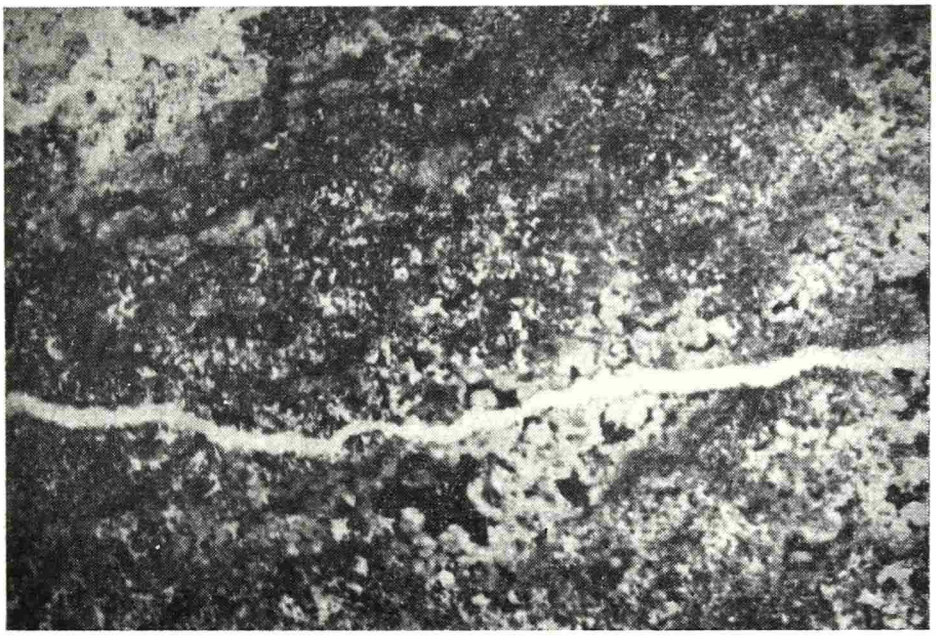


Рис. 4. Железисто-кремнистая порода с натечными микротекстурами и бесцветным халцедоновым прожилком. Прозрачный шлиф. Николи скрещены. × 10

ошный халцедоновый субстрат или же, вытесняясь в интерстиции между растущими индивидами SiO_2, подчеркивает общую натечность агрегата (рис. 4). Весьма обычны признаки натечно-колломорфного происхождения и в тонких халцедоновых прожилках, во всех направлениях, рассекающих основной субстрат породы. Толщина таких прожилков варьирует от тысячных долей до 1—2 *мм;* прозрачность меняется часто в пределах одного поля зрения, а форма изменяется от неправильной, «рваной», зигзагообразной (в общем обычной и для других кремнистых пород) до волосной (в сечении шлифа), прямо- или криволинейной, как у трещин синерезиса, что не оставляет сомнений в инфильтрационной природе подобных образований. Халцедон и обломков, и прожилков представлен параллельно-волокнистым или сферолитовым (обычно с концентрически-зональным распределением микровключений) агрегатом, на котором нарастают по-разному ориентированные зерна бесцветного кварца в общем по той же схеме, которая описана в минералогической литературе [7].

Поиски возможных выходов подобного сырья в окрестностях озера Атансор позволили не только обнаружить последние, но также уяснить себе своеобразную геологическую позицию обнажения и попутно установить место добычи и первичной обработки этого материала по встреченным на выходах орудиям и отходам производства (рис. 1, *8*, *28*, *29*, *31*, *36*). Это местонахождение (Атансор-2) располагается в 2 *км* к востоку от первого, в 1 *км* к югу от береговой кромки, на полого поднимающемся к водоразделу склоне озерной котловины, метров на 25 выше современного уровня воды (в районе шурфов 233—239, т. е. в пределах рудного поля скарнового месторождения Атансор). Рудное поле сложено различными осадочными, метасоматическими и вулканогенными породами, довольно часто разбитыми тектоническими нарушениями и зонами дробления [8], а с поверхности перекрыто маломощной плащеобразной корой выветривания докайнозойского возраста, сформировавшейся в процессе перераспределения и вертикальной миграции части вещества исходных пород под воз-

[7] Д. П. Григорьев. Онтогения минералов. Львов, 1961, стр. 27.

[8] Сб. «Железорудные месторождения Центрального Казахстана...», стр. 232—236, 340—341.

действием поверхностных, метеорных и грунтовых вод [9]. Там, где плащеобразная кора выветривания увеличивает свою мощность за счет превращения в линейный подтип коры, главным образом вдоль ослабленных направлений тектонического дробления, в ней особенно отчетливо проявляются зоны окремнения. Круто падающий блок подобных гипергенно силицифицированных пород из зоны дробления порфиритов на южном берегу озера, отпрепарированный плейстоценовой эрозией, и привлек к себе внимание первобытных жителей этого района, которые использовали это сырье в качестве заменителя более качественных халцедонолитов, отсутствовавших в ближайших окрестностях.

Таким образом, окремненные милонитизированные [10] породы района озера Атансор (почти нацело состоящие из вторичных минералов нескольких генераций, что отчетливо прослеживается в шлифах, где более длинноволокнистый халцедон инкрустирует пустотки между силицифицированными обломками исходного субстрата, рис. 3), несмотря на известную неоднородность, все-таки использовались для изготовления и атипичных скребловидных орудий (рис. 1, *31*), и проверток-проколок (рис. 1, *36*), и даже ножевидных пластинок (рис. 1, *8*, *28*). Вместе с тем четкие макро- и особенно микроскопические признаки позволяют достаточно уверенно различать нормальные осадочно-диагенетические кремни и яшмы и описываемые остаточно-инфильтрационные породы, применявшиеся, по-видимому, в первобытной технике чаще, чем мы это себе сейчас представляем. Во всяком случае, материал этот (с временным сопротивлением одноосному сжатию порядка 3000—4500 *кг/см*^{2}) почти не уступает, а кое в чем, пожалуй (судя по литературным данным), и превосходит молодые (верхнеплиоценовые) остаточно-инфильтрационные образования типа силькретов или халцедоновых кор, нередко достаточно мощных [11], и феррисилькретов Африки и передней Азии, которые, по свидетельству ряда авторов, использовались в качестве материала для изготовления орудий начиная с палеолита [12].

* *
*

Поскольку единичный факт использования железисто-кремнистых пород, установленный для одного памятника, еще не служил доказательством широкого применения подобных образований в первобытной технике юга СССР, автором на протяжении 1964—1967 гг. были предприняты поиски аналогичных объектов уже на территории Украины. При просмотре музейных коллекций обработанного камня, происходящих из степной полосы от устья Дона до низовий Дуная, не было обнаружено орудий из железисто-кремнистых пород описываемого типа. Но следует учесть, что археологи, да и геологи-четвертичники, привыкшие иметь дело с кремневыми или кварцитовыми изделиями, памятники подобного рода могли попросту пропустить. В этих условиях наиболее целесообразной представлялась археолого-петрографическая ревизия тех районов Лево- и Правобережной части УССР, где обнажаются железисто-кремнистые образования древних кор выветривания, развитые в основном на выходах ультрабазп-

---

[9] И. И. Гинзбург. Кора выветривания и связанные с ней поисковые критерии. В кн. «Применение геохимических методов при металлогенических исследованиях рудных районов», 1966, стр. 215 сл.; В. П. Петров. Основы учения о древних корах выветривания, 1967, стр. 38 сл.

[10] Процессы тектонического истирания или милонитизации сами по себе также приводят к возникновению весьма тонкозернистых, однородных кремнеподобных пород, эпизодически также применявшихся в первобытной технике, типа, например, ультрамилонитов-псевдотахилитов. В. Ф. Петрунь. О геологическом значении открытия псевдотахилитов под Кривым Рогом. Тр. КГРИ, 20 (3), 1962, стр. 40.

[11] Н. И. Кригер. Четвертичные отложения Африки и передней Азии. 1962, стр. 62 и далее.

[12] А. Алиман. Доисторическая Африка, 1960, стр. 276, 467 сл.

тов[13]. Такой рекогносцировкой были охвачены четыре произвольно выбранные точки, а именно районы известных в геологической литературе (но остававшихся археологическими «белыми пятнами» месторождений силикатных руд никеля: Каменная гора (балка Шатохина) в Славгородском районе Запорожской области, низовья р. Каменки у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области, приустьевая часть

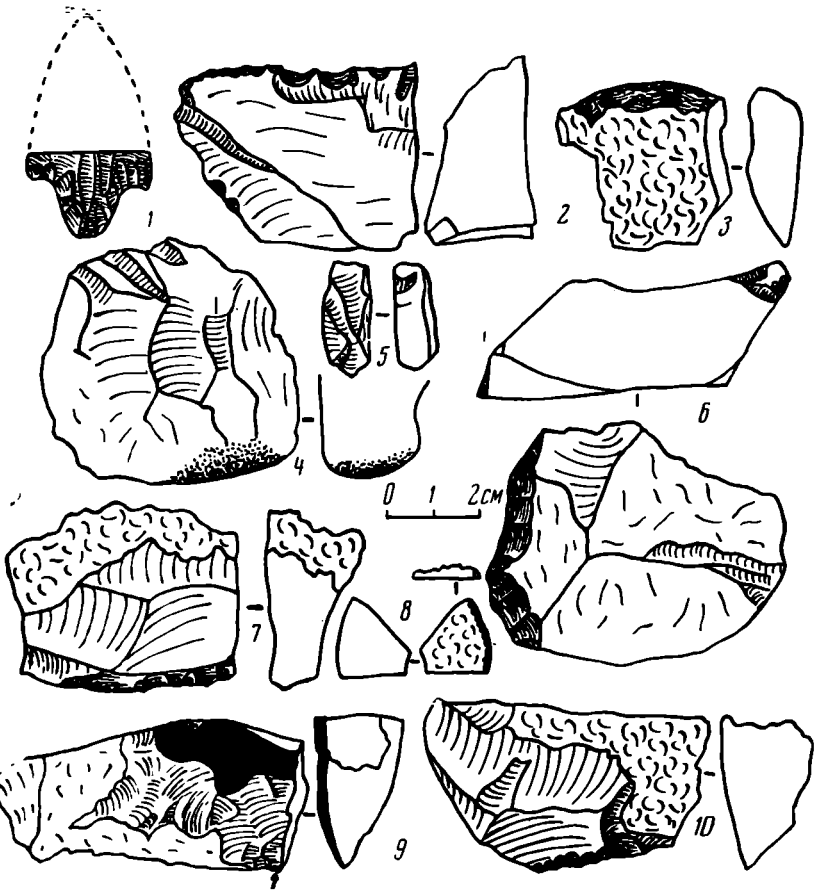


Рис. 5. Орудия и отщепы из железисто-кремнистых пород Средних Приднепровья и Побужья

балки Приворотной у Северного горнообогатительного комбината (г. Кривой Рог) и выходы Капитановского ультраосновного массива в Голованевском районе Кировоградской области[14].

Несмотря на сжатые сроки осмотра, охватывавшего лишь ограниченные площади и не сопровождавшегося ни обязательной ревизией всех археологических памятников района, ни хотя бы простейшей шурфовкой наиболее интересных точек (в лучшем случае осматривались уже имевшиеся на местах канавы и шурфы, оставленные геологической разведкой прошлых лет), для трех из перечисленных местонахождений был доказан факт использования железисто-кремнистых пород для изготовления обнаруженных в подъемном материале орудий (рис. 5), а для четвертого

[13] И. С. Усенко. Поисковые критерии ультрабазитов Украинского щита, несущих никеленосную кору выветривания. Сб. «Кора выветривания на серпентинитовых массивах», 1965, стр. 93—100; Ю. С. Басс. Кора выветривания на серпентинитового фундамента. В кн. «Никопольский марганцеворудный бассейн», 1964, стр. 37—48; А. У. Литвиненко, А. Д. Додатко, Д. П. Хорошев. Особенности строения, состав и полезные ископаемые коры выветривания на ультраосновных породах Среднего Приднепровья. Сб. «Кора выветривания», 6, 1963, стр. 125—138.

[14] Кроме того, для сравнения изучались выходы разнотипных и разновозрастных кор выветривания также на кайнозойских эффузивах, архейских и протерозойских гранитах, гнейсах, габбро-норитах УССР и МолдССР, особенно там, где, по литературным данным, кстати, не всегда верным, упоминались кремнистые новообразования. См. М. И. Сухов. Древнейшая кора выветривания на территории Молдавской ССР. Сб. «Кора выветривания», 1, 1952, стр. 87—88.

установлено специфическое применение подобного материала с ритуально-производственными (?) целями. Показательно, что в трех первых случаях мы сталкиваемся с одним и тем же в общем типом площадно-линейной коры выветривания, разрез которой исчерпывающе изучен на примере разреза Каменного бугра[15], изучавшегося еще до войны и наиболее полно иллюстрируемого табл. 1 в работе А. П. Никитиной[16]. Железисто-кремнистые породы обнажаются здесь на дневной поверхности в верхах охристо-кремнистой зоны (общей мощностью до 20—60 *м*), почти нацело утратившей структуру исходных материнских серпентинитов и амфиболизированных пироксенитов. Для верхней части разреза этой зоны характерно чередование рыхлых пылеватых или песчанистых охр с прослойками и линзами окремнелых сливных или кавернозно-охристых серпентинитов (табл.). Главные минералы зоны — гидрогетит, гетит, гидрогематит, гипергенный кварц, халцедон (часто дающий тонкие прожилки, иногда с опалом и кварцем), опал, глинистые минералы. В силифицированном материале нередко обнаруживаются реликтовые структуры «петельчато-ячеистого» типа (иногда избирательно замещаемые халцедоном по «петлям» и кварцем — по «ячейкам»; гидроокислы железа присутствуют и в тех и в других постоянно), унаследованные от исходных серпентинитов, и рудные зерна магнетита и хромшпинелида, наличием которых объясняется специфический состав элементов-примесей этих кремнистых пород, резко отличный от элементов-примесей некоторых внешне похожих вторично лимонитизированных осадочных кремней (с превышением концентрации Cr, Ni, Co, Ti в десятки и сотни раз).

Таблица

Результаты химического анализа железисто-кремнистых пород древних кор выветривания, вес. %

Соединение	1	2	3	4	5	6
SiO_2	93,20	92,70	89,50	94,60	92,10	91,30
TiO_2	0,04	Не определено				
Al_2O_3	0,61	0,70	0,92	0,48	1,62	1,47
Fe_2O_3	3,16	3,20	5,90	2,90	3,98	5,10
FeO	0,03	0,04	1,00	0,10	0,05	0,04
MnO	Сл.	0,10	0,05	0,08	0,07	0,06
MgO	0,98	1,10	1,25	0,82	0,59	0,34
CaO	0,12	0,10	0,40	0,16	0,50	0,62
Na_2O	0,14	Не определено				
P_2O_5	—		»	»		
SO_3	0,13		»	»		
H_2O	0,34	0,50	0,48	0,31	0,43	0,30
П. п. п.	0,71	0,82	1,18	0,60	0,90	0,75
Сумма	99,48	99,46	99,68	100,05	100,24	99,98

Примечание. 1 — Балка Шатохина, целиком окремненный серпентинит. А. П. Никитина. Указ. соч., стр. 99. По-разному окремненные породы из отщепов железисто-кремнистого состава, подобранных на местонахождениях. Лаборатория «Гикюжруда»: 2 — Балка Шатохина, 3 — Усть-Каменка, 4 — Капитановка, 5 — Атансор, 6 — Атансор.

Отсылая, однако, всех заинтересованных к детальному описанию геологии соответствующих объектов в специальных работах (см. соответствующие сноски), перейдем к характеристике археологических материалов перечисленных местонахождений.

Местонахождение Шатохина Балка - 1[17] приурочено к поверхности террасоподобной площадки на участке «причленения» Каменного бугра или горы к уходящему выше (к водоразделу) склону правого борта балки. Превышение площадки над тальвегом около 20 *м*, подъемный материал собран с поверхности довольно мощного (более 0,5 *м*) почвенного слоя (который налегает на элювий охристо-кремнистой зоны) на

[15] И. И. Танатар. Проблема никеленосности ультраосновных пород левобережной Украины в связи с поисково-разведочными работами в Славгородском и соседних районах. НЗ ДГУ, XXVII, 2, 1941, стр. 7.

[16] А. П. Никитина. Кора выветривания ультраосновных пород Славгородского района Украины и ее никеленосность. Сб. «Кора выветривания», 8, 1967, стр. 92—104.

[17] И. И. Танатар. Ук. соч., 7; А. П. Никитина. Ук. соч., стр. 92—94. Другое название местонахождения — Каменная гора или Каменный бугор — настолько часто используется в археологической литературе, что его повторение нецелесообразно.

участке между линией высоковольтной передачи и металлической трубой геодезического репера, вбитого в невысокую курганоподобную насыпь. Из 25 предметов хранящейся у автора коллекции три представлены обломками лепных сосудов, а остальные — искусственно расщепленными породами, во-первых, принесенными сюда с востока кремнием (нацело патинизированная ножевидная пластинка, отщеп, осколок, разбитый в древности наконечник дротика — рис. 5, *1*), во-вторых, жильным галечным кварцем (отщепы), в-третьих, местным железисто-кремнистым материалом. Из последнего изготовлены нуклеусы (в том числе один архаичного типа, с патиной на ребрах), отбойник со следами утилизации (рис. 5, *4*), скребковидное и скреблообразное орудия с ретушью на толстых отщепах (рис. 5, *3*, *2*). От образца к образцу состав сырья несколько варьирует, нередко в одном поле зрения наблюдаются и кварц и халцедон (различаемые по агрегатному показателю преломления), постоянно присутствуют гидроокислы железа и унаследованные минералы (хромшпинелиды, магнетит, иногда амфибол и тальк). Субпризматический обломок зеленовато-бурой окраски с типичным плоско-раковистым изломом, жирным блеском и микродендритами гидроокислов марганца вообще сложен опалом с содержанием воды, судя по показателю преломления, свыше 9% (рис. 5, *5*). Присутствие этого нуклевидного куска в составе коллекции доказывает исключительную тщательность, с которой просматривались выходы окремнелых пород древними жителями этой части Приднепровья, лишенной качественного кремневого сырья: несмотря на скрупулезнейшие поиски в обнажениях и искусственных горных выработках на Каменном бугре, автор не сумел обнаружить прожилков опала, равных по мощности хотя бы половине описываемого изделия. Предполагаемая датировка основной массы находок — неолит.

Местонахождение Усть-Каменка-1. Располагается на правом борту долины р. Каменки (правый приток р. Базавлук), несколько выше по течению крайних зданий с. Усть-Каменка, район которого давно привлекает внимание геологов[18]. На склоне долины в непосредственной близости к воде и в боковых оврагах — полоса скальных выходов (частично вскрытых также разведочными шурфами и канавами) пород, в общем аналогичных по составу обнажающимся на Каменной горе (балка Шатохина). Беглый обзор выходов обнаружил здесь только псевдоорудия (уплощенные, весьма напоминающие искусственные отщепы осколки естественно растрескавшихся пород), но крупные штуфы из этих обнажений установлены в распаханных или разрушенных окопами курганах эпохи бронзы вдоль грунтовой дороги, ведущей от с. Усть-Каменка к насосной станции, что расположена между с. Марьяновка и поселком Токовского карьера (остатки кромлехов и закладок). В распаханной насыпи среднего из этих курганов в одной и той же борозде обнаружены кучно залегавшие остатки костей в сопровождении фрагментов лепной керамики эпохи бронзы (с «расчесами» на внешней и внутренней поверхностях) и изделий из окремненного серпентинита (железисто-кремнистой породы): отщепа и своеобразного двуслойного орудия с ретушью на клювообразном рабочем крае (рис. 5, *9*), резца или резака на толстом отщепе треугольного сечения. Основа последнего — неравномерно прокремненный (с участками то мелкозернистого, из неделимых порядка 0,001—0,003 *мм*, халцедона, то более крупнозернистого, до 0,03—0,06 *мм* кварца с облачным угасанием) лимонитизированный серпентинит с примесью глинистого минерала, коричнево-черный, с шероховатым мелкобугристым изломом, а на нем бурый, с восковым блеском халцедоновый прожилок толщиной

---

[18] Ю. Фрейвальд. Кремнисто-железистые породы низовьев р. Каменки. ВУР ГРУ. 16. 1931, стр. 125—136; Н. Карлов. Континентальная костеносная брекчия с ветрогранниками на южном склоне Украинского кристаллического щита. Докл. АН СССР, 137, 5, 1961, стр. 1185.

до 2,5 *мм* [19]. Кусок такой породы, содержавшей прожилок, был превращен в специализированное орудие серией ударов, сначала обнаживших прожилок по одному из зальбандов (его нетронутая поверхность передана на зарисовке заливкой тушью), а затем «приостривших» полученный рабочий край довольно грубой ретушью. Первоначально орудие использовалось, по-видимому, как скребло, но в процессе многократных правок лезвия, скалывавших все новые и новые участки прожилка, игравшего роль «твердосплавной пластинки» на современном стальном режущем инструменте, оно превратилось в резакоподобное изделие. Несмотря на повышенную хрупкость, специфический состав прожилка делал орудие очень удобным для работы, например, по твердой кости: материал прожилка царапает, в частности, даже обычные осадочно-диагенетические халцедоновые кремни.

Местонахождение Балка Приворотная-1. Располагается на высокой мысообразной стрелке левого борта балки у ее впадения в р. Саксагань (несколько выше по течению насосной станции Северного горнообогатительного комбината г. Кривой Рог). На площадке, соответствующей уровню 10-метровой надпойменной террасы р. Саксагань [20], в бороздах распашки обнаружены многочисленные обломки костей животных, куски охры, фрагменты лепной керамики эпохи бронзы, обломок бронзового наконечника копья, кремневые отщепы и каменные изделия (из кварца, амфиболита, талькового сланца того типа, который в это время применялся для изготовления литейных матриц [21]), а также несколько кусков окремненного метаультрабазита [22], выходы которого располагаются в балке Приворотной. Однако самая крупная глыба такой породы, размером примерно 0,5 × 0,7 × 0,7 $м^3$ и весом около 250 *кг*, водружена на вершине небольшого искусственного кургана или бугра примерно в центре площадки с находками. Назначение глыбы неясное (эти породы отличаются от пород балки Шатохиной и Усть-Каменки слабым ожелезнением, сильной ячеистостью и интенсивным гипергенным окварцеванием), но сознательный выбор именно этой породы для установки на бугре (погребальное сооружение или зольник типа белогрудовской-чернолесской культуры [23]) сомнений вызывать не может. Глыба настолько прочно и так основательно «сидит» на бугре, что тяжелый тракторный плуг обломал об нее предплужник, но не сумел ни расколоть ее, ни вывернуть. Датировка памятника — рубеж II и I тысячелетий до н. э.

Местонахождение Капитановка-1. Располагается на правом борту балки того же названия, примерно в 1 *км* от ее устья. несколько выше по течению прорванной земляной плотины с пройденным по железисто-кремнистым породам водосбрасывающим каналом, и намного ниже карьера рудника [24]. На бортах балки выходы охристо-кремнистых

---

[19] Несмотря на типичный для халцедона жирный блеск и полосчатую текстуру, материал прожилка под микроскопом обнаруживает исключительно тонкозернистую структуру (из неделимых порядка 0,001—0,0008 *мм* в поперечнике) и агрегатный показатель преломления $n_{агр} = 1{,}543 \pm 0{,}001$, указывающий или на кварцевый или на кварциновый состав. Высокая твердость агрегата (оставляет след на халцедоновом кремне) заставляет предполагать первое. В отличие от вмещающей породы прожилок окрашен в бурый цвет настолько тонкодисперсной примесью гидроокислов железа, что их частицы остаются неразличимыми при самом сильном увеличении.

[20] Или третьей надпойменной; см. книгу «Геология Криворожских железорудных месторождений», 1, 1962, стр. 27.

[21] В. В. Петрунь. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР», 1967, стр. 185 сл.

[22] Коллекция сдана автором в Криворожский историко-краеведческий музей.

[23] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. 1961, стр. 10 сл.

[24] З. В. Турбова. Петрография коры выветривания Капитановского массива ультраосновных пород на Среднем Побужье. Сб. «Вопросы геологии и минералогии рудных месторождений», 2, 1967, стр. 166—186; А. Д. Додатко, А. Я. Древин,

пород того же примерно состава, что и в балке Шатохина или в Усть-Каменке. Выше к водоразделу эти породы перекрыты лёссовидными суглинками и черноземной почвой, на поверхности которой (особенно вдоль промоин) собраны грубые, палеолитического облика отщепы и нуклевидные куски железисто-кремнистых пород, а также скребловидные орудия как нацело затянутые белесой патиной (рис. 5, *7*), так и сохранившие естественную ржаво-коричневую окраску (рис. 5, *6*). Как показывает микроскопическое изучение, местное сырье состоит из трех разновидностей:

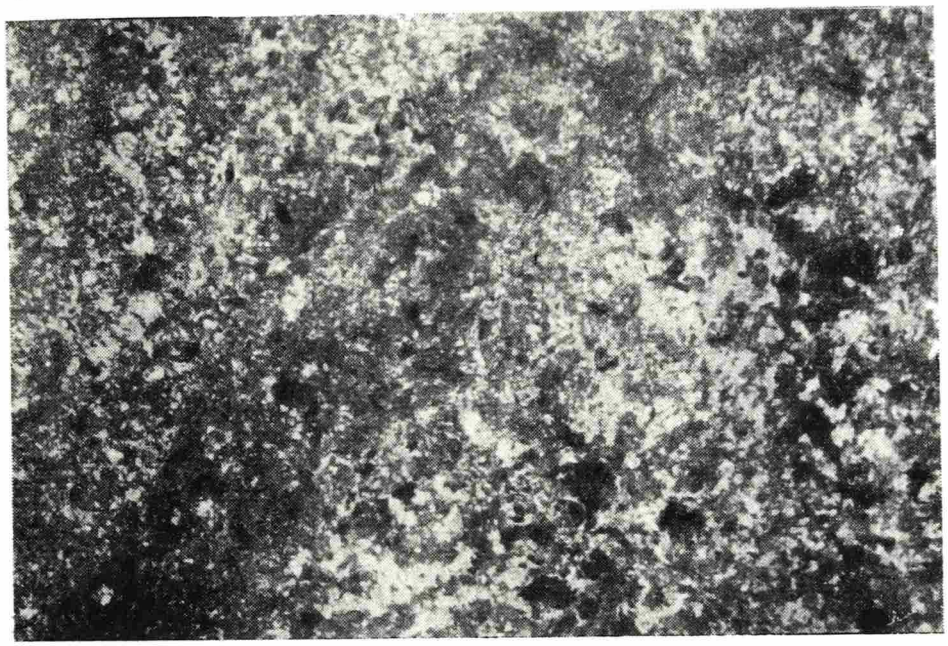


Рис. 6. Неоднородное распределение гидроокислов железа (темное) в железисто-кремнистой породе инфильтрационно-остаточного происхождения. Прозрачный шлиф. Николи скрещены. ×10

кварца, халцедона и кварцина — как в волокнистых (сферолитовых), так и в зернистых обособлениях с переходами друг в друга и чередованием участков глобулярной, натечно-колломорфной, прожилковой микротекстуры. Гидроокислы железа присутствуют в шлифах в меняющемся количестве в форме тончайшей дисперсной пыли, равномерно прокрашивающей кремнеземистый субстрат, окаймления глобул, отдельных более крупных пятен и хлопьев, а также прожилков (рис. 6), переменное содержание которых от образца к образцу неизбежно сказывается на результатах общего химического анализа (табл.). В свежих сколах местные породы в общем более светлоокрашенные, чем железисто-кремнистые образования балки Шатохина или Усть-Каменки, и чуть-чуть лучше просвечивают. Показательна также более интенсивная патинизация.

Микролитоидный скребочек, подобранный чуть ниже по тальвегу прорванной плотины (рис. 5, *8*), изготовлен на тончайшей естественной пластинке красного халцедоновидного материала того типа, который образует прожилки в окремненном серпентините. Прежде чем эта пластинка была использована человеком, она была отпрепарирована из вмещавшей ее породы процессами выветривания: никакой самый искусный мастер не сумел бы, выбивая исходную жилку из монолита, сохранить естественные микронатечные шероховатости ее бокового (зальбандового) ограничения, весьма условно переданного зарисовкой. Поразительно, что материал скребка во всем, кроме окраски, аналогичен микрокварцевому прослою

Г. Г. Виноградов, А. Я. Каневский. Геология, минералогия и условия образования кор выветривания ультрабазитов южной части Среднего Побужья. Там же, стр. 147—165.

орудия с клювовидным рабочим краем из окрестностей с. Усть-Каменки: это не халцедон, а заместивший его тонкозернистый кварц, обладающий агрегатным показателем преломления $n = 1{,}543 \pm 0{,}001$ и еле различимой (из-за тонкозернистости) реакцией на поляризованный свет. Твердость материала и в этом случае не 6—6,5 единиц по шкале Мооса, как у халцедонолитов, а 7, как у кварца.

В целом описываемые находки могут быть отнесены к палеолиту и мезолиту, хотя единичный отщеп подобного сырья был обнаружен также и за пределами балки, в разрезе отложений высокой поймы Южного Буга несколько выше по течению с. Долгая Пристань.

* *
*

Таким образом, обобщая имеющиеся наблюдения, можно утверждать, что железисто-кремнистые породы древних кор выветривания действительно играли роль широко применявшихся заменителей высококачественного кремневого сырья в первобытной технике и там, где, как в районе озера Атансор, балки Шатохиной, Усть-Каменки или на Среднем Буге, не имелось месторождений ни мелового кремня, ни третичного кварцитовидного песчаника, они использовались уже отнюдь не эпизодически. Так как петрографическое отличие этих пород от остальных силицилитов довольно несложно, то для конкретных условий Украины, где древние коры выветривания по ультрабазитам дают не так уж много естественных обнажений, факты присутствия орудий из такого материала в археологических коллекциях следует рассматривать в качестве достаточно важного идентификационного критерия: присутствие, например, отщепа железисто-кремнистой породы в культурном слое местонахождения Скеля-Каменоломня на правобережье Днепра при прочих равных условиях как-то связывает этот памятник с районом Усть-Каменки, расположенным в 110 *км* юго-западнее.

Более того, учитывая выявленные закономерности, можно и, пожалуй, теперь даже нужно прогнозировать возможность встречи индустрий на аналогичном сырье и для таких районов, где пишущий эти строки никогда в жизни не был, археологические материалы которых им не просматривались, но которые в силу особенностей своего геологического строения располагают более или менее значительными выходами кор выветривания с подзонами окремнения. В пределах степной зоны от Алтая до Северной Добруджи наиболее перспективными с этой точки зрения следует считать районы Центрального [25] и Западного Казахстана (особенно Кимперсайского массива), Зауралья и Южного Урала [26], Северного Кавказа [27], хотя, разумеется, подобные выводы сохраняют свою справедливость также и для более северных и для более восточных районов, вплоть до Среднего Урала или Забайкалья при условии наличия там кор выветривания соответствующего состава [28].

---

[25] Здесь только серпентинизированных ультрабазитов насчитывается до десяти линейно вытянутых поясов и зон от Кокчетава до озера Балхаш; см. Х. Д. Косубаев. Типы кор выветривания серпентинитов Центрального Казахстана. Сб. «Кора выветривания», 5, 1963, стр. 366.

[26] В. А. Гуцаки. Кора выветривания Орского Зауралья. Сб. «Кора выветривания», 5, 1963, стр. 188 и далее; Л. И. Киселев. О возрасте древней коры выветривания в Мугоджарах. ВАН КазССР, 7, 1963, стр. 78—84; И. И. Гинзбург. Древняя кора выветривания на ультраосновных породах Урала. Ч. 1 и 2, Тр. ИГН АН СССР, 80, 1946; 81, 1947; К. К. Никитин. Древняя кора выветривания на Бурыктальском массиве ультраосновных пород. Тр. ИГЕМ, 35, 1959.

[27] М. И. Калганов. Железисто-никеленосная кора выветривания на Малкинском серпентинитовом массиве. Сб. «Кора выветривания», 8, 1967, стр. 139 и далее.

[28] А. Л. Яницкий. Древняя кора выветривания на Уктусском массиве ультраосновных пород (Средний Урал). Сб. «Кора выветривания на серпентинитовых массивах», 9, 1965, стр. 79 и далее.

V. F. Petrougne

LES ROCHES FERRUGINEUX — SILICEUSES DES ZONES D'ALTÉRATION EN TECHNIQUE PRIMITIF DES STEPPES MERIDIONALES DE L'URSS

Résumé

L'industrie de pierre des series des stations de Kazakhstan Central et de l'Ukraine d'aprés etude petrographique est fabriquée de matière specifique — des roches ferrugineuxsiliceuses des zones d'alteration, qui sont pareil à silcretes et ferrisilcretes de l'Afrique ou de le Proche Orient.

L'utilization des cettes roches en technique préhistorique avait lieu dès l'epoque de paleolithique jusq'a le fin de l'epoque de bronze.

Caractéristiques texturales-structurales des cettes roches ferrugineux-siliceuses residueles-infiltratiques différent de caracteristiques de silex aqueux-diagenetique: pour l'identificaiton archeologique-petrographique cetté différence a l'importance principale.

Enfin l'auteur pronostique les domaines de l'USSR où c'est possible rencontre les industries des pierres des roches ferruginous-siliceuses.

Б. А. ШРАМКО, Л. Д. ФОМИН, Л. А. СОЛНЦЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИКИ ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА В СКИФИИ

Уже первые широкие исследования техники обработки железа у племен степной и лесостепной Скифии с помощью металлографического анализа позволили обнаружить в ряде случаев высокий уровень кузнечного мастерства и отметить некоторые своеобразные черты в технологических приемах местных ремесленников раннего железного века [1]. В настоящее время данные металлографии дополнены рентгенографией, химическими и спектральными анализами, а количество вещей, подвергнутых всесторонним исследованиям, значительно увеличилось и превысило 250 образцов [2]. Это позволило раскрыть новые, до сих пор неизвестные технологические приемы, применявшиеся кузнецами скифской эпохи, и проследить некоторые хронологические изменения этой технологии.

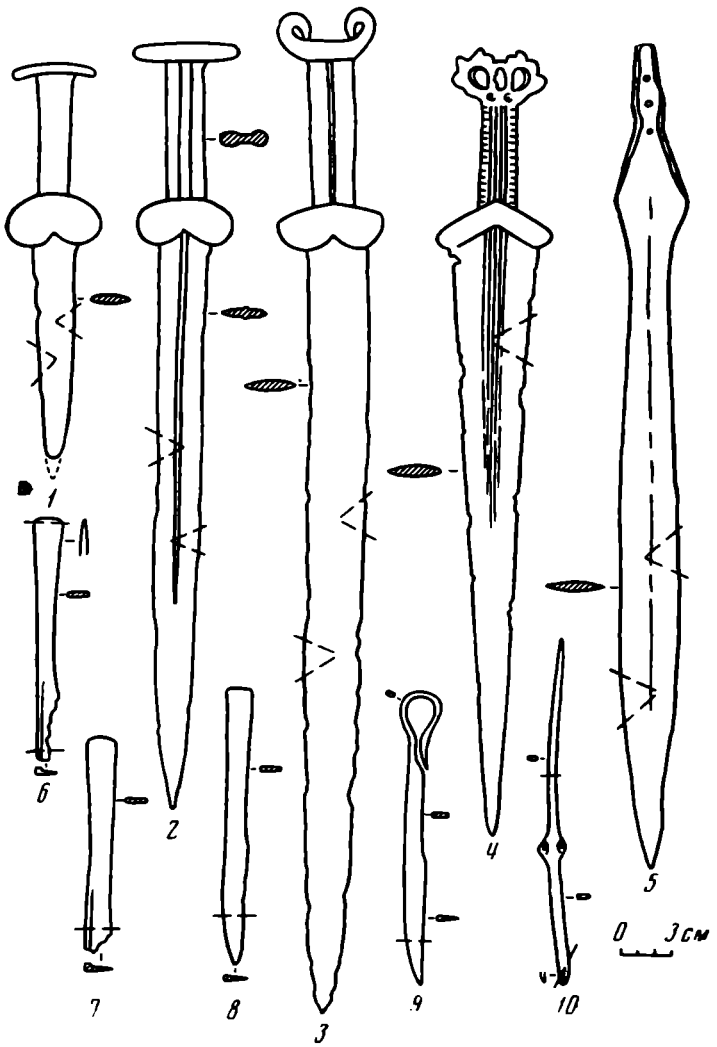


Рис. 1. Вещи скифской эпохи из коллекции Киевского исторического музея, подвергнутые металлографическому исследованию

1 — кинжал № Б.28—1871; *2* — меч Б.28—1870; *3* — меч № Б.28—1879; *4* — меч № Б.28—1868; *5* — гальштатский меч № Б.28—1872; *6* — нож № Б.28—1877; *7* — нож № Б.28—1874; *8* — нож № Б.28—1873 (Пастырское городище); *9* — нож № Б.28—1876; *10* — лучковое сверло № Б.28—1878. Пунктиром показаны места вырезки шлифов

В данной статье освещаются результаты изучения группы вещей скифской эпохи, полученных из Киевского государственного музея [3] (КГИЖ). Среди этих предметов имеются 4 меча разных типов, 1 кинжал, 4 ножа и лучковое сверло (рис. 1, *1—10;* 2) Один из ножей тп-

---

[1] Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 4, 1963, стр. 36—57.

[2] Б. А. Шрамко. Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.). Український історичний журнал, 1, 1971, стр. 53—61.

[3] Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность дирекции КГИМ и научному сотруднику этого музея Л. Н. Романюк.

пичной для лесостепной Скифии формы[4] найдены на известном Пастырском городище в Черкасской области (рис. 1, *8*). Происхождение остальных вещей, полученных нами для исследования, точно неизвестно, однако все они имеют типичную для скифской эпохи форму и скорее всего, как и большинство других предметов этого времени из коллекции КГИМ, найдены в области Среднего Приднепровья. Для сравнения произведено исследование и типичного гальштатского меча, также полученного из коллекции КГИМ.

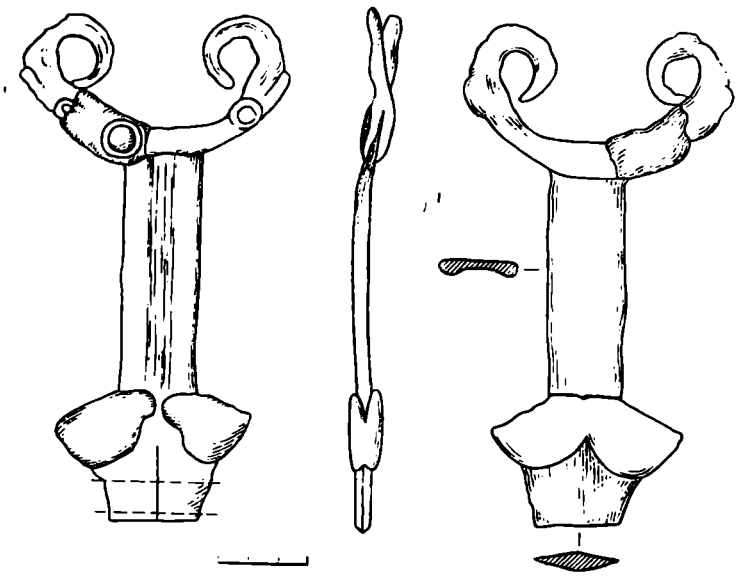


Рис. 2. Рукоятка меча № Б.28—1837 из коллекции Киевского исторического музея

К числу наиболее ранних изделий скифской эпохи в этой группе исследованных вещей относятся меч (рис. 1, *2*) и кинжал (рис. 1, *1*), у которых рукоятки имеют брусковидное навершие и почковидное перекрестие. Они отличаются друг от друга в деталях, но все же относятся к одному типу скифских мечей и кинжалов, которые характерны для архаической эпохи и датируются второй половиной VI в. до н. э.[5].

Меч[6] имеет длину 45,5 *см*. Его обоюдоострый клинок с ребром жесткости посредине имеет параллельные лезвия. Только в нижней части, на расстоянии 12 *см* от конца, лезвие сужается, и ребро жесткости здесь отсутствует. Рукоятка с продольным желобком в поперечном сечении дает фигуру, напоминающую восьмерку. Для изучения технологии изготовления меча из него было вырезано три образца, которые позволили приготовить три микрошлифа и три макрошлифа[7]. Места вырезки указаны на рис. 1.

Микроструктуры показывают, что строение металла на лезвии довольно сложное (рис. 3, *1*). Здесь имеются ферритные, перлито-ферритные и перлитные полосы со следами видманштета. Величина зерна колеблется от 8 до 4 баллов. Микротвердость перлитных полей изменяется от 210 до 286 *Hμ*, а ферритных — от 127 до 137 *Hμ*. Структура металла показывает, что лезвие меча было после окончания ковки подвергнуто цементации,

[4] Б. А. Шрамко. Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії (ножі). Сб. «Питання історії народів СССР», 1, Харьков, 1965, стр. 146, рис. 7.

[5] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964, стр. 47.

[6] КГИМ, инв. № Б.28-1870. Опубликован: А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 15, *2*.

[7] В изготовлении и исследовании микрошлифов принимала участие Р. Б. Степанская.

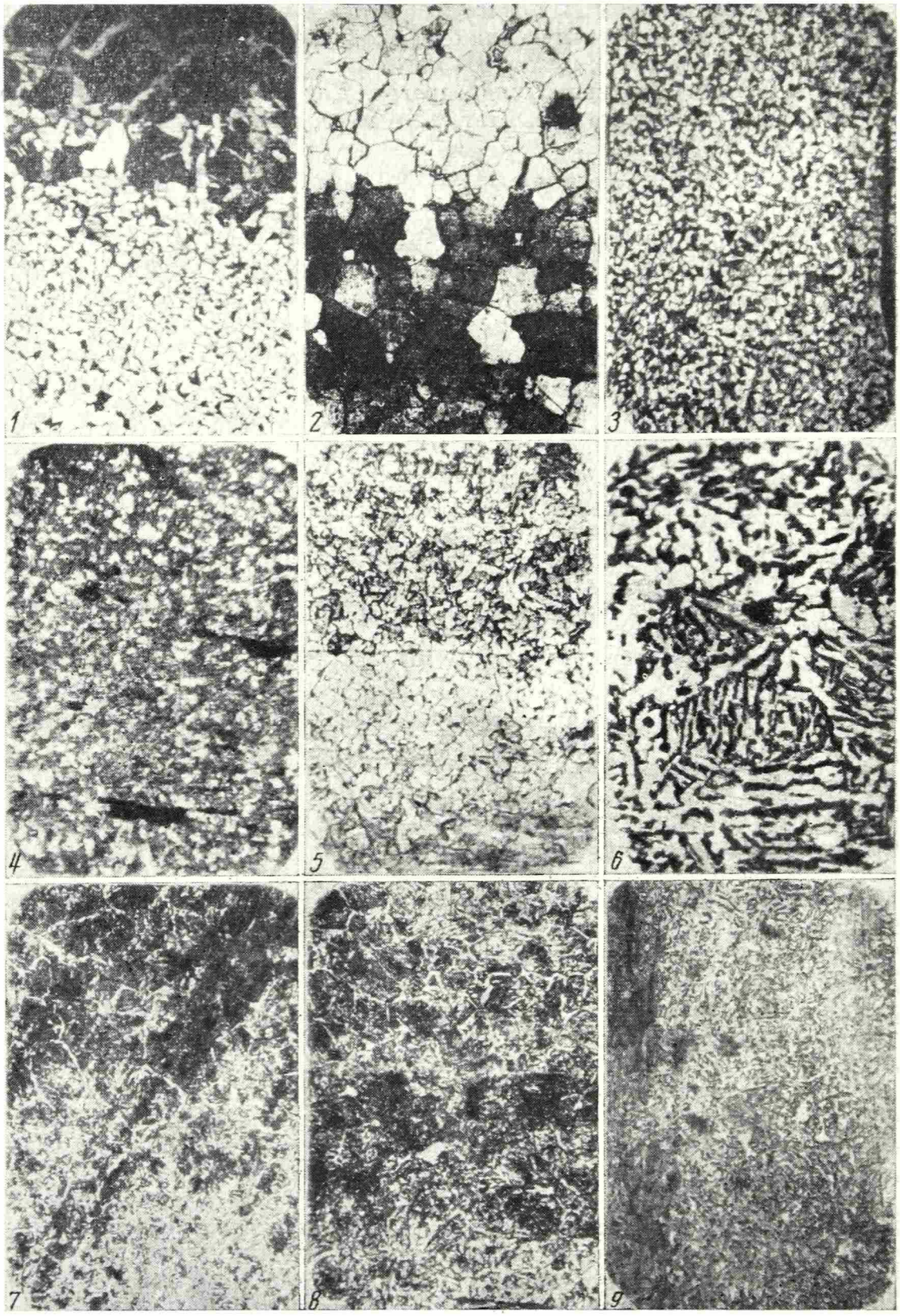


Рис. 3. Микроструктура исследованных вещей из коллекции Киевского исторического музея

1 — меч № Б.28—1870, ×70; *2* — меч № Б.28—1873; ×90; *3* — меч № Б.28—1868, ×120; *4* — меч № Б.28—1871, ×500; *5* — меч № Б.28—1879, ×70; *6* — гальштатский меч № Б.28—1872, ×120; *7* — сверло № Б.28—1878, ×120; *8* — нож № Б.28—1876, ×120; *9* — нож № Б.28—1873, ×120

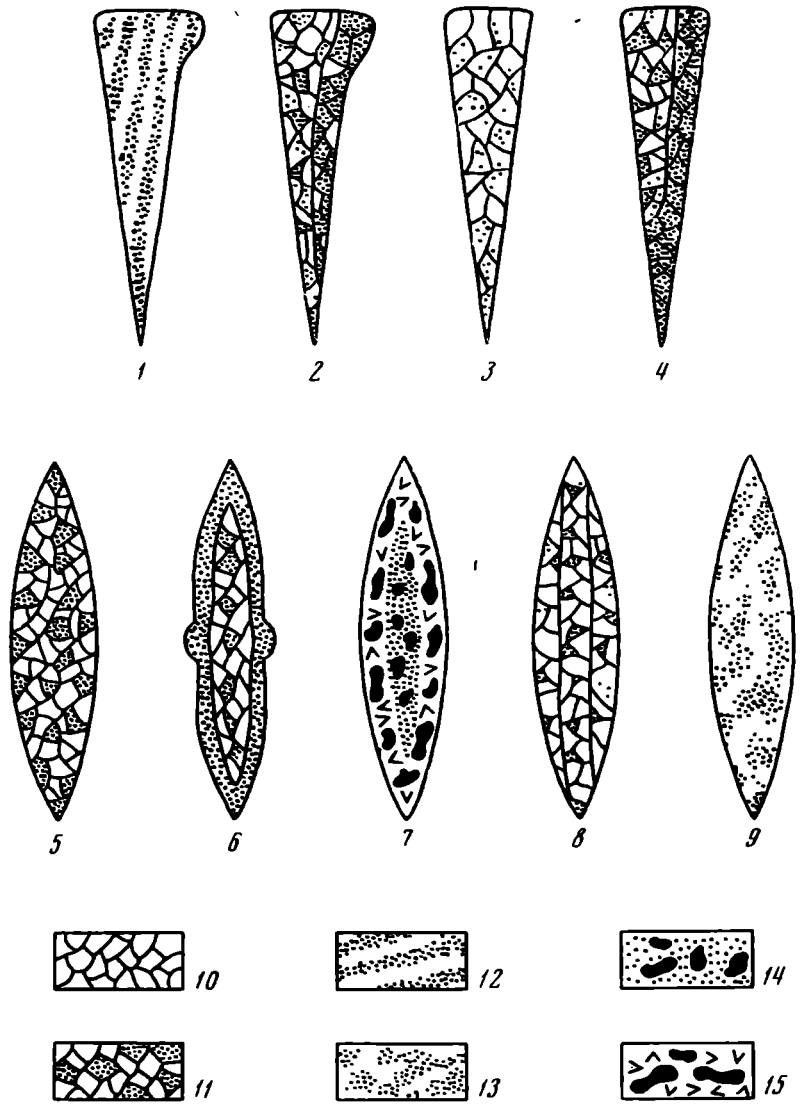


Рис. 4. Схемы структур лезвий ножей и мечей скифской эпохи

1 — нож № Б.28—1874; *2* — нож № Б.28—1877; *3* — нож № Б.28—1873; *4* — нож № Б.28—1876; *5* — меч № 28—1868; *6* — меч № Б.28—1870; *7* — меч № Б.28—1871; *8* — меч № Б.28—1837; *9* — меч № Б.28—1872; *10* — ферритная структура железа; *11* — ферритно-перлитная структура стали; *12* — сталь полосчатой структуры; *13* — неравномерно науглероженная сталь; *14* — структура закаленной стали — троостит-сорбит; *15* — структура закаленной стали — троостит-мартенсит

которая повысила содержание углерода в поверхностном слое до 0,7—0,8% и тем самым увеличила твердость металла на лезвии при сохранении достаточно вязкой сердцевины (рис. 4, *6*). Доказательством преднамеренной цементации этого меча является наличие слоя с повышенной концентрацией углерода у поверхности во всех шлифах, взятых на лезвии. В центре содержание углерода значительно меньше. Существует переходная зона от поверхности к сердцевине. На поверхности наблюдается видманштеттова структура, которая была бы разрушена ковкой в том случае, если бы большое содержание углерода было следствием первичного науглероживания заготовки. По-видимому, меч после изготовления в течение длительного времени находился в среде древесного угля, раскаленного до температуры 900—950° С. Необходимые для хорошей цементации условия обеспечивались в специальных горнах, которые уже были известны в скифское время. В частности, такой цементационный горн был обнаружен при раскопках Люботинского городища в Харьковской области в слое конца VI — начала V в. до н. э.[8]. После цементации

[8] Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство скіфської епохи. Вісник ХГУ, 17, іст. сер., 1, Харків, 1966, стр. 77, 78, рис. 5.

готового меча требовалась лишь зачистка и затачивание лезвия, и поэтому видманштеттова структура перегрева сохранилась.

Обращает внимание то обстоятельство, что вдоль средней части клинка проходит четко выделенное ребро жесткости с ровными площадками по обе стороны от него. Выковать меч с таким четким профилем можно было только с применением специального инструмента — обжимника в виде молотка с желобком на рабочей части бойка. Для придания фигурного сечения рукоятке, имеющей продольный желобок с двух сторон, нужно было иметь не только молоток с узким носком, но и специальное ковочное приспособление в виде подставки, обеспечивающей формовку желобка на обратной стороне. В противном случае рукоятка получилась бы вогнуто-плоской, что и наблюдается на некоторых экземплярах мечей[9]. Для изготовления перекрестия отдельно делалась фигурная заготовка, которая затем сгибалась пополам и надевалась на меч ниже рукоятки. Изучение макро- и микрошлифов на перекрестии показывает наличие двух сварных швов, которые идут в обе стороны от рукоятки. Один из этих швов не доходит до края перекрестия. Все это указывает на то, что предварительно сильно нагретое до сварочной температуры согнутое перекрестие было надето на горячий меч и проковано. В результате сварка конца перекрестия выполнена лучше, чем сварка перекрестия с мечом.

Трудоемкой оказалась технология соединения навершия с рукояткой меча. Для навершия была сделана заготовка в виде бруска, в котором затем пробойником прошили отверстие. Эта заготовка была насажена на выступ конца рукоятки, а затем вместе с рукояткой нагрета и прокована. Однако после проковки плотного соединения по всему периметру отверстия не получилось, так как технологически лучше было бы нагреть одно навершие, которое при остывании охватило бы верхнюю часть рукоятки более плотно. В данном случае этого не произошло, и тогда мастер вбил в получившийся зазор железные клинья. Навершие при этом вновь нагревалось, но температура нагрева не была высокой. Впрочем, мастер, видимо, и не собирался в данном случае производить кузнечную сварку, а более плотное соединение навершия с рукояткой было достигнуто и этим способом. Следов специальной термической обработки (закалки) не обнаружено. Технологическая схема изготовления этого меча показана на рис. 5, *2*.

Таким образом, исследование показывает, что технология изготовления этого архаического меча довольно сложна и трудоемка. Применение разнообразных специализированных инструментов свидетельствует о том, что изготавливал его кузнец-профессионал, но этот ремесленник, видимо, еще не имел узкой специализации оружейника, а делал меч наряду с другой продукцией. Иначе при массовом изготовлении целого ряда однотипных мечей он выработал бы более простую технологию.

Кинжал (КГИМ, инв. № Б 28—1871) с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (рис. 1, *1*) имеет длину 23,4 *см*. Его треугольное лезвие на конце сильно сточено и первоначально было, видимо, на 1,5 *см* длиннее. Линзовидное в поперечном сечении лезвие не имеет ясно выраженного ребра вдоль средней линии. Не совсем обычно навершие этого кинжала. Оно не прямое, как обычно у скифских мечей и кинжалов с брусковидным навершием, а слегка изогнутое, с концами, опущенными вниз. А. И. Мелюкова отмечает аналогичную форму навершия у меча из Старшей могилы[10]. Комплекс вещей этого погребения за последние годы дважды издан В. А. Ильинской, однако в этих публика-

---

[9] Например, меч скифского типа из окрестностей Смелы, колл. КГИМ, инв. № Б. 48—31.

[10] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 47, табл. 15, *8*.

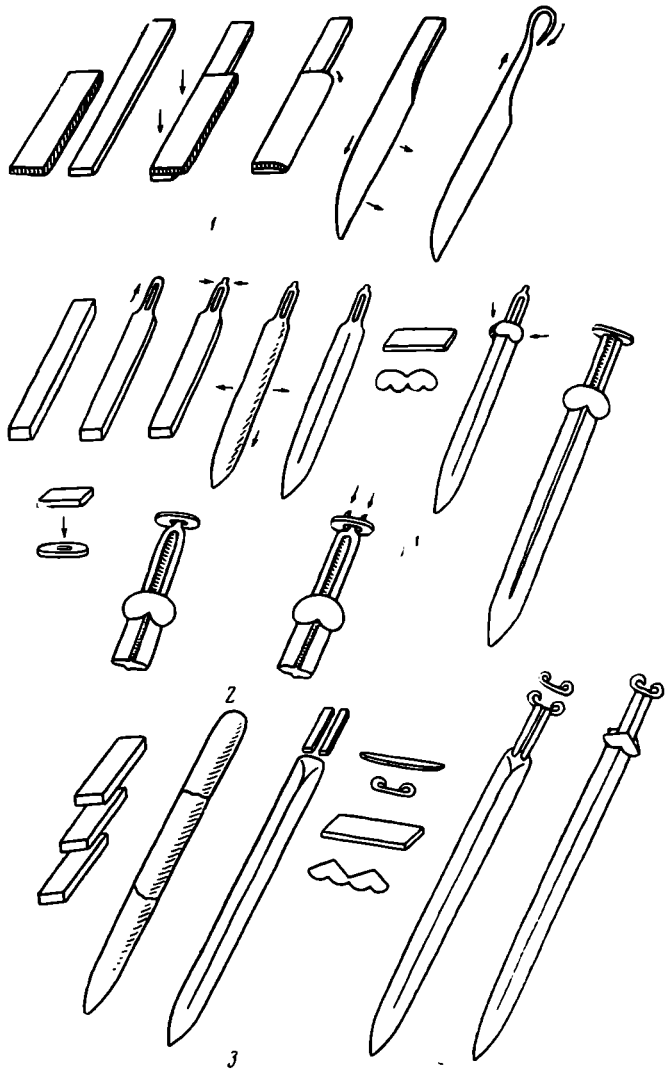


Рис. 5. Технологические схемы изготовления ножа и мечей
1 — нож № Б.28—1876; *2* — меч № Б.28—1870; *3* — меч № Б.28—1879

циях указанный меч изображен различно[11]. Осмотр подлинника, хранящегося в Государственном Историческом музее в Москве, показывает, что брусковидное навершие у этого меча было прямым. Впечатление небольшой изогнутости могло возникнуть из-за неровных наростов коррозии, которой покрыт меч. Что касается исследованного нами кинжала, то и здесь изогнутость навершия не следует рассматривать как типологическую особенность, так как она невелика и появилась, видимо, в результате того, что кузнец, с большим усилием набивавший навершие на верхнюю часть рукоятки, случайно допустил небольшой изгиб концов.

При исследовании кинжала были вырезаны образцы из двух мест лезвия и на них изготовлены микрошлифы. Кроме того, на навершии и перекрестии были сделаны макрошлифы. Структура металла по сечению лезвия оказалась различной (рис. 3, *4*; 4, *7*). На поверхности видна троостито-мартенситовая структура с микротвердостью 362—590 $H\mu$. В центральной части лезвия наблюдается троостито-сорбитная структура с микротвердостью 232—257 $H\mu$. Наибольшую твердость имеет острие лезвия. Наличие такой структуры у данного кинжала представляет боль-

[11] В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаічної Скіфії. «Археологія», V Київ. 1951, стр. 199, табл. 1, *1*; е е ж е. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, прилож. 3, табл. 1, *1*.

шой интерес, так как троостито-мартенситовая структура получается при небольшой скорости охлаждения металла во время закалки. Еще более медленное охлаждение в сердцевине меча привело к образованию сорбита — структуры, принципиально не отличающейся от перлита, но более твердой. Таким образом, видно, что кинжал изготовлен из кричной стали, а затем подвергался закалке, которую долго не удавалось обнаружить на изделиях кузнецов Скифии. Несмотря на небольшие размеры сечения лезвия меча, наблюдается большая разница в структурах и твердости. В связи с этим может быть высказано предположение о применении «мягкого» охладителя, типа расплавленного жира. Во всяком случае вода для закалки кинжала не использовалась. В противном случае лезвие и сердцевина были бы значительно более твердыми и хрупкими, что ухудшило бы качества изделия. Сейчас невозможно определить, был ли применен отпуск кинжала после закалки. Данная структура позволяет только считать, что если отпуск и был, то только низкий с нагревом не более 150—200° С. При этом сохраняется высокая твердость закаленного изделия, но увеличивается его прочность. Низкий отпуск дает структуру отпущенного мартенсита. Действительно, на микрошлифе даже при сравнительно небольшом увеличении видно, что карбиды обособились от твердого раствора. Однако такая структура отпущенного мартенсита может получиться и от длительного нахождения закаленного изделия в земле.

Для определения исходной структуры металла один из образцов был подвергнут отжигу при 850° С. После отжига структура по всему сечению шлифа стала однородной перлито-ферритной с отношением перлита к феррит как 80/20. Это свидетельствует о том, что кинжал был изготовлен из сравнительно высокоуглеродистой стали, содержащей 0,6—0,7% С.

Навершие и перекрестие кинжала изготавливались, как и у ранее рассмотренного меча, отдельно. Заготовка перекрестия сгибалась, надевалась на кинжал и затем сваривалась кузнечным способом. Навершие соединялось с рукояткой более целесообразным приемом: оно насаживалось в горячем состоянии на рукоятку кинжала и затем проковывалось, что давало после остывания достаточно прочное соединение без дополнительных клиньев.

Второй меч (КГИМ, инв. № Б. 28—1879) относится к числу широко распространенных в Скифии мечей с антенным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 1, *3*), которые датируются обычно VI — первой половиной V в. до н. э.[12]. Длина его 59,5 *см*. Поперечное сечение лезвия линзовидное.

Микроструктура меча исследовалась в трех сечениях. Выяснилось, что железо для этого меча использовалось не особенно чистое, не особенно тщательно прокованное. На это указывает большое количество вытянутых шлаковых включений, которые видны во всех сечениях. Структура металла перлито-ферритная, но соотношение количества перлита и феррита в разных местах неодинаково. Это соотношение колеблется от 10/90 до 50/50, что свидетельствует о неравномерном первичном науглероживании заготовки. В одном из шлифов хорошо виден сварной шов, который на некоторых участках заполнен шлаком (рис. 3, *5*). Величина зерна колеблется в пределах 8—5 баллов. На одном из шлифов наблюдается видманштет, свидетельствующий о перегреве металла при ковке. Микротвердость составляет 103—175 $H\mu$.

Таким образом, видно, что меч изготавливался из нескольких заготовок стали с небольшим содержанием углерода (не более 0,3—0,4%). Это связано, видимо, с тем, что размер криц, получавшихся в сыродутных горнах раннего железного века, был невелик и после проковки их для отжимки шлака получались сравнительно небольшие заготовки кричного

---

[12] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 55.

железа [13]. Мастер, выковавший данный меч, по этой причине не мог изготовить его из одного куска металла большого размера и вынужден был взять несколько кричных заготовок, соединив их кузнечной сваркой. Следует отметить, что сварка была выполнена очень хорошо. Во всяком случае в сварных швах расслоений не наблюдается, хотя места сварки кусков металла на шлифах заметны.

При изготовлении рукоятки меча мастер применил своеобразную технологию, которая также была связана с отсутствием больших заготовок. Исследование показало, что рукоятка меча этого изготавливалась из четырех отдельных частей (рис. 5, *3*). Собственно рукоятка сделана из двух прямоугольных пластин, сваренных с верхней частью лезвия. Сварка производилась внахлестку. Интересно, что между собой пластины рукоятки не были сварены. После этого на верхнюю часть рукоятки накладывались и приваривались две фигурных заготовки, образующих фигурное навершие. При этом одна заготовка приварилась к ручке очень хорошо, а другая хуже, поскольку к моменту ее приваривания рукоятка меча успела уже остыть.

Вслед за этим происходило соединение перекрестия с мечом. В отличие от навершия, перекрестие в данном случае с мечом не сваривалось, а лишь плотно обжимало его. Перекрестие изготовлено из одной фигурной заготовки, которая была согнута, в горячем состоянии надета на меч и подвергнута ковке (рис. 5, *3*). Однако температура нагрева не была настолько высокой, чтобы произошла сварка.

Весьма интересен с точки зрения изучения местного кузнечного производства меч [14] из коллекции Киевского исторического музея, от которого сохранилась только рукоятка с небольшим обломком лезвия (рис. 2). Навершие рукоятки, оформленной в зверином стиле, имеет вид пары когтей хищной птицы, у основания которых помещено еще изображение круглого глаза. Перекрестие следует отнести к числу бабочковидных, хотя сделано оно не совсем обычно. Верхняя часть его не закругляется, а горизонтально срезана. Это видимо, специфический прием какого-то мастера, так как он повторяется и на мече, найденном на Западном Бельском городище [15]. В сохранившейся части клинка края его лезвия не параллельны, а заметно наклонены к центру. Это указывает на то, что клинок был небольшим и имел треугольную форму. Как большинство мечей с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием, этот экземпляр следует датировать примерно V в. до н. э. [16].

Одна половина навершия рукоятки этого меча была еще в древности обломана. Починку навершия поручили явно не кузнецу, а человеку, который был лучше знаком с литейным делом. Поэтому вместо естественной для кузнеца операции наварки навершия он употребил сложную, но в данном случае малоэффективную технологию. К месту излома он приставил половинку навершия и закрепил ее грубо отлитой медной обоймочкой, на которой невпопад сделал еще одно изображение глаза, оказавшееся не на том месте, где ему полагалось быть первоначально.

Макроисследование шлифа сохранившейся части лезвия на поперечном разрезе показало наличие двух сварных швов, идущих по всей ширине клинка от одного лезвия к другому (рис. 4, *8*). Это указывало на то, что клинок выкован из трех наложенных друг на друга пачкой и сваренных между собой полос металла. Ввиду необычности такой технологии для проверки был сделан не один, а два поперечных разреза клинка. Оба они дали аналогичную картину, подтверждающую наличие сварки про-

---

[13] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 124. Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. Сб. «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 209.

[14] КГИМ, инв. № Б. 28—1837.

[15] Арх. музей ХГУ, № 1/ПМ-69.

[16] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 55, 56; Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 79.

дольных полос металла. Микроисследование шлифов двух разрезов показало, что все три сваренных друг с другом полосы имеют почти чисто ферритную структуру кричного железа практически одинакового качества (рис. 3, *2*), содержащего всего около 0,1% углерода. Зерно феррита средней величины (балл 5). Вдоль сварных швов хорошо видна цепочка вытянутых шлаковых включений.

Перекрестие у данного меча, как обычно, наварное, но сделано явно неудачно. Форма заготовки отличается от общераспространенной, и кузнец не перегнул ее пополам, как обычно, а наложил на верхнюю часть клинка и загнул оба края (рис. 2). Однако заготовка оказалась короткой, и загнутые концы ее не сомкнулись, Кроме того, и сварка была выполнена недостаточно хорошо. Орнамент на рукоятке в виде продольных орнаментальных борозд сделан зубилом довольно грубо. Линии получились прерывистые и не совсем ровные. Наконец, навершие выковано из двух слишком тонких пластин, которые при помощи кузнечной сварки соединены друг с другом и с верхним концом рукоятки меча. Сварка произведена неудовлетворительно. В результате произошло расслоение металла по сварочным швам. Видимо, именно по этой причине одна половина навершия еще в древности сломалась.

Все указывает на то, что данный меч изготовил весьма малоквалифицированный кузнец, который подражал известным образцам, но не владел всеми тонкостями обработки черных металлов. В частности, он плохо различал сталь и железо или не мог получить высококачественную стальную заготовку для лезвия. Желая, по-видимому, изготовить по примеру других трехслойный клинок из сочетания железа и стали, что было бы очень целесообразно, данный мастер взял либо практически одинаково малоуглеродистые заготовки, либо заготовки, которые были очень неравномерно науглерожены в разных концах. Сверх того он мог сильно обезуглеродить тонкие заготовки при сварке. К сожалению, мы не можем сказать, каково было все изделие. В несохранившейся нижней части клинка средняя или две крайних полосы металла могли иметь стальную структуру, но у рукоятки все три полосы металла оказались железными, мягкими. В результате именно в этом месте меч несколько раз сгибался и наконец сломался. В целом же образец следует рассматривать как неудачную попытку малоквалифицированного мастера изготовить меч с трехслойным клинком.

Четвертый меч[17], найденный случайно в Роменском уезде бывшей Полтавской губернии (точнее неизвестно), относится к числу мечей с когтевидным навершием и ложнотреугольным перекрестием (рис. 1, *4*), которые типичны для конца V—IV в. до н. э.[18]. Длина меча 47 *см*. Треугольное лезвие в верхней части украшено чеканкой в виде продольных полос.

Для изучения структуры металла было вырезано два образца, как показано на рисунке. Структура в обоих образцах (рис. 3, *3*) перлито-ферритная (рис. 4, *5*), причем содержание перлита в различных участках неравномерно и колеблется от 20 до 80%. Зерно мелкое. Величина от 6 до 8 баллов. Микротвердость изменяется от 148 до 258 Нμ. Следов термической обработки не видно.

Накладки для перекрестия изготовлены отдельно, а затем приварены. Художественное навершие выковано заодно с рукояткой при помощи вытяжки ее верхнего конца, обработки чеканом и пробивки отверстий. Все эти операции художественного оформления сделаны очень тщательно.

Для сравнения с мечами скифского типа был исследован и один железный гальштатский меч типа мечей с языковидной основой для рукоятки

---

[17] ГКИМ, инв. № Б.28-1868 (АС 24593).

[18] Меч опубликован: А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 58, табл. XVII, *10*; табл. 20, *8*.

(рис. 1, *5*) из коллекции Киевского исторического музея [19]. Он имеет характерную для этих мечей форму. Лезвие меча расширяется в средней части, копируя более ранние бронзовые мечи. Поперечное сечение клинка линзовидное. Настоящего перекрестия нет, и лезвие непосредственно переходит в черенок рукоятки с закраинами, нижняя часть которого расширена. Длина меча 49 *см*. Рукоятка была, по-видимому, сделана в виде двух деревянных накладок, удерживаемых железными заклепками.

Бронзовые экземпляры таких мечей появились в Центральной Европе еще в средине бронзового века и существовали до раннегальштатской эпохи [20]. В конце периода их существования изредка встречаются и железные мечи с языковидной основой для рукоятки, древнейшие из которых относятся к концу XI в., а поздние — к VIII в. до н. э. Данный экземпляр мог попасть в Поднепровье где-то в конце VIII или в начале VII в. до н. э. Однако, как известно, в Восточной Европе в это время распространяются местные железные мечи без металлического перекрестия типа находок на горе Бештау и в кургане у Симферополя [21]. Поэтому западные мечи с языковидной основой рукоятки не получили здесь сколько нибудь широкого распространения, тем более что качество их не было высоким. Данный экземпляр вполне подтверждает это.

При исследовании гальштатского меча на лезвии были сделаны две вырезки, места которых указаны на рис. 1, *5*. Микроструктура металла исследовалась в двух сечениях. В одном сечении структура оказалась почти чисто ферритной, а в другом перлито-ферритной (рис. 3, *6*). Зерно ферритных участков соответствует 7 баллу, а перлито-ферритных — 7 и 4 баллам. Микротвердость ферритных полей составляет 118—148 Нμ, а перлито-ферритных — 175—210.

Все это указывает на то, что рассматриваемый гальштатский меч высокими качествами не отличался. Он был изготовлен из сравнительно мягкого первично неравномерно науглероженного кричного железа. Наличие неоднородного, крупного и мелкого, зерна свидетельствует о неоднородном химическом составе различных участков меча, в силу чего после ковки уровень процессов рекристаллизации в разных местах был различным. Шлаковых включений в металле немного. Термической обработке меч не подвергался. Количество углерода колеблется в разных местах от 0,1 до 0,3%.

Следующая большая группа исследованных предметов состоит из таких универсальных орудий, как ножи. Все они весьма характерны для лесостепных комплексов скифской эпохи и относятся, по классификации Б. А. Шрамко, к ножам третьей группы с металлическими ручками [22]. Нож, найденный на Пастырском городище [23] (рис. 1, *8*), и два аналогичных ножа неизвестного происхождения [24] (рис. 1, *6, 7*) относятся к первому типу ножей третьей группы, который характерен для VI—V вв. до н. э. [25]. Последний нож [26] типичен для ножей четвертого типа третьей группы и отличается тем, что его ручка заканчивается небольшой петлей (рис. 1, *9*). Металлографические исследования этих ножей дали следующие результаты.

---

[19] ГКИМ, инв. № Б.28-1872.

[20] E. Sprockhoff. Die germanischen Griffzungenschwerter, «Römisch — germanische Forschungen», V, Berlin — Leipzig, 1931; J. D. Cowen. Bronze Swords in Northern Europe, «Proceedings of the Prehistoric Society», London, NS, 18, 1952.

[21] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Сев. Кавказе, сб. ВССА, М., 1954, стр. 125, рис. 14; А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя, КСИА АН УССР, 12, Киев, стр. 58, рис. 2, *1*.

[22] Б. А. Шрамко. Металевi знаряддя виробництва лiсостепової Скiфiї (ножi), стр. 146, рис. 7, *1—3, 8*.

[23] КГИМ, инв. № Б.28-1873.

[24] КГИМ, инв. № Б.28-1877; Б.28-1874.

[25] Б. А. Шрамко. Ук. соч., стр. 147.

[26] КГИМ, инв. № Б.28-1876.

Один из ножей первого типа третьей группы (инв. № Б.28-1874) выкован таким образом, что вдоль спинки ножа с одной стороны проходит ребро жесткости (рис. 1, 7). Передняя часть лезвия была обломана в древности. В ходе исследования изучалась микро- и макроструктура ножа. На шлифе, место вырезки которого показано на рисунке, обнаружена полосчатая микроструктура металла: чисто ферритные полосы сменяются перлито-ферритными (рис. 4, *1*). Заметно большое количество шлаковых включений. Зерно в перлитно-ферритных участках очень мелкое (балл 8), а в ферритных оно имеет среднюю величину (балл 5). Микротвердость структурных составляющих колеблется от 206 до 235 Нμ.

Таким образом, видно, что данный нож был изготовлен из малоуглеродистой стали с содержанием 0,2—0,3% углерода. Мелкое зерно свидетельствует о том, что ковку ножа оканчивали при невысокой температуре. После ковки было проведено ускоренное охлаждение на воздухе, на что указывает высокая твердость феррита.

Второй нож этого типа внешне очень похож на предыдущий. Его лезвие также имеет с одной стороны вдоль спинки ребро жесткости и также передний конец его обломан (рис. 1, *6*). На нетравленном шлифе, место вырезки которого видно на рисунке, наблюдается незначительное количество шлаковых включений и пор. Микроструктура зернистая. Примерно 60% площади сечения шлифа занято перлито-ферритной структурой с отношением перлита к ферриту 85/15. В остальной части отношение тех же составляющих 20/80. Зерно по величине неоднородное, и размеры его колеблются от 6 до 8 балла. Микротвердость перлито-ферритной структуры 163—172 Нμ.

Данный нож выкован из заготовки с неравномерным первичным науглероживанием. Содержание углерода сильно колеблется — от 0,1 до 0,7% (рис. 5, *2*). Резкая разница в структуре смежных областей указывает на то, что ковка производилась поспешно, что характерно для изделий массового ремесленного производства. После ковки нож охлаждался на воздухе без специальной термической обработки.

Нож этого же типа, найденный на Пастырском городище, сохранился полностью (рис. 1, *8*). Лезвие его не имеет ребра жесткости. Место вырезки шлифа расположено на лезвии. На нетравленном шлифе отмечено незначительное количество шлаковых включений. После травления шлифа 5%-ным раствором азотной кислоты обнаружилась ферритная структура с отдельными включениями очень изреженного перлита по всему сечению. Зерно феррита мелкое, балл 7 (рис. 3, *9*). Микротвердость 107—111 *Н*μ. Нож изготовлен из малоуглеродистого кричного железа, имеющего лишь около 0,1% углерода. Термической обработке не подвергался.

Таким образом, качество всех трех ножей первого типа не очень высокое. Они сделаны либо из простого кричного железа, либо из малоуглеродистой стали, сохраняющей лишь неоднородное первичное науглероживание кричной заготовки. Кузнецы, учитывая невысокое качество металла, выковали вдоль спинки ножей (в двух случаях) продольное ребро, несколько увеличивавшее сопротивление изгибу. Однако судя по тому, что оба эти ножа дошли до нас с обломанными лезвиями, этот прием все же не был достаточно эффективным.

Интересна технология изготовления ножа четвертого типа третьей группы, имеющего ручку с петлей (рис. 1, *9*). При микроисследовании ножа был вырезан шлиф на лезвии. Кроме того, в месте соединения петли с лезвием был сделан макрошлиф. Структура микрошлифа по сечению различна. Часть этого сечения имеет перлитную структуру (рис. 4, *4*) с содержанием углерода 0,7—0,8%. Зерна перлита мелкие (балл 8) и имеют вытянутую форму. Микротвердость перлита 275—290 Нμ. В другой части сечения (рис. 3, *8*) наблюдается перлито-ферритная структура с отношением перлита к ферриту 35/65, что соответствует примерно 0,25% углерода. Зерно имеет балл 5 и 8. Между двумя указанными частями хорошо виден

сварной шов (рис. 4, *4*). Все это указывает на то, что лезвие ножа было изготовлено с применением кузнечной сварки: на основу из малоуглеродистой стали была наварена пластинка из твердой высокоуглеродистой стали.

Общая технология изготовления данного ножа, по-видимому, была такова: на заготовку из малоуглеродистой стали накладывалась более короткая пластинка из высокоуглеродистой стали и производилась сварка по всей длине разогретого до высокой температуры металла. Эта часть ковки была выполнена высококачественно. Затем свободная часть основной полосы оттягивалась, загибалась и производилась сварка для получения петли (рис. 5, *1*). Очевидно, к этому времени нож уже остыл, и поэтому сварка петли рукоятки оказалась неудачной. С течением времени петля несколько отошла от лезвия. Специальной термической обработке нож не подвергался.

Взятое для исследования сверло[27] относится к числу тех, которые приводились в движение лучковым приводом (рис. 1, *10*). Для закрепления деревянной катушки, которую охватывала тетива лука, и предназначались выступы на стержне сверла. Режущая часть сверла имеет ложкообразную форму. Аналогичные лучковые сверла найдены на Люботинском[28] и Восточном Бельском городищах[29]. Место вырезки шлифа показано на рисунке.

Структура металла (рис. 3, *7*), по сечению шлифа оказалась ферритоперлитной. Содержание углерода 0,6—0,7%. Зерно 6 и 8 баллов. Микротвердость в разных участках колеблется от 184 до 212. Шлаковых включений немного. Все это указывает на то, что сверло изготовлено из высокоуглеродистой, хорошо прокованной стали. Небольшие размеры сечения сверла заставили провести при ковке сильную деформацию кричной заготовки, которая была сильно вытянута. Видимо, заготовка при этом нагревалась не один раз, поскольку структура металла достаточно однородна и наблюдаются участки сфероидизации цементитных включений. Дополнительной термической обработке сверло не подвергалось. Однако если учесть, что оно изготовлено из высокоуглеродистой стали, то можно считать, что сверло вполне отвечало своему назначению — сверлению отверстий при изготовлении вещей из кости, рога и дерева. В археологических материалах скифской эпохи хорошо известны костяные и роговые псалии, пронизи для перекрещивающихся ремней уздечки, подвески из кабаньих клыков и другие вещи, отверстия в которых просверлены такими сверлами.

Таким образом, в результате исследования еще одной группы изделий кузнецов скифской эпохи удалось получить новые важные сведения, характеризующие в общем высокий для начала железного века уровень обработки черных металлов у местного населения. Металлографические анализы убедительно показывают, что местные кузнецы уже хорошо различали основные типы черного металла и в необходимых случаях пытались улучшить качество изделий из простого кричного железа или мягкой, малоуглеродистой стали, изготовляя лезвия с ребрами жесткости, применяя цементацию или наваривая пластины из высокоуглеродистой стали. Преднамеренная цементация и сварка железа со сталью для получения многослойных высококачественных лезвий были несомненно большими достижениями ремесленников скифской эпохи. Технология изготовления различных вещей свидетельствует о большом разнообразии технических приемов, которые применяли кузнецы Скифии при обработке черных металлов уже в архаическую эпоху. Можно проследить использование таких операций, как рубка, вытяжка, изгиб, пробивка отверстий,

[27] КГИМ, инв. № Б.28-1878.

[28] Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство скіфської епохи. Вісник ХГУ, 17, іст. сер., 1, Харків, 1966, стр. 74, рис. 2, 10.

[29] Арх. музей ХГУ, № 3/XIX-69.

обжимка, осаживание, чеканка, шлифовка, кузнечная сварка, цементация и закалка.

В некоторых случаях при изготовлении лезвий наблюдается трехслойное и даже многослойное пакетование, которое не всегда было удачным (как, например, в рассмотренном нами случае с мечом № Б.28-1837), но в ряде случаев давало очень хорошую структуру, напоминающую сварочный дамаск [30].

Особенно важно то, что при изучении типичного для VI в. до н. э. кинжала (инв. № Б.28-1871) удалось впервые убедительно зафиксировать использование местными кузнецами лесостепной Скифии такого приема, как закалка стали с применением «мягкого» охладителя. До сих пор не было конкретных фактов, которые позволяли бы уверенно говорить о том, что кузнецы Скифии вообще применяли закалку стали. Этот важный прием термической обработки был открыт примерно в последних столетиях II тысячелетия до н. э., и орудия, сделанные с применением закалки, употреблялись в Ассирии и в Египте уже между 800 и 700 гг. до н. э. [31]. Древние греки, судя по упоминанию в Одиссее (IX, 391—394), также довольно рано знали закалку стали. Имеются указания на наличие орудий с закаленными режущими кромками среди вещей периода широкого освоения железа в Закавказье [32], хотя отсутствие в публикации подробностей металлографического анализа делает это сообщение недостаточно убедительным. Что касается территории Скифии, то сейчас можно уверенно говорить о том, что местные кузнецы уже в VI в. до н. э. применяли закалку стали.

Применение закалки и успешное использование сварки металлов разного качества (железа и стали) имело очень большое значение, так как позволяло получать высококачественные орудия, у которых вязкая основа сочеталась с твердым лезвием или само лезвие обладало повышенной твердостью, значительно более высокой, чем у сырой стали даже с большим содержанием углерода. Наличие таких орудий позволило достичь больших успехов в обработке разных материалов. В частности, изучение археологических находок показывает, что именно с появлением хороших стальных режущих орудий получает широкое распространение резьба по кости, которая была гораздо слабее развита в бронзовом веке. Среди изделий скифской эпохи имеются и хорошие образцы скульптурной резьбы по камню [33]. Военные успехи скифов также в значительной мере зависели от наличия у них высококачественного для того времени оружия из железа и стали, которое получило распространение за пределами Скифии и вызвало многочисленные подражания.

Большинство исследованных вещей из железа и стали сделаны высококачественно, с применением достаточно целесообразной технологии. Это продукция ремесленников, имевших большой опыт, набор хороших инструментов, соответствующее оборудование в виде кузнечных горнов и цементационных печей, располагавших различным материалом. Однако такие ремесленники были, видимо, далеко не везде. Исследованный меч (инв. № 28-1837) — яркий образец изделия, которое прошло через руки не специалиста, а человека, подражавшего известным изделиям. Чинил же этот меч вообще не кузнец, а литейщик, так как кузнеца, очевидно, в ближайших поселениях не было. Но такие случаи редки. Вместе с тем

---

[30] Б. А. Шрамко. Орудия скифской эпохи для обработки железа. СА, 3, 1969, стр. 67—69, рис. 10—11.

[31] L. Aitchison. A History of Metals. 1, London, 1960, стр. 112.

[32] Ф. Н. Тавадзе. Изучение технологии производства железа в древней Грузии. Сб. «Методы естественных и технических наук в археологии». М., 1963, стр. 34.

[33] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. III, Киев, 1900, Табл. LXII, *3*; А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II, СПб, 1894, стр. 136, рис. 21.

среди железных изделий скифской эпохи встречается много вещей очень однородных по внешнему виду и по технике изготовления. Особенно это заметно при изучении оружия и конской сбруи. Видимо, среди кузнецов появляется уже определенная специализация и выделяются мастера по изготовлению оружия и металлических частей конской сбруи.

B. A. Chramko, L. D. Fomina et L. A. Solntséva

«NOUVELLES RECHERCHES CONCERNANT LA TECHNIQUE DU TRAVAIL DU FER EN SCYTHIE».

Résumé

Dans l'article sont exposés les résultats de l'analyse métallographique de dix objets se rapportant à l'époque scythe et provenant de la collection du Musée historique de Kiev. Les derniéres investigations, ainsi que l'analyse de 200 autres objets datant également de l'époque scythe, montrent que les forgerons de la Scythie des steppes boisées connaissaient bien le travail des métaux ferreux et la technique de fabrication des lames multicouches de fer et d'acier. Ils pouvaient, à leur gré, cimenter le fer (on a découvert un four à cimentation).

On a trouvé pour la premiére fois un glaive datant du VIe siècle avant notre ère à structure troostito-martensitique et sorbitique, ce qui témoigne du trempage de la lame à l'huile. A des fins de comparaison, un glaive de Hallstatt a été étudié: il fut forgé d'un fer mou ébauché. Est d'un intérét particulier un glaive scythe qui, brisé, fut réparé par un fondeur et non par un forgeron. Mais ces cas sont rares. La majorité des objets scythes de fer et d'acier sont faits par des artisans spécialistes.

И. Т. КРУГЛИКОВА, В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНЯЯ БАКТРИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

История археологического изучения Афганистана сравнительно коротка, хотя и ознаменовалась блестящими открытиями в области античного, преимущественно кушанского периода [1]. Однако до самого последнего времени слабо изученными оставались области Северного Афганистана. А между тем эти районы представляют особый интерес не только применительно к древностям самого Афганистана, но и всего Древнего Востока.

Уже первые исследования в этом направлении привели к открытию ряда исключительно важных памятников эпохи камня, начиная с мустьерского времени [2].

Несмотря на определенные успехи в этом направлении, до последних лет существовала огромная хронологическая лакуна в наших знаниях, соответствующая периоду между эпохой камня и античностью. В первом томе «История Афганистана» авторы прямо пишут, что «на территории Афганистана остатки земледельческих поселений встречаются лишь на юге страны. Несмотря на специальные поиски, ни одного такого поселения не обнаружено в Афганском Туркестане» [3]. С целью уточнения этого и возможности заполнения существующей лакуны, Советско-Афганская экспедиция выбрала местом своих исследований области Северного Афганистана [4]. Маршрутные обследования и стационарные раскопки не только расширили ареал распространения памятников каменного века по левобережью Амударьи, но и наметили их место в ряду синхронных памятников смежных районов.

Еще большее значение имеет открытие первых из известных в науке оседлоземледельческих поселений в Северном Афганистане. Это, прежде всего, группа памятников Давлетабада, расположенных между г. Андхой и Меймене. Судя по собранному на поверхности материалу, они принадлежали оседлоземледельческим племенам, жившим здесь во II тысячелетии до н. э.

Результаты исключительной важности были получены при первых раскопках древнеземледельческих поселений в районе к северу от г. Акча. Как оказалось, в древности здесь располагался оазис, включавший свыше 10 поселений эпохи бронзы. Несколько южнее и частично на месте этих памятников располагается следующий оазис «ахеменидского» времени и, наконец, еще далее на юго-восток частично на поселениях «ахеменидско-

[1] Э. А. Юркевич. История изучения кушанских памятников Афганистана. СА, 1962, 2, стр. 103—115.

[2] Обзор литературы по этому вопросу см. V. Masson, V. Sarianidy. Afghanistan in the Ancient East. «Afghanistan», XXII, 2, 1969, Kabul.

[3] В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. I. М., 1964, стр. 31.

[4] В работах экспедиции принимали участие советские археологи — О. Бабаев, В. И. Башилов, О. Бердыев, А. В. Виноградов, И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди, З. Х. Хакимов и афганские археологи — Абдулкаюм Гулями, Джума Федомаммат, Абдул Хабиб.

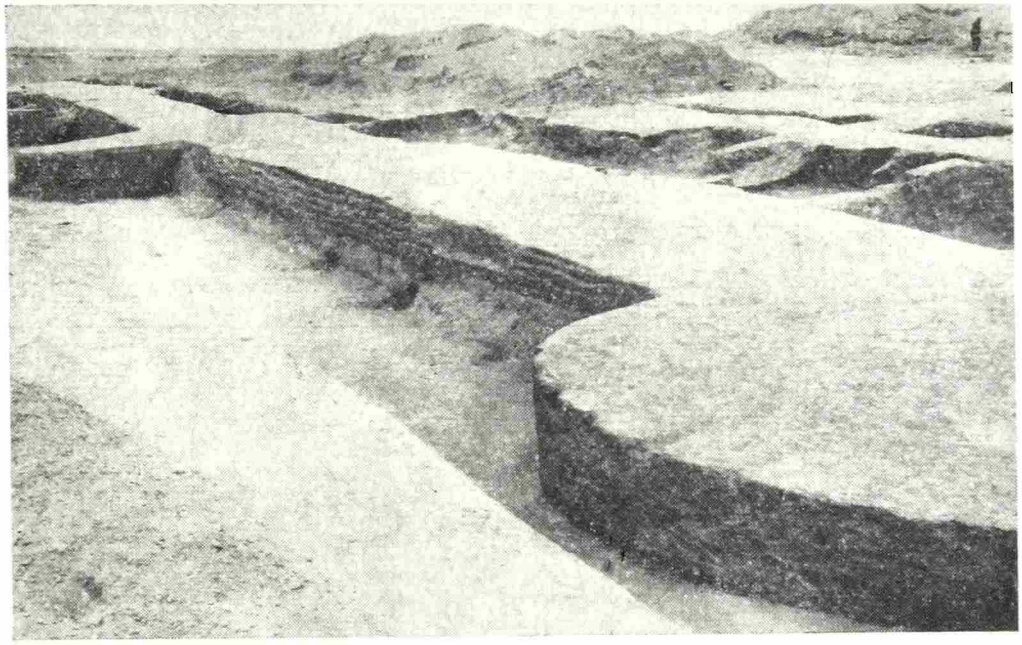


Рис. 1. Дашлы 1. Часть оборонительной стены

го» времени вырастают города античного периода. Таким образом, акчинский оазис включает памятники от середины II тысячелетий до н. э. до первых веков н. э., представляя идеальные возможности для исследования истории этого конкретного микрорайона на протяжении свыше полутора тысяч лет. Хотя многие частные вопросы существования жизни в рассматриваемом оазисе еще неясны, перемещение его в юго-восточном направлении, по-видимому, было связано с миграцией древней дельты р. Акча.

Перейдем к конкретному рассмотрению полученных данных, специально оговаривая предварительность многих положений.

Эпоха бронзы. Наиболее широкие раскопки были проведены на Дашлы 1, представляющем собой холм (110 × 90 *м* при высоте около 4 *м*) и прилегающего поселения (150 × 120 *м* при высоте до 0,8 *м*). Раскопки холма показали, что здесь располагается небольшая прямоугольная крепость размером 99 × 85 *м*. Стены ее шириной 3—4 *м* сложены из сырцового кирпича (50 × 22(24) × 12 *см*) и имеют высоту около 2 *м* от подошвы до сохранившегося верха стен. По углам крепости устроены округлые башни; дополнительные башни имеются по периметру стен, причем некоторые из них полые. Сближенные башни, устроенные посередине обводных стен, видимо, оформляли входы ворот.

Раскопки внутри крепости выявили бытовые строения (помещения жилого и хозяйственного назначения), стены которых также возведены из кирпича и тщательно обмазаны штукатуркой. Несмотря на то, что вскрыта почти четвертая часть внутренней площади крепости, каких-либо улиц, дворов или площадей пока не обнаружено. Раскопанный участок древней архитектуры — это сплошной массив хозяйственных и жилых помещений, и пока нет объективных критериев для выявления возможных обособленных жилых комплексов. Некоторым исключением являются помещения, тянущиеся с внутренней стороны южной обводной стены и непосредственно примыкающие к ней. Здесь выделяется группа узких вытянутых помещений, оказавшихся сожженными в древности. Их планировка, конструкция и характер заполнения резко отличаются от обычных бытовых зданий. Не исключено, что они носили оборонительный характер, так как именно здесь найдено большое количество ядер яйцевидной формы.

Примером типичного жилого дома данного поселения может являться помещение № 18. Оно почти квадратное, стены покрыты ярко-желтой штукатуркой. В южной стене помещения устроен камин, по обе стороны ко-

Рис. 2. Дашлы 1. Общий вид раскопок крепости

торого располагаются глубокие стенные ниши. Конструкция камина представляет особый интерес, так как дымоход устроен внутри стены. Этот конструктивный прием на других синхронных памятниках нам неизвестен, что бесспорно свидетельствует о высокой культуре строительного дела, когда помещения отапливались уже не «по-черному». Наряду с подобными каминами имеются обычные пристенные очаги, служившие для приготовления пищи. Не исключено, что в дальнейшем эти два типа — камины и очаги, позволят уточнить функциональное назначение отдельных помещений в системе всей вскрытой архитектуры.

Шурфы на прилегающем поселении выявили наличие не более 1—2 строительных горизонтов, причем встреченный материал полностью соответствует аналогичному из крепости.

Следует отметить, что тип памятника, состоящий из крепости и собственно поселения, судя по некоторым наблюдениям, был характерным для всего исследуемого оазиса. Правда, имеются и единичные поселения, культурный слой которых не превышает 0,5—0,7 *м*.

Раскопки другого памятника — Дашлы 3 привели к открытию оригинального по планировке монументального сооружения. Дашлы 3 также состоит из холма и прилегающего более низкого поселения. На поверхности холма по его краям прослеживаются мощные, видимо, обводные стены, что сближает его с Дашлы 1. Почти в центре прилегающего поселения располагается круглое в плане здание диаметром 36 *м*. Внешняя, метровой толщины, кольцевая стена имеет снаружи 9 башенок со входами, ведущими внутрь здания. Отступя 1,5—2 *м* от внешнего кольца стены, параллельно ей идет вторая так, что вместе они образуют своеобразный обводной коридор с тонкими поперечными стенками. Еще далее, к центру местами прослеживается третья кольцевая стена, не дающая, однако, полного круга. Почти в середине здания располагается прямоугольное сооружение, состоящее из нескольких помещений, плотно забутованных кирпичом. Частично расчищены два из них, принципиально сходной планировки, стоящие перпендикулярно друг к другу. Наиболее полное представление дает пом. № 3; в восточной части его друг против друга устроены две пристен-

Рис. 3. Дашлы 3. Общий вид круглого здания

ные пилястры, соединенные неширокой стенкой, образующей возвышение — суфу. Торцовая стена имеет две ниши, внешние углы которых оформлены трехступенчатыми выступами. Еще одна аналогично украшенная ниша имеется на противоположной стороне помещения. В середине двух других стен устроено по одной глубокой нише, внутренние стенки которых сильно обожжены.

Нетрудно заметить, что интерьер раскопанного помещения (тщательная отделка, декоративное оформление ниш) указывает на его особое, небытовое назначение. В целом же весь архитектурный комплекс резко отличается от известных сооружений, и если учесть, что он занимает почти треть общей площади поселения, то станет очевидным его общественное назначение. Следует сразу же оговорить, что раскопки круглого здания еще далеки от завершения (выявлена лишь общая планировка), но уже сейчас можно предположить, что это было монументальное здание либо светского, либо культового назначения. Представляется более обоснованным второе допущение, если учесть наличие прямоугольных очагов-выкладок, вознесенных на кирпичные платформы. Не исключено, что перед нами руины храма, а поселение Дашлы 3 являлось культовым центром всего оазиса в ранний период его существования. На последнее обстоятельство указывают многочисленные впускные погребения эпохи бронзы, частично нарушившие стены комплекса.

Общая планировка и архитектурное решение круглого здания не находят себе пока аналогии среди синхронных памятников Древнего Востока. Вместе с тем это уникальное для своего времени сооружение обнаруживает определенные аналогии в планировочном принципе крепости Кой Крылган Кала. И там и тут два кольца стен, образующих галерею; в обоих случаях имеется по 9 башен, с той лишь разницей, что в хорезмской крепости башни расположены внутри стены, а не выступают наружу [5].

Хотя между североафганским и хорезмским памятниками существует большой хронологический разрыв, не исключено, что истоки планировочных принципов крепости Кой Крылган Кала в конечном счете восходят к архитектурным сооружениям типа круглого здания Дашлы 3.

Определенный интерес представляют и погребальные обряды обитателей оазиса. Наряду с отдельными «грунтовыми» могильниками, выне-

[5] Кой Крылган Кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. Тр. ХАЭЭ, V, М., 1967.

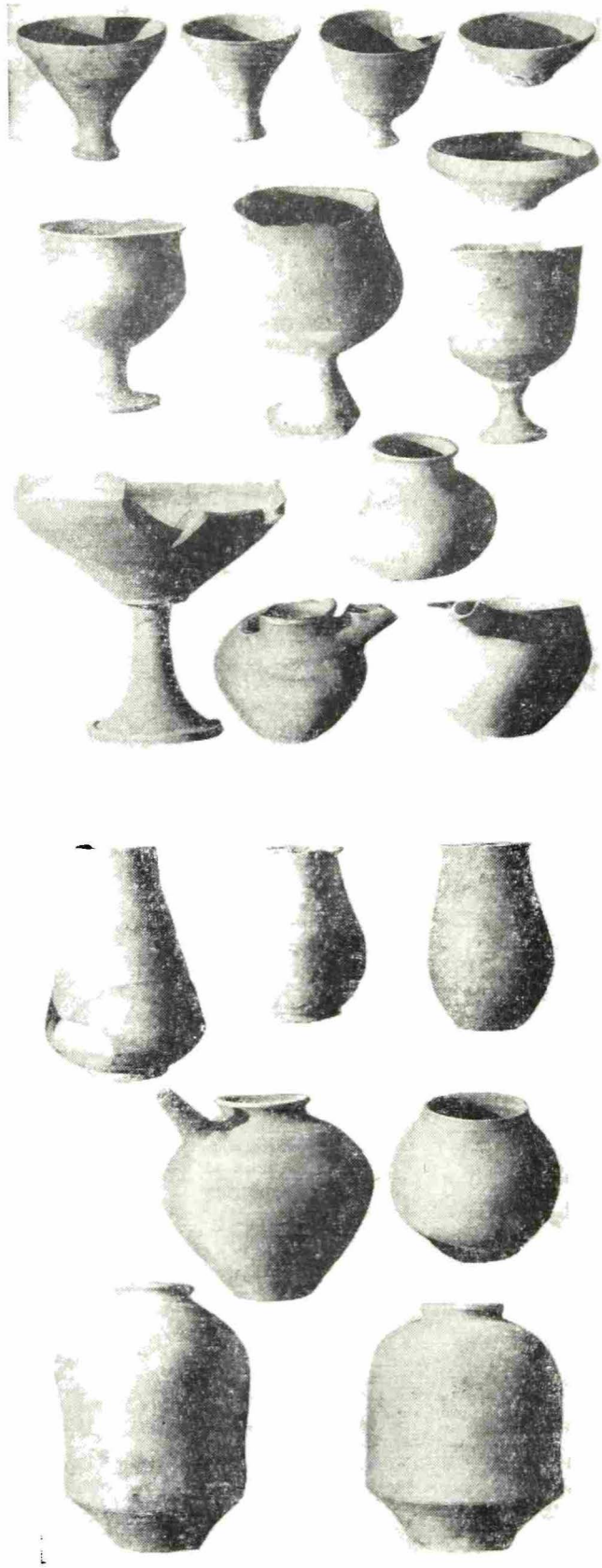


Рис. 4 а и б. Дашлы 1. Керамика эпохи бронзы

сенными на окраину поселений, имеются захоронения в пределах памятников, впущенных в руины заброшенных зданий. Один такой полуразвеянный могильник исследован на окраине поселения Дашлы 3. Могильные ямы вырыты в древнем такыровом слое и, видимо, были залджены сверху кирпичом. Скелеты сохранились плохо; все они скорченные, ориентированы головами преимущественно на север; погребальный инвентарь невелик — как правило, это несколько керамических сосудов.

Как отмечалось, захоронения встречены также в руинах зданий. Все скелеты скорченные, преимущественно имеют северную ориентировку, в погребальном инвентаре (кроме сосудов) встречены металлические булавки, зеркала, браслеты, кольца, каменный флакон. Наряду с подобными захоронениями на поселениях оазиса встречаются могилы, где костяки совершенно отсутствуют, а погребальный инвентарь включает большое количество сосудов, которых иногда больше 20, чаще уложенных стопками. Возможно, перед нами своего рода кенотафы, однако этот вопрос требует уточнения.

Представляют интерес ритуальные захоронения баранов: два таких погребения встречены на Дашлы 1. Скелеты неразделанных баранов лежат в могильных ямах и окружены большим количеством сосудов, уложенных стопками вокруг костяков. В первом случае перед черепом барана найдены ребра другого барана. Оба скелета животных имеют северную ориентировку.

Керамический комплекс рассматриваемых памятников может быть подразделен на три основные группы: посуду, сделанную на гончарном круге; лепную посуду и сероглиняную. Преобладают сосуды первой группы, изго-

товленные из глины хорошего качества и хорошо обожженные. Основные формы — вазы, вазы на ножке (иначе именуемые «вазы для фруктов»), хумчи с подкошенной придонной частью, кубки, кубки на ножках, чаши со сливами, чайники, горшки, крынки, хумы. Ведущими и показательными формами являются тонкостенные вазы и вазы на ножках, составляющие свыше 80% от всей учтенной «столовой» посуды с Дашлы 1. За редким исключением все они изготовлены из светлой глины, светлоангобированные с тонкопрофилированными венчиками. Много реже встречены краснофонные и в единичных случаях окрашенные красной краской.

Вторая группа представлена кухонными сосудами, по преимуществу котлами и жаровнями с низким бортиком.

Немногочисленную, но характерную группу составляют сероглиняные сосуды в виде полусферических чаш, мисок, горшков, сосудов со сливами, украшенных лощеным орнаментом. Комплекс серолощеной посуды имеет прямые аналоги в памятниках эпохи бронзы Северо-Восточного Ирана и является импортом из этих областей.

Как отмечалось, на поселениях исследуемого оазиса собрана большая коллекция кремневых изделий и особенно отходов от кремневого производства. Среди изделий выделяются наконечники стрел трех основных типов: ромбические, треугольные черешковые с опущенными жальцами, и лавролистные, которых намного меньше. Имеются также наконечники дротиков до 10 *см* длиной. Большинство их изготовлено отжимной техникой, поверхность покрыта «струйчатыми» фасетками.

Встречены также длинные пластины, края которых нередко имеют глубокую ретушь.

Достаточно широко представлены и металлические изделия, преимущественно бронзовые. Это «длинные булавки», бритвы, зеркала, браслеты, височные подвески, лезвия ножей, кинжалов и дротиков, топорики, серебряное колечко, серп с зубчатым рабочим краем. О местном производстве свидетельствует тигель, расчищенный на холме Дашлы 3.

Особую группу находок составляют каменные, бронзовые и терракотовые печати. Большая их часть имеет круглую форму с петелькой-ручкой с оборотной стороны. С лицевой стороны имеются геометрические орнаменты, выполненные перегородчатой техникой. Особого внимания заслуживают две каменные печатки, сделанные в виде подвески со сквозным отверстием. На одной — изображение скорпиона, на другой — крылатый лев с открытой пастью. Обе они скорее всего являются импортом из более западных областей, причем печатка со львом близко напоминает ассирийские, датируемые XII—X вв. до н. э.[6]

Костяные изделия представлены обработанными рогами мелких и крупных животных, в том числе оленьих. Имеются и более миниатюрные, тщательно зашлифованные костяные предметы. Наряду с керамическими пряслицами встречены каменные поделки биконической формы, украшенные в большинстве случаев кружочками — по три на каждой плоскости; назначение их остается не совсем ясным.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что находки украшений очень редки и почти полностью отсутствует мелкая терракотовая пластика. Отмечены единичные находки бусинок из лазурита, сердолика и других поделочных камней и единственная статуэтка животного с поверхности Дашлы 1.

Такова суммарная характеристика материальной культуры племен, некогда обитавших в исследуемом оазисе. Поселения с мощными крепостными укреплениями (свидетельство развитых форм общественной жизни), высокий уровень гончарного производства и металлообработки, монументальная архитектура, хозяйство, основанное на поливном земледелии и

---

[6] Ср. E. Porada. Corpus of Ancient Near Eastern Seals. Washington, 1948, табл. LXXXVI.

скотоводстве,— все это свидетельствует о существовании здесь высокоразвитой культуры.

Представляется вполне закономерным характеризовать исследуемые памятники, как относящиеся к «цивилизации второго пояса», которая охватывала области к северу от Гиндукуша, северо-восточного Ирана и частично заходила на территории южных районов Средней Азии.

Закономерен вопрос о месте и времени изучаемых памятников в ряду сопредельных цивилизаций этой части Древнего Востока. В настоящее время можно считать бесспорным, что памятники типа акчинского оазиса не заходили южнее отрогов Гиндукуша и представляли цивилизацию, типичную только для Северного Афганистана. Они более тяготели к южным областям Средней Азии и районам восточного Ирана. Так, минимальные соответствия прослеживаются с цивилизацией долины Инда и южноафганскими памятниками типа Мундигака [7]. Гораздо более четкие связи, вплоть до торговых, обнаруживают памятники северо-восточного Ирана типа Шах-Тепе, Тюренг-Тепе и Тепе-Гиссар [8].

Однако наиболее близкие аналогии дают соответствующие комплексы из дельты р. Мургаб [9] и, возможно, Сапал-Тепе (Южный Узбекистан) [10]. Указанные параллели дают право относить поселение акчинского оазиса ко второй половине II тысячелетия до н. э., а точнее к последним столетиям II тысячелетия до н. э. Пока еще трудно конкретизировать направление культурных связей, однако генетическое родство между ними представляется безусловным.

Эпоха раннего железа. Материалы этого периода получены при раскопках поселения Тилля-Тепе, около г. Шибергана. Здесь был заложен раскоп и два шурфа.

Вся керамика с Тилля-Тепе может быть подразделена на две группы: лепную и гончарную. Первую, наиболее многочисленную группу составляет посуда ручного изготовления, распадающаяся в свою очередь на типы: расписную, чернополированную и кухонную. Наибольший интерес представляет расписная керамика. Глина ее имеет большую примесь толченой керамики или мелконарубленных растений. Черепок слегка пористый, красноватого цвета, иногда в середине черноватый. Поверхность сосудов покрыта ангобом светлых тонов от беловатого до розоватого. Среди керамических форм наиболее широко представлены полусферические чаши и горшковидные сосуды.

Роспись выполнена коричневой или красноватой краской, иногда небрежно. Орнаменты исключительно геометрические: треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку или сплошь залитые краской. Нередко комбинация их дает довольно сложные узоры. Почти всегда роспись нанесена на верхнюю часть сосуда; в единичных случаях отмечена роспись изнутри.

Следующий тип составляет хотя и немногочисленная, но характерная чернополированная посуда. Это сосуды средних размеров типа горшков, иногда имеющие широкие, вертикально поставленные ручки, идущие прямо от венчика к тулову. Ниже венчика идет кольцевой орнамент в виде рельефных горизонтальных валиков. На единственном фрагменте отмечен процарапанный орнамент.

---

[7] Ср. кубки на ножках. J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, XVII, Paris, 1961, табл. XXXII.

[8] Ср. серолощеную керамику с Тюренг-Тепе III (I. Deshayes. New Evidence for the Indo-Europeans from Tureng Tepe Archaeology, 1969, 22, 1), Шах-Тепе (T. Arne. Excavations at Shah Tepe. Iran, Stockholm, 1945) и Тепе-Гиссар (E. Shmidt. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937).

[9] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, 1959, табл. I—X.

[10] Л. И. Альбаум. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи. ОНУ, 1969, 5, стр. 46—47.

Третий тип составляет многочисленная кухонная посуда грубой выделки. Здесь выделяются котлы с ручками-выступами, крупные хумы, горшки, хумчи, жаровни с низкими бортиками, крышки с ручками. Отдельные экземпляры украшены нарезным или лепным орнаментом.

Вторую группу керамики Тилля-Тепе представляют сосуды, изготовленные на гончарном кругу. Глина без заметных примесей отличается прекрасным качеством и обжигом. Как правило, внешняя поверхность сосудов покрыта светло-зеленоватым ангобом. Основные формы: хумы, горшки, чаши, миски. Венчики хорошо профилированы, чаще всего имеют в разрезе треугольную форму и обычно сильно отогнуты наружу. В целом формы венчиков сосудов средних размеров почти аналогичны лепным сосудам. Подсчет по венчикам среди всей посуды с раскопа дал соотношение 1 : 2 в пользу лепной керамики.

Материалы, полученные с Тилля-Тепе, выглядят несколько изолированно на фоне известных находок с поселений Афганистана. Правда, единичные орнаменты расписной посуды находят достаточно прямые аналогии в керамике Мундигака VI [11], но наиболее близкая связь обнаруживается с комплексом типа Яз-Тепе I из Южного Туркменистана (начало I тыс. до н. э.), так что можно предполагать генетическую связь между ними. Однако происхождение самого комплекса Яз-Тепе I до сих пор остается неясным. Впервые он был выделен американцами на южном холме Анау (Анау IV), где он как бы внезапно прерывает старую, глубоко местную земледельческую культуру. Налицо определенный разрыв в культурном развитии, в результате чего и было высказано мнение о вторжении из степей племен варваров (эпоха варварской оккупации) [12]. Иными словами, предполагается, что комплекс Яз-Тепе I сложился в результате варваризации местной культуры вследствие вторжения с севера арийских (андроновских) племен.

Затронутая проблема далеко выходит за рамки чисто археологических интересов, так как с комплексом Яз-Тепе I связывается продвижение в начале I тысячелетия до н. э. иранских племен с востока (Средняя Азия) на запад по иранскому плато [13].

Материалы Тилля-Тепе заставляют с большой осторожностью подходить к устоявшейся в науке точке зрения. В самом деле максимальная толща слоев расписной керамики типа Яз-Тепе I в Южной Туркмении не превышает 2—3 *м*, в то время как на Тилля-Тепе она свыше 10 *м*. Уже это чисто археологическое наблюдение предостерегает от того, чтобы видеть в Тилля-Тепе поселение, основанное выходцами из Туркменистана. Если учесть, что в верхнем слое этого североафганского поселения имеется керамика типа Яз-Тепе II, то, очевидно, что имеются все основания представить обратную картину, когда носители расписной керамики типа Тилля-Тепе попадают в пределы Туркменистана и Южного Узбекистана из более южных областей, захватывавших и районы к северу от Гиндукуша. В литературе уже отмечался хронологический разрыв между эпохой бронзы (Намазга VI) и слоями Яз-Тепе I, в то время как Тилля-Тепе демонстрирует многометровую преемственность единого культурного комплекса.

Приведенные материалы приобретают особое значение в свете существующей теории о распространении индо-иранских языков из пределов Средней Азии [14]. Рассмотренные материалы, если и не дают прямого отве-

[11] I. M. Casal. Fouilles de Mundigak. II, 1961, Paris, рис. 118, *622*, рис. 119, *623*, рис. 122, *153*, *654*; эти параллели лишний раз подчеркивают преимущественно афгано-туркменистанские соответствия, чем ферганские (чуст). См. V. Masson, V. Sarianidi. Afghanistan in the Ancient East. «Afghanistan», 1970, 2.

[12] E. Schmidt. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. I, Washington, 1908.

[13] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 150—151.

[14] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 68; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 124.

та на проблему в целом, то тем не менее совпадают по времени с этими предполагаемыми событиями. Более того, они соединяют воедино историю племен, обитавших по обе стороны Амударьи в конце II — начале I тысячелетия до н. э., очерчивая тот узловой центр, где можно надеяться на перспективные результаты в исследовании проблемы, занимающей умы многих поколений историков, лингвистов и археологов.

Античность. На территории Северного Афганистана проводили разведки многие иностранные археологические экспедиции. Им удалось обнаружить большое число памятников, относящихся к средневековью и к кушанскому времени, и очень немного относящихся к первобытности и к греко-бактрийской эпохе [15]. Внимание археологов привлекали, главным образом, районы современных земледельческих оазисов. Именно поэтому большая часть из открытых экспедициями памятников расположена на реках Балх, Хульм, Кундуз, Кокча и на их притоках.

Советско-Афганская экспедиция начала свою работу с обследования менее всего изученных районов, расположенных к северу, востоку и юго-востоку от г. Акчи. Ранее здесь между городами Шибергана, Акчей и р. Амударьей было зафиксировано лишь несколько памятников, относящихся к раннесредневековому и мусульманскому времени [16]. Советско-Афганской экспедиции удалось впервые обнаружить тут памятники более ранней поры. Среди пяти пунктов, где обнаружены руины поселений того времени, когда Бактрия входила в состав державы Ахеменидов, имеется город с хорошо заметными остатками оборонительных стен и цитаделью. Были открыты также четыре памятника, скрывавшие остатки поселений греко-бактрийского времени. При этом не исключено, что некоторые из них существовали и при Селевкидах, о чем свидетельствуют находки на одном из них селевкидской монеты. Около десяти памятников являются руинами городов и укрепленных усадеб первых веков н. э., когда Бактрия входила в состав Кушанского государства.

В 1969 и в 1970 гг. экспедиция проводила раскопки двух городов, существовавших в греко-бактрийское и кушанское время. Первый из них Емши-Тепе круглый в плане находится в 4 *км* к северо-востоку от г. Шибергана. В 1938 г. его посетили английские археологи, упомянувшие о нем вскользь в своем отчете [17]. Город был обнесен мощной оборонительной стеной, сложенной из сырцовых кирпичей и пахсы. Длина стены по периметру немногим менее 1,5 *км*, диаметр внутри стен 480 *м*. Общая площадь города около 18 *га*. Исследование оборонительной стены города показало, что ее высота превышала 14 *м*. Стена неоднократно перестраивалась и ремонтировалась. Наиболее древняя часть стены была позднее укреплена двумя дополнительными панцирями, пристроенными к ней с обеих сторон. Благодаря этому она оказалась как бы в футляре и стала ядром мощной стены последнего строительного периода. Подобные приемы утолщения древних стен известны и на других памятниках античного времени. Так, стена Гяур-Калы, построенная при Антиохе, в порфянское

[15] Дополнительно к литературе, приведенной у Э. А. Юркевича (Э. А. Юркевич. Ук. соч., стр. 104—114), следует указать следующие работы: T. N. Ramachandran and Y. D. Sharma. Archaeological reconnais sance in Afghanistan. Delbi, 1956, стр. 119 сл; K. Fischer. Preliminary Remarks on Archeological Survey in Afghanistan. «Zentralasiatische Studien», 3, Wiesbaden, 1969, стр. 327 сл; R. Davis. Prehistoric Investigation in Northern Afghanistan. «Afghanistan», XXII, 3—4 (1969—1970) стр. 75 сл; S. Mizino. Hazar-Sum and Fil-Khana. Kyoto, 1967; P. Bernard. Aï Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. «Albert Reckitt Archaeological Lecture British Academy». Proceedings of the British Academy. LIII, London, 1967; P. Bernard. Troisième campagne de fouilles a Aï Khanoum en Bactriane. AIBL Paris, 1968, стр. 263 сл; P. Bernard. Campagne de fouilles 1969 a Aï Khanoum en Afghanistan. AIBL Paris, 1970, стр. 301 сл.

[16] E. Barger. Explorations of Ancient Site in Northern Afghanistan. «Geographical Journal», XCIII, London, 1939, 5, стр. 377 сл; H. Deydier. Contribution à l'étude de l'art du Gandhara. Paris, 1950, стр. 203.

[17] E. Berger et Ph. Wright. Excavations in the Oxus Territories of Afghanistan. Memoirs of the Archaeological Survey of India, 64, Calcutta, 1941, стр. 54.

время была укреплена пристроенными с обеих сторон панцирями и как бы заключена в футляр [18]. Городская стена Дальверзин-Тепе в кушанское время заключена в футляр, а стена цитадели усилена внешним панцирем [19]. Древнейшая стена Емши-Тепе была сложена из пахсовых блоков и сырцового кирпича размером 40 × 40 × 10 *см*. В верхней части стена имела толщину 9 *м*, книзу она расширялась до 15 *м*. Со стороны города вдоль стены имелся уступ шириной до 2 *м* — вероятно, для облегчения передвижения солдат, обороняющих город. Позднее, когда с этой стороны к стене был пристроен новый панцирь шестиметровой толщины из пахсовых блоков, ширина галереи соответственно увеличилась и уровень ее оказался на 1,5 *м* выше, что, по-видимому, свидетельствует об увеличении высоты стены. Древняя стена была надстроена кирпичом меньшего размера: 38 × × 38 × 10 *см*.

Снаружи, вокруг стены, вероятно, был ров. В последний период существования оборонительных сооружений с наружной стороны стены на слое обрушившихся кирпичей была возведена кирпичная кладка, подошва которой оказалась на 7 *м* выше подошвы оборонительной стены с внутренней стороны. Можно предположить, что высота стены в это время значительно возросла, а толщина ее вместе со всеми панцирями превысила 25 *м*. Был вырыт ров. Его дно было на 8,5 *м* ниже подошвы наружного кирпичного панциря стены. Трудно определить точные даты постройки и обновления оборонительной стены. В одном из пахсовых блоков древнейшей части стены под глиняной обмазкой был обнаружен бронзовый трехлопастной листовидный наконечник стрелы типа найденных в Персеполе [20] и датирующихся V — IV вв. до н. э. Однако не исключено, что он попал в пахсовый блок вместе с глиной, и в таком случае он может дать только terminus post quem для определения даты возведения древней части стен. В завале кирпичей при расчистке стены были найдены серебряная сасанидская монета и бронзовая монета «Безымянного царя» (Сотера Магаса), принадлежащая, вероятно, чекану Кадфиза I [21]. Впрочем, единого мнения у специалистов о датировке этих монет нет [22]. Найденные монеты показывают, что оборонительные стены уже существовали в кушанское время, это позволяет предположить, что время их разрушения — эпоха сасанидов. К этому же времени относится и гибель жилых построек, исследовавшихся на двух всхолмлениях в средней и северной частях городища. Раскопки внутри города показали, что расцвет городской жизни относится к кушанскому периоду. Именно тогда сооружался, по-видимому, дополнительный панцирь, укреплявший оборонительные стены со стороны города.

Последний ремонт оборонительных сооружений и возведение наружного панциря так же, как и разрушение стен, относится, вероятно, к сасанидской эпохе.

При кушанах к пахсовому панцирю стены со стороны города были пристроены помещения, стены которых, как и у других построек, были сложены из сырцового кирпича, реже кладка была комбинированной (кирпич и пахса). На глинобитных полах стояли глинобитные же очаги; иногда в полы были вмазаны хумы или другие крупные сосуды. Изредка на полу стояли небольшие известняковые поделки, напоминающие базы колонн. Возможно, это были домашние алтарики или просто подставки. Аналогичные поделки находили в греко-бактрийском городе Ай-Ханум [23] и

---

[18] Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 105.

[19] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 23.

[20] E. F. Schmidt. Persepolis, 2, стр. 99, табл. 76, *8*.

[21] М. Е. Массон. Происхождение безымянного царя царей — великого спасителя. Тр. СГУ, XI, Ташкент, 1950, стр. 11 сл.

[22] Г. А. Пугаченкова. К дискуссии о «Сотере Мегасе». Тр. ТашГУ, 295, Ташкент, 1966, стр. 15 сл.

[23] P. Bernard. Campagne de fouilles 1969 a Aï Khanoum en Afghanistan, AIBL, avrie-juin, 1970, Paris, 1970, стр. 337—339, рис. 30.

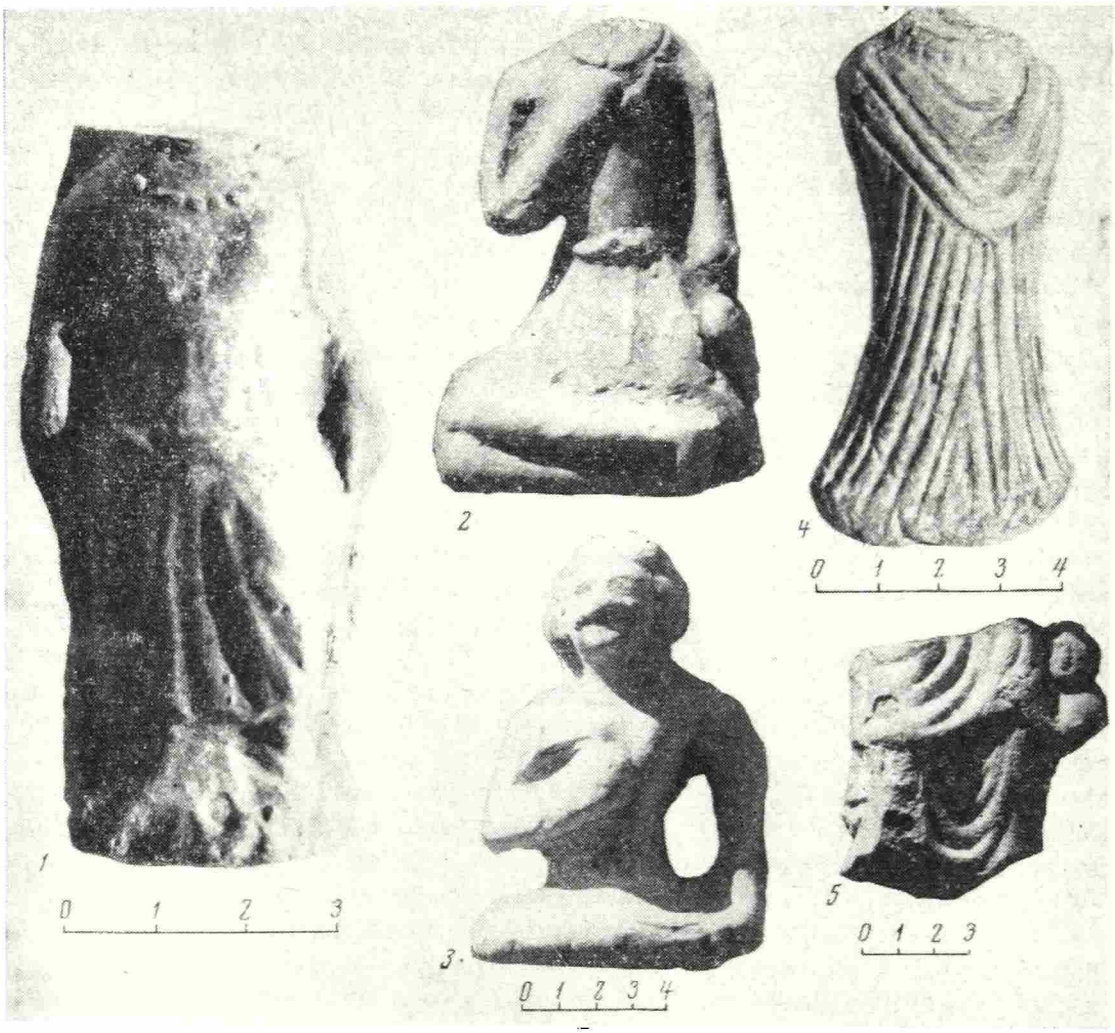


Рис. 5. Терракотовые статуэтки

во многих поселениях античного времени на территории среднеазиатских союзных республик[24]. В слое над полами помещений найдено большое количество терракотовых статуэток. Некоторые из них выполнены в греко-бактрийском стиле, как например, фигурка женщины в хитоне, покрывале и с ожерельем на шее (рис. 5, *1*)[25], или головка от другой статуэтки (рис. 6, *1*). Некоторые из терракот сильно стилизованы (рис. 5, *4*) и являются, по-видимому, дальнейшим развитием типа богини с зеркалом. Они напоминают статуэтку из Саксанохура[26]. Своеобразна женская статуэтка, голова которой не сохранилась, в одежде, по-видимому, застегивавшейся спереди на всю длину (рис. 6, *5*). Края одежды сделаны рельефно, так же рельефно изображены узкие, доходящие до полу рукава. Эта одежда напоминает статуэтки из Галла-Молла[27]. Как и на среднеазиатских посе-

[24] Г. А. Пугаченкова в своей работе: «Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана» (Тр. Термезской археологической комплексной экспедиции. II. Ташкент. 1945, стр. 78) называет такие предметы постаментами миниатюрных реликвариев. Близкие им, но на ножках, были найдены на городище Калаи-Мир; См. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении рек Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.) МИА. 37. 1953. стр. 284, рис. 20 и табл. XII, *63*.

[25] Подобного типа статуэтки находили в античном Мерве. Г. А. Пугаченкова. Коропластика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ. XI. стр. 125.

[26] Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксонохур (Южный Таджикистан). СА. 1969. 2, стр. 170. рис. 8; Одна из терракот «музыкантов» из Самаркандского музея имеет аналогично выполненное украшение, спускающееся от плеч к поясу в виде трех рельефных полос; См.: В. А. Мешкерис. Терракоты самаркандского музея. Каталог. Л., 1962, IX, 105.

[27] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 221, рис. 104, *5*.

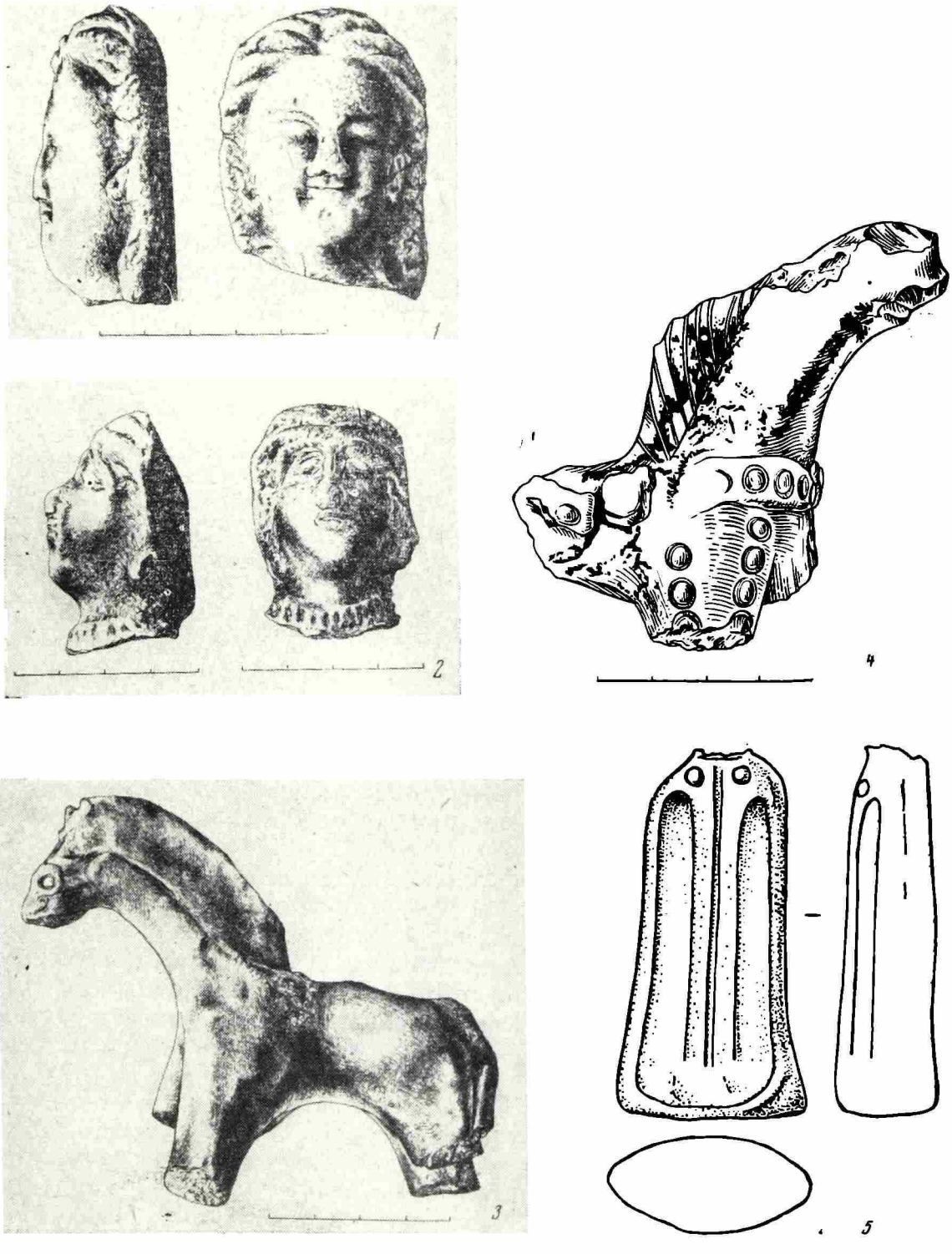


Рис. 6. Емши-Тепе. Терракотовые статуэтки (*1—5*)

лениях кушанского времени, на Емши-Тепе имеются статуэтки всадников и лошадок (рис. 6, *3*, *4*) [28].

Особенно интересны статуэтки мужчин, сидящих со скрещенными ногами, с гривной на шее и с рукой у груди (рис. 5, *2* и *3*). Среди других находок было много алебастровых профилированных пряслиц, имевших своеобразный перехват посредине; при этом одна из сторон была плоской

[28] У одной из фигурок лошади глаза выполнены в виде круглых лепешковидных налепов с оттиснутым кружком в центре. В. А. Мешкерис относит подобные фигурки к эфталитской эпохе (В. А. Мешкерис. Ук. соч., XI, стр. 124), но такая же лошадка найдена в Халчаяне на полу дворцового здания, погибшего в III в. (см.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 230, рис. 108 и стр. 251).

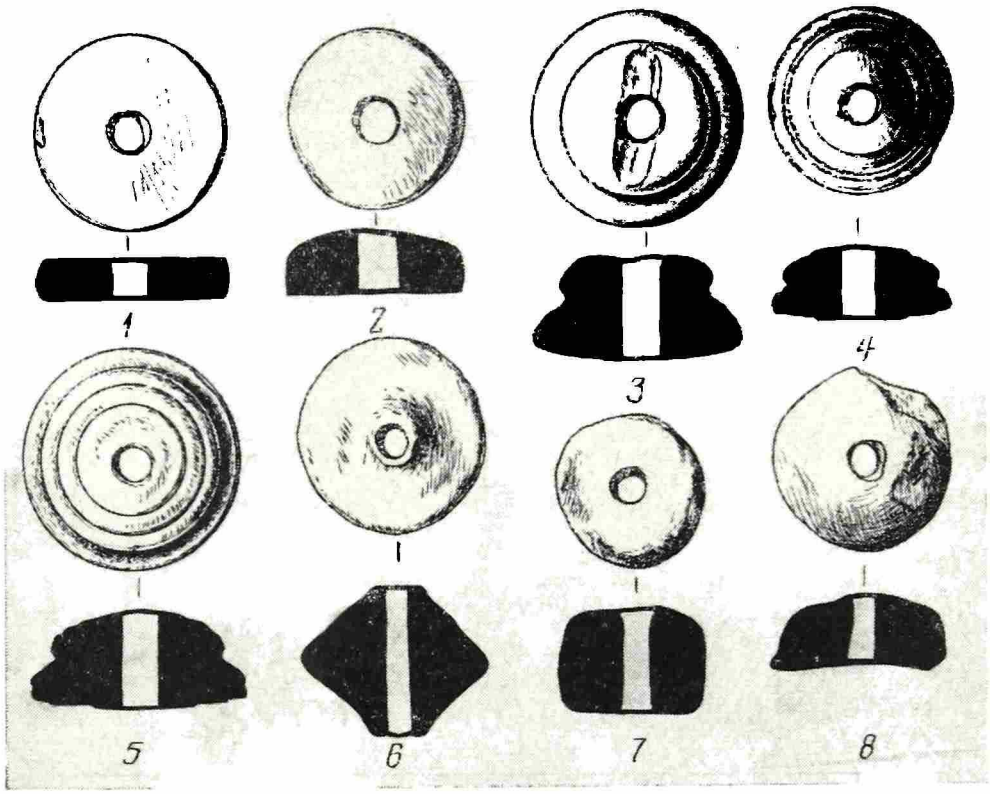


Рис. 7. Емши-Тепе. Пряслица

1—5 — камень; *6—8* — глина

и имела бо́льший диаметр, противоположная сторона, слегка выпуклая, иногда имела дополнительные врезные круги [29] (рис. 7, *3—5*).

В центральной части города был вскрыт комплекс помещений жилого и хозяйственного назначения. Сеть обводных коридоров разделяет весь комплекс на отдельные блоки, состоящие из нескольких помещений, концентрирующихся вокруг внутренних двориков. Были прослежены два строительных горизонта. При этом во многих случаях стены верхнего строительного периода стоят непосредственно на стенах первого яруса.

Размеры сырцовых кирпичей в стенах верхнего строительного горизонта 38 × 38 × 10 *см*, тогда как нижний ярус стен сложен из кирпичей размером 40(42) × 40(42) × 10(12) *см*; иногда встречаются стены, сложенные из пахсовых блоков. Внутри многих помещений имелись своеобразные круглые очаги, сделанные из хумов, обложенных вертикально стоящими кирпичами. При этом пространство между хумом и кирпичами было заполнено золой. Среди помещений хозяйственного назначения была кладовая с пятью стоящими хумами, самый крупный из которых имел высоту 1,2 *м* и диаметр устья 0,50 *м*, самый маленький — высоту 0,85 *м*, диаметр устья 0,35 *м*. Среди находок в помещениях нижнего горизонта имелись терракотовые статуэтки лошадок, собаки, а также глиняные пряслица, обломки сосудов. В помещениях верхнего горизонта вместе со статуэтками животных: быка, собаки, лошади — найдены статуэтки всадника, обломки расписных сосудов (рис. 8, *1*), каменных тарелок с резным орнаментом. Особый интерес представляют обломки рельефных чаш эллинистического времени, так называемой «мегарской» чаши (рис. 8, *2*) и тарелки с рельефным медальоном в центре, соответствующие по вре-

[29] Подобные пряслица имелись в Халчаяне (см.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян. стр. 95, рис. 62), в Закар-Тепе (см.: J. Carl. Sondages au Zaker-Tepé. MDAFA, VIII, Paris, 1959, стр. 77, табл. VI).

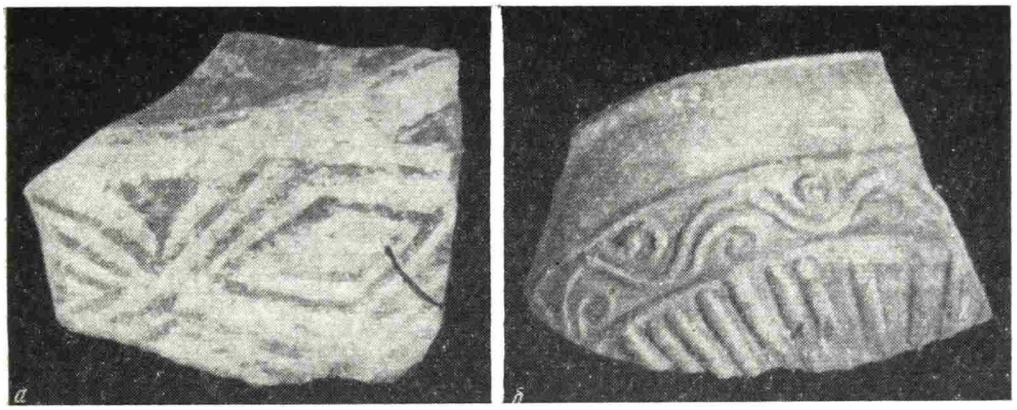


Рис. 8. Емши-Тепе.
1 — обломок расписного сосуда; *2* — обломок рельефной чаши

мени греко-бактрийским монетам, также найденным в верхнем слое позднекушанского или сасанидского времени.

Среди находок из соседнего жилого комплекса кушанского времени, раскапывавшегося в 1969 г. на ближайшем небольшом всхолмлении, имелась стенка гончарного сосуда с процарапанной надписью, сделанной еще до обжига сосуда греческими буквами и являющейся, по-видимому, началом греческого имени Диодот. Там же найдены дно сосуда с греческим граффити и целый ряд терракотовых статуэток: богини, всадника и животных — собаки и лошади. Интересна находка фляги с остатками светло-голубой глазури на поверхности. В одном из помещений найдены известняковые «базы» и алебастровые пряслица, аналогичные встреченным у городской стены. Остатки глиняных труб, проложенных под стенами, позволяют говорить о наличии в городе канализации.

Этот город являлся центром сельскохозяйственного оазиса. Расцвет города связан с кушанским временем. Мощность культурного слоя этого времени достигает 5—6 *м*. Общая мощность культурного слоя превышает 8,5 *м*. В окрестностях города были обнаружены небольшие поселения и усадьбы кушанского и греко-бактрийского времени. Мощные стены города были защитой населения от врагов. Остатки гончарных печей и мастерская металлурга в одном из помещений свидетельствуют о том, что в городе жили ремесленники. Многочисленные монеты говорят о развитой торговле.

В 1970 г. экспедиция начала раскопки еще одного античного города Дальверзин-Тепе, руины которого находятся вблизи современной деревни Дальверзин, в 20 *км* к северо-востоку от г. Акчи. Здесь, среди песков и такыров, возвышается множество тепе, скрывающих небольшие городки и усадьбы эпохи ахеменидов, греков-бактрийцев и кушан.

Оборонительные стены античного Дальверзина возвышаются на 6—7 *м* над современной поверхностью. Город интенсивно засыпается наступающими песками пустыни. Однако сильные ветры передвигают поверхностные пески, обрисовывая контуры глинобитных построек как внутри города, так и вне его. Поэтому археологу иногда удается почти полностью увидеть планы зданий даже не производя раскопок.

Дальверзин (почти квадратный в плане) был обнесен кирпичной стеной, каждая из сторон которой имела длину около 383 *м* (рис. 9). Общая площадь города внутри стен была немногим менее 12 *га*, но он простирался далеко за пределы оборонительных стен. К югу и востоку от города тянутся (на расстояние до 50—80 *м*) остатки построек, расположенных вдоль нескольких параллельных улиц. Отчетливо выступают развалы домов и многочисленных керамических печей, около которых встречается множество кусков керамического шлака. Вне городских стен имеются два высоких холма, скрывающих остатки монументальных построек, возможно, храмов.

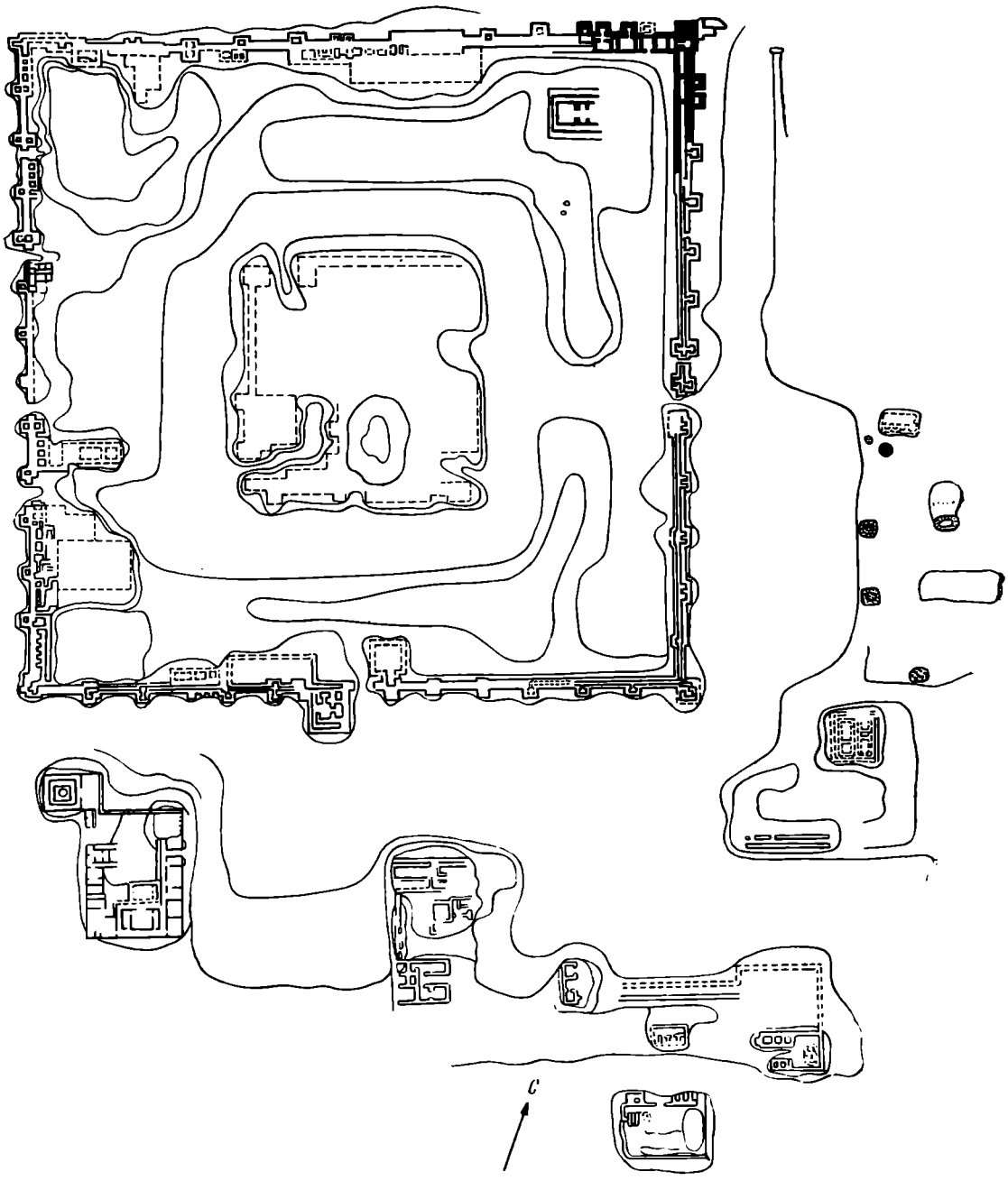


Рис. 9. Дальверзин. План

В самом центре пространства, огороженного оборонительными стенами, возвышается цитадель. Она также имеет вид квадрата со сторонами около 150 *м* каждая. Цитадель обнесена мощными стенами с башнями. Вход на цитадель был с запада. Он, по-видимому, был специально укреплен. Цитадель возвышается над городскими стенами, и в результате размыва и выдува культурного слоя в настоящее время она сплошь усыпана битой керамикой кушанского времени. Раскопки там не производились. Между стенами цитадели и городскими стенами находится ряд холмообразных возвышенностей. В северо-восточном углу раскопки одного из наиболее высоких всхолмлений обнаружили остатки большой прямоугольной постройки типа храма в антах.

Как и у греческих храмов, вход в него был с востока. Имелся пронаос и наос, но кроме того был непривычный для греческих храмов сводчатый обводной коридор. Как только стены храма были оконтурены, выяснилось, что они были сложены из сырцовых кирпичей и покрыты штукатуркой, местами сохранившей полихромную роспись. Кроме того, при расчистке

Рис. 10 Дальверзин. Стрелковая галерея

входа обнаружили кусок примыкавшей к стене рельефной глиняной скульптуры (часть ноги и голубой туники). Отсутствие в составе экспедиции реставратора заставило отложить расчистку храма до будущего полевого сезона. Вокруг храма была ровная углубленная площадка, по-видимому, площадь. Аналогичные площадки имелись и в остальных трех углах городища. К югу от храма отчетливо выделяются развалы керамических печей с кусками керамического шлака и ошлакированных сводов. Еще далее к югу находится жилой квартал. В плохо сложенных домах с небольшими помещениями, относящимися к последнему периоду существования города, может быть, жили слуги или ремесленники, обслуживавшие дворец правителя, располагавшийся на цитадели. С противоположной стороны городища по обе стороны западных въездных ворот находятся два высоких холма, скрывающие большие, еще не раскопанные здания.

Кроме западных въездных ворот в средней части южной стены имелся проезд, который был фланкирован двумя башнями: одна выступала наружу, другая — внутрь городища. Вероятно, существовали проходы и в других стенах, но выявление их требует проведения раскопок. При внешнем осмотре оборонительных стен установлено, что их конструкция, количество и размер башен, а также интервалы между нами неодинаковы. Так, к внутреннему панцирю северной и западной стен были пристроены помещения, тогда как вдоль восточной стены тянулась двухэтажная галерея. Такая же галерея, видимо, была и у южной стены, но там кое-где имеются и пристроенные помещения. С внешней стороны к каждой из стен примыкали по 13 или 14 прямоугольных башен, входы в которые были либо через примыкавшие к стене помещения, либо из галерей. В последнем случае в галереях были сделаны специальные лестницы на верх башни. В нижние помещения башен, где находились бойницы, можно было попасть, спустившись по сводчатому коридору-лесенке, проходившему внутри башни.

В 1970 г. были проведены раскопки в северо-восточном углу оборонительных сооружений и в средней части западной оборонительной стены. Было установлено, что стены, сложенные из сырцового кирпича, имели

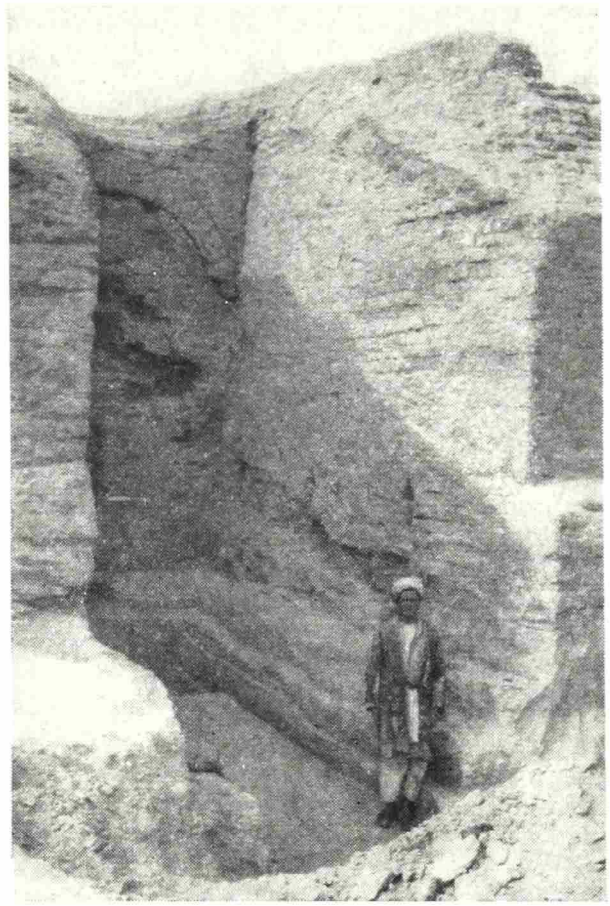


Рис. 11. Дальверзин. Башни

толщину 3 *м*, сохранившаяся их высота составляет 8 *м*. Размеры кирпичей различны: 38 × 28 × × 12,5 *см*; 35 × 30 × 10 *см*; 35 × 34 × 13 *см*. Вдоль восточной стены, с внутренней стороны, тянулась галерея трехметровой ширины (рис. 10), перекрытая сводчатым потолком. Сохранившаяся часть свода была сложена из трапециевидных кирпичей в отличие от кладки стены, где кирпичи были квадратными. Трапециевидные кирпичи были нестандартны. Их торцовые стороны равны 24 (25) *см* и 27 (30—32) *см*, а боковые стороны трапеции — 32, 34 и 35 *см* при толщине 10 и 11 *см*.

Стены галереи покрыты хорошо заглаженной штукатуркой белого и черного цвета. Зондаж, сделанный ниже пола галереи, показал, что она имела два этажа. Полное отсутствие находок здесь пока не позволяет установить, относятся ли эти два уровня галереи к одному или к разным хронологическим периодам. Уровень пола верхней галереи на 3,5 *м* выше уровня подошвы стены. По-видимому, высота обоих этажей была одинакова. Стены сохранили следы перестроек. Так, например, во внутреннем помещении угловой башни сохранились стреловидные бойницы, заложенные снаружи пристроенными стенами. Стреловидные бойницы сохранились у двух боковых башен на высоте 2,5 *м*, при этом у одной из них они частично заложены при ремонте стены (рис. 11).

Раскопки западной стены открыли часть жилого комплекса, примыкавшего к внутреннему панцирю стены (рис. 12). Среди помещений имеется кладовая (№ 6), где вдоль стен стояли 9 больших хумов, вмазанных в глину. В соседней комнате (№ 7) имелись 4 ниши, вырубленные в нижней части стен. Их ограждали округлые глиняные стенки. Всего в помещении № 7 было 5 округлых стенок, пристроенных к нижней части стен на уровне полов. Две из них отгораживали углы. Возможно, это были места для хранения продуктов — типа закромов. Аналогичные глиняные загородки имелись в углах еще трех помещений (№ 2, 3, 9). Интересны стоящие у дверных проемов (помещения № 2, 3, 8) небольшие хумы. Они окружены глиняными стенками, причем пространство между хумом и стенками заполнено золой. Аналогичные сооружения найдены на городище Емши-Тепе. В помещениях № 1, 2, 8 вдоль стен расположены глиняные лежанки; в помещении № 4 около дверного проема находился глинобитный очаг прямоугольной формы, рядом с ним в углу был глинобитный столик, а в противоположном углу помещения стоял хум. Все помещения небольшого размера, много раз перестроенные, часто двери заложены и превращены в ниши, некоторые стены возведены заново над стенами помещений предшествующего периода. Все стены были сложены из квадратных сырцовых кирпичей и оштукатурены. В некоторых случаях стены сохранились до 2,5 *м*, а над дверями уцелели перекрытия.

Положенные наискось кирпичи оснований сводов свидетельствуют

Рис. 12. Дальверзин. Помещения у западной стены

о сходстве строительной техники Дальверзина с античным Хорезмом [30]. В помещениях обнаружено много различных сосудов: краснолощеные миски и кубки с рельефными налепами в виде голов животных и без них, сосуды с зооморфными ручками, сосуды со штампованным орнаментом в виде вдавленных пальметок и т. д. Кроме краснолощеных встречались сосуды с красным и белым ангобом, а так же с бурым или черным покрытием и без покрытия. Имелись сосуды с врезным волнистым орнаментом, с утолщенными венчиками, покрытыми горизонтальными желобками, аналогичные керамике Емши-Тепе, Беграма [31] и античных слоев Балха [32]. Там же были найдены терракотовые статуэтки лошадок и рельеф с нижней частью человеческой фигуры.

Небольшие размеры помещений, их жилое или хозяйственное назначение, многочисленная керамика, найденная в помещениях, в том числе закопченая кухонная,— все это заставляет предположить, что здесь жило рядовое население города или солдаты городского гарнизона,

Иную картину дали раскопки помещений, пристроенных к северной оборонительной стене. Здесь к внутреннему панцирю стены прилегали восемь помещений значительно больших размеров, чем у западной стены. Стены трех из них отделаны расписной штукатуркой, но, так же как и храм, эти помещения в 1970 г. не вскрывались. Только одна самая маленькая комната была на короткое время освобождена от заполнявшего ее песка, благодаря чему удалось зафиксировать сюжетную полихромную роспись (рис. 13), покрывавшую часть северной стены, т. е. положенную непосредственно на глиняную обмазку внутренней поверхности оборонительной стены. Роспись занимает всю нижнюю часть стены, ширина которой 1,75 *м*. Высота расписанного панно более 1,1 *м*. Выше стена сохранила следы побелки. На росписи на розовом фоне представлена группа людей. В центре изображения наиболее крупная фигура мужчины, сидящего либо

[30] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХАЭЭ, 1. М., 1952, стр. 95, рис. 5, *2*.

[31] R. Ghirshman. Begram. MDAFA, XII, Caire, 1946.

[32] I. C. Gardin. Ceramiques de Bactres. Paris, 1957, табл. III, *3*; IV, *17*; V, *3c*.

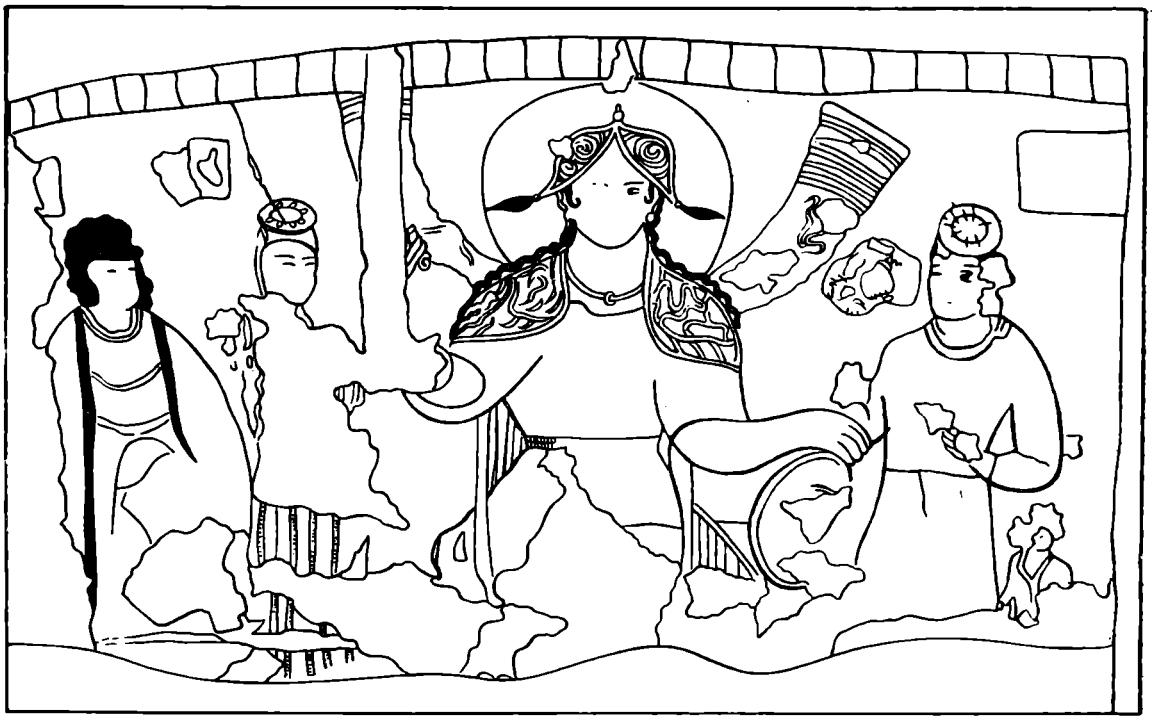


Рис. 13. Дальверзин. Роспись на северной стороне помещения № 12

с разведенными в стороны коленями, как часто изображали сидящих на троне сасанидских царей и богов [33], либо с поджатыми по-восточному ногами, как изображены пирующие в росписях Балалык-Тепе [34]. Роспись в нижней части испорчена и до конца не вскрыта. Поэтому поза изображенного человека пока может быть восстановлена лишь условно. Правая рука вытянута вперед и держит какой-то предмет, вероятно меч, так как сохранилось изображение только нижней части рукоятки. Левая рука опирается на щит, поставленный на колено. На мужчине — рубаха, подпоясанная кушаком, изображенным в виде двух рядов клеточек. На плечи накинут голубой со светлыми разводами плащ, на шее желтая (видимо, золотая) витая гривна с крупной пронизью в середине, в ушах каплевидные серьги с переливами. На голове своеобразный головной убор, представляющий собой нечто среднее между стилизованным шлемом и тюрбаном, по обеим сторонам которого изображены две черные кисточки, прикрепленные к двум желтым (по-видимому, золотым) бусинам. В центре надо лбом золотой шишковидной выступ. Волосы в виде волнистых прядей спускаются по плечам. Вокруг головы желтый нимб, сзади из-за плеч поднимаются два роговидных желтых предмета. Это ленты, так называемые «кости», хорошо известные на изображениях сасанидских царей [35]. С правой стороны центральной фигуры изображена стоящая женщина в одежде с оранжевыми полосами и в круглой шапочке в виде синего ободка с белой серединой. Сверху на шапочке изображены радиально расположенные линии, нанесенные красно-коричневой краской, которые делают ее похо-

[33] R. Ghirshman. Parthes et sassanides. Gallimard, 1962, стр. 172, рис. 214; стр. 205, рис. 244 и стр. 206, рис. 245; A. Godar, Y. Godar, J. Hackin. Les Antiquites Bouddhiques de Bāniyān. MDAFA, II, Paris, 1928, стр. 67 (роспись в Дохтар и Наширван), В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты. ЭВ, XVIII, Л., 1967, стр. 28, 6 и стр. 23, табл. I в/7.

[34] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 146, рис. 112.

[35] R. Ghirshman. Parthes et sassanides. Gallimard, 1962, стр. 172, рис. 214; стр. 206, рис. 245. Такого же типа «кости», но более стилизованные изображены за спинами некоторых из сановников, сидящих по сторонам Будды на росписи ниши Будды 35 *м* в Бамиане.. См.: A. Godar, Y. Godar, J. Nackin. Les antiquités Bouddhiques..., табл. XXIII.

жей на розетку, какие встречаются на терракотах из Хотана [36]. Рядом с изображением женщины еще одна фигура в красном хитоне, с коричневым с черной обводкой плащем на плечах и с черным башлыком на голове. Слева от изображения сидящего мужчины нарисована женщина в коричневатой одежде и шапочке, аналогичной шапочке правой женской фигуры. По-видимому, в правой руке эта женщина держала венок, выполненный синей и красной красками. О том, что к венку были прикреплены ленты, свидетельствуют остатки полос красно-коричневой краски. Эта женщина как бы венчала сидящего.

Изображения женщин меньше по размерам, чем изображение сидящего мужчины. Но в правом нижнем углу панно имеется маленькая фигурка в белом камзоле с синей каймой и правосторонним отворотом. Она примерно в 2,5 раза меньше любого из женских изображений и более чем в 3 раза меньше центральной фигуры. Сверху, над головами второстепенных персонажей, имеются три белых прямоугольника, на которых можно рассмотреть слабые следы надписи, сделанной черной краской, вероятно, толковавшей сюжет изображения. Сверху роспись ограничена полосой из чередующихся красных и белых квадратиков. Ширина полосы 6,2 *см*. Нижняя граница не расчищена, так как помещение полностью не раскопано. Роспись в нескольких местах утрачена. Куски ее выпали вместе с грунтовкой и глиняной обмазкой. Все контуры фигур и некоторые детали обведены тонкой черной линией. Художник знал применение светотени. Умело накладывая темную и светлую краски, он показал переливы жемчужных подвесок в ушах и блеск золотого выступа и бусин на головном уборе, красной краской показаны глазные впадины, тень от подбородка. Более темной краской обведены очертания рук, плечей, чтобы подчеркнуть их объемность. Живописец сумел показать и поворот женщины с венком в сторону центральной фигуры. По-видимому, с небольшим поворотом влево стояла и вторая женская фигура. К сожалению, роспись здесь сильно повреждена. Полная фронтальность только у главной сидящей фигуры.

Роспись эта уникальна и по сюжету и по исполнению. Она отличается от всех известных нам до сих пор монументальных росписей Средней Азии, Афганистана, Ирана, Индии и Китайского Туркестана. Отдельные детали находят аналогии в росписях различного времени. Так, плащ центральной фигуры не скреплен спереди, как обычно, а только слегка охватывает плечи. То же мы видим на расписной вазе IV — V вв. из Мерва в сцене пира царственной четы [37]. В росписях Кух-И-Ходжа I в. таким же образом плащ держится на одном плече [38]. Витые золотые гривны без пронизи и крупную пронизь на ленте можно видеть на шеях некоторых участников пира в росписи конца V — начала VI в. в Балалык-Тепе (фигуры 7, 13, 18, 31); пояс в виде двух рядов квадратиков имеется в росписи наоса храма Зевса Теоса в Дура-Европос, датируемой I в. [39], круглые плоские шапочки на головах стоящих женщин напоминают розетки на головных уборах и маленькие круглые шапочки на памятниках VII—VIII вв. из Восточного Туркестана [40]. Головной убор стоящего слева персонажа напоминает меховой башлык на тканях из погребения в Ноин-Ула I в. до н. э. — I в. н. э. [41] и Астаны VII в. н. э. [42].

---

[36] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960, № 92 и 125.

[37] Г. А. Кошеленко. Уникальная ваза из Мерва. ВДИ, 1966, 1, стр. 92.

[38] R. Ghirshman. Parthes et sassanides.... стр. 42, рис. 56.

[39] M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown, C. B. Welles. The Excavations at Dura-Europos. New-Haven, 1939, табл. XXII, *4*.

[40] M. A. Stein. Preliminary Report an a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chines Turkestan. II. London, 1901, стр. 40. его же. Innermost Asia. III. Oxford, 1928, табл. CVIII; A. Grünewedel. Altbuddhistische kultstätten in chinesisch-Turkistan. Berlin, 1912, стр. 103; рис. 228.

[41] Всеобщая история искусств. I, М., 1956, рис. 355.

[42] M. A. Stein. Innermast Asia. III, табл. CVIII.

Интересна маленькая фигурка в правом углу в белом кафтане с синей каймой и отворотом. Односторонний отворот кафтана известен на росписях пещерного храма VII в. в Кизиле [43], на росписях V—VI вв. в нише Будды 35 *м* в Бамиане [44]. Они характерны для персонажей росписей конца V — начала VI вв. Балалык-Тепе. Л. И. Альбаум считает, что в костюмах с правосторонними отворотами изображали жителей Северного Тохаристана [45]. Что касается своеобразия головного убора центральной фигуры, то в нем, кажется, можно видеть стилизованный античный шлем. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, анализируя изображения шлемов на парфянских ритонах из Нисы, показывают разнообразие их типов [46]. Своеобразен шлем у Афины — Ол-Лат в скульптурной группе из Хатры [47]. Его расширяющиеся края напоминают головные уборы персонажей буддийских росписей Восточного Туркестана (Майа Хохле, Кизил и др.) [48]. Эволюция античного шлема в государствах варваров Западной Европы идет тем же путем, о чем свидетельствуют изображения шлемов на миниатюре евангелия Лотаря [49] (ок. 845 г.), на что обратил внимание Лекок [50]. Однако полной аналогии шлему центральной фигуры нашей росписи пока найти не удалось. Длинные пряди волос, спускающиеся вдоль плечей сидящего персонажа, и две короткие пряди у висков перед ушами напоминают прическу некоторых росписей персонажей на росписи Балалык-Тепе (фигуры 9, 10 и др.). Там две косички спускаются перед ушами, остальные волосы лежат на плечах. Нимб и «кости» центральной фигуры не являются чем-то необычным для росписей Бактрии. Они обнаружены на росписях Бамиана, а встреченные в соседнем Иране относятся к значительно более ранней эпохе.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что памятники искусства отражают тесные связи, существовавшие между Индией, Восточным Туркестаном, Средней Азией и Ираном. Бактрия была связующим звеном, и не удивительно, что на ее территории сталкиваются культурные влияния. Глубокие местные традиции искусства народов, завоеванных Александром Македонским в Азии, вероятнее всего бактрийцев, нашли отражение в сообщении Хареса Митиленского, историка Александра Македонского, о картинах в святилищах, дворцах и в частных домах «населявших Азию варваров» [51]. Это искусство испытало сильное влияние греческого искусства, а затем иранского, индийского и других восточных цивилизаций. Эти влияния нашли отражение и в живописи Дальверзина и тем сильнее, что здесь, по-видимому, представлены различные этнографические типы.

О смысловом содержании росписи мы можем говорить лишь предположительно, расшифровка надписей поможет в будущем дать ее полное толкование. Пока мы можем предполагать, что здесь изображена сцена чествования победителя. Различная одежда персонажей, возможно, показывает представителей разных народов, а маленькая фигурка в белом кафтане символизирует, может быть, вновь покоренный народ либо это просто

---

[43] A. v. Le Coq. Auf Hellas Spuren in Ost Turkistan. Leipzig, 1926, стр. 113, табл. 36 и стр. 106.

[44] A. Godar, Y. Godar, J. Hackin. Les antiquites Bouddhiques..., XXIII—XXIV.

[45] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 169.

[46] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, IV, Ашхабад, 1959, стр. 165, рис. 28.

[47] Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. М., 1966, стр. 191.

[48] A. Grünewedel. Altbuddhistische Kultstätten in chinesisch Turkistan. Berlin, 1912, стр. 45, рис. 89; стр. 54, рис. 104; стр. 85, рис. 190; стр. 122, рис. 266; A. v. Le Coq. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. Berlin, 1922—1926, neue bildwerken II, табл. 13.

[49] Всеобщая история искусств. II, 1, М., 1960, рис. 175.

[50] A. v. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925, стр. 62, рис. 78.

[51] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 3, стр. 252.

изображение слуги. Разномасштабность изображения людей, характеризующая их социальное положение, характерна не только для среднеазиатской эпохи раннего средневековья [52], но и для античного искусства Средиземноморья (например, рельефные надгробья). Встречается это и в искусстве Парфии — в росписи храма Зевса Теоса в Дура-Европос [53]. Наличие иранских «Кости» как будто бы говорит в пользу того, что надпись сделана в тот период, когда Бактрия подчинялась Ирану, т. е. после походов Шапура I, надпись которого на «Каабе Зороастра», относящаяся к 262 г., сообщает, что в его владения входили «Хундустан, Кушаншахр вплоть до Пешавера и дальше до Коша, Согда и Чачских гор» [54].

В титуле сына Шапура I — Нарсе значится: «царь Сакастана, Туркестана и Индии до побережья моря». Этот титул встречается у правителей восточных областей Ирана до 367 г. [55] Было бы очень заманчиво отнести время создания росписи Дальверзина к периоду, предшествующему времени правления Шапура II, так как армянский историк Фавстос Бузанд сообщает, что в 368 — 374 гг. царь кушан, правивший в Балхе, выступил против иранского шахиншаха Шапура II и победил его [56]. Однако некоторые стилистические особенности росписи, сходство ее (хотя и не очень близкое) с росписями Балалык-Тепе, Бамиана и Восточного Туркестана не позволяют безоговорочно отнести его к этому времени. К сожалению, никаких находок в песке, засыпавшем помещение, не было. Возможно, при расчистке его до пола удастся еще найти какой-нибудь датирующий материал. Поэтому установление точной даты этой росписи — дело будущих раскопок. На данном этапе можно сказать, что найденный в первый сезон работ керамический и нумизматический материал с поселения не выходит за рамки позднекушанского времени. Среди бронзовых монет, обнаруженных при раскопках, имеются монеты Сотера Мегас, Канишки, Васудевы [57]. Согласно датировке Д. Бханджара и Е. В. Зеймеля, наиболее поздние из найденных при раскопках монет относятся к 342 — 376 гг. Но среди бронзовых монет, купленных у местных жителей, по словам которых монеты происходят из Дальверзин-Тепе, есть одна селевкидская, одна греко-бактрийская монета Диадота, а также монета Канишки, Хувишки, Васудевы, подражания монетам Васудевы и кушано-сасанидские монеты: Хормизда I [58], Варахрана I и Варахрана II [59]. Если принять датировку кушано-сасанидских монет, предложенную В. Г. Лукониным [60], то придется признать, что жизнь на Дальверзин-Тепе продолжалась до первой половины V в. Поскольку роспись относится к последнему периоду существования города, то, согласно такой поздней датировке монет, и она должна относится к началу V в. Во всяком случае, она не должна быть позднее того времени, когда Пероз в благодарность за помощь, которую эфталиты оказали ему в борьбе за иранский престол, отдал им «Гарджистан, Тохаристан, Балх, Балахшан». А это произошло, вероятно, около 459 г., когда Пероз стал шахиншахом Ирана [61].

Кроме внутригородских раскопок исследовался комплекс построек за пределами городских стен, к югу, вблизи юго-западного угла. Здесь находилось большое здание с залами, обводными коридорами и многими изо-

---

[52] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 200.
[53] Г. А. Кошеленко. Культура Парфии. стр. 183.
[54] В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты, ЭВ, XVIII, 1967, стр. 16 сл.
[55] Там же, стр. 17.
[56] В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана. I, М., 1964, стр. 168.
[57] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 121, Г. А. Пугаченкова считает, что были два правителя с именем Васудевы, и действительно, в Дальверзине встречено два типа монет (рис. 77, *а*, *б*).
[58] A. D. H. Bivar. The Kushano-Sassanian Coin Series. The Journal of the Numismatic Society of India. XVIII, 1, Bombay, 1956, табл. III, *24*.
[59] Там же, табл. III, *30*, *30а*, *31*, *31а*.
[60] В. Г. Луконин. Кушано-сасанидские монеты. ЭВ, XVIII, стр. 16 сл.
[61] Там же, стр. 31.

Рис. 14. Дальверзин. Помещение с бассейном в юго-западном комплексе

лированными помещениями. К его северо-западному углу примыкала квадратная в плане постройка (21,5 × 21,5 *м*), состоявшая из квадратного помещения в центре и 3-метрового обводного коридора вокруг него. Вход в коридор был с востока. Центральное помещение имело два входа — с востока и запада. Стены его сохранились на 4,5—5,5 *м*. Они расширяются в верхней части, указывая на наличие свода «балхи» над центральным помещением и сводчатого перекрытия над коридором.

Стены здания имели комбинированную кладку из пахсы и кирпича. В верхней части, у пяты свода в каждом из четырех углов были пятиступенчатые паруса. Свод образовывался напуском кирпичей, поставленных под углом к кладке стены. При этом углы кирпичей выступали вперед, создавая живую игру светотени. Внутри главной постройки вдоль стен тянулась суфа шириной немного более 1 *м*, а в центре находился круглый бассейн диамером 4 *м* (рис. 14). Борта бассейна и его стенки были облицованы обожженным квадратным кирпичом, положенным на известковый раствор. Поверхность суфы, так же как и стены здания, была покрыта глиняной штукатуркой. Особый интерес представляют находки, сделанные при раскопках здания. В стенах обводного коридора имелись ниши, в которых стояли светильники, кувшинчики и миски с яичками. В одной из них лежало яичко, раскрашенное черной и красной красками. Среди сосудов был небольшой горшочек с коричневым ангобом и орнаментом в виде штампованных пальметт, а также краснолощеные горшки с зооморфными ручками.

Лишь после того как будут закончены раскопки всего комплекса и будут расчищены и определены монеты, мы сможем с уверенностью говорить о назначении здания с бассейном и всего комплекса, а также установить дату их сооружения. Сейчас можно сказать, что паруса в углах центрального здания имеют аналогии в пещерах буддийского монастыря в Бамиане, относящихся к наиболее раннему периоду существования этого святилища [62]. В Хорезме такие паруса встречаются в памятниках афри-

[62] A. Godar, Y. Godar, J. Hackin. Les antiquités bouddhigues..., XXXI, *a*.

гидского времени[63]. Керамика из данного комплекса имеет прямые аналогии с керамикой основной укрепленной части городища. А среди монет, найденных в этой части городища, которые удалось датировать, наиболее поздние принадлежат Васудеве и Варахрану[64], поэтому пока нет оснований относить данный комплекс к периоду позднее IV в. или, может быть, первой половины V в. Дальнейшее исследование Дальверзин обещает дать исследователям не только новые образцы бактрийского искусства эпохи кушан, оно позволит дать ответ на многие спорные вопросы кушанской хронологии. Вскрытие нижележащих слоев обещает осветить малоизученные вопросы истории Греко-Бактрии, а также Бактрии ахеменидского времени.

I. Krouglikova, V. Sarianidi

«LA BACTRIANE ANCIENNE DANS L'OPTIQUE DE NOUVELLES DÉCOUVERTES ARCHÉOLOGIQUES»

Résumé

Les fouilles effectuées par é expédition Afghano-Soviettique sur le territoire de la Bactriane ont perims de découvrir un oasis des anciens sites dans la direction nord de la ville d'Aktcha. Ses plus anciens monuments remontent à l'âge de bronze tardif (la seconde moitié du IIe millénaire avant notre ére). Ce sont les fortifications aux tours de défense. On a mis au jour un «bâtiment circulaire», construction monumentale du type d'un temple.

Le mobilier archéologique (poteries, objets de bronze, cachets et d'autres) révéle les rapports de l'oasis avec l'Iran (Shah Tépé, Turente Tépé, Tépé Hissar) et les régions méridionales de l'Asie Moyenne.

Les monuments postérieurs de l'oasis sont associés à l'époque des Achéménides.

Au cours des fouilles de Dalverzin ville antique de l'oasis, on a trouvé des édifices monumentaux aux ornementations «mixtes» où des peintures sont combinées avec des sculptures.

Les peintures aux sujets déterminés sont retrouvées aussi dans les locaux attenants au mur de la ville. On les rattache à l'époque des Kouchanes-Sassanides.

---

[63] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, стр. 99.

[64] E. Herzfeld. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930, табл. I, *8a*; II, *9b*; III, *19a*.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

МИНИАТЮРНАЯ МОЗАИКА В СТЕКЛЯННЫХ УКРАШЕНИЯХ I В. ДО Н. Э.— II В. Н. Э.

Среди стеклянных изделий рубежа н. э., найденных в Северном Причерноморье, выделяется однородная группа мелких украшений, объединяющая бусы и небольшие плакетки, поражающие несбычайной пестротой расцветки и тонкостью исполнения. Некоторые плакетки имеют сквозные отверстия, через которые пропускались отрезки бронзовой проволоки с перекрученными концами, образующими с одной стороны петлю для подвешивания. Маленькие плакетки с отверстиями нанизывались в ожерелья вместе с различными бусами. У части плакеток отверстий нет — одни из них могли служить орнаментальными заготовками для бус [1], другие имели бронзовые пластинчатые оправы с проволочной петлей и использовались в качестве подвесок [2].

В Северном Причерноморье эти изделия найдены в комплексах I в. до н. э. — II в. н. э. Сложно орнаментированные предметы единичны, более простые известны в нескольких близких, но не одинаковых экземплярах, происходящих из рядовых погребений. Уникальные по тонкости и неповторимости орнамента изделия найдены в Херсонесе (рис. 1, *1*), могильнике на территории Инкерманского совхоза 10 (рис. 1, *19*), в Пантикапее (рис. 1, *6, 9;* 2, *5, 12, 19, 20*), Кепах (рис. 1, *5*), тузлинском некрополе (рис. 1, *2*) и Танаисе (рис. 2, *6*); обычные типы отмечены повсеместно (рис. 2, *1 — 4, 7 — 11, 13 — 18*). Большинство находок связано с пантикапейской коллекцией древностей.

Все украшения исследуемой группы выполнены своего рода мозаичным способом. Это определение техники изготовления условно, так как мозаика предполагает составление орнамента из множества элементов, закрепленных в вязкой основе. Стекло предоставляет мастеру несравнимое ни с каким другим видом материала разнообразие способов его обработки. Интересующие нас изделия действительно являются совокупностью большого количества элементов, однако они соединены непосредственным спеканием друг с другом, либо спаяны на стеклянной же основе. Возможно, такой способ соединения составляющих элементов мог осуществляться только при изготовлении мелких изделий, большие панно выкладывались из кусочков стекла на глиняной либо цементной основе. На самых сложных изделиях сочетаются методы спекания с приемами перегородчатой эмали. До античного времени техника мелкой стеклянной мозаики прошла почти двадцативековой путь развития. От 1830-х годов до н. э. сохранилась палочка миллефиори, свидетельствующая о традиции мозаичного стекла, идущей из древнего Египта [3], где создавались мелкие мозаики из выпиленных кусочков стекла, спекаемых на металлической основе [4]. Отно-

[1] Завезенные неоформленными в Северное Причерноморье, здесь они, вероятно, являлись амулетами.

[2] На таблицах вид сбоку изображен только для уплощенных экземпляров, округлые в поперечном сечении бусы нарисованы в одной проекции.

[3] М. А. Безбородов. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 115.

[4] Н. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, стр. 6.

Рис. 1

Рис. 2

сительно того, что считать мозаичной техникой при изготовлении полихромных стеклянных бус, в археологической литературе существуют два мнения. Одни исследователи, например, Г. Эйзен, полагают, что мозаичной можно назвать любую разноцветную бусину независимо от техники исполнения орнамента, даже если он нанесен сверху [5]. Другие, как Н. Н. Погребова, предлагают называть мозаичными только те бусы, которые получены в результате сплавления между собой кусочков разноцветного стекла [6].

Орнамент полихромных стеклянных бус выполнялся множеством способов. Известны орнаменты накладные (простые, когда на ядро наносились капли, колечки, зигзаги, полоски, или слоистые, когда, например, наслоением постепенно уменьшающихся дисков создавались глазки из разноцветных колец); орнаменты спаянные (простые являются примитивной комбинацией соединенных вместе разноцветных нитей или кусочков стекла, образующих обычно полосатые, спиралевидные и мраморовидные узоры); сложные спаянные орнаменты (предполагают фигурную обработку деталей и заготовок, а также сложный узор — растительные мотивы, изображения лиц, фигурки птиц и зверей, шахматные, ковровые, ресничковые и сложногеометрические рисунки). Иногда кусочки готовых спаянных орнаментов наносили сверху на бусинное ядро, образуя комбинированные спаянно-накладные орнаменты. Нам представляется целесообразным называть мозаичными только спаянные и спаянно-накладные орнаменты.

Исследовав бусиные коллекции VI в. до н. э. — IV в. н. э., хранящиеся в различных музеях нашей страны и состоящие из десятков тысяч экземпляров, мы пришли к выводу, что в ранних античных бусах вплоть до позднего эллинизма применялись преимущественно накладные орнаменты. Первые спаянно-накладные орнаменты в Северном Причерноморье отмечены на бусах IV — III вв. до н. э. Это были еще не сложные узоры, а всего лишь глазки, состоящие из нескольких спаянных цветных колец. Такой глазок является отрезком прутика со слоистым кольчатым поперечным сечением, получавшимся в результате последовательного опускания одноцветного стеклянного стержня в жидкое стекло разных цветов. Между ядром и таким глазком всегда можно заметить тончайшую трещинку, свидетельствующую о плохом сцеплении стеклянных частиц ядра и успевшего застыть орнамента. Для IV — III вв. до н. э. можно отметить только бусы из глухого красного стекла с тремя глазками, в которых чередуются кольца из глухого белого и прозрачного синего стекла, причем центр глазка, т. е. центральный стержень, всегда синий (рис. 1, *4*), Этот тип бус живет очень долго и становится массовым к первым векам н. э., когда большинство глазчатых бус изготовлялось именно таким способом. Уже во II — I вв. до н. э. бусы с глазками, являющимися отрезками стеклянных прутиков с кольчатым поперечным сечением, выпускаются разнотипными, а в первые века нашей эры они поражают многообразием расцветки и схем размещения глазков.

Более мозаичны в эллинистическое время другие бусы. Они сделаны из пластинки, спаянной из трех — четырех лент, вытянутых вдоль нее; причем каждая лента в свою очередь спаяна из тонких косо расположенных цветных нитей — таким образом все ядро бусины оказывается составленным из набранных частиц разноцветного стекла. Оно украшено пестрым орнаментом в елочку, в месте стыка краев пластинки узор нарушен (рис 1. *3*). В Северном Причерноморье эти бусы появляются в эллинизме и с некоторыми перерывами они продолжают встречаться вплоть до средневековья.

---

[5] G. Eisen. Eye-Beads. AJA, 1916, 1.

[6] Н. Н. Погребова. Бусы Боспора. Рукопись 1948 г. Архив ИА АН СССР. ф. 1. д. № 911.

Бусы, целиком спаянные из стеклянных нитей или наслоенных друг на друга пластинок, появляются и становятся массовыми в первые века н. э. Они украшены орнаментами в виде продольных либо поперечных полос, непрерывной волны или спирали (рис. 1, *16*). Ядра бусин отшлифованы и превращены в многогранники, обжаты в формах, раскатаны до получения изгибов в нитях и полосах, некоторые экземпляры имеют технологическое ядро, на которое навиты нити.

С I в. до н. э. по всему Северному Причерноморью и прилегающим к нему районам распространяются особые пестрые плакетки и бусы, отличающиеся чрезвычайным многообразием сложных узоров. Они, как и дорогие сосуды миллефиори, знаменуют собой расцвет мозаичной техники в стеклоделии. До сих пор у нас нет четкого представления относительно способов их изготовления. Письменные источники не содержат описания этого сложного технологического процесса, в современном кустарном ремесле почти отсутствуют параллели[7]. Поэтому при изучении мозаичных бус первостепенное значение приобретает микроскопическое исследование образцов и обычное наблюдение за структурой стекла. Направление волокон в стеклянной массе, система трещинок, наклон смещенного орнамента, вид сколов — только эти детали позволяют представить технологию изготовления полихромных стеклянных бус античного времени.

Часть этой группы сложных изделий уже привлекала внимание исследователей с точки зрения технологического процесса, однако нам не кажется убедительным утверждение, что для изготовления плоских бус с двусторонним изображением лица складывали в связку тонкие стеклянные палочки[8] (рис. 2, *1 — 4, 6 — 11*). Несомненно, процесс изготовления этих бус помимо простой комбинации палочек включал и более сложные приемы. Набором палочек можно ограничиться, исполняя розетки, звезды, глазчатые, шахматные и ресничковые узоры, употребляя заготовки различной формы поперечного сечения. Например, шахматные рисунки составляли из прутиков с прямоугольным поперечным сечением, ресничковые узоры комбинировали из пластинок. Заготовки, одноцветные либо узорчатые в поперечном сечении, набирали в определенной системе, подогревая, спекали вместе и получали столбик со сложным орнаментом в поперечнике. При наличии фона в изображении исходные палочки размещали изолированно одну от другой, придерживаясь требуемой схемы, а затем заливали их жидким стеклом. Вероятнее предположить, что заготовки-палочки не были такими тонкими, какими мы видим их в готовых изделиях: просто спаянные прутики растягивали в длину, отчего утоньшалось изображение, после этого их рассекали поперек. Оперируя с отрезками прутиков, их комбинировали различными способами. Отрезок мог образовывать бусину целиком — в нем проделывали отверстие, иногда обжимали еще формовочными щипцами. В этом случае одинаковый орнамент имеет два выхода на ядре (рис. 1, *2, 5 — 11, 13, 14;* рис. 2, *1 — 12, 19 — 20*).

Добиваясь большей полихромии и насыщенности узора, а также из-за экономии ценных орнаментальных заготовок, тонкие пластинки, отсеченные от стержня с узором в поперечном сечении, наслаивали на технологическое ядро, сформованное из стекла низкого качества — серого или бурого, а затем оплавляли изделие, вероятно, в форме. Бусы, исполненные таким способом, целиком орнаментированы, технологическое ядро проступает на них обычно только около отверстий; в местах стыка краев орнаментальных пластинок правильность рисунка нарушена и заметны швы в виде тончайших трещинок. Например, так делались округлые бусы с шахматным узором.

---

[7] Нам известно лишь о существовании на о. Сицилия современного производства ярких стеклянных бус, полностью подражающих древним образцам.

[8] Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского. СА, 1961, 1, стр. 273.

В бусинном производстве отрезками прутиков-заготовок пользовались и подобно тому, как употребляли их при изготовлении сосудов миллефиори[9]: укладывая определенным образом в формочках отрезки и спекая их там,— так создавались сложные глазчатые орнаменты, покрывающие поверхность всей бусины и пронизывающие ядро насквозь, а также некоторые ресничковые узоры (рис. 1, *18*).

Известен способ, когда тонкие пластинки, отсеченные от нескольких столбиков с различным орнаментом в поперечном сечении, раскладывали длинной цепью, комбинируя рисунки. С двух сторон к цепи прикладывали полосы одноцветного стекла, а затем нагревали весь этот набор до полного спекания между собой его составных частей, в результате чего получали ленту с вытянутой вдоль нее орнаментальной полосой. Ленту рассекали поперек; при достаточной толщине ее на отрезки наносили отверстия, получая плоские бусы (рис. 1, *15, 20*). Чаще отрезки ленты наслаивали на технологическое ядро либо непосредственно из них скручивали бусину, которую обрабатывали формовочными щипцами. Такие бусы украшены поперечной полосой орнамента и имеют продольный шов в месте стыка краев пластинки (рис. 1, *17, 19, 21—23;* 2, *13—18*). Тонкие швы-трещинки разделяют на этих бусах составные части орнамента — квадратики с готовым узором и гладкие обрамляющие полосы.

Наличие всевозможных заготовок позволяло комбинировать их, создавая сложно орнаментированные ленты, из которых скручивали бусы. Примером может служить крупная пронизь из Тирамбы (рис. 1, *12*). Каждый пояс украшающего ее орнамента представляет собой цепь спаянных квадратиков — отрезков прута со сложным поперечным сечением. Бусину пересекает хорошо обработанный продольный шов. Неоднократное подогревание заготовок и изделия в целом привело к частичному смещению деталей орнамента, что позволило исследователям представить процесс создания этой бусины.

Наблюдения показали, что изготовление сложных орнаментов на мозаичных бусах не могло ограничиться комбинацией заготовок — палочек. Мы склоняемся к уже высказанному американским ученым Ф. Шулером мнению о том, что в исполнении многих сложных рисунков применялась техника перегородчатой эмали[10]. Однако Ф. Шулер чрезмерно кратко опубликовал выводы из проведенных им микроскопических исследований, высказав лишь предположение о применении съемных металлических перегородок. До подробной и обоснованной публикации этот прием, к сожалению, остается не ясным, и нам трудно воссоздать подобный процесс. Представляется вероятным применение неснимаемых стеклянных перегородок. Например, все лица на бусах исполнены в одной схеме (рис. 2, *1 — 20*). Причем при увеличенном рассмотрении их оказалось, что брови, глаза и нос, сделанные всегда из темно-лилового стекла, входят в прямоугольник, отделенный от лба и нижней части лица тонкой трещинкой (рис. 2, *10*). Брови и нос составляют непрерывную линию. Возможно, они образованы тонкой изогнутой пластинкой, которая первой выкладывалась в требуемом изгибе на дне прямоугольной формочки, потом в ней уже укреплялись глаза — отрезки прутиков со слоистым поперечным сечением, и только затем заполнялось белым стеклом все остальное пространство: так создавался центральный квадратик лица, включавшийся в общую мозаику изображения.

Такие же перегородки из темно-лилового стекла обрисовывают мелкие перья на голове, груди и крыле сокола, найденного в Пантикапее (рис. 1, *9*). Первоначальная разметка этого изображения была сделана темно-си-

---

[9] F. Schuler. Ancient Glassmaking Techniques. The Molding Process. «Archaeology». New York. 1959, 12, 1, стр. 47—52.

[10] F. Schuler. Ancient Glassmaking Techniques: Egyptian Fused Miniature Mosaics. Advances in Glass Technology. 2, New York, 1963, стр. 206.

ними лентами, обозначившими голову, крыло и туловище птицы. Лиловым стеклом как бы нарисовано оперение лебедей на округлой бусине из Херсонеса (рис. 1, *1*). Такими же орнаментальными и в то же время технологическими перегородками являются контурные обводки на растительных узорах (рис. 1, *5*, *6*). Пластинки и ленточки, помещенные на ребро, выкладывали на дне формочек, комбинируя их со всевозможными прутиками, получая сложную прорись изображения. Промежутки заполняли стеклом, причем оно не заливалось жидким в ячейки, а помещалось туда в толченом состоянии. При подогреве изображение спекалось. В местах слабого сцепления частиц разнородного стекла образовывалась трещинка, которая со временем проявлялась сильнее. Особенно заметны трещинки в местах соединения друг с другом заготовок со сложным орнаментом: сохраняя изображение, боялись сильного вторичного нагрева при сплавлении. Так, четкие трещинки разделяют растительные мотивы в поперечном поясе округлых бус (рис. 1, *19*, *22*, *23*). С этой точки зрения интересны некоторые прямоугольные плакетки с растительным орнаментом, составленные из квадратиков, причем на каждом из них изображена только половина узора (рис. 1, *5*, *6*). Половинчатый орнамент пронизывал насквозь стержень-заготовку. Художнику было проще сделать половину рисунка, растянуть прутик, разрезать его на куски, а затем сложить отрезки, соединив лицевую сторону с изнаночной, составив при этом из половинок целое изображение.

Нам представляется, что, исполняя рисунок, мастер сочетал многие приемы — применял съемные металлические (?) и неснимаемые стеклянные перегородки, мелкие ячейки засыпал толченым стеклом, а крупные детали заливал жидким, выкладывал узор из заранее приготовленных в формах кусочков стекла и отрезков прутиков со слоистым поперечным сечением, добиваясь то удивительной четкости, то акварельного расплыва рисунка. Операции производили в миниатюрных формочках, неоднократно подогревая изображение, спекая при этом его детали. Описанные способы изготовления бус и масса подготовительных работ — все это требовало от мастера глубоких знаний свойств материала, художественного чутья, большой сноровки и аккуратности, умения пользоваться ювелирными инструментами.

Все сложно орнаментированные изделия удивительно совершенны. Очевидно, они делались в специализированных мастерских по художественной обработке стекла [11], обособленных от стеклоделательных, но, вероятно, находящихся в непосредственной близости от них и связанных с ними. Здесь не варили стекло, а пользовались готовым, доставленным из стекловарен. Залогом равномерного спекания стекол является единый состав их, а следовательно, и однородность первичного сырья. Цветовая гамма античных бус выгодно отличается от расцветок стекла последующих времен. Нам представляется, что окрашивание стекол производилось в самих бусинных мастерских, так как представленного разнообразия цветов мы не встречаем в массовой стеклянной посуде того же времени. Привоз и покупка минеральных красок должны были занимать ведущее место в торговом обороте бусинных мастерских. Для создания миниатюрных изделий не требовались крупные печи и мощные горны, стекло плавилось в маленьких тигельках, работы производились ювелирными инструментами, ценные красители расходовались в небольших дозах. Для достижения равномерности при спекании разноцветных стекол, изготавливая одну серию бус, вероятно, пользовались стеклом одной плавки, добавляя к нему лишь различные окислы красителей. Возможно, в первые века н. э. в сложном комплексе стеклоделия существовали специализированные мастерские по изготовлению разнообразных стеклянных бус, обособлен-

[11] М. А. Безбородов высказал предположение о существовании специализированных мастерских по выпуску стеклянных бус с металлической прокладкой, связанных с ювелирными мастерскими. См.: М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 117.

ные не только от стекловарен, но и от мастерских, выпускавших посуду. Конечно, из отходов посудного производства всегда могли изготовить простые бусы, что, вероятно, и делали. Однако описанные нами мозаичные изделия требовали самостоятельно разработанной специализации и никак не могли являться дополнительной продукцией. Интересно отметить, что эллинистическим сосудам миллефиори еще не сопутствуют сложно орнаментированные мозаичные бусы. Орнаменты, украшающие дорогие сосуды миллефиори III—II вв. до н. э.[12], распространяются на бусах лишь в период господства в посуде дутого стекла, особенно начиная со II в. н. э. вплоть до средневековья. Описанные нами мозаичные орнаменты на бусах I в. до н. э. — I в. н. э. почти не повторяют узоров на сосудах миллефиори, они сложнее, исполнены четче и аккуратнее.

В Северном Причерноморье описываемые украшения, вероятно, являются привозными. Следуя древним авторам, общепринято считать центром художественного стеклоделия Александрию[13]. Возможно, наши тонкие изделия принадлежат продукции именно ее мастерских, о чем может свидетельствовать наличие на них египетских орнаментальных мотивов. Однако это предположение до сих пор не подкреплено археологически. Известно также, что александрийскую технику переняли сирийские и италийские мастера. Кроме того, мастера нередко перемещались и основывали производства на новых местах, привозя с собой не только навыки, но также формы и орнаменты, которые они привыкли исполнять. Сложность процесса изготовления описанных украшений говорит о том, что они могли выпускаться только центром с развитым стеклоделием. Единый способ передачи лиц, одинаковая прорись оперения птиц, наличие близких волют в розетковых орнаментах, на локонах прически, в украшении головного убора и орнаментации лебедя, применение только темно-лилового стекла для разграничивающих линий,— эти и другие повторяющиеся детали свидетельствуют о выпуске всей группы изделий, вероятно, одним центром с одной школой, имевшей свой почерк исполнения.

Плакетки и бусы, подобные описанным, известны в различных коллекциях мира. Зарубежные исследователи также относят их к I в. до н. э.— I в. н. э. и связывают эти украшения с александрийскими мастерскими. Известны изображения Аписа, кобры, всевозможных птиц и крыльев, грифона, краба, человеческих лиц и фигур, священного глаза, египетских символов, фриза из лотосов, всевозможных растительных мотивов и даже сцен, представляющих пленников и льва, нападающего на сидящего человека[14]. Что касается плакеток со сложным рисунком, то среди коллекций нашей страны и зарубежных публикаций нет одинаковых экземпляров, мелкие детали орнамента либо цветовые различия разделяют близкие образцы. Все это говорит не в пользу массовости выпуска описанных изделий, а свидетельствует об индивидуальном художественном подходе к исполнению рисунка каждой заготовки. В пантикапейском каменном склепе с полукруглым сводом, открытым в 1853 г. против Татарской слободки, было найдено ожерелье, содержащее набор одинаковых плакеток — двадцать шесть с одним геометрическим узором, одиннадцать с другим, семь с третьим и три с четвертым[15]. Несомненно, ожерелье вышло из одной мастерской, а одинаковые плакетки являются отрезками четырех стержней.

---

[12] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 213; A. Oliver. Millefiori Glass in Classical Antiquity. JGS, 10. New York, 1968, стр. 48—70.

[13] A. Kisa. Das Glass im Altertume. I, Leipzig, 1908, стр. 76; W. Smith. Glass from the Ancient World. New York. 1957. стр. 43—44.

[14] G. Eisen. The Origin of Glass Blowing. AJA. 20. 1916, 2, стр. 134—143; A. Kisa. Ук. соч. рис. 169—173, 175—178, 180—185; W. Smith. Ук. соч.; E. L. B. Terrace. Ancient Egyptian Jewelry in the Horace L. Mayer Collection. AJA, 67, 1963, 3, стр. 270—271, табл. 54, *6—7*.

[15] ГЭ-П. 1853. 17.

Ниже перечисляются изделия, изображенные на рисунках.

Рис. 1, *1*. Округлая бусина, в поперечном поясе которой чередуются три желтых квадрата и три темно-лиловых прямоугольника с изображением лебедя, коррозирована. Херсонес, вероятно, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ б/инв №.

Рис. 1, *2*. Прямоугольная плакетка без отверстия с двусторонним изображением растительного узора. Тузлинский некрополь, 1911 г., гробница 68, ГИМ — 28/36 [16].

Рис. 1, *3*. Округлые бусы, распространенный в Северном Причерноморье тип. Например, Пантикапей, 1859 г., гробница 14, ГЭ—П. 1859, 8; Фанагория, 1964, мог. 189, II в. до н. э., ГМИИ — оп. № 523, Танаис, погр. 207, II—I вв. до н. э.

Рис. 1, *4*. Округлые бусы, распространенный и долго бытующий в Северном Причерноморье тип. Например, некрополь Беглицкой косы 1956 г., мог. б/№, IV—III вв. до н. э., ТКМ—1143—4892; Ольвия, 1903 г., мог. 10, II в. до н. э., ГЭ—Ол. 1903. 31; Могильник совхоза 10 Инкерманского района, мог. 22, I в. н. э., ХГИАМ—36572—478

Рис. 1, *5*. Прямоугольная плакетка без отверстия с двусторонним изображением растительного узора. Кепы, 1963 г., склеп 245, скелет 3, вторая половина I—II в. н. э., ГИМ—оп. № 100—101, 112—114

Рис. 1 *6*. Прямоугольная плакетка с растительным узором, синее стекло прозрачное. Вероятно, Пантикапей, покупка, ГЭ—ПАН. 1785.

Рис. 1, *7*, *10*. Округлые плакетки с двусторонним розетковым узором. Пантикапей 1872 г., каменная гробница 5, первая половина I в. н. э., ГЭ—П. 1872, 117

Рис. 1, *8*. То же. Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ГХИАМ—5115

Рис. 1, *9*. Квадратная плакетка с двусторонним изображением сокола, лишенная отверстия, но вставленная в бронзовую пластинчатую обойму, синее стекло прозрачно. Пантикапей, 1910 г., мог. 10 на южном склоне Митридата, I в. н. э. ГЭ—П, 1910. 8

Рис. 1, *11*. Округлая плакетка с двусторонним розетковым узором. Могильник на территории совхоза 10 Инкерманского района, погр. 62, II в. н. э. ХГИАМ—36572/116

Рис. 1, *12*. Сложно орнаментированная бочковидная бусина. Тирамба 1966 г., склеп 54, вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э., ГМИИ

Рис. 1, *13*. Прямоугольная плакетка с двусторонним ковровым узором и двумя каналами отверстий. Херсонес, 1910 г., мог. 1, ГЭ—Х. 1910. 7

Рис. 1, *14*. Прямоугольная плакетка с ковровым узором. Танаис 1908 г., погр. 19, I — начало II в. н. э., ГЭ—Тн 173.

Рис. 1, *15*. Прямоугольная плакетка с двусторонним изображением ветки с двумя каналами отверстий. Пантикапей, 1905 г., мог. 137(29), II в. н. э., ГЭ—П. 1905. 144

Рис. 1, *16*. Цилиндрические бусы, распространенные в Северном Причерноморье в римское время. Например, могильник у дер. Ново-Отрадное, погр. 3, I—II вв. н. э.; Танаис, 1957 г., погр. 81, II в. н. э.

Рис. 1, *17*. Округлые бусы с изображением ветки в поперечном поясе, распространенный в Северном Причерноморье тип бус. Например, Пантикапей, 1905 г., мог. 137(29). II в. н. э., ГЭ—П. 1905. 144; Кепы, 1964 г., склеп 291, I — начало II в. н. э., ГИМ—98709/1324—XXX, 125, 127; Фанагория, 1965 г., мог. 219, I в. н. э., ГМИИ; Фанагория, 1964 г., мог. 84, I в. н. э., ГМИИ—оп. № 339

Рис. 1, *18*. Округлая бусина, целиком покрытая глазками, синее стекло прозрачно. Могильник у дер. Ново-Отрадное, погр. 17, I в. н. э.

Рис. 1, *19*. Округлая бусина с пятью квадратами в поперечном поясе, каждый из которых украшен орнаментом в виде стилизованного цветка граната. Могильник на территории Инкерманского совхоза 10, погр. 140, вторая половина I — первая половина II в. н. э., ХГИАМ—36572/560

Рис. 1, *20*. Прямоугольная плакетка с двусторонним четырехлепестковым орнаментом и двумя каналами отверстий. Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ—5611. Подобная бусина, но другой расцветки была найдена в ольвийском погр. 13, 1907 г., II—III вв. н. э. ГЭ—Ол. 1907. 57

Рис. 1, *21*. Округлая бусина с крестовидным узором в поперечном поясе. Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки П. Х. Лепера, ХГИАМ—22808/880

Рис. 1, *22*. Округлые бусы с растительным орнаментом в поперечном поясе. Пантикапей, 1853 г., каменный склеп с полукруглым сводом против Татарской слободки, I в. до н. э.— III в. н. э., ГЭ—П. 1853. 16—17; Фанагория, 1965 г., мог. 217, I в. н. э., ГМИИ—оп. № 138

Рис. 1, *23*. Подобная бусина. Пантикапей, 1908 г., гробница 31, I в. до н. э.— I в. н. э., ГЭ—П. 1908. 61

Рис. 2, *1*. Округлые плакетки с двусторонним изображением лица. Ольвия, 1904 г., кург., мог. 31, I в. н. э., ГЭ—Ол. 1904. 57; Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ—5115

Рис. 2, *2*. Подобная плакетка. Северное Причерноморье

Рис. 2, *3*. Подобная плакетка, Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ—5115

Рис. 2, *4*. Подобная плакетка. Пантикапей, 1874 г., комплекс неизвестен, ГЭ—П. 1874. 71—74.

---

[16] Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, табл. IV, *2*.

Рис. 2, *5*. Обломок прямоугольной плакетки с двусторонним изображением лица в сложном головном уборе. Пантикапей, 1909 г., гробница 57, конец I в. н. э., ГЭ—П. 1909. 45—46

Рис. 2, *6*. Округлая плакетка с двусторонним изображением лица в обрамлении завитков волос. Танаис, 1908 г., погр. 19, I — начало II в. н. э., ГЭ—Тн. 173

Рис. 2, *7*. Округлая плакетка с двусторонним изображением лица. Пантикапей, ГЭ—П. 1906. 185

Рис. 2, *8*. Подобная плакетка. Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ—5115

Рис. 2, *9*. Подобная плакетка, Тирамба, 1963 г., склеп 40, Iв. до н. э.— I в. н. э., ГМИИ [17].

Рис. 2, *10*. Подобная плакетка, Ольвия, 1909 г., мог. 12, ГЭ—Ол. 1909. 46

Рис. 2, *11*. Подобная плакетка. Херсонес, комплекс неизвестен, раскоп К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ—5115

Рис. 2, *12*. Прямоугольная плакетка с двусторонним изображением женской головы в покрывале, большие глаза опущены вниз, рот — красный глазок в темной обводке. Пантикапей, 1905 г., мог. 23 на южном склоне Митридата, I в. до н. э.— I в. н. э., ГЭ—П. 1905. 180.

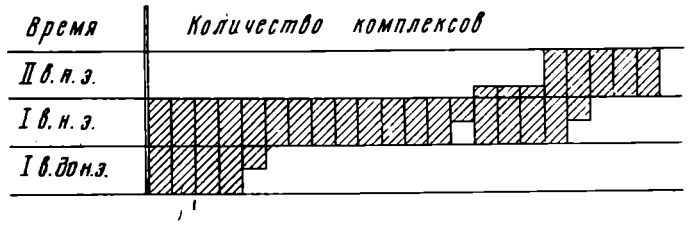


Рис. 3. Хронологические пределы описанных мозаичных бус со сложным орнаментом

Рис. 2, *13*. Округлая бусина с цепью квадратиков в поперечном поясе, украшенных одинаковыми лицами. Фанагория, 1904 г., мог. 99, I в. н. э., ГМИИ—оп. № 406

Рис. 2, *14*. Подобная бусина. Фанагория, 1964 г., мог. 71, вторая половина I в. до н. э.— I в. н. э., ГМИИ

Рис. 2, *15*. Округлая бусина с поперечным поясом, украшенным чередующимися трехполосными квадратами и квадратами с человеческими лицами. Могпльник около дер. Ново-Отрадное, погр. 3, I—II вв. н. э.

Рис. 2, *16*. Округлая бусина с геометрическим узором в поперечном поясе, включающим изображения лица. Херсонес, 1910 г., мог. 222, ГЭ—Х. 1910, 201

Рис. 2, *17*. Округлая бусина с поперечной полосой, составленной из чередующихся трехполосных квадратов и квадратов с изображением человеческого лица. Херсонес, комплекс неизвестен, раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича, ХГИАМ; б/инв. №

Рис. 2, *18*. Подобная бусина. Пантикапей, 1889 г., КИАМ—К—106

Рис. 2, *19*. Три прямоугольные плакетки с двусторонним ковровым узором, дополненные изображением лиц. Пантикапей, 1853 г., каменный склеп с полукруглым сводом против Татарской слободки I в. до н. э.— III в. н. э., ГЭ—П. 1853. 16—17

Рис. 2, *20*. Дисковидная пронизь, украшенная двусторонним изображением лица в сложном лучистом обрамлении. Пантикапей, 1910 г., кург. по правую сторону дороги к Царскому кург., мог. 9, I в. н. э., ГЭ—П. 1910. 143

Использовав данные датированных комплексов из числа перечисленных в списке, можно построить диаграмму (рис. 3), графически подтверждающую датировку описанных мозаичных украшений в пределах I в. до н. э.— II в. н. э., причем преобладают комплексы I в. н. э.

E. M. Aléxéeva

LES MOSAIQUES MINIATURES DANS LES PARURES DE VERRE DATANT DU Ier SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE-DU IIe SIÈCLE DE NOTRE ÈRE.

Résumé

Permi les perles de verre polychromes provenant des côtes du nord de la Mer Noire on distingue un groupe exécuté en appliquant la technique de mosaique. Les types anciens de ce groupe sont signalés au IIIe siècle avant notre ère; il leur est propre d'ornements simples. Les spécimens les plus perfectionnés décorés de motifs ornementaux compliqués remontent au Ier siècle avant notre ère-au IIe siècle de notre ère. Pour leur fabrication on mettait en oeuvre des moules, cloisons de vitre et diverses combinaisons de tiges de verre. Le groupe de perles de mosaïqus se rapportant aux III—IVes siècles de notre ère se caracterise d'une exécution peu soignée et d'une ornementation simplifiée. Les analysis stylistique et technologique des objets de mosaïque du Ier siècle avant notre ère — du IIe siècle de notre ère donnent lieu à supposer qu'il existait des ateliers spécialisés du travail artistique du verre et permettent de reconnaître dans le groupe de parures en question la production issue d'une centre qui se trouvait, selon toute vraisemblance, en Egypte.

[17] А. К. Коровина. Тирамба (городище и некрополь). Сообщения ГМИИ, IV, М., 1968, стр. 78.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДАЛЬВЕРЗИН-ТЕПЕ

(К истории бактрийско-кушанской городской культуры)

Дальверзин-Тепе — крупнейшее городище в центре той области на среднем течении Сурхандарьи, которая в средневековых источниках именуется Чаганианом или Саганианом. В этом наименовании запечатлен очень древний этноним, по-видимому, связанный с саками, наводнившими во II в. до н. э. северную Бактрию, но вскоре вытесненными отсюда за Амударью нашествием юеджей. Городище, известное уже в 30-х годах, в среде местных краеведов, было осмотрено в 1949 г. Л. И. Альбаумом (Сурхан-Дарьинской археологический отряд АН УзССР), осуществившим двенадцатидневный проезд по археологическим памятникам от Термеза до Сары-Асия. Вывод, сформулированный в публикации 1960 г., сводится к следующему: «Городище Дальверзин-Тепе, судя по нескольким плохо сохранившимся монетам и небольшим фрагментам керамики, существовало до VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено»[1]. Каких-либо отождествлений с древним Чаганианом Л. И. Альбаум не выдвигал.

Осенью 1959 г. и весною 1960 г. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция АН УзССР, осуществляя параллельно с раскопками городища Халчаян обследование ряда археологических памятников района средней Сурхандарьи, поставила одной из задач определение местонахождения столицы древнего и средневекового Чаганиана. Визуальное наблюдение, археологические зачистки и подъемный археологический материал привели нас к заключению, что Дальверзин-Тепе был главным городским центром этой области в античное время, причем формирование его восходит еще к первым векам до н. э., расцвет падает на эпоху Кушан, упадок — на IV—V вв., новое частичное обживание — на VI—VII вв. и гибель — после арабского завоевания. Одновременно в VI—VII вв. в урочище Бедрач-Тепе, в 25 *км* к северо-востоку от Дальверзин-Тепе слагается новый город, чрезвычайно разросшийся в средневековье, где и располагалась вплоть до XV—XVI вв. столица средневекового Чаганиана, упоминаемая многими восточными авторами[2].

В 1960 г. В. А. Нильсен и А. В. Шукуров сняли топографический план Дальверзин-Тепе и расчистили захоронение в его городской стене. В следующем 1961 г. археологический отряд Л. И. Альбаума осуществил зачистку этой стены, пробитой колхозными бульдозеристами у юго-западно-

---

[1] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 12, 14.

[2] Г. А. Пугаченкова. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г. ОНУ, 1961, 3, стр. 67; ее же. К исторической топографии Чаганиана. Тр. Таш. ГУ, 200, Ташкент, 1963, стр. 52 сл.

го угла города. Кроме того, были вскрыты две комнаты располагавшегося неподалеку древнего дома и заложен в нем стратиграфический шурф [3].

В 1962—1963 гг. молодыми сотрудниками Узбекистанской искусствоведческой экспедиции Б. А. Тургуновым и Д. Н. Сидоровой [4] проводились разведочные вскрытия на цитадели Дальверзин-Тепе, с целью изучения античной фортификации Чаганиана. Однако ввиду того, что основные работы экспедиции в то время были сосредоточены на городище Халчаян, а в последующие годы на некоторых приамударьинских городищах, к широким исследованиям этого огромного археологического памятника мы приступили лишь в начале 1967 г.

Четыре сезона полевых работ 1967—1968 гг., проводившихся автором с группой научных сотрудников Узбекистанского научно-исследовательского института искусствознания им. Хамзы [5], уже дали многообещающие результаты, краткому изложению которых посвящена настоящая статья.

Дальверзин-Тепе находится на правобережьи Сурхандарьи, в самой широкой части разработанной этой рекою долины, охваченной с одной стороны Байсунским хребтом, с другой — грядою Баба-тага. Земли богаты и плодородны, но земледелие здесь возможно было лишь при существовании хорошо налаженной ирригационной системы, без чего долина подвергается затоплению и превращается в болото. Создание же такой системы возможно было лишь в условиях крепкой государственной власти.

Стратиграфические шурфы, заложенные нами в нескольких пунктах, свидетельствуют, что древний город был основан на естественном песчано-лёссовом геологическом останце, возвышавшемся в пониженной части прибрежной долины. В юго-восточном участке его высится цитадель площадью до 9 *га*, достигающая даже ныне десятиметровой высоты от подошвы. Собственно город имеет прямоугольный план размером 650 × 500 *м*, но одиночные бугры с археологическими остатками простираются до полукилометра к северу от него. Город и цитадель обводили рвы и крепостные стены.

В целях определения археологической периодизации и выяснения характера застройки городища нами было заложено три широких раскопа, сделано три разреза крепостных стен и ряд стратиграфических шурфов.

Стратиграфические исследования 1967—1968 гг. показали, что первоначальный населенный пункт формируется в южной части Дальверзин-Тепе, где было использовано естественное геологическое возвышение. В цитадели на глубине 7,5 *м* от верхней точки раскопа, в шурфе ДТ-2 в юго-восточной части города на глубине 5 *м* от нулевого репера, в разрезе городской стены ДТ-4 в слое, предшествующем ее возведению, обнаружен над материком первоначальный культурный слой с разнообразными хозяйственными остатками. В составе керамики здесь многочисленны и очень типичны тарелочки с отлогими стенками, клювовидно отогнутым наружу венчиком и прямым донцем и фиалы более выпуклого профиля с рельефным поддоном и закраиной, слегка оттянутой в виде горизонтального бортика, реже — мягко загнутой внутрь. Диаметр их 17—20 *см* при высоте тарелочек до 4 *см*, а чаш 6—8 *см*. Все они тонкостенные (сечение стенок 2—4 *мм*), черепок очень плотный, темно-охристого цвета, часто безангобные, некоторые со светлым ангобом, чаши же изредка с двусторонним красным лощением. Нередки плавного профиля кувшины — с ручками или чаще без них (рис. 2). Эта группа керамической утвари аналогична по формам

---

[3] Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе. ИМКУ, 7. Ташкент, 1966, стр. 47 сл.

[4] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 22, 26; Б. А. Тургунов. Приемы фортификации античного Чаганиана. СА, 1968, 1, стр. 39 сл.

[5] В работе принимали участие археологи Б. А. Тургунов (зам. начальника экспедиции) и Э. В. Ртвеладзе, коллектор И. С. Морозов, скульпторы-реставраторы В. Лунев и Х. Хуснутдинходжаев.

греко-бактрийским сосудам, особенно тарелочкам и фиалам из Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.), близкие параллели которым П. Бернар усматривает в эллинистической керамике Ближнего Востока [6]. В раскопе ДТ-4 нами обнаружены также часть крупного красноангобного кратера и фрагменты двух плоских, с оттянутыми бортами тарелок — чернолощеной и краснолощеной, которые являются либо предметами эллинистического импорта, либо изготовлены на месте греческим мастером. Весь этот комплекс находок определяет датировку первоначального поселения на Дальверзин-Тепе греко-бактрийской эпохой — III—II вв. до н. э.

Создание ограждающих стен вокруг плотно заселенной с юга части греко-бактрийского городка восходит, по-видимому, к первой половине II в. до н. э.— периоду надвигающейся угрозы со стороны северных полукочевых народов. Конструкция этой стены прослежена в разрезе раскопа ДЦ-1. Она сложена из пахсы красноватого цвета, выведенной пластами, со скосом граней около 80°. Ширина в основании до 1,90 *м*, сохранность по высоте до 2,4 *м*.

С вторжением во второй половине II в. до н. э. в северную Бактрию саков, а затем юеджей связан почти сплошной слой пожарища внутри этих стен. Он прослежен в раскопе ДЦ-1, где достигает 60—70 *см*, и на срезе южного фаса укреплений, обнаженном при прокладке дороги.

Возрождение и наиболее интенсивное развитие жизни на Дальверзин-Тепе приходится на эпоху Кушан. Этот период стратиграфически отмечен мощными культурными слоями последовательного мирного обитания, залегающими над слоем пожарища, и разрастанием заселенной части города в северном направлении. По стратиграфическим данным здесь может быть выделено три основных периода, которые условно будем называть: юеджийско-кушанским (I в. до н. э.— I в. н. э.), великокушанским (I—II вв.) и позднекушанским (III — начало IV в.)[7].

На площади первоначального греко-бактрийского городка при Кушанах внутри его укреплений протекает новое строительство. Так, в шурфе, углубленном на площади раскопа ДЦ-1, обнаружена часть помещения, стены которого выведены из пахсы, уложенной над слоем пожарища. В великокушанский период городок уже преобразуется в цитадель. При этом усиливаются крепостные ограждения, общая ширина стены достигает 3,90 *м*, максимальная сохранность ее по высоте до 4,30 *м*. При возведении новой стены край естественного бугра был подрезан и у основания его вырыт ров (или расчищен старый). Кладка стены комбинированная — из пахсы и разноформатного квадратного сырца (внизу — тонкослойный 42 × 42 × × 6—8 *см*, в следующих рядах со сторонами в 48, 47 и 45 *см* и толщиной 12—13 *см*, или 42—43, 36—38 *см* на 10—12 *см* толщины); кирпичи имеют на нижних постелях знаки-клейма. В позднекушанское время стена с обеих сторон берется как бы в футляр из спешно и небрежно выложенных сырцовых кладок, причем мощь ее достигает 7 *м*. Сырец разноформатный — 45 × 12 *см*, 42 × 11—12, 35 × 10 *см*, клейма на нем иные, чем в стене предшествующего периода.

В упомянутом выше шурфе ДТ-2 (рис. 1) над греко-бактрийским комплексом следует почти полуметровый слой плотной глины с одиночными фрагментами керамики. Выше на уровне 3,70—2,60 *м* от репера — рыхлый завал глины с золой и керамикой. Большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, лишь котлы и хумы — лепные. Преобладающий цвет черепка — светло-кирпичного оттенка. Крупные сосуды безангобные или

---

[6] D. Schlumberger et P. Bernard. AT-Khanoum. XXXIX, 1965-II, стр. 604, сл., рис. 6, 7.

[7] В неутихающей дискуссии по поводу многоспорной «эры Канишки», на которой основываются кушанские даты, мы присоединяемся к сторонникам отнесения ее к периоду в пределах 78 г.— первой половины II в. н. э., на основании наблюдений над стратиграфией кушанских памятников, анализа произведений кушанского искусства и некоторых нумизматических данных.

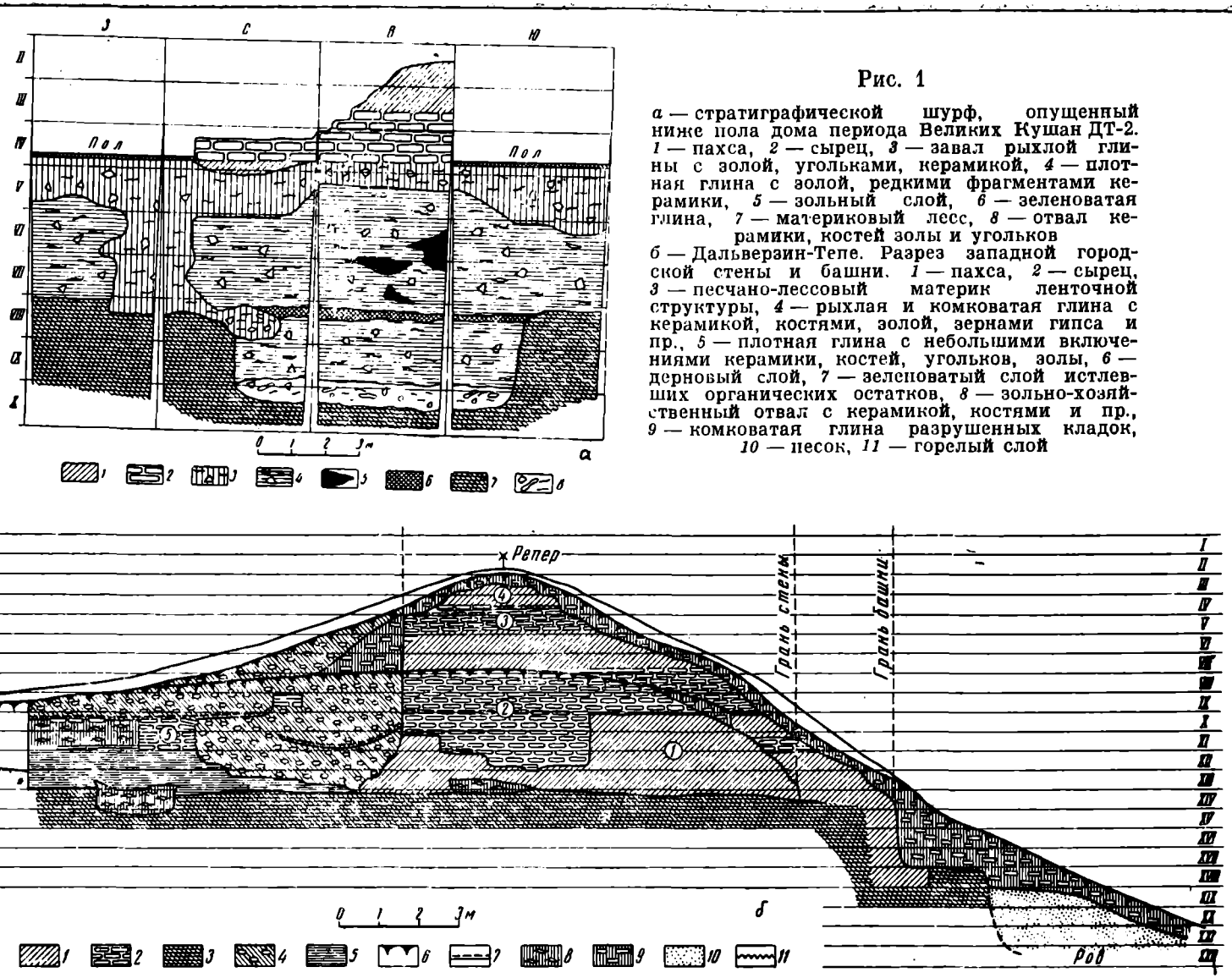


Рис. 1

а — стратиграфической шурф, опущенный ниже пола дома периода Великих Кушан ДТ-2. *1* — пахса, *2* — сырец, *3* — завал рыхлой глины с золой, угольками, керамикой, *4* — плотная глина с золой, редкими фрагментами керамики, *5* — зольный слой, *6* — зеленоватая глина, *7* — материковый лесс, *8* — отвал керамики, костей золы и угольков

б — Дальверзин-Тепе. Разрез западной городской стены и башни. *1* — пахса, *2* — сырец, *3* — песчано-лессовый материк ленточной структуры, *4* — рыхлая и комковатая глина с керамикой, костями, золой, зернами гипса и пр., *5* — плотная глина с небольшими включениями керамики, костей, угольков, золы, *6* — дерновый слой, *7* — зеленоватый слой истлевших органических остатков, *8* — зольно-хозяйственный отвал с керамикой, костями и пр., *9* — комковатая глина разрушенных кладок, *10* — песок, *11* — горелый слой

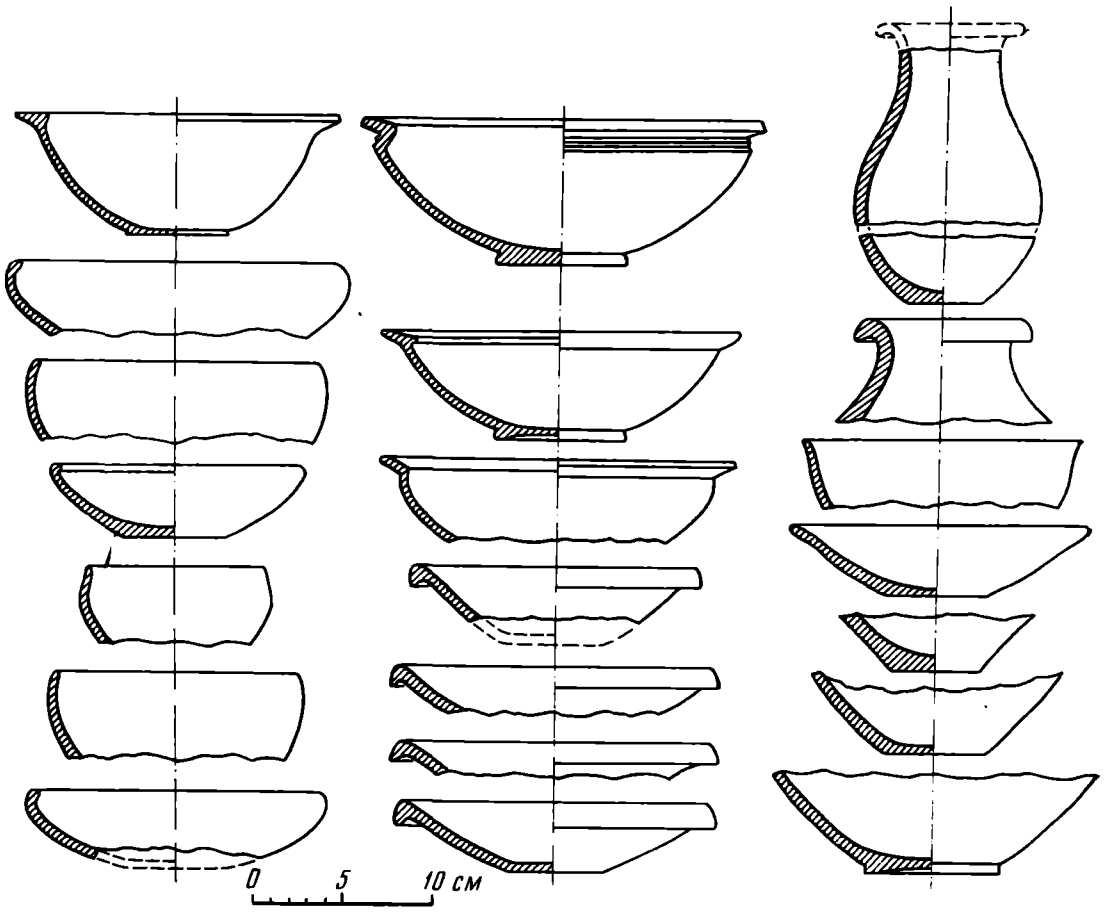


Рис. 2. Керамика из нижнего слоя стратиграфического шурфа ДТ-2

же со светлым ангобом. На чашах и горшках — иногда красный ангоб. Встречены в небольшом числе фрагменты сероглиняных чаш. Характерны следующие формы.

Хумы и хумчи с утолщенным, чуть прогнутым венчиком. Тагары с треугольным или плавно-клювовидным венчиком. Кувшины с мягко очерченной подтреугольной закраиной, невысоким горлом, плоским или слегка выпуклым дном, круто выгнутыми ручками уплощенно-овального сечения. Горшки с прямой или рельефной закраиной, изредка с волнистым в одну линию орнаментом на плечах. Котлы шаровидной формы лепные, с примесью в черепке дресвы, с налепами для упора. Чаши двух видов профиля с отогнутым наружу краем (преобладающий тип) или плавным выгибом внутрь; на дне одной — вихревой трехконечный знак. Бокалы с плавно расширяющимся яйцевидным резервуаром и небольшой полой конической ножкой.

Среди характерных находок из данного слоя — две небольшие, выполненные в высоком рельефе терракотовые статуэтки бактрийской богини, облаченной в одежды эллинизированного стиля. Особый интерес представляет крупный щиток антефикса (24 × 11 × 2,5—5 *см*), видимо от располагавшегося вблизи парадного здания. На нем оттиснута изящно моделированная пальметта и сохранились следы яркой киноварной окраски (рис. 3). Пальметта близка по типу к эллинистическим и сам антефикс среди бактрийских памятников занимает как бы промежуточное положение между чисто греческими антефиксами Ай-Ханум (III—II вв. до н. э.)[8] и заметно «варваризованными» антефиксами Халчаяна — в частности халчаянского дворца (I в. до н. э.) [9]. По сравнению с последними дальвер-

[8] D. Schlumberger et P. Bernard. Ук. соч., стр. 645 сл., рис. 34—36.
[9] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 136 сл., рис. 80.

зинский антефикс намного крупнее, что позволяет предполагать и более крупные масштабы самого здания, в оформление которого он входил.

Весь археологический материал, а также сопутствующая ему крупная бронзовая монета из группы варварских подражаний Гелиоклу (голова государя на аверсе и конь влево на реверсе, с легендой искаженными знаками греческого письма ВАΣІЛЕОΣ НЛІОКЛЕоУ) вкупе определяют датировку данного стратиграфического горизонта пределами от конца II в. до н. э. до рубежа н. э. Именно в эту пору осуществляются и первоначальные работы по созданию фортификации вокруг разросшейся территории собственно города.

Рис. 3. Антефикс

В свете исследований городских укреплений Дальверзин-Тепе, осуществленных нами в 1967—1968 гг., характеристика их, опубликованная в 1966 г. Л. И. Альбаумом, нуждается в существенных коррективах[10]. Неверно его утверждение, будто «за основными стенами с внешней стороны был второй ряд крепостных стен, а между ними проходил ров»; в действительности гряды вдоль северной и восточной стороны рва — это не стены, а отвал земли, накопившийся в результате его очисток (осуществляемых и в наши дни, поскольку по руслу древнего рва пропущена вода). По Альбауму, городская стена насчитывает два строительных периода, ибо при расчистке ее в юго-западном углу он отметил две параллельные стены, сложенные из крупного сырца с промежуточным коридором шириной 1,70 *м* (может быть стрелковой камерой ? — *Г. П.*), позднее забутованным сырцом и рыхлой землей. Сооружение двойной стены Л. Альбаум относит к III—II вв. до н. э., выдвигая в качестве единственного обоснования аналогию (весьма приблизительную!) со стенами Джанбаскалы в Хорезме, а забутовку — к кушанскому времени.

Наши разрезы северной и западной стены рисуют иную картину. Особенно характерен западный разрез (ДТ-4), характеристика которого приводится ниже (рис. 1б).

Над материковым слоем песчано-лёссовых ленточных отложений выявлены линзы хозяйственных остатков (от 30 до 60 *см* толщиной), в которых получен превосходный комплекс посуды греко-бактрийского времени. Выше — пахсовая кладка крепостной стены; она достигает 2 *м* высоты и имеет внутри перепад — возможно, отмечающий располагавшееся здесь первоначально внутристенное помещение или коридор. Позднее в процессе капитальной перестройки основание пахсовой кладки попадает как бы в футляр из сырца (45—46 × 45—46 × 12—13 *см*), ныне достигающий 5,5—6 *м* по высоте, при толщине стены 9,5 *м*. Вышерасположенные кладки выведены чередованием рядов сырца и пахсы. Расчистка по гребню стены и опущенная до самой подошвы бровка выявили выступавшую на 2,20 *м* башню (видимо прямоугольную), кладка которой выполнена из сырца и пахсы. На уровне 6,5 *м* от подошвы обнаружена часть какого-то помещения — стрелковой камеры или боевой площадки. На полу — тонкий, сплош-

[10] Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе, стр. 59 сл.

ной горелый слой, видимо, от сгоревшего деревянного перекрытия, несколько каменных ядер, фрагменты керамики позднекушанского типа. На внешнем склоне башни при расчистке было собрано немало округлых речных галек, служивших ядрами для камнеметной артиллерии. На последнем этапе использования и ремонта крепостной стены камера была забутована сырцом и пахсой. После этого ни стена, ни башня больше не поддерживались и постепенно оплывали и разрушались.

Внутренняя грань стены и башни была отвесной, вдоль нее прослежен значительный слой примыкавших городских строений. С внешней же стороны башни и стены материк был подрезан по прямой линии, а со временем взят в пахсовую обкладку, в 2 *м* от которой следовал ров.

Керамика на уровне, начинающемся над нижней пахсовой кладкой первоначальной крепостной стены, дает типичный комплекс великокушанского времени (в частности, значительный процент сероглиняных мисок, красноангобированные бокалы на поло-конических ножках и др.), а сами кладки, как уже было отмечено, лежат над слоем греко-бактрийского времени. Таким образом, стратиграфически зажатая между этими двумя периодами изначальная стена города восходит к юеджийско-кушанскому времени. Взятие стены в мощный, «футляр» падает на время Великих Кушан, а в позднекушанский период осуществляются поспешные ремонты и забутовки ее верхних участков.

Наивысший расцвет Дальверзин-Тепе переживает в эпоху Великих Кушан. По всей его площади, на пустырях и над пришедшими в упадок зданиями предшествующего периода возводятся новые дома. Характерный материал, в частности, дали раскопки небольшого бугра в юго-восточной части города. Здесь выявлен жилой дом кушанского времени. Дом небольшой, принадлежал горожанину средней руки. Судя по микрорельефу, к нему примыкал обширный хозяйственный двор и хауз, а с юга и востока проходила городская улочка.

Дом прямоугольен (23 × 26,5 *м*), ориентирован почти по странам света, охвачен глухими стенами. Два входа ведут в него со стороны хозяйственного двора, третий — со стороны улочки. Из этого последнего попадали в небольшой г-образный в плане внутренний дворик, куда, по-видимому, было обращено два крытых навесами айвана. В доме имеется восемь прямоугольных в плане комнат — изолированных и взаимосвязанных. Четкой архитектурной идеи в планировке нет, группировка или изоляция помещений, видимо, определялась их назначением и особенностями быта.

Стены, сохранившиеся на высоту от 80 *см* до 1,20 *м*, сложены из пахсы или комбинированной кладкой — чередованием слоев пахсы (высота рядов 70—80 *см*) и четырех-пяти рядов сырца (32 × 32 × 12 *см*). Стены оштукатурены глиной, а в некоторых помещениях также ганчем. Полы глинобитные, перекрытия были балочными.

Время возведения и бытования дома хорошо определяется находкой над полами его помещений трех бронзовых монет: 1) Кадфиза I, из группы «Сотер Мегас» (Av — бюст государя вправо, Rv — конь со всадником влево), 2) Кадфиза II (Av — государь в широкополом кафтане, с рукою простертой над алтарем, Rv — Шива с быком Нанду); 3) Канишки (Av — государь с рукою простертой над алтарем, Rv — стоящее влево божество ОКРО).

Керамика этого периода из шурфов и раскопов дает богатый комплекс характерных форм. По типу черепка выделяются две группы — основная кирпичного (коричневато-красноватого) цвета и меньшая по количеству темно-серая. Последняя, по-видимому, обладала огнеупорными свойствами, так как сосуды этого рода нередко закопчены. В составе сероглиняной керамики преобладают крупные миски-чаши с плоским срезом дна или невысоким поддоном и стенками, отлогими внизу и почти вертикальными в верхней половине. Встречаются также большие хозяйственные лохани-тагары конически расширяющейся формы, иногда с рельефным венчиком.

Керамика с черепком кирпичного цвета дает большое разнообразие форм. Среди них: 1) хумы и хумчи, обычно со светлоангобным покрытием. Форма их овальная, венчик — валиком, с рельефным перехватом под ним, донья плоские, на плечах хумчей нередко волнистый орнамент, нанесенный гребенчатым инструментом (с четырьмя-пятью зубцами); 2) тагары — такого же типа, что и сероглиняные; 3) кувшины — крупные и среднеразмерные, обычно двухручечные, с невысокой горловиной, плавно переходящей к крутым плечам, от которых тулово сужается к плоско срезанному

Рис. 4. Сосуды из жилого дома ДТ-2

дну (рис. 4). Они нередко покрыты светлым ангобом, иногда — ярко-красным; 4) сходные по фактуре широкогорлые горшки; 5) разнообразные чаши типа крупных и небольших фиал, стенки которых отлого следуют от невысокого поддона, образуя вверху плавный выгиб наружу или внутрь (рис. 4), в большинстве покрыты красным ангобом; 6) бокалы, чаще всего красноангобированные, с небольшой поло-конической ножкой и плавно отходящим от нее широким резервуаром; 7) маленькие, тонкого сечения, красноангобированные кувшинчики и горшки. Многочисленны также кухонные лепные котлы, тесто которых, цвета светлого лёсса, содержит значительную примесь дресвы.

Кушанский керамический комплекс из Дальверзин-Тепе находит ряд параллелей в керамике других археологических памятников Северной Бактрии, но имеет и локальные отличия. Одно из них заключается в довольно широком распространении здесь сероглиняной керамики, которая в предшествующем культурном слое очень редка. О распространении ее в округе Дальверзин-Тепе свидетельствуют многочисленные находки на кушанском поселении Культепе, открытом нашей экспедицией близ с. Шурчи. Между тем, например, в Кобадиане [11] и Халчаяне [12] сероглиняные чаши (впрочем несколько иной формы) были распространены еще в период, предшествующий эпохе Великих Кушан, а на городищах по левобережью

[11] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 300, 302.
[12] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 38, 82, 91.

Рис. 5. Терракотовая головка богини

Амударьи (Хатын-Рабат, Айртам, Термез Шортепа и др.) сероглиняная керамика вообще исключительно редка. Вопрос о локальном своеобразии античных керамических комплексов различных историко-культурных районов Средней Азии — это особая тема. Выявление их в исследуемых нами районах стоит в ряду задач Искусствоведческой экспедиции.

Среди разнообразного бытового материала из помещений дома ДТ-2 многочисленны зернотерки; белокаменные, полусферические пряслица с концентрическими рифлениями; трапециевидные терракотовые грузила; интересна часть каменной матрицы для выполнения чеканных ювелирных украшений (бус, бляшек, подвесок). Найдены фрагменты терракотовых статуэток — традиционных в кушанской коропластике коньков, на которых восседали всадники, и скульптурные образки местной Великой богини. Весь стиль уже совершенно иной, чем у статуэток из нижележащего стратиграфического горизонта — эллинистическое начало в них полностью устранено.

Техника изготовления — оттиск на довольно плоской лепешке, размеры статуэток крупны, моделировка несколько уплощенная. Они передают образ сидящей женщины, укутанной в мантию, в высоком, наподобие кокошника, головном уборе (рис. 5). Своеобразен прием окраски одежды белой ангобной краской, с оторочкой красной полосой. Лицо округлое, глаза скосые, на губах улыбка, на щеках две родинки, в ушах подвески. Этот чисто локальный тип богини нами уже отмечен был в Халчаяне [13], четыре статуэтки найдены в 1967 и 1968 гг. на Дальверзин-Тепе. На основании чисто стилистических данных мы относили халчаянскую находку ко II в. н. э.; ныне эта датировка получает прочное стратиграфическое обоснование.

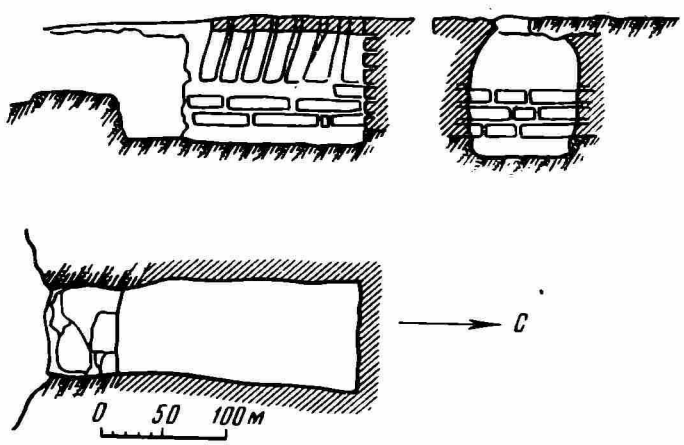


Рис. 6. Керамическая печь кушанского времени

При Кушанах (очевидно и ранее) Дальверзин-Тепе был одним из пунктов производства гончарных изделий. Показательна находка на городище матрицы — калыпа для оттиска небольших статуэток бородатого мужчины в кушанском костюме. Квартал керамистов располагался на юго-западной окраине города, что, видимо, было продиктовано направлением господствующих ветров. На этой территории в большом количестве попадаются

[13] Там же, стр. 223—224, рис. 105; е е ж е. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана. В кн. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 182, рис. 5.

гончарные шлаки, обожженая глина, зола. В 50-х годах бульдозером была разрушена какая-то крупная керамическая печь. Небольшая керамическая печь была обнаружена и расчищена нами в 1968 г. (рис. 6).

От нее сохранилась лишь топочная камера (200 × 70 — 85 *см* при высоте 98 *см*), вырытая на склоне, в более древних культурных слоях, обложенная сырцовым кирпичом (40×40×10—11 *см*) и перекрытая сырцовым же сводиком, выведенным наклонными отрезками. Для этого свода изготавливался специальный кирпич 48 × 48 × 10 — 11 *см* и 48 × 45 × × 10 — 11 *см*, на одной стороне которого был вырезан лекальный кусок так, что, смыкаясь, пара подобных кирпичей образовывала криволинейную форму свода. Такого рода лекальные кирпичи, но только не сырцовые, а жженые, известны нам по Айртаму [14], в постройке, хорошо датируемой монетами Канишки.

Следующий период истории Дальверзин-Тепе отмечен перестройками кушанских зданий или же их забросом. В северо-западном шурфе (рис. 7) над остатками старого здания обнаружены пахсовые стены нового дома, сохранившиеся на высоту от 90 *см* до 2 *м*. Планировка уже иная, чем в нижележащей постройке. Пол глиняный с ганчевой смазкой, на нем — накопления хозяйственных остатков, среди которых оказалась монета Васу-

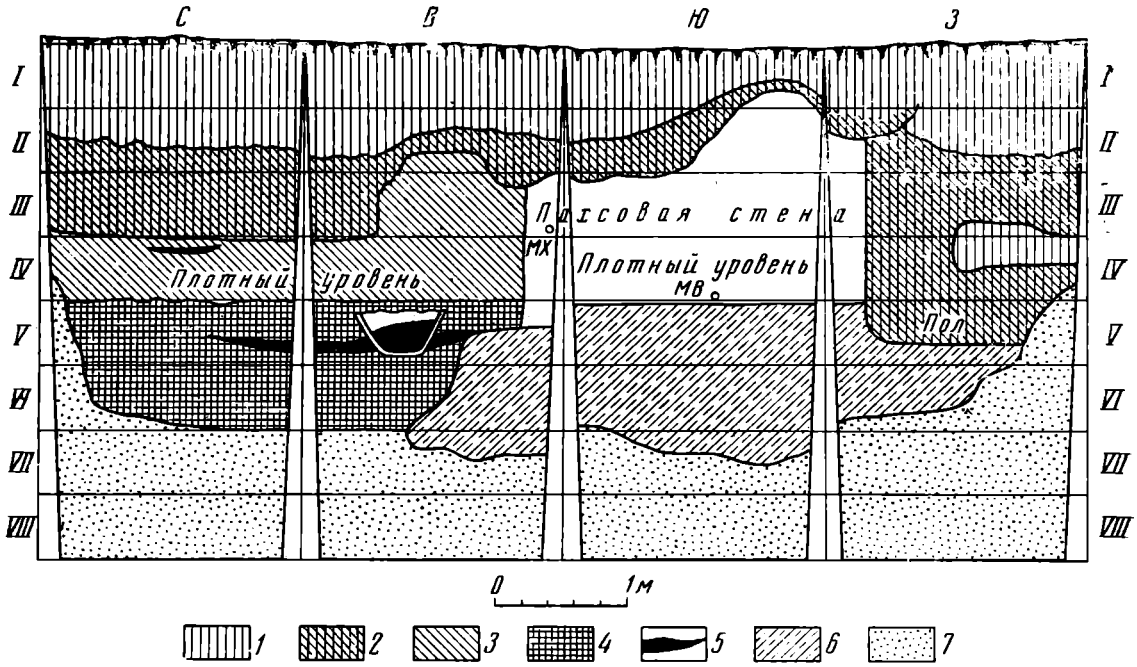


Рис. 7. Стратиграфический шурф в северо-восточной части городища.

1 — рыхлая глина, *2* — рыхловатая и комковатая глина с отдельными фрагментами керамики, *3* — глина средней плотности с керамикой, косточками, угольками, *4* — рыхлый слой глины с хозяйственными остатками, *5* — зольно-угольные линзы, *6* — очень плотная глина с включениями керамических фрагментов, *7* — мелкий песок, МВ — монета Васудевы I, МХ — монета Хормизда I

девы (Av — государь в панцирном одеянии прямо, Rv — Шива с быком). Она определяет период, относящийся примерно к рубежу II—III вв. н. э., после чего происходит запустение дома. Последний, недолговременный этап его обживания отмечен новым уплотненным уровнем на 70 *см* выше пола; здесь обнаружена очень окисленная бронзовая монетка — по определению М. Е. Массона — Хормизда I (272—273). Вслед за тем — полный заброс и разрушение здания.

В кушанском доме у юго-западного угла Дальверзин-Тепе также наблюдаются заключительные перестройки, когда на уровне в 60 *см* над перво-

[14] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана. СА, 1963, 4, стр. 83, рис. 11.

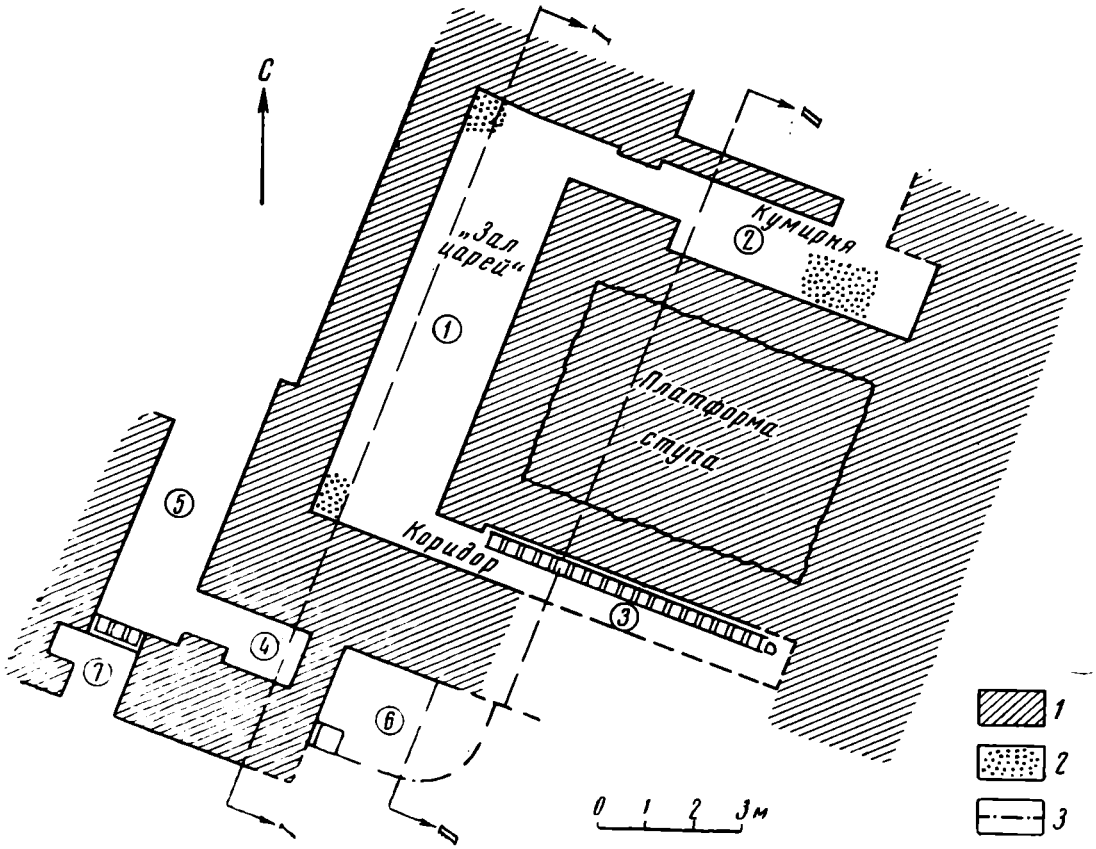


Рис. 8. Буддийское святилище. План

1 — глина, *2* — окаленная светильниками часть пола, *3* — контуры позднекушанского погребения

начальным полом появился новый, но вскоре после этого дом был навсегда заброшен [15].

Юго-восточный дом ДТ-2 в послекушанское время был покинут, над образовавшимися над полами рыхловатыми накоплениями в его помещения начали обрушиваться плотные массивы стен, а один из участков стал свалкой хозяйственного мусора, приносившегося, очевидно, из расположенных в центральной части города зданий, где еще тлела жизнь. Полученный нами здесь керамический комплекс по типу близок к сосудам предшествующего стратиграфического горизонта — очевидно, кушанское гончарство не претерпело существенных изменений на протяжении II—III вв. н. э.

В холм, перекрывший заброшенный дом ДТ-2, спустя долгое время было опущено две могилы (1,70—1,50 *м* от современной дневной поверхности). Форма одной из них овальна, ориентация оси запад — восток, покойный был положен на спину, лицом вверх, сопроводительного инвентаря нет. Форма второй могилы, попавшей в очень рыхлый слой, неясна, костяк почти истлел, но рядом было два сосуда — двухручечный кувшинчик и кружка с петельчатой ручкой, оба ручной лепки, тяжелые, грубоватые по форме. Варианты одноручных петельчатых кружек такого рода типичны для среднеазиатских керамических комплексов V — начала VIII в., они обнаружены на городищах Тохаристана [16], Бухарского оазиса [17], Согда [18], Шаша [19] и др.

---

[15] Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-Тепе, стр. 51.

[16] Л. И. Альбаум. Раскопки замка Зангтепе. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, рис. 2.

[17] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 63.

[18] Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VI—VIII вв. Тр. ГЭ, V, Л., 1961, табл. 2, 3, 6-*а*; И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). МИА, 124, 1964, рис. 21—23.

[19] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69-*XXI*.

В 1967 г. основным объектом наших раскопок на Дальверзин-Тепе были остатки сооружения, лежащего среди полей в 400 *м* к северу от городской стены [20].

Раскопки выявили остатки небольшого буддийского святилища (рис. 8 и 9), видимо основанного на склоне естественного холма, в силу чего полы были опущены до одного метра в грунт, но зато часть этого холма была использована в качестве пьедестала и частично массива ступы. С трех сторон (кроме восточной) ступу охватывал коридорообразный обвод — узкий в южной части (1,15 *м*), где обнаружена обкладка ее основания сырцовым кирпичом (31—32 × 31 — 32 × 11 *см*), расширяющийся в западной наподобие продолговатого зала (9,80 × 2,35 *м*), а в северной соединяющийся через суженный проход с прямоугольным помещением (1,65 × 5,40 *м*). Судя по составу скульптуры, специальному месту для зажигания светильников и находке здесь самих светильников, это помещение было кумирней. Вход в нее вел с северной стороны, где находился вестибюль или дворик.

В юго-восточной части постройки располагалась группа небольших помещений, судя по находкам фрагментов бытовой керамики, ткацкого грузила, куска зернотерки — подсобно-хозяйственного назначения. Они непосредственного сообщения со святилищем не имели.

Ступа, пьедестал которой был, видимо, довольно высок, оформляли скульптурные композиции. Скульптура уже в древности была сброшена на пол, очевидно, какими-то противниками буддизма, ибо образы будд явно нарочито

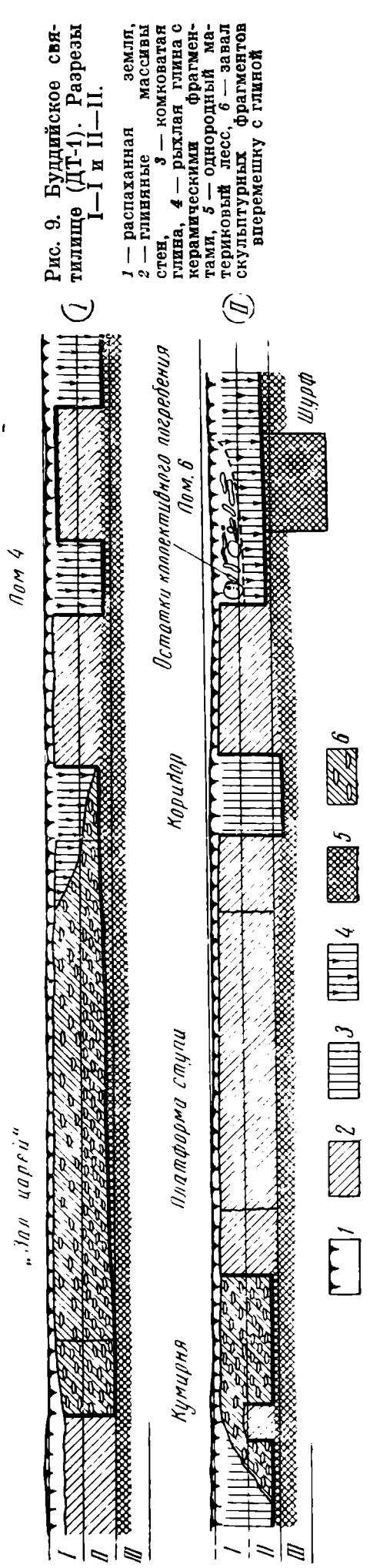


Рис. 9. Буддийское святилище (ДТ-1). Разрезы I—I и II—II.

1 — распаханная земля, *2* — глинянные массивы стен, *3* — комковатая глина, *4* — рыхлая глина с керамическими фрагментами, *5* — однородный материковый лесс, *6* — завал скульптурных фрагментов вперемешку с глиной

---

[20] Здесь зимой 1966—1967 гг. при распашке пустоши бульдозеристами были срезаны небольшие холмы, причем на одном из участков оказались вывороченными фрагменты гипсовой скульптуры. Они привлекли внимание тракториста Н. Мурадова, который несколько лет тому назад, еще подростком, работал у нас землекопом на раскопках Бедрач-Тепе; он-то и показал место вспашки на засеянном люцерной поле. По счастью, снесенным оказалось не все, так как древний погребенный уровень ниже современного (очевидно, в этой части Сурхандарьи проходил процесс накопления почвенного слоя) и потому на долю исследователей остались низы помещений и массивы упавших на пол, разбитых еще в древности статуй.

дробились на куски, в то время как изображения светских персонажей-адорантов просто сбивались со стен. Картина разрушения особенно красноречива в кумирне, буквально забитой от самого пола крошевом кусков и кусочков скульптурного гипса и глины, причем фрагменты головы, рук, ног очень крупной статуи Будды, видимо, возвышавшейся в центре композиции, оказались разбросанными в разных местах. По счастью, образы второстепенных персонажей этой композиции не вызывали такой ярости разрушителей и упавшие головы некоторых из них дошли почти целиком.

Скульптура была пристенной, но выполненной в полном объеме, без проработки тыльной стороны. Она необычна по технике лепки; вначале выполнялась глиняная болванка с

Рис. 10. Голова гения

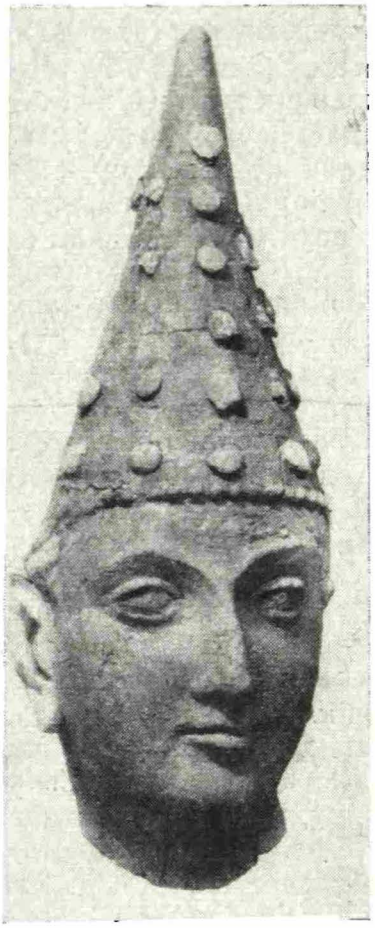


Рис. 11. Голова принца

тонкими деревянными стержнями внутри, образующая черновой массив будущей статуи, а затем на сыроватую еще глину накладывалась редкого плетения ткань, способствовавшая лучшей связи с гипсом. Гипс наносился в два — три слоя, с постепенным уточнением формы и на верхнем выполнялась пластическая лепка или формовка. По-видимому, в гипс вводилась какая-то замедляющая схватывание и затвердение добавка (может быть растительный клей-шереш), что позволяло мастеру с большой тщательностью выполнять процесс скульптурной обработки. В последнюю очередь наносились с помощью штампов локоны, драгоценности, украшения на одежде, цветочки гирлянд и пр. Найден один такой гипсовый штампик для изготовления улиткообразных завитков волос.

В скульптурную композицию кумирни входила очень крупная (по крайней мере вдвое-втрое против натуральных размеров) статуя Будды. Судя по находке босых ног, он был представлен в стоячей позе. По обе стороны от него располагались монахи, бодисатвы и небожители-деваты с гирляндами в руках. Найденные головы последних (рис. 10) с правильными античными чертами лица и струящимися кудрями напоминают головы из Хадды [21], в частности известного «Гения с цветами». Возле этой скульп-

[21] J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. Figures et figurines. MDAFA, VI, Paris, 1932, табл. 17, *59—51, 68—72.*

турной композиции возжигались светильники, три из которых найдены у стены, где ясно выделяется широкое пятно обгоревшей глиняной смазки.

Западное помещение можно назвать «Залом царей». Здесь также располагалась фигура Будды, а рядом статуи членов царской фамилии и их приближенных. Две основные фигуры, видимо, правитель и принц-наследник — оба в конически заостренных, украшенных драгоценными камнями царских шапках. От первого дошли лишь небольшие фрагменты лица и шапки и значительная часть торса в богатой красной одежде, от второго — почти целиком голова и детали фигуры с овальными, круглыми, многолепестковыми нашивными украшениями на одежде. Лицо царевича с правильными чертами исполнено необычайного благородства, достоинства и спокойного величия (рис. 11). Странным образом он напоминает портретную голову Антиоха Коммагенского из святилища в Нимруд-даге (I в. до н. э.) [22]. В ту же группу входила женщина — вероятно представительница царской фамилии, не очень красивая, с оригинальной прической, перехваченной повязкой, украшенной драгоценными каменьями. Почти целиком (с утратой лишь рук и ступней ног) сохранилась фигура усатого вельможи в красной «кушанской» одежде — плотном кафтане и длинных шароварах (рис. 12). Имеется голова и другого вельможи — того же размера. Были и иные персонажи, от которых дошли фрагменты лиц, торсов, одежд. Статуи разномасштабны, чем, очевидно, подчеркивалось положение всех участников сцены в придворной иерархии.

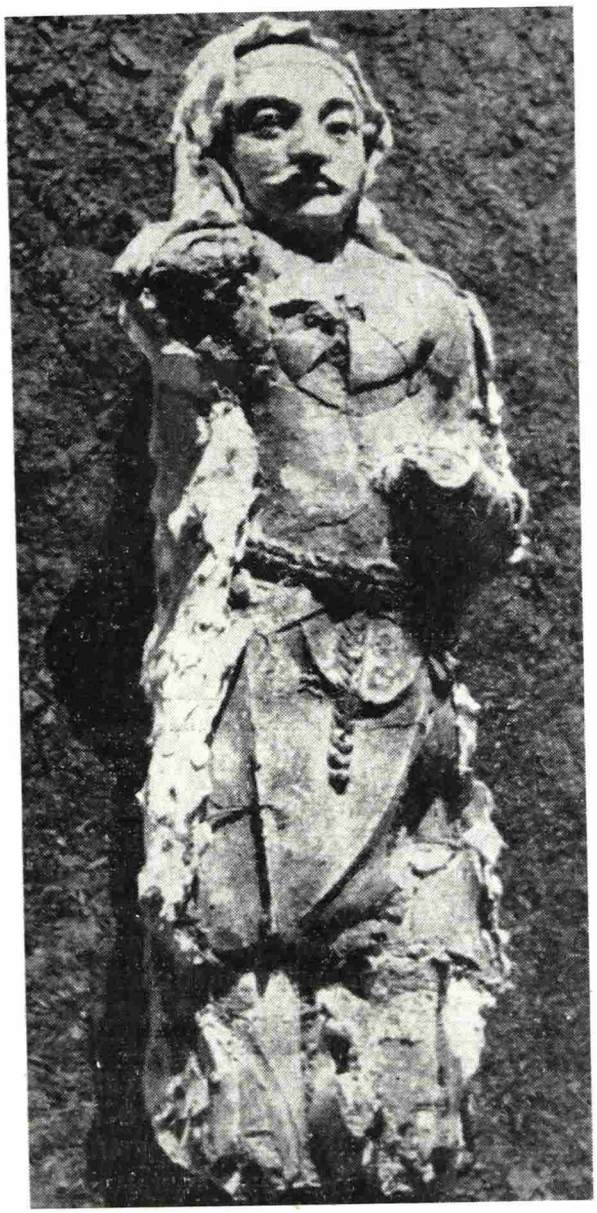


Рис. 12. Статуя вельможи в кушанском костюме

Анализ и характеристика скульптуры Дальверзин-Тепе — это предмет специального исследования. Она вносит совершенно новый и принципиально важный материал в познание бактрийского ваяния на территории Северной Бактрии на следующем после Халчаяна этапе его эволюции. Если образы будд здесь вполне канонич-ны, следуя схемам, разработанным школой Гандхары, если бодисатвы и деваты сближаются с пластическими образами Хадды, то изображения светских персонажей оригинальны по облику и стилю. Скульптура эта дает ряд исключительно интересных чисто внешних деталей, каковы, например, мужские костюмы, женская прическа, царский головной убор. Последний несколько напоминает украшенную драгоценностями шапку Васудевы I на его монетах [23], но более заострен и по-иному оформлен. Наиболее сходен он по форме с шапками

[22] R. Ghirshman. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1962, рис. 75.
[23] H. H. Wilson. Ariana Antiqua. London, 1941, табл. XIV.

кушанских принцев в скульптурах из династийного святилища Кушан в Матхуре (II в. н. э.) [24]. Вместе с тем нельзя не вспомнить терракотовый медальон I в. н. э. из соседнего с Дальверзин-Тепе Халчаяна со сценою царской славы, где представлены государь и наследник в сходных костюмах и подобных-же остроконечных головных уборах [25].

В скульптуре Дальверзин-Тепе поразительна передача лиц, явно портретных. Перед нами, безусловно, реальные персонажи.

Рис. 13. Комплекс сосудов из коллективного погребения (ДТ-1)

Время создания буддийского святилища на Дальверзин-Тепе определяется находкой на полу одной из южных комнат двух бронзовых монет — Кадфиза I и Кадфиза II, что уточняет датировку пределами правления последнего (по принимаемым нами датам — вторая половина I в. или начало II в. н.э.). Факт этот имеет принципиальное значение, свидетельствуя о том, что начальное распространение буддизма в Средней Азии началось не при Канишке, как это принято считать, но уже при его предшественниках, осуществивших завоевание Индии. И хотя Кадфиз II предпочел кроткой доктрине буддизма религию воинственного Шивы, признав его своим божеством-покровителем (что отражено в монетном чекане этого государя), ни он, ни его предшественник, видимо, не чинили препятствий к проникновению в Бактрию буддийских колоний и пропагандистов буддийского вероучения. К буддизму могли склониться и некоторые представители Кушанского дома, в частности пребывавшие в Саганиане, что, возможно, и отражено в скульптурной композиции «Зала царей». Но, возможно, композиция была создана в знак благодарности местных буддистов саганианским правителям, разрешившим основать колонию и выстроить святилище в своей столице.

Археологические данные свидетельствуют, что к концу правления Кушан буддийское святилище было уничтожено, скульптура разбита, а через некоторое время в накопившихся слоях разрушения в одной из южных ком-

[24] J. Rosenfield. The Dynastic Art of the Kushans. Berkley and Los Angeles, 1967, рис. 4, *14—16*.

[25] Г. А. Пугаченкова. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, 1962, 2, стр. 88 сл.; е е ж е. Халчаян, стр. 235 сл., рис. 110.

нат комплекса было осуществлено коллективное захоронение. По-видимому это были жертвы какого-то нашествия или сражения, так как здесь обнаружено на небольшом участке 13 черепов при двух более или менее полных костяках. К сожалению вспашка нарушила положение костяков, к тому же сильно истлевших, благодаря постоянной влажности почвы в этом пониженном прибрежном районе. В соответствии с обрядами бактрийского захоронения в погребение был помещен сопроводительный инвентарь —

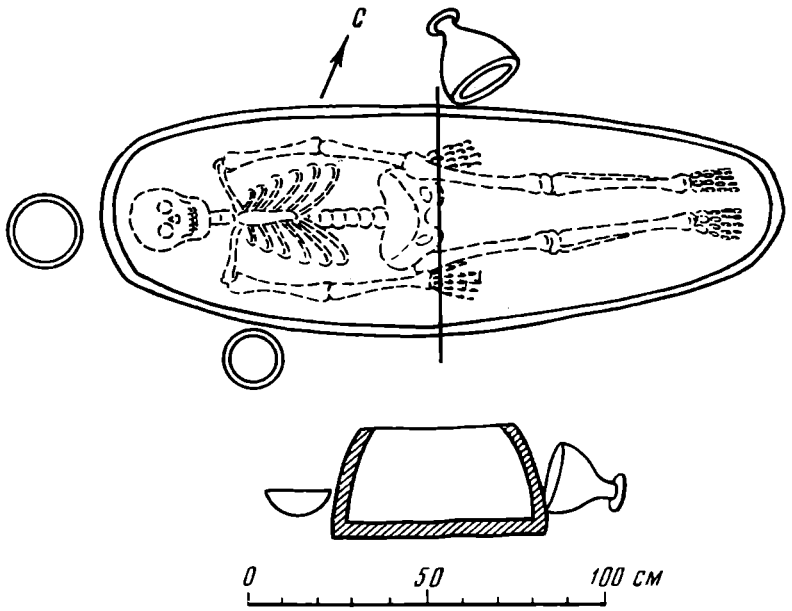


Рис. 14. Погребение в терракотовом саркофаге. План и разрез

кувшин, большая миска, два бокала, фиал (рис. 13). Формы сосудов — позднекушанского типа, черепок — красновато-кирпичного цвета, но красный ангоб уже не нанесен.

В течение длительного времени после разрушения кумирни участок этот не был обжит. Лишь в XV в. здесь заметны следы пребывания человека, о чем свидетельствует раздавленная, но почти целиком собирающаяся очень крупная чаша с подглазурной орнаментальной росписью кобальтом и черной краской по белому фону, типичной для тимуридской эпохи.

Метрах в 300 к северу от буддийского комплекса, на небольшом естественном холме нами раскопано погребение в терракотовом саркофаге (рис. 14). Он составлен из двух отдельно обжигавшихся в печи половин, имеет овальную форму (размеры 1,98 × 52 *см*), со слегка скошенными внутрь бортиками (38 *см*). Скелет почти совершенно истлел, но видно, что лежал на спине. Крышки нет — возможно, она была деревянной. В изголовьи возле саркофага установлена полукруглая, с небольшим дном светлоангобированная чаша, у правого бока — покрытая ярко-красным ангобом полусферическая чашка, у левого — изящный, также красноангобированный бокал. Это первое нетронутое погребение в терракотовом саркофаге на территории Бактрии: найденные ранее в Тупхане [26], Пахтаабаде [27], Джумаляк-Тепе [28] были в выбросах и не дают представления о характере

---

[26] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 167—168.

[27] Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана. КСИИМК, 55, 1954, стр. 144; Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. Тр. АН ТаджССР, XCI, Сталинабад, 1959, стр. 130, рис. 1.

[28] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе, стр. 212.

захоронения. Все эти саркофаги заставляют вспомнить ближневосточные парфянские захоронения в подобных же терракотовых гробах (Дура-Европос [29], Селевкия на Тигре [30], Сузы [31]), где они датируются периодом с I до начала III в. н. э. Однако отличие дальверзинского погребения в том, что рядом с гробом располагались сосуды — возможно, что в этом нашли отражение локальные или временные особенности (иная территория, иная эпоха). Характерно, что до сих пор на территории Бактрии встречены лишь одиночные захоронения этого рода, но не найдено ни одного могильника. Вполне возможно, что они принадлежали проживавшим здесь парфянам (может быть, парфянским купцам, которых немало было по Амударье), умершим и похороненным вдали от родины, но в соответствии с родовыми погребальными обрядами.

В свете проведенных исследований Дальверзин-Тепе предстает, как исключительно перспективный для изучения археологический памятник. По существу это один из немногих на территории Средней Азии почти «стерильных», очень крупных кушанских городов. Археологические же данные делают чрезвычайно вероятным уже высказанное нами ранее предположение [32] о возможности его отождествления с той ранней столицей Кушан, основанной к северу от Амударьи, которую под именем Ходзо упоминает древнекитайская хроника [33].

После закрепления юеджей около 120 г. до н. э. в Северной Бактрии и усиления среди них племени Кушан, последние обитали именно в долине Сурхандарьи, что подтвердили наши исследования в Халчаяне, скульптура которого посвящена прославлению Гераева рода Кушан. Своей резиденций они, очевидно, избрали уже существовавший здесь укрепленный греко-бактрийский городок, преобразовав его в цитадель. Расположенная же к северу от последней территория стала собственно-городом, где проживало все возрастающее население. Ему придали прямоугольный план, обвели стеною и рвом.

В эпоху Великих Кушан, столицы которых в I—II вв. уже сместились на юг, к Беграму и Пешаверу, Ходзо — Дальверзин-Тепе сохраняет свое значение важного форпоста в северных кушанских владениях. В системе могучей империи осуществляются большие работы по укреплению оборонной мощи городов, с этим периодом связано и усиление на Дальверзин-Тепе крепостной стены самого города и его цитадели. Последующие дополнительные ремонты и реставрации их осуществляются в позднекушанское время, но уже не имеют такого размаха. С крушением династии город пустеет, его постройки и стены оплывают. В V в. в стенах города и на его территории кое-где осуществляются захоронения. Заключительный этап использования Дальверзин-Тепе приходится на VI — VII вв., когда на возвышенном бугре былой цитадели сооружаются дома, наступающие на оплывшие гребни кушанских стен. В период завоевания арабами Саганиана (705 г.) Дальверзин-Тепе окончательно погибает.

---

[29] M. Toll. The Necropolis. The Excavations at Dura-Europos. Prel. Rep. of the Ninth Season of Work, II, New Haven, 1946, стр. 95 сл., рис. 3, табл. XXVII.

[30] M. C. Cavallero. The Excavations at Ghoche. «Mesopotamia», II, Torini, 1967, стр. 54 сл., рис. 37—42.

[31] R. Ghirshman. Les fouilles de Suse 1946—1951. «Revue des arts», 1951, III, стр. 188.

[32] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, стр. 247—248.

[33] И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. II, М.— Л., 1950, стр. 183—184.

G. A. Pougatchénkova

«NOUVELLES CONTRIBUTIONS AUX RECHERCHES DE DALVERZINE-TÉPÉ»

Résumé

Dalverzine-Tépé est la plus grande gorodichtché antique de l'oasis de Sourkhan-Daria. Les recherches archéologiques effectuées en 1967—1968 avaient pour objet l'étude de le stratigraphie, des fortifications et l'implantation de la ville.

On a constaté que le développement de l'agglomération en question remonte aux temps gréco-bactriens quand dans sa partie méridionale se forme un petit site fortifié. La péride de l'invasion des Saques en Bacriane septentrionale est marquée par une couche d'incinérations. Mais aux temps des Yue — Zoche — Kouchans on voit la renaissance de la ville et son expansion sensible dans la direction nord. Son nouveau territoire fut entouré d'un ravin et d'un mur.

Le plus grand épanouissement de la vie de Dalverzine-Tépé et une activité accrue de construction coïncident à l'époque des Grands Kouchans tandis que sous les Kouchans tardifs la ville tombe en ruine.

Parmi les monuments investigués au cours de l'expédition en question ont le plus d'intérêt les fortifications de ville de Dalverzine-Tépé, une maisson d'habitation, un four se rapportant à l'époque des Kouchans, une sépulture dans un cercueil de terre — cuite. Mais c'est un sanctuaire bouddhiste de dimensions réduites datant des I—II siècles et décoré d'une sculpture unique en gypse qui revêt la plus grande importance.

О. В. ОВСЯННИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА

(Каргополь в XVII в.)

Деревянные, а затем и деревянно-земляные укрепления в городах севера Московской Руси (Холмогоры, Турчасов, Каргополь, Шенкурск) появляются сравнительно поздно — в начале XVII в.— и ставятся на территории уже сложившихся посадов, по своему социально-экономическому значению являвшихся поселениями городского типа [1]. Во второй половине XVII — начале XVIII в. эти укрепления теряют свое значение и забрасываются. Большинство графических материалов по северным крепостям относится, как правило, к послепетровскому времени, когда от фортификационных сооружений остаются лишь жалкие следы.

В. И. Срезневский в 1902 г. во время посещения Каргополя в ц. Спаса (на Валушках) видел икону Бориса и Глеба, изображенных на фоне горящего деревянного Каргопольского города [2]. Икона дает условное изображение деревянного «города», но с большим количеством реалистических деталей: городовой стеной, башнями и внутренней застройкой и может служить ценным источником для изучения северо-русской крепостной архитектуры. Можно полагать, что икона, изображающая пожар 1700 г. и «прекращение» его святыми Борисом и Глебом, выполнена местным мастером, который был очевидцем этого происшествия (рис. 1, 2). В XVI—XVII вв. Каргополь был крупнейшим художественным центром Севера. Интенсивное строительство деревянных и каменных храмов способствовало сложению местной художественной школы. Каргопольские иконописцы упоминаются в XVI в. [3], переписная книга Каргопольского посада 1648 г. называет имена двух иконописцев — это Пронька и Якунька Федоровы [4].

Появление крепостных сооружений в Каргополе относится к началу XVII в., когда первый каргопольский острог осенью 1612 г. отразил яростные штурмы польско-литовских отрядов и русских «воров» [5]. Об облике этого острога, замененного через некоторое время более мощными дере-

---

[1] О. В. Овсянников. Некоторые проблемы изучения средневекового города в Русском Поморье. Памятники культуры Русского Севера (тезисы докладов и сообщений). М., 1966, стр. 65—67.

[2] В. И. Срезневский. Отчет отделению русского языка и словесности Импер. Академии Наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 года). СПб., 1904, стр. 7. Впоследствии икона хранилась в фондах Каргопольского краеведческого музея. После расчистки и реставрации она впервые экспонировалась в 1963 г. в Москве на IV выставке реставрации и консервации произведений искусства. См. IV выставка «Реставрация и консервация произведений искусства». Каталог. М., 1963, стр. 18. В настоящее время икона экспонируется в отделе древнерусского искусства Архангельского художественного музея.

[3] Э. С. Смирнова. Житийная икона Александра Ошевенского из Кеми. Тр. ОДРЛ, XXII, М.— Л., 1966, стр. 333, 334.

[4] ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 168, л. 40 об.

[5] О. В. Овсянников. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере. Сб. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 169.

Рис. 1. Икона: Борис и Глеб на фоне горящего Каргополя

вянно-земляными укреплениями, судить трудно. Вопрос о сооружении деревянного города возник в 1630 г., когда острог обветшал и от него остался один вал «острожная осыпь, где старый острог был» [6]. В этом же году в Каргополь прибыл князь Дмитрий Сентов, на которого и была возложена постройка новой крепости. Судьба ее оказалась типичной для многих северных городских укреплений: ни разу никем не атакованная, к началу XVIII в. она приходит в полную негодность, а 18 мая 1731 г. гибнет — «город Каргополь со всяким в нем хоромным строением сгорел без остат-

[6] М. М. Богословский. Тягловая организация Поморья в XIII веке. «Древности», 3, М., 1913, стр. 9.

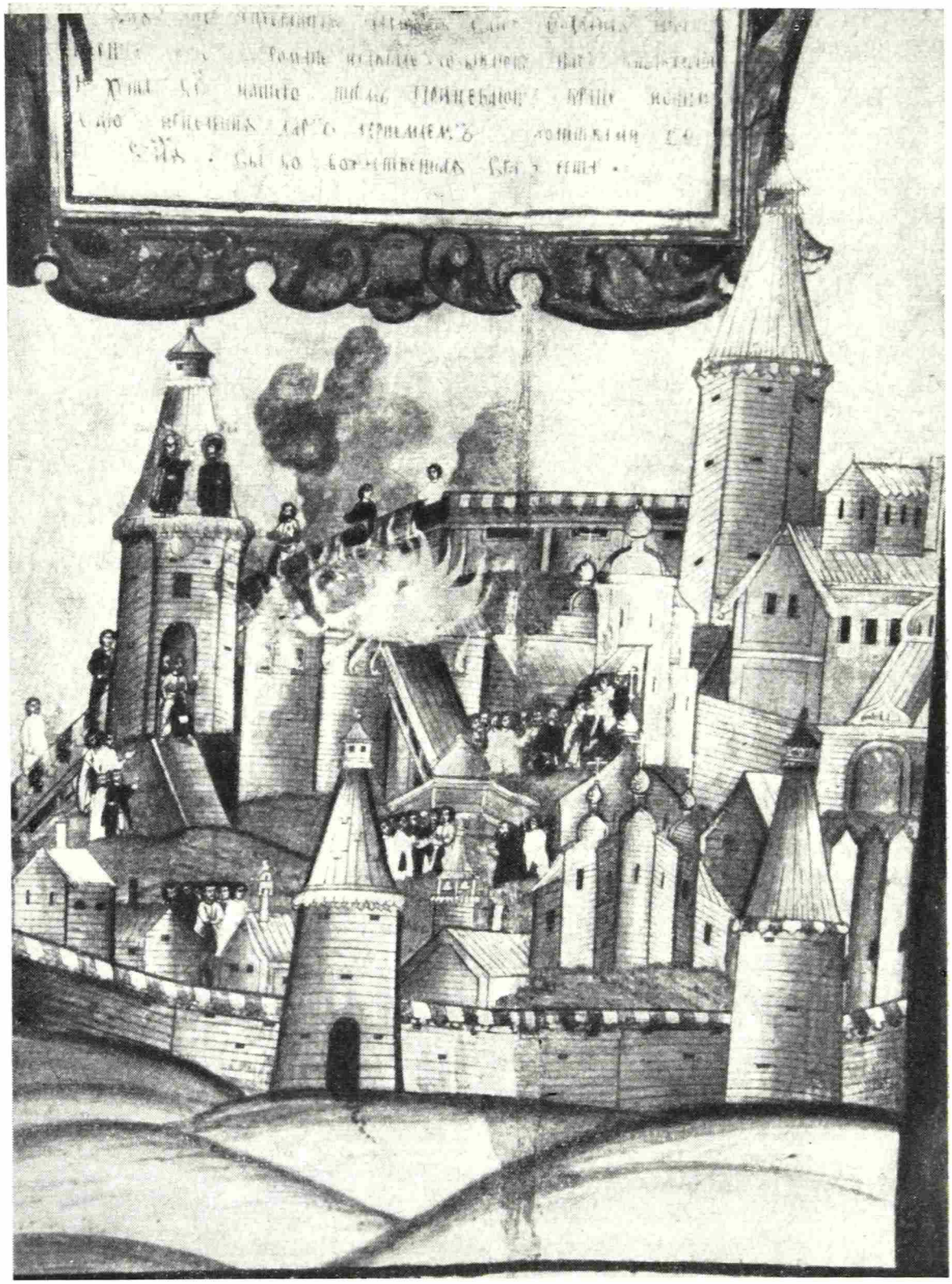


Рис. 2. Деталь иконы (горящий деревянный город)

ку» [7]. В настоящее время от «города» осталось городище с валами и рвами [8].

Рассмотрим некоторые детали архитектурного стаффажа на Каргопольской иконе.

[7] Ю. В. Готье. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. ЧОИДР, I, М., 1913, стр. 172, 174 (примечания). Изображение каргопольского городища известно по планам XVIII в. (ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр., 21568, л. 1-а; 21569, л. 11, 12).

[8] О. В. Овсянников. Из истории средневековых укреплений, рис. 3(4).

Стены города деревянные, без сомнения бревенчатые, рубленные тарасами (отчетливо видны границы отдельных срубов — тарас). Покрыты они тесом с фигурной обработкой концов. На рисунке тесины крыши стены раскрашены в два цвета. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности. В практике древнерусского оборонительного зодчества подобный прием не встречается, и в данном случае художник использовал его, вероятнее всего, как чисто декоративный элемент (точно так же, как и раскраска полиц башенных шатров). На фасаде деревянных стен, обращенных к зрителю, видны бойницы, расположенные в два яруса. С верхней галереи стен по две бойницы на каждую тарасу и по одной бойнице нижнего, подошвенного боя. Сторона тарас, выходящая внутрь города, показана не бревенчатой, ее структура напоминает скорее кладку (из кирпича или камня) или плетень. Часть тарас, по всей видимости, внутри была засыпана землей или землей с камнями.

На изображениях показаны четыре башни. Из них две — граненые восьмигранные и две — четырехугольные. Обе восьмигранные башни имели «двои ворот проходные» в каждой. На изображении ворота восьмигранных башен (у одной снаружи — из города, у другой они изображены с

Таблица 1

Роспись 1686 г.

Башня	Наименование	Длина	Вес ядра
Крестовая	Пищаль железная	3 арш., 5 вершков	5 фунтов
	» »	Полтрети арш. 2 вершка	3 фунта
Ручьевая	Пищаль медная («Новоленка»)	Полтрети арш.	3 фунта
Земляная	» » («Опороток»)	Полтрети арш. с четвертью	3 фунта
Троицкая	» » («Золотуха»)	Полтрети арш. 2 вершка	3 фунта
В каменном погребе	Пищаль медная, грановитая у запала вылит крест	Полтрети арш. 6 вершков	1,5 фунта
	Пищаль медная («Литка»), на ней герб, а в гербе три одноглавых орла	2 арш. 3 вершка	1 фунт с четвертью
	То же («Орлик») одного литья с «Литкой»		
	4 затинных пищали (одна без станка)		

внешней, напольной стороны) вырублены полукругом. Все башни рублены из бревен горизонтальными венцами (способ рубки и концы бревен на углах иконописец нигде не показывал). Все башни покрыты тесом, имеют у основания шатра полицы, что говорит о том, что шатры в действительности имели крутые скаты. Шатер каждой башни заканчивается смотровой вышкой, также покрытой тесом, венчающейся «яблоком» и прапорцем (флажком). У основания каждой вышки — отлив из теса, в стенках вышек — оконцы. Покрытия шатров, смотровых вышек, полиц и отливов оформлены фигурными тесинами. На восьмиугольных башнях особенно заметны повалы — небольшое расширение сруба башни у перехода к шатру. Бойницы в башнях располагаются в три яруса: нижний (подошвенный), средний и верхний. Одна из воротних башен показана с внутренней стороны города. Светлый круг в верхней ее части — это, вероятно, часы; четырехугольник немного ниже — икона.

Достоверность рассматриваемого изображения позволяют проверить «росписи» Каргопольского города 1686 и 1714 гг. По «росписи» 1686 г.— это деревянный рубленый город с деревянными башнями по стенам, из которых две рублены осьмериком, остальные четырехугольные (воротних башен три: две восьмигранные и одна четырехугольная) [9]. Перечисленные

[9] ЦГАДА, ф. 134, ед. хр. 10-*а*, л. 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5 об.

в «росписи» башни — Крестовая, Ручьевая, Земляная и Троицкая — имели пушечный наряд (табл. 1). Кроме того, в каменном погребе хранились 97 пищалей стрелецких ручных, у которых «ложа и замки перепорчены», и порох («сыр и в стрелбу не годица, и бочки развалились»). «Роспись» 1714 г. свидетельствует о дальнейшем обветшании укреплений: «а тот город строение давних годов, башни строены шатровые и те башни и городовая стена крыта тесом; и во многих местах стена и кровля и лестницы, которые из города на городовую стену были, сгнили и обвалились» [10]. «Роспись» 1714 г. упоминает восьмигранные башни (Троицкая, Воскресенская,

Таблица 2

Роспись 1714 г.

Башня	Наименование	Длина	Ядро
Троицкая	Пушка (в последнюю стрельбу оторвало часть дуги)	3 арш. 5 вершков	5 фунтов
	Пушка	2 арш. без 3 вершков	
Воскресенская	Пушка железная	Полтрети арш. 2 вершка	3 фунта
	» »	Полтрети арш. 2 вершка	3 фунта
Подлазная	» »	3 саж.	
В каменном погребе:	3 пищали затинных в станках		
	Пищаль в ломаном станку		
	Пищаль без станка		

обе воротние), остальные четырехугольные (из них упомянуты Пытальная и Подлазная, также воротные). Длина городовой стены составляла 336 саженей, высота стены до кровли на различных пряслах колебалась от 2 саженей 2 аршин до 3 саженей с аршином, высота башен до 11 саженей 1,5 аршин. Вооружение «города» осталось почти без изменения (табл. 2). В 1713 г. по царскому указу были приняты меры по «пересушке и по перепрудке пороху, да из 95 ручных пищалей и 4 мушкетов были починены 34 пищали и мушкеты». Иконописец поместил Бориса и Глеба на Троицкой башне [11], она действительно восьмигранная и находится вблизи пожара, следующая восьмигранная башня — Воскресенская (художник пропустил между ними одну четырехугольную башню). Воротняя четырехугольная башня, помещенная на переднем плане,— Подлазная (значит, «город» изображен со стороны р. Онеги). Здесь мастер не изобразил часть города: к стене, выходящей к реке, был прируб из трех стен, в длину 3 сажени с полуаршином, поперек три сажени, эти стены также были крыты тесом.

Изображая постройки внутри «города», иконописец, по всей вероятности, не ставил себе целью показать все, что там находилось, а лишь те сооружения, которые казались ему наиболее важными и связанными с изображаемым им событием. Поэтому художник нарисовал не весь «город», а часть, откуда начался пожар. Пожаром охвачены в первую очередь оказались богатые деревянные хоромы. Низ их глухой, без единого окна, вверху же большие окна с колодами; два на торцевой части и четыре на фасадной, лицевой стороне (три слева от крыльца и одно справа). Здание имело, по всей вероятности, трехчастный план, столь характерный для древнерусских гражданских зданий XVII в.

Вход в сени (среднюю часть) второго этажа осуществлялся по деревянному крыльцу «на отлете» (т. е. перпендикулярно к фасаду) с длинным лестничным всходом и сложно разработанным нижним рундуком. К рундуку с двух боковых сторон подходят два небольших всхода-лестницы.

[10] Полностью «роспись» см.: В. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, этнографическом, статистическом отношениях. ЖМВД, XII, 11, СПб., 1841, стр. 178—181.

[11] Надпись опубликована В. И. Срезневским.

Нижний рундук покрыт «бочкой» с «отливом» спереди у ее основания. На изображении видны торцы покрытий над порубом хором, над главным всходом крыльца и боковыми всходами на нижний рундук — все они отделаны подзорами с резьбой (иконописец изобразил это условно — черточками). Скупое оформление основного объема здания, не имеющего ничего, кроме одного этажа, стоящего на подклети (т. е. нет никаких вышек, светелок и т. д.), при необычайно богатом, торжественном крыльце наводит на мысль об определенном функциональном назначении этой постройки. Все данные говорят за то, что это не жилые хоромы, а какое-то административное здание, скорее всего Приказная палата, где, судя по надписи на иконе, и начался пожар.

В левом нижнем углу — две деревянные и одна каменная постройки. Все они имеют дымницы, особенно изящна дымница у каменной постройки. Крайняя левая деревянная постройка — на подклете. Это скорее всего жилая изба. Изба, стоящая с ней рядом, кажется более низкой, но не исключено, что это может быть тоже жилая изба на подклете.

Центральная группа людей, изображенных на иконе, выходит из одноглавой каменной церкви. Церковь стоит на высоком подклете, в нее ведет деревянное крыльцо. Судя по изображению, каменная церковь была бесстолпной, т. е. глава ее была поставлена на сомкнутом своде. Подобные случаи известны из строительства XVII в.

Левее этой церкви стоит деревянное здание, возможно, жилой дом, так как под ее крышей возвышается головка дымовой трубы. Тесовая крыша постройки завершена под коньком охлупнем.

За описанной небольшой постройкой виден верх деревянной церкви — часть рубленой стены и бочка над ней, а также часть барабана с луковицей и крестом. Нельзя не отметить попутно одну любопытнейшую деталь: выходящие из каменного храма и входящие в город встают на колени перед деревянным храмом. В сочетании с находящимися на полицах одной из башен фигурами Бориса и Глеба эта композиция наводит на мысль о том, что деревянный храм был посвящен именно им и горожане просят помочь им в пришедшей беде. Храм этот, деревянный рубленый, обращен к зрителю апсидами. Галереи и три апсиды, каждая из которых покрыта «бочкой» с полицами и с главкой над «бочкой», хорошо видны. Храм имеет двускатную крышу, т. е. построен «клетски». Слева от храма виден верх деревянной рубленой колокольни — типичной северорусской, крытой тесовым шатром с полицами и с главкой наверху, с ярусом звона, образованным столбами, с «отливом» между низом, рубленым из горизонтальных венцов и каркасным верхом. Слева от храма, за горкой, на которой он стоит, видна часть не то каменного, не то деревянного здания с головкой трубы над тесовой крышей. Внешний облик этой постройки говорит скорее всего о ее производственном назначении.

В правой верхней части «города» изображен богатый архитектурный комплекс. Остановимся подробнее на его деталях. Интересующее нас здание стоит внутри довольно солидной рубленой из бревен ограды, настолько высокой, что входом за нее служили не отдельные ворота, а большой проем, оставленный в ограде. Проем так же, как и в проходных башнях, с полукруглым верхом. Здание, видимое из-за ограды, каменное, очень высокое. Низ постройки глухой, в нем, очевидно, заключались обширные складские помещения. Судя по тому, насколько он высоко возвышается над землей, под ним должны были быть еще и погреба. В верхнем этаже здания размещались обширные палаты, хорошо освещенные большими окнами с прямоугольными верхами. Обычно такие помещения в жилых каменных древнерусских зданиях этой поры служили для приема гостей. В центральную часть каменного здания, очевидно в сени его, ведет крыльцо. Трудно по данному изображению судить, было ли оно поставлено «на отлете», т. е. под прямым углом к фасаду, или прилегало к фасадной стене палат. Верхний и нижний рундуки крыльца покрыты «бочками», причем в тимпанах

бочек показаны оконца. В нижней бочке оконца могли иметь только декоративный характер, а в верхней могла находиться светелка. Нужно отметить, что «бочка» над верхним рундуком нарисована слишком низко, в действительности она не могла быть расположена ниже свеса крыши палат. Это говорит о некоторой неточности, условности изображения. По правую сторону сеней и крыльца, надо полагать, была другая часть этого здания, другая палата, не видная на рисунке. Над каменными палатами возвышается еще одна часть здания, без сомнения деревянная. Это не то «чердак», не то хоромы. Скорее всего там были хоромы с сенями и горницами, но при некоторой условности изображения на рисунке они выглядят как одно летнее помещение (трубы над ним не показаны). Однако его стены изображены как все рубленые стены на данной иконе, из чего можно понять, что это была теплая постройка. Окна очень узкие и расположены слишком часто, и это наводит на мысль, что иконописец слишком «сжал» деревянный верх здания, а окон нарисовал столько, сколько их было в действительности. Головка дымовой трубы, нарисованная справа от деревянного верха палат, выходит, очевидно, из одной из стен правой палаты, не показанной на рисунке. Деревянный верх, палаты и сход крыльца покрыты тесом, причем над деревянным верхом концы тесин, обработанных фигурно, выпущены наружу, а над палатами запущены в желоб. Над торцом палат, завершенным щипцом, края крыш обрамлены подзорами — «полотенцами» с резными концами, свешивающимися ниже желоба. Торцевая часть палат обработана лопатками и горизонтальным поясом, разделяющим этажи. Положение окон в торце и с лицевой стороны палат на разной высоте не соответствует, безусловно, действительности. Скорее это «вольность», допущенная иконописцем. В целом изображенный комплекс с высокой рубленой оградой, с каменными палатами с деревянным верхом является, по всей видимости, «двором» богатого, а может быть даже высокопоставленного человека — воеводы или, позднее, коменданта. Большие каменные палаты с деревянным верхом еще недавно вызвали бы некоторое недоумение. Сейчас уже совершенно ясно, что в XVI — XVII вв. наличие вторых и третьих деревянных этажей в каменных хоромах было явлением совершенно закономерным и широко распространенным [12].

За правой, нижней (глухой) башней показана часть какого-то тына с раскрашенными бревнами. С чем связан этот тын, определить трудно.

Между упомянутой башней и деревянным храмом виднеется верхняя часть рубленой постройки с двумя, по-видимому волоковыми, окнами и тесовой крышей с резными подзорами по торцу. Вероятнее всего, это жилая изба на подклете.

Реалистически изображая события, связанные с пожаром в каргопольском «городе», иконописец, безусловно, допустил ряд неточностей и «вольностей». Возможно, мастер даже отказался от изображения некоторых построек, которые в композиции, раскрывающей сюжетную канву событий, не имели первостепенной важности. К тому же художник использовал такой композиционный прием, как изображение той части крепости, в которой и разыгрались драматические события 1700 г., что значительно усложняло компоновку основных архитектурных объемов.

Реализм архитектурных композиций, выполненных древнерусскими миниатюристами и иконописцами, позволяет, как это уже отмечалось исследователями, считать архитектурные изображения ценным историческим источником. Несомненным достоинством изображения «города» на каргопольской иконе является реалистичность и достоверность (как показало сравнение с письменными источниками) архитектурного стаффажа, что делает ее важным источником для изучения не только северного деревянного оборонного зодчества, но и северного домостроительства и городской планировки конца XVII в.

[12] Ю. П. Стегальский. Псковские каменные жилые здания XVII в. МИА, 119, 1963, стр. 151—168.

O. V. Ovsiannikov

TIRÉ DE L'HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE DES FORTIFICATIONS DU NORD DE LA RUSSIE (KARGOPOL EN XVII SIÈCLE)

Résumé

L'article est consacré à l'étude des fortifications en bois de la ville de Kargopol, une des plus anciennes des régions septentrionales de la Russie du XVII siècle.

La première forteresse («ostrog») de Kargopol fut construite au début du XVII siècle (en 1612). Dans le second quart du même siècle une autre forteresse en bois, plus puissante, portant le nom de gorod, fut construite à la place de la première.

L'image de cette forteresse («gorod») de Kargopol du XVII siècle est conservée sur une icône originale appelée «Boris et Gleb sur le panorama de Kargopol en feu». L'icône est faite, sans aucun doute, par un peintre autochtone contemporain et, peut-être, témoin oculaire du grandiose incendie de 1731.

Le peintre prêta la même attention à la représentation du plan du kremlin, des murs du gorod à toits et embrasures, des tours flanquantes à toits aux pentes rapides et portaient les miradors aussi que des bâtiments se trouvant dans le cadre des murs tels qu'églises en bois et en pierre, établissements administratifs et bâtiments d'habitation. Le caractère authentique des compositions architecturales, leur conformité aux sources écrites permettent de considérer cette icône comme une source précieuse pour l'étude de l'architecture russe des fortifications et églises ainsi que de celle des établissements civils de la Russie du Moyen Age tardif.

Le «gorod» de Kargopol du XVII siècle était une forteresse typique à l'architecture des fortifications rattachée au Bas Moyen Age; ces forteresses avaient un plan dit régulier, un nombre élevé des tours flanquantes comportant l'artillerie (l'icône représente 4 de ces 9 tours). Au début du XVIII siècle, l'importance défensive du gorod de Kargopol diminue ainsi que celle de plusieurs forteresses du Nord de la Russie.

Заметки

Л. И. ХЛОПИНА

Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения)

В 1967 г. при продолжении раскопок на «Вышке» Намазга-Тепе среди многочисленной и разнообразной керамики был найден сосуд оригинальной формы (рис. 1, *3*). Он обнаружен на дворовом участке, близ очага. Сосуд имеет слегка отогнутый наружу венчик и очень широкие бока, резко суживающиеся ко дну. В придонной части — ярко выраженная выкружка. В центре небольшого донца еще до обжига было сделано отверстие и прорезан неглубокий желобок от отверстия к краю дна; ширина желобка 1 *см*. Диаметр венчика 45,5 *см*, диаметр дна 9 *см*, диаметр донного отверстия 3 *см*, высота 24,5 *см*. Объем сосуда 15—16 литров. Глина тонко

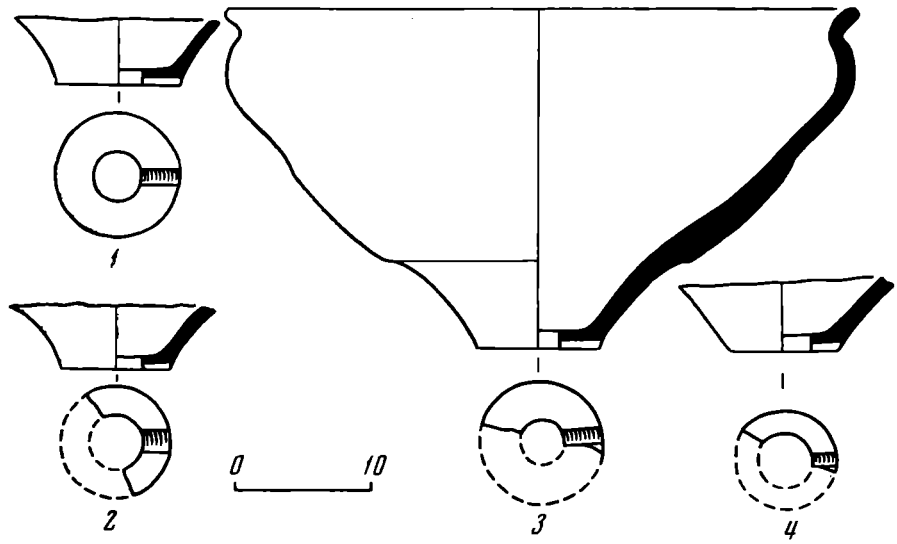


Рис. 1. Миски для отцеживания
1, 3, 4 — «Вышка» Намазга-Тепе; *2* — Елькен-Тепе, II слой

отмучена и имеет примесь органических остатков. Цвет снаружи розовый, в изломе — кирпичного оттенка, обжиг ровный. Сосуд сделан на гончарном круге и по своей форме напоминает большую миску, но выкружка в придонной части отличает его от мисок этого времени. Назначение сосуда определяется отверстием в дне: он использовался для медленного отцеживания (скорее всего при переработке молочных продуктов). Большой диаметр венчика и очень узкое дно делают его крайне неустойчивым. Однако выкружка в придонной части свидетельствует о том, что такие сосуды ставились в специальные керамические подставки (рис. 2). Неглубокий желобок и подчеркнуто плоское дно позволяют предполо-

жить, что подставка была невысокой, так чтобы дно сосуда стояло на плоскости. Только в этом положении можно было полностью использовать желобок, через который должен был происходить медленный отток жидкости.

Был найден фрагмент донца еще одного подобного сосуда (диаметр дна 8 *см*, диаметр донного отверстия 3,6 *см*, ширина желобка 0,7 *см*). Наружный цвет и цвет черепка в изломе совпадают (рис. 1, *4*).

Фрагменты мисок встречались в Южной Туркмении и раньше. В 1952 г. Б. А. Куфтин на «Вышке» Намазга-Тепе нашел донце подобного сосуда (рис. 1, *1*); это была первая находка, она осталась непонятной и не привлекла внимание исследователей. В 1953—1956 гг. А. А. Марущенко проводил раскопки поселения Елькен-Тепе у Каушута, где им во втором культурном слое (ЕД-II) были найдены своеобразные сосуды со срезанной шейкой [1]. Количество их автор не отмечает. Он опубликовал только один фрагмент дна с отверстием (рис. 1, *2*).

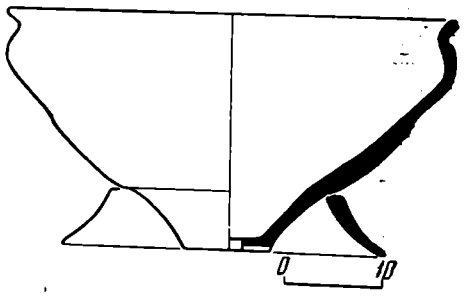


Рис. 2. Миска для отцеживания на керамической подставке (реконструкция автора)

Итак, в настоящее время на территории Южной Туркмении известно четыре экземпляра мисок для отцеживания. Выше уже отмечалось, что их неустойчивая форма требовала обязательного применения керамических подставок. Однако эти подставки могли употребляться и для других сосудов, имевших выкружку в придонной части. Значит, наличие в керамическом материале подставок или сосудов с выкружкой позволяет сделать предположение, что у оставившего их населения могли быть в быту и миски для отцеживания, тем более, что обломки венчиков таких сосудов не отличаются от венчиков обычных мисок ничем, кроме увеличенного диаметра. Нам известно, что в нижних слоях «Вышки» Намазга-Тепе есть сосуды с выкружкой в придонной части [2], а в слоях времени Намазга V на том же поселении имеются керамические подставки двух типов [3]. Это позволяет предположить, что миски для отцеживания употреблялись не только в верхнем строительном горизонте «Вышки», но и ранее, во всяком случае с периода Намазга V. Наличие же и подставок, и сосудов с выкружкой в придонной части на другом крупном поселении эпохи бронзы — Алтын-Тепе у Меана [4] позволяет предположительно расширить ареал подобных сосудов в период Намазга V.

Поскольку миски для отцеживания были найдены в культурных слоях времени Намазга VI и Елькен-Тепе II (культура Яз I по периодизации В. М. Массона), то их употребление в памятниках времени поздней бронзы Южной Туркмении бесспорно. Наличие керамических подставок и сосудов с выкружкой в придонной части на памятниках поздней бронзы в древней Маргиане (Тахирбай III, Яз-Тепе I) [5] позволяет еще больше расширить территорию вероятного применения этих сосудов.

Таким образом, миска для отцеживания является новым типом керамики в Южной Туркмении. Время ее применения на названной территории — эпоха развитой и поздней бронзы (Намазга V — Яз I). Наличие таких сосудов позволит детальнее охарактеризовать хозяйственную деятельность древнего населения северной подгорной равнины Копетдага.

[1] А. А. Марущенко. Елькен-Тепе. Тр. ИИАЭ, V. Ашхабад, 1959, стр. 64.

[2] Л. И. Хлопина. Кухонная керамика времени Намазга VI. КСИА, 132, 1971.

[3] Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4, стр. 40.

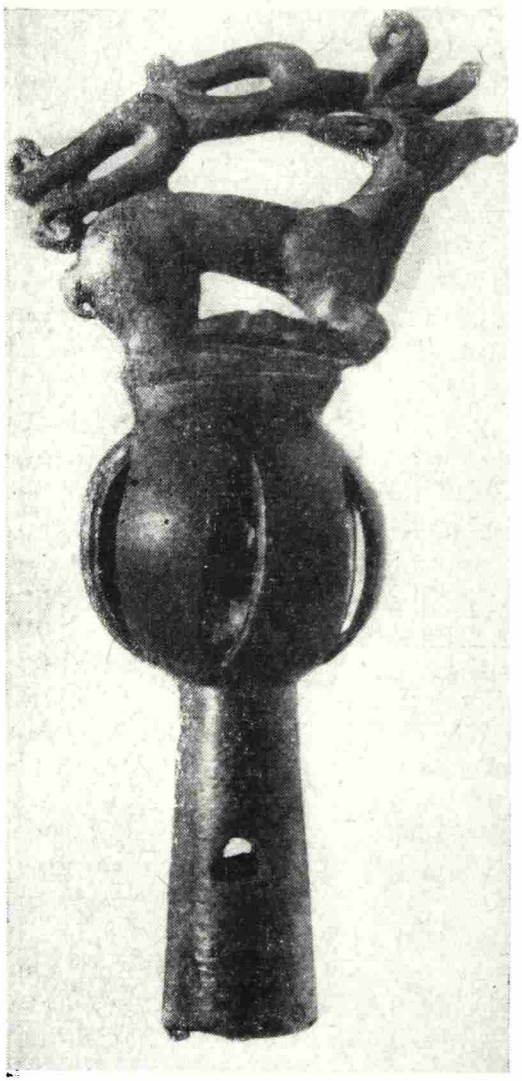
[4] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3, стр. 184.

[5] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. VIII, XXVIII.

В. И. МАРКОВИН

БРОНЗОВОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В 1969 г. мне передали бронзовое навершие, которое хранилось в школьном музее ст. Баракаевской. По словам местного учителя В. И. Носкова, оно было найдено кем-то среди пахоты близ станицы, в урочище «Бенковская поляна». Никаких подробностей находки он сообщить не мог. Учитель географии В. П. Сакара, работающий в ст. Губской, пояснил, что навершие происходит из крупного кургана, который был разрыт близ ст. Губской во время земляных работ на территории Губского отделения Московского садсовхоза. Всего было найдено четыре одинаковых навершия, а вместе с ними — бронзовый котел и каменный жертвенник на четырех ножках. По сообщению В. П. Сакара, найденные вещи были расхищены, два навершия попали в ст. Баракаевскую, одно из которых и было передано мне[1], о втором сейчас ничего не известно.



Навершие из ст. Губской

Публикуемая находка представляет собой полый шар, насаженный на втулку и увенчанный фигурой сидящего оленя. Общая высота предмета — 23,8 *см*, диаметр шара — 6,8 *см*, высота втулки — 8 *см*. Навершие отлито в двухсторонней форме. Шар имеет семь узких прорезей (1 × × 5 *см*), в нем свободно перекатывается кусочек железа, производя довольно сильный звон. Прорези шара подправлены острым зубилом по готовой отливке. Втулка предмета книзу расширяется до 3,5 *см*. Она снабжена двумя полукруглыми литыми отверстиями, которые служили для крепления навершия.

Наибольший интерес представляет литая фигура оленя (11,7 × 9 × × 1,5 *см*). Животное изображено сидящим — передние ноги у него покоятся на задних, шея вытянута, голова слегка приподнята вверх. Четко выделены глаза в виде выпуклых кружочков, ноздри углублены. Развесистые рога с четырьмя слабо изогнутыми *S*-образными отростками соприкасаются с приостренными ушами и ложатся на круп животного. Передний отросток рогов спилен находчиками. Небольшой хвост опущен вниз. Поза животного неспокойна, скульптор сумел передать настороженность, готовность оленя к стремительному бегу.

Стилистические особенности описанного изображения (рисунок) позволяют относить его к первой группе оленных изображений, согласно десятичленной классификации Н. Л. Членовой, и датировать навершие из ст. Губской VI в. до н. э.[2]

[1] Навершие сдано в Государственный музей искусства народов Востока.

[2] Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 168—170.

Находки наверший скифского времени разных типов (плоских, объемных и шумящих) встречаются на большой территории [3]. В Прикубанье давно известны находки наверший, производящих звон. Таковы, например, два навершия с фигурами оленей из окрестностей Майкопа (найдены в 1896 — 1897 гг.), находки, происходящие из курганных погребений, раскрытых Н. И. Веселовским в 1903 — 1910 гг. (ст. Келермесская, курганы 1,2 — десять наверший, из них четыре в виде гремящих шаров; Ульский аул, курганы 1, 2 — пять наверший, среди них — три с головами быков и одна — с грифоном [4]. Всего для Прикубанья учтено 40 наверший, связанных с 11 комплексами [5]).

О назначении описываемых предметов мнения разноречивы. А. С. Лаппо-Данилевский называл их tintinnabulum, т. е. колокольниками, побрякушками[6]. М. И. Ростовцев рассматривал такие находки как «наконечники жердей погребального балдахина или навершия погребальных знамен и значков» [7]. В. В. Шлеев относится к этим предметам, как к украшениям колесниц. Они, по его мнению, надевались на дышла [8]. В. А. Ильинская отказывается считать подобные навершия «принадлежностью какого-то одного устройства» (балдахина, колесницы и пр.) [9].

Описанная нами находка ничего нового не дает в разрешении вопроса о назначении подобных наверший, но она великолепна по своим пропорциям и мастерству исполнения — в этом ее уникальность. Навершие из ст. Губской интересно и тем, что оно найдено в Прикубанье — в той области нашей страны, где, по словам А. П. Смирнова, искусство скифского времени проявлялось чрезвычайно своеобразно: «в соединении реалистического образа с орнаментальными элементами»[10]. Эта находка несомненно займет должное место среди памятников искусства VI—V вв. до н. э.

---

[3] В. А. Іллінська. Про скіфські навершніки. «Археологія», XV, Київ, 1963, стр. 33 сл.; А. П. Уманский. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье. СА, 1970, 2, стр. 169 сл.

[4] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. III,СПб., 1901, стр. 66, рис. 20*а*; ОАК за 1904 г., СПб., 1907, стр. 88, 89, 91, 94, рис. 140; ОАК за 1908 г. СПб., 1912, стр. 118, рис. 169; ОАК за 1909 и 1910 гг., СПб., 1913, стр. 149, 150, рис. 215. См. также: Первобытная культура (путеводитель по выставкам Гос. Эрмитажа). 1, М., 1955, стр. 58, табл. 11—12.

[5] В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 157—160; Н. М. Бокий. Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю Кіровоградщины. «Археологія», XXIII, Київ, 1970, стр. 182—189.

[6] А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887, стр. 95—97.

[7] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 46.

[8] В. В. Шлеев. К вопросу о скифских навершиях. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 59—61.

[9] В. А. Ильинская. Скифы..., стр. 160.

[10] А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 170.

С. С. БЕССОНОВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВЯННОГО САРКОФАГА ИЗ ТРЕХБРАТНЫХ КУРГАНОВ

В 1967 г. при раскопках кург. «Три брата» близ Керчи в одной из каменных гробниц кургана № 2 (погр. 3) обнаружено парное захоронение мужчины и женщины в деревянном саркофаге [1]. Гробница была впущена в материк и представляла собой массивный каменный ящик с плоским перекрытием. Погребение датируется второй половиной IV в. до н. э. и принадлежит представителям скифской эллинизированной знати.

---

[1] С. С. Бессонова. Скифское погребение IV в. до н. э. близ Керчи. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», Киев, 1968, стр. 125—127.

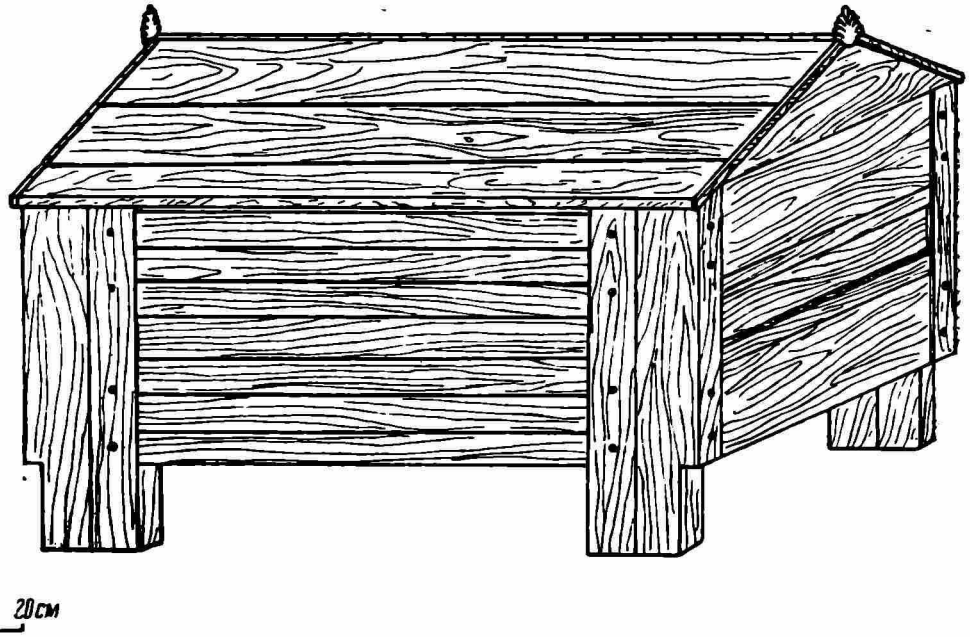


Рис. 1. Реконструкция саркофага

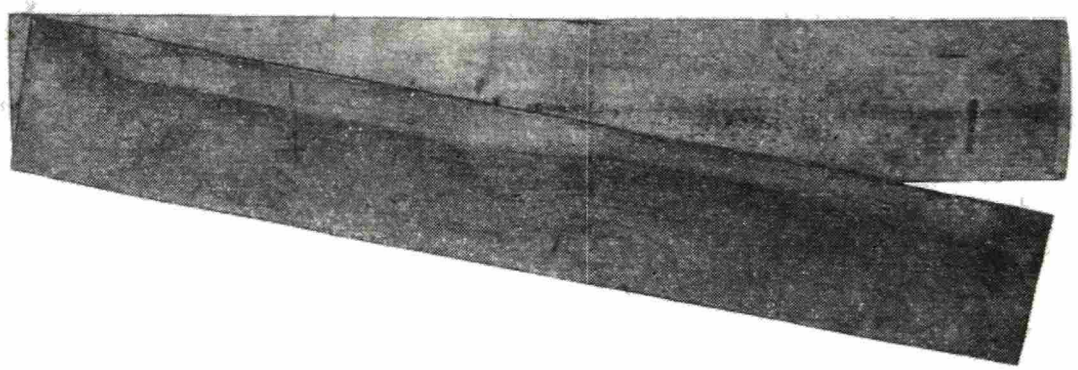


Рис. 2. Филенка с прибитой к ней фанеровкой

Деревянный саркофаг занимал почти все пространство гробницы. Он оказался разрушенным — отчасти временем, отчасти упавшим сверху обломком плиты перекрытия. Сохранились следующие детали: коньковый брус; 24 шарнира (из 25); оба фронтона; 4 доски крыши; 12 досок продольных стенок (из 14); доски поперечных стенок (кроме одной планки возле филенки); 12 досок пола; стойки. Почти все доски фрагментированы, за исключением фронтонов, двух досок крыши, трех продольных досок, шести досок пола, а также одной доски, узкой планки и филенки от поперечной стенки. От фанеровки саркофага остались многочисленные обломки. Целиком сохранились лишь два куска: от поперечной филенки и от продольной доски. Несмотря на плохую сохранность деталей, графическая реконструкция саркофага оказалась возможной (рис. 1) [2].

Саркофаг представляет собой ящик с двускатной крышей. Длина его 2,08 *м*, высота вместе с крышей 1,26 *м*, ширина 0,94 *м*, высота ножек 0,27 *м*. Крыша слегка нависала над стенками; ее длина была около 2,18 *м*. Все доски соединены между собой при помощи деревянных шипов, гвоздей или

[2] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. И. Сокольскому за ценные указания по реконструкции саркофага, а также за помощь в отборе образцов дерева для анализа.

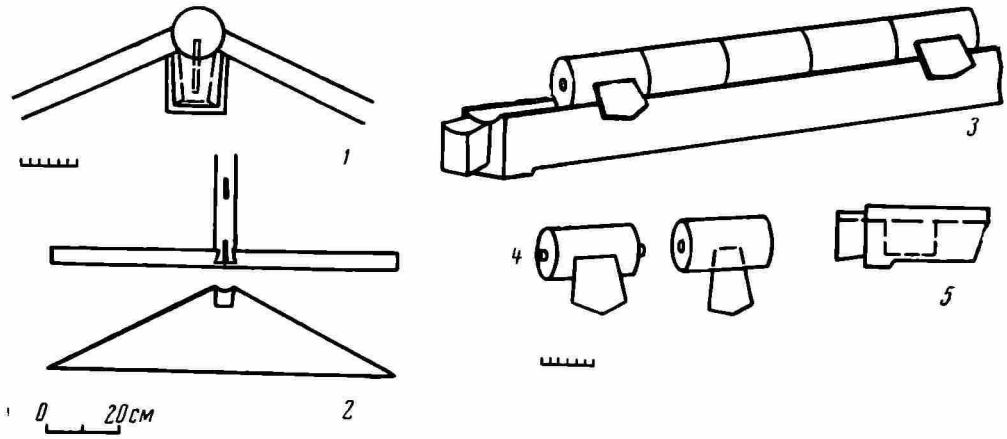


Рис. 3. Реконструкция деталей саркофага

1 — шарнирная система в разрезе; *2* — крепление конькового бруса к фронтону; *3* — часть конькового бруса с шарнирами; *4* — шарниры; *5* — часть конькового бруса

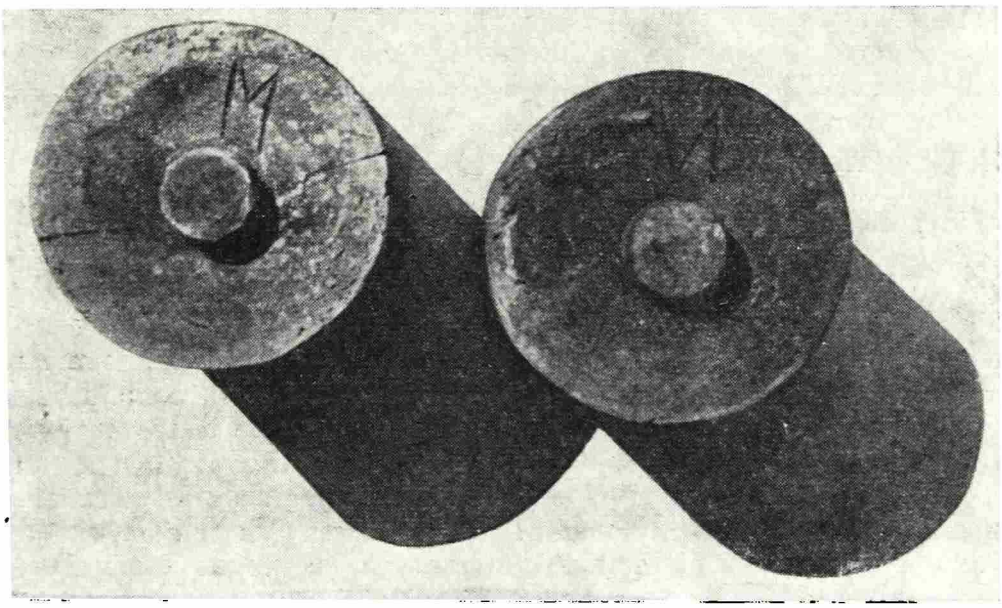


Рис. 4. Шарниры с буквами

шпонок. Железные гвозди применены один раз — ими прибиты края крыши к стойкам. Снаружи почти весь саркофаг, за исключением крыши и фронтонов, был фанерован. Об этом свидетельствуют следы косых насечек для оклеивания на наружных сторонах досок. Для прикрепления фанеровки к доскам служили также маленькие деревянные гвоздики (рис. 2).

Конструкция саркофага, имеющая ряд особенностей, заслуживает более подробного рассмотрения.

К р ы ш к а. Состоит из двух половинок, соединенных с шарнирной системой. Каждая половинка составлена из двух досок с непараллельными сторонами. Торцы их были обиты узкими планками. Завершение длинных сторон крышки не вполне ясно. Судя по величине фронтонов, с каждой стороны должна быть еще одна доска шириной не менее 10 *см*. По краям крыша была наглухо прибита к стойкам железными гвоздями длиной 11—13 *см*.

Ш а р н и р н а я с и с т е м а состоит из 25 шарниров и конькового бруса длиной 2,06 *м*. Коньковый брус имеет прямоугольную в сечении форму с округлой выемкой-ложем для шарниров (рис. 3). На концах бруса вы-

ступы-пироны, которые вставлялись в вырезы на фронтонах. Петли шарниров имеют форму цилиндров длиной от 7,8 до 14,4 *см* (чаще 8 *см*). С коньковым брусом и досками крышки шарниры соединены следующим образом: 13 шарниров (каждый второй) крепились на шпонках к коньковому брусу, а остальные 12 — к доскам крышки, по 6 с каждой стороны. Таким образом, обе половинки крышки могли откидываться. Интересно отметить, что некоторые детали шарнирной системы для удобства сборки

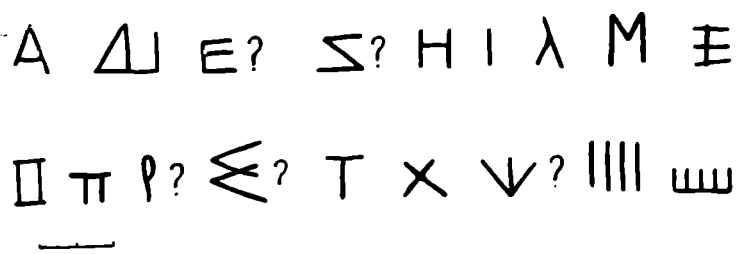


Рис. 5. Буквы греческого алфавита и насечки на торцах шарниров

были помечены буквами греческого алфавита (рис. 4). На торцах петель шарнира удалось различить 16 греческих букв. В некоторых случаях под одним знаком можно подразумевать разные буквы (например, M, Σ, Z, N). Совершенно очевидно, что мастер, изготовлявший шарнир, не знал всего греческого алфавита. Поэтому ему пришлось использовать букву А в различных написаниях, сочетания двух букв (ТА, ТМ) и прямых черточек (рис.5). Кроме того, буквенные обозначения располагались не в алфавитном порядке. Так, на концах одного шарнира помещены соответственно буквы А и М, N и Х, П и Н и т. д. Так как большинство знаков повторяются по два раза, то очевидно, что соединявшиеся торцы шарниров были помечены одинаково. Чтобы дополнить эти 16 букв и значки до пар, недостает 10 знаков. Как раз таково количество торцов с несохранившимися обозначениями. Следовательно, мастер использовал не более 16 букв греческого алфавита [3]; один из фронтонов — восточный, также помечен буквой N. Эта же буква есть и на одном конце конькового бруса. Крайние шарниры выходят за пределы конькового бруса и лежат на фронтонах. Поэтому их торцы должны быть чем-то прикрыты, возможно пальметками, по аналогии с другими боспорскими саркофагами [4].

Стойки. Каждая стойка состоит из двух половинок, скрепленных торцовыми сторонами при помощи двух крупных штифтов (рис. 6) [5]. Половинки стоек, обращенные к поперечным сторонам, облегчены внизу, поэтому поперечные стенки нависают над ножками на 5 *см*. Каждая стойка имеет по 6 пазов: 3 — для досок продольной стороны и 3 — для досок поперечной. Крайние пазы более глубокие, чем центральные, вследствие этого часть досок имеет уступчатые вырезы в шпунтах и входит, таким образом, сразу в два паза. Это создавало дополнительную опору, особенно важную для продольных стенок, состоящих из узких досок. Интересно отметить, что все пазы имеют различную глубину и длину, а в одной из стоек

[3] Применение букв греческого алфавита при изготовлении саркофагов отмечено, например, в саркофагах из 1 камеры двойного склепа 5 Юз-обского кургана (для пометки петель шарнира), из Кекуватского кургана и в Анапском саркофаге 1882 г. (для прикрепления деталей орнамента). Н. И. Сокольский. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. САИ Г1-17, М., 1969, стр. 21, 25, 33.

[4] И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. I, СПб., 1889, стр. 37, рис. 44.

[5] Составные стойки известны, например, в Анапском саркофаге, где две половинки скреплены друг с другом продольными сторонами при помощи шпонок. Н. И. Сокольский. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья, табл. 9, 7.

со стороны поперечной стенки вообще нет паза, и доски (филенка и рейка) должны были крепиться в упор. Это наглядно свидетельствует о бережном отношении к строительному материалу, о подгонке деталей.

Поперечные стенки состоят из двух широких досок и более узкой заглубленной филенки. Последняя обрамлена сверху и снизу узкими, но толстыми (3 *см*) рейками[6] с уступчатыми вырезами по краям. Такие же вырезы есть и на прилегающих к планкам углах широких досок. Судя по

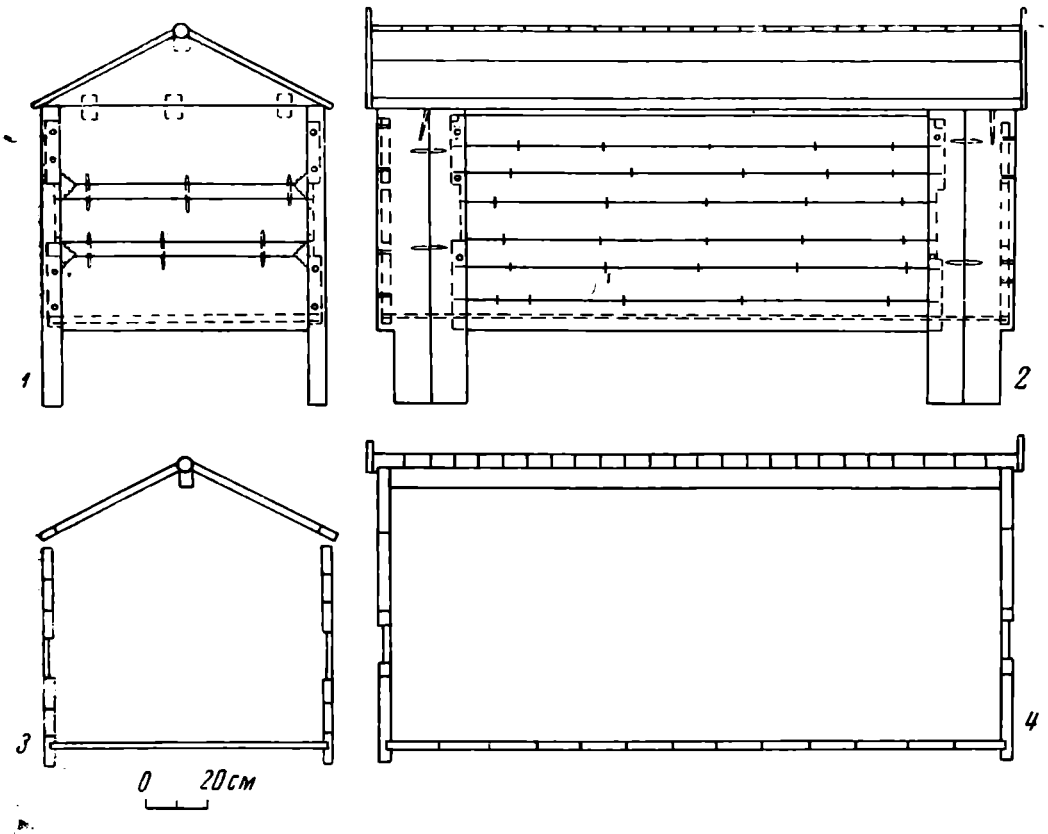


Рис. 6. Строение саркофага

1 — поперечная сторона; *2* — продольная сторона; *3* — поперечный разрез; *4* — продольный разрез

размерам реек, они подходили к широким доскам таким образом, что вместе образовывали заглубленные треугольники с уступчатыми сторонами (рис. 6, *1*). Декоративное значение эти выступы вряд ли могли иметь, так как доски снаружи были зафанерованы. Очевидно, они служили для дополнительного соединения досок деревянными вставками[7] (глубина вырезов 1,2—1,3 *см*).

Строение продольных стенок отличается от строения поперечных. Они состоят не из трех, а из семи досок каждая: по краям по три более узких (9—11 *см*) и в центре одна более широкая и тонкая, выполняющая роль филенки[8]. Рейки по краям филенки отсутствуют. Между верхним краем стенки и крышкой оставлен узкий зазор шириной в 3 *см*[9]. Поэтому, очевидно, крышку и пришлось прибить прямо к стойкам. Три средние доски — филенка и обрамляющие ее доски — скреплены изнутри попереч-

---

[6] Такое обрамление филенки двумя рейками применено в упоминавшемся уже Таманском саркофаге 1868 г. И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 37, рис. 44.

[7] Так как следов вставок не обнаружено, то это предположение остается на уровне рабочей гипотезы.

[8] Такое строение вообще необычно для боспорских саркофагов, стенки которых состоят из трех досок. В данном же случае более дорогие, очевидно, широкие доски заменены узкими.

[9] По крайней мере в южной стенке, где эта деталь хорошо прослеживается.

ными планками. Эти планки приклеивались, очевидно, к филенкам и вставлялись в вырезы с уступчатыми сторонами в досках по краям филенок (рис. 7). Глубина вырезов 1,3—1,5 *см*, такова же должна быть и толщина планок [10]. Следует отметить, что филенки заглублены изнутри, а не снаружи, что также не находит аналогий в известных нам боспорских саркофагах и даже нарушает единство конструкции, так как поперечные филенки заглублены снаружи. Впрочем, это единство было уже нарушено различным строением поперечных и продольных стенок и, чтобы не подчеркивать

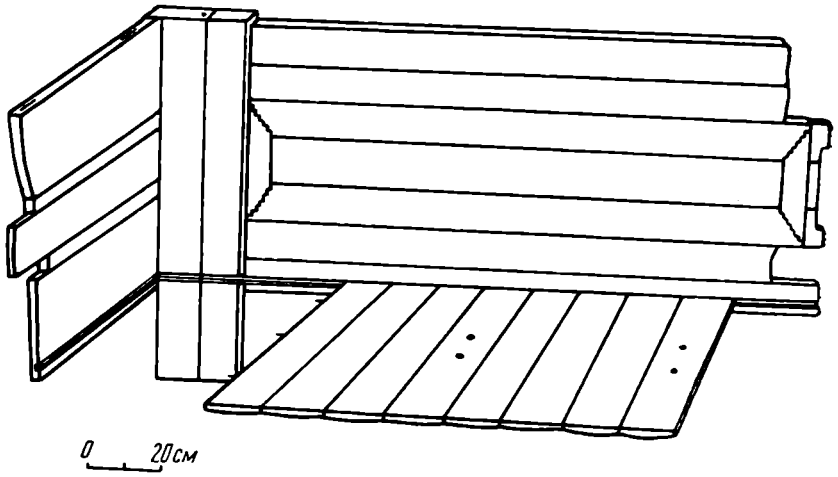


Рис. 7. Строение ящика внутри

это несоответствие, поперечным стенкам был придан, возможно, вид сплошной нерасчлененной поверхности.

Дно саркофага состояло из коротких поперечных досок, вставленных в сплошной паз, проходящий по внутренней стороне стенок и стоек (рис. 7). Низ досок грубо отесан. В трех досках по центру просверлены отверстия диаметром 1,5 *см*. Расстояние между отверстиями 14—15 *см*. Назначение их неясно (м. б. это приспособление для подъема и спуска саркофага?) [11].

Декоровка саркофага очень скромна, что связано, конечно, с относительной бедностью самого погребения. Нет обычных для изделий этого времени резных украшений в виде ов, жемчужника и т. д. [12]. Единственным украшением являются янтарные пуговки, которыми были инкрустированы стойки. Каждая стойка была украшена восьмью пуговками — по четыре с продольной и поперечной стороны. На торцах стоек пуговки расположены в местах выходов шипов, крепивших поперечные доски к стойкам. На продольных сторонах стоек пуговки просто вклеены в углубления в фанеровке (сохранилась часть такой фанеровки с двумя пуговками). Подобным же образом были украшены стойки уже упоминавшегося Юз-обского саркофага, а так-

---

[10] Примером аналогичного дополнительного соединения досок вклеенными планками может служить крышка Керченского саркофага 1954 г. В. Э. Кунин, Н. З. Кунина. Курганные погребения Пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине Керчи. АИБ, II, Симферополь, 1962, стр. 287, рис. 9, *3*. Следует, однако, отметить, что от этих планок не сохранилось ни одного фрагмента, поэтому это предположение также несколько гипотетично.

[11] На рис. 6 расположение досок с отверстиями дано произвольно, лишь с учетом симметрии, так как эта деталь не имеет аналогий ни в одном из известных нам саркофагов.

[12] На Боспоре известны находки саркофагов без каких-либо украшений, например Керченский саркофаг 1954 г., и сосновый саркофаг из детского погребения Тиритакского некрополя. В. Э. Кунин, Н. З. Кунина. Ук. соч.; Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, 4, 1941, стр. 34, рис. 39.

же Ольвийского [13]. Стойки Таманского саркофага 1868 г. инкрустированы розетками. Однако, если на Юз-обском саркофаге пуговки прикрывали места выходов шипов, то на рассматриваемом фанерованном саркофаге эта инкрустация имеет чисто декоративное назначение, повторяя общепринятую схему.

Несомненно, саркофаг был изготовлен на месте боспорскими мастерами. На местное происхождение саркофага указывают прежде всего породы дерева, примененного при его изготовлении. Разнообразие пород дерева весьма пестрое и уникальное для подобного рода изделий: кипарис (фронтоны и доски крыши), ясень (стойки и доски поперечных стенок), береза (доска филенки), сосна (фанера), самшит (шпонка и ее закрепляющий штифт), можжевельник (заплаты на досках) [14]. Все перечисленные породы являются причерноморскими и встречались в районе Боспора [15]. Для Керченского же полуострова все эти породы были скорее всего привозными и поэтому ценились. О бережном отношении к строительному материалу свидетельствуют, кроме пестрого состава древесных пород, многочисленные аккуратные заплаты на досках, крупных и мелких, и даже на фанеровке, а также нестандартность различных деталей саркофага и их подгонка. Этим можно объяснить такое отступление от общепринятых схем, как различное строение продольных и поперечных стенок, замена широких досок узкими в продольных сторонах, пазы между верхним краем стенок и крышей. Можно даже предположить, что для постройки саркофага была использована часть старых досок, например от сундуков, имевших то же строение, что и саркофаги [16]. Об этом, кроме перечисленных выше соображений, может косвенно свидетельствовать такое обстоятельство, как почти полная фанеровка саркофага.

Таким образом, рассмотренный погребальный памятник принадлежит к широко распространенному в странах античного мира в V—III вв. до н. э. типу саркофагов в форме ящика с двускатной крышкой и корпусом, подобным сундуку. По пропорциям, устройству шарнирной системы, инкрустации стоек публикуемый саркофаг близок таким замечательным образцам столярного античного ремесла, как саркофаг из Юз-обы, Таманский саркофаг 1868 г., Ольвийский саркофаг 1900 г., отличаясь от них целым рядом деталей и вообще более простым строением. Он, видимо, одновременен Юз-обскому саркофагу, хотя изготовлены они, несомненно, в различных мастерских или разными мастерами. Очевидно, саркофаг был сделан по заказу представителей скифской знати, пытавшихся внешне подражать высшей боспорской знати. Конструкция саркофага имеет ряд особенностей: облегченные внизу половинки стоек, применение уступчатых вырезов для крепления досок, почти сплошная фанеровка, различное строение продольных и поперечных стенок. Некоторые из этих особенностей можно объяснить тем, что мастер по каким-то причинам был ограничен в выборе материала, возможно даже использовал часть старых досок.

Саркофаг представляет интерес как образец собственно боспорского столярного ремесла IV века до н. э.

---

[13] C. Watzinger. Grieschische Holzsarkophage aus der Zeit Alexander das Grossen. Leipzig, 1905. стр. 38, рис. 67, 68.

[14] Определение пород дерева произведено в лаборатории ИА АН СССР Лисициной Г. Н.

[15] Н. И. Сокольский. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья (цитируется по рукописи) Архив ИА, Р-2, № 2051.

[16] G. Richter. Ancient furniture. Oxford, 1926.

Ю. С. КРУШКОЛ

ТЕРРАКОТЫ ИЗ АНТИЧНОГО ЗДАНИЯ НА хут. РАССВЕТ

В античном здании II в. до н. э.— I в. н. э., расположенном в Анапском районе, на хут. Рассвет, было найдено много интересных находок, в том числе терракоты, обнаруженные в печи второго помещения. Здесь в угольном пятне найдена статуэтка юноши из темной пережженной глины. Она несколько повреждена: нет подставки у ног и обломан кусочек глины у плеча сзади. Высота 10,5 *см*. Статуэтка изображает обнаженного юношу, стоящего прямо, скрестив ноги. У левой руки — щит, у правой — какой-то неясный длинный предмет (рис. 1). Подобная поза встречается у статуэток Эрота или воинов (Государственный Исторический музей, № VII, 67/15 а; собрание Госэрмитажа II 1862/88, находка на горе Митридат). Известна статуэтка юноши в такой же позе, найденная на гробнице, вырубленной в скале, в могиле № 16 из коллекции Новикова. Вариант такой же композиции мы встречаем в Фанагории в статуэтке мальчика со щитом I в., однако здесь выставлена вперед не правая нога, а левая и щит гораздо больше [1].

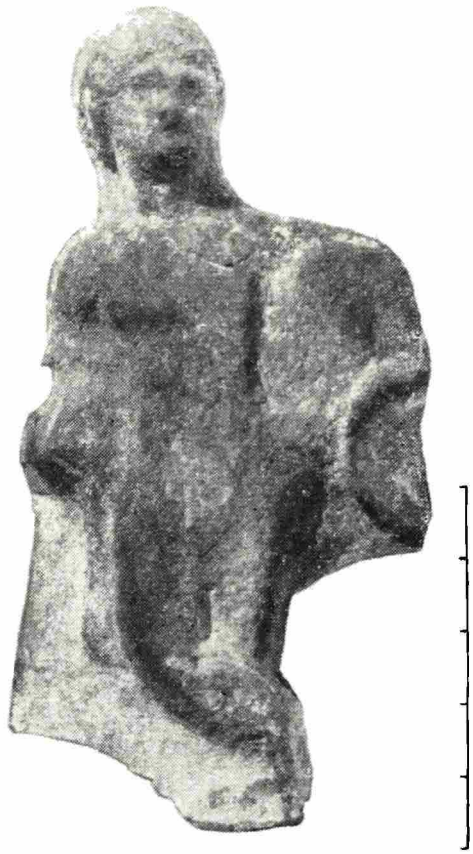


Рис. 1. Статуэтка юноши

Некоторое сходство можно найти среди материалов Анапского музея, где известны три фигурки, не из темной, а из светлой глины. Эти терракоты найдены в могильнике, раскопанном на месте кинотеатра «Родина», который относится согласно датировке И. Д. Поздеевой, ко II в до н. э. Эти терракоты изображают юношей-атлетов, занимающихся физическими упражнениями. В левой руке юношей плащ, а в правой полотенце.

В той же печи найдена фрагментированная статуэтка мужчины. Высота 17 *см*. Она изображает юношу, туловище которого представлено в виде гермы. Герма стоит на круглой подставке. Вместо рук почти квадратные выступы. Встречен еще один фрагмент такой же гермы. Сохранилась только небольшая часть туловища с квадратным выступом вместо левой руки (рис. 2). Такие статуэтки ставились или божеству (например, гермы изображения Гермеса), или герою, или обожествленному уважаемому лицу. У нас в Северном Причерноморье тоже ставились гермы, например в Керчи (герма Геракла из местного известняка, найденная в 1899 г.) [2].

Терракотовых герм известно немного. Герма, найденная в Пантикапее (раскопки 1849 г. на Карантинном шоссе, в кургане № 3 каменной гробницы) [3], изображает очень молодого человека, почти мальчика. Никаких атрибутов нет. Следует только сказать, что эта герма не похожа на нашу, за исключением общей формы. В Мирмекии найдено изображение двух фигур со стоящей в отдалении гермой юноши, почти мальчика. Наша

[1] М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956, стр. 83, рис. 24, *3*.
[2] ОАК за 1899 г., стр. 32.
[3] Архив Эрмитажа. Дело № 1846/34 (отчет К. Р. Бегичева за 1846—1850 гг.).

герма изображает молодого человека, но более старшего возраста. Герма, обнаруженная при раскопках в Кепах [4], тоже совершенно не похожа на нашу.

Изображение молодых людей в виде гермы без всяких атрибутов было распространено не только в Северном Причерноморье. Это общее явление в Римской империи и ее провинциях в I—II вв. В музее г. Самбели в Венгрии хранится изображение молодого человека в виде гермы, но сделанное из бронзы [5]. Другое изображение юноши в виде гермы находится в Музее искусств в Будапеште [6]. Оно сделано из терракоты и очень крупное. По-видимому, в этих скульптурах был воспроизведен не человек, а бог или герой, культ которого был распространен в I—II вв. в Римской империи и ее провинциях. Изображение молодого человека в виде гермы в античном здании хут. Рассвет говорит, видимо, не о местном культе, а, наоборот, о том, что и на территории Синдики почитались в первых веках нашей эры те же божества, что и во всей Римской империи.

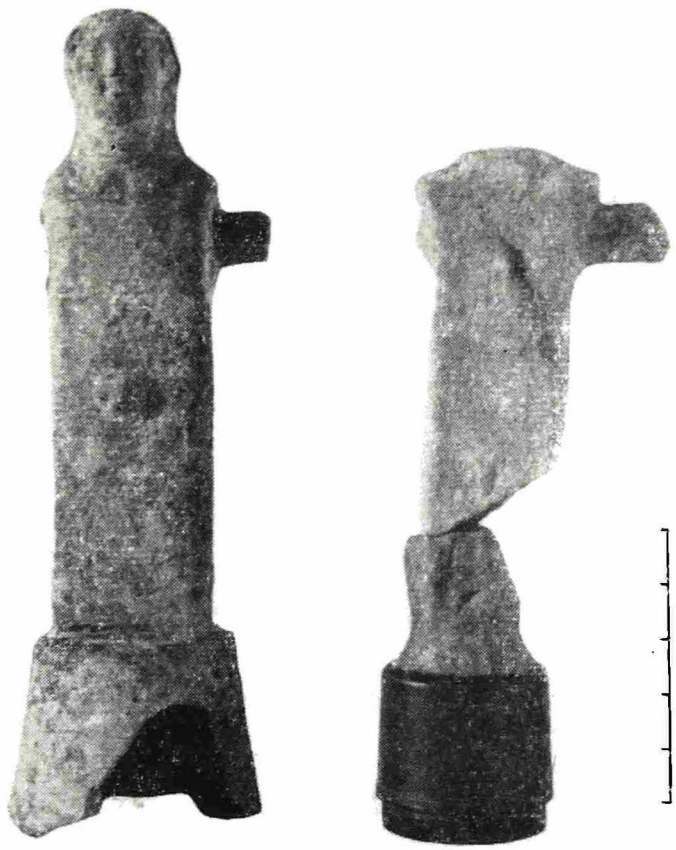


Рис. 2. Герма

Интересны другие находки, обнаруженные в печи. Найдена целая статуэтка и фрагмент, сделанные из одинаковой глины. Между ними полное сходство, хотя левый выступ руки несколько отличается, что может быть результатом производственного брака. Особенно интересна целая статуэтка и две без головы, сделанные в одной матрице. Целая статуэтка изображает женскую фигуру, закутанную в гиматий, внизу виден хитон. Складки гиматия идут горизонтально, складки хитона, наоборот, вертикально. У левого бока на месте талии — резкая выемка с обозначением складок гиматия. У шеи видны две крупные складки. На голове — высокий головной убор в покрывале, спускающемся на плечи (рис. 3). Высокий торжественный головной убор и торжественная поза (правая рука под гиматием положена на грудь, левая согнута в локте и опущена) говорят об изображении богини. Головной убор имеет раздвоение вверху. В несколько утрированной форме он встречается на статуэтках из Мирмекия II—III вв. [7]. Это чисто местные боспорские терракоты. Высокий головной убор с покрывалом встречается и в нумизматике Боспора. Он известен на аверсе монет Кесарии (т. е. Пантикопеи), которые относятся к 14—8-му годам до н. э. [8]. А. Н. Зограф считал, что это

---

[4] Приношу искреннюю благодарность за сообщение этого факта Н. П. Сорокиной.

[5] Случайная находка 70-х годов прошлого века.

[6] Музейный зал III, витр. № 2.

[7] М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25. Боспорские города, I, М.— Л., 1952, стр. 243, рис. 20, *2*.

[8] Н. А. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XLV, *12*.

атрибут Афродиты Урании или Апатуры [9]. Изображение богини в калафе и покрывале встречено на реверсе монет царицы Гипепирии — матери Митридата VIII (39—45 гг.) [10].

Интересно, что на монетах Котиса I, которые явно свидетельствуют о праримской ориентации, есть экземпляры с изображением местной богини Афродиты Апатуры в калафе [11]. В том же головном уборе она воспроизведена на монетах Рискупорида II [12] (68—92 гг.) и Савромата I (93—118 гг.) [13].

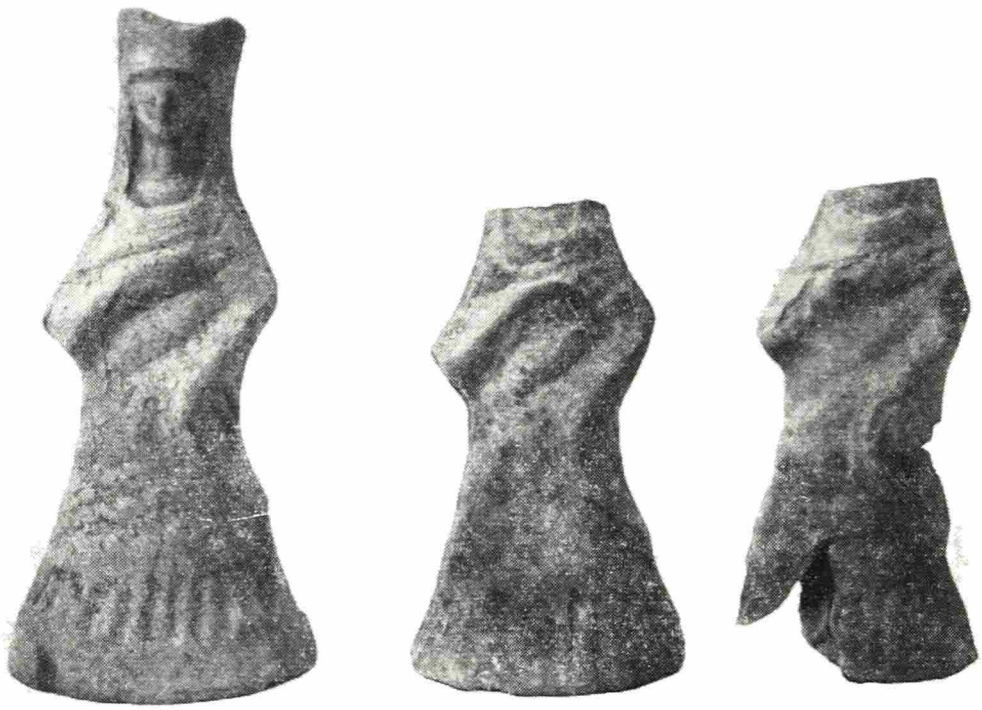


Рис. 3. Статуэтки богини Афродиты Апатуры (одной матрицы)

Позже на монетах богиня чеканится сидящей в кресле, причем ее головной убор несколько иной (без покрывала). Такой она изображается на монетах Савромата II (186—196 гг.) [14], Рискупорида III (210—226 гг.) [15] и Котиса III (227—233 гг.) [16]. В очень схематическом изображении, но, повидимому, сидящая, чеканится она и на монетах Рискупорида V (240—253 гг.) [17].

Из нашего небольшого экскурса в область нумизматики можно сделать следующие выводы.

1. В таком высоком головном уборе изображалась богиня Афродита Урания Апатура, культ которой носил местный характер. Она почиталась на Боспоре, особенно на Азиатском Боспоре, где в Фанагории ей был посвящен большой храм. В I—II вв. она изображалась именно в таком головном уборе, который имеется у нашей статуэтки.

2. Богиня почиталась, судя по нумизматическому материалу, в течение

---

[9] Там же, стр. 193.
[10] Там же, табл. XLVI, *7*.
[11] П. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXVII, *113*.
[12] Там же, табл. XXVIII, *132*.
[13] Там же, табл. XXVIII, *155*, *156*.
[14] Н. А. Зограф. Ук. соч., табл. XLVII, *12*; *5*.
[15] Там же, табл. XLIX, *10*.
[16] Там же, табл. XLIX, *14*, *15*.
[17] Там же, табл. L, *11*, *12*.

длительного времени, вплоть до времени Рискупорида V (середина III в), а может быть, до самого конца существования Боспорского государства.

Что касается терракот, то можно назвать лишь одну аналогичную находку. Это фрагментированная статуэтка без головы, найденная в Анапе и изданная И. Т. Кругликовой [18]. К сожалению, не удалось сличить их для выяснения, той ли она матрицы, что и наша статуэтка. Но несомненно, что они производились в одном месте. Статуэтка из Анапы является случайной находкой, в то время как в Рассвете в печи их найдено три, причем одной матрицы (одна целая и две фрагментированные), а также головка такой же статуэтки во втором помещении античного здания.

Рис. 4. Фрагмент статуэтки Кибелы

Во время раскопок 1966 г. к востоку от здания найдена фрагментированная статуэтка, довольно крупная, у которой сохранилась только часть кресла, ноги и одежда, падающая крупными складками, а также правая рука, держащая фиалу. На коленях изображен какой-то неясный предмет. Судя по позе статуэтки и по фиале, можно считать, что это богиня Кибела, которая всегда изображалась в то время сидящей на троне с фиалой в правой руке и львенком на коленях (рис. 4).

Итак, на территории глубинной Синдики в I в. до н. э.— I в. н. э. мы видим целый ряд культов, которые прослеживаются по терракотам. Это, с одной стороны, местные культы Афродиты Апатуры, которая особенно почиталась на Азиатском Боспоре. С другой стороны, в той же глубинной Синдике бытовали и культы Малой Азии — великого женского божества — богини-покровительницы зверей Кибелы. Наконец, существовали и культы, распространенные по всей Римской империи,— культ юноши (неизвестного божества), статуэтки которого изображаются в форме гермы.

Терракоты, найденные в античном здании хут. Рассвет, представляют большой интерес для раскрытия древних культов глубинной Синдики.

---

[18] И. Т. Кругликова. Раскопки в Анапе. КСИА АН СССР, 95, 1963.

В. В. КРОПОТКИН

МОГИЛЬНИК ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА В с. РИЗИНО ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

Могильник черняховского типа в с. Ризино Звенигородского района Черкасской обл. обнаружен во время земляных работ на усадьбе А. Г. Клочко в 1962 г. Первое захоронение было найдено при рытье погреба на глубине около 2,0 *м*. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на север [1]. Удалось установить, что в могиле рядом с покойником находилось несколько сосудов, но к сожалению, раскопщики сохранили только один гру-

[1] По сообщению уманского краеведа В. А. Стефановича, к моменту его приезда в с. Ризино сохранился только череп от скелета.

богончарный сероглиняный кувшин с расширяющимся кверху цилиндрическим горлом и округлым туловом на кольцевом поддоне [2]. Тулово сосуда украшено несколькими зонами линейного орнамента. Под венчиком — выпуклый горизонтальный валик, такой же валик на перегибе от тулова к горлу сосуда. Поверхность кувшина шероховатая, в нижней части сосуда

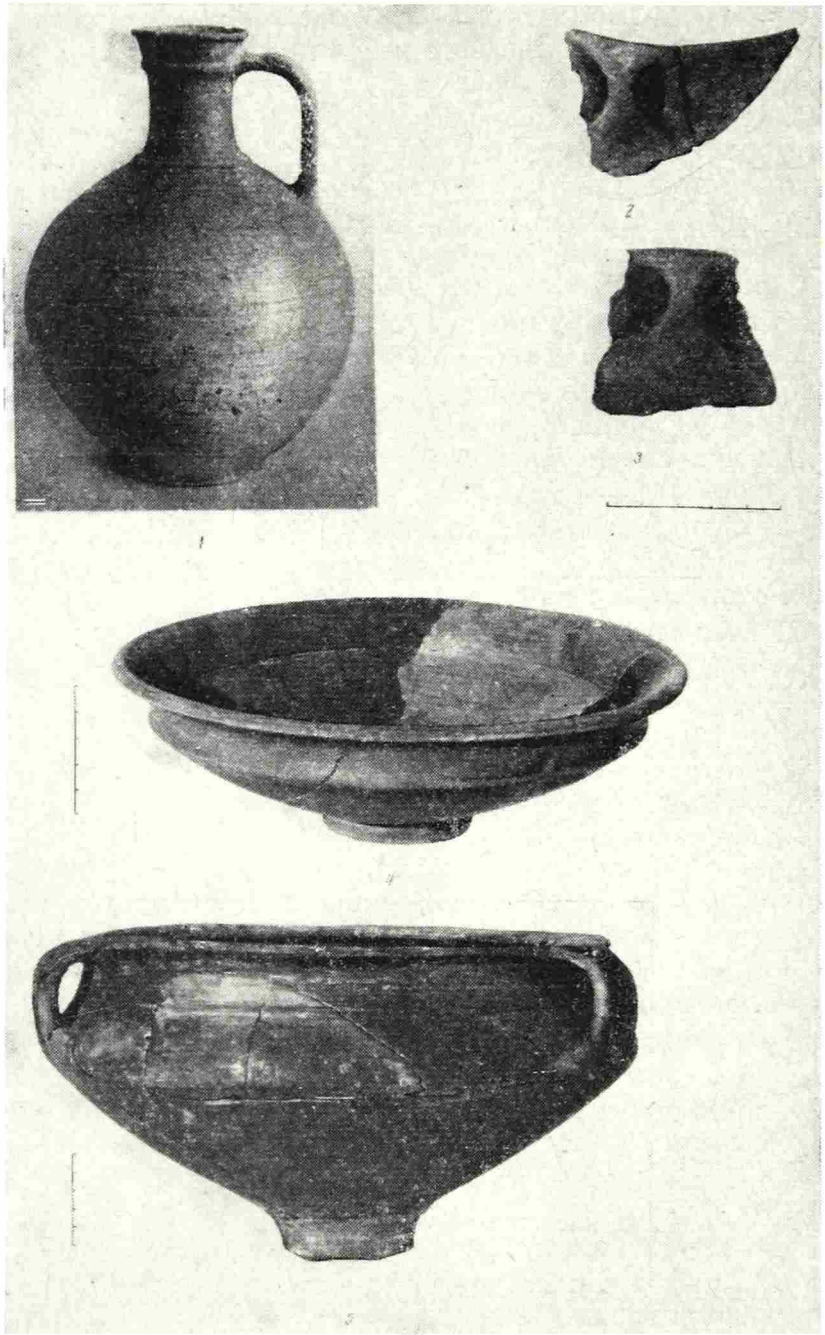


Рис. 1. Керамика из могильника черняховского типа в с. Ризино

1 — из первого погребения; *2—5* — из второго погребения

выщербленность от выпавших зерен кварца. Обжиг хороший, глина в изломе серого цвета. Высота кувшина 22 *см*, диаметр поддона 16,2 *см*, высота горла 6 *см* (рис. 1, *1*).

Второе погребение обнаружено при земляных работах на усадьбе А. Г. Клочко в ноябре 1965 г. в 20 *м* южнее первого захоронения. В глубокой узкой могиле на глубине около 1,8 *м* найден костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-запад. Кости скелета сохранились пло-

[2] Передан вместе с черепом на хранение в Уманский краеведческий музей (инв. № 6272).

хо, взяты только зубы и обломки костей конечностей; пол установить не удалось, возраст — около 18—20 лет [3]. В погребении найдены обломки четырех сосудов, но реставрировать удалось два.

1. Большая серолощеная биконическая миска на высоком кольцевом поддоне, изготовленная на гончарном круге (рис. 1, *5*; 2, *3*). Она имеет широкий плоский венчик и три небольшие профилированные ручки с вертикальными желобками; на плечиках — горизонтальный валик. Глина сосуда серая, хорошо отмучена, обжиг хороший. Высота миски — 18,6 *см*, диаметр тулова — 35 *см*, диаметр по краю — 31,2 *см*, диаметр поддона — 8 *см*, высота поддона — 2 *см*, ширина ручек — 3,5 *см*. Наибольший диаметр находится выше середины сосуда, на высоте 12 *см*.

2. Чернолощеная гончарная реберчатая миска с отогнутым наружу венчиком на низком кольцевом поддоне. На внутренней стороне донца небольшое углубление. Глина хорошо отмучена, светло-серая в изломе, обжиг хороший. Высота миски 7,2 *см*, диаметр по венчику 23,5 *см*, диаметр поддона 6,3 *см* (рис. 1, *4*; 2, *2*).

3. Обломки лепной чернолощеной миски с отогнутым наружу венчиком и небольшими Х-образными налепными ручками у края сосуда. Глина хорошо отмучена, в изломе черного цвета. Сохранившаяся высота 6,5 *см*, диаметр тулова — 14,8 *см*, диаметр по венчику — 12,2 *см* (рис. 1, *2*, *3*; 2, *1*).

4. Обломок гончарной сероглиняной миски с немного вогнутым поддоном. Глина хорошо отмучена, поверхность сосуда заглажена. Обжиг неравномерный, глина в изломе слоистая, в середине серая, по краям желтовато-коричневая. Сохранившаяся высота 5 *см*, диаметр поддона 7,5 *см* (рис. 2, *4*).

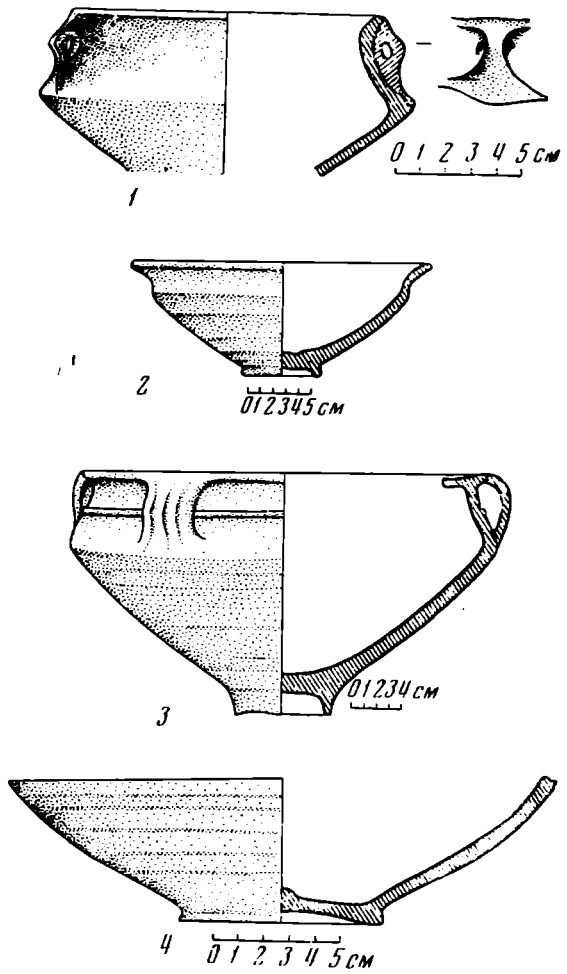


Рис. 2. Керамика из второго погребения могильника черняховского типа у с. Ризино

На площади могильника встречаются обломки различных сосудов черняховской культуры. Так, А. Г. Клочко обнаружил здесь фрагмент ручки светло-глиняной узкогорлой амфоры III — IV вв. н. э.

Гончарная реберчатая миска с отогнутым наружу венчиком из Ризинского могильника является обычной формой гончарной посуды в могильниках Среднего Поднепровья. Аналогичные миски встречаются почти в каждом более или менее хорошо исследованном могильнике. Они найдены, например, в могильниках у с. Черняхов и Ромашки Киевской обл., у г. Лохвица Полтавской обл., у с. Гавриловка Херсонской обл., и на других памятниках [4].

[3] Определение М. С. Великановой. Автор выражает ей искреннюю благодарность за консультацию.

[4] М. Ю. Брайчевский. Ромашки. МИА, 82. 1960, табл. 1, *6*; Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник. МИА, 82, рис. 8, *4*; Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, 82, табл. VI, *3—5*; его же. Новые работы в селе Черняхове. МИА, 139, 1967, рис. 5, *3*, *11*.

Большая гончарная миска на высоком поддоне (рис. 1, *5*) не находит близких аналогий среди керамических форм Среднего Поднепровья и Побужья. Миски на высоких поддонах изредка встречаются на памятниках черняховской культуры в Среднем Поднепровье (Журовка Ольшанская, Черняхов, Богуслав, Ягнятин) [5], на левобережье Днепра (Лохвица) [6], в Среднем Поднестровье (Зайчивка) [7], в верховьях Западного Буга (Неслухов) [8] и в Попрутье (Малаешты) [9]. Миски на высоких поддонах обнаружены в погребениях поморско-мазовецкой культуры на Волыни (Дитиничи, Раковец Чесновский) [10]. Значительно шире миски и мискообразные сосуды на высоких поддонах распространены на памятниках зарубинецкой и пшеворской культур. Лепные миски на высоких поддонах встречаются по всему ареалу зарубинецкой культуры в Полесье, Верхнем и Среднем Поднепровье (Велемичи I, Воронино, Сапожин, Отвержичи, Черск, Погост, Пирогово, Пуховка, Койлов, Рахны, Ржищев, Трахтемиров, и др.) [11].

Как известно, одной из ведущих керамических форм пшеворской культуры также являются миски и мискообразные сосуды на высоких поддонах (Специмеж, Лахмировице, Незвиска и др.) [12]. Происхождение черняховских мисок и мискообразных сосудов на высоких поддонах еще не вполне ясно, но приведенные выше факты свидетельствуют о том, что генезис этого типа мисок можно связывать с влиянием зарубинецкой или пшеворской культур, где эти формы распространены повсеместно.

Многочисленные аналогии лепной чернолощеной миски с двумя Х-образными ручками из Ризинского могильника известны на памятниках пшеворской и поморско-мазовецкой культур и в могильниках того же типа на Волыни и в бассейне Западного Буга (Брест-Тришин, Деревянное, Дитиничи, Раковец Чесновский, Рудка, Ружичанка и др.) [13]. Миски и вазы с Х-образными ручками встречаются и на поселениях и в могильниках Среднего и Нижнего Поднепровья (Каменка, Привольное, Компанийцы, Гавриловка, Журовка Ольшанская, Ромашки, Пражев), Среднего Побужья (Ко-

---

[5] В. П. Петров. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойко в 1900—1901 гг.). МИА, 116, 1964, рис. 4, *2*.

[6] Д. Т. Березовец, В. П. Петров. Лохвицкий могильник, стр. 96, табл. I.

[7] Сообщение П. И. Хавлюка.

[8] М. Ю. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслухові в 1946 г. АП УРСР, I, Київ, 1949, стр. 189, сл.

[9] Г. Б. Федоров. Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, рис. 28, *2*.

[10] М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, 4, Київ, 1961, стр. 98, 105, рис. 7, *4*; И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. МИА, 139, 1967, стр. 146, рис. 8, *4*.

[11] Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1-19, М., 1964, стр. 58 сл., рис. 24, *2*, табл. 6, *43—45*; 9, *17*, *18*; В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, 70, 1959, стр. 56 сл., рис. 10, *1*, 11, *1*, 12, *3*; Л. Д. Поболь. Новые зарубинецкие могильники на Туровщине. МИА, 160, 1969, стр. 127, рис. 7, *4*; К. В. Каспарова. Могильник и поселение у дер. Отвержичи. МИА, 160, рис. 6, *15*; 10, *12*, *13*; А. И. Кубышев, Е. В. Максимов. Пироговский могильник. МИА, 160, рис. 5, *9—11*; 6, *17*, *19*; T. Piętka-Dąbrowska. Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w. n. e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu. WA, XXVII, 2, 1961, стр. 218, рис. 1.

[12] Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. МИА, 116, 1964, рис. 5, *5*; J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa—Wrocław, 1955, с р. 247, рис. 724; Kietlińska, T. Dąbrowska. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spiecymierz, powiat Turek. Materiały starożytne, IX. Warszawa, 1963, табл. II, *29*; IV, *21*, *27*; XI, *23*; XIV, *16*, *28*; XV, *13*, *17*, *19*; XXI, *7*; XXII, *26*; XXIII, *2*, *12*, *13*, *20*; XXV, *7*; XXIX, *2*, *14*, *17*; XXX, *19*; XXX, *2*, *15*; XXXIII, *7*.

[13] Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений. СА, 1958, 4, рис. 4, *2*; 5, *2*; его же. Могильник Брест-Тришин. КСИА, вып. 100, 1965, стр. 97 сл.; его же. La probleme de la civilisation «gotho-gépide» en Polesie et en Volhynie. «Acta Baltico-Slavica», 5, Białystok, 1967, стр. 19—40; E. Petersen. Ein reicher gepidischer Grabfund aus Wolhynien. «Gothiskandza», 3, 1941, стр. 39—52; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, рис. 17, *11*; М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Ук. соч., стр. 84 сл., рис. 6, *7*, *10*; 7, *6*; 8, *17*; И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. МИА, 139, 1967, стр. 144 сл., рис. 5, *4—5*; 10, *2*.

саново, Рыжевка), в Молдавии (Будешты, Малаешты) и в других местах [14].

Можно привести еще множество характерных «западных» черт на памятниках черняховской культуры III—IV вв. н. э., которые убедительно свидетельствуют о ее тесных генетических связях с археологическими культурами Северной и Средней Европы. Для подтверждения этой связи можно упомянуть поразительное сходство конструкции наземных жилищ (большие столбовые дома с очагами), особенности погребального обряда, в том числе распространение биритуализма, трупосожжение в урнах и ямках, рассредоточенные трупосожжения в обширных ямах, расположение кальцинированных костей в урнах в определенном порядке (кости черепа лежат сверху), находки в погребениях ритуально изогнутого оружия (Августиновка, Компанийцы), каменные вымостки и конструкции [15].

О западном происхождении черняховской культуры свидетельствуют также формы и орнаментация гончарной и лепной керамики, например: обилие мисок и мискообразных сосудов, находки лепных горшков с загнутым внутрь венчиком и ошершавленной поверхностью, кубки с массивной боковой ручкой, миски с налепными ручками-упорами, орнаментация в виде ногтевых и пальцевых вдавлений, ряды параллельно врезанных или лощеных линий, сочетание ошершавленной и лощеной поверхности, украшение сосуда беспорядочными штрихами или наколами и др. О западных связях черняховской культуры говорят находки оружия пшеворских типов, различных фибул, костяных и железных гребней, ведеркообразных привесок, костяных пирамидальных подвесок, янтарных грибовидных подвесок и других вещей, которые широко распространены в пшеворской и оксывской культурах. О проникновении восточногерманских племен в Восточную Европу и Подунавье указывают находки рунических надписей на копьях, сосудах и других предметах (Сушично, Розвадув, Петросса, Тыргшор, Калараш, Яссы) [16]. Все эти факты свидетельствуют о прямых генетических связях черняховской культуры с пшеворской и оксывской культурами, о переселении значительных племенных групп из бассейна Вислы и Западного Буга на восток и юго-восток, на Волынь, в Поднестровье и Поднепровье, в Причерноморье и Подунавье.

Ризинский могильник еще не подвергался систематическим исследованиям, но на основании приведенных аналогий уже можно достаточно уверенно отнести его к той группе могильников черняховской культуры, которые по характерным особенностям погребального инвентаря тесно увязываются с западными областями полей погребений — пшеворской культурой и памятниками поморско-мазовецкого типа.

---

[14] Г. Ф. Никитина. Классификация лепной керамики черняховской культуры. СА, 1966, 4, стр. 79; Э. А. Сымонович. Орнаментация черняховской керамики. МИА, 116, 1964, стр. 358; T. Piętka-Dąbrowska. Ук. соч., стр. 218, табл. IV, *3*.

[15] М. А. Тиханова. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. Studia archaeologica in memoriam. Harri Moora, Tallinn, 1970, стр. 202—206; его же. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. КСИА, 121, 1970, стр. 89—94; Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. КСИА, 121, стр. 44—51; Ю. В. Кухаренко. Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры. КСИА, АН СССР, 121, стр. 57, 58.

[16] М. А. Тиханова. Ук. соч., стр. 202 сл.; A. Szumowski. Grot z runicznym napisem z Suszyszna. WA. II, Warszawa, 1876, стр. 49—61; M. Śmiszko. Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadówa nad Sanem. WA, XIV, Warszawa, 1936, стр. 140—146, табл. XIX—XX; W. Krause. Der Speer von Kowel-ein wiedergefundenes Runendenkmal. «Germanien», 1941, 29, стр. 450—464. Проф. Б. Митря любезно сообщил мне о находках черняховских сосудов с руническими надписями на территории Румынии.

Л. В. СУББОТИН, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

ЧЕРНЯХОВСКИЙ БЕСКУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У с. ВИНОГРАДОВКА

В последние годы проблема черняховской культуры интересует многих исследователей, занимающихся различными вопросами древней истории Восточной Европы в I тысячелетии н. э.[1]. Важное значение имеет изучение черняховских памятников в районах контактов черняховских племен с Римской империей, в частности на левобережье Нижнего Придунавья, где открыто большое количество поселений черняховской культуры[2].

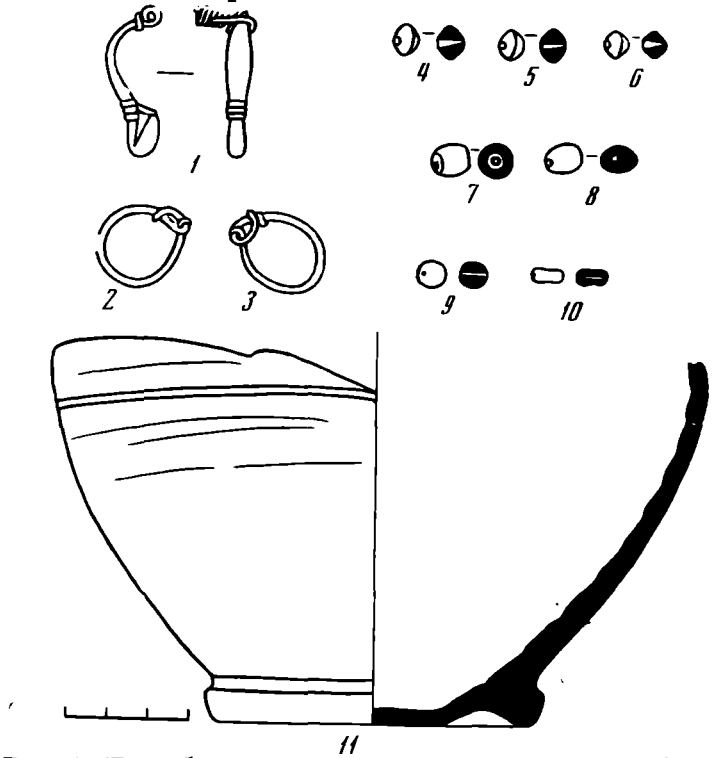


Рис. 1. Погребальный инвентарь черняховского бескурганного могильника у с. Виноградовка

В 1967 г. в 5 *км* южнее с. Виноградовка Болградского района Одесской области на западном берегу оз. Ялпух во время земляных работ был обнаружен первый черняховский могильник в степной части междуречья Дуная и Днестра.

К сожалению, сведения об обнаружении могильника поступили в Одесский археологический музей, когда погребения уже были разрушены[3]. В результате обследования места находки и опроса рабочих удалось установить, что могильник располагался на краю второй террасы западного берега оз. Ялпух, возвышающейся над прибрежной полосой на 20 *м*. Территория памятника занимала площадь 150 × 50 *м*.

Бульдозерами во время сноски верхнего слоя почвы было разрушено около 15 могил, находившихся на глубине от 1 до 2 *м*. Во время зачистки одного из сохранившихся погребений установлено, что покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Судя по рассказам очевидцев, остальные погребенные были положены в аналогичной позе и ориентированы на север или на северо-восток. У рабочих и местных жителей был собран погребальный инвентарь из двух могил, в том числе обломок сосуда, бронзовая фибула, серебряные височные подвески и бусы.

Сохранившаяся придонная часть сероглиняного сосуда, сделанного на гончарном круге, дает возможность предположить, что он имел форму горшка (рис. 1, *11*). Дно (диаметр 8 *см*) имеет кольцевой поддон и выступ по краю. Сосуд находился у черепа погребенного. Подобные горшки широко распространены на черняховских памятниках[4].

---

[1] Э. А. Сымонович. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА. 139. 1967. стр. 205—237.

[2] И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра. МИА. 139, стр. 197—204.

[3] О разрушении могильника сообщил учитель Болградской средней школы № 1 В. Н. Памукчи.

[4] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА. 139. табл. VIII, *6*; Э. А. Сымонович. Новые работы в селе Черняхове. МИА, 139, стр. 11, рис. 5, *10*.

Прогнутая подвязная фибула имеет дуговидную спинку и узкую ножку (рис. 1, *1*). Часть пружины и игла отломаны. По классификации А. К. Амброза фибула относится ко II серии Т-образных фибул с дуговидной спинкой и датируется III в. н. э.[5]. Фибулы этого типа распространены на юге, главным образом в карпато-дакийских и причерноморских комплексах[6].

Два одинаковых серебряных височных кольца имеют петлевидные головки и крючкообразные концы (1, *2*, *3*).

Форма бусинок различна: округлая, продолговатая, биконическая. Одна из них сделана из янтаря (рис. 1, *8*), а семь других — из стеклопасты желтого, коричневого и зеленого цветов (рис. 1, *4—7*, *9*, *10*).

Как видим, погребальный обряд и инвентарь Виноградовского бескурганного могильника не отличается от других черняховских памятников. Следует отметить и то, что, как и в большинстве случаев, могильник у Виноградовки располагается недалеко от черняховского поселения[7], жителям которого он, вероятно, и принадлежал.

Находка нового бескурганного могильника указывает на значительные перспективы изучения черняховской культуры на юго-западе СССР.

---

[5] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д-1-30, М., 1966, стр. 67, табл. 12, *1*, 24, *4*.

[6] Там же, стр. 67, табл. 24, *4*.

[7] Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки в Подунавье. КСИА, 99, 1964, стр. 204.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

НАХОДКА ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АМФОРЫ ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Севернее Курска на окраине с. Гусинки была найдена позднеантичная амфора. После постройки плотин и понижения уровня воды в р. Тускари, правом притоке р. Сейма, местный школьник наткнулся в воде у берега на что-то круглое. Местная жительница с. Гусинки Сокольникова Л. Г. выкопала из ила реки сосуд и бережно его сохранила. В 1969 г. амфора была передана в Курский областной краеведческий музей. О. Н. Мельниковская осмотрела этот пункт и отметила в 80—100 *м* от него в обрыве берега маловыразительные обломки керамики, по-видимому, обозначающие следы поселения эпохи бронзы[1].

В 1970 г. место находки было обследовано автором заметки. В ближайшем окружении не обнаружено следов поселений римского времени. Однако явные находки материалов черняховского типа в этих районах встречены. При раскопках многослойного поселения Воробьевка 2 в этом же районе (1970 г.) в нижнем горизонте были отмечены материалы культуры полей погребений. Во время работ неоднократно встречались мелкие обломки рифленых стенок позднеантичных амфор.

Высота амфоры из с. Гусинки 75 *см*, диаметр края 7,8 *см*. Цвет ее желтовато-бурый. Глина с черными песчинками. По краю сосуда идут два утолщения. Он имеет две реберчатые ручки, короткое горло и удлиненное тулово, с перехватом в нижней части. Поверхность рифленая, причем рифление было наиболее глубоким по горлу и плечикам. На тулове оно нанесено слабее и с большими промежутками, у дна — частое и отчетливо выраженное (рисунок).

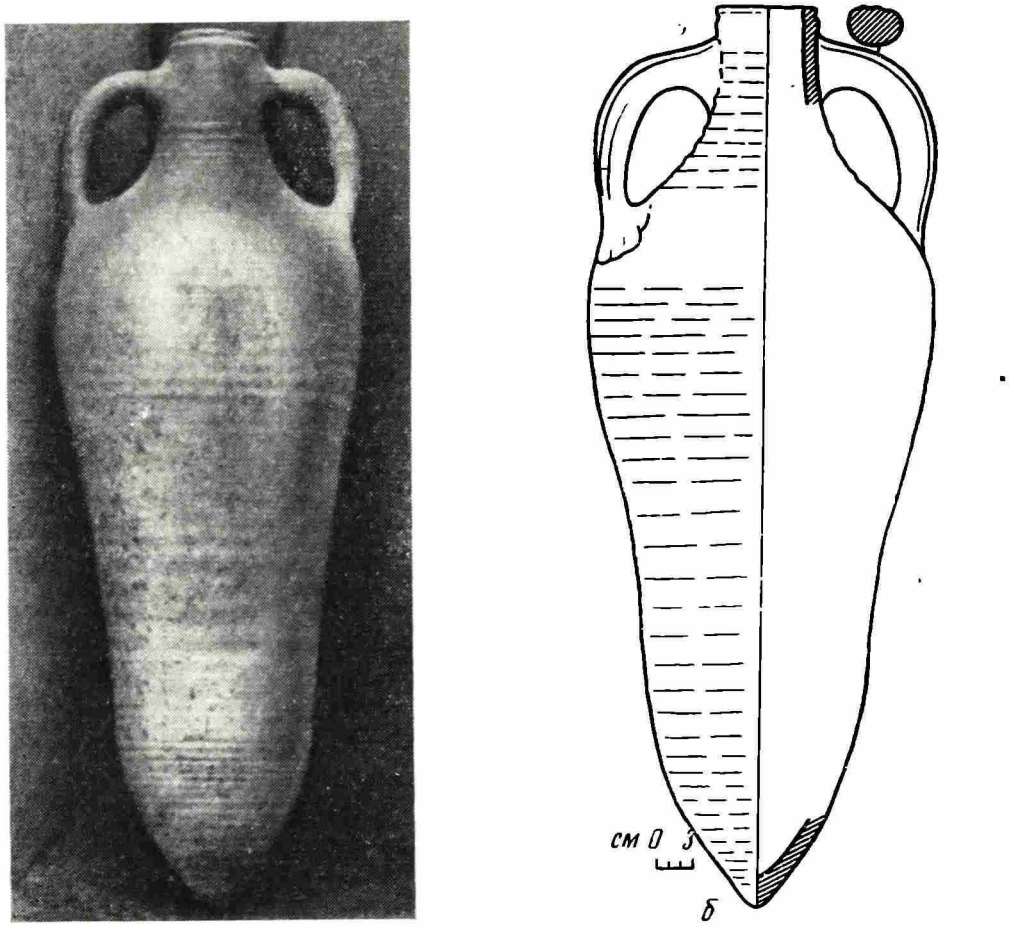
Близкий по типу сосуд происходит из раскопок С. Ф. Стржелецкого под Севастополем у совхоза № 10[2]. Подобные амфоры известны также на Кавказском побережье Черного моря и, видимо, являются произведениями

---

[1] О. Н. Мельниковская. Работы на территории Курского водохранилища. Сб. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 64.

[2] Фонды Херсонесского музея. Тип XIV — по классификации С. Ф. Стржелецкого.

местного ремесла. Они датируются IV в., но, как замечает И. Б. Зеест, их «продолжали изготовлять и в V—VII вв. н. э.» [3]. Определенные аналогии описываемому сосуду усматриваются среди материалов Н. И. Сокольского, полученных им на Ильичевском городище. Одну из них он сопоставляет с тиритакской находкой и датирует IVв.н. э. [4]. На черняховских памятниках целый экземпляр похожей амфоры происходит из Делакеу в Молдавии, хотя сосуд там имел более раздутое тулово и высоту 96 *см* при диаметре края 12 *см*. Э. А. Рикман, опубликовавший находку, присоединяется к датировке И. Б. Зеест и относит амфору к IV в. н. э. [5].



Амфора из с. Гусинки Курской области
а — фотография; *б* — прорись

Аналогичный сосуд из раскопок в Тиритаке у В. Ф. Гайдукевича был наполнен светлой подвижной смолистой нефтью, которая использовалась, вероятнее всего, для освещения [6]. Таковым ли было содержимое амфоры из Гусинки? Во всяком случае, определенных затеков смолистого вещества на ней нет. Как бы то ни было, в IV в. н. э. из Причерноморья, как показывает находка из с. Гусинки, сосуды экспортировались на дальние расстояния, доходя до лесной зоны — туда, куда проникали племена культуры полей погребений черняховского типа.

[3] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 121, табл. XL, *103*; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 150—152, рис. 38, *1, 2, 10*.

[4] Н. И. Сокольский. Ильичевское городище. СА, 1966, 4, стр. 131, рис. 4, *1*.

[5] Э. А. Рикман. Черняховское селище Делакеу (Молдавия). МИА, 139, 1967, стр. 193, 194, рис. 18, *1*.

[6] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки в Тиритаке в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 62, 63, рис. 70; В. А. Успенский. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. Там же, стр. 415—421.

Л. А. ЧИНДИНА

ДРЕВНИЕ ЛИЧИНЫ ИЗ ВАСЮГАНЬЯ

В 1968 г. в музей археологии и этнографии Сибири Томского университета поступило бронзовое изображение головы человека, найденное на поселении Лисий Мыс. Поселение находится на берегу р. Варен-Игай (левый приток р. Васюгана), в 3 *км* от пос. Средний Васюган. Памятник не раскапывался, подъемный материал собран во время разведки. Предварительную датировку поселения удается установить по керамике. Последняя украшена мелкой многорядной «уточкой», пильчатой гребенкой. Подобный

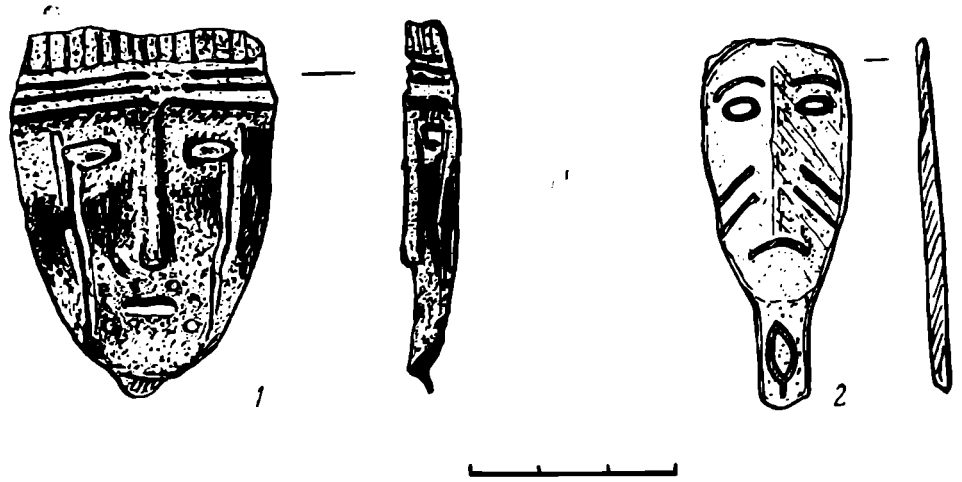


Рис. 1. Бронзовые личины из Среднего Приобья.
1 — поселение Лисий Мыс; *2* — Релкинский могильник

орнамент был широко распространен в Среднем Обь-Иртышье в середине I тысячелетия н. э. (могильник Релка, поселение Малгет, городища Большой Лог, Спарановское и др.).

Бляха с личиной имеет форму усеченного овала (рис. 1, *1*). Прямой нос и щеки переданы рельефно, глаза и рот овальными углублениями. Над верхней губой расположено шесть мелких ямок; вдоль обеих щек проведены по две полосы. Вокруг лба — три горизонтальных углубленных линии, над ними — вертикальные рубчики. Шея передана коротким выступом. На оборотной стороне бляхи есть петля. Применена техника плоского литья с объемной передачей некоторых деталей. По стилю изображение типично западносибирское.

Ближайшими аналогиями васюганской находке являются известные в литературе ишимская и елыкаевская личины [1]. В одну группу с этими изделиями можно объединить и ряд антропоморфных изображений, найденных в могильнике Релка на Оби близ пос. Молчаново (VI—VIII вв. н. э.) [2]. Одно из них (рис. 1, *2*) обнаружено в насыпи кургана и связать его с каким-либо погребением не удается. Это плоская личина в виде усеченного вверху овала. Брови дугообразны, глаза овальные, переданные углубленными линиями, а длинный прямой нос — рельефным выступом. Рот в виде изогнутой линии (уголки губ как бы опущены вниз). На щеках прочерчено по две полосы, а на длинной шее изображена «линия жизни». Наружная поверхность заглажена. В отличие от васюганской личины на релкин-

[1] А. П. Окладников. Шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, X, 1948, рис. 12, 13; В. А. Могильников. Елыкаевская коллекция Томского университета. СА, 1968, 1, рис. 3.

[2] Погребальный обряд могильника описан в статье: Л. А. Павленок-Чиндина. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI—VIII вв.), Тр. ТГУ, 190, сер. истор., Томск, 1967.

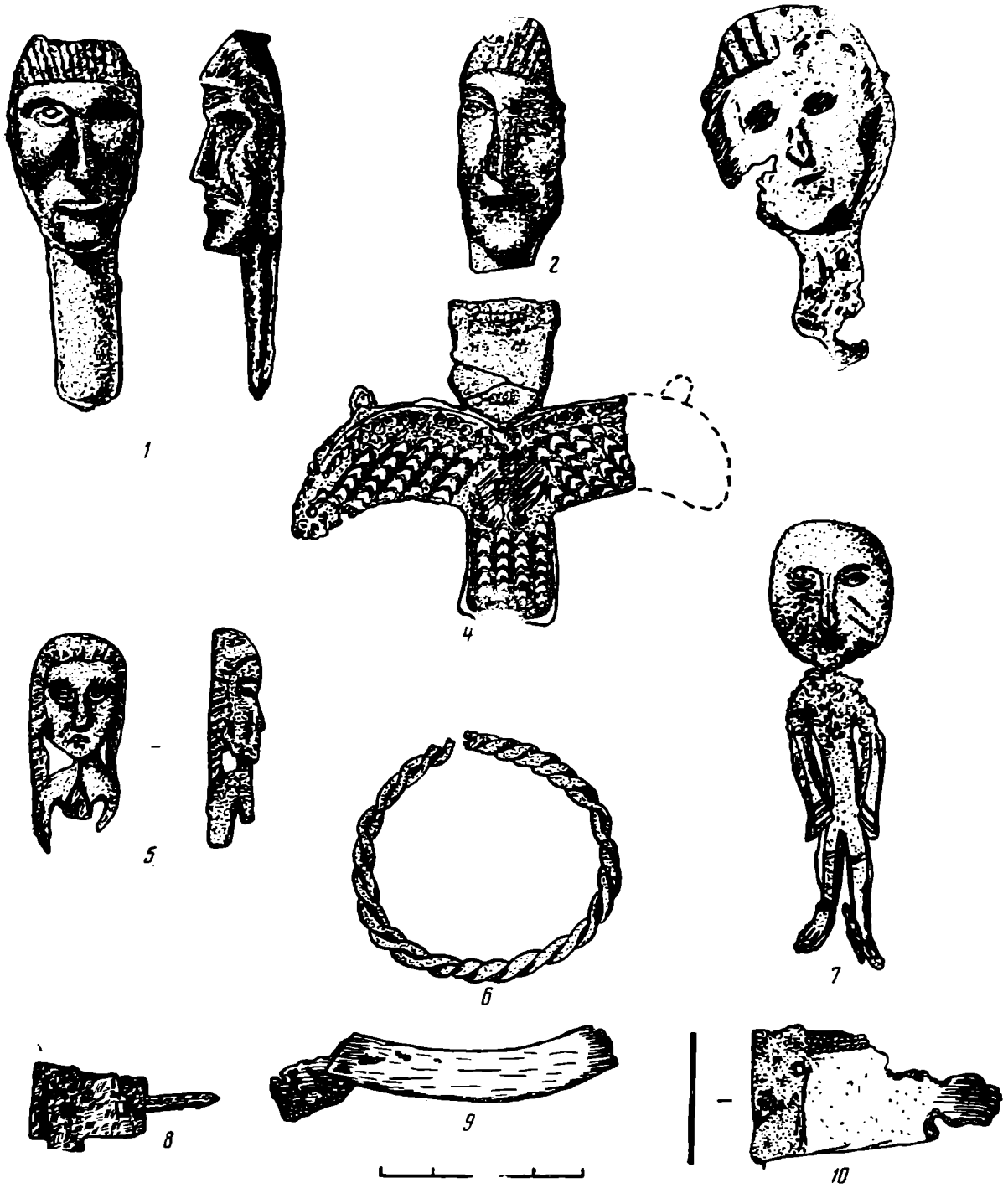


Рис. 2. Погребальный комплекс кургана № 6 Релкинского могильника

ской нет головного убора, значительно длиннее шея и почти полностью отсутствует объемность в технике.

Несколько похожих антропоморфных изображений найдено в могиле 10 кургана № 6 того же могильника. Здесь, вместе с бронзовым проволочным витым браслетом, обломками серповидной гривны, железной пряжкой и остатками обоймы сабельных ножен, лежало шесть бронзовых литых изображений, пять из них антропоморфные.

1. Плоское изображение филина с раскрытыми крыльями, с характерной головой и ушами. Оперение дано чередованием полулунных выпуклостей и ямок, которые живо имитируют окраску филина. На груди изображена личина, заключенная между лапами (рис. 2, *4*). Вещь сильно пострадала от огня.

Изображения птиц с личиной на груди известны в Западной Сибири и на Урале для культур: гляденовской в Приуралье [3], усть-полуйской на нижней Оби, кулайской в Среднем Приобье [4]. Этот сюжет сохраняется на протяжении всего I тысячелетия н. э. Столь долгое бытование таких изображений В. И. Чернецов объясняет тем, что искусство и культура этих районов «развивается почти без какого-либо постороннего воздействия» [5].

2. Остатки фигурки человека, выполненной техникой объемного литья. Голова, по сравнению с туловищем, непропорционально велика. Глаза большие, с косым разрезом, нос слегка приплюснут, губы сжаты. Волосы, видимо, заплетены в косы. Большая часть туловища обломана и утрачена. Сохранились частично руки и грудь, на которой нанесена линия жизни (рис. 2, *5*).

3. Фигурка человека с непропорционально большой головой. На лице сохранились овальные глаза, нос передан рельефно, на щеках по две полосы. Туловище выполнено в технике ажурного литья, распространенного в Сибири в эпоху раннего железа, с характерной небрежностью отливки и отделки (рис. 2, *7*).

4. Три бронзовых головки, выполненные техникой объемного литья. Хорошо сохранилась одна из них (рис. 2, *1*). Все детали на ней переданы четко, рельефно, что придает изделию скульптурный вид. Лицо узкое, тонкий прямой нос, открытые глаза, тонкие, плотно сжатые губы, волевой подбородок. Выражение лица строгое, почти суровое. На голове рубчатый убор, на длинной шее выгравирована «линия жизни». Все детали переданы реалистично, художественно совершенно. Благодаря скульптурности, здесь ярче, чем на плоских изображениях, проявилось статичное, застывшее выражение лица, столь характерное для личин I тысячелетия н. э.

Две других головки, отлитые в той же форме, сохранились плохо — покоробились и оплавились в результате действия сильного огня (рис. 2, *2, 3*).

Если не принимать во внимание объемную технику литья релкинских головок, манера передачи деталей лица у них во многом сходна с васюганской личиной. Это чрезвычайно важно не только для подтверждения времени существования подобных предметов, но и для выяснения их назначения.

Серьезные попытки расшифровки бронзовых антропоморфных изображений, правда, восточносибирских, были сделаны в свое время А. П. Окладниковым, который считал их «изображением шаманов» [6]. Большое место изучению антропоморфного литья Западной Сибири уделили в своих работах В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская. Ими была высказана мысль о том, что это были маски для кукол, изображавших духов умерших сородичей [7]. По свидетельству этнографов, у народов Сибири существовал обычай изготовлять вместилище души умершего. Причем изображение делалось после смерти любого члена семьи, а не только его главы [8]. Способы их изготовления довольно разнообразны. Чаще всего делали деревянную или тряпочную куклу, иногда на лицо ей надевали маску: металлическую, из бересты или меха. Назначение кукол у всех народов одно — уберечь от зла семью умершего.

---

[3] А. А. Спицин. Шаманские изображения. ЗРАО, VIII, 1, 1906.
[4] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953.
[5] Там же, стр. 140.
[6] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 219.
[7] В. Н. Чернецов. Представление о душе у обских угров. ТИЭ, L1 М., 1959; В. И. Мошинская. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, 43, 1952.
[8] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 148; С. В. Иванов. Скульптура народов севера Сибири XIV — первой половины XX в., Л., 1970, стр. 36, 37.

Способы хранения изображений покойного различны: в специальных домах (ханты, селькупы)[9], коробках и туесах (ненцы, кеты)[10]. По прошествии определенного времени изображение хоронили, как правило, на кладбище в могиле умершего или рядом, если оно было одно. Но В. Н. Чернецов, специально изучавший анимистические представления западносибирских народов, указывает еще на одну важную деталь, которая имеет непосредственное отношение к нашим материалам. Были случаи, когда изображения умерших передавались из поколения в поколение, обычно по женской линии. После смерти последней представительницы семьи накопившиеся изображения хоронились вместе с ней.

Известны случаи сожжения изображений[11]. В этой связи погребение изображений из могильника Релка приобретает значительный интерес. Сейчас уже можно говорить о несомненном сходстве отдельных элементов обряда. Во всяком случае, мысль о связи релкинских и типологически сходной с ними васюганской головок с изображением умерших заслуживает внимания. Этому не противоречит наличие в описанной могиле птицеобразного изображения. У угров и селькупов было распространено наделение птичьими чертами многих душ человека (наряду с духами других категорий). У хантов души «урт», «улем» принимают вид глухарки или другой какой-либо птицы, чаще кукушки[12]. У селькупов душа «ил» представлялась в виде птицы с человеческим лицом или человека с крыльями[13].

[9] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 151. Г. И. Пелих. К истории селькупского шаманства. Тр. ТГУ, 167. Сер. истор., Томск, 1964, стр. 157.

[10] Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1966, стр. 208; Е. А. Алексеенко. Кеты. М., 1969, стр. 180.

[11] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 151.

[12] Там же, стр. 126, 130.

[13] Е. Д. Прокофьева. Представление селькупского шамана о мире (по рисункам и акварелям). СМАЭ, XX, 1961, стр. 57.

В. Т. ПЕТРИН

ПИСАНИЦА НА р. УФЕ ОКОЛО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ АРАСЛАНОВО

Весной 1968 г. во время обследования пещер и гротов в верхнем течении Уфы, на левом ее берегу, была обнаружена писаница. Она находится в 4 *км* к западу от станции Арасланово Нязепетровского района Челябинской области. Скала с писаницей резко выделяется своими размерами из гряды береговых утесов. Верхняя кромка скалы возвышается над уровнем воды на 45—50 *м*. Высота расположения писаницы относительно водного зеркала реки в межень 17 *м*. Рисунки представляют собой панно длиною около 8 *м* (рис. 1). Изображения расположены двумя группами: северная включает 6 фигур (рис. 2, *1—6*) и центральная — 8 фигур, которые находятся в 2,5 *м* от северной группы (рис. 3, *7—14*). Кроме того, имеются две одиночные фигуры (рис. 4, *15*, *16*).

Рисунки выполнены коричневатой и красной краской на желтоватом и сером известняке, с частой сеткой сколов и трещин. Многие изображения сильно повреждены. Пригодными для калькирования оказались лишь 16 рисунков, остальные представляли собой чуть заметные пятна краски, которые было невозможно скопировать. Почти все рисунки испорчены туристами, оставившими многочисленные «автографы» поверх древних изображений.

Самое крайнее положение в северной группе занимают изображения, составляющие композицию из пляшущего человечка с гипертрофированным фаллосом (рис. 2, *2*), животного, судя по вытянутым пропорциям тела (рис. 2, *1*), и собаки, обращенной головой вправо (рис. 2, *3*). Связь этих

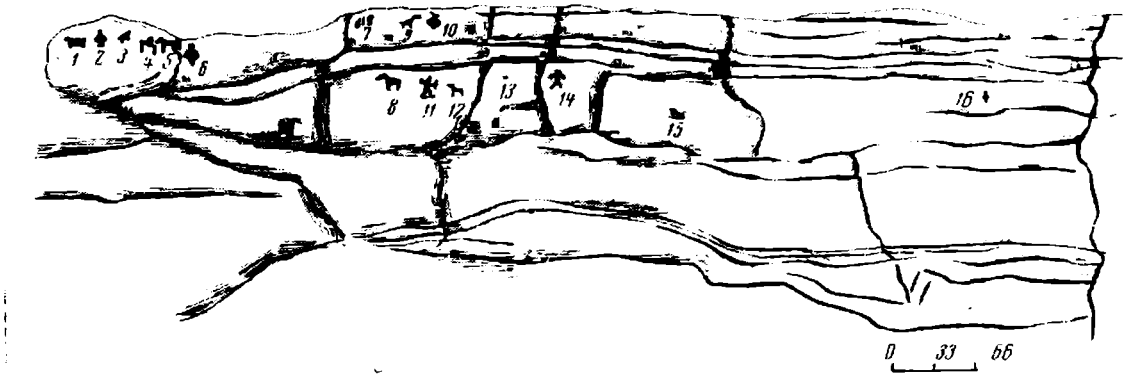


Рис. 1. Арасланов ская писаница. Общий вид

Рис. 2. Северная группа изображений

трех фигур устанавливается еще и потому, что они несколько обособлены от других рисунков, образуя сценку с характерным набором фигур, связанных с охотничьей магией — охотник, собака, дичь. Аналогия пляшущему человечку известна на Писаном Камне с р. Вишеры [1]. Все три вышеописанные изображения сделаны светло-красной краской.

К этой группе относятся еще три фигуры (рис. 2, *4—6*), причем изображение № 4 неясно: оно может быть лунарным знаком или птицей. Если верно последнее, то оно находит параллель на Писаном Камне [2]. Но учитывая, что рассматриваемый рисунок расположен на участке скалы, покрытом свежими сколами, он может быть фрагментом верхней части фигуры человека. Изображение № 5 нанесено грубыми широкими линиями. Видимо, это какое-то промысловое животное, обращенное головой влево. Фигура человека с руками, упертыми в бедра (рис. 2, *6*), исполнена в той же манере, что и рисунки № 4, 5 этой группы, но отличается большей массив-

[1] В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954, табл. I, *140*.

[2] Там же, табл. I, *111*.

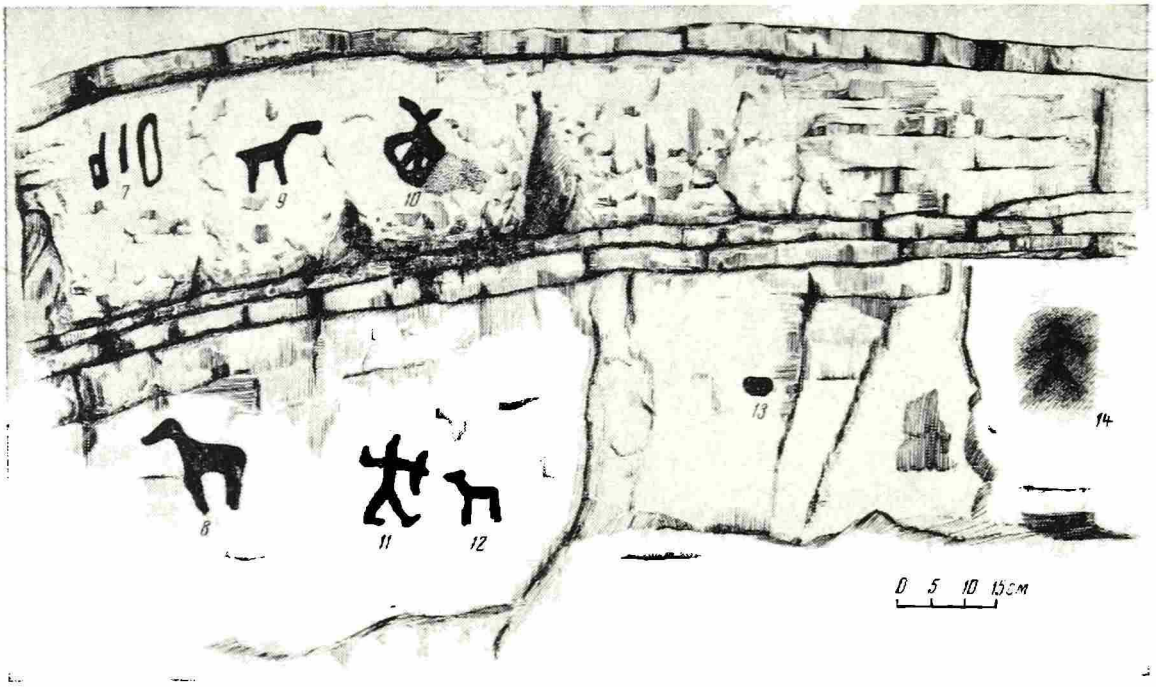


Рис. 3. Центральная группа изображений

ностью и диспропорцией частей тела. Так, у фигуры № 5 ноги и туловище вырисованы одинаковой толщины. Цвет краски — коричневато-красный.

В центральной группе лишь изображение № 7 (рис. 3, *7*), выполненное светло-красной краской, не поддается расшифровке. Фигура лося (рис. 3, *8*), расположенная в левой части центральной группы, имеет характерную горбоносую голову и приподнятую переднюю часть тела. Своими очертаниями изображение буквально повторяет силуэт деревянной скульптуры лося, найденного в Горбуновском торфянике[3]. Фигура № 9 (рис. 3, *9*), судя по сравнительно незначительным размерам и наличию хвоста, является собакой. Этот рисунок, как и фигура № 10 (рис. 3, *10*), имеет светло-красный цвет. Фигура № 10 (рис. 3, *10*) имеет полную аналогию на Писаном Камне[4]. Смысловое значение таких изображений наиболее логично объяснено В. Н. Чернецовым, толкующим подобные знаки как тамги определенных родов. В средней части центральной группы изображен охотник, стреляющий из лука в животное с сухими стройными пропорциями тела, очень напоминающее косулю, в изобилии водившуюся на Урале до недавних времен (рис. 3, *11, 12*). Оба рисунка ярки по цвету краски. Изображение № 13 (3, *13*) — слегка вытянутое пятно, очень сочное и четкое — толкуется как солярный знак. Очень интересен рисунок, нанесенный на фоне размытого красноватого пятна и представляющий фигуру человека с полуопущенными руками и раскинутыми ногами, выполненную светло-красной краской (рис. 3, *14*). Рисунок № 15, занимающий самое южное положение в писанице, сохранился частично, поэтому смысловое значение неясно (рис. 4, *15*). Самая крайняя фигура в писанице изображает человека в фас с руками, упертыми в бедра,— типичная поза пляшущего человека. Цвет рисунка красный (рис. 4, *16*).

На Аракаевской писанице по технике нанесения рисунков и цвету краски (имеются в виду вариации в пределах одной и той же краски) можно выделить три комплекса изображений.

Комплекс I. Фигуры более яркие, особенно это заметно с некоторого отдаления (рис. 3, *8*, *11—13*, *16*).

---

[3] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, X, 1940.
[4] В. Ф. Генинг. Ук. соч., табл. I. *4*.

Комплекс II. Фигуры нанесены красноватой краской, рисунки выполнены широкими линиями и характеризуются непропорциональным соотношением отдельных частей изображения (рис. 2, *4—6*).

Комплекс III. Фигуры, относящиеся к этому комплексу, светло-красные.

Можно предполагать, что рисунки сделаны в разное время разными «художниками», но хронологический промежуток между нанесением изображений был незначителен, по крайней мере в пределах одной эпохи. Рассмотренная писаница входит в ареал уральских «писаных камней», представляя собой хронологический или локальный вариант.

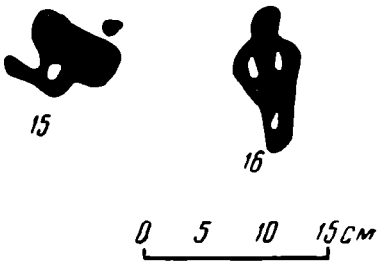


Рис. 4. Одиночные рисунки

Учитывая, что рисунки на Арасланов ском камне отличаются от других писаниц большей четкостью, правильностью линий и наличием композиций, можно предполагать, что они относятся к позднему этапу развития искусства рисунка на скалах, т. е. по археологической периодизации — ко второй половине железного века.

В. Ф. ГЕНИНГ

ПИСАНИЦЫ МОХОВОГО КАМНЯ НА РЕКЕ ВИШЕРЕ

Наскальные изображения на р. Вишере уже давно[1] описаны в литературе, но точные копии сняты лишь в 1948—1949 гг.[2]. В 4 *км* ниже дер. Акчим (Красновишерский район Пермской области) на правом берегу, в средней части высокой гряды скалистых обнажений зафиксирован наиболее многочисленный и богатый комплекс Писаного Камня, а приблизительно на таком же расстоянии от дер. Акчим, вверх по течению, но на левом берегу, расположена группа наскальных изображений Мохового Камня (рис. 1).

Моховой Камень представляет собой сравнительно невысокое (до 10—15 *м*) обнажение скальных пород, расположенное вдоль берега реки в направлении северо-запад — юго-восток. Русло р. Вишеры на этом участке проходит почти в широтном направлении и, дойдя до Мохового Камня, поворачивает к юго-востоку. При сильном течении — «в большую воду» основной поток воды устремляется прямо к северо-западной оконечности Мохового Камня, где находится большой Моховой остров и, ниже его, песчаная отмель. Напротив отмели, где течение воды, упираясь в скалу, резко меняет свое направление, есть два небольших грота-ниши. В правой стороне большого грота на высоте 2,5 *м* от поверхности и на высоте 6,5 *м* над уровнем воды расположены писаницы.

Рисунки занимают плоский и довольно ровный участок скалы размером 1,3 × 0,3 *м*, образованный трещинами в слоистых породах Мохового Камня. Всего здесь семь фигур, расположенных в ряд на расстоянии 93 *см* (рис. 2). Рисунки нанесены бледно-бордовой краской, сквозь которую просвечивает фактура поверхности камня. Известняковых натеков и каких-либо разрушений на изображениях не замечено.

Фигуры расположены тремя группами. Слева — крест христианского типа, но с косой верхней перекладиной, а ниже — фигура в виде подвески-

[1] П. И. Коротов. Геологические исследования на западном склоне Соликамского и Чердынского Урала. Тр. Геол. Комитета, IV, 1. СПб., 1888, стр. 96.

[2] В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954.

лунницы. В центре — группа, включающая изображение человека с широко расставленными полукругом ногами и вытянутыми в стороны руками, и фигуру собаки, обращенную головой в сторону верхнего течения реки. Под передней ногой собаки — подтреугольная «точка», а выше головы косой штрих-«палочка». Правую сторону занимает рисунок плохой сохранности. Возможно, что это изображение животного (медведя), обращенного

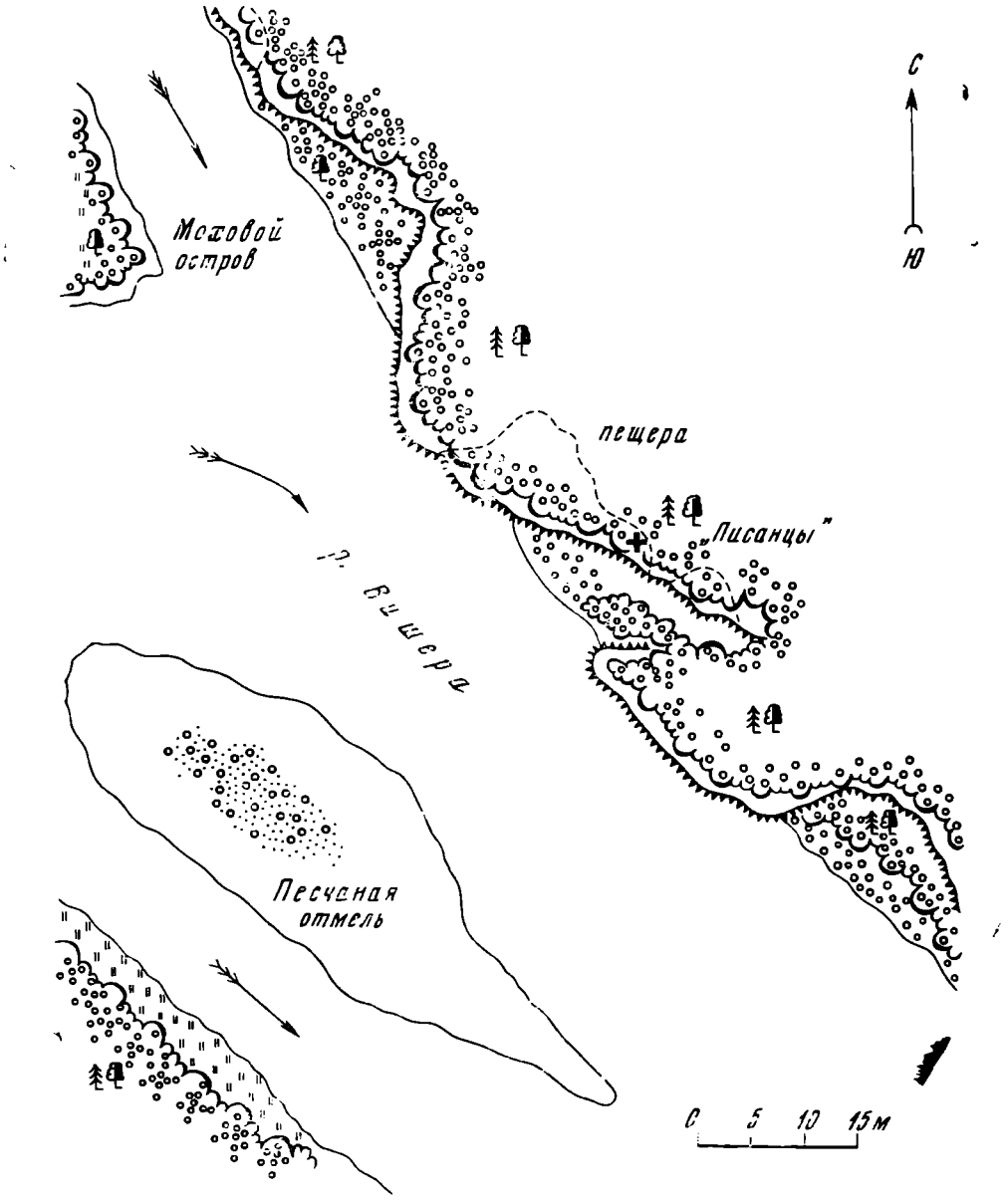


Рис. 1. План окрестностей Мохового Камня

головой в ту же сторону, что и собака. У этой фигуры лучше (гуще) прорисованы передняя нога и примыкающая часть туловища, а также массивная задняя нога. Над фигурой какая-то «точка».

Наскальные изображения Мохового Камня существенно отличаются по своей композиции и технике нанесения от рисунков соседнего Писаного Камня на р. Вишере и Зауралья. Обращает на себя внимание аккуратность выполнения фигур и четкость прорисовки изображений. Но гораздо более существенными следует считать композиционные различия. Для всех остальных наскальных рисунков Урала характерно относительно свободное и широкое расположение фигур внутри групп [3], тогда как на Моховом Камне соблюдается строгая линейность — все фигуры расположены в ряд.

[3] Там же, рис. 1, фигуры 134—205.

Отсутствует здесь и такая излюбленная фигура, как лось. Изображение человека встречается на многих писаницах Урала, но прорисовки фигуры в таком стиле, как на Моховом Камне, нигде нет. Правда, можно заметить некоторую близость в трактовке головы, ног и рук [4], но в целом это иные фигуры. Не удалось пока найти аналогии также изображению собаки.

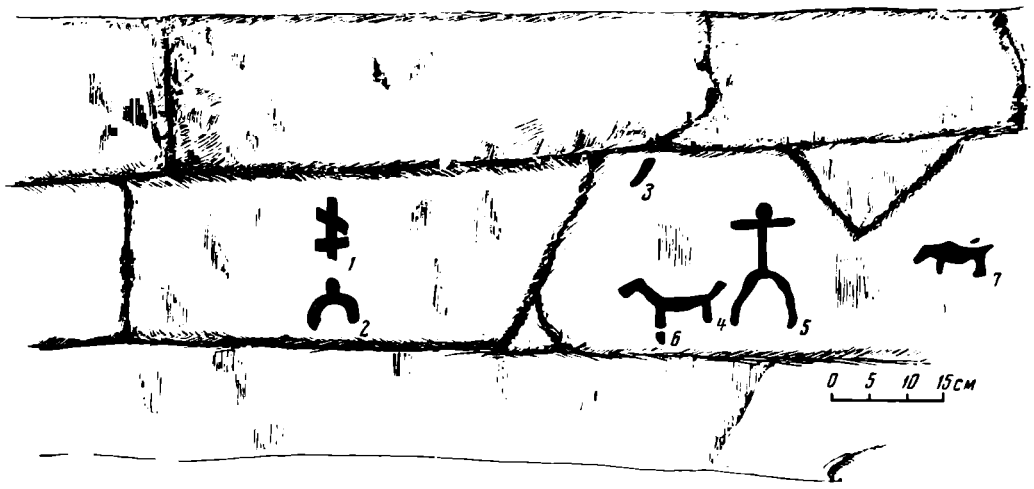


Рис. 2. Рисунки на Моховом Камне

Совершенно уникальным среди наскальных изображений Урала является рисунок христианского креста. Крестообразные фигуры нередко встречаются среди писаниц Урала, но это обычно простой крест из двух пересекающихся линий [5]. Они достаточно широко распространены как в древности на различных вещах [6], так и в более позднее время, например среди тамг уральских народов [7]. Фигура христианского креста на Моховом Камне — единственная в своем роде и несомненно заимствована из христианской символики. Она может в известной мере быть использована для определения времени нанесения рисунков на Моховом Камне.

Среднее и верхнее течение Вишеры было заселено манси (вогулами). Об этом впервые сообщается в царском наказе князю Горчакову, отправленному в 1592 г. в Зауралье для постройки городов Березова, Пелыма и Сургута: «А в Пермь пришед, послать князю Петру детей боярских, которые с ним с Москвы посланы, в Лялинские вогуличи да в Вишерские вогуличи... А велети тем детям боярским собрать на государеву службу на Пелымского князя Лялинских вогуличь с сотником Кирчеем 25, Вишерских вогуличь с сотником 25» [8]. Подробный перечень вогул Вишерской сотни приведен в росписи Верхотурских ясачных книг на 1606 г., где перечислено восемнадцать семей [9]. Территория по р. Вишере от дер. Морчаны до устья р. Улс занимал собственно Вишерский юрт, возглавляемый сотником Бурундуком Авиным. Два других юрта — Велсуйский и Печерский — были расселены соответственно в верховьях р. Вишеры с притоком р. Велс и в

[4] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, ВЧ-12, М., 1964, табл. XI, *30*; XIV, *2*; XVIII, *4*.

[5] В. Ф. Генинг. Ук. соч., рис. 1, *137*, *139*, *145*, *166*, *213*; В. Н. Чернецов. Ук. соч., табл. XI, *62*; XIII; XX.

[6] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. МИА, 35, 1953, табл. XIV, *7*; XVI, *2*; В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953, табл. XXI, *9*; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. АЭБ, II, 1964, рис. 3, *3*.

[7] Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, табл. 5, *3*, *7*; 6, *8*; 9, *24*, *28*; 10, *10*, *11*; 11, *7*; 15, *4* и др.

[8] Ф. Миллер. История Сибири. М.— Л., 1937, стр. 346.

[9] Акты исторические. II, СПб, 1914, № 82.

верховьях р. Печоры. В течение XVII в. русские люди все дальше заходят для рыбной ловли и охоты вверх по р. Вишере, вплоть до Писаного Камня, о чем сообщает ряд документов [10]. По письменным свидетельствам 1734—1736 гг. в среднем течении р. Вишеры числится девять русских поселений, в том числе деревни Акчим, Писаная и Сыпучее [11]. Таким образом, земли, где расположен Моховой и Писаный камни, уже в первой половине XVIII в. принадлежали русским крестьянам. И наконец, в 1751 г. игумен Чердынского Богословского монастыря Иов Тукмачев и священник Николаевской церкви Яков Федосеев крестили в дер. Сыпучи 123 вишерских вогула, кочевавших на севере.

Не отражают ли писаницы Мохового Камня именно этот последний акт в истории вишерских манси? Христианский крест стоит над знаком «лунницы», имевшем, очевидно, какое-то особое значение. Интересно, что сходное изображение — дуга с ответвлением вверху — встречалось уже среди наиболее ранних фигур Писаного Камня [12]. Христианский крест (причем изображенный в общем-то неправильно — с косой перекладиной вверху), водруженный над знаком «лунницы», вероятно, и отмечает акт принятия христианства, в то время как фигуры собаки, человека и медведя (?), может быть, являются знаками трех групп вишерских манси, которые ранее составляли Вишерский, Велсуйский и Печерские юрты. Животные обращены головами вверх по течению реки, где находились земли манси, и в том же направлении нарисована «лунница» с крестом. Возможно также, что изображения животных и человека являются тотемными знаками, но установить это пока невозможно.

---

[10] В. Берх. Путешествие в гор. Чердынь и Соликамск. СПб., 1821, стр. 135—143.

[11] П. О. Чупин. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соли-Камской, с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций. 1734—1736 гг. Сб. «Пермский край», Пермь, 1893.

[12] В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере, рис. 3, *102*.

И. М. МИЗИЕВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ В ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ

Как форма погребального сооружения каменный ящик сопутствовал многим народам Северного Кавказа с глубокой древности до XVIII—XIX вв. [1]. Поскольку период окончательного становления современной этнической карты края (XIII—XVII вв.) является наиболее слабоосвещенным, то естествен интерес, проявляемый к каждому вновь открытому памятнику этого времени.

В связи с этим заслуживает внимания могильник на горе Курнаят у селения Верхняя Балкария КБАССР, зафиксированный в 1924 г. А. А. Миллером и в 1958 г. П. Г. Акритасом [2]. В центре его возвышается наземный склеп с двускатной крышей. В 1968 г. экспедиция КБНИИ раскопала здесь 25 погребений в одинаковых каменных ящиках, делящихся по обряду и наземным признакам на две группы.

I. Погребения первой группы располагаются на слегка покатой к югу

---

[1] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960; Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории аланяссов. ВДИ, 1938, 2 (3), стр. 114, 115; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

[2] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924—1925 гг. СГАИМК, 1, Л., 1926, стр. 72—81; П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Дневник археологической экспедиции 1958 г. Архив КБНИИ, д. № 1760.

вершине горы и не отмечены на поверхности никакими наземными сооружениями. Узкие ящики из 4—6—8 массивных каменных плит были обнаружены на глубине 15—20 *см*. В них хоронили от одного до пяти человек. В одиночных захоронениях сохранились плиты, перекрывавшие ящики. В других случаях они отсутствуют, либо потревожены. Каменные ящики ориентированы длинной осью по линии восток — запад. Внутри они заполнены плотно утрамбовавшимся грунтом.

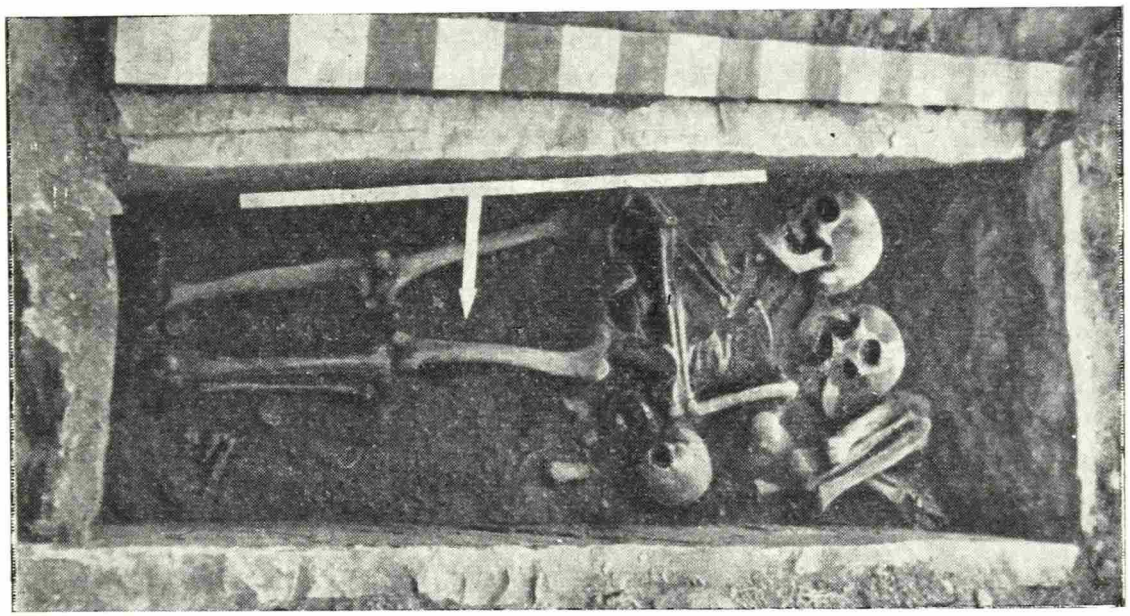


Рис. 1. Погребение 1

При повторных захоронениях кости предыдущего покойного сдвигались в кучу к изголовью очередного, который лежал, как правило, на спине в вытянутом положении, головой на запад. Руки либо скрещены на животе, либо одна вытянута, а другая согнута. Для иллюстрации первой группы приведем несколько характерных могил.

Погребение 1. Сооружено из четырех цельных плит. Длина ящика 195 *см*, ширина в головах — 61 *см*, в ногах — 32 *см*, глубина — 30 *см*. Ориентирован по линии восток — запад. На дне могилы были похоронены пять человек (рис. 1). Останки четырех из них сдвинуты к изголовью пятого, который лежал на спине, головой на запад, в вытянутом положении, со скрещенными на животе руками. Длина костяка 170 *см*. Могила посыпана древесным углем, особенно в изголовье и на уровне тазовых костей. В головной части могилы найдены четыре серьги из низкопробного серебра в форме вопросительного знака, заканчивающегося стерженьком, на конце которого налеплены мелкие шарики в виде виноградной грозди; в разрезе две из них представляют четырехлепестковую, а две других — трехлепестковую розетку (рис. 2, *3*). Кроме того, здесь находились три бусины из бесцветного стекла, несколько металлических пуговиц в виде небольших бубенчиков и сферических полушаров (рис. 2, *8—10*, *12*).

Погребение 2. Расположено в 10 *см* к югу от первого. Ящик состоит из шести плит, поставленных на ребро. Длина 180 *см*, ширина в головах 53 *см*, в ногах 25 *см*, глубина 38 *см*. В могиле оказалось два костяка. Остатки первого, взрослого, погребенного, были сдвинуты к изголовью детского, лежавшего на спине в вытянутом положении, головой на запад, со скрещенными на животе руками. Длина костяка 80 *см*. На грудных костях лежал обработанный кабаний клык длиной 15 *см*. В могиле найден фрагмент серьги филигранной работы с крупной каплевидной ажурной подвеской, заканчивающейся налепными мелкими шариками (рис. 2, *1*). На

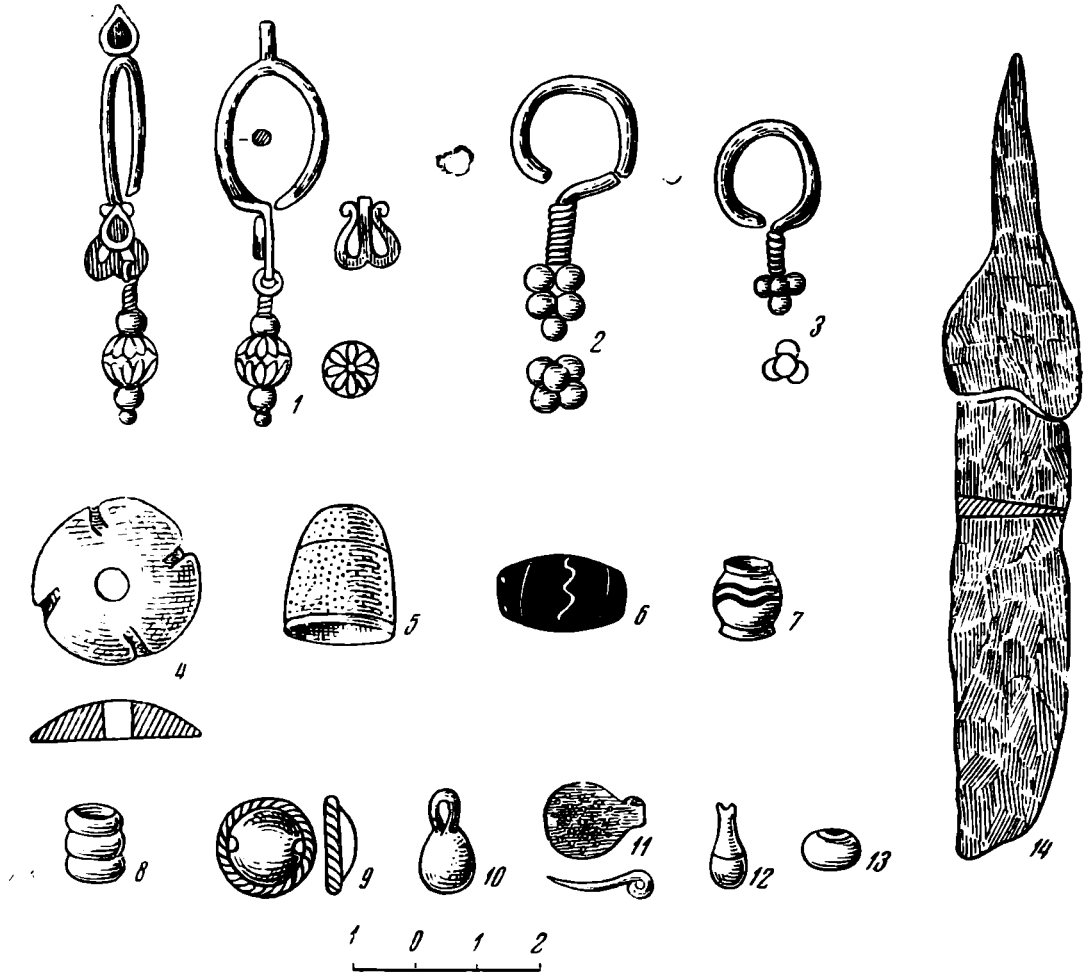


Рис. 2. Инвентарь погребений I группы

1—3 — серьги из низкопробного серебра; *4* — костяная пуговица; *5* — бронзовый наперсток; *6—8, 13* — бусы; *9, 10, 12* — бронзовые пуговицы; *11* — бронзовая ложечка-цедилка; *14* — железный нож

стерженьке серьги имеется каплевидное гнездышко, где сохранились остатки вставного белого камешка. Здесь же были обнаружены две костяные пуговицы, небольшая костяная трубочка со слабо выраженным гранением, а также бронзовый наперсток и пуговицы — такие же, как в погр. 1 (рис. 2, *4, 5*). Кроме того, были найдены крупная бочонкообразная бусинка из черной пасты с белой зигзагообразной полоской, обвивающей ее поверхность (рис. 2, *6*), бусы, аналогичные бусам из погр. 1, и небольшое железное кольцо. Дно могилы было посыпано древесным углем. Всего к первой группе могил относятся 11 погребений — 1—8, 21, 22, 24. Несколько могил (6, 7, 8) окружены общей каменной выкладкой (рис. 3).

Погребение 8. Парное захоронение. Костяки не потревожены. Ориентировка восток — запад (рис. 4). Длина ящика 2 *м*, ширина 60 см, глубина 25 *см*. Покойники лежали рядом, головой на запад, с незначительным отклонением к югу. Правая рука одного из погребенных (правого) слегка согнута в локте, и кисть ее лежала на тазовых костях. Положение рук второго погребенного не прослежено. Здесь найдены: костяное круглое пряслице с концентрическими кругами на поверхности, пуговицы, аналогичные пуговицам из погр. 1 и 2, бронзовая ложечка-цедилка с мелкими отверстиями (рис. 2, *11*), костяная бочонкообразная бусинка с голубой зигзагообразной полоской по тулову (рис. 2, 7).

В погребальном инвентаре могильника очень часты железные ножи, железные кольца, кресала, пряжки (рис. 2, *14*).

II. Ко второй группе могил относятся 14 погребений — 9—20, 23—25. Они располагаются на более покатом южном склоне горы.

Эти могилы обозначены на поверхности каменной овальной выкладкой. Они ориентированы на север с небольшим отклонением к западу. Костяки лежали на спине с опущенными вдоль туловища руками; иногда одна рука вытянута, другая слегка согнута. В каждой могиле находился один покойник. Они лежали либо в гробу, либо на деревянном настиле с вырубленной из бревна крышкой. Детали деревянных конструкций скреплялись железными скобами.

Почти для всех могил этой группы характерна угольная подсыпка.

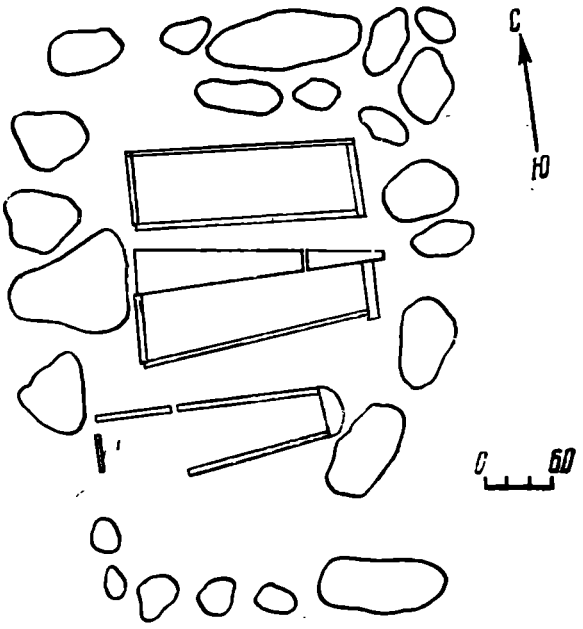


Рис. 3. Могилы 6—8 под общей оградой

Погребение 11. Расположено в 35 *м* к востоку от находившегося на могильнике наземного склепа. Обозначена овальной каменной выкладкой 3 × 1,3 *м*. Ящик, заполненный землей, был покрыт каменной плитой 180 × × 70 *см*. Длина ящика 170 *см*, ширина 45 *см*, глубина 45 *см*.

В верхней части ящика обнаружился фрагмент деревянной колоды. Длина сохранившейся части — 115 *см* (рис. 5, 6). Фрагмент представляет собой выдолбленную из бревна крышку гроба, скрепленного посредством железных скоб (рис. 7, *19*). Под колодой лежал костяк, на спине, в вытянутом положении, головой на север, с небольшим отклонением к западу. Левая рука была вытянута, а кисть правой покоилась на тазовых костях (рис. 8). Под скелетом выявлены остатки дерева. В могиле найдены три железные скобы, два бронзовых перстня со вставными камнями (рис. 7, *16*), сильно сношенная подвеска из зуба животного (рис. 7, *9*), тонкая металлическая пластинка, орнаментированная крупными петлевидными узорами (рис. 7, *10*), и небольшой браслет, изготовленный из металлического прута сечением 3 *мм*. Концы браслета трактованы в виде змеиных головок; диаметр его 2,7 *см* (рис. 7, *8*). Остальные погребения мало чем отличаются от описанного. Подобная колода была обнаружена в погр. 15, в остальных найдены остатки дерева. В погр. 12, 13, 15 и др. встречены железные скобы.

Среди погребального инвентаря обязательны железные черешковые ножи, иногда со следами ткани и дерева (погр. 9, 10, 13—15, 16, 19, 21, 24), пуговицы-бубенчики и полушаровидные пуговицы (погр. 16, 19, 20, 25; см. рис. 7, *12*, *13*, *17*). Встречены железные ножи, кольца и пряжки (рис. 7, *14*, *15*, *18*), различные бусы из черной пасты — граненые и глазчатые (рис. 7, *4—6*), обрывки ткани с нашитым мелким бисером (погр. 25; рис. 7, *7*), костяные пуговицы, обломок стеклянного зеркала. Следует отметить также бронзовые узкие орнаментированные пластинки (погр. 25; рис. 7, *1*), которые нашивались на головной убор, бронзовые наперстки, перстни, серьги в виде вопросительного знака, заканчивающегося нанизанными на стержень полыми шариками (погр. 25, рис 7, *2*).

Эта группа могил интересна и тем, что над одной из них (погр. 23) сооружен прямоугольный в плане наземный склеп с двускатной крышей[3] (рис. 9). Склеп расположен поперек могилы так, что часть каменного ящика выступает с северо-западной стороны на 35 *см*. Ящик ориентирован почти на север, как и могилы второй группы, а склеп с запада на восток

[3] А. А. Миллер назвал его часовней. А. А. Миллер. Ук. соч., стр. 80.

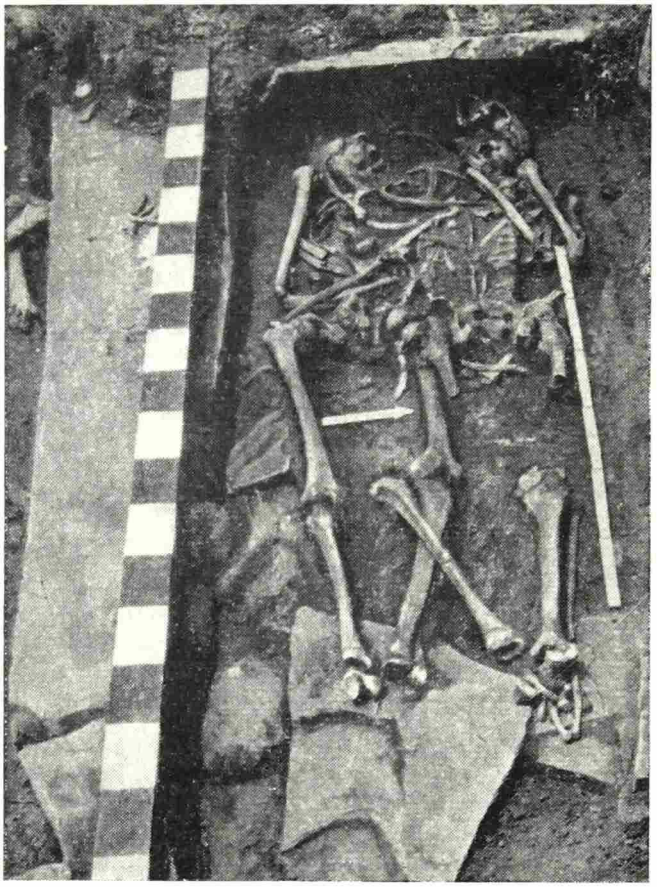


Рис. 4. Погребение 8

с небольшими отклонениями, т. е. как погребения первой. Плиты, составляющие ящик, были скреплены прочным известковым раствором, как и камни в кладке склепа. Ящик покрыт плоской плитой, на котором непосредственно возводились стены склепа.

Не вызывает сомнения, что каменный ящик и склеп одновременны. Склеп в данном случае носил функции мавзолея. Могила была хищнически ограблена. В ней выявлены отдельные кости погребенного и остатки досок.

Наряду с отмеченными отличиями рассмотренных групп погребений, между ними есть много общего. Это прежде всего одинаковые каменные ящики, вытянутое положение покойных, наличие угольной подсыпки, сочетание согнутых и вытянутых рук. Кроме того, каменная выкладка погр. 6, 7, 8, 24 первой группы сходна с выкладками погребений второй группы. Можно найти общее и в инвентаре: пуговицы, ножи, наперстки, бусы, пряжки и др.

Могильник Курнаят можно разбить на два хронологических этапа. Более ранний представлен погребениями первой группы — 1—8, 21, 22, 24. Остальные могилы представляют более поздний этап.

Погребальный обряд, зафиксированный на могилах первой группы, среди памятников Кабардино-Балкарии эпохи позднего средневековья пока что встречается редко. Поэтому уместно будет напомнить, что вообще коллективные захоронения с сохранением анатомического состояния предыдущего покойного, не являются редкостью для древней Кабардино-Балкарии и имеют глубокие традиции, живущие с конца III тысячелетия до н. э.[4] до I — II тысячелетий н. э.[5], что наблюдается, например, в погр. 8 первой группы. Эта черта обряда известна на территории Кабардино-Балкарии по последним исследованиям в грунтовом могильнике рубежа и первых веков нашей эры у городища Нижний Джулат[6], в раннесредневековых каменных ящиках V — VII вв. в верховьях р. Малки[7]. Подобная деталь хорошо представлена в раннесредневековых могильниках IV — VII вв. и за пределами Кабардино-Балкарии[8]. Можно считать, что этот элемент обряда для позд-

---

[4] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 107 и др.

[5] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа...

[6] М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. СА, 1968, 3, стр. 114—130.

[7] И. М. Мизиев. Итоги археологических исследований в верховьях р. Малки в 1966 г. Вестн. КБНИИ, 1, Нальчик, 1968, стр. 156—159.

[8] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 277—290, 297; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ПАК, XIX, СПб., 1906, стр. 7 сл.

несредневековых могильников является пережиточной традицией раннесредневекового ритуала.

Наиболее близким первой группе Курнаятского могильника является могильник XIII — XIV вв. у Северозеленчукского храма, исследованный в 1960—1961 гг. В. А. Кузнецовым [9]. Групповые захоронения здесь были обнаружены в 12 погребениях. Из них одно (№ 12) датируется X — XII вв., остальные XIII — XIV вв. [10]. Все они погребены почти в аналогичных курнаятским каменных ящиках и ориентированы головой на запад. Сходство между ними наблюдается и по положению костяков. В пяти случаях из 12 групповых захоронений Зеленчукского могильника, как почти во всех погребениях первой группы Курнаята, руки либо скрещены на груди и животе, либо одна вытянута, а другая согнута в локтях, и кисть лежит на тазовых костях и т. п. Следует отметить, что этот элемент обряда известен в Кабардино-Балкарии в памятниках III тысячелетия до н. э. [11], рубежа и первых веков н. э. [12] и в могильниках XIII — —XIV вв. [13]. Известен он также и в других позднесредневековых памятниках Северного Кавказа, например, в Ново-Кувинском могильнике XIII — — XV вв. [14] и в Бамутских курганах кабардинского типа XIV — XVI вв. [15]. Таким же распространенным и традиционным для северокавказских могильников вплоть до XVI — XVIII вв. является обычай угольной подсыпки.

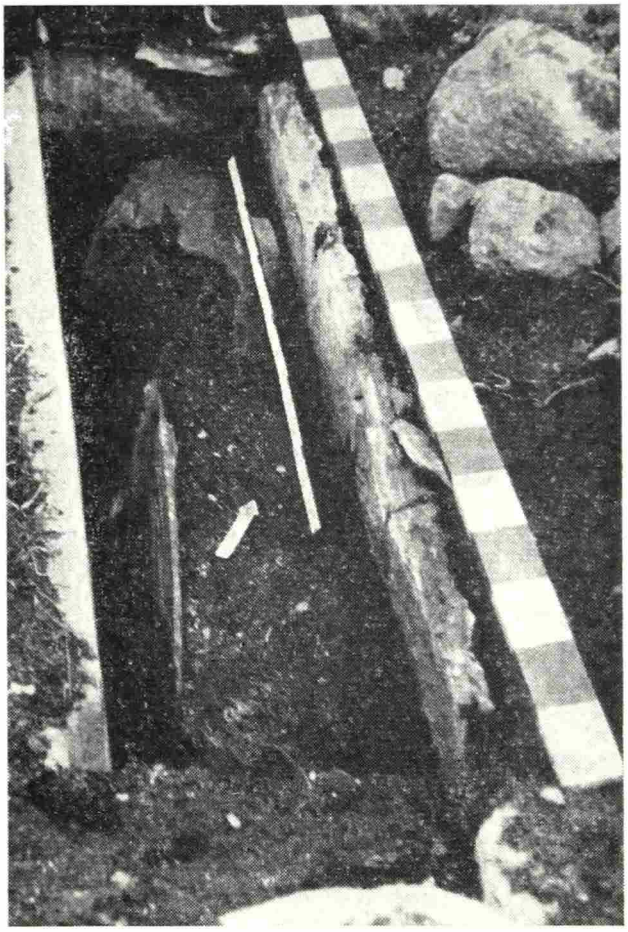


Рис. 5. Деревянная колода в погр. 11

Таким образом, погребальный обряд рассматриваемой группы могил является в основе своей глубоко местным как для территории Кабардино-Балкарии, так и для других районов Северного Кавказа. Отсюда можно признать, что для памятников позднего средневековья (XIII — XVI вв.) эти элементы обряда являются наследием предшествовавших эпох.

Погребальный инвентарь этой группы могил также находит много общего с северокавказскими могильниками, хорошо датирующимися XIII —

[9] В. А. Кузнецов. Отчет об археологических работах в Зеленчукском районе КЧАО в 1960 г. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2183; его же. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). КСИА, 96, 1963, стр. 36—93.

[10] Там же, стр. 88.

[11] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 104.

[12] М. П. Абрамова. Новые погребения..., стр. 114, 119.

[13] О. Л. Опрышко. Раннехристианский могильник в с. Верхний Чегем. Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии, IX, Нальчик 1961, стр. 217—221; И. М. Мизиев. Средневековый могильник Байрым у с. Верхний Чегем. Сб. студ. научн. работ КБГУ III, Нальчик, 1964, стр. 15—22.

[14] Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Тр. ЧНИИ, 2, Черкасск, 1954, стр. 291—296.

[15] Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 217—242, курган № 3, 21.

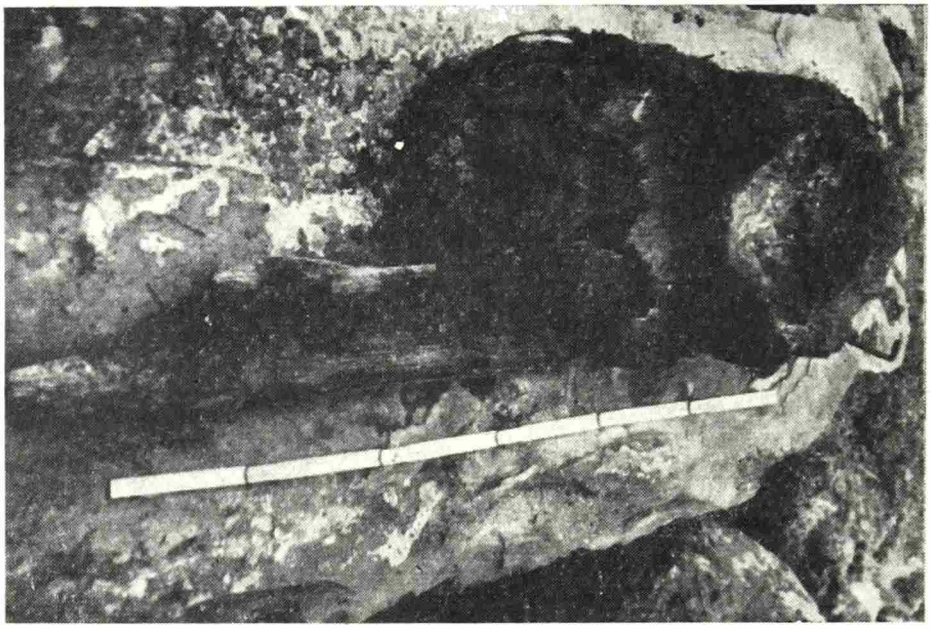


Рис. 6. Внутренняя сторона колоды из погр. 11

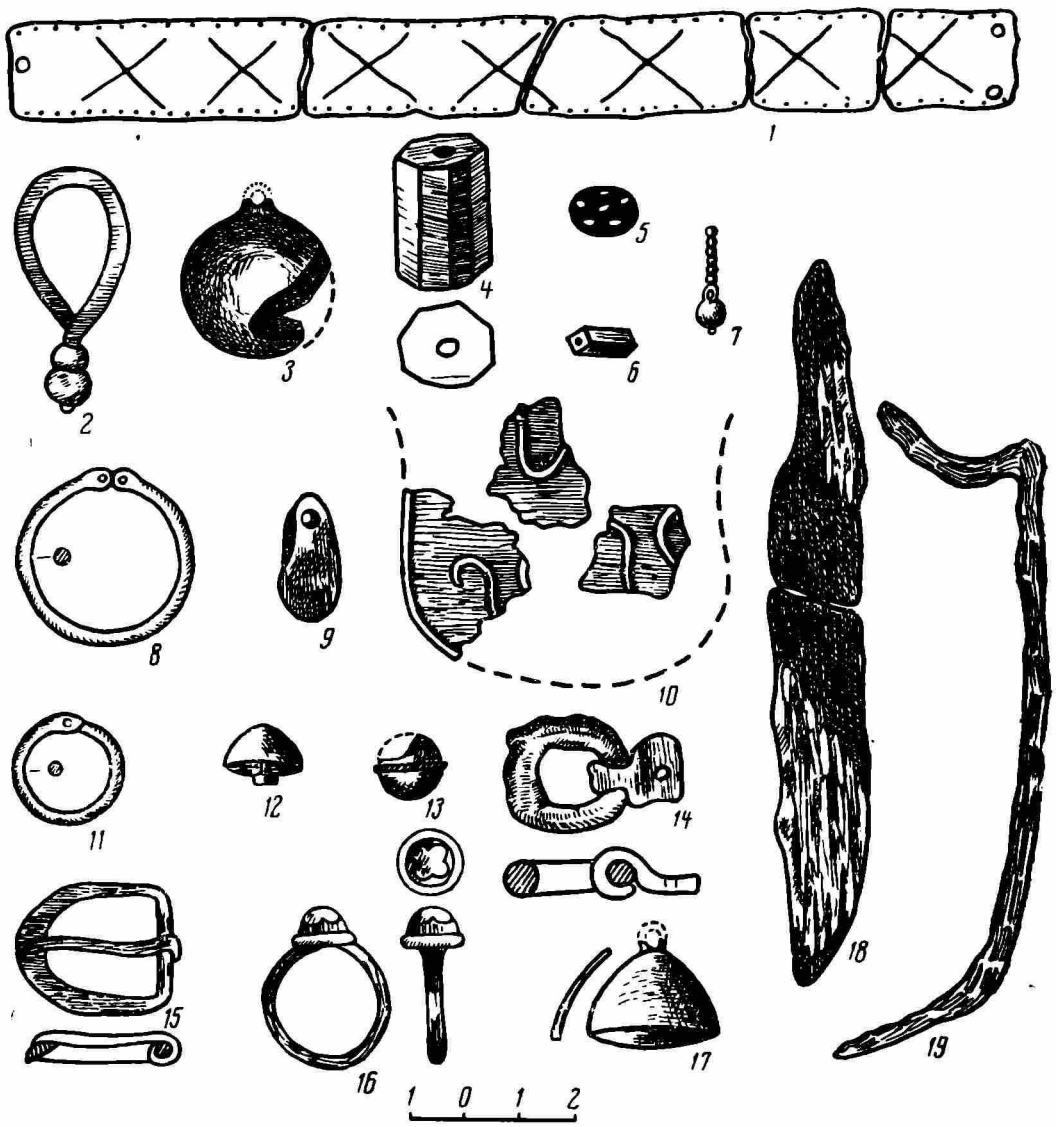


Рис. 7. Инвентарь погребений II группы

1 — бронзовая пластинка-диадема; *2* — бронзовая серьга; *3*, *17* — бронзовые бубенчики; *4—6* — бусы; *7* — бронзовый бубенчик с бисером; *8*, *11* — бронзовые кольца; *9* — подвеска из зуба животного; *10* — металлическая пластинка-накладка; *12*, *13* — металлические пуговицы; *14* — железная пряжка; *15* — бронзовая пряжка; *16* — бронзовые перстни; *18* — железный нож; *19* — железная скоба

XIV вв. [16]. Характерными вещами этого времени являются серебряные и бронзовые серьги в виде вопросительного знака с нанизанной на стержень «виноградной гроздью», бронзовые и серебряные пуговицы-бубенчики, наперстки и пр. Все это дает основание считать, что наиболее вероятной датой первой группы могил Курнаятского могильника является XIII — XIV вв. Некоторую архаичность инвентаря подчеркивают глазчатые и украшенные зигзагообразными линиями бусы, подвески из зубов и клыков животных. Подвески из клыков и зубов оленя, лисы, кабана известны еще в памятниках конца III тысячелетия до н. э. как в Кабардино-Балкарии [17], так и других районах Северного Кавказа [18]. Хорошо известны они и на Нижне-Джулатском могильнике рубежа нашей эры [19] и почти во всех упомянутых выше памятниках позднего средневековья.

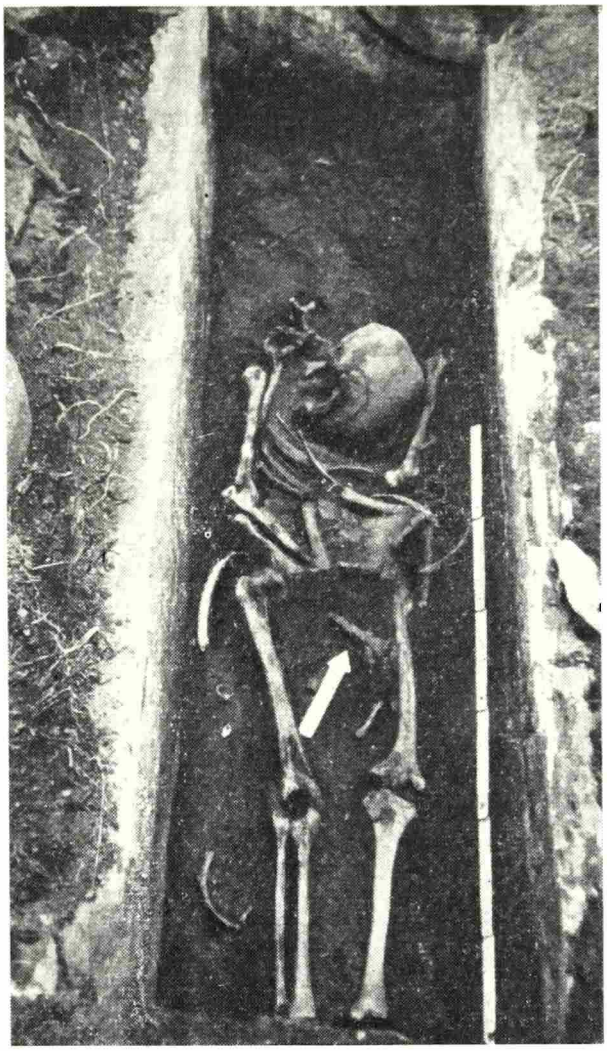


Рис. 8. Костяк в погр. 11

Погребальный обряд второй группы хорошо известен в Байрымском могильнике XIII — XIV вв. [20], Коспартинском — — XIV — XVI вв. [21] и в курганах XIV — XVI вв. кабардинского типа [22]. Особая близость обряда и инвентаря обнаруживается в могильниках XIV — XVI вв. у аула Коспарты в Верхней Балкарии. Здесь были найдены такие же металлические пластинки с петлевидными штамповочными рисунками, перстни, железные черешковые ножи и пр. [23]. Много аналогичных вещей известно и из пещерных погребений Чечено-Ингушетии XV — XVII вв. [24]. Исходя из этих хронологических и обрядовых параллелей, вторую группу Курнаятского могильника можно датировать XV — XVI вв.

Суммируя все сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Могильник Курнаят возник в XIII в. и функционировал до XVI, а, возможно, до XVII в. Более ранняя группа погребений относится к XIII — XIV вв., поздняя — к XIV — XVI вв.

---

[16] В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. Древности Чечено-Ингушетии, стр. 252, 255.

[17] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 70, 73, 74.

[18] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, 32, 1950, стр. 95, рис. 23, *1*.

[19] М. П. Абрамова. Новые погребения..., стр. 119, рис. 6, *5*, *7*, *8*.

[20] Г. И. Ионе. Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв. Уч. зап. КБНИИ, XIX, Нальчик, 1963, стр. 205; И. М. Мизиев. Ук. соч., стр. 15—20.

[21] В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе г. Кисловодска. Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии, IX, стр. 208, 209.

[22] А. В Мачинский. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 317—324.

[23] В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Верхней Балкарии.

[24] В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники..., стр. 245, 246.

2. Несмотря на обрядовые различия, погребальным сооружением для обоих групп служил каменный ящик. Наблюдается большое однообразие инвентаря — ножи, пуговицы, кресала, серьги и пр.

3. При почти одинаковой материальной культуре хорошо вырисовывается определенная смена погребального обряда (ориентировка, положение

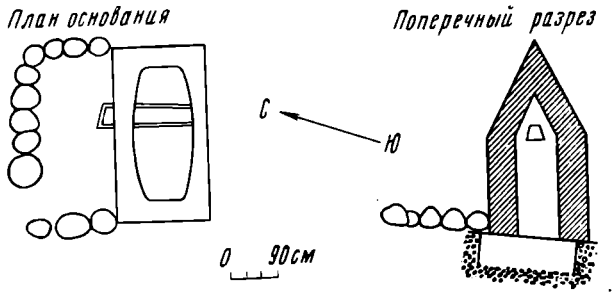


Рис. 9. Наземный склеп над погр. 23

костяка, коллективные захоронения). Эта смена происходит, по-видимому, на рубеже XIV — XV вв.

4. Можно считать, что население, оставившее этот могильник, было этнически однородным и соблюдало глубокие исторические традиции.

5. Поскольку в эпоху позднего средневековья в верховьях р. Черек жили балкарцы (басиане грузинских источников) [25], то можно признать принадлежность Курнаятского могильника средневековым балкарцам.

[25] В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Верхней Балкарии, стр. 205—209; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. Кавказский этнографический сборник, IV, М., 1969, стр. 77—79; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, стр. 41, 42.

В. Г. ПУЦКО

РОСТОВСКИЙ ПОТИР МИТРОПОЛИТА ИОНЫ

В исследованиях о ювелирном искусстве в древней Руси никогда не уделялось внимания Ростову. Произведения ростовских серебряников оставались невыявленными и неизученными. Очень ранних вещей до нашего времени не дошло, но при ознакомлении с фондами Ростовского музея оказалось возможным выделить группу серебряных изделий XVII в., которые, как было нами впоследствии установлено, выполнены в Ростове. Одним из них является публикуемый памятник.

Серебряный потир, о котором пойдет речь, был вложен в Успенский собор в Ростове Великом митрополитом Ионой Сысоевичем в 1676 г. [1]. О потире упоминают почти все авторы описаний достопримечательностей собора [2]. С 1921 г. изделие хранится в музее [3].

Сведения о наличии в Ростове своих мастеров серебряного дела находим в документах, начиная с 1640-х годов. Одним из основных документальных

[1] Год определяется вкладной надписью на потире.

[2] М. Толстой. Святыни и древности Ростова Великого. М., 1866, стр. 43; А. А. Титов. Ростовская и ярославская старина. 2. Ярославль, 1888, стр. 3; его же. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911, стр. 35, рис. 4; Д. А. Иванов. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912. стр. 47; В. А. Талицкий. Ростовский Успенский собор. М., 1913, стр. 46, 48, со снимком.

[3] Инв. № Ц-921/552. Высота 24 *см*, диаметр чаши 16 *см*. Сохранность хорошая.

источников о серебряниках являются дозорные и переписные книги[4]. Последние указывают, что часть ростовских ремесленников жила в митрополичьих слободах. Имея у себя на службе мастеров, митрополит не испытывал необходимости поручать выполнение своих заказов иногородним, тем более что часть заказов мог передать посадским серебряникам, которых в Ростове во второй половине XVII в. было достаточно. Изготовление известных нам предметов церковной утвари из Успенского собора вызвано тем, что соборная ризница была совершенно разграблена в Смутное время[5]. Пополнением ризницы занимался уже митрополит Варлаам (1619—1652). Среди его вкладов можно указать несколько кадил и две водосвятных чаши[6]. В период его управления митрополией собор обогатился также ювелирными изделиями, вложенными царем Михаилом Федоровичем и его отцом патриархом Филаретом, в прошлом занимавшим кафедру ростовского митрополита[7]. Об «умножении» ризницы пришлось заботиться и преемнику Варлаама митрополиту Ионе Сысоевичу (1652—1690), получившему широкую известность, благодаря возведенному при нем грандиозному ансамблю Ростовской митрополии. В комплект литургических сосудов, изготовленных по заказу митрополита Ионы, входит и потир 1676 г. Изделие выковано из серебра в строгих и немного тяжеловатых пропорциях (рис. 1). Чаша потира гладкая, почти полусферическая. Стоян имеет шесть расширяющихся книзу граней, которые переходят в поддон с шестилопастным уступом и круглым краем. Соединяющее чашу со стояном «яблоко» имеет форму сплюснутого шара. По верхнему краю чаши проходит полоса обычной литургической надписи вязью, выполненной в технике оброна. Ниже гравпрованы поясной Деисус и Голгофский крест с орудиями страстей. Резные изображения Христа, богоматери, Предтечи и двух архангелов выполнены тонкой контурной линией и несколько напоминают прориси. Фигуры не заключены по обычаю в медальоны, а свободно размещены на поверхности чаши. Плавные линии, легким контуром очерчивающие силуэт, выразительны и лаконичны. Складки одежд Христа и предстоящих в молении хорошо подчеркивают их жесты. Фигуры Деисуса, при их плоскостной трактовке, на зрителя воздействуют исключительно своим силуэтом и гармонией линий.

Потир состоит из трех отдельно выполненных частей, связанных между собою посредством винта: чаши, поддона со стояном и соединяющего их

---

[4] Ростов. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Изд. Н. А. Найденова. М., 1884, стр. 16; Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. Изд. А. А. Титова. М., 1880, стр. 11; Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII века. Изд. А. А. Титова. СПб., 1887; А. А. Титов. Синодики XVII и XVIII веков Ростовского Успенского собора. Ростов Великий, 1903, стр. 24, 43; Э. Д. Добровольская. Новые материалы по истории Ростовского кремля, прилож. 1. Мастера-строители Ростовской митрополии и города Ростова, известные по документам 1691—1704 гг. Сб. «Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области», 1, Ярославль, 1858, стр. 44. Кроме перечисленных источников, содержащих данные о ростовских серебряниках, М. М. Постниковой-Лосевой, любезно согласившейся ознакомиться с данной заметкой в рукописи, мне указаны следующие материалы: Книга писцовая р. Ростова XVII в. (Отд. рукописей ГИМ, Уваровское собрание, 974*а*), л. 13 и списки с купчих (ЦГДА, ф. 141. Приказные дела старых лет, д. 192).

[5] Разграбление собора произошло в 1608 г. вследствие нападения поляков и переславцев. По свидетельству литературных источников, в числе похищенных вещей был драгоценный архиерейский жезл с восточным яхонтом необычайной величины. Марина Мнишек в своем дневнике под 22 ноября 1608 г. записала: «Пять недель тому назад этот город был взят... Взяв монастурь, ...разграбили церковную сокровищницу, золото, серебро, жемчуг и иные драгоценности. Между прочим, был там один предмет, отлитый из чистого золота, называемый ракой чутотворца, весивший семь с половиной пудов. Они взяли также серебряный гроб и все золотые и серебряные украшения, бывшие на иконах». Дневник Марины Мнишек. Русский перевод с предисловием А. А. Титова. М., 1908, стр. 49.

[6] Кадила и водосвятная чаша 1633 г. московской работы. Водосвятная чаша 1641 г. исполнена местным мастером.

[7] Кадило 1622 г. (инв. № В-32), крест 1623 г. (инв. № В-59).

Рис. 1. Потир митрополита Ионы, 1676 г.

«яблока», которое, в свою очередь, сложено из двух спаянных частей. «Яблоко» имеет шесть клейм с гравированным растительным орнаментом, между которыми чеканены гроздья винограда. Фон между гроздьями канфаренный.

В верхней части «ложек» стояна, переходящих в поддон, гравированы изображения херувимов; в нижней части — в медальонах поясные фигуры московских (Петр и Алексей) и ростовских (Леонтий, Исаия, Игнатий, Иаков) святителей, представленных в фронтальных торжественных позах. Московские митрополиты в саккосах, омофорах и клобуках; ростовские

Рис. 2. Потир из Успенского собора в Ростове, 1670-е годы

епископы в фелонях, омофорах и клобуках; на голове Иакова клобук заменяет архиейрейская шапка. Изображения выполнены почти чистыми контурными линиями и лишь в отдельных случаях вводится полоска легкой штриховки. Надписи возле изображений по начертаниям близки к полуставу. По уступу поддона идет выполненная в технике оброна вкладная надпись вязью: «Лета 1785 месяца ноября в 1 день построися сей святой потир тщанием великого господина преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского в святую соборную и апостольскую церковь во град Ростов».

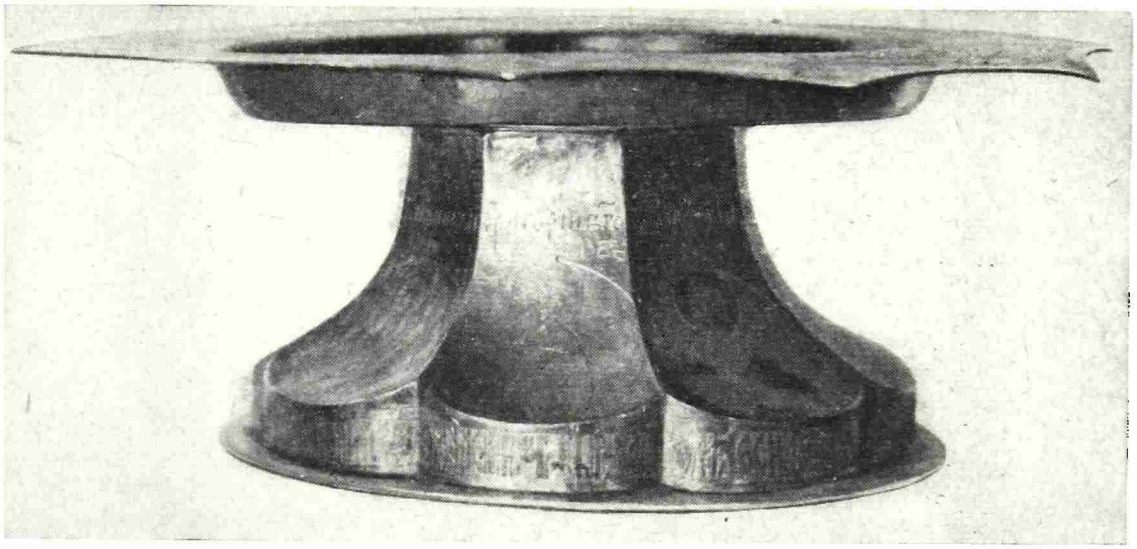


Рис. 3. Дискос, 1676 г.

По своим формам потир является характерным для XVII в. Из ризницы того же Успенского собора происходит другой потир, во многих отношениях близкий рассматриваемому [8]. Он имеет аналогичные по форме чашу, «яблоко» и поддон (рис. 2), но «ложки» стояна украшены гравированным растительным узором или оставлены гладкими. Изображения на чаше заключены в медальоны. Сохраняя принципиальную близость к потиру митрополита Ионы, это изделие, однако, не является повторением предыдущего. Пропорции его более тяжелые, отличается и трактовка некоторых деталей. Потир не имеет датирующей надписи, но не подлежит сомнению, что он выполнен тем же мастером. Возможно, что его изготовление предшествовало более совершенному по форме и исполнению потиру 1676 г. (7185), описанному выше.

В собрании Ростовского музея сохранился полный комплект литургических сосудов, куда входил потир, датированный 1676 г. К нему принадлежит дискос и три проскомидных тарели [9]. Дискос состоит из круглой тарелки с двенадцатиугольным, с вырезанными сторонами бортом, и девятигранного поддона с расширяющимися книзу вогнутыми гранями, заканчивающимися закругленными выступами (рис. 3). На дне тарели гравирована иконографическая композиция «Поклонение агнцу». По борту исполнены шесть поясных изображений ангелов (в медальонах) и шесть херувимов. В медальонах на «ложках» поддона — фигуры отцов церкви. По нижнему уступу граней идет литургический текст. Упоминавшиеся проскомидные тарели украшены гравировкой по тому же принципу, что и потир с дискосом.

Сопоставляя названные изделия, можно определить характерные для них особенности: строгость форм, преобладание свободной глади металла и довольно ограниченное применение чеканки. Тяга к свободной глади металла, как установлено, обнаруживает себя в русском серебряном деле наряду с увлечением декоративной пышностью орнаментальных форм в последние десятилетия XVII в.[10]. В ростовских изделиях тенденции к сохранению глади сосудов можно наблюдать уже с середины XVII в. (водосвятная чаша 1641 г.). Совершенно отличны по характеру исполнения потиры московских серебряников, а также мастеров из городов Поволжья [11].

[8] Инв. № Ц 921/550. Высота 21,5 *см*, диаметр чаши 16,5 *см*.

[9] Инв. № Б-303, Б-209, Б-211, Б-226.

[10] К. В. Корнилович. Из истории русского серебряного дела. Автореф. канд. дис., Л., 1961, стр. 8.

[11] М. М. Постникова-Лосева. Мастера-серебряники городов Поволжья XVII века. Сб. «Древнерусское искусство XVII в.». М., 1964. стр. 290, 300.

Среди последних наиболее родственны ростовским изделия ярославских серебряников. Изготовленные в Ярославле потиры обычно имеют небольшую полусферической формы чашу, нижняя часть которой покрыта чеканным кожухом. Плоскость чаши, как правило, украшена изображениями, выполненными густой линейной резьбой [12]. «Яблоко» некоторых потиров имеет такой же вид, как и у ростовских, но обычно со жгутиком посредине. Оформление «яблока», которое встречаем в потире митрополита Ионы, ростовские мастера сохраняют и тогда, когда создают произведение по готовым образцам [13]. Отмечая любовь ростовских серебряников к гладкой и гравированной поверхности и относительно редко применяемый в оформлении литургических сосудов чеканный узор, было бы ошибкой считать, что мастера не владели искусством чеканки. Они ее чаще всего применяли при исполнении лицевой стороны напрестольных крестов, украшая оборотную сторону опять-таки гравировкой.

Следует также сказать несколько слов о характере вязи на ростовских изделиях. Во всех известных нам случаях она отличается четкостью, строгой и графически правильной формой букв. Лигатуры встречаются сравнительно редко.

Описанный потир 1676 г., являющийся вкладом митрополита Ионы, имеет все особенности, позволяющие считать его изделием ростовских мастеров. На сегодняшний день мы не располагаем исчерпывающими данными об их численности во второй половине XVII в., но исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно заключить, что серебряное дело в Ростове имело ограниченные размеры. В Ростове отсутствовали те экономические предпосылки для развития ювелирного искусства, которые были в Ярославле, Костроме и других крупных торговых центрах Поволжья. Иона Сысоевич, увлеченный строительством митрополии, не много заказывал серебряной утвари, о чем можно судить по старым описям и сохранившимся вещам. Значительно более видную роль в развитии ростовского серебряного дела сыграл преемник Ионы митрополит Иоасаф Лазаревич, при котором работало уже много заезжих мастеров. Последнее обстоятельство сильно затрудняет выявление работ местных мастеров этого периода.

---

[12] М. М. Постникова-Лосева. Серебряное дело в Ярославле в XVII—XIX веках. «Краеведческие записки», IV, Ярославль, 1960, стр. 101, 102.

[13] Например, потир 1679 г. для Воскресенского монастыря в Угличе (Угличский музей, инв. № 118), выполненный по образцу потира 1652 г. церкви царевича Димитрия на крови в Угличе (Ростовский музей, инв. № Ц-921/544).

Критика и библиография

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА в 1969 г.

В 1969 г. вышло в свет одиннадцать книг по археологии Средней Азии и Казахстана, в том числе пять авторских монографий. Как и в 1968 г., досадным пробелом выглядит отсутствие книг по археологии Киргизии, незначительной оказалась издательская активность и археологов Таджикистана. Вместе с тем в целом все рассматриваемые ниже издания свидетельствуют о новых, важных успехах археологов Средней Азии и Казахстана как на уровне собственно археологических изысканий, так и исторических обобщений.

«История материальной культуры Узбекистана», вып. 8. Ташкент, 1969, 209 стр. с илл.

Юбилейный сборник, посвященный 60-летию академика АН УзбССР Я. Г. Гулямова, охватывает большой хронологический период от палеолита до XX в.

Первая часть сборника рассматривает памятники каменного века. К их числу принадлежат и палеолитические местонахождения Каракамыш и Каунчи, инвентарь которых анализирует в своей статье «О морфологических признаках Каракамышского палеолитического материала» Н. Х. Ташкенбаев. Главное внимание автор обращает на форму заготовок и характер обработки краев и концов орудий. Анализ проводится на выборочном материале: нуклеус, два отщепа, несколько орудий. Характеризуя типологические признаки заготовок и орудий, Н. Х. Ташкенбаев не дает, например, соотношения отщепов с параллельным и радиальным скалыванием, не приводит подсчетов заготовок и орудий. Вызывают сомнения и определения целого ряда орудий (рис. 2, *7, 8* и др.). Пластины из Каракамышского местонахождения, по мнению автора, напоминают пластины «мустьерской стадии с леваллуазской техникой расщепления». Причем скалывались эти пластины не с дисковидных нуклеусов, а с «нуклеусов нового типа»,— каких, автор умалчивает. Н. Х. Ташкенбаев приводит серию (на стр. 12, рис. 1) типичных позднепалеолитического облика пластинок и рассматривает их как леваллуазские. Коллекции из Каракамыша и Каунчи производят (по рисункам) впечатление смешанных материалов, где наряду с типичными дисковидными нуклеусами, представлены позднепалеолитические пластинки и орудия.

К интересным выводам при анализе заготовок из палеолитических памятников пришли Р. Х. Сулейманов и Т. М. Мирсаатов в работе «О показателе *l/m* как критерии отличия нижнепалеолитической техники расщепления кремня от верхнепалеолитической». График, построенный Р. Х. Сулеймановым на соотношении длины к ширине заготовок, дает возможность установить критерий отличия нижнепалеолитической техники (расщепление с отбойником) от позднепалеолитической (расщепление с помощью посредника), однако следует отметить несоответствие графика и табл. 1.

Большая заслуга принадлежит узбекским археологам в исследовании мастерских по добыче кремня. О новых мастерских на р. Ангрен сообщают в статье «Мастерские каменного века в долине р. Ангрен» М. Р. Касымов и О. М. Ростовцев. На каждой мастерской собран материал, относящийся к двум или трем разновременным комплексам. К сожалению, авторы не акцентируют внимания на различных материалах комплексов. При характеристике обращается внимание на степень патинизации, которая часто зависит от местопребывания кремня в земле или на поверхности. Отсутствует четкое разделение разновременных комплексов и на таблицах: так орудия из Кызылалмы I, относящиеся к позднепалеолитическому комплексу, представлены на двух таблицах (рис. 1, *9, 12;* рис. 2, *2, 12*) вместо одной, то же относится и к другим комплексам. Исследования Учтутской, Капчигайской, Иджонской и Ангренских мастерских ставит вопрос о территории распространения сырья из этих мастерских.

С. А. Семенов в работе «Неолитические кремневые разработки в Учтуте» продолжает тему о мастерских по добыче кремня, характеризуя шахты, штреки и орудия, которыми они выкапывались. Орудия, добытые в культурном слое, изготовлены из камня, кости, рога. Анализируя их, С. А. Семенов пришел к выводу, что каменные кайла, мотыги, кирки использовали без рукоятей. Учтутские шахты отличаются, по мнению С. А. Семенова, от западноевропейских и восточноевропейских «ручным» способом добывания кремня. Учтутские шахты служили главным образом для получения и выделки заготовок.

О результатах экспериментальных работ по копке шахт, штреков и добыче желваков кремня сообщают Г. Ф. Коробкова и Т. М. Мирсаатов «Изучение способов древней добычи кремня методом эксперимента (по материалам Учтутской мастерской)». Установлено время, за которое можно выкопать шахту глубиной 1,7 *м* и штрек длиной 1,2 *м*. Все эксперименты произведены специально изготовленными орудиями, аналогичными тем, которые найдены в шахтах. К сожалению, для добычи кремня не были использованы костяные и роговые орудия.

Новым неолитическим стоянкам посвящают свою стаью А. В. Виноградов и Э. Мамедов («Комплексные археолого-географические исследования во внутренних Кызылкумах»). Публикуемые памятники как будто заполняют лакуну между мезолитом и кельтеминарской культурой. Разницу между лявляканской и кельтеминарской культурами авторы усматривают в основном в керамике, только мимоходом отмечая, что каменные орудия отличаются тоже, но в меньшей степени.

С кельтеминарской культурой связана и работа Г. Ф. Коробковой «К вопросу о хронологии кельтеминарской культуры». Анализируя каменный инвентарь кельтеминарских памятников, Г. Ф. Коробкова предлагает понизить границу раннего кельтеминара до второй половины V тысячелетия до н. э., а позднего кельтеминара — до конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э. В связи с новыми материалами автор выделяет не два, как было принято раньше, а три периода в кельтеминаре: ранний, переходный, поздний.

Средняя Азия в древности была исключительно благоприятной территорией для обитания, о чем свидетельствуют фаунистические остатки носорога, газели, лошади Стенона, обнаруженные недалеко от г. Шахрисабза. А. Р. Мухамеджанов и Р. К. Камибариддинов в статье «Редкие находки древнейших животных Узбекистана» сопоставляют эти костные остатки с фаунистическими комплексами Казахстана, Таджикистана и Европейской части СССР. Интересна находка костей древнейшего вида оленя и гигантского оленя. Раньше граница распространения указанных животных проходила в районе Ташкента, теперь она может быть перемещена к южной границе Узбекистана.

Характеризуя работы по каменному веку в целом, следует с удовлетворением отметить информационные сообщения о новых открытиях, использование методов, помогающих с большей точностью анализировать материалы. Вместе с тем хотелось бы пожелать более внимательного подхода к их описанию и четкой подачи инвентаря в таблицах.

Памятникам эпохи бронзы посвящены статьи А. Аскарова и Х. Дуке. А. Аскаров публикует результаты раскопок могильника эпохи бронзы в Муминабаде Самаркандской области, где исследовано пять погребений с богатым инвентарем. Автор сопоставляет полученные материалы с памятниками тазабагъябского круга и датирует могильник XII — XI вв. до н. э. Х. Дуке в статье «О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики» отмечает «поразительное сходство тагискенской керамики с андроновской» и считает, что рассмотренная им керамика Тагискена, «по-видимому, новый вариант керамики поздней бронзы карасукского типа, который можно назвать тагискенским» (стр. 68). Для доказательства этого автор сравнивает сосуды из Тагискена, Центрального Казахстана и погребений на Енисее. Сравнение производится отдельно по формам, отдельно по орнаменту, что уменьшает убедительность сопоставления.

В статье Л. И. Альбаума «К датировке верхнего поселения Кучуктепе» излагаются результаты шурфовки на этом тепе, находящемся в Музрабадской степи в 70 *км* к северо-востоку от Термеза. Выявлены остатки помещений двух строительных периодов, керамика из которых не различается. На основании имеющихся аналогий Л. И. Альбаум датирует трехлопастные наконечники стрел, найденные в верхних слоях шурфов, первой четвертью IV в. до н. э.

О. В. Обельченко дает подробную публикацию Миранкульских курганов, расположенных в степи за Даргомом в 18 *км* к юго-западу от Самарканда. Всего раскопано 17 курганов, из которых 4 с грунтовыми могилами (II — IV вв.); в двух случаях было произведено захоронение костей в сосудах (IV — VII вв.); 9 курганов оказались кенотафами, которые О. В. Обельченко также относит к IV — VII вв. Два погребения найдены на уровне древней поверхности, но без инвентаря. «Вполне вероятно,— пишет автор,— что они тоже относятся к V — VII вв. и являются как бы переходным типом погребения между преданием трупа земле и захоронением костей по зороастрийскому ритуалу» (стр. 89—90). Нам кажется, что это предположение О. В. Обельченко нуждается в более полных доказательствах.

В статьях Л. Л. Букинич и У. Алимова публикуются материалы из раскопок раннесредневековых памятников Каршинского оазиса. Л. Л. Букинич раскопала девять

помещений и остатки башни на Пишактепе около Карши, где выделила слои III — V и VI — VII в. Датировки даются путем сопоставления керамики с посудой датированных памятников и на основании находки медной монеты, которая была выпущена не ранее IV — начала V в. и подражает чекану Шапура II.

У. Алимов провел разведочные раскопки на Культепе — двухъярусном бугре с вышкой, находящемся в 2 *км* к западу от ст. Карши. Раскопано 15 помещений вдоль восточного края вышки. Выяснено, что Культепе — «это развалины крупного поселения с укрепленной частью типа замка, существовавшего в VI — VII и начале VIII вв.» (стр. 113. Попутно заметим, что среди приведенной на таблице керамики нет сосудов VI в.). Прослежены незначительные поздние наслоения XI — XIII вв. В помещении 11, квадратном в плане, с длиной стороны 4,8 *м* обнаружены следы росписи стен и мелкие фрагменты скульптурного фриза из глины. Трудно согласиться с У. Алимовым, что это помещение было перекрыто сводом (стр. 113). Следует заметить, что посуда ручной лепки не обязательно домашнего изготовления, как считает У. Алимов. Вряд ли в коридоре раскопанного здания были бойницы — ведь по обе его стороны идут помещения. Здесь, видимо, за бойницы приняты световые люки. Хотелось бы, чтобы Л. Л. Букинич и У. Алимов в следующих своих работах более подробно характеризовали и воспроизводили нумизматический материал, как это делают С. К. Кабанов и О. В. Обельченко.

На Афрасиабе неподалеку от зала с росписями VII в., ставшими теперь знаменитыми, открыты мастерские гончаров с остатками оборудования, сырья и готовой продукции. Исследованию этих мастерских посвящена статья Л. Г. Брусенко «Раскопки квартала гончаров X — XI вв. на городище Афрасиаб». Автор выделяет три периода функционирования мастерских: 1) конец IX — середина X в.; 2) вторая половина X в.; 3) первая четверть XI в. Обедняет публикацию отсутствие фотографий, планов и разрезов печей.

Статья А. Р. Мухамеджанова посвящена средневековым мостам-водоизмерителям на Зарафшане — Пули Чахорминору, Пули Джандору, Пули Лалаку, Сарипули Мехтар Кысым и Пули Кармана, первый из которых раскопан почти полностью. Все мосты, за исключением Пули Лалака, автор датирует второй половиной XVI в., а Пули Лалак относит к караханидскому времени.

М. Аминджанова сообщает о результатах археологической разведки в Зааминском районе. Большим недостатком заметки Аминджановой является отсутствие карты с нанесением обследованных памятников. Она не приводит никаких воспроизведений материалов, полученных ею во время разведки.

М. Пачос публикует очажок и цветочный горшок IX — X вв. из Афрасиаба. Статья И. Архарова «Кухонная керамика Ферганы XI — XII вв.» написана без указания памятников, откуда происходит публикуемая керамика, а поэтому без стратиграфических обоснований датировок этой керамики. Статья Н. С. Гражданкиной посвящена результатам химико-технологического исследования бытовой черноангобированной керамики, которая была распространена на территории Узбекистана в первых веках до н. э., а в Хорезме — в XIII — XIV вв. В. Я. Зезенкова опубликовала некоторые краниологические данные курганов Калкансая в Бухарской области из раскопок О. В. Обельченко, датируемых V—III вв. до н. э.

Три статьи сборника посвящены нумизматике. Весьма интересной представляется статья Б. В. Лунина «К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана», написанная по данным рукописного архива ЛОИА АН СССР и ЦГА УзбССР. Статья является ценным добавлением к известным работам М. Е. Массона по публикации монетных находок на территории Средней Азии. М. Н. Федоров приводит нумизматические данные к истории Саганиана первой половины XI в., а Р. З. Бурнашева публикует Кошрабадский клад бухарских и русских монет (середина XIX — начало XX в.).

В целом сборник является ценным вкладом в изучение археологии Узбекистана и отражает успехи учеников и коллег Я. Г. Гулямова, юбилею которого, как это уже отмечалось, посвящен 8-й выпуск Истории материальной культуры Узбекистана.

Г. В. Григорьева, В. И. Распопова

«Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, 196 стр. с илл.

Рассматриваемый сборник состоит из четырнадцати статей, посвященных всем разделам археологии Казахстана от палеолита до золотоордынского времени. Статьи в сборнике расположены по алфавиту авторов, что несколько затрудняет чтение. В нашем обзоре мы будем придерживаться хронологического принципа.

Эпохе палеолита посвящены две статьи. В статье Н. Н. Костенко и Х. А. Алпысбаева «Значение палеолита для расчленения антропогеновых отложений» публикуется описание орудий нижнего палеолита, найденных у г. Казангап в Бетпак-Дале. Преобладают отщепы и двустороннеобработанные орудия. Авторы не соглашаются с гипотезой Г. Мовиуса о двух культурах нижнего палеолита и стоит на точке зре-

ния его однокультурности, что требует более серьезных доказательств, чем те, которые мы видим в статье. Авторы приводят таблицу, где дана синхронизация ряда геологических и археологических показателей. Таблица вызывает, однако, ряд вопросов и недоумений, например, непонятно — олдувейская культура и ранний шелль относятся к третичному или четвертичному периодам?

В статье М. Н. Клапчука «К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене» дается общая характеристика восьми палеолитических памятников, из которых пять мустьерских и три верхнепалеолитических. Автор приходит к выводу, что человек появился в Центральном Казахстане в нижнем плейстоцене, но удержаться надолго там не смог. Вторичное заселение этого региона произошло в верхнем плейстоцене. Сибирский палеолит сформировался с прямым участием населения Центрального Казахстана.

В статье Л. А. Чалой «О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне г. Каратургай» автор пишет, что там зарегистрировано 19 неолитических стоянок. Найдены пластинки, скребки на отщепах, обломки наконечников стрел и три трапеции. К сожалению, не приводится рисунков, что сильно обесценивает статью. Сразу видно, что в редакторской группе сборника нет специалиста по неолиту, иначе не могла бы появиться статья с таким названием.

Эпохе бронзы посвящена статья М. К. Кадырбаева «Акмола — памятник андроновской культуры». Это обстоятельная публикация раскопок автора андроновского могильника, в 7,5 *км* от г. Ермака Павлодарской области. Могильник федоровского типа — земляные курганы, грунтовые ямы, трупосожжение, федоровские сосуды. Выделяется один курган (№ 15). В нем вместо грунтовой ямы два ящика из привезенных издалека каменных плит. Трупоположение и сосуды алакульского типа. Этот факт проливает новый свет на спорную проблему соотношения федоровских и алакульских памятников. В статье обращает внимание тщательность фиксации и четкость изложения.

Материалы по эпохе ранних кочевников представлены тремя работами Г. Б. Зданович в статье «Покровский могильник на р. Ишим» публикует результаты раскопок семи курганов. Из них один, с бронзовыми наконечниками стрел, может быть датирован концом VII в. до н. э. Остальные — сарматские, относящиеся к первым векам н. э. Жаль, что отсутствуют рисунки некоторых интересных предметов, например железного меча с халцедоновым навершием.

В статье А. Г. Максимовой «Подбойные захоронения сакского времени» содержится публикация раскопок трех курганов и могильника Караша 2 в Джамбулской области. Автор обоснованно датирует их VI — V вв. до н. э. и связывает с саками Тиграхауда. Следует отметить неясность чертежей погребения, что, возможно, связано с опечатками. Видимо, на рис. 1 приведен план не кург. 8, а кург. 4.

Перу А. М. Оразбаева принадлежит статья «Курган „с усами" в могильнике Джанайдар, как архитектурный памятник». Автор очень обоснованно реконструирует этот курган как архитектурное сооружение, где насыпь является остатками круглой юртообразной каменной постройки, а «усы» — выложенными из каменных плит коридорами. Такие сооружения связаны с шаманским культом солнца и включают в себя жертвоприношение коня.

Памятников тюркского времени касаются три работы. Ф. Х. Арсланова в статье «Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане» публикует раскопки четырех курганов в двух могильниках. Приводя широкие аналогии, автор уверенно датирует их VIII — IX вв. Жаль, что опубликован чертеж только одного кургана из четырех. В статье О. И. Исмагулова «Антропологические данные о тюрках Прииртышья» дается характеристика краниологических материалов из могильников Павлодарской области (раскопки Ф. Х. Арслановой). Выделяются две группы. Первая из них (могильник у с. Покровка) относится к VII — IX вв. и отличается наибольшей из всех казахстанских групп этого времени, смешанностью. Она стоит «на границе европеоидно-монголоидного расового типа». Вторая группа (могильники у с. Ждановка и Леонтьевка), X—XII вв., ...«европеоидный компонент превалирует над монголоидным». Отчетливо прослеживается родство с андроновским антропологическим типом. Автор приходит к выводу, что южносибирский антропологический тип, тип современных казахов, складывается именно в тюркское время.

Статья Б. Нурмуханбетова «Новые данные по археологии тюркского времени в Южном Казахстане» посвящена частичной публикации раскопок Борижарского могильника на р. Арысь. Опубликовано только семь памятников из 33 раскопанных автором в этом пункте. Погребальные сооружения наземные, из битой глины, напоминающие современные казахские мазары. Инвентарь: поясные пряжки, нож, наконечники стрел — тюркские. По мнению автора, здесь проходила контактная зона кочевых и земледельческих племен. Датировка погребений не дается. По инвентарю их можно отнести к VII — IX вв. Не на высоте графическая документация.

Средневековых памятников касаются четыре статьи. Первая из них — К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович «Новое в средневековой археологии Южного Казахстана». В начале статьи содержится краткое описание разведочных маршрутов и зафиксированных памятников. Во второй части дана классификация керамики со всех городищ Южного Казахстана. Устанавливается восемь хронологических групп. Приводится десять насыщенных материалом таблиц керамики с I по XVIII вв.

Обращает на себя внимание, что в тексте нет ни одной ссылки на эти таблицы, которые являются основой всей работы.

М. С. Мерщиевым в статье «Поселения XIII — XV вв. в Западном Казахстане» приводятся результаты обследования остатков поселения в 10 *км* от г. Гурьева. Автор приходит к выводу, что территория Западного Казахстана, принадлежавшая Золотой Орде, после монгольского завоевания переживала экономический подъем.

Перу А. Г. Медоева принадлежит статья «Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак». Она посвящена публикации изображений, «гравюр на крупных глыбах мела». Изображены животные, ружья, тамги племени адай, геометрические фигуры, казахские надписи арабским шрифтом.

Статья Р. З. Бурнашевой «Клады медных монет из г. Туркестана» содержит публикацию кладов, найденных у мавзолея Ходжа-Ахмеда-Яссеви. Всего монет свыше 2000 экз. Из них большинство чеканено в г. Ясы (Туркестан), часть в Ташкенте; место чеканки других не установлено. Датировать их можно XVI в. Таким образом, с полной определенностью устанавливается наличие неизвестного до сих пор монетного двора в г. Ясы. Кто чеканил монету — казахский или узбекский хан — сказать сейчас трудно.

Таково содержание сборника. В целом, несмотря на многие шероховатости, он заслуживает высокой оценки. В нем приведен большой, новый и очень интересный археологический материал, в большинстве своем обработанный и изложенный с должным профессиональным мастерством. Каждая из статей (за исключением статьи Н. Н. Костенко и Х. А. Алпысбаева) не претендует на широкие обобщения и выводы, но все они вместе убедительно показывают многообразие археологических памятников на территории республики и необходимость комплексного их изучения, не ограничиваясь каким-либо одним районом.

С. С. Черников

О. Бердыев. Древнейшие земледельцы Южного Туркестана. Ашхабад, 1969, 101 стр. + IX табл.

В 1969 г. археологическая литература по неолиту Средней Азии пополнилась новой книгой, посвященной историко-культурному изучению джейтунской культуры. Несмотря на то, что проблематика последней получила всестороннее отражение в целом ряде работ, новый труд О. Бердыева «Древнейшие земледельцы Южного Туркестана» явился ценным вкладом в историографию раннеземледельческих племен Средней Азии. Рецензируемая работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Автор впервые вводит в научный оборот почти все археологические материалы, добытые в ходе раскопок с многочисленных поселений джейтунской культуры. Эти материалы явились прекрасным источником, позволившим О. Бердыеву нарисовать общую картину истории, хозяйства и культуры ранних земледельцев Южного Туркменистана. Особого внимания заслуживают две последние главы: хронология и локальные варианты джейтунской культуры; хозяйство, общественный строй и идеологические представления джейтунских племен. В этих главах автор затронул весьма важные и существенные проблемы, связанные с изучением ранних земледельцев. К ним следует отнести вопросы хронологии и периодизации (стр. 37—55), локальных вариантов (стр. 56—60), расселения джейтунских племен (стр. 33), идеологических воззрений и общественного строя джейтунцев (стр. 90—98). Предложенная О. Бердыевым новая трехфазовая периодизация джейтунской культуры, основанная на стратиграфии, формах сосудов и орнаментальных мотивах, выглядит весьма убедительной и достаточно аргументированной, за исключением отдельных мелких моментов. К последним следует отнести неправильное, на наш взгляд, включение материалов среднего слоя Монджуклы-депе в III фазу (стр. 45). Инвентарь нижнего и среднего горизонта Монджуклы настолько тождествен в керамике, технике обработки камня и наборе орудий труда, что нет надобности делить его на два разновременных комплекса, выделяя соответственно каждый в две фазы (II и III) развития джейтунской культуры[1]. Наличие же в Монджуклы 2 (среднем слое) орнамента в виде дерева является скорее всего не хронологической, а локальной особенностью этого поселения. В целом, предложенная периодизация настолько убедительна, что открытие новых памятников джейтунской культуры не меняет ее общей схемы, а лишь пополняет ее свежими материалами. К таковым следует относить материалы раскапывавшегося в 1967—1969 гг. многослойного поселения Песседжик-депе, прекрасно укладывающиеся в I и II фазы джейтунской культуры.

Не менее интересно поставлена и решена проблема локальных вариантов, выделенных автором на материалах двух поздних фаз. Основываясь на орнаментальном оформлении сосудов, О. Бердыев прослеживает в Прикопетдагской долине три локальных района, соответствующих трем местным вариантам джейтунской культуры:

[1] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1968, стр. 59.

западный район (Аркачский оазис), центральный (Ахал) и восточный (Этек, стр. 56—58).

К сожалению, в рецензируемой работе встречаются слабые места, касающиеся характеристики каменного и костяного инвентаря, есть спорные моменты. К последним следует отнести, с нашей точки зрения, и проблему происхождения джейтунской культуры. Относительно истоков джейтунской культуры в археологической литературе существуют две точки зрения. Первая (ее придерживается большинство исследователей) связывает появление ранних земледельцев в Прикопетдагской долине с мезолитическими племенами Туркмено-Хоросанских гор[2]. К этой группе исследователей примыкает и О. Бердыев (стр. 22). Вторая точка зрения (которую разделяет автор настоящей рецензии) связывает истоки джейтунской культуры с культурой прикаспийских племен охотников-собирателей[3]. В настоящее время в связи с выявлением в Восточном Прикаспии двух групп мезолитических памятников, продолжающих в своей индустрии местную и зарзийскую техническую традицию[4], нам представляется возможным поставить вопрос об уточнении исходного пласта джейтунской культуры. Индустрия последней, обнаруживая значительное сходство (в характере, размерах и формах заготовок орудий, в наличии правильных призматических пластин удлиненных пропорций, трапеций правильной симметричной формы высоких очертаний, в отсутствии низких удлиненных треугольников и сегментов, наконечников стрел) с прикаспийским мезолитическим комплексом типа 7—4 «низ» слоев Дам-Дам-Чешме II, нижних горизонтов Дам-Дам-Чешме I, Кайлю, Каскыр-Булака и др., является как бы эволюционным продолжением технической традиции этой группы памятников. В силу вышесказанного можно предполагать, что истоки раннеземельческой культуры Джейтуна, по-видимому, лежат именно в этом мезолитическом пласте, выросшем (как это показали исследования последних лет) на базе местного прикаспийского палеолита типа 9-го слоя Дам-Дам-Чешме II. Интересно, что и вторая, не менее известная культура неолита Средней Азии, кельтеминарская, также обязана своим происхождением мезолиту Прикаспия, но его второму пласту, представленному группой памятников с зарзийской технической традицией (типа 4-го слоя «верх» Дам-Дам-Чешме II, Ходжа-Су I и др.). Не исключено, что поиски новых археологических памятников на западе Туркмении (и прежде всего с раннеземельческой индустрией), петрографический анализ прикаспийского и джейтунского кремня, разведки в районе Копетдага, дадут новый, более убедительный материал по проблеме генезиса джейтунской культуры.

На наш взгляд, совершенно лишним выглядит в работе разбор каменного и костяного инвентаря, который автор почему-то дает по старым публикациям, а следовательно, не совсем полно и точно. Например, останавливаясь на характеристике орудий труда I фазы, автор просто перечисляет состав орудий, не акцентируя внимания на основных признаках индустрии раннего периода (стр. 34—40). То же следует сказать и о характеристике индустрии II и III фаз, освещенной, на наш взгляд, весьма однобоко и узко (стр. 43—44, 49—51). Приведенные автором гистограммы эволюции орудий по этапам по существу являются повторением уже опубликованных данных, не дающих в настоящее время всей полноты картины джейтунской индустрии. Например, останавливаясь в сводных таблицах на процентных соотношениях каменного и костяного инвентаря Джейтуна, Чопан-депе 2, Чагыллы 2 (стр. 48—49), О. Бердыев использует старые цифры. В результате число вкладышей жатвенных ножей, по О. Бердыеву, уменьшается во II и III фазах (стр. 66). В действительности же с учетом данных последних лет количество вкладышей серпов на протяжении существования джейтунской культуры держится стабильно в пределах 30—40%. Излишним выглядит подробное описание линейных следов сработанности на изделиях. К тому же трактуются они автором порою неправильно. Эта часть в данном разделе, на наш взгляд, не вполне уместна, поскольку вся глава посвящена не функциональным особенностям орудий, а характеристике хозяйства, общественного строя и идеологических воззрений джейтунских племен. Не лучше было бы автору, не вдаваясь в подробное описание индустрии джейтунской культуры, отослать читателя к специальным работам.

В целом, несмотря на перечисленные погрешности, работа О. Бердыева заслуживает всяческого одобрения, внося определенный вклад в дело изучения раннеземельческих племен Средней Азии не только введением в научный оборот почти всех материалов джейтунской культуры, но и постановкой важных проблемных вопросов.

Г. Ф. Коробкова

---

[2] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 109; И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.— Л., 1964, стр. 95; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б3-8, IV. М., 1965, стр. 42.

[3] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство..., стр. 195—197.

[4] Г. Ф. Коробкова. Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 15—17.

Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158. Л., 1969, 200 стр. + 12 табл.

Как видно из названия работы, объектом исследования автор избрал определенную категорию предметов, находимых при археологических раскопках, а именно орудия труда эпохи неолита из камня, кремня и кости. Эти предметы исследовались автором по их местонахождениям, что позволило выделить несколько географических областей, каждой из которых посвящена соответствующая глава. Так, в работе представлены комплексы орудий труда из земледельческой зоны Южного Туркменистана (стр. 17—62), из собирательской периферии древнеземледельческого мира — Прикаспия (стр. 80—104), из районов кельтеминарской культуры (стр. 105—126), из восточных областей Средней Азии (Фергана, стр. 127—141) и Казахстана (Усть-Нарым, стр. 142—172). Автором было подвергнуто специальному изучению более 42 000 предметов, что уже само по себе дает представление об объеме информации, заключенной в рецензируемой книге.

Систематизируя орудия труда и результаты их трасологического изучения, Г. Ф. Коробкова исходит из общепринятого положения о разделении культурных областей Средней Азии (основное внимание исследователя уделено именно этой области) на две зоны — зону древнейших земледельцев и зону культур с присваивающей экономикой. Эти культурно-исторические зоны рассматриваются автором каждая сама по себе (стр. 63—79 и 173—191), а в заключение предлагается общий очерк развития неолитических культур исследуемых территорий с определенным акцентом на проблему происхождения джейтунской культуры и на пути перехода к производящей экономике.

Привлеченный Г. Ф. Коробковой специфический археологический материал, какими являются орудия производства, может служить надежным источником для реконструкции некоторых сторон жизни древнего населения Средней Азии. И, действительно, автору с завидной полнотой удалось реконструировать хозяйство как оседло-земледельческих общин, так и иных народов, которые вели присваивающее хозяйство и в ряде случаев переходили к производящему. Однако не следует полагать, что перечисленные автором категории находок, связанные с производством, могут столь же определенно свидетельствовать о различных культурно-исторических сдвигах. Например, автор считает, что находки каменных мотыг на памятниках культуры Анау IA (Чакмаклыдепе) подтверждает ее пришлый характер, на что указывалось и раньше в научной литературе. Если мы вспомним, что с появлением на подгорной равнине Копетдага культуры Анау IA там произошли очень существенные изменения во всем облике культуры населения этих мест: знакомство с медными изделиями, начало массового применения совершенной посуды с оригинальной системой орнаментации и, наконец, изменение принципа планировки поселений и жилищ, который оставался практически неизменным на протяжении всей джейтунской культуры, то находка названной мотыги не будет выглядеть столь значительным явлением на этом фоне. Тем более, появление этих мотыг не сыграло в жизни населения подгорной полосы сколь-нибудь существенной роли: в более поздних энеолитических памятниках, несмотря на огромные вскрытые участки многих поселений, таких орудий труда найдено не было. Чем можно объяснить этот факт, сейчас сказать трудно.

Использованный Г. Ф. Коробковой материал, с нашей точки зрения, может полноценно ответить только на прямо поставленные вопросы в отношении производства и хозяйства. Использовать его для решения других вопросов можно и нужно, но когда он применяется для этого сам по себе — выводы чаще всего следует ожидать необъективные, верное однобокие.

Чтобы не быть голословным, я хочу коснуться важного теоретического вопроса (к сожалению, пока действительно теоретического из-за отсутствия объективных археологических свидетельств), а именно происхождения неолитической джейтунской культуры. В этом еще далеко не решенном вопросе автор выдвигает новую точку зрения о том, что эта культура возникла на основе прикаспийского мезолита. «Индустрия Джейтуна,— пишет Г. Ф. Коробкова,— настолько близко напоминает аналогичный инвентарь из V слоя Джебела, что позволяет говорить об их генетической связи. А поскольку V слой Джебела является последовательным развитием VI, генетически восходя к последнему, можно полагать, что и джейтунская культура является продолжением развития культуры позднего мезолита — начала неолита, представленного в Джебеле материалами слоя VI. Отсюда следует, что прямыми предшественниками древних земледельцев скорее всего были прикаспийские племена охотников-собирателей» (стр. 196). Такой вывод возможен, но только в том случае, если брать орудия труда метафизически, т. е. изолированно от всего остального культурного комплекса. Но если мы сравним оба памятника в полном объеме, то получим несколько иную картину. Так, в Джебеле мы не находим ни постоянных искусственных жилищ, ни следов злаков и домашних животных, ни керамики и иного инвентаря (кроме трапеций, скобелей, сверл и скребков) — всего того, что характеризует джейтунскую культуру. Кроме того, в 1968 г. в Копетдаге были найдены несколько кремневых пластинок, одно из местонахождений которых представляется

весьма перспективным для стационарного изучения [1]. Так что пока следует придерживаться прежней теории происхождения джейтунской культуры. Что же касается отсутствия месторождений кремня в Туркмено-Хорсанских горах, то, во-первых, это еще нельзя считать окончательно установленным (территория современного Ирана на этот предмет не обследована), а во-вторых, кремень в горы мог доставляться и издалека, например из Прикаспия.

Другим важным вопросом, который ставит Г. Ф. Коробкова на материале своего исследования, является вопрос о возможности перехода к производящей экономике двумя путями — через земледелие и через скотоводство. Резюмируя свои рассуждения по этому поводу, она пишет на стр. 181: «...переход к производящей экономике в северной и южной зонах Средней Азии совершался в одно время, параллельно, но разными путями и различными темпами. Предпосылкой к переходу к производящему хозяйству в южной зоне послужило в первую очередь земледелие, а затем — скотоводство; в северной зоне, по-видимому, наоборот: сначала скотоводство, потом земледелие, развившееся в большей степени под влиянием южной зоны» [2]. Правда, автор и сам считает, что для окончательного решения этого сложного вопроса пока недостаточно данных, он может быть высказан в порядке постановки вопроса. Однако, выдвигая возможность появления скотоводства в том или ином районе, следует думать не только о том, «доросли» ли люди до возможности приручения и одомашнивания животных, а и о том были ли в это время дикие животные, которые могли быть приручены и одомашнены. С северной зоной Средней Азии, зоной распространения культур кельтеминарского типа, вопрос может быть, с точки зрения рецензента, решен отрицательно: эта зона не входила в ареал диких предков домашних животных. А к производящей экономике, причем преимущественно скотоводческого направления, население этих мест все же перешло, но не спонтанно, а за счет ее получения практически в готовом виде из южной зоны. Вот там-то этот переход совершился самостоятельно и не одновременно с северной зоной, а значительно раньше — не позднее VI тысячелетия до н. э. Все это, как мне представляется, снимает вопрос о двух путях перехода к производящему хозяйству в том виде, в каком он предложен в рецензируемой работе. Однако это не означает, что двух путей не было; они были: первый путь — спонтанный самостоятельный переход к производящему хозяйству, второй путь — получение производящей экономики неолитическим населением северной зоны в готовом виде и освоение ее на местной основе и с местными особенностями [3].

Заключая рецензию, хочется отметить, что книгу Г. Ф. Коробковой следует рассматривать в качестве надежного источника, в котором собраны практически все сведения об орудиях производства эпохи неолита Средней Азии и Восточного Казахстана. Однако автор ее, да и другие исследователи, должны помнить, что сведения, заключенные в тех или иных археологических объектах, не могут разрешить всю сумму представляемых им вопросов. Из материала можно извлечь только то, что в нем содержится; но это содержимое, сопоставленное с содержимым других видов археологических источников, может осветить ту или иную проблему с разных сторон, способствуя исчезновению определенной односторонности.

И. Н. Хлопин

---

[1] И. Н. Хлопин, Л. П. Хлобыстин. Поиски памятников каменного века в Копетдаге. Сб. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 430.

[2] См. также: Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Сб. «Проблемы археологии Средней Азии», М.— Л., 1968, стр. 18.

[3] И. Н. Хлопин. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 94—112.

И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. III. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, III, Л., 1969, 103 стр., 26 табл., 14 рис.

Энеолитическая эпоха Южной Туркмении является одним из наиболее изученных периодов в истории первобытной культуры Средней Азии. К настоящему времени список работ, посвященных изучению энеолита Южной Туркмении, составляет около 60 названий, причем среди них выделяются такие фундаментальные издания, как VII и X тома трудов ЮТАКЭ, монография В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток», три выпуска «Свода археологических источников».

Новый «Свод археологических источников» характеризует поселения древних земледельцев времени Намазга II (яланчский период), расположенных в Юго-Восточной Туркмении. В кратком введении И. Н. Хлопин знакомит читателей со структурой выпуска, забывая, правда, упомянуть о важном разделе своей работы «Орудия, инструменты и органические остатки» (стр. 6).

В первом разделе, названном «Памятники Юго-Восточной Туркмении» (стр. 7—13), И. Н. Хлопин дает описание памятников с характеристикой остатков построек,

вскрытых на каждом поселении. В целом эта часть является выжимкой из раздела «Памятники» в работе И. Н. Хлопина «Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита», изданной в 1964 г. (стр. 13—55), причем иногда цифровые данные не совпадают. Так, центральное поселение оазиса расположено в 8 *км* к юго-востоку от ст. Геоксюр (САИ, стр. 7), и в 7 *км* (книга, стр. 13). Во втором разделе «Орудия, инструменты и органические остатки» (стр. 14—16) И. Н. Хлопин очень удачно намечает классификацию орудий инструментов эпохи развитого энеолита по производственному принципу: земледельческий инвентарь, охотничье-животноводческие орудия, инструменты керамического производства и деревообработки.

Центральное место в работе И. Н. Хлопина как по объему (половина написанного), так и по значению, занимает раздел «Керамика» (стр. 17—45). При классификации керамики И. Н. Хлопин, руководствуясь характером росписи, выделяет три основных типа: керамика с росписью яланғачского типа, керамика с орнаментацией псевдоубейдского типа и керамика с полихромной орнаментацией типа Намазга II. Анализируя керамику последнего типа, И. Н. Хлопин приходит к категорическому заключению, что центром ее производства являлись только поселения подгорной полосы Копетдага (Карадепе, Намазгадепе), хотя другие исследователи считают возможным изготовление этого вида керамики в Геоксюрском оазисе [1].

В двух таблицах (7 и 8) И. Н. Хлопин дает представление о распространении на памятниках керамики с яланғачской и псевдоубейдской орнаментацией. Причем явственно выступает преобладание первого типа над вторым, который представлен лишь единичными экземплярами. Правда, в обеих таблицах не указана полихромная керамика времени Намазга II. Ее присутствие было бы весьма желательно, так как она считается И. Н. Хлопиным привозной, и редкость ее появления в Геоксюрском оазисе хотелось бы видеть в цифрах.

Относительная хронология энеолита Геоксюрского оазиса строится И. Н. Хлопиным на основе изучения орнаментации яланғачского типа и выделения строительных периодов на каждом памятнике. Такая методика несомненно имеет ряд преимуществ, особенно для многослойных поселений Южной Туркмении, и И. Н. Хлопин, являясь пионером в этой области [2], убедительно датирует толщу культурных напластований времени Намазга II периодом в 200—250 лет. Затем, опираясь на синхронизацию южнотуркменистанских комплексов с материалами из Ирана и Месопотамии, предложенную В. М. Массоном [3], он относит яланғачский период к XXXV — XXXII вв. до н. э.

Касаясь вопросов происхождения трех выделенных им типов орнаментации керамики, И. Н. Хлопин считает, что орнаментация керамики яланғачского типа является закономерным развитием предшествующего орнаментального комплекса времени Намазга I. Псевдоубейдская орнаментация, которую В. М. Массон связывает с влиянием убейдской культуры Северной Месопотамии [4], по убеждению И. Н. Хлопина, имеет в своей основе полихромную орнаментацию стиля Намазга II. В то же время возникновение полихромного стиля времени Намазга II И. Н. Хлопин рассматривает как сложный процесс слияния трех компонентов: изобретение специальных гончарных горнов (что позволило обжигать посуду с двухцветной росписью), местная линия развития керамической орнаментации (идущая от Намазга I) и какое-то влияние со стороны синхронных культур Ближнего Востока («без уточнения», как пишет автор). Таким образом, И. Н. Хлопин выступает в данном случае как убежденный автохтонист, замыкающийся в рамках подгорной полосы Южной Туркмении. Выступая против концепции В. М. Массона, И. Н. Хлопин ограничился анализом одной категории предметов — расписной керамикой псевдоубейдского типа. Однако сложные культурно-исторические явления (такие, как взаимовлияние культур, инфильтрация племен) должны рассматриваться на широком фоне различных компонентов материальной культуры, анализируемых в комплексе. Здесь важны и погребальный обряд, и домостроительная традиция и другие элементы материальной культуры.

Заключительная часть раздела «Керамика» посвящена дальнейшим судьбам яланғачского орнаментального комплекса. И. Н. Хлопин отмечает, что яланғачский тип орнаментации к концу периода Намазга II полностью вырождается, а два других типа (псевдоубейдский и полихромия Намазга II) оказывают сильное воздействие на формирование орнаментации геоксюрского периода. Разбирая схемы геометрических орнаментов геоксюрской керамики, И. Н. Хлопин приходит к заключению, что все эти элементы имеют местное происхождение и таким образом снимают версию об инфильтрации племен из центрального Ирана, якобы повлиявших на керамическое производство местных племен.

---

[1] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1960, стр. 280, 282; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. САИ, Б3-8, II. М.— Л., 1962, стр. 20.

[2] И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М., 1964, стр. 56—66.

[3] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток..., стр. 241.

[4] В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, АН СССР, 91.

Небольшой четвертый раздел «Глиняная скульптура и поделки» (стр. 42—45) посвящен характеристике антропоморфной и зооморфной скульптуры и глиняных поделок.

В заключение (стр. 46—51) предлагается сжатая историко-культурная характеристика развитого энеолита южных областей Средней Азии. Здесь И. Н. Хлопин выступает автором ряда новых гипотез, касающихся главным образом общественных отношений эпохи энеолита. Он пишет: «Не будет ни слишком смело, ни преждевременно считать, что историю патриархально-родовых отношений в Южной Туркмении надо начинать с последних этапов периода развитого энеолита, а ялангачский период полагать тем интересным отрезком времени, когда можно вполне осязаемо наблюдать зарождение этих отношений» (стр. 48). Причину всех этих перемен И. Н. Хлопин видит в развитии производительных сил: «Появление обработки земли и создание первых ирригационных сооружений, развитие технологии металлургии и гончарства» — вот тот перечень новшеств, которые, по его мнению, «постепенно подтачивали веками существовавшие производственные отношения, свойственные матриархально-родовому строю». Все указанные выше новшества не сыграли роль того катализатора исторического процесса, о котором говорит И. Н. Хлопин. И обработка земли, и изготовление керамики и металлических орудий были известны столетиями раньше. Да и сам облик материальной культуры эпохи энеолита (многочисленная коллекция женских статуэток) вряд ли свидетельствует об изживании матриархального строя.

Если говорить об определенных сдвигах в экономике оседло-земледельческих племен, повлекших за собой существенные изменения в структуре общества, то они приходятся на более позднее время,— время Намазга IV, когда впервые появляется гончарный круг и возникают ремесла.

Исходя из этой, как нам кажется, неверной предпосылки, И. Н. Хлопин постулирует другую рабочую гипотезу об обитании в Геоксюрском оазисе единого племени, история которого восходит к родовому коллективу самого крупного поселения оазиса — Геоксюр I. Эта гипотеза кажется нам также малоубедительной, ибо прямое развитие от рода к племени (даже при наличии сегментации) вряд ли имело место, так как уже само по себе племя должно быть дуальной организацией, состоящей хотя бы из двух родов. Слабость подобного рода гипотез, нам кажется, объясняется стремлением И. Н. Хлопина упростить исторический процесс, свести его понимание к изучению стилистических особенностей орнаментальных стилей. Так, он пишет: «...из предлагаемого общего обзора эволюции керамической орнаментации времени развитого энеолита без привлечения каких-либо дополнительных категорий находок у читателя должно сложиться мнение о месте энеолитической культуры Южной Туркмении на Ближнем Востоке и о тех влияниях, которые она получала извне (рис. 14)». При взгляде на этот рисунок читатель действительно получает представление об эволюции орнаментальной схемы геометрической росписи, но никак не о месте энеолитической культуры Южной Туркмении на Ближнем Востоке, ибо понятие керамическая орнаментация и энеолитическая культура неоднозначны. Основная мысль, которая красной нитью проходит по всей работе И. Н. Хлопина, это показать, что «в течение всей истории существования Геоксюрского оазиса не наблюдается инфильтрации никакого чужеродного населения». Однако, опираясь лишь на анализ керамики, И. Н. Хлопин вряд ли может противостоять аргументации своих оппонентов, в работах которых анализируется более широкий круг источников [5].

Автохтонизм И. Н. Хлопина в вопросах происхождения энеолита Южной Туркмении тем более удивителен, что он сам является автором довольно смелых концепций о передвижении племен в более поздние периоды (эпоха бронзы) и на более дальние расстояния, в области с совершенно иной экологической средой [6]. В то же время в однородной среде экономически равноценных соседей, какими нам представляются оседло-земледельческие племена Южной Туркмении и Северного Ирана, несомненно имели место культурно-исторические контакты в различных формах. Поэтому, хотя корни энеолита Южной Туркмении, возможно, имеют местные истоки, однако отрицать иноземное влияние и контакты нет смысла.

Спорность гипотез, выдвинутых И. Н. Хлопиным, еще раз подтверждают сложность проблем первобытной истории Южного Туркменистана, которые могут быть решены лишь с привлечением более широкого круга источников и к решению которых еще будет обращаться не одно поколение исследователей.

---

[5] В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э. КСИА, АН СССР, 93, 1963; его же. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964; его же. Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА, АН СССР, 101, 1964; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, Б3-8, IV. М., 1965.

[6] И. Н. Хлопин. О сложении субстрата андроновской культуры. В книге «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969; его же. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», стр. 94—112.

Очередной выпуск «Свода археологических источников», выполненный на достаточном научном уровне, с богатым иллюстративным материалом свидетельствует о новых успехах в изучении энеолитической эпохи Средней Азии и является ценной сводкой для широкого круга читателей, занимающихся первобытной историей Южной Туркмении.

А. Я. Щетенко

Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969, 254 стр.

Труд Б. В. Андрианова имеет особо важное значение, поскольку он является монографическим исследованием, посвященным ключевой проблеме — истории ирригации, определявшей собой все развитие экономики древней Средней Азии. Наиболее значительный вклад в изучение этой проблемы внесли многолетние исследования Хорезмской экспедиции, возглавляемой С. П. Толстовым. Итоги их отражены в работах С. П. Толстова и в монографии Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней», в которой обобщены результаты исследований, проведенных до 1950 г. На протяжении последних 14 лет в Хорезмской экспедиции изучение земель древнего орошения и древней ирригации непосредственно осуществлялось Б. В. Андриановым. В результате систематических работ с использованием современной комплексной методики и новейшей техники, в частности самолетов, было обследовано свыше 5 млн. *га* замель древнего орошения.

Рецензируемая книга состоит из введения и двух частей. 1) «Методы изучения древней ирригации. Возникновение и развитие ирригационного земледелия» (стр. 15—93). 2) «Земли древнего орошения Приаралья» (стр. 94—221) и Заключения (стр. 222—233). Вполне закономерно и оправдано, что автор много внимания уделил методике изучения. Дело в том, что значительные успехи в исследовании ирригации оказались возможными только в результате применения разработанной в Хорезмской экспедиции комплексной археолого-топографической методики, основанной на маршрутных обследованиях, картировании систем орошения по аэрофотоснимкам, а также археолого-топографическом и геоморфологическом изучении древних оросительных систем (стр. 18). Большой познавательный интерес представляет обзор материалов по истории возникновения и развития орошаемого земледелия в аридной полосе Старого и Нового Света. Рассмотрение этих материалов позволило автору выявить ряд общих и частных закономерностей в эволюции ирригации в целом (стр. 3). Самостоятельную ценность представляют карты и сводные таблицы в этом разделе, в которых наглядно отражены и синтезированы результаты изучения древнего земледелия и ирригации на современном уровне.

Однако наиболее ценное в труде Б. В. Андрианова заключено во второй части, в которой автор прослеживает по детальным этапам непрерывное эволюционное развитие систем орошения Приаралья на протяжении трех с половиной тысяч лет [1]. Именно эти материалы послужили основанием для ряда важных заключений о социально-экономической истории Древнего Хорезма, распространенных затем на всю Среднюю Азию. Вот почему необходимо всесторонне рассмотреть как обоснованы главные положения и выводы по истории ирригации Приаралья. В данной рецензии мы имеем возможность остановиться только на некоторых вопросах.

Прежде всего встает вопрос о начальном этапе земледелия в этом районе. Автор на стр. 42 отмечает отсутствие дикорастущих предков культурных растений в Приаралье и пишет следующее: «Первые земледельцы принесли сюда зерно, а также, вероятно, и свои навыки ирригации из других более древних очагов орошаемого земледелия». С этим вполне можно согласиться. Но в следующей главе он выступает против положения В. В. Бартольда, сомневавшегося в возможности самостоятельного изобретения ирригационных приемов в Хорезме и далее, вслед за М. А. Итиной, утверждает уже противоположное — о самостоятельности хорезмийской ирригационной традиции, совершенствуемой на протяжении тысячелетий (стр. 95). В цитируемой на этой странице статье М. А. Итиной, она, а вслед за ней и автор книги, смешивают два явления — начало процесса (изобретение или заимствование навыков ирригации) и дальнейшее развитие, совершенствование форм орошаемого земледелия. Б. В. Андрианов справедливо отмечает, что тазабагъябские племена — первые земледельцы в этом районе — обладали навыками примитивного пойменного земледелия (стр. 92). Автор не пишет, отличалась ли эта форма земледелия от земледелия на паводковых разливах и на каирных землях, которые он характеризует на стр. 102. Полагаем, что эти формы по сути дела близки. Из всего этого следует, что, по-видимому, древнейшим в Хорезме было каирное земледелие на базе естественного орошения, и только позднее древние земледельцы перешли к искусственному орошению, остатки которого исследованы в Акча-Дарьинской дельте. Археологические материалы не дают прямого ответа на вопрос, были ли выработаны ирригационные навыки на месте или привнесены извне. Однако учитывая значительную древность ирригации в Южной Туркмении, нельзя не считаться с возможностью распростране-

[1] В тексте на стр. 223 указано за 4,5 тысяч лет, что явно является опечаткой.

ния отсюда навыков орошения. К этому, видимо, склоняется и автор на стр. 230. Более определенно он допускает возможность заимствования для VIII — VII вв. до н. э. (стр. 115—116). Как мы видим, суждение автора о начальном этапе земледелия в Приаралье противоречивы и нечетко сформулированы.

В дискуссионном вопросе о времени сооружения ирригационной системы Древнего Хорезма Б. В. Андрианов разделяет положение С. П. Толстова о том, что она была целиком построена в середине I тысячелетия до н. э. Однако приводимый им конкретный материал явно противоречит этому утверждению. К архаическому периоду VI — V вв. до н. э. в Правобережном Хорезме автор относит каналы у Базар-Калы (длиной 8—11 *км* стр. 116), древний Кельтеминар (длиной 15 *км*, стр. 118, орошаемая площадь около 2 000 *га*, стр. 121), каналы у Дингильдже (длиной не менее 6 *км*, стр. 121). Если суммировать все эти данные, то получится, что общая длина их и вероятная величина орошаемых площадей в целом была меньше одного Кырк-Кызского канала (длиной 60—90 *км*, стр. 133), функционировавшего в кангюйско-кушанский периоды. Именно в этот период наблюдается качественный скачок в развитии первобытной ирригации — появление больших магистральных каналов. Аналогичная картина прослежена и в Левобережном Хорезме. При сравнении каналов архаического периода с ирригацией бронзового века можно отметить лишь количественные отличия и поэтому нельзя безоговорочно согласиться с общей характеристикой ирригации VI—V вв. до н. э., с тем что она отличалась от предшествующей в качественном и количественном отношениях (стр. 116, 122, 124) и что это были мощные оросительные системы (стр. 116, ср. стр. 158). Для каналов бронзового века и архаического периода характерна большая ширина при незначительной глубине. Эта особенность была объяснена еще в работе Я. Г. Гулямова тем, что создатели их шли вслед за паводками, лишь поправляя естественные русла. С этим соглашается и автор на стр. 122. На это объяснение следовало бы обратить большее внимание, ибо оно позволяет конкретно представить как строили каналы и более верно оценить объем земляных работ при их сооружении. Если исходить из того, что каналы не рыли, а проводили, используя естественные протоки, то можно сделать вывод, о явном преувеличении автором объема земляных работ при строительстве каналов, достигавших, по его мнению, астрономических цифр: сотен тысяч и даже миллионов куб. *м* (стр. 118, 121, 128, 133 и др.).

Именно на этих количественных показателях основаны ответственные заключения о роли государства как организатора ирригационного строительства и о применении труда рабов в древней ирригации. В этом дискуссионном вопросе автор также полностью разделяет взгляды С. П. Толстова, рассматривавшего ирригацию как основное доказательство существования рабовладельческого строя (стр. 67, 228). Вопрос об использовании рабского труда в ирригации до сих пор остается открытым, поскольку отсутствуют конкретные письменные данные, а приводимые археологические доводы явно недостаточны, во всяком случае для архаического периода.

Можно полагать, что ответ на вопрос о том, какие были каналы и что они собой представляли, легче всего получить, анализируя разрезы. Возьмем для примера район Кокчи. Автор подробно описывает почвенные слои траншеи и приводит интерпретацию А. С. Кесь этого разреза (стр. 104, 105, рис. 28А). Но читатель не найдет здесь ни слова о том, какова была форма и размеры данного канала, в каком грунте он выкопан и что собственно следует считать ложем канала или арыка на приводимых разрезах (рис. 28). Также мало что дают описания разрезов на стр. 107, 108. Те же недоуменные вопросы возникают при рассмотрении разрезов 47, 48 на арыке в системе Кельтеминара кушанского времени (стр. 126—127, рис. 36). Мы перебрали, таким образом, почти все описания разрезов и видим, что они мало что дают для характеристики исследованных ирригационных сооружений. Нет сомнения, что вопрос о датировке является важнейшим и в изучении ирригации. Автор постоянно имеет это в виду, но при изложении материала доказательства порой подменяются ничего не говорящим перечнем номеров поисков с указанием преобладания той или иной керамики.

Для выявления динамики развития орошаемого земледелия существенное значение имеет правильный учет взаимодействия факторов исторических и естественно-географических, и в частности теории ритмических изменений климата. Известный географ А. В. Шнитников, разрабатывая теорию ритмических изменений климата, проанализировал археологические данные по Хорезму и обнаружил, что они в основном согласуются с его концепцией [2]. Б. В. Андрианов не согласен с этими выводами. Он отмечает выборочность цитирования данных по археологии Хорезма и игнорирование материалов, противоречащих схеме автора. Но конкретных примеров и доказательств он не приводит. Не рассматривая по существу приводимые этим исследователем факты и аргументы, Б. В. Андрианов ограничивается общей оценкой выводов А. В. Шнитникова как антиисторических, сделанных с позиций географиче-

[2] А. В. Шнитников. Динамика водных ресурсов бассейна Арала в свете его климатических трансгрессий. Труды Лаборатории озероведения, 1961, XVI. Эта статья без изменений вошла в книгу: А. В. Шнитников. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Очерки. Л., 1969, которая не могла быть доступна Б. В. Андрианову.

ского детерминизма (стр. 49). С такой необоснованной оценкой нельзя согласиться, поскольку в работах этого исследователя мы имеем дело с опытом изучения объективных закономерностей развития географической среды, и его концепция имеет полное право на существование. Мне представляется, что географическому фактору следовало бы уделить больше внимания в работе Б. В. Андрианова, в которой превалирует внимание к социально-экономическому аспекту в истории ирригации.

Подводя итоги, следует сказать, что несмотря на отдельные спорные и дискуссионные положения, книга Б. В. Андрианова в целом является ценным исследованием по древней ирригации Приаралья. Она дает верное и яркое представление об основных этапах развития орошаемого земледелия в этом районе и таким образом вносит значительный вклад в изучение древней Средней Азии и в мировую литературу по истории ирригации.

Ю. А. Заднепровский

Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963—1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. М., 1969, 185 стр., 45 рис.

Пещеры и связанные с ними постройки на Кара-тепе могут быть отнесены к числу наиболее интересных археологических памятников, исследуемых в последние годы на юге Средней Азии. Об этом убедительно свидетельствует настоящий сборник, являющийся уже вторым выпуском отчетов и исследований о ведущихся здесь с 1961 г. работах.

Специфика результатов раскопок 1963—1964 гг. обусловила значительный удельный вес в нем статей, посвященных новым эпиграфическим материалам. Кроме ранее найденных индийских надписей на Кара-тепе, обнаружено также довольно значительное число бактрийских и несколько среднеперсидских, что представляет собой открытие первостепенной важности. Должную оценку их могут дать только специалисты-лингвисты; настоящие заметки касаются в основном лишь археологических материалов и некоторых вопросов исторической интерпретации надписей.

Сборник открывается статьей Б. Я. Стависского «Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.», содержащей краткий, но достаточно содержательный отчет о полевых работах в этом пункте. Судя по приведенным данным, раскопки производились в ограниченных масштабах, но позволили уточнить ряд вопросов планировки памятника в целом и отдельных его частей. Работы велись главным образом на двух комплексах, представляющих собой сочетание пещерных сооружений (центральное помещение и четырехсторонний обводной коридор) и наземных построек (типа двора). Повторяемость этого сочетания и основных черт планировки установлена вполне точно — во всяком случае на этих двух объектах. Однако приходится сожалеть, что ни один из них не раскрыт (за указанный период) целиком. Поэтому представление о планировке все же остается неполным, а назначение некоторых помещений недостаточно ясным. Если культовый характер части их может быть убедительно аргументирован, то суждения о характере памятника в целом, возможно, еще преждевременны, поскольку жилые и хозяйственные сооружения не обнаружены. Не исключена возможность, что дальнейшие раскопки покажут отличия Кара-тепе от монастырей, известных в Индии, не только в планировке отдельных культовых построек. В качестве упущения автора следует отметить отсутствие разрезов; они безусловно необходимы, в частности для более полного понимания специфики сооружений.

Небольшая статья Я. Харматта «К интерпретации надписей на керамике Кара-тепе» посвящена чтению фрагментарно сохранившихся индийских и бактрийских надписей на керамике. Все они, по заключению автора, носят вотивный характер. Большой интерес представляет не только само чтение, но также предположение, что в индийских надписях упоминается школа Махасангхика. Это важный факт для изучения истории распространения буддизма в Средней Азии; возможно также, что в дальнейшем (учитывая наличие надписей как кхароштхи, так и брахми), это могло бы стать полезным для относительной датировки надписей.

Особого внимания заслуживает выявление двуязычных надписей (индийских и бактрийских), видимо, одинакового содержания; это, может быть, позволяет ставить вопрос о заметной роли бактрийского языка в религиозной жизни буддистов античного Термеза.

Статья В. Г. Луконина «Среднеперсидские надписи из Кара-тепе» посвящена разбору двух небольших граффити: одно из них, фрагментарное, содержит дату 60 (?), второе, полное, гласит: «Зик, писец». Учитывая палеографические особенности, автор относит их к IV — V вв., что дает веские основания предполагать в первом случае годы правления Шапура II. Если это так, то мы получаем важную хронологическую веху для истории культового комплекса Кара-тепе. Следует надеяться, что новые находки внесут здесь окончательную ясность.

Большая статья В. А. Лившица «К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе» по своему содержанию в значительной степени является сводкой данных об известных сейчас бактрийских надписях (включая сюда и так называемые эфталитские). Автор при этом значительное внимание уделяет развитию бактрийского письма, отдельным этапам его изменения, являющимся очень важными моментами для датировки. Обширная вступительная часть вводит читателя (притом, прежде всего,

неспециалиста) в тот обширный круг трудностей и неясных вопросов, с которыми сталкивается исследователь при попытке чтения остатков надписей, обнаруженных на Кара-тепе. Предлагаемые далее чтения характеризуются осторожным подходом, учётом допустимых границ реконструкций и оговорены, как предварительные. Автор безусловно прав, подчеркивая, что изучение их фактически только еще начинается. Все заключения носят осторожный характер. Надписи в большинстве своем трактуются как оставленные посетителями пещер в период, когда функции их как монастыря уже прекратились; в них содержится ряд имен, изредка даты (чтение их предположительно) и, видимо, названия пещер (пока не установленные).

Тем же бактрийским надписям (граффити) посвящена обширная статья Я. Харматта «The Bactrian wall-inscriptions from Karatepe». Автор пользовался в основном лишь фотографиями, что, естественно, создавало ряд специфических трудностей: при плохой сохранности не только самих надписей, но и поверхности штукатурки, на которой они были процарапаны, вполне возможны случаи ошибочной трактовки трещин и иных повреждений.

Число отдельных надписей, выделяемых Я. Харматта, превышает число их, приводимое В. А. Лившицем; причины этого, к сожалению, не указаны. Чтения в большинстве своем отличны — как правило, более полны, но при этом весьма предположительны, что оговаривается в каждом конкретном случае. В конце статьи автор приходит к ряду интересных заключений исторического характера. Так, все надписи рассматриваются как зороастрийские по своему характеру, из чего следует вывод, что буддийские функции пещер прекратились еще до их появления. Это увязывается с упоминанием опустошения «пещер дэвов» в надписи Картира. По мнению Я. Харматта, около 275 г. на Кара-тепе появляется на месте монастыря зороастрийское святилище, с которым связаны все надписи посетителей, и в том числе содержащие имена, которые можно увязать с известными нам именами кушан-шахов. Предположительно читаемые даты (397, 405, 415) предлагается считать в «старой сакской» эре, вновь введенной в Тохаристане Васудэвой II. Поскольку основой такой интерпретации является чтение надписей, компетентные заключения об ее обоснованности могут дать только лингвисты. Но одно положение можно считать вполне очевидным: надписи эти имеют первостепенное значение для понимания истории Бактрии в кушанский и раннесасанидский периоды.

Последние две статьи сборника являются чисто археологическими по своему содержанию. Одна из них — В. А. Мешкерис «Терракоты из Кара-тепе» — содержит публикацию шести фрагментированных статуэток, найденных еще в 1937 г. на поверхности холма Кара-тепе. Последнее снижает их ценность, поскольку сильно затрудняет не только их датировку, но и возможность интерпретации. Автор пользуется в данном случае аналогиями и стилистическим анализом, что не дает вполне надежных результатов.

Особое внимание уделяется статуэтке, трактуемой как изображение сидящего Будды с поднятой правой рукой; однако отсутствие головы и части именно правой руки заставляет относиться к предполагаемому пониманию с осторожностью. До появления более полных экземпляров или других достаточно близких терракот рассматриваемый здесь вопрос о соотношении ее с монументальными скульптурами Гандхары также вряд ли сможет быть выяснен.

Статья Б. Я. Стависского «Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.» также является прежде всего публикацией ряда интересных находок. Фрагментарность их иногда затрудняет понимание, но автор удачно привлекает многочисленные аналогии, что позволяет прийти к достаточно обоснованным суждениям о их вероятном назначении или использовании.

Безусловно заслуживает внимания попытка выявить даже на этих ограниченных материалах некоторые особенности местной художественной традиции. Вопрос этот, конечно, сложен, поскольку памятники более ранних периодов нам еще неизвестны, но постановку его следует считать своевременной. В какой мере именно раскопки Кара-тепе будут способствовать решению, покажут дальнейшие находки.

Обзор отдельных статей рассматриваемого сборника показывает, что чисто археологические результаты работ 1963—1964 гг. невелики и по своей значимости безусловно занимают второе место после эпиграфических открытий. На данном этапе именно последние составляют главную ценность Кара-тепе и могут также в известной степени считаться определяющими наиболее рациональное направление дальнейших исследований. Исторические вопросы, встающие в свете предлагаемых чтений надписей, отчасти могут быть решены и археологически. Так, например, предположение о появлении в конце III в. на месте буддийского монастыря зороастрийского святилища может и должно быть проверено именно археологически. Вне зависимости от результатов этого, важное значение приобретает детальное исследование отдельных этапов жизни изучаемых комплексов, установление последовательности различных надписей и соотношения их с этими этапами. В конечном счете чисто археологические данные могут оказаться решающими для проверки интерпретации отдельных надписей.

Особо следует отметить необходимость расширения территории раскопок с целью выяснения характера памятника в целом.

А. М. Мандельштам

Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, 329 стр.

Нет другого археологического объекта Средней Азии, получившего столь широкую известность в литературе, как Афрасиаб, городище древнего Самарканда. Это памятник юности среднеазиатской археологии и вместе с тем узловой объект для изучения проблемы древнего и средневекового города. С 1958 г. Академией наук УзбССР на городище ведутся систематические и достаточно масштабные работы. Сведения о них уже получили отражение в печати в виде целого ряда информационных сообщений, специальных статей и популярных публикаций. Однако достаточно подробное и систематическое издание полученных материалов до настоящего времени отсутствовало. Начало такому изданию положено рассматриваемым трудом.

Сборник объединяет две группы публикаций: исследования, предшествующие началу работ Афрасиабской экспедиции в 1958 г., и статьи, непосредственно посвященные итогам ее работ. К числу первых относятся статьи В. А. Шишкина «К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей» (стр. 3—121), Л. И. Альбаума «О гончарном производстве на Афрасиабе в X — XI вв.» (стр. 256—267) и практически большая часть статьи В. А. Шишкина «Кал'а и Афрасиаб» (стр. 122—136), представляющая собой как бы вступление к большому итоговому исследованию, оставшемуся незавершенным. Следует сразу сказать, что благодаря названным работам В. А. Шишкина, историографический раздел является одним из наиболее сильных в рассматриваемом сборнике. Опираясь на литературные и архивные данные, он обстоятельно рассматривает историю изучения Афрасиаба в дореволюционный и довоенный периоды. Особенно ценными являются извлечения из архивов В. Л. Вяткина (стр. 92 и сл.), причем указывается, что этот крупнейший знаток среднеазиатских древностей уже в 1929 г. поставил вопрос о наличии на Афрасиабе слоев первых веков нашей эры (стр. 98). В статье Л. И. Альбаума сообщается о раскопках в 1947 г. на Афрасиабе четырех гончарных печей. К сожалению, приведен план лишь одной из них и также ограниченно представлены находки. Так, на стр. 265 приводится описание поливного блюда с изображением птицы, но воспроизведение его не опубликовано. Было бы весьма важно издать все материалы, полученные при работах А. И. Тереножкина на Афрасиабе в 1945—1948 гг., учитывая их большое значение для истории доарабского Самарканда.

Основная часть работ рассматриваемого сборника посвящена публикации материалов, полученных в ходе работ на Афрасиабе уже после 1958 г. Общие сведения об этих работах содержатся в одной из статей В. А. Шишкина, где кратко характеризуются результаты исследований на раскопках 1—26 в 1958—1966 гг. (стр. 136—146) и в статье Я. Г. Гулямова и Ю. Ф. Бурякова «Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг.» (стр. 268—293). Публикация такой информации-хроники — вещь ценная и нужная, но ее желательно сопровождать изданием плана городища с указанием мест раскопок и квадратной сетки, по которой велись работы 1967—1968 гг. Этот пробел лишь в малой степени компенсируется планом, приложенным к статье Г. В. Шишкиной, где он составлен для специальной, ограниченной цели и не имеет всех номеров раскопов (стр. 223). В равной мере непонятно полное отсутствие иллюстраций в статье Я. Г. Гулямова и Ю. Ф. Бурякова, где следовало бы привести отдельные образцы найденных предметов и, в частности, хотя бы графическую прорисовку вновь открытой росписи (см. ее описание на стр. 283).

Шесть статей посвящены публикации материалов, полученных на отдельных раскопах. Так, Н. Б. Немцева обстоятельно характеризует результаты шурфовки городища в районе комплекса Шахи-Зинда (стр. 153—205). Здесь получены очень важные данные, характеризующие древнейшую историю Самарканда, удалось вскрыть части древних арыков, открыты остатки специализированной керамической мастерской домонгольского периода. Статья хорошо иллюстрирована разрезами и керамическими таблицами. Это относится и к статье М. И. Филанович «К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе» (стр. 206—220), в которой характеризуются результаты стратиграфического исследования центральной части Афрасиаба. Хорошее впечатление оставляет статья Г. В. Шишкиной «Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба», также удачно иллюстрированная (стр. 221—246). Здесь дается общая характеристика условий залегания соответствующих наслоений и публикуется обнаруженный материал, главным образом керамический. Интересно открытие в одном из раскопов погребения с бокалом (к сожалению, чертеж погребения не издан). Возможно, топография некрополя, если он здесь располагался, способствовала бы уточнению границ города, так как кладбища обычно находились за городскими стенами. Материалы из другого разреза изданы в статье М. А. Федорова «Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб» (стр. 247—255). На данном участке сколько-нибудь мощные слои, относящиеся ко времени до V в., отсутствовали. Судя по разрезу, к которому, правда, не приложен масштаб (стр. 248, рис. 1), стратиграфия довольно аморфна, строительные горизонты не выделяются, керамика рассматривается по условным ярусам. Интересный материал, связанный со средневековым ремеслом, описывается в статье И. Архарова «К истории керамического производства на городище Афрасиаб» (стр. 301—311). Почему-то, однако, не назван ни номер раскопа, ни квадрат, где эти работы производились, отсутствуют планы вскрытых горнов и вообще иллюстративный ма-

териал предельно минимален. То же относится и к заметке М. Д. Джуракулова и Я. К. Крикиса «Раскопки здания IX — X вв. на городище Афрасиаб», которая вообще выглядит как предварительный полевой отчет.

Наконец, две статьи сборника после 1958 г. носят специальный характер. Так, А. Р. Мухамеджанов в статье «К вопросу о водоснабжении Афрасиаба» (стр. 294—300) кратко характеризует складывающиеся у исследователя представления об орошении городища. В такой работе хотелось бы видеть более развернутую специальную собственно ирригационную аргументацию, профили и разрезы каналов, общий план Афрасиаба с намечаемой схемой оросительной сети и указанием пунктов раскопок. Т. С. Ерназарова приводит сведения о монетных находках на Афрасиабе в 1965 г. (стр. 317—328), причем из текста выясняется, что речь идет лишь о монетах, обнаруженных в здании с росписями (стр. 317), т. е. на раскопе 23 (стр. 145), да и то не обо всех — сасанидскую монету, арабский дирхем и несколько саманидских монет предполагается издать почему-то отдельно. Разумеется, Т. С. Ерназарова права, указывая, что монеты явятся важным объектом при определении даты комплекса (стр. 328), но до публикации планов и разрезов, к которым можно было бы привязать нумизматические находки, этот вопрос остается не вполне ясным.

Рассматривая сборник в целом, его следует признать ценной и нужной публикацией. Впервые за 12 лет работ Афрасиабская экспедиция приступила к публикации полученных материалов. Правда, судя по составу сборника, он собран не по территориальному или хронологическому принципу (например, древнейший Афрасиаб или работы в 1958—1960 гг. и т. п.), а по степени готовности соответствующих отчетов и статей. При дальнейшем издании трудов Афрасиабской экспедиции необходимо уделить значительно больше внимания именно публикации материалов — керамических таблиц, монет, терракот и других изделий с точным указанием мест находок. При сложности афрасиабской стратиграфии особое значение приобретает издание планов, разрезов и профилей.

Именно со сложностью Афрасиаба, как археологического объекта, связан и вопрос локализации на его территории согдийской столицы — Мараканды. В ходе систематических работ, начатых в 1958 г., выяснилось, что в целом ряде мест на городище отсутствуют сколько-нибудь мощные слои античного времени, что возродило сомнения в правильности, казалось бы, общепризнанной идентификации Афрасиаб — Мараканда. Крайним выражением подобного скептицизма явились работы М. К. Пачоса [1]. Сам В. А. Шишкин более осторожно писал о выводах из сделанных наблюдений. По его мнению, отсутствие на большей части Афрасиаба мощных слоев свидетельствует либо о том, что древний город был небольшим по площади, а вокруг него располагались отдельные строения, либо о том, что часть слоев уничтожена в раннем средневековье [2]. Действительно, в рецензируемом сборнике приводится описание случая, когда на материковом лёссе располагались слои IX — XII вв. и донная часть ямы с кубками явно античного облика (стр. 239). Поэтому приходится считаться с тем, что в ряде случаев более древние слои нарушались и прямо уничтожались. Однако было бы несколько необычно, если бы это носило повсеместный характер. Мы знаем другой достаточно крупный городской организм, жизнь на котором продолжалась и после арабского завоевания — мервскую Гяур-Калу. Однако достаточно мощные наслоения парфянского и более раннего периодов там отнюдь не исчезли.

Накопленные археологические данные о древнейшем поселении на территории Афрасиаба удачно суммированы Г. В. Шишкиной в рассмотренной выше статье и в ряде других работ [3]. Слои середины I тысячелетия до н. э. обнаружены на территории Афрасиаба в целом ряде мест, охватывая площадь в несколько гектар (стр. 148), правда, по опубликованным в сборнике данным, без строительных остатков. А. И. Тереножкин упоминает о наличии сырцовых и глинобитных строений [4]. Обращает на себя внимание неоправданный разнобой в определении возраста этих древнейших наслоений Афрасиаба. Это, и V—IV вв. до н. э. (к статье Н. Б. Немцевой) и VI—IV вв. до н. э. и даже VII—IV вв. до н. э. (обе даты в статьях М. И. Филанович и Я. Г. Гулямова, Ю. Ф. Бурякова). Учитывая, что пока эта хронология опирается главным образом на внеафрасиабские комплексы и прежде всего на колонку Яз-депе, следует сказать, что изданные керамические материалы не выходят за рамки Яз III. Сколько-нибудь массовых находок венчиков крючкообразного профиля — ведущей формы Яз II — на Афрасиабе пока нет. Поэтому в настоящее время едва ли есть основания говорить применительно к Афрасиабу о VII в. до н. э., и дата V—IV вв. до н. э., вероятно, будет наиболее осторожной. Достаточно обильный и разнообразный материал послеахеменидского периода как добытый экспедицией, так и ранее известный позволяет говорить о существовании в этот период на территории

---

[1] М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966, стр. 15—16; его же. К изучению стен Афрасиаба. СА, 1967, 1.

[2] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. ИМКУ, 4. Ташкент, 1963, стр. 16.

[3] Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, 1; ее же. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1969.

[4] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155.

Афрасиаба крупного центра, скорее всего именно согдийской столицы. Очень важно для исторической географии составление археологической карты Согда III в. до н. э.—IV в. н. э. (о некоторых памятниках см. стр. 238). Следует надеяться, что дальнейшие целевые исследования на Афрасиабе и в Самаркандской области существенно увеличат материалы о древней культуре Согда и его столицы, а новые выпуски «Афрасиабов» своевременно и обстоятельно документированно введут их в научный оборот.

В. М. Массон

Э. В. Сайко. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969, 186 стр.

Рецензируемая работа состоит из двух глав, введения, заключения и обширного приложения результатов полуколичественного спектрального анализа глазурей XII—XV вв. из различных районов Средней Азии. Э. В. Сайко ставит перед собой в основном четыре задачи: 1) характеристика основных типов керамических изделий XII—XV вв.; 2) характеристика техники и технологии производства глазурованной керамики XII—XV вв.; 3) характеристика некоторых сторон керамического производства по материалам письменных источников; 4) место рассматриваемого периода в историческом развитии керамического ремесла в Средней Азии.

В основу работы Э. В. Сайко положен принцип истолкования результатов применения различных методов естественных наук (спектральный, химический, микроскопический и другие виды анализов) в сочетании с привлечением обширных литературных данных и археологическим материалом.

Несомненно, что использование методов естественных наук является прогрессом в области технологии производства керамики и в то же время позволяет, благодаря строгости этих методов, нарисовать более объективную картину при выяснении отдельных моментов: различие, сходство, источники сырья, технологические особенности и т. д. Вполне естественно, что визуальные наблюдения над керамикой значительно уступают в точности разделения ее на группы или категории техническим методам. При всей своей правильности они имеют много черт субъективно-интуитивного подхода к материалу. Однако такой принцип не только не может быть полностью устранен, но его необходимо использовать в сочетании с методами естественных наук, что и делает Э. В. Сайко.

Первая глава рецензируемой работы посвящена типологической и технологической характеристике глазурованной керамики Средней Азии XII—XV вв. и делится в свою очередь на ряд разделов, в которых автор подробно рассматривает отличительные особенности некоторых видов керамических изделий отдельных районов в хронологической последовательности. Во вступительном разделе этой главы дается беглый обзор глазурованной керамики на Ближнем Востоке и в Средней Азии и отмечается появление новых голубых щелочных глазурей, использование «высококремнистой основы» и перечисляется ряд технических и технологических особенностей, связанных с ее производством.

Затем идет подробный разбор керамики по этапам, открывает который глазурованная керамика XII в. из Самарканда и других районов. Для Самарканда Э. В. Сайко выделяет четыре типа свинцовых глазурей, справедливо отмечая, что в основе своей эта керамика продолжает традиции более раннего времени наряду с появлением некоторых новых типов и технологических приемов. Подобная же картина наблюдается и на материалах из Магиана, где также преобладают свинцовые глазури. Для Магиана характерны шесть типов изделий, но при классификации их Э. В. Сайко объединяет некоторые технологические и типологические, технические и стилистические признаки. Все это приводит к усложнению и некоторой неточности изложения, хотя на предыдущей странице для самаркандской керамики были выделены четыре типа свинцовых глазурей по процентному содержанию свинца. Так как для керамических изделий Магиана господствующими являются также свинцовые глазури, а «новые изделия представлены всего двумя фрагментами» (стр. 27), то можно было использовать предложенный самим автором принцип классификации по процентному содержанию того же свинца в глазурях. Это значительно упростило бы и описание и восприятие текста. Вообще для данного раздела характерно смешение типологии и технологических приемов при разделении материала на группы. Наиболее ярко это выразилось при использовании данных, приведенных в работах М. Е. Массона и Н. Н. Вактурской. Создается впечатление, что Э. В. Сайко привлекает материалы из Нисы, Мерва, Хорезма только для того, чтобы подкрепить вывод о том, что «конец XII — начало XIII в. является для Средней Азии временем утверждения новых технологических приемов щелочных лазурей, высококремнеземистой основы, временем широкого распространения глухих голубых глазурей и зелено-голубых глазурей, совершенно неизвестных до сих пор прозрачных чисто голубых...», продолжающих линию развития «...изделий со свинцовой прозрачной или окрашенной глазурью...» (стр. 30). Этот правильный и очень интересный вывод Э. В. Сайко наиболее полно обосновала только в дальнейшем, на новых керамических изделиях в сочетании с новой голубой глазурью, представляющей «совершенно новый вид керамики».

Рассматривая данные изделия, Э. В. Сайко приходит к интересному выводу, что для XII — начала XIII в. «мы не можем говорить, на наш взгляд, об упадке керамического ремесла, в частности производства глазурованной керамики» (стр. 39). Здесь, вероятно, надо учитывать, что поиски новых технологических приемов и техники производства могут создать впечатление кажущегося упадка.

Наиболее интересен раздел, в котором рассматривается глазурованная керамика XIII—XIV вв. На обширном материале Э. В. Сайко показывает дальнейшее развитие и затем полное преобладание «стекловидных щелочных глазурей в бытовой керамике и широкое использование их в архитектуре». С помощью спектрального, химического и других методов, в частности широкого использования шлифов глазурей, четко выделяются технологические особенности внутри различных групп керамики как отдельных комплексов, так и различия по центрам производства. Так, по изменениям микротвердости глазурей хорезмийской керамики автор приходит к интересным выводам о наличии различных рецептур и определенных технических приемах, соответствующих конкретному типу изделий. Все это свидетельствует о том, что в это время ремесленники полностью освоили новые методы изготовления керамических изделий и не только освоили, но и, творчески подходя к поискам дальнейшего совершенствования, сделали ряд «технологических находок», что свидетельствует о высоком уровне мастерства. Остается только пожалеть, что Э. В. Сайко не полностью использовала те данные естественных наук, которые позволили прийти ей к этим выводам. Так, совершенно верно беря за основу различий глазурей наличие или отсутствие редких элементов (Co, Mo, Zi), Э. В. Сайко не сопоставляет между собой результаты анализов различных памятников, хотя такое сопоставление только бы еще раз подкрепило ее выводы. Несколько вольно обращение при описании наблюдений, сделанных на прозрачных шлифах: нет стандартного приема описаний. Это приводит к таким определениям: «Масса глазури довольно хорошего провара, хотя очень часто просматриваются зерна непроваренного кварца, много пузырей» (стр. 60). Нет четкого определения характеристики и причин, вызывающих данные явления. Работами ряда исследователей (Blakeley A. M., Plaff A.) установлено, что основная масса пузырей выделяется при 1025°, хотя какая-то незначительная часть их остается еще и при 1150°. Кварц растворяется при 1070°. Таким образом, можно было на материалах Э. В. Сайко сделать более конкретные выводы относительно техники и технологических приемов изготовления керамических изделий XIII—XIV вв. Подобные замечания можно было бы привести и относительно вопроса о зависимости размера зерен и способности к глазурованию. Вместе с тем указанные недочеты нисколько не противоречат выводам Э. В. Сайко. Более подробное исследование некоторых закономерностей поведения глазурей, как то: функциональная зависимость между глазурью и основой, между основой и промежуточным слоем и ряд других,— только усилили бы ее выводы.

Заканчивается глава разделом, в котором подробно разбирается керамика XV в. Основываясь на своих наблюдениях и используя данные других исследователей (Н. С. Гражданкина, Т. Н. Томаев, Г. А. Пугаченкова), Э. В. Сайко выделяет ряд специфических черт орнаментации (стр. 76), новые технологические особенности. Не ставя целью глубокий сравнительный анализ глазурей бытовой и строительной керамики, она вместе с тем отмечает некоторые характерные особенности и той и другой, видя в них единую линию развития силикатного производства Средней Азии в XII—XV вв.

Вторая глава посвящена вопросам технологии производства глазурованной керамики XII—XV вв. В ней главным образом использованы в переводах письменные источники: Бируни («Собрание сведений для познания драгоценностей»), ар-Рази («Книга тайны тайн»), Ибн-Сина («Каноны врачебной науки» и «Керамический трактат 1301 г.»). Используя все перечисленные источники и привлекая последние работы в этой области, Э. В. Сайко нарисовала развернутую картину сложного и высокоспециализированного керамического ремесла эпохи средневековья в Средней Азии. Каждому из двенадцати компонентов, названных автором трактата необходимыми составными частями глазурей, отводится специальный раздел. В этих разделах Э. В. Сайко подробно останавливается на свойствах каждого компонента с учетом технологии производства и влияния их на качество глазурей. Наиболее подробно освещен вопрос о свойствах и особенностях кобальта. В качестве сырья использовался кобальтин, глаукодот, марганцево-кобальтовые руды. Остальные разделы посвящены технологии производства люстровых изделий, изделий «минаи» и их обжигу.

Книга Э. В. Сайко вводит в научный оборот новый археологический материал. Подробный разбор технологических приемов, применение новых видов глазурей, употребление нового сырья бесспорно свидетельствуют о большом разнообразии в керамическом ремесле XII—XV вв., о широких экономических связях и глубокой дифференциации мастеров-ремесленников. Материалы, изложенные в книге, свидетельствуют о том, что Средняя Азия в рассматриваемую эпоху была крупнейшим очагом керамического производства.

Б. Н. Пяткин

Общественные науки в Узбекистане. 8—9. Ташкент, 1969.

В рамках мероприятий ЮНЕСКО в 1968 г. в Душанбе был проведен Международный симпозиум по кушанской проблеме, а в 1969 г. в Ташкенте — симпозиум, посвященный изучению искусства Средней Азии эпохи Тимуридов. Рецензируемый сборник подготовлен в связи с этим последним симпозиумом.

Сборник открывается обобщающей статьей И. М. Муминова «Об исторических условиях развития искусства Средней Азии». «Основным историческим условием развития искусства народов Средней Азии XIV—XV вв.,— пишет автор,— была политическая консолидация ее на феодальной основе» (стр. 3). Это бесспорно так, но несомненно и то, что именно для развития искусства большое значение имела не только консолидация государства в пределах Средней Азии, но и образование громадной империи Тимура. Как известно, замечательные достижения в тимуридское время в области архитектуры (и не только архитектуры) во многом являются результатом труда строителей и художников — выходцев из стран, завоеванных Тимуром.

Автор справедливо отмечает большое развитие в тимуридскую эпоху наряду с внутренним обменом торговли Мавераннахра со странами Востока и Запада и добавляет, что «всемирно известный „шелковый" торговый путь имел немаловажное значение в развитии производительных сил Средней Азии» (стр. 3). К эпохе Тимуридов термин «шелковый» путь едва ли применим.

Автор специально отмечает, что многие отрасли современного искусства обязаны традиции, восходящей к XIV—XV вв., выделяя в особенности музыку, различные виды народного сценического и циркового искусства.

Специально искусствоведческий характер имеет статья Л. И. Рempеля «Эстетические основы искусства Тимуридов». Здесь дается анализ миниатюрной живописи — одного из наиболее ярких цветков в художественном наследии эпохи. Не вдаваясь в оценку искусствоведческих дефиниций, данных автором памятникам миниатюры, мы можем только заметить явно преувеличенную «иссламоборческую» направленность, якобы присущую изобразительному искусству того времени. Читатели едва ли согласятся с такой тирадой: «Изобразительное искусство являло собой самый сокрушительный удар (разрядка здесь и ниже наша) по религиозным догмам, какой только был доступен искусству, подобно тому, как древние греки разрушали богов искусством ваятеля «молотком Гефеста». Так и средневековый художник, утверждая человеческие образы и чувства, сокрушал богословские учения» (стр. 18).

Статья Г. А. Пугаченковой посвящена трем, впервые ею обследованным (в течение одного дня) позднетимуридским архитектурным памятникам близ Герата. Этот пример показывает, как много нового ждет исследователя на территории Северного Афганистана. В этой связи интересно, что недавно американская исследовательница Lisa Golombek [1] опубликовала совершенно неизвестный замечательный архитектурный памятник аббасидского времени, открытый ею в Балхе и представляющий исключительно большой интерес для истории раннесредневекового зодчества Средней Азии.

В статье «Малоизвестный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда» Н. Б. Немцева затрагивает малоизученный вопрос о появлении и архитектурном развитии погребальных склепов в мавзолеях. Такие склепы до Тимуридской эпохи в Средней Азии не были известны.

В среднеазиатской нумизматике особое место занимают находки кладов фальшивых монет. Несмотря на опасность, грозившую фальшивомонетчикам, этим делом, видимо, занимались и при грозном Тимуре и при его приемниках. Обстоятельному исследованию такого клада фальшивых монет, найденного в 1965 г. в Ташкенте, посвящена статья М. Е. Массона «К истории монетного чекана Средней Азии периода правления Тимура и Халил Султана». По мнению М. Е. Массона, «весь клад представляет собой образцы нереализованного „брака" и что фальшивомонетчик „работал", видимо, несколько более 20 лет. М. Е. Массон считает, что фальшивомонетчик «был незаурядным мастером своего дела, должно быть работавшим на государственном монетном дворе» (стр. 63).

Две статьи посвящены музыкальной культуре Тимуридской эпохи. В статье И. Ражабова «Уникальный источник по музыке» (на узбекском языке) анализируется сочинение автора XV в. ал-Хусейни о теории и практике музыкального искусства. Т. С. Вызго в статье «Музыкальные инструменты и их отражение в миниатюрах рукописей XIV — начала XVI в.» характеризует три распространенных музыкальных инструмента — лютню, арфу и гижак. Гижак (вид смычкового инструмента), как полагают некоторые исследователи, был изобретен в Средней Азии, с чем согласен и автор статьи.

Во втором разделе сборника «Научные сообщения» помещены восемь заметок, в которых публикуются главным образом новые археологические материалы. В трех из них характеризуются новые находки художественной керамики тимуридского времени: в заметке И. Архарова — с известного городища Ахсикета, Д. Вархатовой — из находок при строительстве в Ташкенте, С. Б. Луниной — из новых сборов в Южной

[1] Lisa Golombek. Abbasid Mosque at Balkh. Oriental Art, 1969, New ser., XV, 3, стр. 173—189.

Туркмении. Исключительно редкая находка сделана в Самарканде на Регистане при рытье котлована под новое здание. В слое XIV—XV вв. была обнаружена металлургическая печь с более чем 60 бронзовыми изделиями на разных стадиях обработки. Предварительное описание этих вещей дано в заметке Ю. Ф. Бурякова.

Две заметки посвящены недавно найденным кладам монет. Одна из них, написанная Э. В. Ратвелидзе, сообщает о кладе монет Тимура и Халил Султана, найденном в 1968 г. недалеко от Термеза; другая — М. Н. Федорова — о кладе монет Улугбека, найденном в 1967 г. у дороги, связывающей Самарканд с аэродромом. Г. Маньковская публикует редкое в Средней Азии деревянное надгробие, открытое в горном кишлаке Бешир района Шахрисябза. Надгробие с орнаментированным интересным резным карнизом и такими же боковыми панно. Датируется XIV—XV вв. Неясно лишь, почему надгробие названо «кенотафом»?

Заканчивается раздел заметкой П. Г. Булгакова «К биографии Улугбека». Автор публикует краткую запись на полях древней рукописи о бегстве из Самарканда Улугбека от мятежного его сына Абдаллатифа с указанием точной даты, в переводе на современное летоисчисление — 17 октября 1449 г., т. е. за 8 дней до его убийства. Как полагает автор, запись сделана современником этого трагического события.

Последний раздел сборника «Критика и библиография» целиком занят библиографическим указателем советской литературы по истории, культуре и искусству времени Тимуридов, составленной Б. В. Луниным. Указатель разбит на ряд тематических разделов. Он занимает более 40 страниц и свидетельствует о большом размахе исследовательских работ советских ученых по эпохе Тимуридов.

Сборник содержит ценные исследования и материалы по истории культуры Средней Азии XIV—XV вв.

А. М. Беленицкий

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗДАНИЯХ АН КИРГИЗСКОЙ ССР С 1957 ПО 1967 ГГ.

За годы советской власти на территории Киргизии собран богатый археологический материал, открыты и исследованы многочисленные древние памятники [1]. Результаты исследований крупных экспедиций, работавших в республике, позволили наметить основные этапы в древнейшей истории Киргизстана.[2]. После образования АН Киргизской ССР было организовано несколько новых экспедиций. Особенно широкий размах эти работы приобрели в последние годы. Итоги исследований нашли отражение в ряде публикаций, изданных как в центре, так и в самой Киргизии. Настоящая статья является обзором археологической литературы, опубликованной во Фрунзе с 1957 по 1967 гг. Обзор дается в хронологической последовательности, начиная с эпохи палеолита, кончая средневековьем, а также включает в себя работы, затрагивающие вопросы первобытного искусства и эпиграфики.

Большой научный интерес представляют находки памятников палеолитической эпохи [3]. На территории Южной Ферганы, между Ферганской котловиной и Туркестанским хребтом в последние годы открыто несколько новых палеолитических местонахождений. Геоморфологический анализ этого района и привязка археологических памятников к геологическим комплексам позволяют наметить их хронологическую периодизацию [4]. Наиболее древние нижнепалеолитические находки из района Уч-Курган, представленные шельским рубилом и чоппингами, приурочиваются к ташкентскому комплексу. Находки чоппингов дают право включать эти памятники в круг культур соанского типа. Широко представлена в Южной Фергане эпоха мустье. Памятники этого времени отмечены по берегам рек Шахимардан-сай, Ходжа-гаир, близ озера Карам-Куль. Среди находок дисковидные нуклеусы, скребловидные инструменты, пластины, отщепы. В целом, как отмечают исследователи, мустьерская культура этого района отличается леваллуа-мустьерским обликом, близким переднеазиатскому мустье. Зафиксированы и отдельные находки памятников верхнепалеолитического времени у г. Нейза-Таш, Аирбаза, на Капчигае. Эти местонахождения относятся к голодностепскому комплексу. На территории Южной Ферганы у с. Охна, Кадамжай, Хайдархан, открыты пещеры со следами обитания в них древнего чело-

---

[1] П. И. Кожемяко. Археологическое изучение Киргизии за 40 лет. Материалы объединенной научной сессии, посвященной 40-летию Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966.

[2] История Киргизской ССР, I, Фрунзе, 1968.

[3] М. Юнусалиев. Изучение каменного века в Киргизии. ИАН КиргССР, 4, 1967.

[4] В. А. Ранов, С. А. Несмеянов, П. Т. Конопля. Палеолитические местонахождения в Южной Фергане. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967.

века [5]. При шурфовке пещер найдены каменные орудия, относимые исследователями к палеолитическому времени. Палеолитические местонахождения северных областей до сих пор почти неизвестны.

Неолитическая эпоха в Киргизии изучена слабо, хотя памятники этого времени открыты во многих районах республики. Одни из них обнаруживают сходство с памятниками кельтеминарского типа, другие связываются с так называемой гиссарской культурой, широко распространенной в горных областях Средней Азии. Характерной чертой каменной индустрии гиссарской культуры является использование для изготовления орудий речных галек. Подобные изделия обнаружены в Киргизии в Алайской долине в районе Дараут-Кургана [6]. Здесь были встречены грубые отщепы со следами галечной корки на спинке, скребла, рабочее лезвие которых оформлено крупной ретушью, и другие орудия из галек, отличающиеся небрежностью обработки. Они близки материалам гиссарской культуры Таджикистана, где каменные орудия найдены вместе с древней керамикой, зернотерками, пестами. Так же как и в Таджикистане, здесь наряду с грубыми галечными орудиями встречаются тонкие пластины, сколотые с призматических нуклеусов. Памятники гиссарской культуры датируются приблизительно IX—VIII тыс. до. н. э.

Эпоха бронзы на территории Киргизии представлена памятниками андроновской культуры. Погребения этого времени открыты в 1956—1957 гг. Таласским археологическим отрядом в Кетметь-Тюбе и Таласской долине [7]. В Таласе андроновские погребения зафиксированы в трех пунктах: Беш-Таш, Таш-Тюбе, Таш-Башат. На поверхности захоронения отмечены каменными оградками, часто расположенными параллельными рядами. Во внутренней конструкции могильных сооружений прослеживаются три варианта: могильные ямы с глинобитными стенками, ямы, облицованные каменными плитами, и грунтовые ямы, стены которых обмазаны глиной с примесью соломы. В погребальном обряде наряду с трупосожжением встречено и трупоположение. П. И. Кожемяко относит погребения с трупосожжением к более раннему времени, чем погребения с трупоположением. Из погребального инвентаря, кроме керамики, можно отметить находки бронзовых колец, браслетов с несомкнутыми концами, серег с раструбом. Аналогичные погребения обнаружены в Кетмень-Тюбе в могильнике Каракмат. В Киргизии известно несколько кладов предметов эпохи бронзы. Один из них Иссык-Кульский, состоящий из четырех предметов: вислообушного топора с гребнем, серпа, лавролистового втульчатого копья и орудия, которое условно названо секирой,— изучен и датирован Е. Е. Кузьминой [8]. Основываясь на данных типологического анализа, привлекая аналогии, анализируя технику изготовления вещей, Е. Е. Кузьмина указывает на одновременность клада и датирует его позднеандроновским временем.

Андроновские памятники Киргизии отличаются рядом своеобразных черт. Господствующим обрядом погребения здесь является трупосожжение, стенки некоторых могил обмазаны глиной, в погребальном инвентаре часто находится грубая неорнаментированная керамика и т. д. Эти отличия дают возможность выделить памятники Киргизии в особый семиреченский вариант андроновской культуры [9].

Значительное число работ посвящено эпохе ранних кочевников. Письменные источники дают лишь отрывочные сведения о древнем кочевом населении Киргизстана, поэтому особое значение для решения вопросов становления и развития кочевнического хозяйства приобретают археологические материалы. Могильники, именуемые усуньскими, исследованы в Таласской долине [10]. Курганы в могильниках отличаются друг от друга конструкциями насыпей и по внешнему виду делятся на три группы. Первые имеют невысокую каменную насыпь с концентрическими кругами в основании, выложенными из камней. Вторые — с высокой земляной насыпью, склоны которой обложены крупными камнями; на уровне дневной поверхности под насыпью часто выкладывался круг. Насыпи третьих курганов имеют каменные оградки. Внутренняя конструкция могил представляет собой грунтовую яму с небольшой нишей в стене, перекрытую каменными плитами или деревянными плахами. Курганы в могильниках обычно расположены цепочкой. Ориентировка костяков, расположение могильных ям, инвентарь в курганах одинаковы. Датируются могильники

---

[5] П. Г. Конопля. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук. I, 1 (история), 1959.

[6] В. А. Ранов. Находки каменного века в Алайской долине. Тр. ИИ АН Кирг.ССР, IV, Фрунзе, 1958.

[7] П. И. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, II, 3 (история), 1960.

[8] Е. Е. Кузьмина. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада). ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, III, 3 (история), 1961.

[9] М. П. Грязнов. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. Сб. «Проблемы археологии Средней Азии», Л., 1968, Е. Е. Кузьмина. Культура пастушеских племен Средней Азии в эпоху развитой бронзы. Там же.

[10] А. К. Абетсков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. В сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

приблизительно II в. н. э. Исследовались усуньские памятники и в Чуйской долине, где открыто четыре могильника [11]. Характерной особенностью этих погребальных сооружений являются захоронения в подбоях. Многие курганы ограблены еще в древности, поэтому найденный инвентарь маловыразителен.

На территории Киргизии широко распространены курганные могильники с погребениями в катакомбах и подбоях. Покойники обычно лежат на спине, на дне камеры — в деревянном гробу, либо на подстилке из досок или камыша. В настоящее время вопрос о происхождении этих памятников, их культурной и хронологической принадлежности остается во многом неясным. Судя по археологическим материалам, они появляются и широко распространяются в разных районах Киргизии внезапно. Их связывает ряд общих признаков в устройстве могил, ритуале погребения, в составе и характере погребального инвентаря. Раскопкам катакомбных курганов в Таласской долине посвящена статья И. Кожомбердиева [12]. Автор продолжил работы на Кенкольском могильнике, а также в шести других могильниках, расположенных в долине р. Талас. Захоронения совершались как в овальных катакомбах со сводчатым перекрытием, так и в прямоугольных с коробковым сводом. Камера располагалась перпендикулярно дромосу. В могильнике Таш-Тюбе под насыпью одного из курганов обнаружены два параллельных дромоса с двумя катакомбами. В статье дается полное описание погребального инвентаря, характер которого позволяет говорить об имущественном неравенстве погребенных. Близок Таласским памятникам по конструкции могильных сооружений и обряду погребений могильник Акчий-Карасу в Кетмень-Тюбе [13]. В погребениях обнаружен богатый инвентарь, говорящий о различных сторонах материальной культуры населения, оставившего этот могильник. Особенно много курганов с подбойно-катакомбными захоронениями раскопано в Южной Киргизии. В этом районе наряду с захоронениями в катакомбах и групповых могилах часто встречаются погребения в подбоях.

Ю. А. Заднепровский классифицировал подбойно-катакомбные памятники юга Ошской области [14], положив в основу классификации географическое положение могильников. Автор выделил пять районов, памятники которых представляют собой локальные варианты одной культуры. Для каждой компактной группы, по его мнению, характерно своеобразие в деталях могильных сооружений, обряде погребения, инвентаре. Ю. А. Заднепровский связывает появление подбойно-катакомбной культуры с массовым проникновением пришлого населения. Исследованию могильников Баткенского района Ошской области посвящена работа Ю. А. Баруздина [15]. Раскопки производились в могильниках Тура-Таш, Кок-Таш, Карабель. Характерной особенностью могильников является большое число захоронений в подбоях. Анализируя инвентарь катакомбных и подбойных погребений, автор приходит к выводу о хронологической близости этих комплексов. В этом же районе расположен Кара-Булакский могильник, получивший широкую известность, благодаря отличной сохранности инвентаря [16]. Могильник насчитывает около 900 курганов (раскопано 136). Захоронения совершались в подбоях, катакомбах, грунтовых ямах. Встречены одиночные и коллективные погребения. Сопровождающий инвентарь состоит из керамики, изделий из бронзы и железа, украшений. Особый интерес представляют уникальные предметы, изготовленные из дерева. Среди них посуда, лук, веретена, плетеные корзиночки и др. Многочисленность курганов в могильниках (Тура-Таш — 1500, Кок-Таш — 900), по мнению Ю. А. Баруздина, дает возможность говорить о полуоседлом образе жизни населения, оставившего эти памятники. Об этом же свидетельствует расположение могильников в непосредственной близости от поселений и находки в них керамики, идентичной керамическому материалу поселений. Ю. А. Баруздин приписывает эти могильники местному населению, среди которого, возможно, были группы пришлых племен. Хорошо датированных предметов в могильниках найдено немного, поэтому большое значение приобретает изучение бронзовых зеркал, среди которых Ю. А. Баруздин выделяет пять типов, распространенных как на территории Средней Азии, так и за ее пределами. Автор датирует основную массу курганов II—V вв. н. э., при этом отмечает отдельные погребения в могильниках, относящиеся ко II — I вв. до н. э.

Антропологические исследования черепов из погребений ранних кочевников говорят о том, что в усуньское время основным антропологическим типом на терри-

---

[11] А. К. Абетеков. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967.

[12] И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

[13] И. Кожомбердиев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. ИАН Кирг. ССР, сер. обществ. наук, II, 3.

[14] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.

[15] Ю. А. Баруздин. Памятники кочевников рубежа и первых веков н. э. в кн. «Археологические памятники Баткена и Ляйляка». Фрунзе, 1962.

[16] Ю. А. Баруздин. Кара-Булакский могильник. ТрИИ АН Кирг.ССР, III, 1957; его же. Кара-Булакский могильник. ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, III, 3.

рии Киргизии является андроновский [17]. В то же время отмечаются черты перехода этого типа в тип азиатского междуречья. Появляются черты слабо выраженной монголоидности. Еще отчетливее следы монголоидности прослеживаются у населения, оставившего курганы с погребениями в подбоях и катакомбах, где встречены черепа с искусственной деформацией, удлиняющей форму головы.

Значительное число статей, вышедших в изданиях АН Киргизской ССР, посвящено вопросам исследования памятников оседлоземледельческих культур. Их изучение позволит решить ряд вопросов, связанных с возникновением и развитием оседлой жизни в Киргизии, взаимоотношений оседлоземледельческих поселений с кочевническим миром.

Земледельческие поселения античного времени на юге Киргизии изучены и опубликованы Ю. А. Заднепровским [18]. Работы на городищах Шурабашат, Кара-Дарьинском, Дун-Булак дали возможность уточнить схему периодизации истории древней Ферганы и выделить в ней новый шурабашатский период. Памятники с характерной шурабашатской керамикой сосредоточены в восточной Фергане в районе Кара-Дарьи и представляют собой укрепленные поселения с оборонительными стенами и обособленной цитаделью. Шурабашатское городище, площадь которого 70 *га*, по-видимому, было центром земледельческого оазиса [19]. В результате раскопок получен богатый керамический материал. Расцвет жизни на поселении, по мнению автора, приходится на III — I вв. до н. э. Следующий период истории Ферганы представлен мархамадской культурой, характерной чертой которой является повсеместное распространение красноангобированной керамики. Процесс запустения городищ, как полагает Ю. А. Заднепровский, происходит в III — V вв. н. э. Следует отметить, что абсолютная хронология памятников древней Ферганы в значительной мере остается предметом дискуссий [20].

Несколько работ посвящено памятникам кочевников тюркского времени [21]. Курганы этого периода, расположенные вблизи или среди могильников ранних кочевников, раскопаны в Таласской и Чуйской долинах. Установлено большое разнообразие в устройстве погребений и погребальном обряде, что объясняется хронологической разновременностью курганов, а также этнической неоднородностью погребенных. Как в Таласе, так и в Чуйской долине обнаружены характерные для этого времени погребения с конем.

Новую классификацию специфических тюркских памятников — каменных изваяний предложил Я. А. Шер [22]. На основе иконографических признаков исследователь разделяет все изваяния на несколько групп, каждая из которых имеет, по мнению автора, определенный семантический смысл. В работе, специально посвященной древнетюркской скульптуре, Я. А. Шер уточнил предложенную им классификацию, объединив с помощью статистических методов группы изваяний в два типа памятников, выявив тем самым две линии в развитии тюркской скульптуры [23].

Несомненный интерес представляют и находки новых памятников эпиграфики [24]. На территории Киргизии в Таласской долине к настоящему времени известно 10 памятников древнетюркской письменности. Надписи обычно высечены на одной стороне валуна и состоят из нескольких строк. Все надписи, имеющие в основном посвятительный характер, прочтены и переведены [25]. Кроме надписей на камнях, письмена обнаружены и на бытовых предметах. Так, на городище Ак-Тепе в Баткинском районе Ферганы найден венчик хума с надписью [26].

Большое значение имеет открытие на Ак-Бешимском городище буддийского храма, датируемого VI—VII вв. н. э. [27]. В ходе его раскопок получен ценный материал по строительной технике, архитектуре, скульптуре. Открытие двух буддийских хра-

[17] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, II, 3.

[18] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.

[19] Ю. А. Заднепровский. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. Тр. ИИ АН Кирг. ССР, V, 1959.

[20] Н. Г. Горбунова. О датировке ферганской керамики с красным ангобом. Сб. «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968; Б. А. Литвинский. Рец.: Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. СА, 1965, 4.

[21] Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины».

[22] Я. А. Шер. Иконография древнетюркских изваяний. ИАН Кирг.ССР, Сер. обществ. наук, V, 1 (история), 1963.

[23] Его же. Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966.

[24] Д. Ф. Винник, П. И. Кожемяко. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртам-ой. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии» (1961), Фрунзе, 1962; Д. Ф. Винник. Новые эпиграфические находки в Таласской долине. Сб. «Археологические памятники Таласской долины».

[25] И. А. Братманов. Новые тексты. Сб. «Новые эпиграфические находки в Киргизии» (1961); Г. Джуморгулов. Второй Таласский памятник. Там же.

[26] Ю. А. Баруздин. Новые находки на юге Киргизии. Там же.

[27] Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

мов на городище говорит о значительной роли буддизма в жизни местного населения.

Множество работ посвящено вопросам исторической топографии, планировки, фортификации средневековых поселений, начало изучения которых в Семиречье было положено еще В. В. Бартольдом. Результатом работ в Чуйской долине явилось обобщающая монография П. И. Кожемяко [28]. В книге опубликованы сведения и планы нескольких десятков ранее неизвестных городищ. По топографическим признакам они делятся на несколько групп. Первую составляют крупные городища, окруженные одним или двумя поясами длинных стен. На них выделяются центральные развалины с цитаделью. Вокруг расположены остатки небольших сооружений. На обширных территориях между первым и вторым длинными валами следов застройки не обнаружено. Возможно, здесь располагались земельные угодья, принадлежавшие горожанам. Значительные работы проводились на одном из самых крупных городищ этой группы — Краснореченском [29]. В одном из помещений обнаружена уникальная терракотовая плита с рельефным изображением льва, стены другого помещения были украшены фигурной резьбой. Ко второй группе относятся мелкие поселения и укрепления. Одни из них находятся рядом с городищами, окруженными длинными стенами, другие — при выходе крупных ущелий в долину. Первые играли роль форпостов крупных ремесленно-торговых центров, вторые, по мнению П. И. Кожемяко, служили укреплениями при охране скота. Часто культурный слой этих поселений незначителен.

Особого расцвета города Чуйской долины достигли в X—XII вв. в эпоху царства караханидов. Жизнь на городищах прекратилась после XIII в. в связи с монгольским нашествием. П. И. Кожемяко считает, что определенную роль в развитии Чуйских городищ сыграла согдийская колонизация. В Таласской долине исследованы десятки городищ [30]. Исследователи отмечают сходство топографической структуры Таласских и Чуйских городищ. Следует отметить, что по изученности средневековые памятники Северной Киргизии стоят на одном из первых мест в Средней Азии.

Древние разработки рудных месторождений Таласса изучены М. А. Бубновой [31]. В горных хребтах, ограничивающих долину с востока, зарегистрировано 78 пунктов выработок и плавок руды. На археологических материалах автор прослеживает процесс добычи руды, ее обогащения и плавления. Рудные месторождения Шельджи разрабатывались, видимо, начиная с эпохи бронзы, но наиболее интенсивно работы велись здесь в IX—XII вв. н. э. Автор приводит описание и карту расположения древних выработок, мест плавления и металлургических центров.

Находки на городищах Таласса плавильных печей и производственных шлаков позволяют говорить о развитии металлургического ремесла в средневековой Шельджи [32]. Письменные источники также говорят о Таласской долине, как об одном из крупных центров добычи серебра в эпоху средневековья.

Исследованием оседлоземледельческих поселений Южной Ферганы занималась Г. А. Брыкина. Она опубликовала материалы по изучению поселений с первых веков по XVI вв. н. э. Среди них наиболее полно представлены памятники раннего средневековья [33].

Своеобразным памятником археологии Киргизии являются древности Иссык-Куля, давно привлекавшие внимание ученых. Археологическая карта и полное описание отдельных находок и памятников были составлены еще в 30-х годах П. И. Ивановым [34]. В последнее время большие работы проводились здесь Д. Ф. Винником [35]. В этом районе обнаружены материалы, относящиеся к разным периодам истории Киргизии, но основная масса их принадлежит эпохе средневековья [36]. Большое влия-

---

[28] П. И. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1960; его же. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины. Тр. ИИ АН Кирг.ССР, IV, 1958.

[29] П. И. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана».

[30] П. И. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины»; М. А. Бубнова. Раннесредневековое поселение Ак-Тобе у Орловки. Там же; А. И. Бернштам. Городище Садыр-Курган (Извлечение из рукописи). Там же.

[31] М. А. Бубнова. Добыча свинцово-серебряных руд в Шельджи в IX—XII вв. н. э. Там же.

[32] М. А. Бубнова. Средневековые мастерские Рабада ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, I, 1.

[33] Г. А. Брыкина. Земледельческие поселения Юга Ошской области. В кн. «Археологические памятники Баткена и Ляйляка». Фрунзе, 1962.

[34] П. И. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Тр. ИИ АН Кирг.ССР, III, 1957.

[35] Д. Ф. Винник. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, III, 3.

[36] Д. Ф. Винник. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары, ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, V, I (история), 1963; его же. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана».

ние на развитие оседлоземледельческой культуры Иссык-Куля оказывала Чуйская долина. Это прослеживается в сходстве топографий городищ этих двух областей, а также в вещественном материале. В настоящее время в районе Иссык-Куля известно около 100 раннесредневековых памятников.

Интересную группу археологических памятников Киргизии представляют наскальные изображения [37]. Рисунки наносились на камень с помощью точечной техники. Изображались чаще всего животные, схемы охоты и приручения животных. Наскальные рисунки выбивались древними художниками в разное время, начиная с эпохи неолита и кончая временем раннего железа. Вопросам изучения и классификации наскальных изображений посвящена работа Б. М. Зима [38].

Из числа общих проблем, связанных с интерпретацией археологических материалов, большое значение имеют вопросы этногенеза. Киргизский народ и его культура, по мнению участников специальной сессии, состоявшейся во Фрунзе в 1956 г., сложились при взаимодействии по крайнем мере двух элементов: центральноазиатского и местного среднеазиатского. Единства мнений по вопросу о переселении киргизов с Енисея на Тянь-Шань достигнуто не было [39]. Таким образом, археологами Киргизии получен богатый материал, который нашел достаточно полное отражение в печати. За период с 1957 по 1962 гг. в республике издано несколько сборников и обобщающих монографий. Опубликован ряд статей, освещающих разные периоды истории Киргизии. Вместе с тем о каменном веке республики к настоящему времени имеются лишь отрывочные сведения; недостаточно изучены памятники оседлых земледельцев античного времени, эпоха поздних кочевников.

Хочется видеть новые работы по археологии и древней истории Киргизии, а также публикации небольших предварительных отчетов, которые ускорили бы оперативное введение в научный оборот новых материалов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 1966—1969 гг. в Киргизии не было издано ни одного археологического сборника или монографии. Несомненный интерес представило бы и издание карты археологических памятников на территории республики.

Н. Н. Скакун

---

[37] В. М. Гапоненко. Наскальные изображения Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». П. И. Черкасов. Бумеранг в наскальных изображениях древнего Киргизстана. ИАН Кирг.ССР, сер. обществ. наук, II, 3.

[38] Б. М. Зима. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. Тр. ИИ АН Кирг.ССР, IV, 1958.

[39] Тр. КАЭЭ, III, Фрунзе, 1959.

Henry de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. I. Ligurie — Provance. V supplément a «Gallia préhistoire», 475 pages, 24 tabl., 353 fig. Paris, 1969.

Еще в прошлом веке археологи установили, что средиземноморский юг Франции был заселен человеком, начиная с раннего палеолита. На этой территории было сделано много открытий, которые сыграли важную роль в становлении науки о палеолите. Тем не менее полевые исследования здесь носили эпизодический характер и проводились крайне нерегулярно. Длительное время основное внимание уделялось раскопкам памятников эпохи позднего палеолита. В конце 50 — начале 60-х годов нашего века молодой французский археолог Анри де Люмлей начал систематическое изучение раннепалеолитических памятников. Сравнительно за короткое время им были сделаны выдающиеся открытия, которые заставили существенным образом пересмотреть наши представления о раннем палеолите. Результаты полевых исследований А. Люмлея, а также его предшественников и коллег, положены в основу рецензируемой работы.

В этом труде, состоящем из двух объемистых томов (пока вышел из печати только первый том), освещены все материалы по раннему и среднему палеолиту обширной территории Средиземноморского побережья, протянувшегося от итальянской Лигурии на востоке до испанской Каталонии на западе. А. Люмлей не ограничивается рамками государственных границ Франции, поскольку данный отрезок побережья представляет собой единую геоморфологическую провинцию, которая включает районы Франции, Испании и Италии. Очень интересным представляется мнение автора о том, что однообразие географической среды сказывалось и на единстве путей развития культуры населения на данной территории в различные времена, начиная с мустьерской эпохи.

Первый том, состоящий из предисловия, написанного проф. Жаном Пивето, введения и пяти глав, охватывает территорию от итальянской Лигурии до Воклюза включительно. В нем рассматриваются материалы ранне- и среднепалеолитических

памятников, объединенных в главы по природным регионам: гл. I — итальянская Лигурия (8 стоянок), гл. II — гроты Гримальди (13 стоянок), гл. III — Приморские Альпы (11 стоянок), гл. IV — Нижний Прованс (46 стоянок), и гл. V — Верхний Прованс и Воклюз (95 стоянок).

Композиционно работа продумана хорошо. В начале каждой главы автор дает краткую физико-географическую характеристику описываемого района и приводит подробную карту памятников с подразделением их условными знаками на три категории: поселения в гротах, поселения на открытом воздухе и единичные находки на открытом воздухе. Затем следует описание конкретных памятников. Как правило, приводятся точные данные о расположении памятника, история его исследования, подробная стратиграфия, списки и краткий анализ фауны. Каменный инвентарь характеризуется по различным показателям: техника первичного расщепления, типология, типы ретуши. Приводятся кумулятивные графики и описание инвентаря по методу Ф. Борда, а затем дается определение культурной принадлежности памятника, его время и аналогии. В большинстве случаев характеристика инвентаря сопровождается различными количественными таблицами, кумулятивными диаграммами и прекрасно выполненными рисунками каменных изделий. К сожалению, в некоторых случаях автор, очевидно в целях сокращения объема монографии, совсем не дает иллюстраций, хотя описываемые им памятники представляют исключительный интерес для археологов. Так, например, при характеристике инвентаря многослойной пещерной стоянки Бом Бонн в V главе автор выделяет новый тип орудия — остроконечник Quinson, но не дает его графического изображения, вероятно, надеясь на то, что исследователям известна его более ранняя статья об этом памятнике, где впервые был описан остроконечник Quinson [1]. Совсем нет иллюстраций к раннепалеолитическому поселению Терра Амата. Здесь А. Люмлеем впервые описываются остатки самых древних жилищ (поздний аббевиль миндельской эпохи). А ведь это сообщение имеет огромнейшее значение для всей первобытной археологии. До анализа документации раскопок можно полагаться только на заключения автора. Очевидно, и здесь он полагает, что читателям известна его предварительная статья, в которой частично (но явно недостаточно — *Н. Л.*) опубликован иллюстративный материал [2]. Думается, что в таких итоговых монографиях, какой несомненно является работа А. Люмлея, нужно давать если не максимальное, то хотя бы необходимое количество иллюстраций. Ведь эти сводки будут длительное время основным пособием для специалистов. Здесь же следует отметить и еще один существенный недостаток — отсутствие библиографии и ссылок на опубликованные работы, которые использованы при написании монографии. Особенно сильно затруднит работу с монографией это обстоятельство для начинающих исследователей палеолита, которые вряд ли смогут быстро сориентироваться в огромном количестве статей по палеолиту средиземноморского побережья Франции, разбросанных в различных французских и итальянских изданиях. Нужно учитывать, что библиографии имеют большое самостоятельное значение.

Сильной стороной монографии А. Люмлея является комплексный подход к изучению памятников, включающий наряду с археологическим анализом инвентаря и характера поселений пристальное внимание к геологическим условиям залегания археологического материала. Здесь автор ориентируется так же свободно, как и в археологическом материале. Сказывается его длительная совместная работа с такими крупными геологами-четвертичниками, как Ф. Бурдье, А. Алиман, Ф. Борд, Е. Бонифей и др. Геологические характеристики стратиграфии памятников Средиземноморья, приводимые А. Люмлеем, представляют исключительный интерес. Особенно важна его схема (см. табл. I), в которой отражена корреляция общей хронологии четвертичного периода с морскими террасами, их высотой в различных районах, с береговыми линиями различных уровней моря и палеолитическими памятниками. Здесь же дается корреляция с районами Рима и приатлантического Марокко.

Наиболее древний памятник, грот Валлоне в Приморских Альпах, относится А. Люмлеем к верхнекалабрийской регрессии и сопоставляется с гюнцским оледенением. В отложениях гюнц-минделя и минделя I, II археологические материалы пока неизвестны. К самому концу первой части миндельской регрессии или к началу внутриминдельского (миндель II—III) интерстадиала относятся находки с 30-го бельгийского бульвара в Монако (по А. Люмлею). По мнению же первооткрывателя этого местонахождения Яворского, несколько орудий, в том числе один маленький очень характерный chopper, встречены здесь в отложениях интерстадиала миндель I, II. Развитый аббевиль Терра Амата отнесен автором ко второй части миндельской регрессии, т. е. к минделю III. Из миндель-рисских отложений находки в исследуемом районе неизвестны. К первому рисскому оледенению относится средний ашель гротов Лазарет и Обсерватория. Верхний ашель Лазарета и грота Принца датируется уже второй половиной рисской регрессии, т. е. риссом II. III. В отложениях рисс-

[1] H. de Lumley et B. Bottet. Sur. l'évolution des elimats et des industries au Riss et au Wurm d'aprés le remplissage de la Baum Bonne (Quinson, Basess Alpes). Festschrift für Lothar Zotz. Bonn, 1960.

[2] H. de Lumley. Les fouilles de Terra Amata à Nice. Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco, 13, 1966, стр. 29—51.

вюрмской межледниковой эпохи залегает «пре-мустье» гротов Лазарет и Обсерватория. С начала вюрма повсеместно выделяются мустьерские культуры, сменяющиеся в вюрме III по французской схеме ранними этапами позднего палеолита — ориньяком и перигордьеном.

Геохронологическая схема палеолита средиземноморского побережья Франции и соседних территорий, составленная А. Люмлеем, хорошо обоснована и несомненно является важным достижением в первобытной археологии. Как и всякая схема, она не бесспорна в своих деталях. В частности, пока неубедительно доказано отнесение Терры Аматы к миндельскому времени. Некоторые французские геологи датируют ее началом рисского оледенения [3]. Не все ясно пока и с датировкой грота Валлоне. По А. Люмлею это памятник гюнцского времени, по Е. Бонифею — гюнц-миндельского. Такие вопросы, очевидно, долго будут оставаться дискуссионными. Но уже сейчас нельзя сомневаться в том, что исследования А. Люмлея о геологическом возрасте ашельских и мустьерских культур юга Франции окажут серьезное влияние на взгляды различных специалистов по геохронологии среднего и раннего палеолита.

Четкая геохронологическая основа дает хорошие возможности для исторического осмысления путей развития материальной культуры раннепалеолитического человечества. Однако автор, используя в своей работе методику Ф. Борда, оказывается в плену и его общей концепции, выделяя только те типы ранне- и среднепалеолитических индустрий, которые выделены Ф. Бордом. Вслед за Ф. Бордом, А. Люмлей не пытается даже рассматривать сущность рубежа между ашельской и мустьерской эпохами, относя к мустье только памятники вюрмской поры, хотя конкретные археологические материалы ряда памятников (например, Бом Бонна и др). указывают на большое сходство каменных изделий из рисских слоев с каменными изделиями типичных мустьерских памятников. Вряд ли целесообразно отказываться от рассмотрения этого вопроса путем простого применения другого термина — «пре-мустье» к данным индустриям.

По материалам первого тома кажется, что на средиземноморском побережье Франции имеются несколько иные типы ранне- и среднепалеолитических индустрий, чем в центре и на севере Франции. Однако подробный анализ их можно провести только после появления второго тома монографии.

В целом же работа А. Люмлея, выполненная на современном научном уровне, несмотря на отмеченные недостатки, безусловно заслуживает высокой оценки и можно полностью согласиться с проф. Ж. Пивето в том, что она займет важное место среди исследований по палеолиту.

Н. Д. Праслов

[3] E. Bonifay. Le Quaternaire littoral et sous-marin des cotes françaises de la Méditerrannée. Études françaises sur le Quaternaire, présentées à l'occasion du VIII Congrès International de l'IMQUA. Paris, 1969, стр. 43—55.

Jean-Marie Casal. De la Mesopotamie à l'Inde. La civilisation Le l'Indus et ses énigmes. Fayard, 1969, 225 стр.

Известный французский специалист по археологии Индостана и Афганистана Жан Мари Касаль, родившийся в 1905 г., поздно увлекся археологией и начал свою археологическую деятельность только в 1947 г. Сначала он работает в Южной Индии на памятниках римского времени, которым и посвящены его первые книги [1]. Позднее Ж. М. Касаль возглавил французскую экспедицию по изучению интересного поселения бронзового века Мундигак в Афганистане (1951—1958 гг.) [2], затем руководил раскопками на древнеземледельческом поселении III тысячелетия до н. э. Амри в Пакистане (1959—1962 гг.) [3]. В настоящее время Ж. М. Касаль продолжает изучение памятников этого времени в Пакистане. Накопленные знания и результаты своих исследований он попытался в обобщенном виде изложить для широкого круга читателя в рецензируемой книге. Эта книга — не систематическое научное исследование индской (в нашей литературе принят термин харапской) цивилизации, а скорее очерк-обзор основных и прежде всего нерешенных проблем истории этой цивилизации. Автор не приводит всей имеющейся аргументации и не осложняет изложения ссылками на литературу. В свободной форме он излагает свои взгляды и предположения, основываясь главным образом на результатах своих исследований. Популярный характер работы подчеркивается дробной рубрикацией. В ней, кроме введения, имеется 12 глав, каждая из которых в свою очередь состоит из мелких подразделов. Книга хорошо иллюстрирована картами, синхронистическими таблицами, изображениями памятников и типичных находок. Жанр рецензируемой работы точнее всего можно определить словом «эссе».

[1] J. M. Casal. Fouilles de Virampatnav. Arikamedu. Paris, 1949; J. M. et G. Casal. Site urbain et sites funéraires des environs de Pondichery. Paris, 1956.

[2] J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA. XVII. Paris, 1961.

[3] J. M. Casal. Fouilles d'Amri. 1—2. Paris. 1964.

Первые пять глав посвящены основным этапам древнейшей истории Ближнего Востока и таким общим понятиям, как стратиграфия, культурный слой, принципы датировки (стр. 21—30), а также краткой характеристике древнеземледельческих культур Месопотамии (стр. 31—42), Ирана (стр. 43—56), Афганистана, Пакистана и Южной Туркмении (стр. 57—93). В последних разделах основное внимание уделено эталонным памятникам Мандигаку и Амри, исследованным самим автором. Особо отметим выделение специального раздела (стр. 75—79), посвященного памятникам Южной Туркмении. Автор воспроизводит на развороте стр. 76—77 карту памятников этой области по Г. Н. Лисициной. Он полностью принимает периодизацию В. М. Массона и включает ее данные в синхронистическую таблицу на стр. 49, а также публикует на стр. 63 изображение сосудов из раскопок В. М. Массона на Кара-тепе для сравнения с комплексом Мундигака. Основное внимание обращено на рассмотрение харапской цивилизации. В специальных главах изложены материалы по градостроительству, жилищам и благоустройству городов Хараппы (стр. 94—114), о ремесле и материальной культуре (стр. 115—128), о развитии искусства, о религиозных представлениях и о погребальном обряде (стр. 129—146), о хозяйстве (стр. 147—157). Особо рассматривается вопрос о зарождении и развитии этой цивилизации, о ее экспансии и упадке (стр. 158—192). В заключительной главе затрагиваются вопросы, касающиеся истории харапской цивилизации, влияния Ближнего Востока на ее сложение и о последствиях арийского завоевания (стр. 193—214).

Краткое изложение содержания книги уже показывает, какой широкий круг проблем рассматривается автором и, несомненно, что не все они одинаково обстоятельно могли быть освещены.

Остановимся на некоторых узловых вопросах. Известно, что при раскопках Мохенджо-Даро и Хараппы не удалось получить материала для решения вопроса о происхождении этой культуры, в частности потому, что нижние слои опорных памятников были залиты грунтовыми водами. Касаль отмечает, что секреты Мохенджо-Даро, скрытые в 15-метровой толще культурного слоя, пока недоступны археологам и могут быть обнаружены лишь при бурении (стр. 194).

Новые работы, и прежде всего раскопки Касаля в Амри, позволили выделить в долине Инда древнеземледельческую культуру Амри, предшествующую и частично синхронную харапской. В настоящее время периодизация культуры Амри является эталоном в исследованиях начальных этапов Хараппы. Сравнительное изучение материалов Амри и Хараппы позволило сделать заключение, что харапская керамика, четко отличающаяся от керамики Амри, впервые появляется на этом поселении в конце I периода, и что она является, очевидно, импортом из Мохенджо-Даро (стр. 160, 162, 163), Период Амри II характеризуется преобладанием харапских элементов — это был харапский период в истории древнего поселка. Местная керамика постепенно исчезает и в период III Амри превращается в небольшую деревню харапской культуры. Из всего этого следует, что харапская культура не происходит от Амри и появляется в низовьях Инда в более позднее время — примерно в 2600 г. до н. э. (стр. 160). Сама культура Амри восходит к началу III тысячелетия до н. э. и можно предполагать, что сложение харапской культуры следует отнести к периоду, предшествующему 2600 г. до н. э., т. е. к первой трети III тысячелетия до н. э.

Автор отмечает наличие дохарапских слоев на ряде памятников и приходит к выводу, что сложение харапской цивилизации представляет более сложный процесс, чем это до сих пор представлялось. Заключение Касаля о ранних этапах Хараппы и сравнения с Амри представляют значительный интерес и получают все большее признание в литературе. Однако проблема происхождения этой самобытной культуры все еще остается открытой. Ж. М. Касаль придерживается точки зрения, что лишь влиянием Ближнего Востока можно объяснить сложение харапской цивилизации. В этой связи он поддерживает теорию заимствования идеи цивилизации, которую образно выразил М. Уиллер словами «идеи имеют крылья». Правда, здесь же автор справедливо замечает, что наши советские коллеги считают ее слишком идеалистической (стр. 200).

Рассматривая вопросы социальной организации общества, автор принимает гипотезу английского археолога Д. Х. Гордона, выделившего в собрании музея Хараппы группу из 76 фигурок людей в своеобразной шапочке и с ошейником, изображающих, по его мнению, рабов (стр. 195, рис. на стр. 196). Новые данные о существовании рабов Касаль усматривает в наличии однотипных миниатюрных печатей, которые могли являться жетонами работников или рабов (стр. 196, 197, рис. на стр. 197).

Опираясь на стратиграфию Амри, автор высказывает ряд интересных предположений и догадок о взаимоотношениях древних городов и селений Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Амри, Кот-Диджи и Джукара. С некоторыми из них, например с предположением о причинах упадка Амри в III периоде в связи с ростом и усилением соседнего города Чанху-Даро, вполне можно согласиться. Ж. М. Касаль по-новому трактует комплекс Джукар (стр. 166, 167, 170). Керамику Джукар автор связывает с комплексом Амри III. Хотя строительные остатки периода Джукар не сохранились, в Амри собрано большое количество керамики этого периода, которую автор выделяет в особый комплекс III Д. Подобная керамика обнаружена им в фондах музея Мохенджо-Даро. На этом основании он пишет о широком распространении культуры

Джукар в позднехараппский период в долине Инда. Этот вывод представляет большое значение для суждения о конечных этапах хараппской цивилизации. Утверждение автора, что комплекс Джукар представляет возрождение и продолжение местной керамической традиции, прерванной вторжением харапцев, весьма ответственно и, очевидно, требует дополнительного обоснования.

Большую ценность для представления об особенностях развития древнеземледельческих культур Индостана составляет сводная синхронистическая таблица на стр. 212, 213. Сравнение ее, например, с таблицей, опубликованной в 1950 г. С. Пиготтом, показывает значительный прогресс в исследовании Хараппы, особенно вопросов ее хронологии. Однако не все в этой таблице может быть принято без оговорок. Автор специально отмечает инфильтрацию харапцев в Амри в период 2600—2400 гг., в Калибангане в 2450—2300 гг. и в Кот-Диджи в 2350—2100 гг. Но относительно Калибангана требуются оговорки, поскольку еще не исследован вопрос о хараппских элементах в дохараппский период. Автор относит первое вторжение в Синд к 2000 г. до н. э., но не указывает, с каким комплексом оно может быть связано. Второе вторжение в Синд — около 1850 г. до н. э.— он связывает с появлением культуры Джукар. Вызывает недоумение отсутствие в этой таблице комплекса Джангар, которому автор придавал большое значение в отчете о раскопках Амри. Рассматриваемая синхронистическая таблица опирается на систему радиоуглеродных определений, в исследование которых большой вклад внесли индийские ученые — Б. Б. Лал, Д. П. Агравал, Б. К. Тханар и др. Эти данные частично отражены в специальном приложении I «Хронология и C^{14}» (стр. 215, 216). В нем опубликованы также шесть радиоуглеродных дат Амри.

Обращает особое внимание Приложение II, в котором Ж. М. Касаль обстоятельно излагает содержание предварительных сообщений 1965 г. советских ученых о работе по дешифровке протоиндийской письменности. Эта информация несомненно полезна. Недавно опубликованы данные о продолжении этих работ [4]. Уже после выхода в свет книги Касаля появился труд финских ученых об исследовании этой письменности, вызвавший многочисленные критические отклики, в том числе и в советской печати [5]. Появление всех этих работ свидетельствует о новом широком наступлении на тайны протоиндийской письменности, прочтение которой несомненно будет содействовать дальнейшему изучению хараппской цивилизации.

В целом Ж. М. Касаль написал интересную научно-популярную книгу, которая дает хорошее представление о своеобразной и во многом еще загадочной культуре Индостана. Из недостатков отметим значительный налет модернизации, особенно в терминологии. Никак нельзя согласиться с определением этой цивилизации как Индская Империя (стр. 20, 178, 179). Распространение культуры на юг и восток вряд ли можно рассматривать как колонизацию (стр. 207, 212). Автор правильно замечает, что до сих пор нельзя выделить какую-либо категорию предметов как типичную для арийских племен (стр. 205). Но с его утверждением о прекращении культурных традиций Хараппы с появлением ариев вряд ли можно согласиться.

Много недоуменных вопросов возникает при ознакомлении со списком основной литературы (стр. 219, 220). Здесь приведены фундаментальные труды по археологии Ближнего Востока, Ирана и Индостана. Упомянутые современные периодические издания по археологии Индии и Пакистана. Но в этом списке отсутствуют такие важные обобщающие труды, как известные книги Б. Суббарао, Х. Д. Санкалиа, «Труды Семинара по доистории Индии в Пуне», 1964 г., а также работы Ферсервиса и др. Все эти пропуски трудно объяснить только научно-популярным характером издания, так как в списке представлены статьи по специальным частным вопросам изменения климата и гидрологии.

Оценивая книгу Ж. М. Касаля, следует подчеркнуть, что она интересна не только для широкого круга французских читателей и читающих на французском языке, но и для специалистов, как сводная работа, в которой изложены представления и соображения автора по ряду важнейших проблем истории древнеземледельческих культур Индостана.

Ю. А. Заднепровский

---

[4] Proto-Indica: 1968. Brief Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts. M., 1968.

[5] Н. В. Гуров, Ю. В. Кнорозов. Рец. A. Parpola, S. Koskenniemi, S. Parpola and P. Aalto. Decipherment of the Proto-Dravidion Inscriptions of the Indus Civilization. A. First Announcement. Copenhagen, 1969. СЭ, 1969, 6, стр. 151—158.

Надписи Ольвии (1917—1967). Л., 1968, стр. 132, XV табл.

В сборник «Надписи Ольвии» включены документы, ставшие впервые известными за истекшее пятидесятилетие: памятники, найденные после 1917 г., опубликованные надписи, рассеянные в различных изданиях, документы из фондов музеев, оставшиеся до настоящего времени неизданными, а также ряд надписей из IOSPE I², переиздание которых казалось необходимым. По мысли издателей, сборник должен служить дополнением к монументальному изданию надписей Ольвии, собранных В. В. Латышевым в соответствующем разделе второго издания I тома IOSPE. Сборник содержит 183 надписи, находка которых достоверно или предположительно связывается с ольвийским городищем, несколько надписей из древних поселений в окрестностях Ольвии и одна, найденная в Херсонесе, по-видимому, копия декрета ольвиополитов. Надписи распределены по разделам: декреты и почетные надписи, надписи о строительстве, списки имен, посвятительные надписи, надгробные; в раздел Varia отнесены фрагменты, содержание которых не поддается осмыслению.

Значение рецензируемой книги заключается не только в количественном пополнении «каменного архива» города Ольвии. Ряд почетных декретов и посвятительных надписей, вошедших в сборник, был найден при раскопках теменоса и агоры, открытых и исследованных за последние годы; потому связь этих документов с участками, игравшими столь большую роль в общественно-политической жизни города, отражает новый важный этап в археологическом изучении древней Ольвии. Следует отметить также, что в числе проксенических декретов, изданных в рецензируемой книге, два относятся к V в. до н. э. и являются наиболее ранними из всех, которые были известны до настоящего времени. Надписи, опубликованные в сборнике, значительно расширяют наши сведения об экономических связях Ольвии в различные периоды ее жизни, дают новые ценные сведения об ольвийских культах: Аполлона Дельфиния, посвящения которому позволили определить остатки храма этого божества, Аполлона врача, Афродиты Понтийской и Гликеи, Плутона и Коры, Героя Внемлющего, Ахилла Героя.

Публикация текстов сопровождается фотовоспроизведениями; это соответствует современным требованиям, предъявляемым к эпиграфическим изданиям, и придает публикациям строго документальный характер. Леммы надписей кратки, но содержат все необходимые данные о памятнике: его краткое описание, форма и размеры камня и, если имеются, украшения, степень сохранности, возможно точные сведения об обстоятельствах находки и место хранения; если надписи уже издавались, даны ссылки на издания с указанием автора публикации и способа воспроизведения текста (фото, рисунок, маюскулы, минускулы). Греческий текст сопровождается русским переводом и критическим аппаратом. Перевод греческого текста дается в соответствии с традицией В. В. Латышева [1]. Комментарии к надписям кратки и варьируются в зависимости от характера памятника и его содержания. В них даются некоторые пояснения, касающиеся установления чтения текста, краткая историческая интерпретация, замечания к ономастике и заключение о датировке надписи по характеру письма. К сборнику приложены указатели: 1) имен богов и героев и их эпитетов, 2) культовых терминов, 3) географических и этнических названий, 4) названий государственных учреждений и должностей, 5) привилегий и наград, 6) личных имен и 7) указатель рисунков (воспроизведений надписей).

При большом научном значении и неоспоримых достоинствах рецензируемого издания нельзя обойти молчанием некоторые досадные упущения.

Можно только пожалеть, что к сборнику надписей не приложен план городища Ольвии с нанесением раскопов и обозначением основных объектов, вскрытых раскопками. Ссылки на план, опубликованный в сборнике «Ольвия» (М.— Л., 1964), не могут возместить отсутствие плана в рецензируемой публикации. Очень полезна была бы также небольшая карта окрестностей Ольвии с указанием пунктов находки надписей (о. Березань № 87, 89, 90, 129; дер. Софиевка — № 88; Викторовка — № 147; Петуховка — № 144). Судя по таблицам, где даны прекрасные фотографии, авторы придают большое значение достоверному документальному воспроизведению надписей; поэтому остается непонятным отсутствие фотографий и рисунков ряда документов, места хранения которых указаны в лемме (№ 33, 93, 117, 132, 136, 140, 144, 146, 147, 151, 152, 154, 158, 159, 160, 161, 183), даже при наличии негатива с несохранившейся надписи № 178. При отсутствии фотографии утраченных надписей следовало бы дать сохранившуюся зарисовку (№ 79, 80, 86), фотографию либо прорисовку с имеющегося эстампажа (№ 78) или, наконец, фото рукописной копии (№ 7), по которой издается текст. Непонятна также замена фотографии сохранившейся надписи рисунком (№ 153) [2].

[1] Ср. русские переводы греческих текстов В. В. Латышева в его изданиях IOSPE, где леммы и комментарии даны на латинском языке. Значение этих переводов не только в том, что они дают возможность лицам, не являющимся специалистами-антиковедами, ознакомиться с содержанием надписей, но и в том, что перевод является истолкованием смысла надписи ее издателем.

[2] Попутно замечу, что фрагмент почетного декрета № 34, который ко времени подготовки сборника найти не удалось, в настоящее время хранится в фондах Керченского музея.

Специально следует остановиться на публикации № 83. Три фрагмента этой надписи были изданы в IOSPE I², № 97, с приложением прорисовки с эстампажа. Один из них (*в*) сейчас утрачен, но зато в 1963 г. был найден четвертый фрагмент, что и послужило поводом для переиздания надписи. В новом издании следовало бы графически воспроизвести надпись целиком, дополнив рисунок, изданный в IOSPE, новонайденным фрагментом, и, кроме того, дать фотографии имеющихся в наличии фрагментов. В данном случае речь идет о документе, немаловажном по содержанию и интересном в палеографическом отношении. Между тем при отсутствии каких бы то ни было воспроизведений и указаний на палеографические особенности читатель лишен возможности судить о правильности чтения и установленной авторами датировки документа по характеру письма.

При пользовании изданием большим неудобством является отсутствие в леммах ссылок из таблицы и замена их приложением «Указатель рисунков». Следовало бы приложить указатель мест хранения камней и список памятников, считающихся утраченными, а также дать список изданий надписей и перечень памятников, публикуемых впервые. Следует отметить отсутствие словаря опубликованных в сборнике надписей. В приложенных указателях иногда встречаются пропуски, неточности и неверные ссылки. Так, в указателе имен богов и героев пропущена богиня Ника (упоминается в № 79, 83); к имени бога Диониса дана ссылка на № 70_2, в то время как в этой надписи вместо бога Диониса — патронимик посвятителя памятника Плутону и Коре.

В леммах в отдельных случаях не полно приведена библиография изданий текстов. Примеры: № 7 — пропущено D. M. Pippidi, Note de lectura. Studii classice, VIII (1966), стр. 243 (со ссылкой на издание Карышковского) и № 15 — там же, стр. 244 (со ссылкой на Латышева, Карышковского и Соломоник); Д. М. Пиппиди дает свои комментарии к обеим надписям и предположения относительно дополнений строк 3 и 4 № 15. № 28 — пропущено REG LXIX, 1956, стр. 145, № 192, где Ж. и Л. Робер предлагают свои дополнения строк 5, 7—9, 10, 14, 15 и 17. № 35 — в лемме неправильная ссылка: вместо REG LXIX, 1956 нужно: REG LXXI, 1958. Кроме того, в критическом аппарате не отмечено, что дополнения в стк. 1 φαίνηται (а не αἰνεται) и в стк. 3 'α[ξιας] принадлежит Ж. и Л. Робер, так же как и дополнение απον[έμων] вместо предложенного Е. И. Леви ᾽απον[έμειν]; в то же время конъектура Ж. и Л. Робер в стк. 3—4 τό—]δε τό никак не оговорена. № 45 — судя по библиографии в лемме, авторы знакомы с изданием данной надписи в SEG III_2, 1929, № 584. Однако содержащиеся в этой публикации дополнения Гондиуса и Клаффенбаха при издании текста надписи не использованы и в критическом аппарате не оговорены. Вместо этого авторы ограничились лишь отпиской, что «надпись нуждается в специальном изучении». № 71 — пропущены публикации надписи в REG LXXII, 1959, стр. 216, № 270 и SEG XVIII, 1962, стр. 112—113, № 4, в которых Ж. и Л. Робер и Дж. Вудхед предлагают свои дополнения стк. 1. № 76 — пропущено в лемме REG LXXI, 1958, стр. 286, № 350; REG LXXII, 1959, стр. 216, № 269 и SEG XVIII, 1962, стр. 113, № 305. № 90 К. С. Горбунова не только подготовила к публикации в данном сборнике, но и издала эту надпись в сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 96—99.

Не со всеми дополнениями можно безоговорочно согласиться. Например: № 22 — более чем сомнительным кажется чтение в стк. 1 слова [''ἐκπ]λωσιν. № 27 — в предложенном дополнении строк 7—9 неприемлема формула τοῖς καλοῖς καὶ τοῖς ἀγαθοῖς вместо принятой καλοῖζ' καγαθοῖς. Кроме того, в этой фразе не хватает глагола, который служил бы сказуемым придаточного предложения. Поэтому к слову 'ἀνδράσιν лучше оставить лишь одно прилагательное: τοῖς [ἀγ]αθοῖς, а в лакуне вместо τοῖς. καλοῖςκαὶ поставить глагол или причастие. № 35_8 и 36_5 — после καλέσαι недостает δέ. № 49_{4-5} — вряд ли можно считать удачным предложенный при восстановлении лакуны порядок слов. № 75 — предложенное осмысление надписи совершенно неприемлемо: ... ανεψίωνος не имеет никакого отношения к обозначению родства; это название месяца:]κυ]ανεψίωνος, (перед альфой на фото виден верхний кончик правой наклонной hasta от ипсилон). В начале текста стояла обычная формула, аналогичная той, что и в № 42: «при архонтах во главе с таким-то месяца Кианепсиона, такого-то числа». Надпись следует, вероятно, считать скорее строительной, чем посвятительной.

В транскрипции греческого текста в некоторых случаях допущена небрежность. Например: № 7 — утраченная надпись, переиздается с публикации П. О. Карышковского; в стк. 6 слово πρε/δρίαν показано полностью сохранившимся, тогда как у Карышковского в этом слове скобками отмечены повреждения. В некоторых случаях скобки употреблены неправильно: № 15_6, стк. 6 — πολ[ε]ιτείαν, где ε после λ, согласно принятым в сборнике обозначениям, должно быть в круглых скобках, а не в квадратных. Встречается транскрипция неполная или неточно передающая сохранившиеся на камне буквы: № 48 — в начале стк. 3 на фото отчетливо видна поврежденная Η, которой нет в транскрипции; № 49 — в критическом аппарате к стк. 2: в лигатуре не Τ и Η, а Η и Σ; № 50, стк. 2 — на фотографии в начале строки видна N; № 55 — в последней строке после Ο — верхняя часть N; № 128 — в конце стк. 4 после ω видна вертикальная hasta, возможно — N; № 176 — кроме транскрибированных букв строк 1 и 2 на фото в стк. 3 видны остатки буквы Χ. В других случаях, наоборот, в транскрипции указаны буквы, остатки которых на камне не сохранились: № 109 — в конце приписана Σ, для которой нет места на обломке; № 143 — в стк. 2 между Ν и Π

начертана только одна А, поэтому начало патронимика скорее ПА, а не АПЛ; № 111 — восстанавливаемое в конце строки Е под вопросом; № 100 — в конце стк. 2 возможно не А, а Λ; № 126 — в стк. 2 между Υ и Ε промежуток, по-видимому, разделявший слова; № 138 — воспроизведен в рисунке, и транскрипция этому рисунку не соответствует: в стк. 1 не РІ, в ВІ; в стк. 3 не ΛΝ, а ΛΗ. Чему верить — рисунку или транскрипции? Тексты № 92, 164, 179, где сохранившиеся на камне буквы могут быть осмыслены как окончания и начала слов, лучше было бы дать в минускулах с поспильными, хотя бы частичными, дополнениями.

Есть некоторые неточности и в переводах, например № 68: ἱερησάμενος не «будучи жрецом», а «исполнив должность жреца».

Комментарий вообще, несколько обеднен. В частности, в языковом комментарии мало указаний на особенности диалекта. Так, в № 5 — Ἀγαθεῖ τύχει интересно отметить аттицизм ει-ηι в проксении, даруемой афинянам. Следовало бы, например, дать пояснение к употреблению в одном и том же тексте предлога εἰς и ἐς, что наблюдается в № 35, 36, а также объяснить, как надо понять форму εὐχριστήριν (вместо εὐχ ιστ ον) в № 90: что это — ошибка резчика или языковое явление? № 6 — имя гераклеота было, очевидно, Ἀρίστις, а не Ἀρίστας. Вообще нежелательно в комментариях отсылать читателя к предшествующим изданиям (например, № 42, 88), лучше в сжатой форме дать весь материал, необходимый для понимания документа.

Надписи, изданные в сборнике, дали немало интересных в языковом отношении ранее неизвестных негреческих имен, на объяснении их в некоторых случаях следовало бы остановиться более подробно (например, № 90).

Иногда хотелось бы видеть более развернутый реальный комментарий. Так, в проксении, данной «фиванцу из Беотии» (№ 14), следовало бы указать, что пояснение «из Беотии» необходимо было для уточнения его этникона, в отличие от Фив во Фтиаиде (в Фессалии). № 68_3 — посвящение алтаря и венца Ἀφροδίτηι Ποντίαι. Данная надпись относится к числу сравнительно редких свидетельств о распространенном среди эллинов культе Афродиты «Морской» — богини моря и покровительницы моряков. В комментарии следовало бы отметить места почитания этого божества, прежде всего в соседней с Ольвией Истрии и в других центрах эллинского мира. Кроме того, следовало бы привести другие эпитеты этой богини, не только Εὔπλοια (Ольвия, IOSPE I², 168), но также Ναυαρχίς на Боспоре (КБН 1115_5), где она почиталась и вместе с Посидоном «Спасителем кораблей» (КБН 30_3); необходима и ссылка на содержательный экскурс Д. М. Пиппиди о культе Афродиты «Морской» в его комментарии к публикации посвятительной надписи из Истрии, тем более что в нем упомянута и данная ольвийская надпись[3]. № 81_{14} — «служил отлично», в комментарии хотелось бы найти объяснение, о каких обязанностях Феодула, сына Макага, могла здесь идти речь.

Не во всех случаях можно безоговорочно согласиться и с предложенными датировками надписей по характеру письма. Так, № 15 — декрет в честь истрийца Диониссия, сына Сира, В. В. Латышев уверенно датировал IV в. до н. э. (IOSPE I² № 21). Э. И. Соломоник относит его к первой половине III в. до н. э. Для обоснования своей датировки она отмечает следующие особенности шрифта ольвийской проксении: 1) А, Λ, Δ, Γ, Υ, Σ имеют изогнутые линии; 2) нижние концы Ω сильно сближены; 3) Ξ без вертикальной черты; 4) Θ и О меньше остальных букв; 5) у Σ недостаточно раздвинуты боковые гасты; 6) Е с укороченной средней черточкой; 7) все буквы украшены широкими апексами. Рассмотрим эти аргументы.

1. Изогнутость линий сильно преувеличена, заметнее выражена она у Υ. Явление это, в той мере, как оно отражено в трактуемой надписи, можно наблюдать и в некоторых надписях IV в. до н. э. В качестве примера приведем надгробие из Одесса (IGB, № 202), которое Михайлов относит к IV в. до н. э. и где верхние черты Υ имеют такой же легкий изгиб, как и в ольвийской надписи, и боспорскую посвятительную надпись КНБ 8 первой половины IV в., где слегка изогнутые линии имеет не только Υ, но и М. Эта изогнутость не имеет ничего общего с теми особенностями вычурного шрифта, которые характеризуют надписи III в. до н. э. (НО, № 70, 19, 99). Что касается наклонных линий А, Δ и Λ, то ложное впечатление их изгиба здесь создает коротенькая острая вертикальная черточка, поднимающаяся над их пересечением — характерная особенность боспорских надписей IV в. до н. э.[4]

2. Неверно также и замечание о сильно сближенных нижних концах Ω; сближены они не более, чем в ольвийской проксении Аристандру, сыну Меллиса (НО, № 4), которую Е. И. Леви справедливо относит к первой половине IV в. до н. э., а в боспорской проксении IV в. (КБН 2) концы дуги Ω сдвинуты еще больше.

3. Ξ без вертикальной черты встречается в ольвийских проксениях второй половины IV в. (НО, № 6) и даже середины IV в. до н. э. (НО, № 5).

4. В тех же надписях мы видим Θ и О меньше высоты остальных букв в строке.

5. Относительно недостаточно раздвинутых боковых линий у Σ напомним, что в пантикапейской надписи КБН 11 времени Перисада I (344—311 гг.) верхняя и ниж-

---

[3] D. M. Pippidi. Pour une histoire des cultes d'Istros. Studii Classice, IV, 1962, стр. 132, 133.

[4] А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, 1962, стр. 12.

няя линии не только не сильно раздвинуты, но вполне параллельны, а в надписи КБН 9 (вторая половина IV в.) и КБН 8 (первая половина IV в. до н. э.) они раздвинуты примерно так же, как и в ольвийской проксении в честь истрийца Дионисия.

6. Е с укороченной средней черточкой мы видим и в ольвийских надписях IV в. (НО, № 5, 6, 14).

7. Относительно «широких апексов», которыми украшены все буквы, напомним, что точно такие же апексы можно видеть на некоторых боспорских надписях не только второй (КБН 1, 9, 10), но и первой половины IV в. до н. э. (КБН 8). Характерными особенностями шрифта данной ольвийской проксении являются его строгость, симметричность и геометрическая правильность форм букв, отсутствие тенденции нарушить эту строгость и равномерность строки чередованием пропорций букв широких и узких, высоких и маленьких — тенденция, которая помимо вычурных апексов характеризует письмо III в. до н. э. (НО, № 69, 68). Таким образом, аргументы в пользу пересмотра датировки В. В. Латышева данной надписи нельзя признать убедительными. Если же попытаться уточнить, сузить датировку В. В. Латышева, то надпись можно отнести скорее ко второй половине IV в., чем к первой. За отнесение данной надписи к IV, а не к III в. до н. э. говорит также и краткость формулировки: перечислены лишь права, предоставленные проксену, без упоминания его заслуг; между тем в проксенических декретах III в. до н. э. в обоснование предоставляемых привилегий указывались заслуги чествуемого лица.

Посвящение ольвийских архонтов Ахиллу Понтарху (№ 88) автор первой публикации этой надписи П. О. Карышковский относит к третьей четверти II в. н. э., а авторы сборника — ко времени не позднее первой половины того же века, ссылаясь на формы букв надписей Боспора II в. н. э. С этой датировкой, однако, согласиться трудно. В содержательной и очень ценной работе Т. Н. Книпович, посвященной исследованию лапидарного письма Ольвии[5], даны тщательно составленные таблицы шрифтов как отдельных надписей, точно датированных по содержанию, так и сводные таблицы развития ольвийского лапидарного письма. При сопоставлении наиболее характерных букв данной надписи с таблицами Т. Н. Книпович мы не увидим А с прямой соединительной чертой в шрифтах ни I — начала II в., ни I—II вв. (стр. 10, табл. X, стб. 2 и 3), зато она имеется в надписи IOSPE I², № 174, датированной 198 г. н. э. (стр. 5, табл. IV). Прямоугольная Σ — в надписи 198 г. и на табл. X, стб. 5 — в шрифтах III в. н. э. с маленькой горизонтальной черточкой под пересечением двух наклонных мы встречаем также в надписи 198 г. (табл. IV), но не видим ее в составе шрифтов надписей I и II вв. (табл. X, *2*, *3*). Ω в надписи № 88 встречаются в двух начертаниях. Одна из ее форм более ранняя: несомкнутые концы ее кружка соединяются с горизонтальными черточками, лежащими на нижней линейке строки двумя близко поставленными вертикальными линиями. Такая форма *омеги* появляется в ольвийских надписях в первой половине I в. н. э. (IOSPE I², № 181, табл. III, на стр. 5). Однако пропорции ее отличаются от *омеги* надписи НО, № 88 более крупным, расширенным по сравнению с нижней частью кружком и более короткими вертикальными черточками. Более близкие по пропорциям образцы *омеги* такой формы мы видим в составе шрифтов I и II вв. (табл. X, стб. 3). Другая форма *омеги* в надписи НО, № 88 — в виде широкой дуги с загнутыми внутрь концами, под которой на нижней линейке строки две не соединенные с ней горизонтальные черточки. В ольвийских надписях такая форма *омеги* характерна для II — начала III в. (табл. X, стб. 4). Таким образом, формы букв сближают надпись № 88 с надписями не второй половины I в. и даже не первой половины II в., а скорее с надписями второй половины II в. Да и весь характер оформления стелы, графическое изображение сосуда, посвященного, по-видимому, Ахиллу Понтарху в виде благодарственного приношения, характер и техника начертания производят впечатление памятников времени начавшегося заката античной культуры, т. е. значительно более позднего, чем рубеж I—II вв. Только одно отсутствие лигатур, без сочетания с другими характерными особенностями памятника, не дает оснований для более ранней его датировки. Это впечатление делается еще более отчетливым при сравнении надписи НО, № 88 с надписью НО, № 90, справедливо датируемой издателями НО концом I — первой половиной II в. н. э.

Остановимся на надписи № 42. В основу публикации, как указано, положены чтение и комментарий первого ее издателя О. О. Крюгера[6]. Ученый опубликовал текст надписи по фотографии, не особенно четкой, снятой с недостаточно вычищенного камня, и сам при этом указывал на необходимость проверки транскрипции по оригиналу. Производилась ли такая проверка при подготовке к изданию в рецензируемой книге, не указано. Между тем новое чтение в некоторых частностях отличается от первого издания, хотя в критическом аппарате это не отмечено. Стк. 2: в конце строки после названия месяца — лакуна, где, как поясняет Крюгер, стояло число. Между тем на фото (табл. XXI) в конце строки достаточно отчетливо различаются буквы НІ, означающие число 18. В сборнике ни эти буквы, ни хотя бы лакуна не показаны. Стк. 14: μαρτυρηθῆναι — Крюгер, μαρτυρεθῆναι — сборник; это, если верить фо-

---

[5] Т. Н. Книпович. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. НЭ, VI, 1966, стр. 3—30.

[6] О. О. Крюгер. Эпиграфические мелочи. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 81—90.

то, соответствует камню [7]. Следовало бы ожидать, что несоответствие камню чтения Крюгера будет отмечено в критическом аппарате и при этом написанию оригинала будет дано объяснение. Не отмечено дополнение Крюгера в стк. 19—20 [χρο(?)/ν]ου[ς] и мотивы, по которым это дополнение авторами не принято. Обойдено молчанием также дополнение части утраченного конца текста, стк. 24—25, предложенного Гондиусом в SEG III.

В строках 11, 15, 22, вслед за Крюгером, отмечаются замена сигмы перед бетой и мю дзетой. На четкой фотографии видно, что в стк. 11 в слове πρεσβείαν вырезанная вначале дзета была исправлена на сигму, а в стк. 15 ясно читается πρεσβεία (где ζ может быть и исправлена, но следы исправления довольно удачно сглажены), и лишь в стк. 22 осталось чтение κοζμεῖν. Отметим также, что вряд ли верно квалифицировать эту замену как неправильную орфографию, равно как и итацизм считать свойственным специально ольвийским надписям первых веков нашей эры. Что касается итацизма, то он, как известно, в римское время представлял собою повсеместное явление в языке греческих надписей всего античного мира. Замена сигмы дзетой перед бетой и мю — явление гораздо менее обычное, но известное [8].

Сомнение вызывает и чтение стк. 7: καὶ κοσμιο[ν ζησ]αςβίον у Крюгера и повторенное в рецензируемой книге. На фото в этой строке после καὶ читается слово ΒΙΟΣ вырезанное на месте каких-то выскобленных букв, и далее после лакуны перед иотой буква неясная. Все отмеченное выше говорит о необходимости дальнейшей тщательной работы по изучению камня для установления правильного чтения текста.

В русском переводе греческого текста никак не показано, что конец надписи не сохранился. Перевод местами не вполне точен: строки 9—10 было бы, может быть, правильнее перевести: «и удостоенный должности архонта (название должности — ἀρχή в переводе не раскрыто.— *А. Б.*), благодаря которой показал себя достойным всяческой похвалы»; строки 13—14 — «как выяснилось и было установлено» (слово μαρτυρ(η)θῆναι в переводе опущено). Стк. 15—16 лучше перевести не «оказалось возможным отстоять принадлежащие городу права», а «отстоял права города». Слова πόλις (стк. 12 и 15), πατρίς (стк. 18) и δῆμος (стк. 21) переведены всюду словами «город», что вряд ли можно считать удачным. В двух первых случаях в стк. 12 («когда нависла опасность городу») и 15—16 («отстоял права города») упоминается πόλις и речь идет о полисе, т. е. государстве в формальном, юридическом смысле слова: опасность заключалась в том, что πόλις, т. е. государство могло лишиться своих прав — δίκαια, и далее, что права полиса были сохранены. В стк. 16—18 отмечаются заслуги чествуемого εἰς τὴν πατρίδα, т. е. перед «родным городом» или «отечеством». Здесь подчеркивается патриотический смысл «великих дел» в отношении «отечества». И наконец, в стк. 20—21 «демон отнял у «народа» — τοῦ δήμου, т. е. у граждан города, немалую пользу.

Комментарий к надписи недостаточен: наряду с пояснениями деятельности Дадага следовало бы также попытаться объяснить, с чьей стороны грозила городу опасность лишиться своих прав. Между тем весь комментарий к надписи сведен только к вопросу о датировке, вернее, к пересмотру датировки О. О. Крюгера на основе характера письма.

Нельзя не согласиться с авторами, что характер письма не соответствует датировке II—III вв. и говорит скорее за I или первые десятилетия II в. н. э. В таком случае действительно отпадает возможность считать, что «гегемонами», к которым было направлено посольство, были Септимий Север и Каракалла. Из этого и следует, что надо искать источник нависшей над городом опасности и попытаться выяснить, кто были «гегемоны», исходя из исторических событий второй половины I — начала II в. н. э. Но, с другой стороны, следует сделать оговорку о необходимости пересмотреть датировку и надписи IOSPE I^2, № 40, в которой упоминается тот же архонт Антифонт, сын Анаксимена; В. В. Латышев уверенно датировал эту надпись второй половиной II — началом III в., что следовало оговорить в комментарии и разобрать особенности письма надписи I^2, № 40.

Очень досадное впечатление производит также большое количество опечаток в греческих текстах, перечислять которые нет надобности

Однако несмотря на высказанные здесь замечания рецензируемая публикация заслуживает высокой оценки. Отмеченные недочеты являются результатом некоторых досадных недоработок, недосмотров, недостаточно тщательного редактирования и работы над корректурой.

Гораздо важнее отметить, что авторы «Надписей Ольвии» следуют лучшим традициям и современным принципам публикаций надписей, и это, наряду с большой исторической ценностью включенных в сборник документов, не оставляет сомнения, что данное издание будет принято с большим удовлетворением всеми эпиграфистами и принесет большую пользу науке.

---

[7] При внимательном рассмотрении фото кажется возможным различить следы каких-то исправлений в начертании этого слова: где Крюгер читал PH, видны довольно ясное T и вторая неясная буква, похожая на O.

[8] Ср., например, Inscriptiones Graecae urbis Romae I. Ed. L. Moretti. Romae, 1968: κόζμῳ в надписях середины II в. н. э. № 119$_2$ и 123$_2$.

Успешно продолжающиеся систематические раскопки Ольвийского городища приносят постоянно новые материалы не только для изучения истории этого античного города, но и выяснения целого ряда вопросов, связанных с историей античного мира и его взаимоотношений с варварской периферией. Все это повышает интерес антиковедов, как советских, так и зарубежных, к эпиграфическим документам Ольвии и ее окрестностей. Второе издание I тома IOSPE, где собраны и надписи Ольвии, так же как другие, выпущенные ранее тома II и IV, давно уже стали библиографической редкостью. Учитывая большое значение античных надписей, найденных в пределах нашей Родины, и непреходящую научную ценность изданий В. В. Латышева, в 1965 г. во Франции все три тома IOSPE переизданы фотографическим способом [9]. А для советских ученых в настоящее время насущной необходимостью является переиздание полного свода греческих и латинских надписей — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, и в первую очередь раздела Olbia et vicinia, как нового, дополненного и заново сверенного издания свода В. В. Латышева, на современном уровне техники эпиграфических публикаций. Хочется выразить надежду, что этот почетный долг в отношении памяти В. В. Латышева и нашей советской науки нашими соотечественниками будет успешно осуществлен

А. И. Болтунова

[9] См. об этом J. et L. Robert. Bullétin épigraphique. REG LXXIX, 1966, стр. 404.

Jean Deneauve. Lampes de Carthage (Centre de recherches sur l'Afrique Mediterranéene. Serie archéologie). Editions de Centre Nationale de la recherche scientifique. **Paris, 1969.**

Изучение римской культуры в Северной Африке до последнего времени было затруднено отсутствием публикации материала. В то время как материал, происходящий из Галии и Германии (в особенности краснолаковая керамика, светильники и стекло), опубликован достаточно полно, материалы, добытые при раскопках, проводимых в Северной Африке, лежали в местных музеях без движения. В руках исследователей были лишь краткие отчеты о раскопках [1] и описания музеев, изданные в последние годы прошлого или начале нынешнего века [2]. При таком положении изучать проникновение римской культуры в Северную Африку, ее развитие, роль материального производства в жизни римских городов в Северной Африке и другие вопросы было невозможно.

В последние годы положение стало меняться. Появился целый ряд каталогов и специальных исследований. На первом месте стоит Марокко, где издается «Bulletin d'Archeologie Marocain» (вышло семь томов, последний, седьмой, в 1969 г.) и где недавно вышел каталог бронзовых скульптур [3]. Значительно улучшилось дело в Алжире и Тунисе, доказательством чего является рецензируемая книга-каталог светильников Карфагенского музея. Автор ее заинтересовался светильниками после того, как при реорганизации музея Карфагена в 1959 г. обнаружилось отсутствие описаний керамики (стр. 9). Книга о светильниках Карфагена — первый католог керамических изделий, хранящихся в музее, за которым должны последовать каталоги других типов керамики.

В каталог включено 1154 предмета. Весь материал разбит на три большие группы: светильники пунийские (№ 1—112), греческие и эллинистические (№ 113—264) и римские (№ 265—1154). Каждому из этих разделов каталога предпослано небольшое вступление, построенное по следующему плану: происхождение светильников (соответственно пунийских, греческих, римских); форма и эволюция светильников; классификация светильников соответствующей группы. К группе римских светильников добавлен раздел о надписях-штемпелях владельцев мастерских, полный список их имен, а также разбор сюжетов и их индекс. Кроме того, светильники римской эпохи поделены на подгруппы: светильники республиканского периода, светильники с носиком, украшенные валютами, светильники с коротким носиком и т. д. О каждой группе материала коротко сказано, из каких мест происходит большинство светильников (в основном из могильников), даны названия памятников, время раскопок и автор раскопок. Книга заканчивается прописью имен владельцев мастерских и высококачественными фотографиями почти всех светильников. В соответствующих местах в текст включены таблицы и рисунки, показывающие эволюцию форм светильников и развитие отдельных типов.

К сожалению, большинство публикуемых вещей беспаспортно; для многих известен лишь тот некрополь, в котором они были найдены. Это обстоятельство, конечно, очень затрудняет датировку светильников и их изучение.

[1] Для Туниса, например: A. L. Delattre. Fouilles d'un cimetiere romain à Carthage en 1888. RA. 1888, II, стр. 151—174 сл.

[2] Например: Cathaloque du Musée à Lavigerie a Carthage, t. I—III, стр. 1899.

[3] Christian Boube-Piccot. Les bronzes antigues du Maroc. 1. Tanger 1969.

В описание каждого светильника включены следующие данные: инвентарный номер, размеры, характеристика глины и лака; тип; описание и атрибуция изображения (а если есть, то приведена и надпись); аналогии как типа светильника, так и изображений, причем последние указывались и для других категорий памятников (в основном на монетах). Датировка дана по типам в соответствующих разделах.

Издание в целом производит хорошее впечатление. Общая характеристика светильников каждой эпохи, большое количество вспомогательных таблиц, особенно к светильникам римского времени, хорошее качество иллюстраций и полиграфического оформления книги в целом и, наконец, полнота материала (в каталог включены все светильники, хранящиеся в Карфагенском музее) — все это делает книгу Жана Денова очень нужным и полезным изданием. Да и описание каждого светильника вполне соответствует требованиям, которые предъявляются в настоящее время к музейным каталогам. Сам факт появления каталога светильников такого крупного музея восполняет весьма существенный пробел в науке и дает в руки исследователей большую группу очень важного материала.

Признавая, однако, полезность и важность этого издания, нельзя не отметить, что оно было бы лучше, если бы автор к некоторым вопросам не подошел упрощенно и поверхностно. Это относится к целому ряду аспектов, и прежде всего к типологии.

Что автор берет за критерий при разбивке светильников на типы? Оказывается, что таких признаков несколько и их набор меняется с каждым новым типом. Особенно заметно это на светильниках римской эпохи. Для них дается следующая типология: тип I — светильники, украшенные рельефными шариками; II — с носиком, украшенным головами птиц; III — с выступами на боках; IVA — с треугольным носиком, украшенным волютами; IVB — с треугольным носиком, украшенным волютами и боковыми выступами; IVC — с треугольным носиком, украшенным волютами и ручкой, IVД — с треугольным носиком без волют; IVE — с треугольным носиком и рожками; VA — с округлым носиком, украшенным двойными волютами; VB — с несколькими носиками и пластической ручкой; VC — с округлым носиком, украшенным двойными волютами и боковыми выступами; VД — с округлым носиком и простыми волютами и т. д. (стр. 80).

Уже одни эти примеры показывают, что в основу классификации кладутся то элементы орнамента, то части формы, взятые изолированно от формы в целом. Часто те признаки, которые берутся для выделения типа, выбраны лишь по субъективному восприятию автора. Они не отражают ни общей эволюции формы, не характеризуют особенности каждого типа, и имеют только описательное значение. Структура формы, закономерности ее развития, эволюция отдельных его элементов в сочетании с изменением всей формы, равно как и связь формы с качеством лака и глины (и вообще с технической характеристикой вещей и изображениями), остались вне поля зрения автора. В результате такого подхода предложенная Жаном Денова классификация не отражает действительного изменения типов светильников и вследствие этого затрудняет изучение многих аспектов этой важнейшей группы археологического материала.

При такой классификации очень затруднено определение даты каждого типа и места его производства. Для установления хронологии данные самих светильников фактически не используются. Например, эллинистические светильники датируются лишь с точностью до двух веков (стр. 47—69). Еще хуже обстоит дело с финикийскими светильниками. Они датируются только по общей дате некрополя (VI—V, V—IV вв.).

Не лучше обстоит дело с установлением места производства. За исключением небольшой группы африканских светильников (стр. 210—219), которые получили свою атрибуцию уже давно, этот вопрос нигде не поставлен — ни применительно к пунийским, ни к эллинистическим и римским светильникам. А он очень важен как для характеристики самого материала, так и для изучения местной культуры и роли ремесла в экономике североафриканских городов. Такое упущение тем более досадно, что светильники принадлежат к той категории археологического материала, которую, как обладающую рядом ярких признаков — формой, спецификой изображений и т. д. — сравнительно легко связать с конкретным местом производства. Кроме того, светильники изучены сравнительно хорошо, а в ряде случаев удалось установить район их изготовления. Все это автору известно, во всяком случае он знает литературу о светильниках, но почему-то в самом тексте данные этой литературы использованы лишь для нахождения аналогии к изображениям, что отрицательно сказалось на классификации материала. В самом деле, большинство опубликованных в книге светильников привозные; они попали в Северную Африку из разных центров. Вполне естественно, что в каждом из этих центров существовала своя традиция, были выработанные веками типы, особенности.

В книге весь этот разноликий материал смешан в одну кучу, и автор попытался подогнать его под одну схему. Из этой попытки, конечно, ничего хорошего не получилось и получиться не могло. Методологически правильнее было выделить сначала светильники уже известных центров — италийские и, галльские и т. д. — и связать их с уже имеющимися классификациями (Бронеера для эллинистического материала, Лешке — для римского и т. д.). Затем нужно было сделать попытку выделить светильники местного, африканского производства (оригинальные и, если таковые

оказались бы, подражания привозным). Наука в настоящее время располагает средствами и методами для разрешения этой задачи. А между тем этот вопрос не только не разработан автором, но даже и не поставлен. И в результате появилась типология, которая не дает представления об эволюции светильников, а светильники оказалось невозможно связать с определенной территорией.

Наконец, нельзя не отметить еще одного недостатка. Публикуемый материал совершенно изолирован от местной североафриканской жизни. В особенности это относится к римской эпохе: на многих светильниках этого времени имеются надписи с упоминанием владельцев мастерских. Эти имена, кроме светильников, часто встречаются на керамике и в надписях на другом материале. Автор же эти надписи совсем не использует. Не говоря уже о том, что привлечение дополнительного материала могло облегчить датировку светильников, выяснение места их производства и т. д., оно позволило бы связать этот материал с общим развитием североафриканских городов. Автор упоминает лишь надписи, называющие Пулленов, очень известное африканское семейство (стр. 85). Но и здесь имеющиеся возможности использованы не до конца. Во-первых, не привлечены другие источники с упоминанием этого семейства, а во-вторых, пропущены уже накопленные данные. Так, уже Луи Лесхи установил, что производством керамики Пуллены стали заниматься, по-видимому, в последней четверти II в. [4].

Выше были отмечены лишь самые существенные недостатки книги, которые, естественно, отразились на ее качестве. Вместо того чтобы быть действительно научным каталогом большой группы светильников с хорошим исследованием, рецензируемый труд является альбомом светильников, снабженным описанием и краткими архивными сведениями Но и в этом виде книга имеет определенное значение и восполняет один из больших пробелов в наших знаниях о материальной культуре Северной Африки в первые века нашей эры.

С. А. Беляев

---

[4] L. L e s c h i. Une famille thevestine au II siècle de notre ére. «Etudes d'épigraphie, d'archéologie et d'histoire africaine» Paris, 1957, стр. 123. О надписях на керамике см.: J e a n B o u b é. La terra sigillata hispanique en Mauretanie Tingitane. Tanger, 1965. Испанское происхождение этой керамики еще не доказано, скорее всего, она изготовлялась в самой Африке.

Хроника

КОНГРЕСС АРХЕОЛОГОВ-СЛАВИСТОВ В БЕРЛИНЕ

Второй Международный конгресс славянской археологии состоялся в Берлине 24—28 августа 1970 г. В послевоенный период археологи ГДР проделали большую работу по выявлению и раскопкам славянских памятников в междуречье Эльбы и Одера. Славянские древности IX—XII вв. на этой территории были известны и раньше. Теперь наряду с раскопками уже известных были открыты и изучались более ранние поселения и могильники славянских племен, начиная с VI в., заселявших Эльбо-Одерское междуречье, а в отдельных местах заходивших и западнее за Эльбу. Одновременно лингвисты-топонимисты много внимания уделили анализу географических названий этих земель, где отчетливо выявляется мощный славянский пласт. Накопленные материалы позволили исследователям выделить ареалы и культуры отдельных славянских племен — ободритов (бодричей), вильчей, сорбов, лужичан, восстановить их историю и изучить взаимоотношения с германцами [1]. Тот факт, что Второй конгресс археологов-славистов собрался на древней земле лужичан, сорбов и ободритов — свидетельство успешной работы ученых ГДР в области славистики и признания их заслуг.

В заседаниях конгресса приняло участие около 250 ученых, преимущественно археологов, но были также топонимисты, антропологи и историки-медиевисты. Кроме страны-организатора конгресса, крупные делегации в Берлин направили Польша, Чехословакия, Болгария, ФРГ и Югославия. В конгрессе приняли участие также археологи СССР, Венгрии, Австрии, Румынии, Франции, Западного Берлина, Англии, Дании, Швеции, Финляндии и США. Президентом конгресса был известный археолог ГДР К.-Х. Отто, генеральным секретарем — словацкий ученый А. Точик. Прекрасной организации конгресса его участники обязаны Академии наук ГДР и, в частности, директору ее Центрального института археологии и древней истории И. Херрманну.

Для обсуждения на конгрессе была избрана весьма актуальная проблема — этнические, культурные и торговые взаимоотношения славян с соседними племенами и народами. По этой проблеме выделено шесть тем:

1. Славяне и племена Балтийского ареала; 2. Славяне, авары, венгры и протоболгары; 3. Германцы, славяне и немцы; 4. Славяне и племена степей; 5. Славяне и романские народности; 6. Византийская культура и славяне. Седьмая тема — важнейшие открытия в области славянской археологии. По каждой из этих тем на пленарные заседания вынесено было по одному — два доклада. Исключение сделано для третьей темы. Затем участники конгресса разделились по семи секциям, на которых читались доклады по частным вопросам и велась дискуссия.

Основной доклад по первой теме «Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря» прочитал автор настоящего обзора [2]. Содержание доклада заключается в следующем. В первой половине I тысячелетия н. э. славяне занимали юго-западные области исследуемого региона (часть населения пшеворской и черняховской культур), их соседями на северо-востоке были балты (бассейны Немана, Западной Двины, верхнего Днепра и западная часть междуречья Волги и Оки), а далее на север и восток обитали финно-угорские племена. Начиная с середины I тысячелетия славяне постепенно заселяют области, занятые балтами и западнофинскими племенами. В результате здесь складываются культуры, синтезировавшие в себе славянские, балтские и финские компоненты. Балтский и финский субстраты оказали воздействие на антропологическое строение восточного славянства и его диалектно-

[1] Специально к конгрессу в ГДР издана большая монография по истории и культуре славянских племен, живших западнее Одера-Нейсе с VI по XII вв. (Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970).

[2] Большинство пленарных докладов были напечатаны к началу конгресса: «Berichte über den II; Internationalen Kongres für Slawische Archäologie». 1, Berlin, 1970. В СССР издана брошюра: «Тезисы докладов советской делегации на II Международном Конгрессе славянской археологии в Берлине», М., 1970.

языковое членение. В области прежнего расселения балтов формируются белорусы, финский субстрат воздействовал на севернорусское наречие. С конца VIII в. в юго-восточные области Балтики проникают также небольшие группы норманнов. Скандинавские переселенцы быстро растворились среди финского, балтского и славянского населения и роль их в этнической истории Восточной Европы ничтожна.

К первой же теме относится доклад польского археолога Я. Жака «Западнославянский импорт в Скандинавии в IX—XI вв.». Предполагая более высокий уровень культуры раннесредневековой Скандинавии, исследователи до недавнего времени обращали внимание исключительно на воздействие викингов на культуры племен Восточной и Средней Европы. Я. Жак убедительно показал, что культурное воздействие было взаимным. В Скандинавию из западнославянских стран попадали керамика, бусы и изделия из янтаря.

Доклады по второй теме сделала венгерская исследовательница А. Шош («Аварская проблема в свете новых венгерских археологических исследований») и археолог из Болгарии Ж. Выжарова («Славяне и протоболгары»). В первом из них показано, что в третьей четверти I тысячелетия н. э. в Среднем Подунавье славяне и авары жили на одной территории. В результате складывается культурный симбиоз, в котором дифференцировать славянские и аварские древности не представляется возможным. Во втором докладе были анализированы материалы могильников конца VIII—IX вв. с территории Болгарии. Установлено, что основную часть населения здесь составляли славяне, пришлым болгарам-тюркам принадлежали лишь немногие захоронения.

С огромным интересом был выслушан доклад «Германцы и славяне», с которым выступил Х. Янкун (ФРГ). Ссылаясь на работы М. Фасмера и его последователей, докладчик утверждал, что славяне выделились из индоевропейской семьи и первоначально жили в Припятском Полесье (к югу от Припяти, западнее Днепра). На севере они соседили с балтами, на юге — с иранцами и были изолированы от германцев. Исследователь не решается отождествить со славянами какую-либо археологическую культуру эпохи раннего железа, не исключая, что последние могут не соответствовать этническим группам. Германцам, по Янкуну, издавна принадлежали северная часть Средней Европы и южная часть Северной Европы. На этой территории наблюдается непрерывная эволюция археологических культур от неолита до Ясторфа, оставленного бесспорно германцами. Однако неолит этой территории нельзя относить к германцам, так как сюда несколько раз вторгались племена, которые могли принести новый язык.

Контакт между германцами и славянами, по мнению докладчика, начался в эпоху переселения народов, когда восточногерманские племена вторглись в Повисленье, а готы достигли Черного моря. Пшеворская культура, судя по историческим данным и вещевому материалу, должна быть отнесена к вандалам, но ее восточная часть (примерно к востоку от Вислы), как и зарубинецкая, скорей всего, оставлена славянами-венедами. В основном к этому периоду относятся лексические заимствования славянами из германских языков. С VI в. начинается славянское расселение на запад. Славяне занимают германские земли. Однако этот второй этап славяно-германских контактов должен был отразиться уже не во всех славянских языках.

Некоторая неудовлетворенность докладом Х. Янкуна возникает в связи с тем, что докладчику осталась неизвестной новейшая славистическая литература, в частности советская. Анализ славянской ремесленной лексики позволил О. Н. Трубачеву сделать вывод, что в то время, когда вырабатывалась эта лексика, носители общеславянского языка или, может быть, носители древнеевропейского диалекта, ставшего потом славянским, находились в контакте с прогерманцами и италиками, т. е. с индоевропейцами Центральной Европы и были изолированы от балтов и иранцев [3]. В. В. Мартынову удалось показать вероятность славяно-германского лексического взаимодействия уже в середине I тысячелетия до н. э.[4]. Древние языковые контакты праславян с прагерманцами выявляются и по иным лингвистическим данным [5]. Очевидно, представление, что славяне в ранний период жили изолированно от германцев, устарело. История славяно-германских взаимоотношений начинается не с эпохи переселения народов, а с более отдаленных времен.

Точка зрения М. Фасмера о размещении древнейших славян в Припятском Полесье ныне встречает ряд существенных возражений. Известно, что ряд изоглосс объединяет славян с западными балтами и, наоборот, общие древние славяно-восточнобалтские изоглоссы отсутствуют. Следовательно, праславяне находились в ближайшем контакте не с восточными, а с западными балтами (прусо-ятвяго-галиндами). Но если совсем недавно наука не располагала достаточными критериями племенной атрибуции днепровских балтов, то ныне и гидронимика, и археология свидетельствуют, что Верхнее Поднепровье (севернее Припяти) в эпоху раннего железа

---

[3] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

[4] В. В. Мартынов. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963.

[5] Сб. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков». Минск, 1969.

заселяли отнюдь не западные балты. Если раньше казалось, что славяне в Среднем Поднепровье разграничивали балтов от иранцев, то в последнее время обнаружены бесспорные факты балто-иранского контакта в бассейне Днепра [6].

Несмотря на обилие ирано-славянских схождений, нельзя утверждать, что контакты между скифо-сарматскими племенами Северного Причерноморья и славянами никогда не прерывались. Выше отмечалось, что славяне выработали свою ремесленную терминологию в изоляции от иранского мира. Исследование эпиграфических материалов чешским автором Л. Загустой показало господство иранских и фракийских и полное отсутствие славянских антропонимов в северопричерноморском ареале [7]. Некоторые исследователи из этого делают вывод, что вплоть до эпохи великого переселения народов славяне жили где-то вдалеке от Северного Причерноморья. В последнее время оказалось, что в распоряжении исследователей нет лексических данных для утверждения древнего контакта праславян с иранцами [8]. Конечно, окончательное исключение Припятской области из ареала формирования праславян на основе этих материалов было бы преждевременным. Однако, не считаться с ними не может ни один исследователь.

Два замечания возникают в связи с рассматриваемым докладом. Во-первых, было бы целесообразно тему о славяно-германских взаимоотношениях, которая, конечно, была центральной на конгрессе, рассмотреть с двух сторон. Сразу же за докладом «Германцы и славяне» нужно было бы поставить доклад «Славяне и германцы», в котором проанализировать те же вопросы, но со стороны славистики. Во-вторых, стоит отметить крупный пробел в программе конгресса — отсутствие очень важной темы «Славяне и иранцы». Для ранней истории славян эта тематика не менее существенна, чем вопросы контакта славян с германцами. Причем эта тема не ограничивается восточнославянскими территориями, где можно говорить об иранском субстрате в этногенезе южной части восточного славянства, но имеет немаловажную роль в изучении славянских племен словацкого, чешского, болгарского и польского ареалов.

По теме «Славяне и германцы» пленум конгресса, кроме того, заслушал доклады П. Гримма (ГДР) «Отношения между славянами и германцами-немцами в Эльбо-Заальской области в VIII—XIII вв.», Э. А. Сымоновича (СССР) «Культура римского времени и славяне на территории Восточной Европы», И. Поулика (Чехословакия) «Связи центральных районов Великой Моравии с каролингской империей», Л. Лецеевича (Польша) «Социально-экономические отношения и культурные контакты западных славян с немцами в раннем средневековье» и Ф. Загибы (Австрия) «Западные славяне и их материальная и духовная культура в раннем средневековье».

На основе археологических данных П. Гримм нарисовал детальную картину жизни славян и германцев в междуречье Эльбы и Заале, показав, что в разные периоды отношения между ними были различными. Имели место мирное сожительство на одной территории, вытеснение одного этноса другим, ассимиляционные процессы. В докладе Э. А. Сымановича говорилось о связи черняховской культуры с зарубинецкой и их славянской атрибуции. Яркие вещи Микульчиц и других памятников Великой Моравии продемонстрировал И. Поулик, показав, что в культурном развитии Великоморавское государство находилось на уровне державы франков.

Пятая тема «Славяне и романские народности» была представлена докладами И. Ковачевича (Югославия) «Славяне и народности Иллирийского региона» и А. Милчева (Болгария) «Славяне и народы римской провинции на Балканском полуострове». С докладом по шестой теме выступила югославская исследовательница М. Любинкович «Славяне центральнобалканской области и византийская культура». Интересный и содержательный доклад «Итоги и основные проблемы археологических исследований по раннему средневековью в ГДР в 1965—1970 гг.» (тема седьмая) сделал И. Херрманн.

На секционных заседаниях зачитано около 90 докладов и сообщений. Советские ученые выступили с четырьмя докладами: Л. А. Голубева «Древнее Белоозеро», В. В. Кропоткин «Византия и славянские племена Поднестровья и Поднепровья» и «Пути распространения куфических монет в Среднем Подунавье», Т. И. Алексеева «Антропология восточных, западных и южных славян в связи с вопросом их прародины».

В период работы конгресса в Берлинском Меркишесмузее была открыта большая археологическая выставка, на которой представлены материалы из важнейших средневековых памятников с территории ГДР. Была организована также поездка в г. Бранденбург, где участники конгресса ознакомились с археологическими раскопками славянского поселения и средневековыми памятниками архитектуры.

---

[6] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 231; В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 133; 134; В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. СА, 1965, 4, стр. 52—62.

[7] L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

[8] О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. Сб. «Этимология». 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам». М., 1967, стр. 3—81.

После окончания заседаний конгресса состоялась экскурсия по важнейшим археологическим объектам ГДР, ознакомление с музеями и архитектурными достопримечательностями. Советские археологи смогли побывать и познакомиться с раскопками на Мекленбургском городище, основанном славянами в VII—VIII вв. и ставшим центром племени ободритов, на славянском поселении X—XII вв. и курганном могильнике в Ральсвиеке, на грунтовом могильнике викингов в Менцлине и на городище в Арконе. Последний памятник представляет исключительный интерес. Здесь находилось языческое святилище прибалтийских славян, которое было описано в XII в. Саксоном Грамматиком. Еще в 1921 г. на городище произведены археологические раскопки, в результате которых открыты остатки сооружения, интерпретированные автором раскопок К. Шухардтом как фундамент языческого храма[9]. В 1930 г. исследовались конструкции ворот и вала городища, после чего была сделана предварительная реконструкция славянского святилища. Однако позднее в немецкой литературе были высказаны сомнения в правильности трактовки результатов исследования. В этой связи в 1969 г. начаты новые раскопки. В результате исследователи пришли к выводу, что Арконское городище в сохранившемся виде является относительно поздним. Близ того места, где, по мнению К. Шухардта, находился фундамент храма, зафиксирован ров, который, как считают авторы раскопок, ограничивал древнее городище и святилище, ныне целиком разрушенное морем. С такой интерпретацией согласиться трудно. Во-первых, рядом с открытым рвом находится не вал, как полагают авторы раскопок (насыпи валов сооружались обычно из природного грунта, прежде всего вынутого из рва), а бесспорный культурный слой черно-серого цвета с горелым деревом и камнями. Во-вторых, обнаруженный ров мог быть составной частью святилища. Исследования культовых мест славян-язычников, предпринятые в нашей стране, показали, что кольцевой ров является их обязательным элементом. Очевидно, раскопки на Арконском городище нужно продолжить, не откладывая на дальние сроки, поскольку оно разрушается. Для славянской археологии этот памятник является уникальным. Поэтому к его изучению стоит привлечь специалистов-славистов из разных стран, как это иногда делается при раскопках важнейших палеолитических памятников.

В. В. Седов

[9] C. Schuchhardt. Arpona — Rethra — Vineta. Berlin, 1926.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Б. В. ФАРМАКОВСКОГО

В связи со столетием видного русского археолога и искусствоведа-антиковеда Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928) в Ленинграде, в помещении Государственного Эрмитажа 25—28 января 1971 г. состоялась конференция, посвященная художественной культуре и археологии Античного мира. Конференция была организована Институтом археологии АН СССР и Государственным Эрмитажем. В ее работе приняли участие научные работники более чем из двадцати научно-исследовательских институтов АН СССР, АН УССР, АН Грузинской ССР, университетов, пединститутов, музеев ГМИИ им. А. С. Пушкина, ГИМа, Эрмитажа и других музеев различных городов Советского Союза.

Конференцию открыл академик директор Гос. Эрмитажа Б. Б. Пиотровский, который в своем вступительном слове дал краткий обзор научного пути Б. В. Фармаковского. После окончания Одесского университета и ряда заграничных поездок Б. В. Фармаковский приступил к раскопкам Ольвии. С 1898 г. он ученый секретарь Русского археологического института, основанного в Константинополе. С 1901 г. работал в Археологической комиссии в Петербурге и продолжал раскопки Ольвии. В 1914 г. избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. После Октябрьской революции Б. В. Фармаковский стал одним из организаторов советской археологической науки, а со дня учреждения Российской Академии истории материальной культуры — ее действительным членом. Одновременно Б. В. Фармаковский был профессором по истории культуры античного мира в Ленинградском университете, руководил раскопками Ольвии и никогда не порывал тесной связи с Государственным Эрмитажем.

На конференции было прочтено 22 доклада. Научной деятельности Б. В. Фармаковского посвящены доклады М. М. Кобылиной «Б. В. Фармаковский и античная художественная культура» и А. Н. Карасева «Б. В. Фармаковский и Ольвия». В первом докладе дан анализ и высокая оценка методов исследователя и его научного наследия и особо отмечено, что Б. В. Фармаковский первый выделил в искусстве античности искусство юга России. Доклад А. Н. Карасева содержал подробную характеристику этапов исследований Ольвии Б. В. Фармаковским и той тщательно разработанной методики раскопок, которая применяется до сих пор.

Юношеским годам Б. В. Фармаковского посвящен доклад Т. И. Фармаковской. Семья Фармаковских находилась в дружбе с семьей Ульяновых, а Борис Владимирович свои школьные годы провел с Владимиром Ильичем Лениным, с которым он вместе учился в симбирской гимназии.

Важнейшие результаты изучения Ольвии после Б. В. Фармаковского нашли отражение в докладах Е. И. Леви и А. Н. Карасева «Итоги исследований Ольвии после Б. В. Фармаковского», Л. В. Копейкиной «Архаическая Ольвия» и Л. М. Славина и С. Д. Крыжицкого «Итоги исследований городских кварталов в районе Ольвийской агоры и хоры Ольвии».

Широкие планы исследования Ольвии, намеченные Б. В. Фармаковским, легли в основу работ его преемников и учеников. Многие предположения Б. В. Фармаковского были подтверждены и дополнены дальнейшими исследованиями города и периферии, что ярко было показано в докладе Е. И. Леви и А. Н. Карасева.

В докладе Л. В. Копейкиной особое внимание было уделено анализу архаической керамики, из которой наибольший интерес представляет родосско-понетская группа, сходная по своему характеру с находками на о. Березани. Верхний город Ольвии был заселен уже в первой половине VI в. до н. э., а к середине того же века возникают освященный участок и производственный район.

Доклад Л. М. Славина и С. А. Крыжицкого подводил итоги многолетних работ киевских археологов в Ольвии. Большое место в докладе было отведено вопросам планировки города и реконструкции комплексов. Однако при несомненном интересе поставленных вопросов убедительность некоторых реконструкций, недостаточно подкрепленных графическим материалом, вызывает сомнения, что отметили в своих выступлениях А. Н. Карасев и Н. И. Сокольский. Выступление И. Д. Значко-Яворского касалось осуществленных при исследовании Ольвии приемов комплексных изучений памятников, в ходе которых технологи определили состав и отличное качество водопроницаемой извести, применяемой в сооружениях античной Ольвии.

Важнейшему открытию после Б. В Фармаковского был посвящен доклад Ю. И. Козуб «Древнейший культовый комплекс Ольвии». Дана убедительная интерпретация этого памятника как одного из ранних святилищ хтонических божеств во всем северном Причерноморье.

Значительная часть докладов на конференции была посвящена различным вопросам изучения материальной культуры Ольвии и ее ближайшего окружения.

К. И. Зайцева в докладе «Ольвийская расписная эллинистическая керамика» пришла к выводу, что Ольвия с конца IV по первую половину II в. до н. э. являлась одним из крупных центров по производству расписной керамики. Среди разнообразных форм сосудов наиболее характерны курильницы и амфоры на отдельно сделанных, не соединенных с сосудами подставках, изготавливавшихся специально для погребальных целей. Своеобразие Ольвийской орнаментики проявлялось в изображении стилизованных арацеевых растений и плодов и в украшении сосудов чешуйчатым орнаментом. Некоторые образцы ольвийских расписных сосудов стоят в одном ряду с выдающимися памятниками искусства.

Д. С. Герцигер в своем докладе «Фигурные сосуды Ольвии первых веков нашей эры», основываясь на стилистическом анализе и типологических сопоставлениях, устанавливает существование в I в. до н. э.— II в. н. э., как местного производства фигурных сосудов в различных мастерских городов Северного Причерноморья, так и наличие импортных изделий из Малой Азии и Египта, что служит еще одним подтверждением наличия торговых связей Ольвии в это время с указанными районами Античного мира.

Н. П. Сорокина в докладе «Стеклянные сосуды III—IV вв. н. э. из Ольвии» подразделила их на несколько групп: одни сосуды относятся к западноримскому кругу стеклоделия, другие к наиболее распространенным в городах Причерноморья восточно-средиземноморским изделиям. Находки стеклянных сосудов свидетельствуют, что в позднеантичное время Ольвия сохранила свое важное торгово-ремесленное значение, особенно для племен черняховской культуры.

Изучению найденной при раскопках ольвийского гимнасия в 1969 г. известняковой полуфигуры юноши был посвящен совместный доклад А. П. Чубовой и М. М. Лесницкого «„Курос“ из Ольвии». Композиционное построение скульптуры позволило авторам отнести этот памятник к типу куросов. Подчеркивая оригинальность ольвийского куроса, авторы в то же самое время отметили, что в трактовке торса прослеживаются традиции ионийской школы, а манера исполнения лица сближает его с раннеаттической скульптурой. На основании сопоставления ольвийского куроса с аналогичными находками из Средиземноморья А. П. Чубова и М. М. Лесницкий склонны видеть в этом памятнике произведение местного (ольвийского) мастера самого конца архаической эпохи (конец VI в. до н. э.).

Выступившие в прениях по этому докладу П. Н. Шульц и М. М. Кобылина поставили под сомнение датировку скульптуры концом VI в. до н. э. По их мнению, ольвийский курос выполнен не раньше первой четверти V в. д н. э. По мнению П. Н. Шульца, детали (трактовка лица, наличие одежды) заставляют думать о том, что это — местный памятник, который после повреждения и утраты нижней части подвергся переработке и был вторично установлен в гимнасии. К. С. Горбунова присоединилась к предположению П. Н. Шульца: скульптура была задумана как обнаженная, которую при подправке превратили в одетую. М. М. Лесницкая в заключительном слове подчеркнула сложность памятника и необходимость некоторой доработки доклада.

П. О. Карышковский в докладе «Ольвийская коллегия Семи и ее монеты» установил, что вмешательство коллегии Семи, ведавшей священной наукой, в чеканку монет города следует отнести к тому же времени, каким датируются и эпиграфические свидетельства о ее политической деятельности, т. е. ко второй половине III в. н. э. Указанное время было периодом денежного кризиса Ольвии, выход из которого городские власти видели в расширении выпуска медной монеты, в частом изменении их типов, надчеканке и перечеканке обращающихся монет. Докладчик считает, что временный переход ответственности за выпуск монеты в руки коллегии Семи был попыткой властей поставить новую серию в твердое счетное соотношение к монетам предыдущих выпусков под покровительство божества и обеспечить ее храмовыми сокровищами.

Доклад Ю. Г. Виноградова «Древнейшее греческое письмо с острова Березани» был посвящен интереснейшему памятнику, найденному автором в 1970 г. Текст письма, написанный на свинцовой пластинке архаическим ионийским диалектом, датируется автором второй половиной IV в. до н. э. Анализ языка письма позволил сделать ряд новых наблюдений о развитии ионийского диалекта и его северопонтийского варианта. Содержание письма заставило Ю. Г. Виноградова прийти к выводу о таком значительном развитии уровня социально-экономических отношений греческого общества в VI в. до н. э., которое до последнего времени считалось характерным для IV в. до н. э. и позднее. Исходя из текста письма, автор охарактеризовал ряд статутов в социальной структуре греческого полиса VI в. до н. э., связал каждую категорию с определенным родом занятий, сделал ряд наблюдений о высоком уровне развития и дифференцированности экономических отношений этого времени, указал на другие проблемы, затрагиваемые этим документом.

В своем докладе «Аттическая чернофигурная керамика VI в. до н. э. на Березани» К. С. Горбунова показала, что находки чернофигурной аттической керамики из раскопок поселения подтверждают общий вывод о нарастании торговых связей с Афинами в течение VI в. до н. э. На всем протяжении этого столетия количество находок фрагментов чернофигурной керамики постоянно возрастало; кроме того автор подчеркнул, что во все периоды VI в. до н. э., наряду с изделиями массовой чернофигурной продукции, встречаются фрагменты высокохудожественных сосудов. Среди них К. С. Горбунова отмечает произведения последователей Софила и чаши Сиана — второй четверти VI в.; изделия Тлесона, сына Неарха и других мастеров мелкофигурных киликов — третьей четверти VI в. до н. э., сосуды круга Экзекия, глубокий килик с глазами, оносы и т. д.— последней четверти VI в. до н. э. В последние десятилетия VI в. до н. э., одновременно с чернофигурной керамикой на Березань привозили и краснофигурные вазы, среди которых найден килик одного из лучших рисовальщиков Афин — Эпиктета.

И. Б. Клейман в докладе «Архаические терракоты из Никония» установил отличия терракот Никония и показал эволюцию их исторического развития.

Наиболее оживленные прения вызвали следующие доклады, посвященные вопросам искусства местных народов северного Причерноморья»: П. Н. Шульца «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы», Н. И. Сокольского «Вопросы синдской скульптуры» и Н. А. Онайко «Об антропоморфных изображениях в меото-скифской торевтике».

В докладе П. Н. Шульца был дан полный свод скифской скульптуры с VI по III в. до н. э. Ранние изваяния изображали вооруженного героя — родоначальника, более поздние — героизированных военачальников и царей. Со времени Атея появляются элементы портретности. Датировка скульптур дана докладчиком по типам изображенных акинаков. В ранних скульптурах — влияние переднеазиатского Востока, в поздних — греческих памятников. Антропоморфные сарматские стелы были созданы в условиях соприкосновения сарматов с античной и позднескифской культурами. В ответах на вопросы П. Н. Шульц высказал несогласие с точкой зрения Н. И. Сокольского о том, что толчком к появлению скифских изваяний является греческая скульптура, так как, по мнению П. Н. Шульца, в ранних скифских изваяниях отмечается влияние Малой и Передней Азии. В прениях А. И. Вощинина отметила, что докладчик блестяще дал полный свод скифской скульптуры, датировка которой убедительна, но менее убедительно показал генезис скульптуры. М. М. Кобылина подчеркнула особую ценность того территориального распространения скифских изваяний, который дан докладчиком.

А. И. Сокольский изучал накопленные за последние годы скульптуры Таманского полуострова (полуфигуры и стелы) как памятники синдской скульптуры. Они носят следы греческого влияния, но отражают этнографический тип синдов. Большинство из них относится к IV—II вв. до н. э., а часть горгиппийских рельефов датируется I в. до н. э. Отвечая на вопрос Н. Л. Грач об истоках возникновения у синдов традиции создания полуфигур, докладчик полностью отнес возникновение этих памятников за счет влияния греческой культуры. Н. Л. Грач в прениях высказала предположение о появлении на Боспоре статуй-полуфигур под влиянием Малой Азии, так как многие подобные памятники находятся в Оттоманском музее в Стамбуле. Трудно объяснить факт одновременного существования у синдов разностильных изображений. Целый ряд положений следует докладчику, по мнению Н. Л. Грач, высказать с большей осторожностью.

Иную точку зрения высказала и М. М. Кобылина. Она заметила, что рассматриваемые скульптуры являются не полуфигурами, а поколенными изображениями. Маловероятно греческое, равно как и малоазиатское влияние в их возникновении; подобные памятники могли возникнуть, по ее мнению, только в варварской среде. П. Н. Шульц подчеркнул как особую заслугу Н. И. Сокольского выделение им памятников синдской скульптуры и уточнение их хронологии.

Н. А. Онайко, рассматривая одну из групп северочерноморской торевтики, пришла к выводу, что в создании образцов греко-варварских божеств и героизированных предков внесли свой вклад синдо-меотские племена. По композиции эти произведения торевтики — греко-меотские.

В прениях по докладу Н. А. Онайко выступили Л. В. Силантьева и С. И. Капошина. Отметив содержательность доклада, Л. Ф. Силантьева сочла излишне подчеркнутым утверждение о выработке различных вариантов одного и того же мотива одним лишь штампом, что привело докладчика к умалению как индивидуальных способностей мастеров, так и хронологического изменения мотивов.

С. И. Капошина отметила отсутствие в докладе четких признаков синдо-меотской торевтики. Что касается центров производства торевтики, в частности горитов, то кроме Боспора таким центром была и Ольвия, о чем свидетельствуют находки в ней литейных форм.

В своем заключительном слове Н. А. Онайко ответила, что она останавливалась в докладе только на частных вопросах синдо-меотской торевтики и не ставила своей целью дать характеристику боспорской торевтики. Роль Ольвии в изготовлении предметов торевтики сравнительно с Боспором она считает незначительной.

А. П. Манцевич в своем докладе «Амфоры из кургана Солоха» пыталась пересмотреть гипотезу Б. Н. Гракова о происхождении этих амфор из Византия и выдвинула новую — об их халкидском происхождении. Ее гипотеза встретила возражения со стороны Б. А. Василенко и особенно И. Б. Брашинского, считающих, что амфоры, производимые в Менде, отличаются от солохинских и что гипотеза Б. Н. Гракова более убедительна. Объяснение А. П. Манцевич букв на амфорах как знаков, обозначающих сладкий сорт вина, было поддержано Н. И. Сокольским.

Авторы ряда других докладов осветили отдельные аспекты исследования античного искусства Причерноморья и Средиземноморья.

И. Т. Кругликова в докладе «Мраморная головка Афродиты из Горгиппии» определила эту находку из Анапы как часть скульптурного изображения Афродиты, культ которой был широко распространен в Горгиппии. По мнению автора, головка, выполненная в манере школы Праксителя, обладает отдельными чертами, сближающими ее со скульптурой Афродиты с о. Мелоса и с Афродитой из Пергама. Техника исполнения головки позволила автору датировать ее I или самым началом II в. н. э.

«Две южноиталийские вазы из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина» — такова тема доклада Н. М. Лосевой. Кратер с изображением силенов с мышью, близкий работам известного вазописца Аминса, автор относит к 20-м годам V в. до н. э. Другая ваза, орнаментированная редкой по технике чернофигурной росписью, восходит к 330—320 гг. до н. э.

О. Д. Лордкипанидзе в докладе «Художественная культура Колхиды в V—IV вв. до н. э.» исследовал памятники искусства из раскопок Вани. Отмечена их генетическая связь с памятниками поздней бронзы Колхиды. Встречаются и привозные греческие предметы. Особенно отчетливо влияние греческой культуры проявляется в IV в. до н. э.

При подведении итогов конференции памяти Б. В. Фармаковского Н. И. Сокольский и П. Н. Шульц, отметив многообразие и содержательность заслушанных и обсужденных докладов, подчеркнули, что она была по существу четвертой всесоюзной конференцией антиковедов страны, и предложили в дальнейшем проводить подобные симпозиумы, но тематически в более строгом варианте.

В принятой участниками конференции резолюции подчеркнуто ее большое научное значение, выражено пожелание об обращении в Ленгорсовет с просьбой установить мемориальную доску на доме, где жил и работал Б. В. Фармаковский, высказано пожелание увеличить ассигнования на раскопки Ольвии. Решено также просить Институт археологии АН СССР опубликовать сборник докладов конференции.

В. С. Долгоруков, Г. А. Цветаева

ДИСКУССИЯ О ХАРАКТЕРЕ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

8—9 июня 1970 г. состоялось расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, посвященное теме «Домашние промыслы и ремесло». Было заслушано 6 докладов[1], в дискуссии приняло участие 12 человек.

[1] Тезисы докладов опубликованы: Домашние промыслы и ремесло. Тезисы расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа 8—9 июня 1970 г., Л., 1970, стр. 34. Доклады Ю. А. Заднепровского, Г. А. Максименкова и Б. Н. Пяткина, тезисы которых опубликованы в этом издании, на заседании не заслушивались.

В. М. Массон, открывая заседание, сказал, что настоящее заседание решено было созвать с целью сосредоточения внимания на аспекте социологической интерпретации новых, количественно все более увеличивающихся материалов. При этом имеется в виду две задачи — необходимость выработки — пусть в порядке поискового — критериев для определения тех явлений на археологическом материале, которыми мы широко оперируем в исторических выводах, а также сопоставление региональных схем. Первым с докладом «О ранних формах ремесленного производства» по материалам трипольской культуры выступил С. Н. Бибиков.

В трипольском обществе С. Н. Бибиков выделяет два типа ремесленного производства: домашний промысел и общинное ремесло. Материальные следы домашних промыслов постоянно встречаются при раскопках. Это грузила для ткацких станков, прясла, кочедыги, скребки, сверла и т. д. Второй тип ремесла качественно отличается от домашнего промысла. Сезонные ремесла — гончарное, кремнеобрабатывающее, кремнедобывающее, строительное — носили общинный характер. Ремесленники сами добывали или получали от общества сырье, перерабатывали его в изделия, которыми распоряжалась община-заказчик. Вознаграждение за труд производители получали из общественного фонда на правах членов общины. Такая форма ремесленного труда, которая может быть восстановлена для трипольского общества, и характерная для других обществ с подобным уровнем развития производительных сил, может быть названа общинным ремеслом.

В. М. Массон в докладе на тему «Становление ремесел в свете данных археологии» остановился на следующих вопросах — понятие ремесла, проблема древнейших мастеров (до-неолитических), промыслы древнейшего неолита, первобытное или общинное ремесло, отделение ремесла от земледелия. Социологическая сущность ремесла лучше всего выявлена в работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. На этой методологической базе должна строиться и археологическая методика. Археологи судят о наличии ремесел по степени профессионализма, проявляющегося в технологических особенностях производства тех или иных групп предметов и в устойчивой связи мастеров-профессионалов с орудиями труда. Это дает возможность на собственно археологических материалах изучать технологические предпосылки выделения ремесел. Важное методическое значение имеет установление территориального расположения на поселениях центров производств как по остаткам производств, так и по находкам орудий труда. Правда, следует иметь в виду, что причины определенной локализации тех и других могут быть как социологическими, так и технологическими. В. М. Массон рассмотрел вопросы развития обмена и торговли предметами домашних промыслов и ремесел, а не сырьевыми ресурсами и уникальными предметами украшений, и подчеркнул трудность выработки методики для установления обмена не в масштабах регионов, а внутри поселений. В донеолитическом обществе ландшафтно-сырьевое разнообразие могло быть одной из основ специализации даже целых общин. В. М. Массон предложил заменить термин «случайный обмен» другим — «архаический обмен». Докладчик считает, что наличие мастеров-умельцев, своеобразных профессионалов, не составляло «жизненной необходимости» для экономической структуры общества. В раннеземледельческих культурах Ближнего Востока и Средней Азии, по мнению В. М. Массона, можно выделить три этапа развития домашних промыслов и ремесел. На первом этапе, ярко представленном материалами Джейтуна, производство по степени профессионализма еще находится на уровне палеолита, мезолита. Появляются новые виды производства — строительное дело и керамика, но они архаичны и были в пределах возможностей любой семейной пары. Для этой эпохи характерна децентрализация производства на поселениях, соответствующая развитию промыслов в пределах парной семьи.

На втором этапе прослеживаются социальный и природный стимулы развития ремесла. Первый стимул наиболее устойчивый. Энгельс применял термин «домашнее ремесло». В. М. Массон предложил вслед за С. Н. Бибиковым и В. В. Кропоткиным говорить о первобытном или общинном ремесле. Период общинного ремесла особенно ярко прослеживается на материале раннеземледельческих культур, где он продолжался от 2000 до 3000 лет и оставил превосходные образцы продукции общинных мастеров.

Сущность эпохи состоит в выделении мастеров, хотя ряд промыслов остается домашним. Археологическими критериями для установления этого этапа можно считать появление в археологических комплексах как закономерного, часто повторяющегося явления домов-мастерских и погребений мастеров-профессионалов со специфическим набором инструментов.

На третьем этапе происходит отделение ремесла от земледелия. Технологической основой такого отделения, особенно заметной в археологии, были гончарный круг, двухъярусные гончарные печи, совершенствование обработки металлов. Развитие общества с усложнением его структуры, возрастанием социальной дифференциации, усилением военных столкновений привело к выделению целого ряда специализированных производств. Приобретение производственных навыков требовало длительного профессионального обучения, отрывавшего индивидуума от общины. На этом этапе появляются мастерские — крупные производственные центры; может быть, уже имеет место специализация общин. Появляются божества — покровители обособив-

шихся профессий. Обмен — решающее условие для установления этого этапа. Важен детальный технологический и типологический анализ для определения ареала сбыта одной мастерской. Необходимость обмена сырьем развивает структуру торговли, открывая возможность торговли и вещами. В «кладах торговцев» следует различать клады — запасы сырья и клады именно торговые. Обмен сырьем для металлургии еще не означает отделения ремесла от земледелия. На этом этапе — и в классовом обществе — могут сосуществовать домашние промыслы по семьям, общинное ремесло и мастерские ремесленников. Вместе с тем в ряде случаев технологическая база домашних промыслов и ремесел бывает одинакова или настолько близка, что по археологическим материалам трудно отличима. В таких случаях особую роль приобретают анализ территориального распределения соответствующих производств.

К. Х. Кушнарева прочитала доклад «К вопросу о развитии металлургии и гончарства на древнем Кавказе». К. Х. Кушнарева последовательно проследила развитие этих отраслей производства от энеолита до эпохи поздней бронзы включительно. В энеолите техника выделки и формы керамики были очень примитивны, что скорее всего говорит о повсеместном изготовлении посуды в рамках домашнего хозяйства. К этому же времени, очевидно, относится возникновение местной металлургии. К III тысячелетию до н. э. металлургия уже сделала огромные успехи. Об уровне металлургического производства в III тысячелетии до н. э. свидетельствуют: (1 наличие горнодобывающих орудий, 2) остатки литейного дела почти на всех ключевых поселениях, 3) разнообразная металлургическая продукция. Этот уровень металлургии, видимо, свидетельствует о ее выделении в самостоятельную отрасль производства, которой занимались уже мастера-профессионалы. В эпоху ранней бронзы значительно вперед продвинулось гончарное дело. Появляются гончары-профессионалы, свободные от каких-либо занятий в общине. В эпоху средней бронзы значительно увеличивается ассортимент продукции. Особо нужно отметить выделение ювелирного дела и широкое применение гончарного круга.

В эпоху поздней бронзы гончарное и металлургическое ремесло отделяются от сельского хозяйства.

Доклад Н. А. Бутинова был посвящен производству пищевых средств и изготовлению изделий. В производстве доклассовых обществ выделяются производство пищевых средств и изготовление изделий. В производстве пищевых средств различаются присваивающая (собирательство, охота, рыболовство) и производящая (скотоводство, земледелие) формы. Магистральная линия развития человечества связана с переходом от первой формы ко второй, хотя в отдельных случаях племена охотников и рыболовов могли достигать даже более высокого уровня развития, чем некоторые племена мотыжных земледельцев, выращивающих клубневые растения. В производстве пищевых средств есть люди более искусные или удачливые, но в этой отрасли нет ремесленников. Только изготовлению изделий свойственно ремесло. В изготовлении изделий различаются две формы: натуральная, когда изделия изготовляются в свободное от производства пищевых средств время, и ремесленная, когда в общинах появляются люди, занятые только и исключительно изготовлением изделий. В отдельных случаях под влиянием особенностей природной среды даже на ранних стадиях развития могут появляться общины, специализирующиеся на изготовлении тех или иных изделий. Но здесь еще трудно говорить о выделении ремесла. Ремесло отделяется от производства пищевых средств в условиях сравнительно высокого уровня развития производительных сил. Как показывает этнография, появление социальной и имущественной дифференциации предшествует появлению ремесленников-профессионалов. Ремесленник работает на заказ вождя или жреца. Отделение ремесла от производства пищевых средств — прогрессивный шаг, который в дальнейшем развитии привел к появлению городов и дал начало «городским» цивилизациям.

В. С. Бочкарев выступил с докладом «К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в северо-западном Причерноморье». По его мнению, очаг металлообработки мог сложиться в северопричерноморских степях только при следующих условиях: а) импорта сырья, б) ввоза материала для литейных форм, в) наличия топлива, г) существования прочной традиции обработки металлов у местного населения.

Подробно осветив каждое из этих условий, он пришел к выводу, что литейное дело могло существовать в северо-западном Причерноморье только в специализированном виде. Об этом же говорит сам факт наличия крупных мастерских. Уровень специализации мастерской определялся по трем критериям: а) по количеству выпускаемой продукции; б) по ассортименту этой продукции; в) по стабильности работы мастерской. В итоге В. С. Бочкарев предположил, что средняя литейная мастерская обслуживала коллектив людей, больший, чем группа семей, но не больше того, который проживал на территории очага.

В. И. Распопова прочитала доклад «Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда». Характерной чертой согдийского города VII—VIII вв. является насыщенность ремесленными мастерскими, которые работали как на потребу горожан, так и на обслуживание сельской округи. Как показывают материа-

лы Пенджикента, ремесленники самостоятельно производили и сбывали свои изделия, но лавки и мастерские, в которых они работали, находились на земле, принадлежавшей городскому патрициату. VII—VIII вв.— время высокого развития товарно-денежных отношений в Согде. Однако это развитие проходило неравномерно, что прослеживается по продукции керамического производства, которая делится на более трудоемкую, но не требующую сложных профессиональных навыков лепную посуду и на гораздо менее трудоемкую, но требующую специальной подготовки мастера станковую посуду. Если станковая посуда соответствует техническому уровню ремесла, то лепная может отражать как домашний промысел, так и более примитивный уровень ремесла. Бо́льшая часть лепной керамики, найденной в Пенджикенте, видимо, изготовлена в горных селениях его округи, где изготовление керамики играло роль подсобного промысла. Лепная керамика, найденная на памятниках оседлого населения Семиречья, видимо, свидетельствует о том, что здесь на окраине оседлого мира имела место некоторая деградация гончарного ремесла. Докладчик не разделяет мнения тех исследователей, которые наличие лепной керамики на оседлых поселениях, расположенных на границе с кочевым миром, рассматривают как свидетельство оседания кочевников. Археологические материалы Согда показывают, что между домашним производством и товарным ремесленным производством существует целый ряд промежуточных ступеней — от производства для потребления в том же хозяйстве до производства на рынок. Археологически трудно разделить домашнее производство и примитивные формы ремесла, примитивные формы ремесла и развитое ремесло. Безусловно, более развитые формы ремесла связаны с более сложной техникой. Но само по себе употребление гончарного круга или других технических устройств не позволяет отличить общинного ремесленника от работающего на городской рынок. Это можно сделать лишь исходя из общей картины раскопанных поселений. В Пенджикенте, где раскопано больше четверти городской территории, постановка палеосоциологических исследований получает конкретную основу.

По заслушанным докладам развернулась оживленная дискуссия. А. М. Беленицкий начал свое выступление с разбора основной темы совещания.

По его мнению, проблема заключается в следующем: содействовал ли сам факт выделения ремесла урбанизации, усложнению социальной структуры общества. А. М. Беленицкий считает, что само по себе выделение ремесла не обуславливает еще урбанизацию общества. Земледельческие общины, в которых выделились разные специалисты, могли существовать очень долго, не превращаясь в городской организм. Классическим примером может служить индийская сельская община, в которой разделение труда было достаточно дробным. Во многих обществах существовало разделение труда, но древнейшие известные государственные образования и городские центры возникли именно в той зоне, где происходили основные движения племен и народов предыстории Южной Европы и Переднего Востока. Образование городских укрепленных центров — непосредственный результат этих движений. Древневосточный город — это прежде всего место пребывания правителей. Уже в период письменной истории хорошо известны факты основания городов царями и предводителями. Город был опорным пунктом военной власти, но город не только укрепленный лагерь. Это город дворцов и храмов. Переход к городской жизни дал мощный толчок к становлению ремесла, как важнейшего производственно-социального фактора. Именно при дворцах и храмах концентрировались основные виды профессионального ремесленного производства, такие как строительное дело, производство предметов вооружения, дорогих сортов тканей, утвари из разных металлов. Роль центральной власти, городской верхушки в становлении ремесленного производства в качестве важнейшего экономического и, следовательно, социального, института прослеживается и в последующие эпохи вплоть до средневековья. А. М. Беленицкий согласился с Н. А. Бутиновым, что имущественная дифференциация предшествует появлению ремесленников-профессионалов, но подчеркнул, что в историческом плане выделение ремесла в качестве социально-экономического института всецело связано с городом и современно ему. Таким образом, для древности, которой посвящены основные доклады совещания, историческая проблема заключается не в отношении собственно домашних промыслов к профессиональному ремеслу, а в отношении общинного ремесла к городскому. Общинное ремесло может достигнуть довольно высокого технологического уровня, но его роль в дальнейшем социально-экономическом развитии, видимо, ничтожна. Что касается городского ремесла, то оно сопровождает весь путь развития классового общества вплоть до нового времени.

Важнейшие теоретические вопросы поднял в своем выступлении Б. Б. Пиотровский. Он отметил, что дискуссия по теме «Домашние промыслы и ремесло» — очень нужная и полезная. Она поможет нам уделить больше внимания теоретическим вопросам по актуальным темам. Процесс производства имеет две стороны: получение пищи и производство материальных благ; они развиваются бок о бок, но имеют свои специфические черты. В обеих этих сферах мы можем наблюдать закономерное развитие от коллективной деятельности, через семейное, к индивидуальной. Для разных ступеней развития и понятие «ремесло» будет иным. Так. В. М. Массон начал свое выступление цитатой из работы В. И. Ленина, дающей

определение «ремесла» именно для капиталистического строя. Тут речь идет об индивидуальном ремесленнике, труд которого оплачивается и который создает товар. Ремесло противопоставляется домашней промышленности, сосуществующей с указанной формой ремесла. Какая разница терминов «ремесло» и «промышленность»? Ведь все же мы под «ремеслом» понимаем мелкое (мелкотоварное) ручное, по преимуществу производство при простой организации труда.

Б. Б. Пиотровский считает, что и заглавие дискуссии «Домашние промыслы и ремесло» является модернизацией. Ведь из приведенных сообщений видно, что термин «домашние промыслы» лучше заменить термином «домашнее ремесло», давно принятым и широко употребляемым. Характерной чертой раннего домашнего производства, как показывают этнографические примеры, в частности, работа Е. М. Пещеревой о керамическом производстве горных таджиков, является то, что опытные мастерицы керамики выполняют эти свои обязанности не все время, а сезонно и большую часть своей жизни занимаются другим делом. В свете этого помещения для изготовления керамики, обнаруженные в ранних поселениях первобытной общины, следует рассматривать не как постоянно-действующие мастерские ремесленников, а как помещения для сезонных собраний опытных мастериц-керамисток, выполняющих в общине и другие обязанности. Труд их был коллективным и распределение продуктов труда также было коллективным. Таким образом, тут обмен не выступает еще как характерная черта ремесла. За первой формой «Домашнее ремесло» следует вторая форма «на заказ». Но «на заказ» не значит за плату. Здесь может быть затрата труда не только члена общины, участника коллективного хозяйства, но и труд в условиях раннего рабовладельческого хозяйства. Ремесленники работают принудительно за прокорм, часто они бывают военнопленными и работают в государственном административном и военном центре. На древнем Востоке ранние города выступают чаще всего как административные центры, а не центры ремесла и торговли. Ремесло без оплаты труда — это реальная форма производственной деятельности первобытного строя в период его разложения и в рабовладельческом обществе. Но на древнем Востоке, как указывал В. М. Массон, существовало ремесло «на заказ», близкое к работе в чужом хозяйстве, с повременной или сдельной оплатой. Тут же начинается и мелкотоварное производство, где ремесленник или сам продает свой труд или же через посредника. На древнем Востоке таким посредником был «тамкар», причем «тамкары» делились на две категории, одни были государственными, другие работали на себя. Б. Б. Пиотровский указал, что термин «ремесло» в разные исторические эпохи будет иметь и различное содержание. С. Н. Бибиков правильно отметил три последовательные формы: 1) домашнее ремесло, характерное для натурального хозяйства, 2) ремесло «на заказ», но необязательно с эквивалентной оплатой труда и 3) ремесло на рынок, при котором ремесленник продает свой продукт или сам, или через посредника. Эта форма особенно характерна для феодализма. Вместе с постановкой вопроса о ремесле встают и два других, тесно с ним связанные,— формы обмена в их историческом развитии и история поселений и городов, которая отчетливо показывает, что древнейшие города не были центрами ремесла и торговли.

Н. А. Бутинов, выступая в прениях, отметил, что, говоря о выделении ремесла, мы имеем в виду не какую-то формальную грань и не отдельные случаи, когда трудно сказать, является ли данное население ремесленниками или нет. Мы, видимо, хотим проследить магистральную линию в развитии подавляющей части человечества. В переходе от присваивающего хозяйства к земледелию или скотоводству также очень много переходных ступеней, когда трудно сказать, что перед нами,— присваивающее хозяйство или земледелие, или скотоводство. В качестве примера были приведены собиратели дикого риса в Северной Америке. Н. А. Бутинов считает, что изучение проблемы отделения ремесла от производства пищевых средств, в том числе и от земледелия, когда оно становится самостоятельной отраслью хозяйства, надо продолжить, чтобы разобраться в этом магистральном переходе.

Ряд выступлений был посвящен методическим вопросам, необходимости осторожного подхода к археологическим материалам, важности их всестороннего анализа.

Так, выступая в прениях, Г. П. Григорьев отметил, что не следует механически переносить те оценки и критерии, которые были выработаны в марксистской литературе при изучении феодального и капиталистического ремесла, на ремесло первобытного общества. В противном случае мы не только будем модернизировать процесс, но вообще не поймем его сущности. По мнению Г. П. Григорьева, основное внимание должно быть обращено на производственные отношения данного конкретного общества и способы реализации ремесленной продукции. Иллюстрируя свою мысль, Г. П. Григорьев привел несколько примеров из африканской этнографии.

Суть выступления С. С. Черникова сводилась к следующему: 1) разделение труда свойственно человечеству с момента его возникновения и сыграло огромную роль в его развитии; 2) специализированные коллективы (например, коллективы по добыче и обработке руды), которые выделились в первобытном обществе, были очень немногочисленны с низкой производительностью труда. Под этим углом,— сказал С. С. Черников,— и следует рассматривать возникновение и становление ремесла.

В своем выступлении В. П. Шилов сказал, что С. Н. Бибиков, возможно, прав, фиксируя общинное ремесло в трипольском обществе. Однако нельзя считать дока-

занным, что этот вид ремесла является всеобщей исторической формой. Он привел целый ряд примеров из истории производства степного населения в эпоху бронзы Северного Причерноморья и Поволжья, которые, на его взгляд, демонстрируют иной ход исторического процесса.

М. А. Тиханова обратила внимание на то, что в той трактовке исторического процесса, которая прозвучала в некоторых докладах, есть опасность возврата к теории цикличности Э. Мейера. Нельзя слишком преувеличивать развитость трипольского общества и видеть в трипольских поселках чуть ли не города. Во второй части своего выступления М. А. Тиханова остановилась на производстве черняховской культуры. По ее мнению, археологи преувеличивают развитость черняховского общества. Факты, которые мы сейчас имеем, не столь уж красноречивы и не поддаются однозначному толкованию.

О. Г. Большаков считает, что когда речь идет о развитии ремесла, о соотношении ремесла и домашнего производства, возможны две основных линии исследования или истолкования их. Первая — это изучение разделения труда, развития социально-экономических отношений, развития городов, экономического развития общества. Об этом говорил А. М. Беленицкий. О. Г. Большаков не согласен с его положением о том, что города в момент возникновения были только центром власти. «Не нужно забывать, — сказал О. Г. Большаков, — что власть существовала не только как насильственная форма, навязанная тогдашнему обществу, как бы его не называть: племенем, объединением или как-то иначе. Это была власть, необходимая для этого коллектива. Поэтому ранние города безусловно были центральными поселениями каких-то больших коллективов, и, естественно, что там в первую очередь концентрировалось ремесло». Вторая линия исследования — это признаки, по которым археолог по археологическому материалу может отделить ремесленное производство от производства непрофессионального, домашнего. Эта тема сложная, потому что она требует очень широкого изучения каждого конкретного памятника. Выявление одного рабочего места, о чем говорил С. С. Черников, еще не достаточно для того, чтобы судить в целом о производстве в данном коллективе, о производстве на целом поселении, и тем более, в целом обществе. В качестве примера О. Г. Большаков привел Ярым-Тепе I в Ираке, на которое докладчики ссылались как на памятник, где имеется какое-то специализированное место, где много гончарных печей. Раскопки последнего сезона показали, что там оказались наслоения с разновременными печами, и такие печи были обнаружены на многих участках. Для утверждения, что на поселении существовал какой-то отдельный ремесленный район, что существовали семьи, которые специально занимались ремеслом, необходимо раскопать по крайней мере половину поселения и подробно, стратиграфически разобрать синхронную структуру поселения.

Б. И. Маршак сказал, что некоторые основные понятия, такие как «городская цивилизация» и «первобытный строй» в археологической литературе постепенно потеряли свою отчетливость. Возможно, это связано с нормативным подходом к новым явлениям, которые рассматриваются не сами по себе, а с точки зрения их соответствия понятиям, выработанным ранее на другом материале. Вместо нормативной археологии нужно было бы разработать дескриптивную археологию, подобно тому, как, существует дескриптивная лингвистика. Сопоставление с ранее выработанными понятиями закономерно, но сравнивать надо не отдельные признаки, а целые структуры, причем структуры могут быть выявлены только на основании более строгой методики. В частности, чтобы судить о месте ремесла в обществе, необходимо получить картину жизни поселения на строго определенном узком отрезке времени. В частности, на этом совещании размеры поселений были одним из основных аргументов, но только начавшиеся за последние годы исследования, опирающиеся на специально разработанный язык описания археологических материалов (особенно керамики), позволяют установить размеры поселений, учитывая степень их заселенности, а не только общую площадь. Палеосоциологическая проблематика, о которой шла речь на совещании, требует усовершенствования археологической методики.

Ф. Д. Гуревич в своем выступлении сопоставила развитие ремесла в древнерусском городе с развитием ремесла в западноевропейском городе эпохи средневековья. В городах Руси существовала корпоративная организация ремесленников. Признаком, который может указывать на следы ремесленной корпорации, является территориальное объединение за пределами бурга, детинца или крепости. Это прослежено в Новогрудке, где с XII в. на протяжении 150 лет наблюдалась концентрация жилищ богатых ремесленников-ювелиров на одном и том же месте.

В своем обширном выступлении Л. П. Хлобыстин основное внимание уделил видам производства. Виды производства различаются в зависимости от объектов назначения производимого продукта и размеров рынка. Самый древний вид производства направлен на удовлетворение личных потребностей производителя и нужд семейно-хозяйственного коллектива, в который он входит. Производитель отдает, часто неэквивалентно, за другие блага продукт своего труда коллективу (семье, роду), вне которого он на данном этапе развития общества существовать не может. Следующая ступень развития производства — появление специалистов-производителей, связанных с возросшей, более или менее постоянной потребностью общества в их изделиях. Именно на этой ступени происходит возникновение ремесла. Приме-

нение для этого вида производства термина «общинное ремесло» не отличается точностью, тем более, что и само понятие «община» не имеет четкого определения. Термины «малорыночное», «мелкотоварное ремесло» вернее дают представление о направленности производства и возможностях слаборазвитого ремесла. Развитым товарным ремеслом следует считать мелкотоварное производство, связанное с денежным обращением и постоянным рынком.

В заключительном слове С. Н. Бибиков подчеркнул, что созыв совещания был важным и полезным шагом, но только первым шагом. «Хотелось бы,— сказал он, — чтобы в ближайшее время (через год) была созвана конференция на аналогичную или близкую тему». Отвечая своим оппонентам, С. Н. Бибиков сказал, что часто смешивались два понятия — ремесло общинное и ремесло, связанное с товарными отношениями. Это разные вещи. Может быть неудачно называть первый вид ремеслом, но ведь есть поясняющее слово — общинное. «Я отнюдь не утверждаю, — продолжал С. Н. Бибиков, — что общинное ремесло является общеисторической формой, всеобщей закономерностью. Речь шла о конкретном историческом явлении, связанном с совершенно определенным типом социально-экономического строя — с земледелием и патриархальной общиной. Очень важно, — подчеркнул С. Н. Бибиков, — при определении вида ремесла исходить из общей оценки социально-экономического состояния данного общества». По С. Н. Бибикову общинным ремеслом является такое производство, в котором используются примитивные орудия труда и где отсутствует или почти отсутствует разделение труда.

Закрывая заседание, В. М. Массон отметил, что оно дало картину состояния изученности проблемы «Домашние промыслы и ремесло». На совещании был поднят вопрос о фактологической базе и необходимости создания более строгой методики, однако эта методика должна создаваться не ради самой методики, а для решения исторических проблем. Выяснилось, например, что во многом неясно, как отличать общинное ремесло от домашних промыслов. Разработка общих вопросов и должна приводить к выработке строгой методики. В постановке вопроса совещание достигло определенных успехов, но работу по поставленным вопросам необходимо продолжать с более широким привлечением круга исследователей, с обязательным включением сотрудников Института этнографии, с привлечением специалистов по изучению письменных источников древнего Востока. Сейчас очень важно провести как бы стыковку огромного нового фактического материала и ряда общих теоретических положений. При этом речь должна идти не о социологии, привнесенной в археологию и иллюстрированной отдельными археологическими фактами, а о социологических выводах, сделанных на массовом археологическом материале и из этого материала вытекающих. Разработка соответствующей методики и является важнейшей задачей археологической науки.

В. С. Бочкарев, В. И. Распопова

С. М. КАЗИЕВ

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату — 3 февраля 1971 г., на 79 году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни скончался один из основоположников археологической науки в Азербайджане, старший научный сотрудник Института истории АН АзербССР, кандидат исторических наук, член КПСС с 1920 г. Салех Мустафа оглы Казиев.

С. М. Казиев родился в 1893 г. в с. Хачмас Варташенского района Азербайджанской ССР.

Начав трудовую деятельность в 1916 г. в качестве сельского учителя, С. М. Казиев долгое время работал в сельских и городских школах, а также в руководящих органах народного просвещения. Он активно участвовал в укреплении советской власти и претворении в жизнь решений партии и правительства в сельских районах Азербайджана.

С. М. Казиев всегда с большой любовью относился к историческому прошлому родного края. Древние памятники Азербайджана привлекали его внимание еще в молодые годы. Работая сельским учителем, он собирал археологические материалы, участвовал в археологических разведках и исследованиях ряда древних памятников.

В 1932 г., окончив исторический факультет Азербайджанского педагогического института, С. М. Казиев всецело посвятил свою жизнь изучению древней истории, археологии и этнографии Азербайджана. В 1935 г. он поступил в аспирантуру и написал кандидатскую диссертацию на тему «Древности Кабалинского магала», которую защитил в 1941 г.

С 1934 по 1952 г. С. М. Казиев работал в Музее истории Азербайджана. С 1934 по 1947 г. был научным сотрудником, а с 1947 по 1952 г. директором этого учреждения, являвшегося в те годы основным центром археологических и этнографических исследований в Азербайджане.

Работая в качестве директора Музея истории Азербайджана, С. М. Казиев вложил много сил и энергии в дело превращения этого учреждения в подлинный центр научных исследований.

В 1952 г. С. М. Казиев перешел в Институт истории АН АзербССР, где в 1952—1954 гг. был заведующим отделом истории материальной культуры, в 1955 г. руководителем отдела этнографии, а в последующие годы старшим научным сотрудником.

Он был организатором и руководителем ряда археологических экспедиций. Под руководством С. М. Казиева Мингечаурская экспедиция в 1946—1953 гг. изучала разнообразные памятники и выявила огромное количество материалов, охватывающих большой исторический период с эпохи ранней бронзы вплоть до позднего средневековья. Раскопки в Мингечауре обогатили науку первостепенными вещественными источниками, способствовавшими решению узловых вопросов древней истории Азербайджана и всего Кавказа. К важнейшим открытиям относится находка в Мингечауре каменных и глиняных предметов с лапидарной письменностью кавказских албанцев — предков современного азербайджанского народа.

С. М. Казиев впервые дал научно обоснованную стратиграфию многослойного Мингечаура, которая послужила основой для определения возраста других памятников Азербайджана.

На базе публикации результатов проведенных в Мингечауре раскопок началось издание сборников «Материальная культура Азербайджана». Мингечаурская экспедиция в послевоенный период явилась школой подготовки специалистов-археологов, нужда в которых в те годы в Азербайджане была особенно велика.

В последние годы в качестве начальника Кабалинской археологической экспедиции С. М. Казиев вернулся к исследованию памятников, выявлением и изучением которых он занимался еще в молодые годы. Раскопки в Кабале и ее окрестностях позволяют проследить историю этого города с эллинистической эпохи вплоть до XVIII в. Одним из несомненно больших достижений Кабалинской экспедиции является установление местонахождения городища и некрополя античного времени. Археологическим материалом Кабалы посвящены специальный V том сборника «Материальная культура Азербайджана» (1964 г.) и ряд других статей С. М. Казиева и его коллег по экспедиции.

С. М. Казиев — автор более 50 научных работ, опубликованных в различных изданиях. Из них особого внимания заслуживают «Родовой строй в древнем Азербайджане (эпохи меди и бронзы)» (Изв. Азерб. ФАН СССР, 12, 1944); «Альбом кувшинных погребений Мингечаура» (Баку, 1969); ряд работ, посвященных археологическим раскопкам Мингечаура; «Отчет об археологических работах в сел. Варданлы» (Изв. АН АзербССР, 4, 1960); «Об археологических и исторических памятниках Казахского и Акстафинского районов» (МКА, IV, Баку, 1962); «Историко-археологическое обследование городища Кабалы» (МКА, V, Баку, 1964) и др.

Прекрасное знание восточных языков (арабский, персидский, турецкий), религии, обычаев, литературы и искусства Востока позволило С. М. Казиеву при написании своих трудов привлекать обширный материал.

С. М. Казиев был консультантом, редактором или рецензентом многих научных работ по истории, археологии и этнографии Азербайджана.

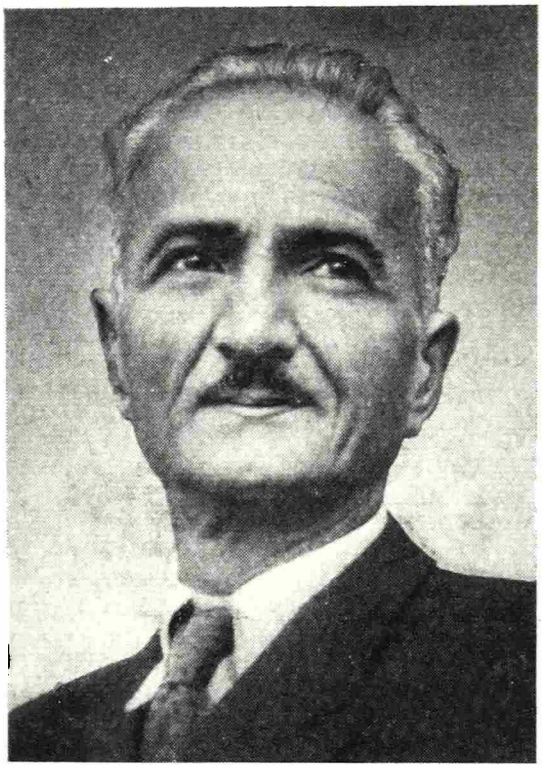
Велика заслуга его в деле подготовки кадров. Долгое время С. М. Казиев читал курс лекций по археологии в Азербайджанском государственном университете. Под его руководством написаны и успешно защищены многие кандидатские диссертации.

К своим коллегам и ученикам С. М. Казиев относился с большой заботой. К этому человеку больших знаний и щедрой души многие обращались за советом, особенно молодые ученые.

Научно-педагогические и общественные заслуги С. М. Казиева были отмечены партией и правительством. Он был награжден орденом «Трудового Красного Знамени», «Знак почета», медалями «За оборону Кавказа», «За трудовое отличие», «За доблестный труд» и дважды Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Глубокая преданность С. М. Казиева делу партии и народа, его доброта и честность при выполнении научных работ и в общении с людьми является примером для нас. Светлый образ Салеха Мустафаевича Казиева навсегда сохранится в нашей памяти.

И. А. Бабаев, И. Г. Нариманов



Д. Г. КАПАНАДЗЕ

7 февраля 1971 г. грузинскую советскую историческую науку постигла тяжелая и незаменимая утрата — после тяжелой непродолжительной болезни скончался заведующий отделом нумизматики Государственного музея Грузии имени академика С. Джанашиа Академии наук Грузинской ССР, заслуженный деятель науки Грузинской ССР, доктор исторических наук, профессор Давид Георгиевич Капанадзе.

Давид Георгиевич родился в 1898 г. в Тифлисе в семье железнодорожного служащего. Учился он сначала в тифлисской гимназии, а затем — в связи с переездом семьи в г. Гори — в горийской. В силу ряда причин Давиду Георгиевичу после окончания гимназии не удалось продолжить учебу, Однако всегда — с самого детства и всю жизнь — Давид Георгиевич был одержим страстью к древним монетам, которые он стал сначала просто коллекционировать, а затем по-настоящему изучать, отдавая этому делу все свои силы и стремления.

С 20-х годов у Давида Георгиевича установилась тесная научная творческая связь с известным ученым-нумизматом профессором Е. А. Пахомовым, учеником которого Давид Георгиевич всегда себя считал, хотя далеко не всегда был согласен с ним по ряду вопросов грузинской нумизматики.

Большую роль в жизни Давида Георгиевича сыграл известный грузинский историк и общественный деятель академик И. А. Джавахишвили, пригласивший в 1937 г. Давида Георгиевича работать в музее — сначала по договорам, а затем с 1939 г.— в качестве штатного сотрудника. Это было время, когда в Грузии появились новые кадры историков и начинала развиваться археологическая наука.

С 1937 г. Давид Георгиевич систематически участвует в археологических раскопках таких памятников, как Дманиси, Гегути, Гударехи, Мцхета и др.

Однако имя Д. Г. Капанадзе связано, конечно, в первую очередь с исследованием древних грузинских монет, коллекция которых представляет собой богатейший и интереснейший материал. Изучение ее было начато еще в XIX в. М. Броссе, М. Баратаевым, И. Бартоломеем, В. Ланглуа, а затем и Е. А. Пахомовым.

С приходом Давида Георгиевича в науку связан новый и решающий этап в изучении грузинской нумизматики. Он выявил много новых, неизвестных ранее грузинских монет; установил грузинское происхождение ряда монет, приписываемых ранее другим народам; внес целый ряд важных уточнений в датировку и определение грузинских монет, уже давно известных и т. д. Результаты работ Давида Георгиевича над отдельными монетами и целыми их группами опубликованы в грузинских, всесоюзных и зарубежных журналах.

Широкий нумизматический диапазон позволил Давиду Георгиевичу обобщить все результаты работ в области грузинской нумизматики и разработать стройную историческую классификацию грузинских монет — им была написана выдержавшая несколько изданий книга «Грузинская нумизматика», в которой впервые было охвачено все богатейшее нумизматическое наследие Грузии.

Учитывая большие научные заслуги Давида Георгиевича, президиум ВАК разрешил ему в 1948 г. защитить кандидатскую диссертацию без диплома об окончании высшего учебного заведения; в 1957 же году Давид Георгиевич успешно защитил докторскую диссертацию.

Кроме чисто научных достижений, большой заслугой Давида Георгиевича является его музейная работа в области создания, определения, систематизации и хранения богатейшей коллекции древних монет музея Грузии. Можно без преувеличения сказать, что только благодаря ему музей располагает теперь лучшей в мире коллекцией грузинских монет.

С 1948 г. Давид Георгиевич читает курс лекций по нумизматике в Тбилисском государственном университете. Он вел большую работу по воспитанию молодых кадров нумизматов как в самой Грузии, так и за ее пределами. Многое им было сделано для популяризации нумизматики, в связи с чем он стал активным членом общества «Знание», давал многочисленные интервью газетам и журналам, выступал по радио и телевидению..., была у Давида Георгиевича даже мечта создать фильм о древних монетах.

Последние дни своей жизни он посвятил организации посмертного и, фактически, первого издания всей книги Е. А. Пахомова «Монеты Грузии», над которой он, как редактор и комментатор, проделал скрупулезную работу, в частности по внесению в первоначальный текст поздних исправлений и приписок автора.

Деятельность Давида Георгиевича была высоко оценена. В 1967 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки. Он был награжден также орденом «Знак почета» и медалями.

За что бы Давид Георгиевич ни брался, все делалось им с исключительной целеустремленностью и увлеченностью. В памяти у нас навсегда останется образ этого энергичного, общительного, живого и обаятельного человека.

Список печатных трудов Д. Г. Капанадзе

1. Горийский клад грузинских монет XV в. ВГМГ, X-B, 1940 (на груз. яз.).
2. К датировке некоторых неопределенных грузинских монет, ВГМГ XI-B, 1941 (на груз. яз.).
3. Содержание легенды медной монеты Димитрия Самопожертвователя. САНГ, III, 1942, № 8 (на груз. яз.).
4. Проба грузинской монеты, САНГ, IV, 1943, № 6 (на груз. яз.).
5. Тбилисский диргем X в. Али бен Джафара, ВГМГ, XII-B, 1944 (на груз. яз.).
6. О монете, чеканенной именем Георгия и Тамары, ВГМГ, XII-B, 1944 (на груз. яз.).
7. О некоторых терминах в грузинской нумизматике, ВГМГ, XII-B, 1944 (на груз. яз.).
8. Несколько замечаний о так называемых грузино-сасанидских монетах. САНГ, VI, 1945, 1 (на груз. яз.).
9. О нескольких спорных медных монетах, чеканенных в XIII—XIV вв. САНГ, VII, 1946, № 1—2.
10. О неопределенных грузинских монетах и монетных дворах в Грузии. ВГМГ, XIV-B, 1947.
11. Новые материалы к изучению статеров царя Акм. ВДИ, 1948, 1.
12. Заметки по нумизматике древней Колхиды, ВГМГ, XV-B, 1948 (на груз. яз.).
13. О достоверности имени, выбитого на статере басилевса Аки. ВДИ, 1949, 1.
14. О древнейших золотых монетах Грузии. ВДИ, 1949, 3.
15. О медной монете с именем Георгия и Тамары. КСИИМК, 24, 1949.
16. Монеты в древней Грузии. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
17. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
18. Заметки по нумизматике древней Колхиды. ВДИ, 1950, 3.
19. Так называемые «грузинские подражания трапезундским аспрам». ВВ, III, 1950.
20. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко. ВДИ, 1951, 4.
21. О назначении монет так называемой «варваризованной чеканки, находимых на территории Грузии». ВДИ, 1953, 1.
22. Материальная культура Грузии в XI—XII вв. Путеводитель по выставке. Тбилиси, 1953 (в соавторстве с А. Бакрадзе, Н. Шошиашвили, А. Джавахишвили и В. Джапаридзе. На груз. яз.).
23. Грузинская нумизматика. М., 1955.
24. Монетные находки Мцхетской экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг. ВДИ, 1955, 1.
25. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1951 гг. МАГК, 1, 1955 (на груз. яз.).
26. Изображение знаков власти на древних грузинских монетах. КСИИМК, 66, 1956.
27. Нумизматические материалы в экспозициях краеведческих музеев. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
28. Новый тип монеты Давида Строителя. ВВ, VIII, 1956.
29. Родовой знак Багратионов на грузинских средневековых монетах. Нумизматический сборник, II, Тр. ГИМ, XXVII, 1957.
30. О некоторых определениях М. Баратаева и В. Ланглуа. САНГ, XVIII, 1957, 7.

31. Die Münzfunde der Mzcheta — Expedition (1937—1948 und 1951). BCO, 1956, 1.
32. Ауреусы армазского некрополя. СА, 1957, 3.
33. К вопросу о происхождении колхидок. ВДИ, 1957, 4 (совместно с К. В. Голенко).
34. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. ЭВ, XII, 1958.
35. Рец. D. Lang. Studies in the Numismatic History of Georgia. in Transcaucasia. СА, 1958, 3.
36. О происхождении некоторых монет, чеканившихся в Грузии по иноземным образцам. САНГ, XXII, 1959, 1.
37. О локализации монетных дворов и центров монетной чеканки в древней Грузии. САНГ, XXII, 1959, 4.
38. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. Сб. «Проблемы Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959.
39. Неизвестный вариант грузинской монеты XI в. Тр. АИЯЛИ. XXX, Сухуми, 1960.
40. Die Darstellung von Zeichen der Macht auf altgrusinischen Münzen. BCO, 1959, 5.
41. Grusinische Numismatik. BCO, 1959, 5.
42. Zur Entstehung der kolchischen Münzen. BCO, 1959, 1 (совместно с К. В. Голенко).
43. Клад монет тбилисского эмира Али ибн Джафара. ЭВ, 1961, XIV.
44. О продолжительности обращения динариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии. СА, 1962, 4.
45. Продолжительность и характер монгольского владычества в Грузии по нумизматическим данным. СА, 1964, 2.
46. Нумизматические находки Пицундской археологической экспедиции за 1953—1959 гг. ВДИ, 1966, 4.
47. Четыре клада колхидок. НЭ, 1966, 4 (совместно с К. В. Голенко).
48. Новости грузинской нумизматики. Сб., посвящ. 70-летию со дня рождения акад. Н. Бердзенишвили, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
49. К датировке одной монеты эпохи Руставели. «Друзья памятников культуры», 8, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
50. Über die Umlaufen der Denaren Augustus und der Drachmen des Gotarzes in alten Iberien. BCO, 1966, 4.
51. Z. Historie gruzinského mincovnictvi. «Numismatické listy», XXII, 5—6, Praha, 1967.
52. Триморфная Геката с колхидской дидрахмы V в. до н. э. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968.
53. Монеты, найденные в селении Згудери (Груз. ССР) в 1964—1965 гг. ВДИ, 1968, 1.
54. Numismatische Funde der archeologischen Pizunda-Expedition in den Jahren 1953—1959. BCO, 1968, 2.
55. Клад монет XII—XIII вв. из сел. Ничбиси. ВГМГ, XXVIII-B, 1969.
56. В одной из хранилищ национальной сокровищницы. «Друзья памятников культуры», 1970, 23 (на груз. яз.).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1971 ГОД

	№	стр.
Решения XXIV съезда КПСС и задачи археологической науки	4	3
Е. М. Алексеева. Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э. — II в. н. э.	4	178
В. Алиев. Археологические раскопки в урочище Бабадервиш	2	223
А. К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы	2	96
Н. К. Анисюткин, Г. П. Григорьев. G. Bosinski. Die mittelpaläolitischen Funde im westlichen Mitteleuropa	3	290
Б. Н. Аракелян. Клад серебряных изделий из Эребуни	1	143
М. И. Артамонов. Композиции с ландшафтом в скифосибирском искусстве	1	82
М. И. Артамонов. Вопросы хронологии скифо-сибирского золота	3	40
А. В. Арциховский. Берестяная грамота № 439	3	266
О. Н. Бадер. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе	1	55
В. Д. Белецкий. Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове	2	272
С. А. Беляев (Ленинград). J. Deneauve. Lampes de Carthage	4	290
С. С. Бессонова. Реконструкция деревянного саркофага из Трехбратних курганов	4	215
С. С. Березанская. О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии	4	36
С. Н. Бибиков. Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма	4	11
З. А. Билимович. Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана	1	216
А. И. Болтунова. Курганное погребение IV в. до н. э. под Керчью	1	159
А. И. Болтунова. Надписи Ольвии	4	285
О. Г. Большаков. Археологическое совещание в г. Фрунзе	3	308
В. С. Бочкарев, В. И. Распопова. Дискуссия о характере ремесленного производства	4	299
Э. Б. Вадецкая. Роль бугровщиков и мифы о «могильном золоте» на Енисее	2	203
И. С. Вайнер, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов. Береста с надписью из Чебоксар	3	269
Б. А. Василенко. Клейма на амфорах типа Солоха II	2	242
Б. А. Василенко. К вопросу о датировке, синопских клейм	3	245
С. М. Васюткин. К дискуссии по бахмутинской культуре	3	91
Ю. Г. Виноградов. Из истории архаической Ольвии	2	232
Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1967 г.	2	179
Л. Л. Галкин. Кашинный кувшин из Селитренного городища	3	281
В. Ф. Генинг. Писаницы Мохового камня на р. Вишере	4	239
Л. А. Голубева. Назначение железных игл с кольцами	4	114
Т. И. Голубкина. Ажурные ткани из кувшинного погребения Мингечаура	3	257
М. В. Горбаневский. Новые находки на Дьяковском городище	1	236
М. В. Горелик. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Гермесова кургана	3	236
Н. С. Гражданкина, Э. В. Ртвеладзе. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара		
Ю. С. Гришин, М. И. Рижский. Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье	1	304
Ю. С. Гришин. Нефритовый нож из восточного Забайкалья	3	234
А. В. Давыдов. К вопросу о хуннских художественных бронзах	1	93
В. П. Даркевич. Редкий памятник романской металлопластики	2	278
О. Д. Дашевская. А. А. Штамбок. Из царства Атея в Неаполь Скифский	3	296

	№	стр.
Ю. В. Деревягин, Р. М. Симонов. Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья	2	218
В. С. Драчук. Зеркало с загадочными знаками из Ольвии	1	222
В. С. Драчук. Неолитическое поселение у с. Пищики на Черкасщине	3	217
С. Есаян. Бронзовые модели культовых площадок древней Армении	1	205
М. Ф. Жиганов. «Среднецнинская мордва VII—XI вв.»	1	302
Г. Ф. Загний, В. А. Круц, О. М. Русаков. Опыт применения протонного магнитометра в археологии	3	203
Ю. А. Заднепровский, А. Я. Щетенко. Древнейшие земледельческие культуры Декана	1	280
Ю. А. Заднепровский. J.-M. Casal. De la Mesopotamie a l'Inde	4	282
Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов. Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э.	4	50
А. А. Иванов. К чтению надписи на котле мастера Абдаль-Азиза	1	306
В. А. Ильинская. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве	2	64
В. Ф. Исаенко. Неолитический сосуд с рисунком из Белоруссии	2	211
С. К. Кабанов. Изображение Шивы на оссуарии	2	249
А. Я. Каковкин. Об изображении «заказчика» на мощехранительнице Стефана из Эчмиадзина	1	250
М. Н. Клапчук. Местонахождение галечных орудий Обалысан I в Центральном Казахстане	1	193
Л. С. Клейн. N. Kalicz. Die Frübronsezeit in Nordost-Ungarn	1	286
М. М. Кобылина. Об изображении мойр в Северном Причерноморье	3	250
П. М. Кожин. Относительная хронология погребений в могильнике Окунев улус	3	31
В. И. Козенкова. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. II	2	297
Л. В. Кольцов. W. Taute. Die Stielspitzen-Gruppen in nördlichen Mitteleuropa	1	272
В. Н. Конкин. Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника	1	249
И. И. Корда. Следы каменного века в г. Магнитогорске	1	200
М. Ф. Косарев. Некоторые особенности древней истории томско-нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тысячелетий до н. э.)	2	39
К. В. Кострин. Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса	3	264
Ю. А. Краснов. Рала симферопольской стелы	2	51
В. В. Кропоткин, Д. Б. Шелов. Памяти А. Л. Бертье-Делагарда	1	140
В. В. Кропоткин. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской области	4	225
И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий	4	154
О. В. Круглова. Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области	1	264
Л. И. Крушельницкая. Памятники раннежелезного времени в верховьях Западного Буга	3	58
Ю. С. Крушкол. Терракоты из античного здания на хут. Рассвет	4	222
В. А. Кузнецов. Южный Зеленчукский храм	1	238
В. А. Кузнецов. Два византийских креста из Алании	2	255
Ю. В. Кухаренко. W. Sarnowska. Kultura unietycka w Polsce, t. 1	3	294
Е. К. Максимов, М. Р. Полесских. Заметка об акинаках	2	238
В. И. Мамонтов. Курганный могильник Колпачки	1	209
В. И. Мамонтов. Литейная форма срубной культуры из фондов Волгоградского областного краеведческого музея	2	221
В. И. Марковин. Бронзовое навершие из Прикубанья	4	214
И. Д. Марченко. Поздняя архаическая мастерская оружейника в Пантикапее	2	148
Б. И. Маршак. Керамика и даты слоев средневековых памятников Средней Азии	2	204
Л. Г. Мацкевой. Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма (мезолит — неолит)	1	3
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии	3	141
И. И. Мизиев. Археолого-этнографические сборники, издаваемые Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и экономики	2	303
И. М. Мизиев. Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии	4	242
В. Г. Миронов. Сосуд с Хвалынского городища № 10	1	238
Т. Г. Мовша. О северной группе позднетрипольских памятников	1	31
Т. Г. Мовша. Святилища трипольской культуры	1	201
Т. Г. Мовша. Гончарный центр трипольской культуры на Днестре	3	228

	№	стр.
И. Г. Нариманов. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане	3	3
О. Я. Неверов. Митридат и Александр: к иконографии Митридата VI	2	86
Т. В. Николаева. Крест 1544 года из Волоколамска	2	285
О. В. Овсянников. О замках «болгарского типа»	1	258
О. В. Овсянников. Из истории северного оборонного зодчества (Каргополь в XVII в.)	4	204
Е. С. Овчинникова. Резная каменная икона с изображением св. Тимофея	2	196
В. Т. Петрин. Писаница на р. Уфе около железнодорожной ст. Арасланово	4	236
В. Ф. Петрунь. Железисто-кремнистые породы кор выветривания в первобытной технике степной зоны юга СССР	4	127
С. А. Плетнева. Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века	1	295
Н. Д. Праслов. Ценное пособие по терминологии первобытных каменных изделий	1	270
Н. Д. Праслов. H. de Lumley-Woodyear. La Paleolithique inférieur et moyen du Midi Miditerraneen dans son cadre geologique, t. I	4	280
Е. Б. Пругер. Бирюза Илака и «Илакский рудник» бирюзы	1	118
В. И. Пругло. К хронологии энглифических клейм Гераклеи Понтийской	3	76
Г. А. Пугаченкова. Новое в изучении Дальверзин-Тепе	4	186
В. Г. Пуцко. Ростовский потир митрополита Ионы	4	250
В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане	2	133
В. А. Ранов. Древний нуклеус из Ферганы	3	208
Р. Л. Розенфельдт. Новлянский фатьяновский могильник	2	213
А. Н. Румянцев. T. Sulimirski. Corded Ware and Clobular Amphorae North-East of the Carpathians	2	291
А. П. Рунич. Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска	2	167
Е. А. Рыбина. Из истории южного импорта в Новгород	1	260
В. И. Сарианиди, С. А. Панарин. Investigations at Tal-i-Iblis	3	292
В. И. Сарианиди. Archaeologia. Viva, v. I, N 1	3	292
В. В. Седов. Archeologija un et nogräfija, VIII	2	299
В. В. Седов. Конгресс археологов-славистов в Берлине	4	
С. А. Семенов, В. Е. Щелинский. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях	1	19
В. Я. Сергин. Об одной гипотезе одомашнения собаки	1	195
В. Я. Сергин. И. Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине	3	306
Н. Н. Скакун. Археологическая литература в изданиях АН Киргизской ССР за 1957—1967 гг.	4	275
А. П. Смирнов. Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века	1	298
А. П. Смирнов. К вопросу о русско-мордовских отношениях в X—XIV вв.	3	135
И. И. Соколов. К вопросу о тверских берестяных грамотах	3	268
Г. Ф. Соловьева. О роли балтского субстрата в истории славянских племен верхнего Поднепровья	2	124
Н. П. Сорокина. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья	4	85
Л. В. Субботин, И. Т. Черняков. Черняховский могильник у с. Виноградовка	4	230
Я. И. Сунчугашев. Есинский поминальный памятник карасукской культуры	2	216
Э. А. Сымонович, А. З. Яровой. Могильник в с. Рыбаковка против о. Березани	1	229
Э. А. Сымонович. Находка позднеантичной амфоры из Курской области	4	231
Д. Я. Телегин. О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии	2	3
А. И. Тереножкин. Дата мингечаурских удил	4	71
Г. А. Тирацян. Об одной группе расписных сосудов из Армавира (Армения)	2	246
М. Тоси. Сеистан в бронзовом веке — раскопки на Шахри-Сохте	3	15
П. Н. Третьяков. Письмо в редакцию	2	315
П. Н. Третьяков. Что такое «пастырская культура»?	4	102
Н. В. Трубникова, М. В. Фехнер. Памятник дьяковского времени в Верхнем Поволжье	1	232
В. К. Трумман. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г.	2	265
А. В. Успенская. Пекуновское селище и курганы	1	254
М. Н. Федоров. К вопросу о «серебряном кризисе» и некоторых особенностях денежного обращения в государстве «Великих Сельджуков»	1	244
М. Н. Федоров. Находка керамики с именем гончара XII в. Абу Бакра ибн Ахмада	2	284
В. В. Филатов. Рязанская икона «Параскева Пятница»	1	173

	№	стр.
В. Ф. Филатова. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии	2	32
В. С. Флеров. Поселение VIII — IX вв. у ст. Богоявленской	2	258
А. А. Формозов. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье	1	191
А. М. Хазанов. Е. В. Черненко. Скифский доспех	1	294
А. Х. Халиков. Маклашеевская всадница	1	106
Иоахим Хан. Верхнепалеолитическая статуэтка из бивня со стоянки Холенштайн-Штадель	3	211
М. Д. Хлобыстина. Культовая символика петроглифических рисунков в культуре ранней бронзы Южной Сибири	1	73
М. Д. Хлобыстина. Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее	4	23
И. Н. Хлопин. Теменос на Кара-депе	3	221
Л. И. Хлопина. Новый тип посуды эпохи бронзы	4	212
В. И. Цехмистренко. Заметки о синопских клеймах	3	67
А. В. Циркин. Нижнеборовский клад	3	276
В. Н. Цыгылык. Поселение возле села Ремезовцы Львовской области (I в. до н. э. — III в. н. э.)	2	157
Е. В. Черненко. Античный шлем с Нижнего Поднепровья	1	219
Л. А. Чиндина. Древние личины из Васюганья	4	233
Н. С. Шеляпина. Надгробья XIII — XIV вв. из раскопок в Московском кремле	3	284
Б. А. Шрамко, Е. В. Черненко. Скифский доспех	1	292
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев. Новые исследования техники обработки железа в Скифии	4	140
И. Г. Шургая. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья	3	189
А. Л. Якобсон. Археологические исследования средневекового Крыма	3	298
О. А. Абибуллаев	3	311
Е. Антоневич	2	307
М. М. Герасимов	2	312
Б. Н. Граков	2	309
Ю. В. Деревягин	3	314
Е. И. Крупнов	1	311
С. М. Казиев	4	306
Д. Г. Капанадзе	4	308
Г. И. Пацевич	2	308
В. И. Цехмистренко	3	312
В. Н. Чернецов	1	309

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ — Абхазский государственный музей
АЖ — Антропологический журнал
АИБ — Археология и история Боспора
АИКСП — Античная история, культура Средиземноморья и Причерноморья
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Укр. РСР
АС — Археологический сборник
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
КБИЧПЕ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
ВВ — «Византийский временник»
ВА — «Вопросы антропологии»
ВАН Каз.ССР — Вестник Академии наук Казах. ССР
ВАН УРСР — Вестник Академии наук Укр. РСР
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВГМГ — Вестник государственного музея Грузии
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВООН АН Груз. ССР — Вестник Отделения общественных наук Академии наук Груз ССР.
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический Институт
ВУГРРУ — Вісник Українськоі геолого-розвідкової районової управы
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГНАМП — Годишник на Народната библиотека и музей в Пловдив
ГНМ — Годишник на народний музей. София
ГПНБ — Годишник на Пловдивската Народна библиотека
ГСУФИФ — Годишник на Софийский университет. Философ истор. фак-т
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН — Доклады Академии наук
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН Криг. ССР — Известия Академии наук Киргизской ССР
ИБАД — Известия на Българскто археологическо дружество
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИГЭМ — Институт геологии рудных месторождений, историографии, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР
ИГН АН СССР — Институт геологических наук
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии, этнографии
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КБГУ — Кабардино-Балкарский государственный университет
КБН — Корпус боспорских надписей
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КГИМ — Киевский государственный исторический музей
КГРИ — Криворожский горнорудный институт
КИАМ — Керченский историко-археологический музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Украины
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КЧАО — Карачаево-Черкесская Автономная область
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Матеріалі та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МКА — Сб. «Материальная культура Азербайджана»
МЭ — Материалы по этнографии
НГБ — Новгородские берестяные грамоты
НЗДГУ — Научные записки Днепропетровского государственного университета
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОИПКГЭ — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
Працы — Працы сэкцыі археолегіі Белруской акадэміі навук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

САИ — Свод археологических источников
САНГ — Сообщения Академии наук Грузии
Сб. КСДТ — Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани»
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СИМ — Симферопольский исторический музей
СОНГИИ — Северо-осетинский научно-исследовательский институт
СпБАН — Списание на Българската академия на наукитс
СЭ — «Советская этнография»
ТГУ — Томский государственный университет
ТКМ — Таганрогский краеведческий музей
Тр. АИЯЛИ — Труды Абхазского языка, литературы и истории
Тр. АН Тадж. ССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ИИ АН Кирг. ССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
Тр. ИИАЭ Каз. ССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Казахской ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. МИРМ — Труды Музея истории и реконструкции Москвы
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. СГПИ — Труды Сухумского государственного педагогического института
Тр. СГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. Таш. ГУ — Труды Ташкентского государственного университета
Тр. ХАЭЭ (ХЭ) — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЧНИИ — Труды Черкесского научно-исследовательского института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ХГИАМ — Херсонесский государственный историко-археологический музей
ХГУ — Харьковский государственный университет
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЧОИДР — Сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при московском университете»
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta archaeologia hungaricae
AE — Archaeologiai Ertesitö
AJA — American Journal of Archaeology
AIBL — Académie les Inscriptions et Belles-Letters
Arch-Anz — Archäologischer Anzeiger
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BCO — Bibliotheca classica orientalis
BSA — The Annual of the British School at Athens
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
INQUA — Сборники научных итогов конгрессов Международной ассоциации по изучению четвертичного периода
JGS — Journal of Glass Studies
Ios PE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
REG — Revue des Etudes grécques
KK — Katalog der Austellung zum X archäologischer Kongres in Rige 1896.
SEG — Supplementum Epigraphieum Graecum
WA — Wiadomosci archeologiczne. Warszawa.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Решения XXIV съезда КПСС и задачи археологической науки 3
С. Н. Бибиков (Киев). Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма 11
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Могильник Черемушный Лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее 23
С. С. Березанская (Киев). О так называемом общеевропейском горизонте культур шнуровой керамики Украины и Белоруссии 36
Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов (Москва). Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э. 50
А. И. Тереножкин (Киев). Дата мингечаурских удил 71
Н. П. Сорокина (Москва). О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья 85
П. Н. Третьяков (Ленинград). Что такое «пастырская культура»? . . . 102
Л. А. Голубева (Москва). Назначение железных игл с кольцами 114

Публикации

В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). Железисто-кремнистые породы кор выветривания в первобытной технике степной зоны юга СССР 127
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев (Харьков). Новые исследования техники обработки железа в Скифии 140
И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди (Москва). Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий 154
Е. М. Алексеева (Москва). Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э. — II в. н. э. 178
Г. А. Пугаченкова (Ленинград). Новое в изучении Дальверзин-Тепе . . 186
О. В. Овсянников (Ленинград). Из истории северного оборонного зодчества (Каргополь в XVII в.) 204

Заметки

Л. И. Хлопина (Ленинград). Новый тип посуды эпохи бронзы (Южная Туркмения) 212
В. И. Марковин (Москва). Бронзовое навершие из Прикубанья 214
С. С. Бессонова (Керчь). Реконструкция деревянного саркофага из трехбратных курганов 215
Ю. С. Крушкол (Москва). Терракоты из античного здания на хут. Рассвет 222
В. В. Кропоткин (Москва). Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской области 225
Л. В. Субботин, И. Т. Черняков (Николаев, Одесса). Черняховский могильник у с. Виноградовка 230
Э. А. Сымонович (Москва). Находка позднеантичной амфоры из Курской области 231
Л. А. Чиндина (Томск). Древние личины из Васюганья 233
В. Т. Петрин (Свердловск). Писаница на р. Уфе около железнодорожной ст. Арасланово 236
В. Ф. Генинг (Свердловск). Писаницы Мохового Камня на реке Вишере 239
И. М. Мизиев (Нальчик). Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии 242
В. Г. Пуцко (Ростов). Ростовский потир митрополита Ионы 250

Критика и библиография

Обзор литературы по археологии Средней Азии и Казахстана в 1969 г. . . 256
Н. Н. Скакун (Ленинград). Археологическая литература в изданиях АН Киргизской ССР с 1957 по 1967 гг. 275
Н. Д. Праслов (Ленинград). H. de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. Tome I 280
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). J.-M. Casal. De la Mesopotamie à l'Inde 282
А. И. Болтунова (Москва) Надписи Ольвии 285
С. А. Беляев (Ленинград). J. Deneauve. Lampes de Carthage 290

Хроника

В. В. Седов (Москва). Конгресс археологов-славистов в Берлине 293
В. С. Долгоруков, Г. А. Цветаева (Москва). Научная конференция памяти Б. В. Фармаковского 296
В. С. Бочкарев, В. И. Распопова (Ленинград). Дискуссия о характере ремесленного производства 299

С. М. Казиев 306

Д. Г. Капанадзе 308

SOMMAIRE

Articles

S. N. Bibikov (Kiev). La densité de la population et l'importance des territoires de la chasse en Crimée à l'époque du Paléolitique 11
M. D. Khlobystina (Léningrad). La nécropole de Tchérémouchny Log et la période ancienne de Age du métal sur l'Iénissei moyen 23
S. S. Bérézanskaïa (Kiev). Apropos de l'horizon commun européen de cultures de la céramique cordée en Ukraine et en Biélorussie 36
T. D. Zlatkovskaya, D. B. Chélov (Moscou). Les fibules de la Thrace de VII—V-es siècles avant notre ére 50
A. I. Térénojkine (Kiev). La datation des mors de bride provenant de Minghétchaour 71
N. P. Sorokina (Moscou). A propos des récipients de verre aux gouttes de verre bleu provenant des régions attenant à la Mer Noire 85
N. P. Trétiakov (Léningrad). Qu'est-ce que c'est que «la culture pastyrienne»? 102
L. A. Goloubéva (Moscou). La destination des aiguilles de fer à anneau . . 114

Publications

V. F. Pétroun' (Krivoï Rog). Les roches ferro-siliceuses des croutes d'altération et leur mise en oeuvre dans la technique primitive de la zone steppique du midi de l'URSS 127
B. A. Chramko, L. D. Fomin, L. A. Solntsev (Kharkov). De nouvelles rechrches consacrées à la technique du traitement du fer en Scythie 140
I. T. Krouglikova, V. I. Sarianidi (Moscou). La Bactriane ancienne dans l'optique de nouveles recherches archéologiques 154
E. M. Aléxéeva (Moscou). Les mosaïques miniatures dans les parures de verre datant du Ier siècle avant notre ère — IIe sciècle de notre ére 178
G. A. Pougatchénkova (Léningrad). Nouvelles contributions aux recherches de Dalverzine-Tépé 186
O. V. Ovsiannikov (Léningrad). Tirés de l'histoire de l'architecture militaire du nord de la Russie (Kargopol au XVII-e siécle) 204

Notices

L. I. Khlopina (Léningrad). Un nouveau type de récipient de l'Age du bronze 212
V. I. Markovine (Moscou). La pointe du bronze provenant des régions attenant au Kouban 214
S. S. Bessonova. La réconstitution d'un sarcophage de bois découvert dans les kourganes dits Trekhbratskiyé 215
Yu. S. Krouchkol (Moscou). Les terres-cuites provenant de l'édifice antique situé au khoutor Rassvet 222
V. V. Kropotkine (Moscou). La nécropole du type de Tcherniakhovo découverte dans le village Risino de la région de Tcherkassy 225
L. V. Soubbotine, I. T. Tcherniakov (Nikolaev, Odessa). La nécropole tcherniakovienne prés du village Vinogradovska 230
E. A. Symonovitch (Moscou). La trouvaille d'une amphore remontant à l'époque antique tardive, de provenance de la région de Koursk 231
L. A. Tchidina (Tomsk). D'anciennes images de visages découvertes à Vassuganié 233

T. V. Pétrine (Sverdlovsk). Une image rupestre trouvée sur le fleuve d'Oufa à proximité de la station de chemin de fer Arslanovo 236
V. F. Chéning (Sverdlovsk). Les images rupestres de Mokhovoï kamén sur le fleuve de Vichéra 239
I. M. Misyév (Naltchik). Des coffrets funéraires de pierre provenant de la Balkarie supérieure et datant du Moyen Age 242
V. G. Poutsko (Rostov). Le calice du métropolite Iona, provenant de Rostov 250

Bibliographies

La revue des publications consacrées à l'archéolagie de l'Asie Centrale et le Kazakstan parues en 1969 256
N. N. Skakoune (Léningrad). Les ouvrages archéologiques parus dans les publications de l'Académie des sciences de la République Socialiste de Kirghizie en 1957—1967 275
N. D. Praslov (Léningrad). H. de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. Tome I . . . 280
Y. A. Zadnéprovsky (Léningrad). J.-M. Casal. De la Mésopotamie à l'Inde 282
A. I. Boltounova (Moscou). Les inscriptions d'Olbia 285
S. Béliaév (Léningrad). J. Deneauve. Lampes de Carthage 290

Chroniques

V. V. Sédov (Moscou). Congrés des archéologues-slavistes à Berlin 293

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1971 г. Т-15590 Подписано к печати 11/X-1971 г. Тираж 2655 экз.
Зак. 2618 Формат бумаги 70×208¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0+1вкл. Бум. л. 10 Уч.-изд. л. 31,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10